Оглавление

Борис Николаевич Флоря 9
Труды Бориса Николаевича Флори 16

М. А. Васильев
Была ли новгородская Перынь местом официального капища Перуна при князе Владимире? (К обсуждению проблемы) 29

В. Н. Виноградов
Монархии румынских Гогенцоллернов и Романовых: черты сходства и различия 53

А. А. Горский
О «племенной знати» и «племенах» у славян 61

С. А. Иванов
Житие Прокопия Вятского. Editio princeps. 70

И. И. Калиганов
Из истории культурных связей между южными славянами и Россией в XVI—XVII вв. (иконы Георгия Нового на Руси). 87

Н. В. Квливидзе
Новооткрытые фрески алтаря церкви Троицы в Вяземах 104

Н. А. Кобяк, Т. А. Круглова
Корпус имен писателей-старообрядцев в книге В. Г. Дружинина «Писания русских старообрядцев»: Подготовка переиздания . . . 126

Л. М. Костюхина
Об одном сборнике Пахомия Логофета с Житием Сергия Радонежского из собрания ГИМ (Палеография рукописи) 133

В. А. Кучкин
Почти «пропавшая» грамота 136

Г. Г. Литаврин
Феофилакт Болгарский между Охридом и Константинополем . . . 179

Н. А. Макаров, Н. А. Охотина-Линд
Сказание о Троицком Усть-Шехонском монастыре
и круг произведений по истории Белозерья 187

В. А. Матвеенко
Два церковнославянских перевода Хроники Георгия Амартола . . 210

Г. П. Мельников
Чешский рукописный сборник рубежа XVI—XVII вв.
из собрания Российской национальной библиотеки
в Санкт-Петербурге. Итоги исследования 232

Л. В. Милов
К вопросу об истории церковного устава Владимира 244

А. С. Мыльников
Роль русско-шведско-немецких контактов конца XVII—
начала XVIII в. в становлении славянских изучений 247

А. В. Назаренко
Правнучка Ярослава Мудрого — мать иконийского султана
Килидж-Арслана II 255

В. Я. Петрухин
К проблеме происхождения древнерусской десятины:
«Ветхий завет» и древнерусская традиция 265

Г. В. Попов
Московские художники в Дмитровском уезде
первой трети XV века 277

Л. Е. Семенова
Научная деятельность Дмитрия Кантемира в России 296

Э. С. Смирнова
Мотивы тератологического орнамента русских рукописей:
«Авторский портрет», «Давид-псалмопевец» 311

Л. А. Софронова
О книге в «Зерцале» М. Рея 336

В. Н. Топоров
О балтийском слое русской истории 349

А. А. Турилов
К изучению Сказания инока Христодула:
датировка цикла и имя автора 412

Б. Л. Фонкич
Две греческие грамоты к Богдану Хмельницкому 428

Л. А. Щенникова
«Богоматерь Благодатное небо» из Архангельского собора
Московского Кремля: Иконография и почитание образа 441

Ю. М. Эскин, И. Граля
«Новины Московские».
Два донесения пограничных старост эпохи Бориса Годунова . . . 454

Борис Николаевич Флоря

Борис Николаевич Флоря (родился 8 декабря 1937 г.) является ведущим специалистом по социальной, этнической и культурной истории западных славян в эпоху средневековья, по истории международных отношений стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVI—XVII вв. Широко известны его работы по отечественной истории X—XVII вв. Им опубликовано свыше 180 научных работ, из них 9 монографий.

Одной из главных областей научного творчества Б. Н. Флори является история международных отношений в Восточной Европе в период позднего средневековья — раннего нового времени. Особое внимание исследователь уделил истории отношений между Речью Посполитой и Русским государством, развитие которых имело первостепенное значение для исторического развития региона. В серии исследований автор рассмотрел наиболее важные моменты в развитии этих отношений на протяжении столетнего периода — от середины XVI — до середины XVII в. Среди этих работ монографии «Русско-польские отношения и Балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в.» (1973), «Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в.» (1978). Выявленный автором материал о проектах соединения обоих государств в рамках одного политического объединения он использовал не только для изучения развития политических отношений между государствами, но и для выявления особенностей политической идеологии правящих элит обоих государств, их представлений о «правильном» общественном устройстве. Эти наблюдения, имеющие важное значение для понимания особенностей русского и польского исторического процесса, дали возможность автору найти ответ на вопрос, почему в начале XVII в. закончились неудачей попытки польских феодалов превратить Русское государство в часть своей политической системы.

В работе «Россия и чешское восстание против Габсбургов» (1986) детально исследовано, как происходило вхождение Русского государства в формирующуюся систему европейских международных отношений на начальном этапе первого общеевропейского конфликта — Тридцатилетней войны.

В ряде работ Б. Н. Флори исследованы и многие аспекты взаимоотношений России и Речи Посполитой с Османской империей во второй половине XVI — первой половине XVII в., прослежена история их поисков сотрудничества в борьбе против Османской империи, которые длительное время оставались безуспешными и лишь во второй половине XVII в. завершились созданием антитурецкой коалиции. Исследование русско-османских отношений первой половины XVII в. позволило Б. Н. Флоре внести важные поправки в существующие представления о внешней политике России этого времени.

Особо следует отметить серию работ Б. Н. Флори о русско-греческих связях первой половины XVII в.: исследователь показал, как на протяжении этого периода складывалось сотрудничество между русским правительством и частью греческого общества, направленное против османов. Под его руководством подготовлен коллективный труд «Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в.» (1990).

Для этого круга работ Б. Н. Флори характерно постоянное использование неопубликованных архивных материалов, широкие обобщения, умение показать исследуемые явления в связи с развитием системы международных отношений в целом.

Б. Н. Флоря является также автором ряда работ по истории украинского народно-освободительного движения конца XVI — первой половины XVII в. и русско-украинских связей этого времени. Наиболее значительно по данной теме его исследование, опубликованное как часть коллективной монографии «Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства» (1982). Помимо введения в оборот новых архивных материалов по истории русско-украинских отношений следует выделить (как характерные черты этого круга работ) осуществленное впервые в отечественной литературе исследование политической идеологии народно-освободительного движения, впервые установлены также — благодаря привлечению русских архивных материалов — особенности «массового сознания» низов украинского общества.

Б. Н. Флоря является одним из наиболее крупных специалистов в нашей стране в области изучения этнического самосознания эпохи

средневековья. Для подготовленного сотрудниками отдела средних веков Института (в сотрудничестве с лингвистами) цикла исследований по истории этнического самосознания славянских народов в эпоху средневековья им написаны очерки о развитии этнического самосознания чешского народа в IX—XIV вв. и польского народа в XV в. В этих разделах убедительно показана динамика перехода от сознания принадлежности к племенному союзу к сознанию принадлежности к народности, действие тех факторов, под влиянием которых этот переход произошел, показаны различия в характере этнического самосознания разных общественных слоев. Особенно следует отметить наблюдения автора, касающиеся изменений оценочных критериев образованной элиты в условиях крупных сдвигов в сфере культуры, происходивших в Цетральной Европе в эпоху позднего средневековья.

Из этого круга работ следует выделить написанные для того же цикла исследования по истории этнического самосознания восточных славян. Автор подверг убедительной критике традиционный для отечественной литературы тезис, что существование единой восточнославянской этнической общности завершилось в конце XIV в.

Видное место в научном творчестве Б. Н. Флори занимают исследования по истории раннего средневековья. Среди них следует выделить его вклад в написание подготовленного международным коллективом исследования «Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI—XII вв.)» (1991), для которого и было написано специальное исследование по истории зарождения государственности у полабских славян и обобщающие разделы, посвященные зарождению государства и формированию общественно-политической идеологии. Обобщая наблюдения коллег, исследователь сформулировал положение, согласно которому раннефеодальные государства этого региона возникли в результате узурпации новой социальной элитой — дружиной — общественных функций племенных союзов и благодаря опоре на централизованную систему эксплуатации. На основе этих представлений исследователь предложил свою оригинальную типологию раннефеодальных государств на территории Центральной и Юго-Восточной Европы, что позволило Б. Н. Флоре предпринять сравнительно-исторические исследования путей формирования и развития феодальной государственности в Древней Руси и у западных славян. В исследовании «Служебная организация и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян (1992)» запад-

нославянские параллели позволили реконструировать историю существования у восточных славян важного социального института, о котором ранее практически ничего не было известно. В монографии «Отношения государства и церкви у восточных и западных славян» (1992), сопоставляя западнославянские и древнерусские материалы, ученый показал общность путей развития Руси и стран Центральной Европы в эпоху раннего средневековья и резкое расхождение их судеб в последующее время, когда общественный строй стран Центральной Европы сближается с западноевропейским, а строй Руси развивается по пути самостоятельной эволюции традиционной модели. Методы сравнительно-исторического исследования использованы Б. Н. Флорей и при изучении крупных проблем русской истории XV—XVI вв. для выявления специфических черт русского исторического процесса. Примером могут служить такие работы, как «Эволюция иммунитета светских феодалов в период образования единых Польского и Русского государства» (1974), «Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве второй пол. XV — начала XVII в.» (1977), «Формирование сословного статуса господствующих классов Древней Руси» (1983).

К работам по истории раннефеодальной государственности тесно примыкает исследование о принятии христианства в Великой Моравии, Чехии и Польше, выполненное как часть труда «Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси» (1988). Проделанная здесь работа по изучению процесса христианизации западных славян (от изменения погребальных обрядов до сложных перемен в отношениях общества и власти) позволила в дальнейшем, в заключительной части труда, акцентировать внимание на специфических особенностях процесса христианизации Киевской Руси.

Б. Н. Флоря является также выдающимся знатоком древнейших памятников славянской письменности. В книге «Сказания о начале славянской письменности» (1981) он дал новый перевод таких памятников, как созданные в IX в. Пространные жития создателей славянской письменности — Кирилла и Мефодия — и обширный комментарий к ним, в котором не только проанализирована огромная литература XIX—XX вв., посвященная данной проблеме, но и предложены свои оригинальные решения многих спорных вопросов. В дальнейшем Б. Н. Флоря выполнил специальное исследование, посвященное рукописной традиции этих памятников. Ему принадлежат также переводы и источниковедческие исследования ряда более поздних памятников,

содержащих сведения о возникновении славянской письменности. Для оценки исторической роли славянской письменности большое значение имеют сравнительно-исторические работы Б. Н. Флори, в которых развитие славянской письменности сопоставлено с зарождением письменности на «местных» языках в Западной Европе IX—XI вв.

В последние годы значительное внимание Б. Н. Флори привлекает история сложных и драматических отношений между приверженцами двух главных христианских конфессий (католической и православной) и влияние этого противостояния на историческое развитие Восточной Европы. Данная проблема рассмотрена Б. Н. Флорей на большом хронологическом протяжении. Находится в печати его книга «*У* истоков конфессионального раскола славянского мира (XIII век)», где ученый показал, как и под воздействием каких факторов антагонизм двух конфессий стал оказывать определяющее влияние на взаимоотношения православной и католической части славянского мира. В 1997 г. эта работа была в рукописи удостоена возрожденной премии имени митрополита Макария (Булгакова) для исследований, посвященных истории церкви.

В какой-то степени символично, что эта награда по времени совпала с другой, также связанной с творчеством выдающегося церковного историка XIX столетия. В сентябре Борис Николаевич был награжден Патриархом Алексием II орденом Св. Сергия Радонежского 3-ей степени за участие в подготовке нового издания «Истории Русской церкви» митрополита Макария. Без преувеличения и без комплиментов можно сказать, что комментарии Б. Н. Флори к тому 5 — лучшие в многотомном издании, выпущенном Научно-издательским институтом «Православная богословская энциклопедия» к 850-летию Москвы. Том посвящен истории церкви в Западной Руси с момента окончательного разделения киевской митрополии в середине XV в. до Брестской унии. В комментариях к тому и во вступительной статье к нему Борис Николаевич сделал основательную заявку на новое исследование по истории Православной церкви в Великом княжестве Литовском и в Речи Посполитой в это время. В этой работе (как это обычно у Б. Н. Флори) сфокусировались три аспекта его научных интересов: русская история, полонистика, история церкви и межконфессиональных отношений. Безусловно, полноценный научный комментарий к столь сложной и объемной теме, многие аспекты которой до сих пор остаются в тени, мог сделать только наш юбиляр.

В 1997—1999 гг. вышла из печати подготовленная под руководством Б. Н. Флори коллективная работа «Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — первой половине XVII в.». Вопрос о причинах заключения Брестской унии между западнорусской православной церковью и Римом в течение длительного времени являлся и является в настоящее время предметом ожесточенных споров между разными конфессионально окрашенными историографиями. При этом упор делался и делается на признании определяющего воздействия (полезного или вредного — в зависимости от конфессиональной ориентации исследователей) внешних влияний. Б. Н. Флоря напротив, анализируя внутренние противоречия в западнорусском православном обществе, более убедительно, чем это делалось ранее, сумел объяснить, почему западнорусские епископы обратились к идее унии с Римом и почему такое решение привело к расколу западнорусского общества.

Вторая часть исследования, выполненная под руководством того же автора, посвящена историческим последствиям Брестской унии. Здесь автор поставил задачу изучить на основе неопубликованных архивных материалов такую новую в историографии проблему, как различия в восприятии религиозного конфликта сознанием разных социальных слоев западнорусского общества — и притом не только его верхов, но и низов.

Еще ранее была завершена работа над средней частью своеобразного триптиха по истории межконфессиональных отношений в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе в XIII—XVII вв. — монография о Феррaро-Флорентийской унии, которая в скором времени должна выйти в свет. Первоначально она задумывалась как коллективная, но в результате вся тяжесть исполнения поставленной задачи пала на плечи юбиляра. И здесь (приходится повторить как рефрен) одна из важнейших для истории России в политическом и культурном отношении проблема рассмотрена как часть узла международных проблем второй четверти XV в. и ситуаций, сложившихся в Византии, Великом княжестве Литовском и других странах православного мира и конфессионального пограничья.

Кроме того под руководством Б. Н. Флори завершена работа над книгой «Судьбы славянской письменности после Кирилла и Мефодия», являющаяся продолжением его исследований 80-х годов.

Завершил Б. Н. Флоря и работу над биографией Ивана Грозного для серии ЖЗЛ. Все это позволяет с удовлетворением констатировать,

что Б. Н. Флоря — ученый-универсал — находится в зените своих творческих сил.

Главная черта Бориса Николаевича как ученого — невероятная исследовательская «жадность». Он относится к своей работе азартно, страстно. Он может увлечь интересующей его проблемой любого, самого равнодушного зрителя. Второе, что отличает Бориса Николаевича от многих коллег,— это умение поставить всякий факт в широкий исторический контекст. Он обладает удивительным комбинаторным мышлением: вдруг, прямо на глазах собеседника, разрозненная мозаика явлений под руками Бориса Николаевича превращается в стройную, непротиворечивую картину. Всякий, кто был тому свидетелем хоть раз, никогда этого не забудет.

Флорю отличает редкая доброжелательность к коллегам. Он готов радоваться всякому, даже скромному успеху товарища и искренне переживает чужие неудачи. Единственное, чего он не может стерпеть,— это халтуры, научного вранья. То разочарование, которое он испытывает при виде чужой недобросовестной работы, столь неподдельно, что бьет халтурщика наотмашь, страшнее любой брани.

Эрудиция Б. Н. Флори всегда поражает и иногда попросту подавляет. Кажется, что он знает все про историю любого периода и любого народа, при этом он очень строго отделяет то, чем занимается как специалист, от того, что помнит как эрудит. Дилетантизм в любой форме ему глубоко претит, но он готов глубоко уважать любое знание в другом человеке и ценить каждого за ту эрудицию, которой тот обладает, какова бы она ни была.

И последнее. Всякое жизненное занятие, любая профессия со временем обрастает рутиной. Многие ли из тех, кто называет себя учеными, могут положа руку на сердце сказать, что они никогда не изменяли мечте о научном поиске, которая владела ими в юности? Наука, становясь местом работы, утрачивает для многих романтический ореол. Но только не для Флори. Он сейчас так же твердо знает, кто он и что хочет делать, как и сорок лет назад. Для него наука — не конгрессы, не слава, не карьера. Это его жизнь. Вне ее он себя не мыслит. Борис Николаевич — это тот абсолютный камертон, на котором каждый коллега может проверить любую гипотезу, обкатать любой текст. И мы пользуемся этим, подчас не задумываясь о том, что отнимаем время у великого человека. Да, эти слова, захватанные до полного обесценивания, нужно не стесняясь произнести. Борис Николаевич — великий

человек, и мы, его коллеги, счастливы, что нам выпало работать рядом с ним. Пусть судьба подарит ему много лет для новой плодотворной работы. С днем рождения, Борис Николаевич!

Труды Бориса Николаевича Флори

Монографии

1. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в XVI — нач. XVII в. М.: Наука, 1973.
2. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — нач. XVII в. М.: Наука, 1978.
3. Сказания о начале славянской письменности. М.: Наука, 1981.
4. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М.: Наука, 1982. (Соавторы: В. Т. Пашуто, А. Л. Хорошкевич)
5. Россия и чешское восстание против Габсбургов. М.: Наука, 1986.
6. Отношения государства и церкви у восточных и западных славян. М.: Наука, 1992.
7. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII век). Публикуется в журнале «Исторический вестник» (М., Воронеж). Вышли гл. 1 (1999. № 2), 2 (1999. № 3—4).
8. Иван Грозный (серия ЖЗЛ). М.: Молодая гвардия, 1999.
9. Судьбы славянской письменности после Кирилла и Мефодия (Жития Климента Охридского в культурно-историческом контексте). СПб.: Алетейя, 2000 (соавторы: С. А. Иванов, А. А. Турилов).

Разделы в коллективных трудах

10. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.: Наука, 1982:
   1. Древняя славянская этническая общность. (Соавторы: В. Д. Королюк, Г. Г. Литаврин)
   2. Самосознание великоморавской народности.
   3. Формирование самосознания древнерусской народности. (Соавтор: А. И. Рогов)
   4. Формирование этнического самосознания раннефеодальной чешской народности.

11. Древние жития Кирилла и Мефодия. София, 1986:
   1. Рукописная традиция памятников Кирилло-Мефодиевского цикла (итоги и задачи изучения).
   2. Пространное житие Константина-Кирилла Философа. Перевод и комментарии.

3. Пространное житие Мефодия. Перевод и комментарии.
4. Похвальное слово Кирилла и Мефодия. Перевод и комментарии.
5. Краткое житие Кирилла. Перевод и комментарий.
6. Краткое житие Мефодия. Перевод и комментарий.

12. Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М.: Наука, 1988:

Введение. (Соавтор: Г. Г. Литаврин)

Глава V. Принятие христианства в Великой Моравии, Чехии и Польше.

Глава IX. Общее и особенное в процессе христианизации стран региона и Древней Руси. (Соавтор: Г. Г. Литаврин)

13. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М.: Наука, 1989:

Этническое самосознание чешской феодальной народности в XII — нач. XIV в.

14. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Комментарии. М.: Наука, 1989:

Гл. 9 (коммент. 20), 30—31 (соавтор: О. А. Акимова); 33 (соавтор: О. В. Иванова), 37 (соавтор: Т. М. Калинина), 4 (соавтор: В. П. Шушарин)

15. Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в. М.: Наука, 1989.

Введение, заключение

К истории установления политических связей между русским правительством и высшим греческим духовенством (на примере константинопольской патриархии).

Приложение I—II. (Публикация документов)

16. Государство и общество у полабских и поморских славян. Эволюция социальных и общественно-политических структур и возникновение государства. М.: Наука, 1991:

Образование государства и формирование общественно-политических идеологий в славянских странах.

Социальные противоречия и классовые движения в славянском обществе в VII—XI вв.

17. История Европы. Т. II. М.: Наука, 1992:

Социально-экономические отношения в Центральной Европе (VI—XI вв.).

Государство и социальный строй в Центральной Европе (VI—XI вв.).

Аграрные отношения в Центральной Европе (XII—XV вв.).

Социально-политическое развитие стран Центральной Европы в XII—XV вв.

18. История Европы. Т. III. М.: Наука, 1993:

Политические структуры и политическая борьба в Центральной Европе в конце XV — первой половине XVII в.

Реформация и контрреформация в странах Центральной Европы (XVI — сер. XVII в.).

Международные отношения в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе.

19. Очерки по истории Украины. Пособие к курсу лекций. Вып. I. М.: МГУ, 1993:
Украинское казачество и шляхетская Речь Посполитая во второй половине XVI — XVII в.
Казачество и религиозная борьба на Украине в первой половине XVII в.

20. Этническое самосознание славян в XV столетии. М.: Наука, 1995:
Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII—XV веках.
Самосознание польской народности в XV веке.
Общее и особенное в этническом самосознании славян в XV веке.

21. Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — начале XVII вв. Ч. 1. М.: Индрик, 1996:
Кризис организационных структур православной церкви в XVI в.
Положение православной и католической церквей в Речи Посполитой. Развитие национально-конфессионального сознания западнорусского православного общества во второй половине XVI в. (Соавтор: С. Г. Яковенко)
Восточные патриархи и западнорусская церковь.
Внутренний кризис в православном обществе и проекты унии с Римом 90-х гг. XVI в.
Подготовка Брестской унии и политика духовной и светской власти Речи Посполитой.
Подготовка Брестской унии и Ватикан. (Соавтор: С. Г. Яковенко)
Раскол западнорусского православного общества на два лагеря.

22. Очерки истории славянских культур. Т. I. М.: Индрик, 1996:
Формирование государственности: связанные с этим процессы и идеологические представления. Возникновение славянской письменности. Исторические условия развития.
Литература Великой Моравии.
Формирование славянских народностей. Их этническое самосознание в эпоху раннего средневековья.
Дифференцирующие и интегрирующие процессы в культуре славянских народов эпохи раннего средневековья.

23. История славянских литератур. М.: Индрик, 1998. Т. 1:
Литература Великой Моравии.

24. Османская империя и страны Центральной Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 1. М.: Памятники исторической мысли. 1998:
Османская Империя, Крым и страны Восточной Европы в конце XVI-начале XVII в.
Османская империя и государства Центральной и Восточной Европы в первые годы Тридцатилетней войны.
Османская империя, Крым и страны Восточной Европы в 20-х — начале 30-х гг. XVII в.
Османская империя, Крым и страны Восточной Европы в 30-х — 40-х гг. XVII в.

25. Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — первой половине XVII в. Ч. 2. (Исторические последствия события). М.: Индрик, 1999:

К вопросу об исторической альтернативе Брестской унии. (Соавтор: А. А. Турилов)

Осмысление конфликтов, вызванных Брестской унией 1596 г. верхами православного белорусского и украинского общества.

Вопрос о «новой унии» в украинско-белорусском обществе 20-х — 40-х гг. XVII в.

Отражение религиозных конфликтов между противниками и приверженцами унии в «массовом сознании» простого населения Украины и Белоуссии в первой половине XVII в.

Народно-освободительная война украинского народа и отношения католической, униатской и православной церквей в Восточной Европе в середине XVII в. (Соавтор: Л. В. Заборовский)

Статьи, тезисы

26. О некоторых источниках по истории местного управления в XVI в. // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963.

27. Из истории русско-фландрских торговых связей в XVI в. // Средние века. М., 1964. Вып. 26.

28. Из истории экономических связей России с западно-славянскими землями Габсбургской монархии в XVI в. (чешские, моравские и силезские сукна на русском рынке) // Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М., 1965.

29. Об одном из источников «Трактата о двух Сарматиях» Матвея Меховского // Советское славяноведение. 1965. № 3.

30. Прибалтийские города и внешняя политика русского правительства в конце XVI — начале XVII вв. // Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. М., 1965.

31. Московский иконописец середины XV в. Митрофан по данным письменных источников // Культура Древней Руси. Сб. к 60-летию Н. Н. Воронина. М., 1966.

32. Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей Родины: Памяти акад. М. Н. Тихомирова. М., 1967.

33. О «Летописце Быховца» // Источники и историография славянского средневековья. М., 1967.

34. Кормленные грамоты XV—XVI вв. как исторический источник // Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971.

35. Русско-австрийские отношения на рубеже XVI—XVII вв. (посольство Афанасия Власьева в Империю) // Международные связи стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1971.

36. Rosyjska kandydatura na tron polski w schyłku XVI wieku // Odrodzenie i reformacja w Polsce. W-wa, 1971. T. XVI.

37. Антитурецкая коалиция и бескоролевье 1587 г. в Речи Посполитой // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972.
38. О реконструкции состава древнерусских библиотек // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972.
39. О текстах русско-польского перемирия 1591 г. // Славяне и Россия. М., 1972.
40. Россия, Речь Посполитая и конец Ливонской войны // Советское славяноведение. 1972. № 2.
41. Эволюция податного иммунитета светских феодалов России во второй половине XV — первой половине XVI вв. // История СССР. 1972. № 1.
42. Война между Россией и Речью Посполитой на заключительном этапе Ливонской войны и внутренняя политика правительства Ивана IV // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973.
43. Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске (конец XVI — нач. XVII вв.) // Средние века. М., 1973. Вып. 36.
44. Крестьянское восстание под предводительством И. И. Болотникова и Речь Посполитая // Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.: Проблемы, поиски, решения. М., 1974. (Соавтор: В. Д. Назаров)
45. Несколько замечаний о «Дворовой тетради» как историческом источнике // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974.
46. Эволюция иммунитета светских феодалов в период образования единых Польского и Русского государств. Польша и Русь // Черты общности и своеобразия в истории развития Руси и Польши XII—XIV вв. М., 1974.
47. Skład społeczny soborów ziemskich w państwie moskiewskim w XVI wieku // Czasopismo prawno-historycne. 1974. № 1.
48. О путях политической централизации Русского государства (на примере Тверской земли) // Общество и государство в феодальной России. М., 1975.
49. Россия и походы запорожцев в Молдавию в 70-х гг. XVI в. // Карпато-дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975.
50. Wschodnia polityka magnatów litewskich w okresie pierwszego bezkrólewia // Odrodzenie i reformacja w Polsce. W-wa, 1975. T. XX.
51. Русское государство и русский народ в оценке польских шляхетских публицистов XVI столетия // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976.
52. Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве (вторая пол. XV — нач. XVII вв.) // История СССР. 1977. № 5.
53. Magnateria litewska a Rosja w czasie drugiego bezkrólewia // Odrodzenie i reformacja w Polsce. W-wa, 1977. T. XXII.
54. Великое княжество Литовское и Рязанская земля в XV в. // Славяне в эпоху феодализма. М., 1978.
55. Выходцы из балканских стран на русской службе (конец XVI — нач. XVII вв.) // Балканские исследования. Вып. 3. М., 1978.
56. З історії взаємовідносин українського козацтва і російского уряду (80—90 рок XVI ст.) // Український историчній журнал. 1978. № 8.

57. Родословие литовских князей в русской политической мысли XVI в. // Восточная Европа в древности и в средневековье. М., 1978.
58. Vaclavska legenda a borisovsko-glebovsky kult (schody a rozdily) // Československy časopis historický. Praha, 1978. № 1.
59. О докончании Дмитрия Шемяки с нижегородско-суздальскими князьями // Сб. Актовое источниковедение. М., 1979. (Соавтор: В. А. Кучкин).
60. Проект антитурецкой коалиции середины XVI века // Россия, Польша и Причерноморье XV—XVIII вв. М., 1979.
61. Dymitr Samozvaniec a magnateria polsko-litewska // Odrodzenie i reformacja w Polsce. W-wa, 1979. T. XXIV.
62. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // Куликовская битва. М., 1980.
63. Моравское посольство в Константинополе (нач. 60-х гг. IX в.) // Славянские древности (Этногенез. Материальная культура древней Руси). Киев, 1980.
64. Русские посольства в Италии и начало строительства московского Кремля // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. М., 1980. Вып. 3.
65. О земском соборе 1621 г. // История СССР. 1981. № 4.
66. Проект антитурецкой коалиции в русской внешней политике 70-х гг. XVI в. // Социально-экономич. и политич. история Юго-Восточной Европы до сер. XIX в. Кишинев, 1981.
67. Формирование чешской раннефеодальной государственности и судьбы самосознания славянских племен Чешской долины // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981.
68. Rokosz sandomierski a Dymitr Samozwaniec // Odrodzenie i reformacja. W-wa, 1981. T. XXVI.
69. Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. // Проблемы исторической географии России, Вып. 1. М., 1982.
70. Греки—эмигранты в Русском государстве второй пол. XV — нач. XVI вв. Политич. и культурная деятельность // Русско-балканские культурные связи в эпоху средневековья. София, 1982.
71. Русское посольство в Стамбуле в 1613 году и Речь Посполитая // Советское славяноведение. 1982. № 2.
72. Rokosz sandomierski w świetle rosyjskiego raportu dyplomatycznego // Sobotka. 1982. № 3—4.
73. Молдавская, валашская и греческая феодальная эмиграция в Русском государстве втор. пол. XVI — нач. XVII вв. // Проблемы источниковедения Молдавии периода феодализма и капитализма. Кишинев, 1983.
74. Формирование сословного статуса господствующего класса Древней Руси // История СССР. 1983. № 1.
75. Научная деятельность В. Д. Королюка // Советское славяноведение. 1984. № 3.
76. Владимир Дорофеевич Королюк. Очерк творческого пути // Королюк В. Д. Славяне и восточные романцы. М., 1985.
77. Грюнвальдская битва // Вопросы истории. 1985. № 7.

78. К оценке исторического значения славянской письменности в Великой Моравии // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985.
79. Сказание о преложении книг на славянский язык. (Источники, время и место написания) // Byzantinoslavica. 1985. № 1.
80. Славянская письменность и европейская культура раннего средневековья // Советское славяноведение. 1985. № 2.
81. К вопросу о датировке «Успения» Кирилла // Советское славяноведение. 1986. № 6.
82. О материальном обеспечении церкви на Руси и в западнославянских государствах в период раннего феодализма // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1985 год. М., 1986.
83. Две церковные миссии в Великой Моравии // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Крещение Руси: Сб. тезисов. М., 1987.
84. К вопросу о взаимоотношениях монархии и крупного землевладения на переходе от раннего к развитому феодализму в Центральной и Юго-Восточной Европе // Typologie raně feudálnich slovanských států. Praha, 1987.
85. К изучению русско-османских отношений накануне и во время Смоленской войны // Etudes balcaniques. 1987. № 4.
86. Псковский изорник и мазовецкий кмет // Феодализм в России: Памяти Л. В. Черепнина. М., 1987.
87. «Служебная организация» у восточных славян // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987.
88. Выступление на Круглом столе, посвященном 1000-летию Крещения Руси // Советское славяноведение. 1988. № 6.
89. Государственная собственность и централизованная эксплуатация в западнославянских странах в эпоху раннего феодализма // Общее и особенное в развитии феодализма / Сб. тезисов. М., 1988.
90. Кирилло-мефодиевские традиции в развитии средневековой болгарской культуры // История, культура, этнография и фольклор славянских народов / X Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1988.
91. Об этнических взглядах хрониста Ярлоха // Folia historica bohemica. Praha, 1988. № 12.
92. Образ венгров в исторической традиции их западно-славянских соседей // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний… М., 1988.
93. Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси // Советское славяноведение. 1988. № 5.
94. Этнополитическое сознание немецкого населения Чехии (на материале Збраславской хроники) // Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1988.
95. Christianization of the Nations of Central and South-East Europe and the Conversion of Old Rus // Byzantinoslavica. 1988. T. XLIX, № 2. (Соавтор: Г. Г. Литаврин)
96. К истории переговоров о русско-польском антиосманском союзе 40-х гг. XVII в. // Славяне и их соседи. Международные отношения в эпоху феодализма. Сб. тезисов. М., 1989.

97. Materiały do dziejow polskiej reformacji w moskiewskim Centralnym Archiwum Akt Dawnych // Odrodzenie i reformacja w Polsce. W-wa, 1989. T. XXXIV.
98. Брестские синоды и Брестская уния // Славяне и их соседи. Католицизм и православие в средние века и раннее Новое время. Сб. тезисов. М., 1990.
99. Представления об образовании государства и его основных функциях в русском и западнославянском летописании // Раннефеодальные славянские государства и народности (проблемы идеологии и культуры). София, 1990.
100. Русско-османские отношения и дипломатическая предыстория Смоленской войны // Советское славяноведение. 1990. № 1.
101. «Русь» и «русские» в историко-политической концепции Яна Длугоша // Славяне и их соседи. Этнопсихологический стереотип в средние века. М., 1990.
102. Брестские синоды и Брестская уния // Славяне и их соседи. М., 1991. Вып. 3. Католицизм и православие в средние века.
103. Вопрос об основании московской Патриархии в дипломатическом документе 1591 г. // 400-летие учреждения патриаршества в России. Рим, 1991.
104. К истории русско-османских отношений в середине 40-х гг. XVII века // Etudes balcaniques. 1991. № 2.
105. Рассказы о Кирилле и Мефодии в «Прениях о вере с греками» Арсения Суханова // Studia slavica. К 80-летию С. Б. Бернштейна. 1991.
106. Россия и войско Запорожское в 20-х гг. XVII в. // Slovansky přehled. 1991. № 5.
107. Plany wojny tureckiej Wladyslawa IV a Rosia (1644—1646) // Odrodzenie i reformacja w Polsce. W-wa, 1991. T. XXXVI.
108. Адлюстраванне рэлігійных канфліктаў першай паловы XVII ст. у масавай свядомсці праслаўнага насельніцтва Ўсходняй Беларуси // Наш радавод (Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі «Царква і культура народаў Вялікаго княства Літоускага і Беларуси XIII — пач. XX стст.). Гродна, 1992. Кн. 4. Ч. 2.
109. Бегичев И. И // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3.4.1. (соавтор: О. А. Белоброва)
110. Великое посольство в Данию 1622 г. и русско-датские культурные контакты // Цивилизация Северной Европы. Средневековый город и культурное взаимодействие. М., 1992.
111. Запорозьке козацтво і плани турецькоі війни Владислава IV // Україна: культурна спадщина, національна свідомисть, державність. Київ, 1992. Вип. 1.
112. Материалы к биографии Ивана Бегичева // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1992. Сб. 4.
113. Молоді роки Івана Богуна // Україна в минулому. Київ; Львів, 1992. Вып. 2.
114. Некоторые данные о начале светского портрета в России // Архив русской истории. М., 1992. Вып. 1.
115. Некоторые традиции управления в раннефеодальных государствах Центральной и Восточной Европы и их историческая судьба («служебная организация» и проблемы ее эволюции) // Власть и политическая культура в средневековой Европе. М., 1992. Ч. 1.

116. О значении термина «хохол» и производных от него в русских источниках первой половины XVII в. (эпизод из истории русско-польско-украинских контактов) // Studia polonica. К 60-летию В. А. Хорева. М., 1992.

117. О некоторых аналогиях в развитии древнерусской и западноевропейской общественной мысли в эпоху средних веков // Русская духовная культура. Trento, 1992.

118. Россия и стамбульские греки в годы борьбы за Азов (1637—1642 гг.) // Славяне и их соседи. Османская империя и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и Кавказа в XV—XVIII вв. М., 1992. Вып. 4.

119. «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // Отечественная история. 1992. № 2.

120. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII—XV веках // Славяноведение. 1993. № 2.

121. Русско-польские отношения в годы борьбы за Азов // Славянский сборник. Саратов, 1993.

122. Государственная власть и формирование духовного сословия в средневековой России // Сословия и государственная власть в России XV — середина XIX вв. М., 1994.

123. Исповедные формулы о взаимоотношениях церкви и государства в России XVI—XVII вв. // Одиссей. М., 1994.

124. Запорожское казачество и Крым перед восстанием Богдана Хмельницкого // Исследования по истории Украины и Белоруссии. М., 1995. Вып. 1.

125. Историческая традиция об общественном строе средневекового Полоцка // Отечественная история. 1995. № 5.

126. Кирилло-мефодиевские традиции в «Легенде Кристиана» // Byzantinoslavica. 1995. № 2.

127. Княжеская власть в представлениях тверских книжников XIV—XV вв. // Римско-константинопольское наследие на Руси. Идея власти и политическая практика. М., 1995. (Соавтор: В. А. Кучкин)

128. Kozaczczyzna wobec przemian religijnych na ziemiach ruskich Rzeczypospolitej w latach trzydziestych XVII w. // Mowią wieky. 1995. № 12.

129. Брестская уния 1596 г. и некоторые вопросы конфессиональных отношений на Украине и в Белоруссии в первой половине XVII века // Славяноведение. 1996. № 2.

130. Изменения социального состава населения Московского Кремля в конце XV — начале XVI в. // Средневековая Русь. М., 1996. Вып.1.

131. Изучение истории средних веков // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. (соавтор — Г. Г. Литаврин)

132. О характере византийского влияния на русскую общественную мысль второй пол. XIV — первой пол. XV в. // Revue des etudes sud est europeennes. 1996. № 3—4.

133. Польша как страна «молодой цивилизации» в памятниках общественной мысли XV в. // Путь романтичный совершил. Сб. памяти Б. Ф. Стахеева. М., 1996.

134. Россия, стамбульские греки и начало Кандийской войны // Славяне и их соседи. М., 1996. Вып. 6.

135. Центральная Европа в Европе средневековья // Центральная Европа как исторический регион. М., 1996.

136. La tutelle des autorites seculières sur les monasteres en Russie et en Pologne du X au XVI siécle // Moines et monasteres dans les societes de rite grec et latin. Genève, 1996.

137. The Byzantine historical tradition and the election of Boris Godunov at the russian trone // Act XVIIIth International Congress of Byzantine studies. Moscow, 1991 / Vol. 1. History. Shepherdesstown. 1996.

138. Запорожское казачество и начало Смоленской войны // Mappa mundi. Львів, 1997.

139. Киевская митрополия и Россия в середине 20-х гг. XVII в. // Историко-филологический вестник Украинского института. М., 1997. Т. 1.

140. Національно-конфесійна свідоміст населення Східної України у першой половіні XVII ст. // Берестейська унїя та внутрїшне життя Церкви в XVII ст. Львїв, 1997.

141. О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху средневековья — раннего нового времени // Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1997.

142. Привилеи короля Владислава III православной церкви на территории Польского королевства / Балканские исследования. М., 1997. Вып. 17. Церковь в истории славянских народов.

143. Служебная организация и ее наследие в Московской Руси XVI—XVII в. // Zbornik filozofske fakulty University Komenskeho / Historica. Bratislava, 1997. Roc. 10. № 3.

144. С. Немоевский о Русском государстве и обществе в XVI — начале XVII в. // Russia Mediaevalis. München, 1997. Т. IX. № 1.

145. У истоков конфессионального раскола славянского мира: Древняя Русь и ее западные соседи в XIII веке // Славянский альманах. 1996. М., 1997.

146. Западная империя и ее восточные соседи в восприятии первых западнославянских хронистов // Славяне и их соседи. Вып. 8. Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1998.

147. Кирилло-мефодиевские традиции и униатская иерархия первой половины XVII века // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. М., 1998. Т. 2.

148. Отражение политической мысли польского средневековья в описаниях древнейшего периода истории поляков в польских хрониках // Славяне и их соседи. Вып. 8. Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1998.

149. Положение православного населения Смоленщины в составе Речи Посполитой (20-е — 40-е гг. XVII в.) // Revue des etudes slaves. 1998. № 2.

150. У истоков легенды о королевиче Владиславе // Україна: культурна спадщіна, національна свідомість, державність. Вип. 5. Львів, 1998.

151. Nowy materialy do dziejów powstannia kozackego 1625 r.: Przegląd wshodny. 1998. № 1.

152. К изучению церковного устава Всеволода // Россия в средние века и Новое время // Сборник статей к 70-летию … Л. В. Милова. М., 1999.

153. Леонид Васильевич Милов — ученый и педагог // Там же. (соавторы: М. Б. Булгаков, Л. Н. Вдовина, А. А. Горский)

154. Образ «ляха» в массовом сознании белорусского и украинского общества 1-ой половины XVII в. // Славяне и их соседи: Межславянские взаимоотношения и связи. Средние века — раннее Новое время / Сборник тезисов. М., 1999.

155. Памяти Александра Ивановича Рогова // Славяне и их соседи. М., 1999. Вып. 7. Межконфессиональные связи в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе в XV— начале XVI вв. // Там же.

Обзоры и публикации

156. Торопецкая книга 1540 года // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964. (Соавтор: М. Н. Тихомиров)

157. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. III // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1967. (Соавторы: С. М. Каштанов, В. Д. Назаров)

158. Приходо-расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 1606/1607 г. // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1967. (Соавтор: М. Н. Тихомиров)

159. Новое о Грозном и Курбском // История СССР. 1974. № 3.

160. Артикулы, сказанные через Криштофа Граевского — важный источник по истории русской внешней политики 70-х гг. XVI в. // Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976.

161. Два письма начала XVII в. из Троице-Сергиева монастыря // История русского языка. Исследования и тексты. М., 1982.

162. Nowe źródło do dziejów polskiego parlamentaryzmu XVI wieku // Czasopismo prawnohistoryczne, 1983. № 1. (Соавтор: И. Каневская)

163. Из следственного дела Богдана Бельского // Археографический ежегодник за 1985 год. М., 1986.

164. Послание Иосифа Курцевича князю Григорию Четвертинскому // Славяне и их соседи. М., 1991. Вып. 3.

165. Хрестоматия по истории южных и западных славян. Минск, 1987. Т. 1.

166. Послание Иосифа Курцевича князю Григорию Четвертинскому // Славяне и их соседи. М., 1991. Вып. 3.

167. Иван Грозный — претендент на польскую корону // Исторический архив. 1992. № 1.

168. Три письма о событиях Смуты // Архив русской истории. М., 1993. Вып. 3.

169. Частные письма русских дипломатов XVI века // Исторический архив. 1993. № 3.

170. Новые свидетельства об отношениях населения Украины к евреям первой половины XVII в. // Славяне и их соседи. М., 1994. Вып. 5.

171. Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень — зима 1615) // Памятники истории Восточной Европы. Т. 1. М.; Варшава, 1995.

172. Два послания Г. Власьева царю Михаилу Федоровичу // Славяне и их соседи. М., 1996. Вып. 6.

173. Прерогатива Сигизмунда III смоленской шляхте. К истории религиозной нетерпимости в Речи Посполитой первой половины XVII в. // Kultura staropolska — kultura europejska: Januszewi Tizborowi w 70-rocznice urodzin. W-wa, 1997.

174. Документы походного архива воеводы кн. Василия Дмитриевича Хилкова // Памятники истории Восточной Европы. Т. III. Документы Ливонской войны. М.; Варшава, 1998.

175. Документи російских архівів з історії України. Т. 1. Документи до історії запорозького козацтва 1613—1620 г. Тексти документів підготували Б. Флоря, Л. Заборовський, А. Турилов. Львів, 1998.

176. К истории развития легенды о дарах Мономаха // Славяне и их соседи. Вып. 8. Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1998.

177. Киевская митрополия, Россия и казацкое восстание 1625 г. // Славяне и их соседи. М., 1999. Вып. 7. Межконфессиональные связи в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе в XV—XVII вв.

178. Прерогатива Сигизмунда III смоленской шляхте. К истории религиозной нетерпимости в Речи Посполитой первой половины XVII в. // Там же.

Рецензии

179. Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV — перв. пол. XVI века. М., 1967 // История СССР. 1969. № 3.

180. Wójcik Zb. Między traktatem andrusowskim a wojna turecka. 1667—1672. W-wa, 1968 // Советское славяноведение. 1971. № 2.

181. Angermann N. Studien zur livland politik Ivan Groznyjs. Marburg / Lahn, 1972 // Вопросы истории. 1974. № 9.

182. Tunins F. Czar Iwan's reply to Jan Rokita. The Hague-Paris. 1971 // Russia medievalis. T. II. München, 1975. (Соавтор: В. Т. Пашуто)

183. Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII в. М., 1974 // История СССР. 1975. № 4. (Соавтор: Л. В. Заборовский)

184. Poselstvi z Prahy do Moskvy roku 1589. Praha 1974 // Советское славяноведение. 1976. № 6.

185. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979 // История СССР. 1981. № 6.

186. Rossing N. Romne B. Apocryphal not Apocryphal? Kopenhagen, 1980 // Вопросы истории. 1983. № 3.

187. Přehled dejin Československa (do roku 1526). Praha, 1980 // Советское славяноведение. 1984. № 3.

188. История Литовской ССР (с древнейших времен до наших дней). Вильнюс 1978 // История СССР. 1984. № 3. (Соавторы: Гудовичюс и др.)

189. Повесть о победах Московского государства. Л., 1982 // История СССР. 1984. № 6.

190. О профессиональном уровне книг по истории русской церкви // Вопросы истории. 1988. № 11. (Соавтор: В. А. Кучкин)

191. Яковенко Н. М. Українська шляхта з кінця XIV до середины XVII ст. (Волинь и Центральна Україна). Київ, 1993 // Славяноведение. 1995. № 2.

192. Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992 // Отечественная история. 1996. № 5.

193. От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства. М., 1994 // Отечественная история. 1997. № 4. (Соавтор: И. Б. Юшин.)

Комментирование

194. Вступ. статья и научный комментарий к изданию: Макарий (Булгаков) митр. Московский и Коломенский // История Русской церкви. М., 1996. Кн. V.

М. А. Васильев

Была ли новгородская Перынь местом официального капища Перуна при князе Владимире?

(К обсуждению проблемы)

В 980—988 гг. (хронология «Повести временных лет» [далее — ПВЛ]) великим князем Владимиром Святославичем была проведена общегосударственная языческая реформа, часто называемая в историографии «первой религиозной реформой» этого князя[1] (в отличие от «второй религиозной реформы» — принятия Русью христианства).

В ходе данной реформы в Киеве было создано капище, в котором находились кумиры пяти языческих божеств во главе с Перуном[2], поскольку ядром языческого реформаторства Владимира являлась попытка утверждения Перуна в качестве верховного общегосударственного официального «бога богов» Древнерусского государства.

Вполне закономерно, что аналогичная по смыслу акция была осуществлена дядей великого князя Добрыней во «второй столице» Древней Руси — Новгороде. Согласно статье ПВЛ под 980 г., «Володимеръ же посади Добрыну, уя своего, в НовѢгородѢ. И пришедъ Добрына Ноугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жряху ему людье ноугородьстии аки богу»[3]. В Ипатьевской и ряде других летописей уточняется: «постави Перуна кумира»[4].

В 988 г., накануне принятия Русью христианства, киевское капище было уничтожено, а идол Перуна, в полном соответствии с языческой «проводной» обрядностью, «выпровожен — похоронен» за пределами русских земель[5]. Что касается разрушения новгородского святилища

---

[1] О ней подробно см.: *Васильев М. А.* Великий князь Владимир Святославич: от языческой реформы к крещению Руси // Славяноведение. 1994. № 2.

[2] Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 56 (далее — ПВЛ).

[3] Там же.

[4] Там же. М.; Л., 1950. Ч. 2. С. 325.

[5] Там же. Ч. 1. С. 80—81; *Васильев М. А.* Великий князь Владимир Святославич… С. 45—53.

Перуна, то в ПВЛ это событие не отразилось, однако о нем сообщает Новгородская первая летопись (НІЛ) младшего извода под 989 г.: «Крестися Володимиръ и вся земля Руская; поставиша в Киевѣ митрополита, а Новуграду архиепископа… И прииде къ Новуграду архиепископъ Аким Корсунянинъ, и требища разруши, и Перуна посѣче, и повелѣ влещи в Волхово; и поверзъше ужи, влекаху его по калу, бающе жезлѣемъ; и заповѣда никуда же нигдѣ же не прияти. И иде пидьблянинъ (житель новгородского подгороднего села Пидьбы.— *М. В.*) рано на рѣку, хотя горънци вести в город; сице Перунъ приплы къ берви, и отрину и шистомъ: „ты, рече, Перушице, досыти еси пилъ и ялъ, а нынѣ попловѣ прочь“; и плы съ свѣта окошьное»[6].

Как видим, древнейшие письменные источники дают крайне скудную информацию о местоположении новгородского капища Перуна времени «первой религиозной реформы». Из них достоверно следует лишь то, что Перунов кумир был поставлен Добрыней на берегу Волхова и либо в самом городе, либо выше по течению Волхова, так как село Пидьба расположено вниз по реке от Новгорода. Между тем, согласно Новгородской третьей летописи (НІІІЛ) и сведениям собирателя фольклора Павла Ивановича Якушкина (1820—1872), созданное Добрыней святилище локализуется в Перыни, урочище, находящемся в 4 км от Новгорода, вверх по Волхову, около его истоков из озера Ильмень, на левом берегу реки. Урочище занимает небольшой плоский холм, имеющий господствующее положение над северными низменными берегами Ильменя; в весеннее половодье Перынский холм превращается в остров[7].

Стоящий вне сомнений факт сооружения Добрыней в начале 980-х годов капища Перуна на берегу Волхова и информация НІІІЛ и П. Я. Якушкина повлекли за собой то, что в 1948 г. в Перыни под руководством А. В. Арциховского, а с 1951 г. В. В. Седова развернулись археологические раскопки, причем еще до их начала «была поставле-

[6] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 159—160.

[7] *Седов В. В.* Древнерусское языческое святилище в Перыне // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1953. Вып. L. С. 92; *Носов Е. Н.* Новгород и новгородская округа IX—X вв. в свете новейших археологических данных (к вопросу о возникновении Новгорода) // Новгородский исторический сборник. Л., 1984. Вып. 2 (12). С. 29.

на цель — найти остатки языческого храма» Перуна[8]. Результатом исследований 1951 г., продолженных в 1952 г., стало открытие материальных остатков некоего сооружения, которое было интерпретировано В. В. Седовым как святилище Перуна.

«Центральную часть святилища,— писал В. В. Седов,— составляла приподнятая над окружающей поверхностью горизонтальная площадка в виде правильного круга диаметром 21 м, окруженная кольцевым рвом шириной до 7 м и глубиной более 1 м. Точно в центре круга раскопками выявлена яма от столба диаметром 0,6 м. Здесь стояла деревянная статуя Перуна, которая, как сообщает летопись, в 988 г. была срублена и сброшена в Волхов. Перед идолом находился жертвенник — круг, сложенный из булыжных камней.

Ров, окружавший культовую площадку, представлял в плане не просто кольцо, а ободок в виде гигантского цветка с восемью лепестками. Такую форму придавали ему восемь дугообразных выступов, расположенных правильно и симметрично. В каждом таком выступе на дне рва во время языческих праздников разжигали ритуальный костер, а в одном из них, восточном, обращенном к Волхову, судя по количеству углей и прокаленности материка, горел „неугасимый“ огонь.

В планировке святилища, вероятно, можно видеть геометризированное изображение одного из цветков, посвященных Перуну»[9].

Хотя В. В. Седов прямо не постулировал соотнесенность «первой религиозной реформы» и открытого им «святилища Перуна», но он с первых посвященных памятнику публикаций увязывал перынское капище с известием НПЛ[10], в которой местоположение официального святилища Перуна, разрушенного в финале языческой реформы, приурочено к Перыни. Более категорично высказывались некоторые последующие исследователи. «Святилище Перуна было создано (Добры-

[8] *Конецкий В. Я.* Некоторые аспекты источниковедения и интерпретации комплекса памятников в Перыни под Новгородом // Церковная археология. СПб.; Новгород, 1995. Ч. 1: Распространение христианства в Восточной Европе. С. 80.

[9] *Седов В. В.* Восточные славяне в VI — XIII вв. М., 1982. С. 261.

[10] *Седов В. В.* Древнерусское языческое святилище в Перыни. С. 92, 99; *Он же.* Новые данные о языческом святилище Перуна (По раскопкам Новгородской экспедиции 1952 г.) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1954. Вып. 53. С. 107. См. также: *Он же.* Восточные славяне в VI — XIII вв. С. 261.

ней.—*М. В.*) в сосновой роще у истока Волхова из озера Ильмень; место это до сих пор называется Перынью»[11],— писал Б. А. Рыбаков. По мнению И. П. Русановой и Б. А. Тимощука, «важнейший культовый центр находился в Перыни под Новгородом, где в 980 г. был поставлен идол… Идол Перуна в 988 или по другим сведениям в 991 г. был срублен и брошен в Волхов»[12]. Согласно Е. Н. Носову, культовый центр в Перыни существовал задолго до 980-х годов, а Добрыня «поставил в 980 г. статую Перуна как верховного божества на месте уже действовавшего капища»[13].

Экспедициями 1952—1953 гг. рядом с первым памятником были частично раскопаны сходные по форме следы еще двух, которые некоторые ученые, в том числе В. В. Седов, уверенно трактовали как также капища[14].

Открытие В. В. Седовым новгородского «святилища Перуна» было в целом положительно оценено и принято научным сообществом; сам памятник стал рассматриваться как до известной степени «классический» образец культовых языческих сооружений славян.

Однако некоторыми археологами в частном порядке высказывались сомнения в том, что «Перунова кумирня» в Перыни — это именно языческое капище, а не остатки некогда снесенных курганов — сопок[15]. Нельзя не отметить, что и В. В. Седов еще в публикациях 1953 и 1954 гг. результатов раскопок в Перыни указывал на большую близость «перынского культового сооружения» с «курганной архитектурой языческих славян»[16].

---

[11] *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 253.

[12] *Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Языческие святилища древних славян. М., 1993. С. 28.

[13] *Носов Н. Е.* Новгород и новгородская округа… С. 30. См. также: *Он же.* Городище и Новгород в IX—XII вв. (замечания о социально-топографической структуре древнерусского города) // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1988. Вып. 11. С. 19; *Он же.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 178—179.

[14] *Седов В. В.* Новые данные… С. 107—108; *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. С. 256—257; *Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Языческие святилища древних славян. С. 28.

[15] См.: *Клейн Л. С.* О древнерусских языческих святилищах // Церковная археология. Ч. 1. С. 72—73.

[16] См.: *Седов В. В.* Древнерусское языческое святилище в Перыни. С. 103; *Он же.* Новые данные… С. 107—108.

Бытовавшие среди части археологов сомнения в правильности атрибуции найденного в Перыни археологического памятника были оформлены в статье 1995 г. В. Я. Конецкого, который усомнился в «однозначности принятого толкования»[17].

Аргументация исследователя новгородских древностей сводилась к следующим положениям:

1) при малом угле наклона и небольшой глубине рва четко выделить его восьмилепестковую форму невозможно; методика графической реконструкции «лепестков» выглядит достаточно искусственной; сравнение В. В. Седовым «восьми лепестков» рва с изображением посвященного Перуну цветка — романтическое объяснение, которое «вряд ли может быть принято всерьез»;

2) «следы кострищ во рву, безусловно, присутствовали, но говорить с уверенностью о четкой системе их расположения… затруднительно»;

3) столб в центре остатков «капища» скорее всего принадлежит позднему сооружению[18].

Но главное же обстоятельство, полагал В. Я. Конецкий, заключается в том, что раскопки 1952—1953 гг. выявили еще два кольцеобразных рва, причем все три рва — включая «восьмилепестковый» — оказываются вытянуты в одну линию[19].

Отметив указанные выше курганные аналогии В. В. Седова перынскому «святилищу», В. Я. Конецкий полагал, что «этот путь исследования был верным. Но только после того, как на рубеже 1970-х и 1980-х годов был раскопан ряд разрушенных сопок, от которых сохранились лишь основания, окруженные рвами, стало ясно, что же именно находилось в Перыни. Речь может идти о группе сопок, насыпи которых до нашего времени не сохранились. Действительно, в настоящее время такие детали, как деревянные столбы в центрах основания сопок, кострища и каменные вымостки во рвах воспринимаются как достаточно характерные детали сопочной архитектуры. Трактовка перынского комплекса в качестве остатков разрушенных сопок представляется весьма вероятной еще и потому, что взаимное расположение „рвов“, открытых раскопками, соотносится с соотношением между со-

[17] *Конецкий В. Я.* Некоторые аспекты… С. 80.

[18] Там же. С. 82—83.

[19] Там же. С. 83—84.

бой насыпей в типичном сопочном могильнике: в пользу этого говорят и топография памятника, расположенного на возвышенном месте у воды, и размещение насыпей („рвов“) в одну линию (что характерно для сопок), и размеры материковых останцов, и характер рвов, включая их стратиграфию.

Вместе с тем, независимо от окончательного ответа на вопрос о том, что же представляет собой „святилище в Перыни“, была бы крайне желательна публикация этого комплекса археологических объектов (в первую очередь материалов хранящихся в архиве Института археологии РАН масштабных раскопок в Перыни 1953 г.[20] — *М. В.*). Только после такой публикации можно будет решить вопрос о времени, а, следовательно, и о причинах разрушения объектов, составляющих комплекс: было ли это связано с принятием христианства или подчинялось утилитарной цели — строительству храма»[21].

Таким образом, гипотеза об археологически выявленных в Перыни остатках «святилища Перуна» 980-х годов сегодня, кажется, должна быть оставлена. Поэтому и проблема Перыни как места официального капища Перуна при князе Владимире из разряда разрешенных должна быть переведена в дискуссионную плоскость. Но последнее процитированное замечание В. Я. Конецкого — о возможной связи сноса сопок с принятием христианства — вкупе с вековой устойчивостью топонима *Перынь* все же позволяет основательно предполагать, что и на археологическом уровне возможно аргументировать культовый характер Перыни как места поклонения Перуну (в этом контексте, конечно, вне связи с «первой религиозной реформой»).

Действительно, «сопки… как показывают археологические исследования последних лет, представляли собой центры отправления языческих культов,— писал С. Л. Кузьмин.— В ряде случаев… раскопками удалось проследить деревянные столбы, венчавшие насыпи; зафиксированы следы активной ритуальной деятельности (костры, жертвоприношения). Не удивительно, что в ближайшей округе Новгорода, где „крещение“ происходило в экстремальной обстановке, сопки стали объектом гнева „крестителей“. В некоторых случаях сопки были срыты (Деревяницы, Нередица, Перынь, возможно — Хутынь); на их месте либо возникали христианские древнерусские могильники XI—XII вв.

[20] Там же.

[21] Там же. С. 84—85.

с погребением по обряду ингумации, либо строились храмы и основывались монастыри»[22].

В связи с рассматриваемой проблемой нельзя не коснуться и ее лингвистического аспекта. Отметим, что не все просто обстоит с наиболее «сильным» аргументом в пользу трактовки Перыни как места отправления культа славянского громовика — этимологией топонима *Перынь*. С. Л. Николаев и А. Б. Страхов, например, разводили и.-е. **perō(u̯)nos*, **perəu̯nos* ‘гром, бог-громовержец’ и **perūn(v)*- ‘гора’ и возводили др.-русск. *Перынь* (напомним о возвышающемся относительно окружающей местности характере урочища), болг. *Перин планина* и другие формы к слав. **perynь* ‘горная местность’[23]. Исследователи, настаивая на «необходимой осторожности в использовании топонимического материала в реконструкции мифологии», сочувственно цитировали[24] следующее высказывание Н. Ф. Сумцова: «… Шатки местные названия в смысле опоры для построения дохристианской археологии. Названия „Перыно“, „Перынь“, может быть, ничего общего с Перуном не имеют и произошли от какого-либо личного прозвища или заимствованы от других народов»[25].

С. Л. Николаев и А. Б. Страхов указывали на вероятное народно-этимологическое сближение **perūn*- ‘горный’ и **Perunъ* ‘бог-громовержец’, устойчивым атрибутом которого было возвышенное место[26]. В связи с последним суждением заметим, что даже если имело место народно-этимологическое сближение двух разнохарактерных основ, то это не ставит под сомнение культовый характер Перыни как места поклонения Перуну в дохристианскую эпоху.

Большинство авторитетных лингвистов, впрочем, не сомневались в связи рассматриваемого топонима и теонима *Перунъ*. Р. О. Якобсон в небольшой по объему, но фундаментальной по характеру работе

---

[22] *Кузьмин С. Л.* Крещение и христианизация Новгородской земли: акт и процесс по данным археологии // Церковная археология. Ч. 1. С. 88.

[23] *Николаев С. Л., Страхов А. Б.* К названию бога-громовержца в индоевропейских языках // Балто-славянские исследования, 1985. М., 1987. С. 158, 160.

[24] Там же. С. 158, прим. 19.

[25] *Сумцов Н.* Заметки о народной словесности (по поводу «Введения в историю русской словесности» проф. П. В. Владимирова) // Русский филологический вестник. Варшава, 1905. Т. LIII. Вып. I. С. 98.

[26] *Николаев С. Л., Страхов А. Б.* К названию бога-громовержца… С. 158.

1964 г. писал: «…Славянский языковый мир имеет характерную тенденцию к размежеванию мужского суффикса *-ин-ъ* и женского *-ын-ъ*: *Хот-ин-ъ — Хот-ын-ъ*, *Гор-ин-ъ — Гор-ын-ъ*, *Пол-ин-ъ — Пол-ын-ъ*. Соответственно, новгородское капище Перуна называлось *Перынь*, и схожая форма сохранена в балкано-славянской топонимии — *Perin* (< *Перунъ*) *planina*. Ср. также диалектное чередование — перинь — перуника или перунига в болгарском названии растения Iris germanica (серб. *перу́ника* и *бо́гина*)»[27].

О. Н. Трубачев, также считая топоним *Перынь* производным от *Перунъ*, указывал: «От последнего абсолютно регулярно образовывалось производное с формантом *-jь*, засвидетельствованное и в летописях в эпоху принятия христианства: *Перунѧ рѣнь* „Перунова отмель“… Кроме того, можно принять также более архаичный способ производства с продлением гласного (врддхи), как еще индоевропейский и вполне оправданный в культовых местах. В полном виде это выглядело бы как **Перынъ* из **Перунъ*. Фактически засвидетельствованное *Перынь* объяснимо как амальгама обеих словообразовательных моделей, старой и более новой. Другой хороший пример на **Перунъ* / *Перунь* представлен в болгарском языковом ареале, в названии гор *Перин*, *Пирин планина*. Таковы показания форм **Перинъ* / **Перунъ* / **Перунь*»[28].

Далеко идущий вывод в связи с формой женского рода топонима сделал В. Н. Топоров: «На основании внешних и внутренних данных, архаичных или поздних, восстанавливается женское соответствие Перуну — **Перынь*, имя которой совпадает с позднейшим названием святилища Перуна в Новгороде и соответствует имени женского персонажа в ряде других традиций. Этот реконструированный образ должен (в соответствии с „основным мифом“.—*М. В.*) пониматься как жена громовержца…»[29]

---

[27] *Якобсон Р. О.* Роль лингвистических показаний в сравнительной мифологии // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1970. Т. V. С. 612.

[28] *Трубачев О. Н.* Мысли о дохристианской религии славян в свете славянского языкознания // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 13—14.

[29] *Топоров В. Н.* Боги древних славян // Очерки истории культуры славян. М., 1996. С. 165. См. также: *Он же.* Боги // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1. С. 208. Ранее подобные суждения высказывались в совместных трудах В. Н. Топорова и Вяч. Вс. Иванова: *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 106; *Они же.* К реконструкции Мокоши как женского персонажа в славянской версии основного мифа // Балто-славянские исследования. 1982. М., 1983. С. 191.

В данном суждении В. Н. Топорова не может не обратить на себя внимание определенный логико-мифологический диссонанс, а именно: остается не ясно, почему место поклонения мужскому божеству Перуну было наречено именем его мифологической супруги, его мифологического «женского соответствия».

До сих пор, как кажется, языковеды основывались более на реконструкциях и обращали мало внимания на весомый пласт разновременных собственно (древне)русских и иных письменных источников, в которых форма *Перынь* является далеко не единственной.

В Перыни существовал мужской монастырь Рождества Богородицы, упоминаемый в летописях под 1386 г., когда его, вместе с другими 23 монастырями, сожгли новгородцы во время военной угрозы городу со стороны войск Дмитрия Донского (целью акции было лишить московского великого князя потенциальных опорных военных пунктов близ Новгорода); затем в 1552 г., когда монастырь весь выгорел. В 1634 г. Перынский монастырь был приписан к Юрьеву монастырю, в 1764 г.— обращен в приходскую церковь Юрьевой слободы[30].

В статье, рассказывающей о событиях 1386 г., Новгородская четвертая летопись (НIVЛ) говорит о монастыре «на Перыне», варианты — «на Перуни(ѣ)»[31], Софийская первая летопись (СIЛ) — «на ПерунѢ»[32]. О событиях 1552 г. Новгородская вторая летопись сообщает, что «на ПеринѢ монастырѣ выгорѣлъ весь»[33]. С. Герберштейн (и вслед за ним А. Олеарий[34]) писал, что до принятия христианства новгородцы поклонялись идолу Перуна, находившемуся на месте, где ныне расположен Перунский (Perunzki) монастырь[35]. В Хронографе 1679 г., в «Повести о Словене и Русе», говорится о «мѣсте нѣкоем, зовомо Перуня», а чуть ниже тот же топоним дан в форме «Перыня»[36] (ср. у епископа Макария о монастыре Рождества Богородицы, который прослыл

[30] См.: *Зверинский В. В.* Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1890. Т. I. С. 200.

[31] Полное собрание русских летописей. СПб., 1848. Т. IV. С. 94 (далее — ПСРЛ).

[32] ПСРЛ. СПб., 1851. Т. V. С. 241.

[33] ПСРЛ. СПб., 1841. Т. III. С. 456.

[34] *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 128.

[35] *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 150.

[36] ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. XXVII. С. 138.

«в народе под именем *Перыня* или *Перынского*…»[37]). П. И. Якушкин записал в 1859 г. от некоего «старика рыболова» рассказ о Перыни и Перуне (см. далее). Старик вел свое повествование «под самым скитом Юрьевским, известным в народе под именем Перюньского»[38] (далее дважды при передаче слов рассказчика — «скит Перюньской»; упоминается «стариком рыболовом» также «Перюнская церковь»). Любопытно пояснение П. И. Якушкина по поводу передачи им на письме фонетики данного названия: «Это не совсем Перюньский и не совсем Перунский, а звук какой-то средний между у, ю и ы. В книгах монастырь называется Перынь»[39]. В том же «рассказе старика» трижды фигурирует теоним, транслитерированный П. И. Якушкиным как «Перюн»[40]. Поэтому исходную форму наименования монастыря, с поправкой на особенности его произнесения (диалектные? индивидуальные?) «стариком рыболовом», должно принять как *Перунский* (ср. у С. Герберштейна). В изданной в 1852 г. книге А. Ратшина говорилось о монастыре Перынском или Перунском[41]. В «Указателе» 1907 г. к первым восьми томам «Полного собрания русских летописей» обозначен монастырь Перинъ (Перынь)[42].

Таким образом, разновременные и разнохарактерные источники позволяют утверждать, что закрепившаяся к XX в. форма топонимического названия *Перынь* долгое время не являлась единственной и устоявшейся. Они фиксируют продолжительно бытовавший различный характер фонетического оформления его второго гласного — *у*, *ы*, *и*.

Выскажем свою осторожную гипотезу о возможном пути возникновения новгородского топонима в форме именно женского рода. Когда в 988 г. киевский идол Перуна (а таким образом и само это божество) был «изгнан — выпровожен» за пределы Руси, за Днепровскими поро-

---

[37] *Макарий, епископ.* История русской церкви. СПб., 1857. Т. I. С. 152.

[38] *Якушкин П. И.* Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний. СПб., 1860. С. 118.

[39] Там же. С. 118, прим. 1.

[40] Там же. С. 119.

[41] *Ратшин А.* Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 1852. С. 392.

[42] Указатель к первым осьми томам Полного собрания русских летописей. Отдел второй. Указатель географический. СПб., 1907. С. 227.

гами «изверже и вѣтръ на рѣнь, и оттолѣ прослу Перуня Рѣнь, якоже и до сего дня словеть»[43]. Однако в «Мазуринском летописце» (конец XVII в.), автором которого являлся выходец из Новгородской земли Исидор Сназин, бывший членом патриаршего летописного скриптория[44], название отмели передано как «Перыня Рень»[45].

Поэтому можно предположить, что первоначально Перынское урочище могло именоваться, учитывая его топографические особенности и восходящую к индоевропейской архаике связь Перуна с возвышенными местами, например, **Перуня* (> **Перыня*) *хълмъ* (в этой связи, помимо болгарского *Пирин планина*, ср. то обстоятельство, что среди имен южнославянских возвышенностей, сел, дубрав и потоков, засвидетельствованных с раннего средневековья, имеется *Перуня Вес*[46]). Принимая во внимание приведенное ранее замечание О. Н. Трубачева относительно топонима *Перуня Ренъ*, в результате упрощения данного сочетания и изменения его падежной формы мы «абсолютно регулярно» должны были бы получить форму *Перунь* / *Перы(и)нь*, возможно, что через промежуточное *Перуня* / *Перыня*, отразившееся в Хронографе 1679 г. и в труде епископа Макария.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в последнее время В. П. Яйленко было высказано суждение, согласно которому топоним Перынь связан не с именем славянского громовика, а с вепсским *pern* ‘крутой, обрывистый берег реки или озера’ (при эст. *peŕw*, *perv* ‘склон, склон горы, берег’), что позволяет, по мнению автора, восстановить историческую форму вепсской основы *pern* как **perune*, которая и дала слово *Перынь*[47].

Обратимся теперь к рассмотрению письменных источников, которые позволяли связывать перынское «святилище Перуна» именно с «первой религиозной реформой» великого князя Владимира Святославича.

---

[43] ПВЛ. Ч. 1. С. 80.

[44] Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. С. 122—124.

[45] ПСРЛ. М., 1968. Т. XXXI. С. 46.

[46] *Якобсон Р. О.* Роль лингвистических показаний… С. 610.

[47] Подробнее см.: *Яйленко В. П.* Прибалтийско-финская топонимия средневекового Новгорода и его окрестностей // Ономастика и эпиграфика средневековой Восточной Европы и Византии. М., 1993. С. 71—72, 120—121.

Выше указывалось, что наиболее древние памятники — ПВЛ и НІЛ младшего извода — как воздвижение, так и низвержение при Владимире I новгородского кумира славянского громовика с конкретно Перынью не связывают, вообще давая нечеткую топографическую приуроченность местоположения Перунова капища.

Развернутый рассказ о конце «первой религиозной реформы» в Новгороде и низвержении идола Перуна накануне крещения новгородцев содержится в НІVЛ и СІЛ. Оба памятника относятся к XV в. и восходят к общему протографу, составленному, по мнению Я. С. Лурье, во второй четверти XV в. и представлявшему собой общерусский (митрополичий) летописный свод[48].

В интересующей нас летописной статье (в НІVЛ датированной 6497 г., в СІЛ — 6499 г.) оба памятника в качестве источника имели приведенный выше текст НІЛ младшего извода, но с определенными дополнениями (далее курсивом нами выделены основные вставки, отсутствующие в НІЛ младшего извода): «Въ лѣто 6499 крестився Владимеръ и *взя у Фотѣя патриарха, у Царягороцьского, перваго* митрополита Киеву *Леона*, а Новугороду — архиепископа *Акима Корсунянина*… И прииде Новугороду архиепископъ Акимъ и требища разори и Перуна посѣче. И повеле влещи въ Волховъ. И поверзавше ужи, влечахуть и по калу, биюще жезлиемъ *и пихающе. И въ то время въшелъ бяше въ Перуна бѣсъ*: *„О горе! Охъ мнѣ! Достахся не милостивымъ симъ рукамъ“* (очевидная перекличка с текстом статьи под 988 г. ПВЛ, в котором летописец определяет Перуна как беса, обманывавшего людей в образе деревянного кумира; поэтому-то двенадцать мужей Владимира и *били* киевский идол палками, пока его влекли со Старокиевской горы к Ручью (Почайне). «„Велик еси, господи, чюдна дела твоя!“ Вчера чтимь от человѣкъ, а днесь поругаемъ»[49],— с пафосом восклицает автор.— *М. В.*). *И вринуша его въ Волховъ. Он же пловя сквозѣ великы мостъ, веже и палицу свою* [*и рече*: «*На семъ мя поминаютъ Новогородскыя дѣти*»] (заключенная в квадратные скобки «речь Перуна» отсутствует в НІVЛ и в большинстве списков СІЛ[50]; имеется как вставка также в Ермолинской летописи (конец XV в.): «тѣшаитеся, Новгородстии людие, а мене

[48] Подробнее см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая полована XIV — XVI в.). Ч. 2. С. 51 — 52, 57 — 60.

[49] ПВЛ. Ч. 1. С. 80.

[50] ПСРЛ. Л., 1925. Т. V. С. 72, прим. 4.

поминаите»[51], и Уваровской летописи, или «Летописце о 72-х язык» (конец XV — начало XVI в.), в части до 1418 г. сходной с Ермолинской[52]: «Сим тѣшашеся, людие новгородстии, и поминаите мене»[53].— *М. В.*). *Ею же и нынѣ безумнии, убивающеся, утѣху творять бѣсомъ*. И заповѣда никому же нигдѣ же не прияти его». Далее следует совпадающее с НІЛ младшего извода повествование о питьблянине[54]. По замечанию Д. С. Лихачева, «весь этот рассказ производит впечатление составленного на основании народного предания»[55].

Как видно, в общем протографе СІЛ и НІVЛ второй четверти XV в., дополнившем текст НІЛ младшего извода, а также в последующих летописных сводах, использовавших сведения НІVЛ и СІЛ, о связи воздвигнутого Добрыней официального капища Перуна с Перынью не говорится. Поэтому вторую четверть XV в. можно полагать terminus ad quem появления в письменных источниках подобной увязки.

Но она имеется в НІІІЛ. Для нас существенна датировка этого памятника. Первоначальная пространная редакция данной летописи, согласно С. Н. Азбелеву, была составлена в 1674—1676 гг., окончательная — в 1682 г. или ближайшие годы; полный вид краткой редакции НІІІЛ относится к 1682—1690 гг.[56] В. В. Яковлев полагал, что пространная редакция НІІІЛ появилась после 1692 г., краткая — не ранее конца XVII в.[57]

Интересующий нас текст — с незначимыми для темы статьи различиями — совпадает с содержащимся в СІЛ и НІVЛ. Но в нем имеется одна существеннейшая для нас вставка, выделенная далее курсивом: «…И пріиде епископъ Іоаким, и требища разори и перуна посѣче, *что въ Великомъ Новѣградѣ стоялъ на Перыни*, и повелѣ повлещи въ Волховъ…»[58] В частности, именно эта информация предопределила вы-

[51] Там же. СПб., 1910. Т. XXIII. С. 16.

[52] Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. С. 21—22.

[53] ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. XXVIII. С. 19.

[54] Там же. Т. V. С. 72—73. Соответствующий текст НІVЛ см.: Там же. Пг., 1915. Т. IV. Ч. 1. С. 90—91.

[55] ПВЛ. Ч. 2. С. 344.

[56] *Азбелев С. Н.* Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С. 61—68.

[57] Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 2. С. 288—289.

[58] ПСРЛ. Т. III. С. 207. См. также: Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 172.

бор Перыни как места археологических поисков экспедицией А. В. Арциховского — В. В. Седова сооруженного в начале правления Владимира в качестве великого киевского князя «святилища Перуна»[59].

В основу пространной редакции НIIIЛ, вероятно, лег один из списков Новгородской Уваровской летописи (НУвЛ) XVII в., а именно список, хранящийся в БАН (34. 4. 1); пространная редакция НIIIЛ, по мнению В. В. Яковлева, представляет собой, скорее всего, дополненный список НУвЛ[60]. Однако в НУвЛ — насколько о том позволяет судить публикация 1795 г.— интересующая нас вставка отсутствует, содержащийся здесь рассказ о низвержении новгородского кумира Перуна совпадает с таковым в СIЛ и НIVЛ[61]. Поэтому, вероятно, вставку следует отнести на счет хронистов конца XVII в., составивших НIIIЛ.

Следовательно, уже одно то, что имеющаяся в НIIIЛ вставка появилась не ранее конца XVII в.[62], очевидным образом разорвав значительно более ранний текст, делает крайне затруднительной возможность рассматривать ее как аутентичную событиям семивековой давности в контексте именно «первой религиозной реформы» и полагать одной из важнейших источниковых основ трактовки Перыни как места расположения официального капища Перуна в первые годы княжения Владимира I. Ограничимся пока этой констатацией.

Обратимся теперь к другому источнику, привлекавшемуся для обоснования местоположения святилища Перуна[63], созданного и существовавшего в годы проведения «первой религиозной реформы», в Перыни — к рассказу «старика рыболова», записанному 16 января 1859 г. П. И. Якушкиным:

«— Какой это столб стоит?— спросил я старика, указывая на столб, очень похожий на верстовый… Мы в это время были под самым скитом Юрьевским, известным в народе под именем Перюньского.

---

[59] *Седов В. В.* Древнерусское языческое святилище в Перыни. С. 92; *Азбелев С. Н.* Новгородские летописи XVII века. С. 8.

[60] Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 2. С. 288—289, 290.

[61] Российская летопись по списку софейскому Великого Новаграда в продолжение издаваемых манускриптов Библиотеки Академии Наук по ея повелению. СПб., 1795. Ч. 1. С. 81.

[62] *Азбелев С. Н.* Новгородские летописи XVII века. С. 43—44; Словать книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 2. С. 288—289.

[63] *Седов В. В.* Древнерусское языческое святилище в Перыни. С. 92.

— А вот видишь ты, какое дело было,— начал рассказчик.— Был зверь-змияка, этот зверь-змияка жил на этом самом месте, вот где теперь скит святой стоит, Перюньской. Кажинную ночь этот зверь-змияка ходил спать в Ильмень озеро с Волховскою коровницею. Перешел змияка жить в самый Новгород; а на ту пору и народился *Володимер* — князь в Киеве; тот самый Володимер князь, что привел *Руссею* в веру крещенную. Сказал Володимер князь: „всей земле Русской — креститься“. Ну и Новгороду — тожь. Новгород окрестился. Черту с Богом не жить: Новый-Город схватил змияку Перюна, да и бросил в Волхов. Черт силен: поплыл он не вниз по реке, а в гору — к Ильмень-озеру; подплыл к старому своему жилью,— да и на берег! Володимер князь велел на том месте церковь рубить, а дьявола опять в воду. Срубили церковь: *Перюну* и ходу нет! От того эта церковь называется Перюньскою; да и скит тоже Перюньской.

— А столб-то какой?

— Да на то и поставлен: место, где, значит, Перюн из Волхова выскочил…

Позже я узнал,— замечает далее П. И. Якушкин,— что этот „столбочек-памятник“ ни что иное как верстовой столб, поставленный водяною коммуникациею»[64].

Даже подходя сугубо формально, данный рассказ «старика рыболова» нельзя рассматривать как подтверждение существования в Перыни именно официального капища Перуна, созданного Добрыней. Взятый как таковой, данный рассказ, если попытаться трактовать его исторически, дает любопытнейшую картину. В дохристианскую эпоху в Перыни существовало святилище Перуна; затем какое-то Перуново капище было создано непосредственно в Новгороде (змияка «перешел жить» в город) и разрушено после крещения новгородцев; вслед за тем было уничтожено святилище в Перыни, а на его месте воздвигнута церковь. Если принять рассказ старика в качестве аутентичного первоисточника, то, вероятнее всего, созданное капище и было официальным святилищем Перуна, находилось в самом городе[65] и функционировало параллельно с перынским. Это, впрочем, именно *гипоте-*

[64] *Якушкин П. И.* Путевые письма… С. 118—120.

[65] Именно таково было мнение В. Л. Янина и М. Х. Алешковского. См.: *Янин В. Л., Алешковский М. Х.* Происхождение Новгорода (К постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 38.

тическая интерпретация, и для однозначных суждений о связи двух «мест жительства» Перуна — в Перыни и в Новгороде — с «первой религиозной реформой» приведенное П. И. Якушкиным повествование надежных оснований не содержит.

Зачастую в историографии записанный П. И. Якушкиным рассказ называют «местным преданием»[66] или даже расширительно именуют это *единственное* в своем роде записанное за многие десятилетия собирания севернорусского фольклора повествование как «местные предания»[67]. Однако, как мы полагаем, столь прямолинейное решение вопроса в данном случае невозможно.

Нельзя не видеть бросающуюся в глаза неоригинальность рассказа «старика рыболова», зафиксированного в середине XIX в., и его зависимость от «Повести о Словене и Русе» (ПСР) («Сказание о Великом Словенске»), памятника, созданного в первой трети XVII в.[68] «Богатая рукописная традиция ПСР,— писали А. В. Лаврентьев и А. А. Турилов,— целостная в текстологическом отношении (известно не менее сотни списков XVII—XVIII вв.), свидетельствует о популярности памятника по крайней мере с середины XVII в., когда после включения его в начальную часть патриаршего летописного свода 1652 г. он приобрел статус официальной версии древнейшей истории Руси… На протяжении XVIII — начала XIX в. ПСР неоднократно служила образцом и источником провинциальной историографии»[69]. Создателем ПСР, безусловно, являлся человек, близкий новгородской культурной среде[70]; по предположению А. В. Лаврентьева и А. А. Турилова, это был выходец из Старой Русы Киприан, архимандрит располагавшегося недалеко

---

[66] *Миллер Вс.* Материалы для истории былинных сюжетов. X // Этнографическое обозрение. 1892. № 4. С. 129—131.

[67] *Седов В. В.* Древнерусское языческое святилище в Перыни. С. 92; *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. С. 253.

[68] *Лаврентьев А. В., Турилов А. А.* «Повесть о Словене и Русе» («Сказание о Великом Словенске») о происхождении и ранней истории славян и Руси // Славяне и их соседи. Миф и история. Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего средневековья и раннего Нового времени. Тезисы 15 конференции. М., 1996. С. 19. А. Л. Гольдберг датировал ПСР временем до 1650 г. См.: *Гольдберг А. Л.* Легендарная повесть XVII в. о древнейшей истории Руси // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1982. Т. XIII. С. 52.

[69] *Лаврентьев А. В., Турилов А. А.* «Повесть о Словене и Русе»… С. 19.

[70] *Гольдберг А. Л.* Легендарная повесть XVII в. … С. 52.

от Новгорода Хутынского монастыря, в 1626—1634 гг. являвшийся митрополитом Новгородским[71].

Приведем соответствующий фрагмент ПСР по «Мазуринскому летописцу», составленному в конце XVII в. Исидором Сназиным[72]:

«…Больший же сын Словенов Волхов бесоугодник и чародей лют бысть тогда и бесовским ухищрением мечты[73] творя многии, и преобразуяся во образ лютаго зверя крокодила, и залегоша в реце Волхове путь водный и непокаряющихся ему овых пожираше, овых же опровержаше и потопляше. Сего ради людие тогда невегласи окаяннаго того богом нарицаху и Грома его или Перуна нарекоша; и белоруским бо языком гром Перун имянуется. Постави же он, окаянный чародей, нощных ради мечтаний градок мал на месте некоем, зовома Перыня (так же как здесь и далее топоним передан в „Хронографическом рассказе о Словене и Русе и граде Словенске“[74]; Ф. А. Гиляров в составленной на основе различных списков ПСР компиляции дает следующие разночтения: *Перуне*, *Пероня*, *Перуна*[75].—*М. В.*), иде же и кумир Перун стояше. И баснословят о сем волхове невегласи, глаголюще в боги его, окаяннаго, претворяюще, истинно же о сем, окаянном волхове, испытно, яко зле разбиен бысть и удавлен от бесов в реце Волхове. И мечтанием бесовским окаянное его тело несено бысть вверх по оной реце Волхове и извержено на берег против Волховнаго городка, идеже ныне зовется Перыня (данное свидетельство можно трактовать как скрытый намек на то, что к моменту „удавления от бесов“ Волхов-Перун находился не в Перыне, но в ином месте — а вниз по Волхову располагался Новгород.—*М. В.*); и со многим плачем ту от невеглас погребен бысть окаянный с великою тризною поганскою, и могилу насыпаше на нем вельми высоку, яко же обычай есть поганым. И по трех дней окаяннаго того тризнища проседеся земля и пожре мертвое тело

[71] *Лаврентьев А. В, Турилов А. А.* «Повесть о Словене и Русе»… С. 24.

[72] Подробнее см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 2. С. 122—124.

[73] *Мечетъ, мъчьтъ, мечтъ* ‘наваждение, чары’, *мечетный, мечьтеный, мечьтный* ‘происходящий от наваждения, колдовства’ (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1982. Вып. 9. С. 133).

[74] ПСРЛ. Л., 1977. Т. XXXIII. С. 140.

[75] *Гиляров Ф.* Предания русской начальной летописи (по 969 год). Приложения. М., 1878. С. 17.

крокодилово, и могила его проседеся с ним во дно адово, иже и доныне, яко же глаголют, знак ямы тоя не наполнится»[76].

Структурные совпадения этого фрагмента ПСР и рассказа «старика рыболова» разительны и находятся вне сомнений, а двухвековой хронологический разрыв между ними, на наш взгляд, свидетельствует о *безусловной вторичности* записанного П. И. Якушкиным повествования по отношению к ПСР. Таким образом, сам по себе рассказ «старика рыболова» не является чистым продуктом новгородского фольклора, «местным преданием», но имеет отчетливо книжное происхождение. Большая же популярность ПСР в XVII — начале XIX в., многие десятки только сохранившихся ее списков без натяжек объясняют пути знакомства информатора П. И. Якушкина с основной канвой, подвергшейся рационалистическому осмыслению, рассматриваемого фрагмента ПСР (видимо, пересказанного ему кем-то, так как сам старик, кажется, был неграмотен).

О том, что инфильтрация «книжно-исторического» влияния к середине XIX в. в простонародные (и не только) массы уже приобрела, по крайней мере в ряде севернорусских местностей, ощутимый характер, с превращением в элемент местного фольклора, хорошо видно из тех же «Путевых писем» П. И. Якушкина 1858—1859 гг. Так, псковский мещанин А. Ф. Поляков рассказывал исследователю о том, что в псковской деревне Лыбуте появилась на свет «царица благоверная Российская Ольга» (жена князя Игоря), родилась «в крестьянском звании и была перевозчицей». Она вышла замуж за князя «неизвестно за какого»; этого князя убил его двоюродный брат, послов которого, приехавших к вдове со сватовством, Ольга также, в свою очередь, убила — кого в волчьей яме, кого в бане. Ольга ездила в Царьград к «тамошнему царю», матримониальные планы которого княгиня разрушила, став его крестной дочерью[77].

Первоисточник рассказа А. Ф. Полякова вполне очевиден — это Житие княгини Ольги[78], в котором, в частности, присутствует такая инди-

---

[76] ПСРЛ. Т. XXXI. С. 12. См. также: Там же. Т. XXVII. С. 138; Т. XXXIII. С. 140; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1989. Т. I. С. 196; *Попов А. Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869. С. 443 — 444; *Гиляров Ф.* Предания русской начальной летописи… С. 17.

[77] *Якушкин П. И.* Путевые письма… С. 154 — 157.

[78] См., например, хронологически близкое записи П. И. Якушкина издание: Книга житий святых на месяц Июль. 3-е тиснение. М., 1852. См. также: Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димит-

цирующая деталь, как происхождение Ольги из Выбутской веси (позднее село Выбутино или Лабутино, в 12 верстах от Пскова вверх по реке Великой[79]), отсутствующая, скажем, в «Степенной книге»[80]. Типологически для нас существенно то, что записанная П. И. Якушкиным информация, как и рассказ «старика рыболова»: 1) вторична по отношению к исходному ее письменному первоисточнику; 2) получена, вероятно, устным путем[81]; 3) существенно сокращена и пересказана весьма вольно, с искажениями.

В Изборске, далее, местные жители неоднократно рассказывали П. И. Якушкину о том, что здесь княжил Рюрик[82], а изборский священник о. Александр ему даже «показал место, где, по народному преданию, находится могила царя Трувора»[83]. Эти изборские «народные предания», конечно, также не являются плодом «народной памяти» в буквальном смысле тысячелетней глубины, а есть следствие инфильтрации все той же «книжно-исторической» традиции.

Возвращаясь к рассказу «старика рыболова» отметим, что в нем исходная фабула фрагмента ПСР о Волхове-Перуне подверглась определенной местной фольклоризации. Речь идет в первую очередь о «Волховской коровнице», к которой каждую ночь «ходил спать в Ильмень озеро» зверь-змияка. Вс. Ф. Миллер сопоставлял данный сюжет с былинами о Добрыне: «Змияка, находящийся, как эпические змеи, в связи с женщиной (какая-то Волховская коровница), напоминает того Змея-Горынича, который унес Забаву Путятичну или Марью Дивовну и с которым бьется былевой Добрыня»[84].

Однако нашей «Волховской коровнице» ближе иные, более прямые аналогии. В севернорусской фольклорной традиции нередко в качестве зооморфной инкарнации «хозяина» воды, водяного, фигурирует живущая в воде (озере, реке) корова или сам водяной имеет вид коро-

---

рия Ростовского. М., 1910. Кн. 11. С. 302—314; Житие святыя праведныя великия княгини российской Ольги / Сост. по Минеи-Четьи Ив. Ориентов. М., 1864. С. 5—23.

[79] Жития святых… Кн. 11. С. 303, прим. 1.

[80] ПСРЛ. СПб., 1908. Т. XXI, первая половина. С. 7—16.

[81] См.: *Якушкин П. И.* Путевые письма… С. 154.

[82] Там же. С. 169, 172.

[83] Там же. С. 190.

[84] *Миллер Вс.* Материалы для истории былинных сюжетов… С. 130.

вы либо признаки ее облика (он «с коровьими ногами и хвостом», «с двумя изрядной длины рогами», у него «уши длинные, как у коровы»)[85]. (Ср. одну из версий египетского мифа, согласно которой солнечный бог Ра поднимается из океана на небесной корове, которая встала из воды; в индийской мифологии корова Камадхену появилась из океана при его пахтанье (взбивании) богами и асурами.[86])

Что касается непосредственной увязки в рассказе о гибели «зверязмияки» Перуна в Перыни с именем князя Владимира и его деятельностью по христианизации Руси, то и здесь нет веских оснований усматривать сохранение многовековой устойчивой народной традиции о конце «первой религиозной реформы» и разрушении новгородского официального Перунова святилища в Перыни. Ведь факт принятия Русью христианства именно при Владимире Святом был общеизвестен, поэтому мы, вероятнее всего, имеем дело с легко объяснимым развитием рассказа ПСР.

Таким образом, мы полагаем, что и рассказ «старика рыболова», записанный П. И. Якушкиным, также не может рассматриваться как аутентично отразивший конец «первой религиозной реформы» в Новгороде и разрушение созданного при Владимире Святославиче официального капища Перуна в Перыни. Иное дело, что автор ПСР в рассматриваемом фрагменте в том числе наверняка опирался на местную новгородскую легендарно-мифологическую традицию об обитании в Волхове «хозяина» воды в облике змея (отзвуком этой мифологемы может являться отраженная в севернорусском фольклоре связь водяного с определенными видами рыб, особенно «голыми», т. е. без чешуи, рыбами — налимом и змееподобным угрем[87]; вообще же для Волхова, как существа водного, а значит хтонического, змееобразный облик более чем закономерен[88]), в ПСР превратившегося в книжного

---

[85] См.: *Криничная Н. А.* На синем камне. Мифологические рассказы и поверья о духе-«хозяине» воды. Петрозаводск, 1994. С. 11—12; *Петрухин В. Я.* Жертва // Славянская мифология. Мифологический словарь. М., 1995. С. 182; Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и автор коммент. О. А. Черепанова. СПб., 1996. С. 144—145.

[86] *Иванов Вяч.Вс.* Корова // Мифы народов мира. Энциклопедия. 2-е изд. М., 1991. Т. 1. С. 5.

[87] *Криничная Н. А.* На синем камне. С. 9—10.

[88] В этой связи см., например: *Иванов Вяч.Вс.* Змей // Мифы народов мира. Т. 1. С. 468—471.

«крокодила», а также на глубоко укорененную традицию увязывать Перынь / Перунь с поклонением здесь славянскому громовержцу в эпоху язычества, мощно подпитывавшуюся семантической прозрачностью наименования урочища.

Теперь вновь обратимся к вставке в НПЛ и рассмотрим вопрос о ее возможных источниках.

Как уже говорилось, в лежащей в основе НПЛ НУвЛ (БАН, 34. 4. 1), насколько о том позволяет судить публикация 1795 г., данная вставка отсутствует. Следовательно, она появилась уже при непосредственной работе над НПЛ, ведшейся сначала в новгородской церкви или монастыре, куда новгородские книжники Никифор и Максим Клеткины передали нынешний список БАН в 1689 г., и продолжавшейся в Зеленецком монастыре, где список оказался в 1696 г.[89] Та книжно-клерикальная среда, в которой возникла пространная редакция НПЛ, делает, как кажется, маловероятным первое возможное предположение об источнике вставки, а именно — об отражении в НПЛ народной традиции о Перыни как месте почитания Перуна в дохристианскую эпоху.

Второй не исключенный и, может быть, наиболее предпочтительный вариант сводится к тому, что основой для вставки послужил разбиравшийся фрагмент ПСР. Это вполне допустимо хронологически (временной разрыв между известным ныне видом ПСР и НПЛ составляет от примерно четырех до семи десятилетий, в зависимости от датировки появления данных памятников различными исследователями); к тому же следует учитывать чрезвычайную популярность ПСР с середины XVII в. Об этом, в частности, свидетельствует то обстоятельство, что во многих списках краткой редакции НПЛ ей предшествует ПСР. Хотя С. Н. Азбелев указывал, что «легендарная часть» (ПСР) не входила в состав краткой редакции НПЛ, а в списках пространной редакции данной летописи она вообще отсутствует[90], это никак не отрицает большой вероятности знакомства составителей НПЛ с ПСР и использования ими ее информации во вставке.

Третье возможное предположение заставляет обратиться к «Запискам о Московии» австрийского дипломата С. Герберштейна, увидевшим свет в 1549 г. Как известно, он дважды, в 1517 и 1526 гг., в каче-

---

[89] См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 2. С. 167—168, 289.

[90] Подробнее см.: *Азбелев С. Н.* Новгородские летописи XVII века. С. 47 — 54.

стве представителя Габсбургского дома посещал Россию, выступая как посредник на переговорах советников Василия III с послами великого князя литовского и короля польского Сигизмунда I. Еще в отрочестве С. Герберштейн учил язык словен, что затем облегчило для него овладение разговорной русской речью. При написании «Записок» дипломат широко пользовался сведениями, почерпнутыми из устных источников и летописей.

Повествуя в своем труде о Новгороде, С. Герберштейн, в частности, коснулся и его «диковин»: «Некогда новгородцы поклонялись и воздавали особые почести некоему идолу по имени Перун, стоявшему на том месте, где ныне находится монастырь, называемый от этого идола Перунским. Затем, по принятии крещения, они опрокинули его и сбросили в реку Волхов; говорят, будто он поплыл тогда против течения, а около моста слышали голос: „Вот вам, новгородцы, на память обо мне“,— и вместе с этими словами на мост была выброшена его дубинка. И доныне часто случается, что в определенные дни в году раздается Перунов глас, заслышав который граждане того места тотчас же сбегаются и избивают друг друга палками, отчего возникает столь сильное смятение, что начальнику стоит великих усилий усмирить его»[91].

Как отмечал Ю. А. Лимонов, С. Герберштейн пользовался, среди прочих, летописным источником, близким Ермолинской (ЕЛ) и Уваровской (УвЛ) («Летописец о 72-х язык») летописям[92]. Действительно, приведенный текст (за исключением его концевой части, являющейся развитием темы «боев» новгородцев) наиболее близок соответствующим местам ЕЛ и УвЛ (в этой части сходной с ЕЛ), так как в нем имеется вставная «речь Перуна», присутствующая в данных летописях, но отсутствующая в НIVЛ и большинстве списков СIЛ. Выбор же С. Герберштейном из всей летописной статьи, повествующей о низвержении новгородского кумира Перуна, именно данного пассажа, с опущением иных ее частей непротиворечиво объясняется как реализация одной из авторских задач — рассказать европейскому читателю о русских «диковинах».

---

[91] *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 150.

[92] *Лимонов Ю. А.* Герберштейн и русские летописи // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1969. Т. II. С. 216—221, 229. См. также: *Флоровский А. В.* Каким летописным текстом пользовался Герберштейн? // Ученые записки высшей школы г. Одессы. Одесса, 1922. Т. II. С. 79.

Не будем пространно доказывать то, что приведенный текст С. Герберштейна не может рассматриваться в качестве свидетельства того, что разрушенное в Перыни капище было именно тем, которое создал Добрыня в начале «первой религиозной реформы». Более интересно иное. А. В. Флоровский указывал, что летописный свод, которым пользовался австрийский дипломат, ближе всего соответствует, в частности, ЕЛ, НIVЛ, СIЛ, но ни в одной из этих летописей источник С. Герберштейна не повторяется полностью[93]; Ю. А. Лимонов отмечал, что автор «Записок о Московии» использовал памятник, близкий, т. е. не полностью идентичный, ЕЛ и УвЛ[94]. Можно предполагать, что в этом летописном источнике имелись указания на Перынь (Перынский монастырь) как место святилища Перуна. Поэтому не исключено, что составлявшие НIIIЛ книжники имели в своих руках данный не сохранившийся памятник и включили его сведения в НIIIЛ.

Однако такому заключению препятствует то обстоятельство, что в НIIIЛ отсутствуют такая интереснейшая деталь, как плавание кумира Перуна после его низвержения *вверх* по Волхову, а также «речь Перуна». Кроме того, у С. Герберштейна фигурирует все же именно Перунский монастырь, а не просто Перынь.

Между тем именно присутствие столь яркой и характеристической детали, как плавание кумира Перуна вверх по Волхову после его «опрокидывания», чуждой известной летописной традиции, вкупе с привязкой местонахождения Перунова идола к Перыни, выразительно сближает источник С. Герберштейна с соответствующим фрагментом ПСР. Следовательно, можно предполагать, что использованный С. Герберштейном памятник вобрал в себя как летописные сведения, так и определенный местный фольклорный материал, отразившийся также в ПСР.

Впрочем, весома вероятность того, что вся приведенная «летописная конструкция», связанная с источником С. Герберштейна, излишня, и этот источник не обязательно был письменным. Австрийский дипломат мог получить сведения и изустно от какого-то русского, вероятнее всего новгородского, информатора, знакомого с летописями и новгородскими легендами, связанными с Перынью, а также хорошо знавшего новгородские реалии. В пользу этого свидетельствуют ссыл-

[93] *Флоровский А. В.* Каким летописным текстом пользовался Герберштейн? С. 79.

[94] *Лимонов Ю. А.* Герберштейн и русские летописи. С. 216—221.

ка С. Герберштейна, кажется, на устный источник своей информации («говорят»); упоминание не просто Перыни, но именно находившегося здесь Перынского монастыря.

Таким образом, подводя основные итоги проведенного анализа обозначенной проблемы, укажем, что накопленный в последние десятилетия археологический материал позволяет сегодня реинтерпретировать результаты раскопок конца 1940-х — начала 1950-х годов в Перыни и с большой долей вероятности отказаться от трактовки перынского комплекса как «святилища Перуна» времени «первой религиозной реформы»; вместе с тем те же археологические данные делают возможным предполагать культовый характер Перыни в дохристианскую эпоху.

Хотя суждения языковедов-славистов, при всех нюансах, сводятся к констатации производности топонима *Перынь* от имени славянского громовика, но появление прибалтийско-финской, вепсской альтернативы не позволяет, видимо, сегодня считать вопрос окончательно решенным.

Наконец, письменные и фольклорные источники, которые могли бы быть использованы для обоснования расположения официального святилища Перуна, выступавшего в качестве верховного «бога богов» Древнерусского государства в годы проведения «первой религиозной реформы» (сведения С. Герберштейна, НПЛ, ПСР, П. И. Якушкина), как мы стремились показать, не могут служить надежной достоверной базой для категорических суждений подобного рода.

Поэтому, в целом, вопрос о местонахождении бесспорно существовавшего созданного Добрыней и уничтоженного при крещении новгородцев Перунова капища продолжает, на наш взгляд, оставаться открытым.

В. Н. Виноградов

Монархии румынских Гогенцоллернов и Романовых: черты сходства и различия

Мысли об общих чертах двух монархий рождает сходство во многом экономического базиса и общественного строя России и Румынии к 60-м годам XIX столетия, когда молодой Гогенцоллерн-Зигмарингген прибыл в Бухарест.

Для обеих стран характерно запоздалое социально-политическое развитие, сравнительно позднее вступление на путь капитализма, умеренность аграрных реформ 1861 г. в России и 1864 г. в Румынии. В Бухаресте пристально изучали петербургский опыт. Творец аграрной реформы Михаил Когалничану говорил в Национальном собрании 25 мая 1864 г.: «Я не требую для наших крестьян, свободных, как утверждают, более того, что император Александр II и руссское дворянство сделали для рабов, для крепостных. Вы не можете сказать, что вас толкают на проведение коммунистических или социальных мер; от вас добиваются решения, подобного тому, что было принято в самом консервативном государстве Европы».

И после преобразований помещичье землевладение в крупных масштабах продолжало сохраняться. Малоземелье основной массы крестьянства привязывало его к барской усадьбе; медленно изживались отработки.

По некоторым объективным причинам феодальные пережитки в Румынии проявляли большую стойкость. Так, здесь между помещиками и малоземельным крестьянством (т. е. его громадным большинством) вклинилась прослойка арендаторов-посредников, заинтересованных в голой наживе, а не в развитии производства и усовершенствовании агрикультуры. Великое восстание 1907 г. началось с выступлений против арендаторских трестов, и Фишеров, и Юстеров, и это само по себе свидетельствовало, какую дополнительную тяжесть обрушивала на деревню посредническая арендаторская система. Наконец, у российского крестьянства существовала переселенческая отдушина, о ко-

торой румынское не могло и мечтать, да и сельскохозяйственного пространства на душу сельского населения приходилось больше. Несмотря на тяжелое положение российской деревни, таких восстаний, как 1888 г., или крестьянской войны 1907 г. в Румынии, в нашей стране не отмечалось. Очень поздний срок появления законов, способствовавших оформлению прослойки товаропрозводящего, фермерского типа крестьянства (реформы либералов после восстания 1907 г. в Румынии, столыпинские преобразования в России), показывает, что до этого подобной сколько-нибудь заметной и влиятельной прослойки не существовало.

Удержание власти в руках дворянства («боярства») — до 1878 г. в Румынии, до 1917 г. в России — способствовало сохранению сословно-феодальных пережитков. Правда, такого явления, как разорение «дворянских гнезд», в Румынии не отмечалось. Для этой страны характерным являлось стремление нуворишей к приобретению земли, обладание которой приобщало к элите общества, повышало социальный статус, в чем просматривается аналогия с Англией. «Новые помещики» при этом приспосабливались к существовавшей отработочной системе, к аграрному строю, который теоретик социал-демократии реформистского толка К. Доброджану-Геря именовал «неокрепостничеством».

Национальная буржуазия формировалась в обеих странах частично из старого сословия крупных землевладельцев (но в Румынии в большей степени; в России более значительную роль играла разночинская среда).

В обоих государствах происходило насаждение капитализма «сверху» (высокий таможенный барьер для импорта, законодательное оформление поощрения промышленности). Последее особенно ярко проявилось в целой серии законов,— в чем отразилось приобщение торгово-промышленной буржуазии к власти в 70-х — 80-х гг. XIX в. В сфере государственных заказов больше простора для производства открывалось в России из-за широкомасштабного железнодорожного строительства и потока требований для многочисленной армии. Наконец завоевание Средней Азии способствовало расширению внутреннего рынка. Самодержавие учитывало до известой степени интересы буржуазии, удовлетворяя конкретные пожелания капиталистов. В то же время под воздействием рабочего движения предпринимались кое-какие шаги по ограничению труда малолетних, введению фабричной инспекции. Процесс политического самоопределения крупной буржуа-

зии затягивался и проявился лишь в нач. XX в. А пока что предприниматели надеялись на реформирование строя по воле самодержца. Московский голова Б. Н. Чичерин говорил: «Мы не становимся в оппозиционное отношение к правительству, мы не требуем себе прав. Мы спокойно ожидаем, когда власть признает необходимым наше содействие». Показательно, что, напуганные террористическим экстремизмом «Народной воли», капиталисты участвовали в «святой дружине» и «Добровольной охране» во время коронации Александра III. (Лаверычев В. Я. Крупная буржуазия в пореформенной России. М., 1974. С. 148, 153, 155, 158).

Сильная власть самодержавия — важнейший фактор, определявший политическую ориентированность российской буржуазии. Власть обеспечивала общественный «порядок», позволяла проводить курс на жесткую эксплуатацию рабочих. Исследователи отмечают, что в XIX в. буржуазной оппозиции царизму просто не существовало. Она появилась лишь в ходе революции 1905—07 гг., продемонстрировавшей слабость самодержавия.

Стремление к устойчивой монархической власти вполне отчетливо проявилось в помещичье-буржуазной румынской среде к 60-м гг. XIX в. После революции 1848 г. основные ее группировки поправели. Социальная неустойчивость и министерская чехарда в период правления А. И. Кузы (1859—1866 гг.) толкали и в указанном направлеии, о чем свидетельствовал осуществленный «чудовищной коалицией» помещиков и буржуазии переворот и приглашение на престол представителя «крепкой» прусской династии, Карла Гогенцоллерн-Зигмарингена.

Самодержавные поползновения проявлял и Карл, и хотя ему пришлось отказаться от мечтаний об установлении в Румынии княжеско-королевского абсолютизма, парламентский кризис 1870—1871 гг. закончился в его пользу. Он прогнал правительство Иона Глюки, не вызвав сколько-нибудь заметного протеста. Румынская буржуазия превратилась, вне зависимости от ее партийной принадлежности, в консервативную социальную силу.

Т. о. налицо значительные черты сходства (порой — до идентичности) экономической базы, социального строя, социальных устремлений дворянски-буржуазной или помещичье-буржуазной верхушки общества и настроений носителей корон. Но этих факторов оказалось недостаточно для установления не только идентичных, но даже сходственных институтов монархической власти. И тут вступают в силу та-

кие факторы, как менталитет социума, исторические традиции, воздействие западноевропейской общественно-политической мысли и политических институтов.

Что в толще народных масс двух стран был силен монархизм, сомнению не подлежит. В России — в его крайне абсолютистском, самодержавном варианте; тому способствовала тысячелетняя традиция, триста лет правления дома Романовых, что ассоциировалось с превращением страны в великую державу. Террористический экстремизм радикальных сил (народовольцев) рождал в обществе протест и монархические настроения.

В Румынии монархизм существовал у крестьянства в патриархальном варианте, у потомков бояр и буржуазии, обогащенных опытом революции 1848 г. и длительной освободительной борьбы. Самодержавных традиций в Румынии не существовало. За четыре века зависимости от Османской империи ее формы и глубина менялись, но сюзереном всегда оставался султан. Абсолютистские традиции Влада Цепеша и Штефана Великого развития не получили. Соперничавшие боярские группировки апеллировали к Стамбулу, подрывая реальную власть господарей. Фанариотская эпоха добавила к этому национальный компонент — шла борьба за своего соотечественника на престоле. XVIII—XIX века привнесли тираноборческий заряд эпохи Просвещеия и Французской революции в общественное сознание. 1848 год знаменовал экскурс в республиканский строй, как обнаружилось, чрезвычайно поверхностный. Революция не только не дала землю крестьянству, но даже не сдвинула с места решение аграрного вопроса. Высокие идеи революции не материализовались для него ни во что земное. Социальная неустойчивость 50-х гг. способствовала возрождению монархических настроений даже среди руководителей революции, Константин Россетти остался чуть ли не последним из могикан республиканской идеи. Приглашение на престол в 1866 г. иноземного принца явилось поэтому актом закономерным. Республиканское выступление 1870 г. напоминало фарс, а его руководитель Кандиано-Попеску стал позднее… королевским адъютантом. Конституционная монархия как государственный строй, обеспечивавший социальную стабильность, «порядок» в обществе, исключавший борьбу и грызню за высший пост в стране, представлялась привлекательной.

Конституция 1866 г. носила на себе печать заимствования лучших западных образцов и подвергалась резкой критике как «слева», так и

«справа» (вспомним манифест социалистов к юбилею короля Карла I «Сорок лет рабства, нищеты и позора» и неприятие конституции консерваторами-жунимистами). С точки зрения Титу Майореску, история Румынии последних десятилетий — нонсенс, злая шутка, сыгранная с ней обучавшейся в западных университетах молодежью, которая по своему произволу накроила и провела необдуманные и неоправданные реформы, наведя на «Румынию лоск современного общества, к сожалению только лоск!». «Движущая сила этого явления сводится к тщеславному стремлению потомков Траяна походить на иные народы любой ценой, даже если при этом страдает истина. Только этим можно объяснить пороки, разъединяющие нашу общественную жизнь, а именно отсутствие солидной основы воспринятых нами зарубежных форм». (Maioresсu J. Critice. I. Buc., 1967. P. 147—148). Конституция 1866 г. явно не соответствовала социальным, государственно-политическим и юридическим реалиям, сложившимся в стране. В итоге все положения в законодательстве, не соответствовавшие расстановке классовых сил и социально-политической действительности, простонапросто оставались на бумаге. Действовал парламент, но не было народного представительства. До первой мировой войны ни один крестьянин, ни один рабочий не переступал порог собрания на Холме Митрополии, хотя по букве закона они ограниченным избирательным правом пользовались. А ведь даже в российской государственной думе существовали рабочая и крестьянская фракции! Принцип парламентаризма был вывернут наизнанку: не избиратель определял состав парламента, который в свою очередь правительство утверждало, а король назначал правительство, последнее же всегда, усилиями властей и жандармерии, получало на выборах большинство в палатах и формировало угодный себе парламент. До первой мировой войны система ни разу не давала осечки, даже во время визирата И. К. Брэтиану, когда, казалось бы, не было беззакония, перед которым остановился бы кабинет. Когда правительство «изнашивалось» и становилось непопулярным, а то и одиозным, чаще всего по причине коррумпированности, происходила смена партийно-правительственных декораций. Мертвой буквой оставалось все, что выходило за непосредственные интересы буржуазно-помещичьей олигархии; так, спустя полвека после введения закона об обязательном начальном образовании, 82 процента румын оставались неграмотными.

Конституция 1866 г. была сшита не по росту румынского социума, но, как показали события, была сшита на рост. Развитие общества вливалось в готовую правовую норму.

* * *

Совсем иное положение сложилось в России. Идея самодержавия довлела над носителем верховной власти, дворцовыми кругами и значительными слоями дворянства и буржуазии, делала их необыкновенно косными и иммобильными в том, что касалось социальных реформ. Жестокие карательные акции, вроде расстрела демонстрации 9 января 1905 г., твердолобое цепляние за самодержавные принципы свидетельствовали о полной неспособности носителя верховной власти к социальному маневрированию. Призыв союза земских и городских деятелей летом 1905 г. к достижению истинного народного представительства был оставлен без внимания, предложение С. Ю. Витте ввести всеобщее избирательное право, ограничить рабочий день, осуществить распродажу земли крестьянам повисло в воздухе.

Лишь всеобщая забастовка осенью 1905 г., нежелание великого князя Николая Николаевича принять на себя диктаторские функции и отказ С. Ю. Витте встать во главе правительства без определенных сдвигов конституционного плана заставили Николая I издать манифест 17 октября, учредивший Государственную думу и содержавший обещания некоторых преобразований. Но идею конституционной монархии он отвергал до конца. Ослабление власти и реакционная окаменелость царизма побудили определенную часть буржуазии встать в оппозицию (мирную!) самодержавию; оно уже не гарантировало порядка и спокойствия, следовало менять формы управления.

Второй круг испытаний, падавший на годы первой мировой войны, царизм уже не выдержал. Неудачи 1915 г. на фронтах, обострение до крайности социальных и национальных противоречий, недовольство солдатских масс, не понимавших целей войны, что делало ее непопулярной,— все это поставило царскую власть в тупиковое положение, из которого она не сумела найти выход. Такие акции Николая II, как отправка в отставку в 1915—1916 гг. всех министров, склонных к сотрудничеству с Думой, назначение им на смену замшелых ретроградов, позорное цепляние за Григория Распутина, привели к тому, что недовольство стало всеобщим. Кадет В. Маклаков сравнивал царя с бе-

зумным шофером, ведущим автомобиль по краю пропасти. Февральская революция с удивительной легкостью покончила с трехсотлетней монархией Романовых.

Совсем иначе складывалось положение в Румынии. Заложенные в ее конституции принципы парламентаризма и гражданских свобод допускали постепенное их претворение в жизнь без коренной ломки государственного и общественного строя, а при их усовершенствовании. Авторитету монархии способствовало выступление короля Фердинанда против своей собственной фамилии Гогенцоллернов во время войны. Отступать после этого ему было некуда. Сама война воспринималась общественностью как национально-освободительная. Тяжелые поражения 1916 года, потеря большей части территории страны создавали условия для сплочения общества ради освобождения страны. Только таким путем можно было освободить потерянную землю и добиться объединения соотечественников.

Конечно, Фердинанд, воспитанный в традициях непоколебимой верности фамильной чести, пережил личную трагедию, возможно, в какой-то степени его переход на проантантские позиции объяснялся виянием королевы Марии, внучки британской королевы Виктории (и, кстати, дочери великой княгини Марии Александровны; последнее, впрочем, особого значения не имело). Но главное, конечно, состояло в монархическом завете верного служения принявшей его стране, как своего рода божественном предопределении.

Присоединение Румынии к Антанте отрезало для Фердинанда все пути к отступлению. Он был вычеркнут из фамильных списков Гогенцоллернов. Сложилась совсем иная ситуация, нежели в 1878 г., во время русско-румынского конфликта вокруг Южной Бессарабии, когда князь Карл I сказал российскому консулу Д. Стюарту, что у него есть обеспеченное положение «дома», т. е. в Германии. У Фердинанда никакого «дома», кроме Румынии, не оставалось.

Немецкие монархисты жаждали крови и требовали устранить «предателя» с румынского престола. Их остановили австрийцы во главе с руководителем их внешнеполитического ведомства Оттокаром Черниным: если вслед за российской короной покатятся и другие, произойдет их «девальвация», и что же останется от монархического принципа? И, обращаясь к более земным соображениям, австрийцы напоминали, что Фердинанд нужен как высшая инстанция для утверждения навязанного Румынии тягостного Бухарестского мира.

Фердинанд сумел уклониться от этой обязанности; он тянул и медлил и не ставил своей подписи под актом о ратификации, пока с полной очевидностью не обрисовался крах германо-австрийского блока. Авторитет монархии как хранительницы государственной целостности и достоинства нации значительно вырос.

В 1917—1918 гг. Фердинанд сделал немало для выхода страны из казалось бы безвыходного положения. Именно он совершил объезд войск, обещая солдатам-крестьянам землю после окончания войны. Тем самым он продемонстрировал гибкость и способность к маневрированию, что вообще было присуще румынскому истеблишменту, впитавшему опыт, накопленный в столетия османского господства и российского протектората, лавирования между великими державами и умения использовать их противоречия.

Румынская история второй половины XIX — нач. XX в. свидетельствует, на наш взгляд, не только о значении правовых норм для развития социальных отношений (это — банальная истина); важно, чтобы законы давали простор этому развитию, подводя под него юридическую базу и помогая избегать общественных катаклизмов. Оказалось, что монархия проявила себя как достаточно гибкий и способный к эволюции институт государственного строя, в чем немалую роль сыграл личностный фактор.

Аграрные и избирательные реформы 1918—1921 г. означали шаг вперед по пути демократизации и открывали дорогу установлению конституционной монархии в полном смысле этого слова. Румынские Гогенцоллерны на том этапе выдержали испытание временем.

А. А. Горский

О «племенной знати» и «племенах» у славян

Положение о существовании у славян в период до образования государств социальной группы, именуемой (в работах на русском языке) «племенная знать» или «родоплеменная знать», является общим местом в историографии. Действительно, сомнения здесь вроде бы неуместны, поскольку такого рода категория, в которую включают племенных вождей, племенных и родовых старейшин, языческих жрецов — явление общеисторическое. Она хорошо изучена на материалах народов, сохранивших архаичный общественный строй до XIX—XX века. Достаточно документировано существование племенной знати и у европейских народов: древних греков и римлян, германцев эпохи Цезаря и Тацита. Поэтому представляется очевидным: не быть данной категории у славян просто не могло. Признание же ее наличия, казалось бы, естественно ведет и к очерчиванию верхней хронологической границы существования племенной знати — вплоть до образования славянских раннесредневековых государств. И источники не дают основания усомниться в существовании в славянских догосударственных общностях предводителей-князей и жреческой прослойки. Но когда дело доходит до «племенных старейшин», категории, без которой, собственно говоря, невозможно вести речь о видной роли племенной знати (поскольку князь может быть окружен служилой знатью, связанной не с родоплеменными структурами, а отношениями личной верности со своим предводителем, а языческое жречество способно существовать и в государстве), возникают сложности.

Племенную старшину восточных славян долгое время видели в упоминаемых в русском Начальном летописании «старцах» и «старейшинах». Но анализ употребления этих терминов в древнерусской письменности в целом показал, что они являются книжными и не несут информации о реальных общественных категориях[1]. Остаются только упоминания о «лучших» и «нарочитых» «мужах» у древлян в середине X в. Но из контекста рассказа о мести Ольги древлянам (который сам по себе несет легендарные черты и записан через много деся-

тилетий после описываемых событий) неясно, имеются в виду племенные старейшины или члены княжеской дружины (т. е. представители уже новой, служилой знати): во всяком случае те же «нарочитые мужи» именуются однажды и «дружиной»[2]. Что касается служилой знати, то ее наличие в восточнославянском обществе в период формирования Киевской Руси (IX—X вв.) и ведущая роль в процессе государствообразования прослеживаются вполне отчетливо[3].

Может быть, отсутствие надежных свидетельств о племенных старейшинах у восточных славян связано с тем, что древнерусские летописные памятники созданы в конце XI — начале XII в., когда память об этой категории уже стерлась? Обратимся к данным по другим регионам, содержащимся в источниках, синхронных времени формирования славянских государств.

О характере знати в период складывания Польского государства известно из «Записки» Ибрагима-ибн-Якуба (60-е гг. X в.): она представлена тремя тысячами «воинов в панцирях», на содержание которых идет собираемый князем Мешко I налог[4]; речь идет о дружине князя.

Наиболее ранний чешский памятник — древнейшая редакция Жития св. Вячеслава (вторая половина X в., описывает события 20-х гг. X в.) — упоминает «мужей» князей Вячеслава и Болеслава, первые именуются «другами» (т. е. членами «дружины») князя[5]. Имеется в виду, несомненно, служилая знать; она же, очевидно, подразумевается в упоминании Фульдскими анналами под 845 г. homines (людей) чешских князей[6].

«Житие Мефодия» при описании событий в Моравии второй половины IX в. упоминает термин «друг», т. е. опять-таки ед.ч. от «дружина»: им обозначен «советник» князя Святополка[7]. Латиноязычные памятники того же периода именуют моравскую знать терминами optimates («лучшие»), fideles («верные», три известия) князя, nobiles viri fideles («благородные мужи верные») князя, proceres («первые»), populus («люди») князя[8]; преобладают термины, явно указывающие на ее служилый характер.

Однако в одном из источников, связанных с Моравией — «Законе судном людем» краткой редакции — упоминаются «жупаны»[9]. Первоначальное значение этого термина, встречающегося в раннее средневековье также в Хорватии, Сербии, Болгарии и у славян Среднего Подунавья, по мнению большинства исследователей[10],— родовой или племенной старейшина[11]. Главной основой для такой точки зрения служило упоминание Константином Багрянородным у славян ζουπάνοι γέ-

ροντες, обычно переводимых как «старцы-жупаны»[12]. Но анализ употребления Константином, с одной стороны, термина γέροντες, а с другой,— славянской социально-политической терминологии показал, что здесь имеет место, скорее всего, попытка передачи славянского термина «жупаны старейшие» (в смысле «главные») — γέροντες в этом случае не существительное («старцы»), а прилагательное («старейшие»). Данное известие может, следовательно, рассматриваться как свидетельство дифференциации среди жупанов, но не способно служить основанием для мнения о жупане как племенном старейшине. Рассмотрение же всех ранних (до середины X в.) известий о славянских (болгарские жупаны IX в.— протоболгары) жупанах позволяет полагать, что этот термин мог иметь два значения: 1) глава небольшой этнополитической общности, не имевший княжеского титула (Сербия, Среднее Подунавье); 2) представитель верхушки княжеской дружины (Хорватия, Моравия; в одном из вариантов «Закона судного людем» жупаны прямо отождествлялись с «другами» — дружинниками)[13].

Но остаются полабские славяне; считается несомненным, что у них в раннее средневековье племенная знать не просто существовала, но играла ведущую роль в обществе. Иногда полабские славяне IX в. противопоставляются мораванам: у последних в качестве общественной верхушки выступают князь и дружина, в то время как у славян Полабья — князь и племенная знать[14]. Основой для такого мнения является факт применения по отношению к знати ободритов, вильцев и сербов термина primores («первые»)[15], в отличие от мораван, чья знать обозначается преимущественно терминами, указывающими на ее служилый характер. Но такое словоупотребление связано со спецификой источников. Для «Анналов королевства франков», где содержатся сообщения о знати полабских славян, не свойственно применение термина fideles, традиционного в латиноязычных памятниках обозначения служилой знати. Этот памятник отдает предпочтение термину primores для обозначения знати у самых различных народов независимо от ее статуса[16]: к примеру, в одном случае как primores определены франкские графы, т. е. люди явно служилые[17]. В то же время, когда речь идет о военных действиях ободритских князей, выясняется, что их окружает дружина (collecta popularium manus — «отборные люди»)[18].

Итак, оказывается, что за период с конца VIII столетия мы не имеем надежных сведений о наличии у славян племенных старейшин. Обратимся к более ранним данным о славянской знати.

Во второй книге «Чудес св. Димитрия» (VII в.) при описании осады македонскими славянами Фессалоники, имевшей место в 70-е гг. VII в., у славян-стримонцев упоминаются «сильные и выдающиеся тяжеловооруженные воины» (σθεναροὺς καὶ ἐζόχους καὶ ὁπλίτας)[19]; речь, очевидно, идет о дружинниках[20]. В I книге «Чудес» также есть известие (о событиях кон. VI в.), трактуемое как указание на наличие у славян дружинного слоя[21].

У Менандра (вторая половина VI в.) упоминается славянский князь Добрята (Δαυρέντιος, Δαυρίτας) и οἱ ἐν τέλει, а также ἡγεμόνες («начальники»)[22]. Первым термином в Византии обозначалась служилая знать[23], поэтому вероятно, что он был применен Менандром к сходной (по своей связи с правителем) категории, т.е к дружине Добряты. Значение же второго термина неясно; не исключено, что речь идет о племенных старейшинах, но возможны и иные варианты интерпретации 1) ἡγεμόνες — те же люди, что выше названы οἱ ἐν τέλει[24]; 2) ἡγεμόνες вожди племен, подчиненные Добряте как главе межплеменного объединения[25].

У Прокопия Кесарийского (середина VI в.) свидетельства о славянских племенных старейшинах отсутствуют, зато три его известия дают косвенные указания на существование у славян дружин[26].

Наконец Иордан (середина VI в.), повествуя о событиях конца IV столетия, упоминает 70 optimates князя антов Боза[27]. Легендарность известия делает затруднительным определение, о какой категории знати (племенных старейшинах или захваченной в плен вместе с вождем его дружине) идет речь.

Приходится признать, что ясных свидетельств о наличии племенной старшины у славян нет даже для эпохи славянского Расселения — VI—VII вв., зато уже в тот период фиксируется служилая знать, позже игравшая ведущую роль в обществе в период образования государств. Как понимать такое молчание источников? Ведь не существовать вообще племенная старшина не могла. Полагаю, суть проблемы в том, на каком этапе развития общества она существовала.

Сам по себе термин «племенная знать» подразумевает этнополитическую структуру, основой которой являются племена — образования, члены которых связаны общностью происхождения, кровнородственными связями. Именование раннесредневековых славянских догосударственных общностей «племенами» — еще одно общее место в историографии. Поскольку в ряде славянских регионов фиксируется двух-

ступенчатая этнополитическая структура — небольшие образования входят в состав более крупных — для обозначения последних часто употребляется термин «союзы племен». В источниках славянские общности «племенами» не именуются, т. е. речь идет о современном научном термине. Определение раннесредневековой славянской догосударственной этнополитической структуры как племенной также исходит из соображений общеисторического плана — это этап в развитии всех народов. Но при этом не учитывается специфика этнополитической ситуации, сложившейся в Европе в раннее средневековье.

Между этнополитической структурой древних германцев, как она выступает по сведениям Тацита (I в. н. э.) и той, которая существовала в V—VII вв., во время складывания германских государств, континуитета за малыми исключениями не наблюдается: в ходе Великого переселения народов старая структура была разрушена[28]. Есть основания полагать, что у славян происходили аналогичные по сути явления.

Анализ славянских догосударственных этнонимов (т.н. «племенных названий») с точки зрения типологии показывает, что большинство из них появилось в ходе и после славянского Расселения VI—VIII вв. (являвшегося завершающей стадией Великого переселения народов) и скрывавшиеся под ними общности — новообразования, сложившиеся в результате смешения групп разной племенной принадлежности в ходе миграций и на местах нового поселения[29]. Таким образом, этнополитическая структура раннесредневековых славян не может быть признана племенной в собственном смысле этого понятия. Племенной была структура праславянского общества (о которой, в отличие от этнополитической структуры германского общества до начала Великого переселения народов, мы не имеем практически никаких сведений). В результате Расселения она была разрушена и сформировались новые общности, носившие уже в основе не кровнородственный, а территориально-политический характер. Называть их «племенами» или «союзами племен» — неверно фактически.

В 1986 г. автор этих строк предложил использовать для обозначения небольших славянских территориально-политических общностей, имевших свои самоназвания, термин «племенные княжества» (распространенный в историографии, но до сих пор не в качестве замены термина «племя», а скорее параллельно с ним), а для обозначения их объединений — «союзы племенных княжеств»[30] (такой термин был применен в 1982 г. Б. Н. Флорей по отношению к объединению славянских

общностей в Чехии[31]). Подобная терминология, вероятно, не вполне удобна в употреблении, поскольку требует 2—3-х слов, и следует поискать иные термины. У самих раннесредневековых славян особого термина для обозначения догосударственных территориально-политических общностей не было[32]. Но в византийских источниках они именовались «Славиниями» (Σκλαυηνία, Σκλαβυνία)[33]. Возможно, следует отдать предпочтение этому термину, а определения «племенное княжество» и «союз племенных княжеств» употреблять только тогда, когда надо специально подчеркнуть, какой из двух типов Славиний — небольшие догосударственные общности или их объединения — имеется в виду. Не исключено, что могут быть предложены и иные варианты терминологии. Но продолжение использования понятия «племя» будет затемнять картину, поскольку этнополитическая структура раннесредневекового славянства была хоть и догосударственной, но уже постплеменной, являла собой переходный этап от племенного строя к государственному, и формирование славянских государств происходило на основе именно этой переходной этнополитической структуры (а не непосредственно из племенной, как это часто подразумевается в историографии).

В этом свете проясняется и проблема «племенной знати». Она несомненно существовала в праславянских племенах «дорасселенческого» периода. Но в ходе Расселения, в результате слома старой племенной структуры, основная часть старой племенной знати — племенная старшина — утрачивала свои позиции, уступая место новой служилой знати, не связанной с родовыми и племенными институтами, формировавшейся по принципу личной верности предводителю-князю[34]. Именно эта знать заняла ведущие позиции в образовавшихся после расселения территорально-политических общностях и сыграла затем инициирующую роль в образовании славянских государств. «Неуловимость» племенной старшины у раннесредневековых славян объясняется тем, что ее эпоха была позади, пришлась на время, в отношении которого данные об общественном строе славян отсутствуют. К новой эпохе приспособились две другие категории племенной знати — князья и жрецы. Вокруг первых сформировалась дружинная прослойка, благодаря опоре на которую князья увеличили свое влияние, а вторые были востребованы обществом вплоть до христианизации. Однако именовать тех и других «племенной знатью» применительно к периоду после славянского Расселения нельзя, т. к. они в этот период функ-

ционировали в общностях, носивших не племенной, а уже территориально-политический характер.

Таким образом, современные знания о раннесредневековом славянстве требуют, на мой взгляд, отказа от двух устоявшихся традиционных положений — о догосударственной этнополитической структуре славян раннего средневековья как племенной и о видной роли в славянских раннесредневековых догосударственных общностях «племенной» («родоплеменной») знати.

Примечания

[1] *Завадская С. В.* О «старцах градских» и «старцах людских» в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978; *она же*. К вопросу о «старейшинах» в древнерусских источниках X—XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1987 год. М., 1989.

[2] Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 1. Стб. 55—57.

[3] *Горский А. А.* Древнерусская дружина. М., 1989. С. 27—38.

[4] Pomniki dziejowe Polski. Seria II. Kraków, 1946. N. I. S. 50.

[5] Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М., 1970. С. 37—38.

[6] Magnae Moraviae fontes historici. T. I. Brno, 1966. P. 89.

[7] Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971. С. 196.

[8] Magnae Moraviae fontes historici. T. I. P. 98, 126. T. III. Brno, 1969. P. 200—201, 218; *Schwarzmajer H.* Ein Brief des Markgrafen Aribo an König Arnulf über der Verhältnisse in Mähren // Frühmittelalterliche Studien. Bd. 6. B., 1972. S. 57, 62.

[9] Закон судный людем краткой редакции. М., 1961. С. 105, 108.

[10] Историографию см.: *Prohaska V.* Župa a župan // Slavia antiqua. T. XV. Warszawa-Poznań, 1968; *Грачев В. П.* Сербская государственность в X—XIV вв. (Критика теории жупной организации). М., 1972. С. 19—72.

[11] Высказывались, впрочем, сомнения на этот счет: *Kostrenčić M.* Nacrt historije hrvatske države i hrvatskog prava. Zagreb, 1956. S. 138; *Wasilewski T.* Les župy et les županie des slaves mériodinaux et leur place dans l' organisation des états médiévaux // I Międzynarodowy Kongres archeologii slowiańskiej. T. III. Wroclaw; Warszawa; Kraków, 1970; *Malingoudis Ph.* Die Institution des Župans als Problem der frühslawischen Geschichte // Cyrillomethodianum. Thessalonique, 1972—73. Vol. II.

[12] Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 112—113.

[13] *Горский А. А.* К вопросу о происхождении института жупанов у славян // XVIII Международный конгресс византинистов. Резюме сообщений. I. М., 1991;

Gorsky A.A. On the Origin of the Institution of Zhupans among Slavs // Acts 18-th International Congress of Byzantine Studies. Selected Papers: Main and Communications. Moscow, 1991. Vol. I. Shepherdstown, 1996.

[14] Ронин В. К. Славянская политика Людовика Благочестивого // Из истории языка и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1985. С. 19—20.

[15] Annales regni Francorum // Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters. Bd. 5. B., o. J. A. 815, 819, 823, 826. S. 106, 116, 132, 134, 144; Scriptores rerum Germanicarum. Einhardi Annales. Hannoverae, 1845. A. 789. P. 33.

[16] Annales regni Francorum. A. 811, 813, 815, 825, 826. S. 98, 102, 106, 140—141, 144.

[17] Ibid. A. 811. S. 98.

[18] Ibid. A. 809. S. 92.

[19] Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2. М., 1995. С. 166—167.

[20] *Горский А. А.* Древнерусская дружина. С. 26, 95.

[21] *Lowmiański H.* Początki Polski. T.2. Warszawa, 1963. S. 395—396; *Горский А. А.* Древнерусская дружина. С. 26.

[22] Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М., 1991. С. 320—321.

[23] *Иванова О. В., Литаврин Г. Г.* Славяне и Византия // Раннефеодальные государства на Балканах VI—XII вв. М., 1985. С. 49—50; Свод… Т. 1. С. 348.

[24] Свод… Т. 1. С. 348—349.

[25] *Иванова О. В., Литаврин Г. Г.* Указ. соч. С. 49—50.

[26] Свод… Т. 1. С. 189—191; *Горский А. А.* Древнерусская дружина. С. 26, 94.

[27] Свод… Т. 1. С. 114—115.

[28] См.: *Колесницкий Н. Ф.* Донациональные этнические общности (на материале средневековой Германии) // Расы и народы. Вып. 8. М., 1978. С. 24—37.

[29] См.: *Горский А. А.* О переходном периоде от доклассового общества к феодальному у восточных славян // Советская археология. 1988. № 2. С. 120—124; *он же*. Особенности эволюции общественного строя славян в эпоху Расселения (VI—VIII вв.) // Slovańske studie. Bratislava, 1993. № 1—2. S. 4—7.

[30] *Горский А. А.* Феодализация на Руси: основное содержание процесса // Вопросы истории. 1986. № 8. С. 82—83. Определение «племенное» подчеркивает особенности формирования этих общностей — из осколков племен в собственном смысле этого понятия, слово «княжество» — наличие в них княжеской власти, прослеживающееся с момента их образования (он же. О переходном периоде… С. 121).

[31] *Флоря Б. Н.* Формирование этнического самосознания раннефеодальной чешской народности // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 122.

[32] Они именовались названиями, образованными от этнонимов: «Деревы», «Вятичи», «Дреговичи» и т. д. (см.: *Горский А. А.* Русь в конце X — начале XII века: территориально-политическая структура («земли» и «волости») // Отечественная история. 1992. № 4. С. 159. Прим. 11).

[33] См. об этом термине: *Литаврин Г. Г.* Славинии VII—IX веков — социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. В основном он употреблялся по отношению к южнославянским общностям, но Константин Багрянородный именует «Славиниями» и восточнославянские объединения — древлян, северян, дреговичей, кривичей, а также славянские общности, соседствовавшие с Франкским государством в IX в. (Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 44—45, 50—51, 107—109).

[34] Аналогичный процесс происходил и у германцев, втянутых в Великое переселение народов; у тех же из них, кто не покинул места своего обитания (и следовательно, у кого племенная структура не была разрушена миграциями) — скандинавов — племенная знать сохранила свои позиции и утратила их только в «эпоху викингов» IX—XI вв., зачастую после долгой борьбы. (см., напр.: *Лебедев Г. С.* «Эпоха викингов» в Северной Европе. Л., 1985. С. 29—99).

С. А. Иванов

Житие Прокопия Вятского. Editio princeps

Житие св. Прокопия, Вятского чудотворца, не раз использовалось исследователями, пересказывалось[1], но никогда не публиковалось в подлинном виде[2]. Между тем, это весьма интересный и изобилующий живыми подробностями литературный памятник.

Герой жития, Прокопий Плишков, подвизался в юродстве в городах Хлынове и Слободском. Он умер 21 декабря 1628 г. Видимо, сразу после его смерти была собрана первичная информация об основных событиях жизни святого и записаны некоторые чудеса. Но активная деятельность по канонизации Прокопия началась позднее.

В 1656 г. была создана отдельная Вятская и Великопермская епархия. Епископ Александр развернул бурное строительство, возвел церковь над могилой самого знаменитого вятского святого, Трифона[3]. Первая попытка написать житие Трифона была предпринята около 1663 г., к 50-летию его смерти[4]. Еще больший размах приобрело прославление этого святого при архиепископе Ионе Баранове[5]. Заняв кафедру в 1675 г., Иона инвентаризовал все имевшиеся в епархии предания о святых, пересмотрел практику крестных ходов и придирчиво ревизовал дела о канонизации, подозревая во многих обман[6]. Видимо,

---

[1] Жизнь преподобного Трифона и блаженного Прокопия вятских чудотворцев. Вятка, 1886. С. 39—44; С. Васильев, Н. Бехтерев. История Вятского края. Т. 1. Вятка, 1870. С. 133—135.

[2] Правда, Сергий в «Полном месяцеслове Востока» и упоминает об «отдельном издании» (т. 2. 1997. С. 514) жития, но не называет никаких выходных данных.

[3] Васильев, Бехтерев. История… С. 217, 224—225.

[4] В. Я. Струминский. Житие преподобного отца нашего Трифона Вятского чудотворца // Труды Пермской Губернской Ученой Архивной комиссии. 1905. Т. 9. С. 35.

[5] А. В. Эммаусский. Исторический очерк Вятского края 17—18 вв. Киров, 1956. С. 209.

[6] Васильев, Бехтерев. История… С. 231.

кандидатура Прокопия также проходила проверку. Неоспоримый terminus post quem для написания публикуемого здесь текста — 1666 г., когда случилось чудо с Марфой Пушкаревой. Поскольку это — единственное «свежее» чудо в житии, не исключено, что оно было вставлено туда специально для подтверждения святости Прокопия. Гарантом чуда явно выступал Успенский монастырь, в котором был похоронен Прокопий. Эту же гарантийную функцию несет и упоминание о св. Трифоне, якобы отмаливавшем Прокопия в детстве. Большую роль в «продвижении» этого святого сыграл также соседний с Вяткой город Слободской.

Житие Прокопия построено по классическим правилам агиографии: там есть и благочестивые, но бездетные родители, и их молитвы о чадородии, услышанные Богом, и бегство святого из дома в страхе перед браком, и многое другое. Стандартным является и юродствование Прокопия: подобно десяткам других «похабов», он притворяется безумным, ходит по улицам нагим, терпит унижения, молится по ночам, обладает пророческим даром, раздает нищим ту милостыню и одежду, которую дают ему, имеет конфидента — священника Ивана Калашникова,— с которым одним он общается как нормальный человек и которому запрещает разглашать правду о себе и т. д. Однако наряду с житийными штампами, житие изобилует и точными деталями, обычно почти отсутствующими в «юродской» агиографии. В тексте встречается довольно много имен: архимандрит Иона, протопоп Стефан, священноиерей Иван Колашников, священник Екатерининской церкви Иларион, священник Троицкой церкви Михаил, священник церкви Предтечи Иван Юмин, его жена Анисия, юноша Корнилий Корасков, ставший впоследствии игуменом Киприяном, московский князь Михайло Татищев, хлыновские воеводы князь Александр Ростовский с женой Натальей, князь Григорий Жемчужников и князь Никита Борятинский, приказной избы подьячий Симеон Павлов, посадский человек Даниил Руской, калашник Диомид Ляд, родители святого Максим и Ирина Плушковы. Вряд ли хоть кто-нибудь из них дожил до времени канонизации Прокопия, так что первоначальный набросок жития должен был быть составлен вскоре после смерти святого. Однако в этом наброске многого не хватало, и что-то в житии — плод позднейшего вымысла, например, история о Михаиле Татищеве (см. комментарий).

Высокопоставленные светские лица, упоминаемые в житии, изображены как покровители святого, но после раскола отношение офици-

альных властей к юродивым стало меняться. «Никон юродивых святых бешанами нарицал и на иконах их лика писати не веле»[7],— жаловались старообрядцы. Собор 1666/1667 гг. запретил «лжеюродство». Тем не менее во 2 пол. XVII в. прославляется целая плеяда юродивых: Афанасий Ростовский (ум. в XVII в.), Илия Ярославский (ум. в 1 пол. XVII в.), Марфа Московская (ум. в 1638 г.), Максим Тотемский (ум. в 1650 г.), Василий, Иродион, Иоанн, Михаил и Фома Сольвычегодские (ум. в 1669 г.?). Последними канонизированными юродивыми «успели» стать Андрей Тотемский (ум. в 1673 г.)[8] и Иоанн Верхотурский (ум. в 1701 г.). Установление праздников в честь местночтимых юродивых закончилось в первые годы XVIII в.[9] Таким образом, Прокопий Вятский принадлежит к самым поздним святым этого рода, впредь до канонизации Ксении Петербуржской в 1988 г.

Настоящее издание сделано по рукописи № 361 из собрания Ундольского (Российская Государственная Библиотека, ф. 310)[10] с приведенными в скобках разночтениями по Поморской рукописи (там же). Написание слегка упрощено.

Житие и подвизи святаго праведнаго Прокопия Христа ради оуродивого вятскаго чюдотворца

В лето от создания мира 7086 (7085)[1] году в вятских странах богоспасаемых града Хлынова[2], в веси нарицаемой Боб(л)инской[3], идеже именуется деревня Корякинская[4], ту живяще поселянин, именем Максим, по реклу Плушков (Плириков), супруга же бе ему имянем Ирина. Сие же благословенное супрожество (существо), художествомъ бяху земледельцы. Живяста же оба по закону Божию со всяким добронравием, благочестия держахуся, всякими добро // детельми и милостынею оукрашающеся, и к церквамъ Божиимъ часто приходяще (прихождаху) и от трудов своих потребная церьковникомъ нищимъ подающе (церковнослужителям и нищим подаяние) и моляще Господа Бога и

[7] Материалы для истории раскола. Т. 6. М., 1881. С. 300.

[8] Его житие см.: Повесть о житии юродивого Андрея Тотемского // Памятники письменности в музеях Вологодской области. Вологда, 1989. С. 268—270.

[9] Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви. Сергиев Посад, 1894. С. 97—98.

[10] Н. Барсуков. Источники русской агиографии. СПб., 1882. С. 460—462.

его (Бого)матерь, и всех святыхъ о спасении душъ своихъ, и дабы имъ далъ Господь Богъ чадородие, занеже быша бесчадны. И видя Господь Богъ веру их и добрая дела, и сего ради даде им благодать свою, еже есть добры чрева плодъ, и еже заченьши и родиша отрока мужескъ полъ и нарекоша имя ему Прокопий. Потом же крестиша его во имя Отца и Сына и Святаго духа.

И тако преспеваше блаженый и в детстем возрасте благочестию внимаше, и земледелию прилежа // (2) ше. И егда достиже (и бысть отрок) дванадесете летъ возраста своего, отецъ же посла его на поле, земледелия ради. Онъ же взя отеческое благословение, и еде на поле на своемъ осляти. И в той день, в полудни воста буря велия, и громи и молнии велицы страшны зело быша, и от того страшнаго грознаго и от молнийнаго прещения, той отрок бысть во ужасе велице, и паде на землю, и лежаше аки мертвъ. И видеша его соседи на поли лежаща, безгласна, и поведаша о немъ отцу его и матери. Отецъ же его и мати изыдоша на поле, и видеша сына своего Прокопия лежаща аки мертва, (на земли) и быста во мнозе печали, и плакахуся о немъ горце, и многа сето // вания сотворше, и взяша его и ведоша его в домъ свой, и стекошася сродницы и соседи ихъ видети сего отрока, и приключившеся ему, отецъ же его и мати моляху господа Бога и пречистую Его Богоматерь, и призываху на помощь великого святая Николу и прочихъ святыхъ, просяще чаду своему от оужасти тоя болезни исцеления, и абие в той часъ той отрокъ Прокопий, аки от сна оубудися и прииде во умъ свой.

И от того дня нача оуродствовати, и ризы свои на себе терзаше, и поверзаше на землю, и нача ходити нагъ. Отецъ же его и мати видевше таковое содеявшееся сыну своему, и взяше его, и идоша в богоспасаемый градъ Хлыновъ, и приведоша // (3) его во обитель Богоматере честнаго и славнаго ея Оуспения[5], и моление простирающе Господу Богу и пречистой Его Матери, и призываху на помощь великаго святая Николу чюдотворца, и преподобнаго отца Сергия Радонежскаго. И тоя обители архимандритъ (архимандриту) преподобному отцу Трифону[6], к ногама припадающе со слезами, дабы онъ помолился Господу Богу и пелъ молебная пения, о исцелении и вразумлении сына ихъ Прокопия. Преподобный же отецъ архимандритъ Трифонъ тоя же обители со священники и дияконы и з братиею Господу Богу и Пречистой Богородицы и оугодникомъ ихъ Николе и Сергию чюдотворцемъ молебная пения сотворише, и воду святиша, и оу чюдотвор-

ныхъ иконъ отрока знамена // ша и святою водою кропиша, и милостию всесильнаго Бога и молениемъ Пречтыя Его Матере, и оугодниковъ его святыхъ отецъ, Николы и Сергия чюдотворцовъ, и благословениемъ преподобнаго отца архимандрита Трифона, сей отрокъ абие от болезни своея и всего страхования прия исцеление. Родителе же его вземше и идоша в домъ свой, славяще и благодаряще всесильнаго Бога и Его Богоматерь и оугодниковъ его Николы и Сергия чюдотворцо. И тако той отрокъ Прокопий живяше в дому своемъ и родителем своимъ во всемъ повинуяся яко и прежде.

По мале же времени той отрокъ Прокопий по благословению родителей своихъ иде во градъ рекомый Слободской, и в немъ // (4) обиташе оу некоего священника, именем Илариона, иже служаше оу церкви святыя великомученицы Екатерины[7]. И работаше ему три лета во всякомъ послушании. И егда бысть блаженному сему отроку 20 летъ, родители же восхотеше его сочетати законному браку, ему же о семъ нимало скорбившу.

И в лето 7105 оутаився родителей своихъ, и отиде сей блаженный Прокопий в богоспасаемый градъ Хлынов. И претворися в прежнее благоуродство и нача похабом ся творити, и одежду на себе терзаше и на землю поверзаше. И еже Христа ради приимъ буйственное житие (юродственное еже Христа ради буйственное житие якоже) мнимое человеки. Покрова же телеснаго никогда на себе не имяше, но хождаше нагъ и босъ // даже и до отшествия своего ко Господу, подражая древнихъ блаженныхъ мужей Андрея глаголю Цареградскаго, и Прокопия Оустюжскаго, и Василия Московскаго чюдотворцев[8] и ревнуя богоугодному (благоюродному) ихъ житию, и возлюбивъ от всего сердца своего Отца небеснаго создателя всех Бога, скоро гиблющия же земле тленныя славы сень отнюдь возненавиде и ржатлимыхъ земных богатств красоту пренебреже. И во уметы вмени по апостолу. И хождаше нагъ, дабы в стяжание вечьныя жизни достиглъ путь. И небесными обогатился преблагого Бога даровъ богатствы, последуя всеблагому светомъ одеянному Богу Христу Спасу, и в белыя ризы нетленныя жизни облекся.

И хо // (5) ждаше блаженный Прокопий на всякъ день от церкви к церкви преходя, моляшеся в тайне, и по торгу и по улицамъ хождаше, а речи его никтоже оуведе токмо в молчании пребываше, и[9] многу досаду блаженный и оукорение (и биение) приемъ, и попираемъ от безумныхъ человекъ и от малыхъ детей, и яко оуродъ и безуменъ вменя-

емъ ими, и велие терпение показа, от зимнаго мраза и снега и от зноя солнечнаго вара, и от комаровъ и мшицъ. В день бо яко юродъ хождаше, в нощи же непрестанно молитву к Богу возсылаше, и плача глаголаше в себе: о Прокопие, многими скорбьми подобаетъ ти внити в царьство небесное. Нужно бо есть и нужницы восхищяютъ е, и сими // словесы утешаяся блаженный. Вси же мняху его яко юрода суща и оумъ погубивша. И многа досаждения и оукорения и раны даяху ему, блаженный же Прокопий яко в чюждемъ телеси все со благодарением терпяше и никакоже зла досадителемъ воздаваше, но токмо во уме своемъ глаголаше к Богу: Господи, не постави имъ греха сего. И некому же ведущу добродетельное его житие. Сице же святому житие сие суетное проходящу и славу мира сего ни во что вменяющу, в день оубо оскорбляемъ и оуничижвемъ многими озлобленьми, а в нощь без сна в молитвахъ и в слезахъ и в коленопреклонении пребываше, и паки в день юро // (6) дство творяше. И от многаго труда покой телеси своему приимаше, овогда в папертьяхъ церьковных, а овогда на оулицахъ градскихъ и на гноищахъ, или на сметии (сметище), где приспе нощная стража (ту) тело свое повергаше (пометаше), и тамо (тако) мало сна приимаше, не имяще ни рогозины ни возглавницы, ни одежды, но имея себе одръ землю, а покровъ небо. А посреди молвъ и плищей живый, душу от страстей свободну имея, всегда Христа ради буйственное житие жительствоваше, и аки безгласен творяшеся, мня от человекъ оутаися добродетельми, Богу же точно ведомъ быти. И сице блаженный Прокопий неуклонно подвизався. Поживе труды и терпениемъ и алканиемъ // и жаждею, и на всякъ день вдаяниемъ себе (себя) на беды смертныя.

Имяше же от Бога и даръ прозорливый, и много пророчествова, впредь будущее ово о здравыхъ, ово о болящихъ, и прихождаше во многия домы к жителям града Хлынова, идеже оузритъ болящего человека, и которому от болезни востати, и того болящаго приемлетъ руками своима и с одра воставляетъ его, и радуется и веселится о немъ, а иже которому болящему человеку в болезни своей оумрети, и онъ над темъ болящимъ (теломъ болящего) оучнетъ плакати и лобызати болящего, руце же свои к персем пригибаше (прилагати) и оуказаниемъ веляше готовите погребальная. И // (7) где во граде Хлынове, грехъ ради, хощетъ быти огненное (запаление или) пожжение, и сей блаженный Прокопий прежде запаления за многия дни восхождаше на церьковныя колокольницы и бияше в колокола часто, якоже обычай во

время огненаго запаления звонити, и иногда же какъ чаетъ быти оуказу от царьствующаго града Москвы в Вятския страны на жителехъ денежные доходы править, и тогда сей блаженный Прокопий, за многи дни до указу, ходя по торгу и поставляше (поставляет) древца поряду и ходя бияше те древца древцем же аки людей на правеже[10]. Начальствующий тогда града Хлынова и всея Вятския страны воевода князь Александръ Ростовский[11], и с княгинею // своею Наталиею видя блаженнаго Прокопия труды и терпение, и много пророчество его збывающеся, и призываху его в домъ свой, и служаху ему и сама княгиня тело блаженнаго омываше своима рукама, и облачаше его в новыя срачицы, и привождаше его с собою к церькви святаго Вознесения господня. Блаженный же Прокопий имъ повинуяся и мало время срачицы на себе ношаше, и паки раздираше я и меташе на землю и ногама попираше и хождаше нагъ якоже и прежде. Тело же свое видя от всякого праха водою очищено, и тогда хождаше в градския бани, и в корчемныя избы, и на кабатцкия (винныя) поварни, и валяшеся по земли, и тело свое почерневающе, и хождаше // (8) яко же и прежде. Людие же боящиеся Бога даяху ему порты и облачаху его, и на ноги обуви воздеваху. Онъ же приимаше, и ово нищимъ даяше, ова же на себе терзаше, и на землю пометая и ногами попираше. Такоже хлебъ и сребряницы даяху ему. Онъ же овогда не приимаше, а овогда приимаше и нищимъ даяше.

К церкви же Вознесения Христова[12] почасту прихождаше и молящеся Господу Богу, и его (пресвятой Бого)матери, и святым Его в молчании. И отцу своему духовному тоя церькви священнику Иоанну пореклу Колачникову[13] исповедашася, и глагола с нимъ яко и протчии человецы а не яко юрод. И на всяку неделю причащашеся святыхъ Божиихъ пречистыхъ и животворящихъ таинъ, // и отцу своему духовному заповеда ему клятвами о глаголании своем да никому же поведаетъ дондеже Господь Богъ изволитъ ему от земных преселитися (преставитися).

Пребысть же блаженны Прокопий во благоюродстве терпя наготу и босоту и попрание от неразумныхъ человекъ тридесять летъ. И егда приспе время еже преставитися от суетнаго мира сего к нестареемому вечному пребыванию, и откры ему Господь Богъ о преставлении его и от оузъ телесныхъ разрешение, тогда блаженный Прокопий бысть оу церкви Сретения Господня и великомученицы Парасковии нарицаемыя Пятницы[14] оу оутренняго пения и в полъ заоутренняго пения

отиде в девичь монастырь в церковь Преображения[15] // (9) Господня на девятой песни канона и пребысть в той црькви до отпуста оутренняго пения. По отпусте же оутрени изыде из монастыря на градский мостъ, еже есть глаголется Пятницкий[16], и зря на восток лицем моляся, и потомъ иде на восточную страну возле (подле) града в ровъ и нача блаженный тело свое на снегу отирати во многих местехъ. И оттоле вставъ иде на другую страну моста того же рва и прииде противъ градские башни, рекомые Вышки[17], и ста лицемъ на востокъ, и молящеся Господу Богу, о мире всего мира и о благостоянии святыхъ Божиихъ церьквахъ (церквей), и о царе (царехъ) и о всехъ православныхъ християнехъ, и по молитве возлегъ зря лицемъ на // востокъ, и гля: Боже Вседержителю Иисусе Христе, в руце твои передаю духъ мой, и тако духъ предаде, и егда блаженный испусти духъ свой, тогда имяше руце свои ко Вседержителю Богу молебно простерты, и абие просветися лице его яко светъ.

И тогда оуведевъ о преставлении блаженнаго Прокопия, отецъ его духовный священноиерей Иоанн, и возвести начальствующему града, воеводе князю Никите Борятинскому[18], и оуспенскому (Успенского монастыря) архимандриту Ионе[19], и протопопу Стефану[20], и всему освященному собору, и оуведевше о преставлении святаго вси жители града Хлынова и сошедшеся ко трудолюбному (преподобному) телу блаженнаго множества // (10) народа. И видеша его оуже ко Господу отшедша, и оумильно со слезами вопиюще и глаголюще: о преблаженне Прокопие оугодниче Божии, молися прилежно ко Господу Богу за христолюбиваго царя нашего и за его благочестивую царицу и за ихъ благородныя чада (от «нашего» до «чада» — нет) и за все христолюбивое воинство и за градъ нашъ Хлыновъ и за вся Российския грады и за веси и за вся православныи християны.

И абие в то время прииде мужъ благочестивъ приказной избы начальной подьячей именемъ Симеон Павловъ[21] и спроси (проси) оу начальствующаго града воеводы и оу всего священнаго собора дабы ему (было позволено) то святаго блаженнаго трудолюбное тело нести в домъ свой и оустро // ить к погребению яко же довлеетъ. Начальствующий же града воевода и весь священный соборъ и все православныи християне то святое и многотрудолюбное тело к нему к подьячему в домъ провадиша со псалмы и пеньми дховными яко же довлеетъ. Той же мужъ Симеонъ со всемъ своимъ домом приемлетъ сего блаженнаго Прокопия святое и честное тело со всяким тщаниемъ с радостию и со

слезами и любезно облобызвше и скуташе в погребальныя ризы. И паки той мужъ Симеонъ созва (призываетъ) весь освященный соборъ на провожение святаго тела сего блаженнаго Прокопия и стекоша же ся множество народа с женами и с детьми вопиюще и глаголюще: о пре // (11) блаженне Прокопие, помолися за ны прилежно к Богу. И взяша тело сего праведнаго (блаженнаго) священницы и диякони положиша на одре и понесоша на рамехъ своихъ (в церковь) Оуспения (Персвятыя) Богородицы в Трифоновъ монастырь[22] и внесоша в соборную церьковь со псалмы и пении, хваляще блаженнаго и певше надгробное пение в соборной церькви, и погребоша честно близъ тоя соборныя церькви честнаго и славнаго ея Оуспения Богородицы (съ) северныя страны[23]. В лето ЗРЛС (1627)-го декабря в 21 день жития же его бе пятьдесять летъ[24]. Из нихъ же благоюродствова тридесять летъ. Богу нашему слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

(11 об.) Чюдо первое блаженнаго Прокопия чюдотворца (Христа ради юродивого)

Града Хлынова житель именем Диомидъ пореклу Лядъ[25] художествомъ колачникъ изнесе на торгъ на рамехъ своихъ сеяльницу (лотокъ) колачей продавати. Той же блаженный Прокопий прииде к нему со многимъ свирепствомъ и сверже тии колачи с раму (раменъ) его долу на землю и ногами попираше. Неции же маломощнии покушахуся техъ колачей взимати, блаженный же Прокопий (имати) не даяше имъ и взимающихъ бияше, и того колачника Дементия (Диомида) пореваше яко злодея. Той же колачник повиновашеся блаженному и ни что же смеяше впреки глаголати, зане ведяще свое неистовство. Посемъ той // (12) колачникъ исповеда отцу своему духовному, троицкому (Троицкои церкви) священнику Михаилу вся своя согрешения, за что блаженный Прокопий на него возярился и колачи спроверже и никому взяти не даяше. Понеже той колачник совокупляся с женою своею и не омывся водою те колачи строилъ, месилъ и валялъ и пекъ. Того ради онъ блаженный Прокопий возярился нанъ.

Чюдо второе блаженнаго (святаго) Прокопия

По указу государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея России послан за опалу с Москвы на Вятку бояринъ именем Ми-

хайло Татищевъ и посажен в темницу[26]. Той же блаженный Прокопий приходя к нему боярину к темницы (въ темницу) и принося овогда оукрухъ // хлеба, овогда воду, онъ же болярин приимаше оу него с радостию благословения ради, и о томъ благодаряше Бога, яко блаженный посещаше его. Той же блаженный Прокопий сего болярина овогда ис темницы влачаше окномъ, овогда оу дверей темничныхъ по замку и по дверемъ бияше, прорицаше яко ис темницы вскоре пущен будетъ. И не по мнозехъ (по мнозехъ) днехъ сего блаженнаго Прокопия пророчество збысться, прииде царевъ оуказъ, яко той болярин (Татищевъ) в прегрешении его прощен и ис темницы веляше (велено) его пустить (выпустить) и к Москве возвратить[27].

Чюдо третье блаженнаго (святаго) Прокопия

Сей блаженный Прокопий некогда прииде в домъ ко отцу своему // (13) духовному, вознесенскому священнику Иоанну, той же священник Иоанн з домашними своими и с сыномъ своимъ со священникомъ Иоанномъ же ядяху хлебъ. И сего блаженнаго Прокопия посадиша с собою и обедаху вкупе. По отядении же той блаженный Прокопий со стола взя ножъ и нача над темъ молодымъ священникомъ Иоанном темъ ножемъ махати, и к главе и к персемъ его ножь приносяше, они же вси оужасошася, и мняху того священника темъ ножемъ поколетъ. И по семъ блаженный той ножъ поверже на землю и взя (обнявъ) того священника Иоанна, и охапи его своима рукама, и нача плакати горько яко по мертвомъ. И отиде. И потомъ в годичное время // сего блаженнаго Прокопия пророчество збысться. Того младово священника Иоанна сродницы его ножемъ заклаша до смерти.

Чюдо четвертое блаженнаго (святаго) Прокопия

В лето 7174 (1666)-е марта в третий день поведано бысть во Успенскомъ Трифонове монастыре архимандриту (Трифону)[28] и братии (сие): града (слово отсутствует) Слободцкаго оуезду Верховской волости девица именемъ Марта Тимофеева дочь пореклу Пушкарева, 18 летъ бысть в немощи испорчена злыми человеки (мучаше ея) икотою и ломотою, и мучаше ея та болезнь (от «и» до «болезнь» отсутствует) по вся дни полгодишное время и вящши. И в той немощи та девица бысть во ужасе (умы), зрить видение чюдно: явистася ей, яко приидоста в домъ

ихъ два мужа // (14) святолепна. И глаголющема има между собою, единъ другаго нарицаше именемъ, сей преподобный Трифон, а сей блаженный Прокопий приидоста зде, посетити сию болящую деву (девицу), и возвестити ей о сей немощи спасение, и абие невидими быша. Ей же молитвами ихъ дарова Богъ исцеление, понеже сия дева с материю своею в начале скорби своея приходила во градъ Хлыновъ во Успенской монастырь и моляше Бога и преподобнаго отца архимандрита Трифона и блаженнаго Прокопия о здравии молящыя (болеющея)[29].

Чюдо пятое блаженнаго Прокопия

Во граде Хлынове сей блаженный Прокопий некогда прииде в // приказную избу нагъ, якоже бе ему обычай ходити. Воевода же тогда сущий князь Григорий пореклу Жемчюжниковъ[30] ту на месте своемъ седяще. Блаженный же Прокопий взя с него воеводы со главы шапку его и возложивъ (возложи) на свою главу. Той же воевода, видя блаженнаго дерзновение, даде ему и место свое радостно (с радостию). Блаженный же сяде на место его яко судия. И потомъ блаженный взя его (воеводу) за руку и ведяше его ис приказной избы. И приведе к темнице, и ту посади его и отиде. Не по многихъ же днехъ сего блаженнаго Прокопия пророчество збыться. Прииде с Москвы от самодержавнейшаго повеление // (15), яко того воеводу посадить в темницу на неделю за некоторое его неисправление. Потомъ же (по прошествии же недели) той воевода (был выпущен на свою должность) хваля Бога и сего блаженнаго Прокопия.

Чюдо шестое блаженнаго Прокопия

Во граде Хлынове в некое время заоутра рано прииде блаженный Прокопий в домъ посацкого человека именемъ Даниила Калсина пореклу Руского[31], и ляже на печи. Даниилу же и детемъ его (съ детьми) в то время бывшимъ оу заоутреннаго пения, детищу же малу сущу спящу на ложи своемъ, яко же довлеет младенцемъ в колыбели (спящу въ колыбели. Блаженный же) Прокопий же вземъ сего детища (младенца изъ колыбели) и порази с печи долу на помостие, и в том часе детище (младенецъ) оумре. И прииде от церькви той Даниилъ и дети // его (съ детьми), и видяще своего детища мертва и скутавше его в погребальныя ризы, ничтоже блаженному зла сотвори, зане ведяше его

мужа свята. И призваше же священниковъ и диаконы, (священника съ причтомъ) и начаша над детищемъ по обычаю пети погребальная. Блаженный же Прокопий видя сие и сниде с печи и нача священниковъ с причтомъ ис тоя храмины всехъ вонъ поревати, и посемъ взя младенца из гроба, младенецъ же по обычаю нача кричати и верескати. Блаженный же Прокопий отдаде матери его. Сие блаженнаго пророчество того детища отдаде его Даниилу, яко посемъ оубиша его (сего) Даниила мирстии людие народу мятущуся с мосту его // (16) свергоша.[32]

Чюдо седьмое блаженнаго Прокопия

Града Слободцкаго церькви Иоанна Предотечи и Николы Чюдотворца[33] священнику именемъ Ивану, пореклу Юмину[34], и некогда ему с церьковной паперти к вечернему пению в колоколъ благовестившу. Сыну же сего священника именемъ Сергию юну сущу, и ту возле (подле) отца своего стоящу, и в то время прииде (къ нимъ) в паперть сей блаженный Прокопий и вземъ того отрока Сергия на руки (своя), той же отрокъ оужасеся нача кричати. Блаженный же подержа его на рукахъ и пусти. Самъ же блаженный ту в паперти возлеже на помостие, и протяжеся, и руце свои согбенны положи на перси, яко же бываетъ // обычай (обычно) оусопшимъ. Посемъ же той отрокъ Сергий по пророчеству блаженнаго Прокопия поживе не много летъ и в младости своей оумре (во младенчестве скончася).

Чюдо восьмое блаженнаго Прокопия

Того священника Ивана некогда жене его именемъ Анисии болевши (болевшей) зубною скорбию люто зело. Сему же блаженному Прокопию пришедшу в церьковь Иоанна Предтечи и (святаго) чюдотворца Николы, той же священникъ Иванъ глагола блаженному Прокопию: рабе Божии, помолися Господу Богу, да подастъ жене моей от зубныя скорби (болезни) исцеление, понеже от тоя болезни люто страждетъ. Блаженный же Прокопий из оустъ своихъ иземъ зубъ свой и даде // (17) священнику Ивану и проглагола ему ясно: возми. Он же вземъ той зубъ блаженнаго и несе в домъ свой даде жене своей, она же по его глаголу вземши и положи той зубъ во уста свои и в той часъ от тоя лютыя зубныя болезни получи исцеление, и бысть здрава яко же никогда болевши (якобы николи же болела), хваля Бога и оугодника Его блаженнаго Прокопия.

Чюдо девятое блаженнаго Прокопия

Во граде Слобоцкомъ оу церькви Иоанна Предтечи и Николы Чюдотворца того же града житель юноша именемъ Корнилий пореклу Корасковъ[35], иже последи бысть игуменъ Киприянъ (от «иже» до «Киприян» — отсутствует), стоя на клиросе, поя бжественную литургию. Блаженный же Прокопий в то вре // мя прииде в церьковь нагъ, яко же ему обычай бе ходити, и ставъ к нему же (сему) юноше на клиросъ и постоя мало и вземъ сего юношу Корнилия за руку и влечаше его с клироса и приведе к царьскимъ дверемъ и пхаше его в олтарь. И потомъ по шести летехъ блаженнаго Прокопия пророчество збысться. Поставленъ бысть сей юноша Корнилий во освященный чинъ иерейский (во игумна). И потомъ той юноша славя Бога и оугодника его блаженнаго Прокопия.

Тропарь (Блаженному) Прокопию
Христа ради оуродивому вятскому чюдотворцу
(от «Христа» — отсутствует).
Гласъ 4

Иже на земли Христа ради волею в буйство преложися, и мира сего красоты отнюдь возненавиде, // (18) и плотьская играния оувядивъ постомъ и жаждею и на земли леганиемъ от измы студения и сразом и от зноя солнечнаго и дождя и прочия тяготы никогдаже оуклонися под кровъ и на теле своемъ не имея одеяния, Божиею помощию покрываемъ, и душу очистил еси добродетельми своими, яко злато в горниле Прокопие премудре. С верою творящихъ память твою честно и оусердно притекающе к раце мощей твоихъ прославляюще твое стое оуспение. Христу Богу молися благоюроде, да избавитъ ны Господь от варваскаго (варварскаго) нашествия и междусобныя брани и миръ мирови дароватися (даровати) и душамъ нашимъ велию милость.

Кондакъ.
Гласъ 8

Возбранному // и дивному в праведницехъ мужу волею во уродство (юродство) претворившему ся, мира сего красоты возненавиделъ еси, плотьская мудрования оувадилъ еси, постомъ и жадею студению мраза снега и зноя и дождя и от прочия воздушныя тяготы никогда же оу-

клонися и очистилъ еси себе яко злато в горниле, Прокопие блаженне, всей Вятской земли похвала и оутверждение.

Другий конд(ак).
Глас 4 (отс.)

Духомъ Божиимъ водимъ преблаженне Прокопие, мирский мятежъ отрясе и жития (живота) треволнения возгнушася и совлечеся одеяний тленныхъ и облечеся в ризу безстрастия и оубежавъ ловления (отсутствует) льстиваго миродержца и былъ еси страненъ во своемъ языце, // (19) и паче (паки) земнаго богатьства избра богатьство (2 слова отс.) небесное и оувезеся венцемъ терпения и ныне преблаженне Прокопие моли Христа Бога о творящихъ святую память твою, да зовемъ ти: радуйся преблаженне Прокопие, всей Вятской земли похвала и оутвержение (утверждение).

Комментарий

1. 1578 г.

2. Хлынов — древнее название города Вятка.

3. Бобинская волость находилась в 10 км. от города (Памятная книга Вятской губернии. Вятка, 1901. С. 73).

4. Деревня Корякинская ни в каких источниках более не упоминается. У Сергия (Полный месяцеслов Востока. Т. 2. Владимир, 1901. С. 513) деревня ошибочно названа Коряжинская.

5. Существующий ныне каменный Успенский собор был построен в 1689 г., на его месте раньше стоял другой, видимо, уничтоженный великим хлыновским пожаром 1632 г.

6. Имеется в виду знаменитый святой Трифон Вятский, живший в Хлынове с 1580 г. В 1589 г. Трифон ездил оттуда в Москву.

7. Город Слободской находится в 35 км от Хлынова. Там действительно была церковь св. Екатерины. Согласно переписи 1629 г., «на посаде дворы церковных причетников храма мученицы Екатерины — двор попа Илариона» (Слободской город и посад (1629 г.) // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1907. Вып. 1. С. 9).

8. Это перечисление включает лишь тех юродивых, которые фигурируют в московском Служебнике конца XVI в. В том же столетии в Хлынове существовала церковь Прокопия Устюжского (А. В. Эммаусский. Исторический очерк… С. 200), как ни странно, ни разу не упомянутая в житии.

9. Отсюда и вплоть до рассказа о пророческом даре святого текст является почти дословным пересказом жития Прокопия Устюжского (см. Житие Прокопия Устюжского. СПб., 1893. Л. 18 об.—л. 20 об.).

10. До сих пор рассказ о юродстве Прокопия состоял из сплошных агиографических клише, но эпизод с предсказанием жестоких царских указов является абсолютно уникальным и не имеет аналогов. Жалобы хлыновцев на жестокое обращение с ними налоговых сборщиков сохранились от 1667 г. и более позднего времени (А. Спицын. Подати, сборы и повинности на Вятке в XVII столетии. Вятка, 1887. С. 28—32).

11. Князь Александр Данилович Приимков-Ростовский был хлыновским воеводой в 1616—1619 гг. (А. Спицын. Местное и областное управление на Вятке до XVIII столетия. Вятка, 1888. С. 12—13), по другим данным — в 1617—1619 гг. (А. Барсуков. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 57). Видимо, путаница возникла из-за того, что в 1617 г. воеводой на Вятке был Андрей Данилович, а в 1618—1619 гг.— его родной брат Александр Данилович Приимков-Ростовский, по прозвищу Кутюк. Он служил еще воеводой в Тюмени, Коломне, объезжим головой в Москве. Умер в 1631 г. (А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга. Т. 2. СПб., 1895. С. 181).

12. Церковь Вознесения стояла «на посаде в острогу» (Вятка. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1887. С. 1), «посреди трех рядов лавок против Спасского собора» (Жизнь преподобного Трифона… С. 41).

13. Иван Колашников действительно числится в Хлыновской Доходной книге за 1615 г. и за 1628 г. как поп Вознесенской церкви (Вятка. Материалы… С. 1, 7).

14. Эти соседние церкви, первая из которых отапливалась, а вторая была холодной, стояли «у Слюдных ворот» (Вятка. Материалы… С. 1). Обе были деревянными и сгорели в 1682 г. (Столетие Вятской губернии. Т. 1. Вятка, 1880. С. 195).

15. Считается, что Преображенский девичий монастырь был основан по одним данным в 1624 г., а по другим — в 1631 г. (Д. Рязанцев. Вятский Преображенский девичий монастырь. История и современное его состояние. Вятка, 1887. С. 4). На самом деле уже в Дозорной книге за 1615 г. упоминается «на посаде же в остроге Новодевичъ монастырь» (Вятка. Материалы… С. 7), но вот тамошняя «церковь Боголепное Преображение» не фигурирует ни под 1615, ни под 1628 гг., а лишь под 1646 г. (там же. С. 27). Таким образом, не исключено, что здесь мы имеем дело с анахронизмом.

16. Пятницкий мост был переброшен через городской овраг Засору возле церкви Сретения.

17. Среди городских укреплений, перечисленных в росписном списке 1663 г., башня с названием Вышка не фигурировала (Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1905. Отд. 2. С. 8—33). Видимо, на ее месте была выстроена «башня проезжая Пятницкая, осми стен… А прежняя сгорела от молненного запаления» (А. С. Верещагин. Город Хлынов в 1676 г. Вятка, 1906. С. 15).

18. Князь Никита Петрович Борятинский (см. о нем: Е. Богданович. Род князей Барятинских. Исторический очерк. СПб., 1898. С. 14—15) был хлыновским воеводой с 17 октября 1628 г. по 1629 г. (А. Спицын. Местное и областное управление… С. 13), по другим данным — с 1627 по 1629 г. (Дворянские роды Российской империи. Т. 1. СПб., 1903. С. 156). Был воеводой в Коломне, Воронеже, на Верхотурье. Умер в 1630 г.

19. Архимандрит Иона Мамин — неверный ученик Трифона Вятского, который «не терпя обличения и поучения святого, повелеваше досаждати и укоряти, поровати и в темницу садити». В конце концов Иона изгнал Трифона из монастыря (В. Я. Струминский. Житие преподобного отца нашего Трифона Вятского чудотворца // Труды Пермской Губернской Ученой архивной комиссии. 1905. Т. 9. С. 72). Иона участвовал от Хлынова в Земском Соборе 1613 г. (История города Кирова. Киров, 1973. С. 19).

20. Имеется в виду протоиерей Стефан Юферев (Васильев, Бехтерев. История Вятского края… С. 190). Он был попом Никольской церкви и в 1615 г. ездил в Москву с чудотворным образом Николы Великорецкого. Вернулся оттуда протопопом (А. Вештомов. История вятчан. Казань, 1907. С. 73).

21. Подьячим Хлыновской Приказной избы Семен Павлов числился и под 1615, и под 1629 гг. (А. Спицын. Местное и областное управление… С. 28). Он владел колесной мельницей на реке Микуличанке, рядом с мельницей, принадлежавшей Успенскому монастырю (Вятка. Материалы… С. 16). Его двор находился «на посаде в острогу» (Там же. С. 2), там же был его «огородчик» (Там же. С. 12).

22. Монастырь в документах 1 пол. XVII в. назывался Успенским (Вятка. Материалы… С. 37). Трифоновским он стал называться лишь с распространением культа св. Трифона, в конце столетия. Таким образом, мы опять имеем дело с анахронизмом.

23. Итак, первоначально Прокопий был похоронен вне собора. Но когда в 1684—1690 гг. был возведен новый Успенский собор, Прокопия перезахоронили там под рундуком (Успенский Трифонов монастырь в г. Вятке. Вятка, 1905. С. 27). Вплоть до постройки этого храма соборной была хлыновская церковь Богоявления, так что именование в качестве соборной Успенской церкви (см. ниже) также является анахронизмом.

24. Если точно была дана дата рождения Прокопия и точно приведен его возраст, то годом его смерти следует считать 1628 г.

25. Такой человек не числится ни по каким дозорным книгам Хлынова.

26. Окольничий Михаил Игнатьевич Татищев 10 апреля 1606 г. за столом у Лжедмитрия обличал его за неуважение к местным обычаям, за что был посажен в тюрьму и приговорен к ссылке в Вятку, однако уже 20 апреля был помилован и восстановлен в прежней должности. Он был убит в 1608 г. (С. С. Татищев. Род Татищевых (1400—1900). СПб., 1900. С. 17—18). Таким образом, Татищев в Хлынове никогда не был, и царь Михаил наказывать его не мог. Автор данного сообщения слыхал что-то о приговоре Михаилу Татищеву, но не знал деталей этой исто-

рии. Быть может, он специально хотел как-нибудь вставить в житие упоминание о Татищеве, поскольку в 1684 г. отпрыск этой фамилии Михаил Юрьевич Татищев стал окольничим при Петре I.

27. Не исключено, что в основе этого рассказа, ошибочно привязанного к имени Татищева, лежит история о другом вельможе, Петре Урусове, стольнике царя Михаила Федоровича на его свадьбе в 1626 г. (См.: Урусовы // Всемирная иллюстрация. 1873. Т. 9. № 209. С. 17). В челобитной царю от 1634 г. сказано: «В прошлом, государь, во 136 (1627) году в Хлынове городе поставлена тюрьма… в той тюрьме сидел по твоему государеву указу князь Петр Урусов.., а по твоему государеву указу князь Петр Урусов из тюрьмы к Москве взят» (Челобитная… о тюрьме города Вятки… // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1913. Вып. 3—4. С. 157). Быть может, именно Урусова утешал Прокопий в тюрьме и его освобождение пророчил. Самый этот факт запомнился, а имя вельможи забылось и было восстановлено гадательно.

28. Архимандрит Трифон упоминается в «Дозорной книге Хлыновского Успенского монастыря» (Памятная книга Вятской губернии. Вятка, 1901. С. 17), однако в 1666 г. им был Сергий (П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. С. 802).

29. В Благовещенской церкви Трифонова монастыря имелась икона, изображавшая святых Трифона и Прокопия вместе. Икону носили крестным ходом по губернии, и она была весьма популярна (Васильев, Бехтерев. История… С. 191). Явление святых в том виде, как они изображались на иконах,— обычный топос агиографии.

30. С 1614 по 1616 г. (Труды Вятской ученой… 1907. С. 8), а по другим данным — с 25 июня 1615 по 1616 г. (А. Барсуков. Списки городовых воевод… С. 57) хлыновским воеводой был Василий Богданович Жемчужников, но Григорий Жемчужников неизвестен.

31. «Данилко Калсинъ» жил, согласно Дозорной книге 1615 г., на улице Чернышевской (Вятка. Материалы… С. 2). При этом дальше в той же книге упоминается «лавка Данила Руского» (Там же. С. 6). Эта же «лавка Данилка Каисина (так! — С. И.)» под храмом Живоначальной Троицы фигурирует и в Дозорной книге 1628 г. (Там же. С. 13), но самого его в переписи нет.

32. Когда произошел этот мятеж — неизвестно. В переписи 1646 г. упоминается уже «Александрко Данилов сын Кальсин» (Там же. С. 29).

33. Обе церкви упоминаются на посаде города Слободской в переписи 1629 г. (Слободской город и посад (1629 г.) // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1907. Вып. 1. С. 7).

34. «Никольский поп Иван Юмин» также фигурирует в переписи 1629 г. (Слободской город и посад (1629 г.) // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1907. Вып. 1. С. 30).

35. В переписи 1629 г. нет упоминаний о Корнилии, но фигурирует Семен Корасков (Там же. С. 24).

И. И. Калиганов

Из истории культурных связей между южными славянами и Россией в XVI—XVII вв. (иконы Георгия Нового на Руси)

Среди южнославянских святых, почитавшихся в Московской Руси, особо стоит имя Георгия Нового. Культ этого мученика, сожженного турками в Софии 11 февраля 1515 г. за отказ потуречиться, поразительно быстро достиг русских пределов и стал проникать в отдаленные уголки Московского государства. Инициатором почитания южнославянского страдальца на Руси выступил новгородский архиепископ Макарий, который узнал о гибели Георгия Нового от монахов афонского Зографского монастыря Прохора и Митрофана, приезжавших в русские земли за «милостыней» в 1539 г. Именно по инициативе новгородского владыки пресвитер его домовой церкви Илья составил в указанном году житие софийского мученика,[1] а спустя 9 лет плодовитый псковский агиограф Василий-Варлаам по настоянию все того же Макария, ставшего к тому времени всероссийским митрополитом, создал службу и проложное житие Георгия Нового[2] в связи с предстоящей канонизацией южнославянского подвижника на Церковном Соборе 1549 г. в Москве.

Необычными были не только быстрота, с которой культ Георгия Нового проник со славянского юга на Русь (для истории Русской Православной Церкви этот случай является беспрецедентным), но и обстоятельства создания русских житий и службы софийскому страдальцу. Их составители опирались не на южнославянские письменные источники о Георгии Новом, а основывались на устных сведениях о мученичестве своего героя, почерпнутых от афонских монахов Прохора и Митрофана. Последние и сами знали о жизни и смерти Георгия Нового только по слухам, и поэтому в житии, составленном иеромонахом Ильей, появилось столько неточностей. Вслед за Ильей они были повторены Василием-Варлаамом, использовавшим сочинение своего предшественника при написании проложного жития и службы страдальцу.

Эти неточности касались места рождения агиографического героя (София), имен его родителей (Иван и Мария), возраста мученика, в котором он принял свою честную кончину (25 лет), даты мученичества (26 мая 1514 г.) и места погребения останков (софийский собор вмч. Георгия). Все это говорит о том, что новгородский книжник Илья при создании жития Георгия Нового не был знаком ни с житием, ни со службой мученику, написанными в Софии пресвитером Пейо — духовным наставником Георгия Нового и очевидцем смерти последнего. Пейо приводит в своих сочинениях совсем другие данные: место рождения страдальца — македонский г. Кратово, имена родителей — Димитрий и Сарра, возраст во время мученичества — 18 лет, дата гибели — 11 февраля 1515 г., место захоронения останков — софийский соборный храм св. Марины.[3]

Не располагая южнославянскими письменными источниками о Георгии Новом, новгородец Илья и псковичВасилий-Варлаам при работе над своими сочинениями о софийском страдальце обратились к произведениям со сходной тематикой. В качестве литературных образцов они избрали житие и службу Иоанну Новому Белгородскому, написанные около 1401 г. известным южнославянским писателем Григорием Цамблаком.[4] Этот святой пострадал приблизительно в 1330 г. в приднестровском Белгороде (Аккермане) от татар за отказ принять язычество. К первой половине XVI столетия татары, заселившие причерноморские земли, уже успели принять ислам, и поэтому гибель Иоанна Нового воспринималась тогдашним русским читателем по-другому: за спиной татар им угадывались турецкие султаны, подстрекавшие своих вассалов к набегам на Московское государство. Тесная связь между антитатарскими и антитурецкими тенденциями в Московской Руси уже рассматривалась нами в другой публикации,[5] и мы не будем повторять здесь уже говорившееся ранее. Отметим лишь, что судьбы Иоанна Нового Белгородского и Георгия Нового Софийского в сознании древнерусского читателя неожиданно переплелись, и это подтверждается, как будет показано ниже, не только письменными материалами о двух мучениках.

В данной статье мы хотели бы коснуться вопроса об иконах Георгия Нового на Руси. В научной литературе уже в середине нашего века зародилась легенда о привозе со славянского юга на Русь в XVI столетии иконы Георгия Нового. Ее зачинателем стал сербский ученый Л. Павлович, утверждавший, что икона болгарского мученика была

доставлена в Москву в 1550 г. игуменом афонского Хиландарского монастыря Паисием. По его сообщению, на иконе были изображены лики сербского князя Лазаря и Георгия Нового, а сама она отличалась небольшими размерами (20×25 см).[6] Хождение игумена Паисия в Московское государство в указанном году действительно имело место. Более того, в смысле исторической документированности и содержания источников его приход на Русь является одним из самых интересных в истории русско-южнославянских культурных связей эпохи Средневековья. Он состоялся вскоре после грамоты царя Ивана Грозного, решившего взять под свое покровительство Хиландарскую обитель. В знак признательности депутация из монастыря во главе с игуменом привезла в подарок русскому самодержцу священные монастырские реликвии. Дьяк Посольского приказа следующим образом зафиксировал приход южнославянских посланцев:

«Того же лета ·ZNИ· (г) [о] [1550] августа ·КИ· [28] при/ше(л) к Ц[а]рю и Великому кн[я]зю и(з) С[вя]тыя Горы / Сербьского манастыря Хило(н)даря игуме(н) / Паисея да с ни(м) три старци./

И Ц[а]рь и Великии кн[я](з) веле(л) и(м) у себя быти / в Столовои И(з)бе. И игуме(н) Паисея, вше(д) вь И(з)бу, чело(м) удари(л) в землю да яви(л) о(т) всеи / братии обра(з) с[вя]т[о]го Савы да образ // с[вя]т[о]го Симеона Сербьскы(х) о(б)ложены сере(б)/ро(м) па(д) ници, да кр[е](с)т Семиона (ж) чю(до)тво/рца, что носи(л) на себе, а в не(м) животво/рящее древо да мощи с[вя]т[а]го первом[у]ч[е]/ника архидиакона Стефана в сере(б)ре /, да пода(л) грамоту. И Ц[а]рь и Великии / к[н]я(з) веле(л) то у него все взяти ка(з)начею / своему Фео(до)ру Ивановичю Сукину, а гра/моту веле(л) у него взяти диаку своему / Ивану Михайлову. А игуме(н) Паи/сею з бра(т)ею зва(л) ести.

И игуме(н) Паисея того дьни у Ц[а]ря и Велико(г)[о] // к[н]язя е(л) в Столовой И(з)бе. И корм игумену Паисее з бра(т)ею веле(л) кня(з) / Великии давати, доколе на Мо(с)кве буде(т)». (РГАДА, ф. 52, Греческие дела, кн. 2, л. 54—55).

В эту протокольную запись, как будет видно чуть позже, вкрались отдельные неточности, которые выявляются при сопоставлении ее с текстом грамоты, взятой у игумена Паисия царевым дьяком Иваном Михайловым. Ее текст также зафиксирован протоколистом слово в слово, но мы не будем воспроизводить его полностью из-за его пространности, тем более, что наиболее любопытные сведения из грамо-

ты уже были пересказаны А. Н. Муравьевым[7]. Остановимся лишь на нужном нам месте, где детально перечисляются привезенные в Москву дары из Хиландарской обители: «Егде узрехо(м) твою ц[а]рь/скую грамоту и в ней пишемая, проче(т)ши/, разумехо(м), тогда възвеселиша(с)[я] ср(д)це наше, и о(т) многие печали и нуж(д)и, належащие с[вя]тому / манастырю и на(м) по вся д[ь]ни и сечасы о(т) бе(з)/божны(х) агаря(н) по морю и по суху, утешихо(м)ся. Того ра(ди) послахо(м) к твоему ц[а]р(с)тву о(т)ца / нашего, игумена Паисея иеромона(х)[а] и прото/псалта Анастасиа и с[вя]щенника Прохора, / и диакона Висариона и се бл[аго](с)[ло]вят у с[вя]т[а]го // ти ц[а]р(с)тва вместо все(х) на(с) и да принесу(т) / о(т) с[вя]т[а]го монастыря твоему с[вя]т[о]му ц[а]р(с)тву / мир и бл[аго](с)[ло]вение. И послали есмя твоему ц[а]р(с)твию на бл[аго](с)[ло]вение обра(з) с[вя]того Симеона Нова(г)[о] / мирото(ч)ца и с[вя]т[ите]ля и чю(до)творца Савы / сребро(м) обложе(н) и жемчюго(м) украше(н) тво/ему ц[а]р(с)тву на славу и на победу на види/мые и невидимые всепротивнии враги. / И еще послахо(м) кр[е](с)т сре(б)ря(н), и в не(м) животво/рящее древо и иные потребы с же(м)/чюго(м) и с камение(м), что е носи(л) с[вя]тыи Сава, / егда бе в ц[а]рь(с)кы(х) преж(д)е иночества. / И еще послахо(м) твоему ц[а]р(с)тву обра(з) с[вя]т[о]го // Краля Милутина и с[вя]т[о]го кн[я]зя Лаза/ря и слу(ж)бу и(х), и мощи с[вя]т[о]го пръвом[у]ч[е]н[и]ка / Стефана, сере(б)ро(м) обложен(н)[ы], да принесу(т) твоему с[вя]т[о]му ц[а]р(с)тву в дар». (Там же, л. 57 об.—58 об.).

При сравнении приведенных выше текстов заметны некоторые фактические расхождения. Протоколист, записывавший устную речь хиландарского игумена Паисия в Столовой избе перед Иваном Грозным, несмотря на свою искусность борзописца, очевидно, не поспевал за смыслом всего говорившегося афонским иерархом. Он ошибочно записал, что принесенный из обители серебряный крест принадлежал ранее св. Симеону Сербскому, тогда как из грамоты Паисия видно, что на самом деле он был собственностью св. Саввы Сербского до его пострижения. Ценным в грамоте Паисия является и известие о привозе в Московское государство служб свв. кралю Милутину и князю Лазарю Сербскому в 1550 г. Возможно, данная дата — начальная хронологическая веха проникновения этих сербских гимнографических памятников на Русь.

Привлекает в грамоте Паисия и поименное перечисление его свиты, в состав которой входил священник Прохор. Уж не тот ли это

Прохор, что приезжал на Русь вместе с пресвитером Митрофаном в 1538/1539 г. и поведал о сожжении Георгия Нового новгородскому архиепископу Макарию и священнику его домовой церкви Илье? Правда, тогда он был еще простым иноком и местом его насельничества на Афоне, по словам Ильи, являлся Зографский монастырь. Однако, как известно, монахи Афона нередко переходили из одной святогорской обители в другую и подолгу в них оставались. За 11 лет, прошедших с момента своего первого прихода на Русь (1539—1550), Прохор вполне мог получить сан священника. Но не исключено так же, что в процитированных нами русских исторических документах речь идет о двух различных тезоименитых духовных лицах.

Для нас, однако, сейчас более важны известия о привозе в Москву хиландарскими пришельцами образов сербских святых Симеона, Саввы, Милутина и Лазаря. Образ св. Георгия Нового (Кратовца) в грамоте игумена Паисия не значится, и это порождает вопрос, откуда ученый Л. Павлович почерпнул сведения о доставке на Русь иконы софийского мученика? В своей работе он дает ссылку на одну из статей другого сербского ученого, С. Радойичича.[8] Во избежание разночтений процитируем чуть позднее целиком пассаж из его публикации, который ввел в заблуждение Л. Павловича. В своей работе, помимо прочего, С. Радойичич сообщает о святынях Хиландаря, среди которых в 1555 г. находилось десять русских икон: Богородицы Умиления, Алексея чудотворца, святителя Николая и др. Упомянуты им и дары, которые якобы хиландарский игумен Паисий в 1550 г. отвез в Москву: а) икона свв. Саввы и Симеона Неманичей; б) икона свв. краля Милутина и князя Лазаря. О них он пишет следующее: «Как выглядели эти сербские дары первой половины XVI века, показывают две хиландарские иконы, уже приноровленные к русскому небольшому размеру. Одна находится в Хиландаре (музей, инвентарный номер отсутствует, формат 0,20×0,26); на ней изображены князь Лазарь и св. Георгий Новый (Кратовский). На другой иконе того же мастера, которая находится в Карейской постнице, изображены Милутин и [Стефан.— *И. К.*] Дечанский (формат 0,21×0,27)»[9].

Таким образом упоминаемые С. Радойичичем иконы в середине XX в. находились в Хиландаре и единственное, что их привязывает к России,— распространенный в русских землях малый формат образов. Нам однако не удалось найти какие-либо исторические источники, подтверждающие, что списки именно с таких икон были доставлены в

Москву в XVI столетии. Грамота игумена Паисия, к сожалению, не дает представления о характере доставленных этим иерархом на Русь икон. Были ли они двухчастными, то есть с двумя ликами, или одночастными, сказать трудно. Воспроизведенное нами место паисиевской грамоты, где говорится о ликах Милутина и Лазаря («обра(з) св. Краля Милутина и св. князя Лазаря») допускает двоякое толкование. Внесенное нами в строку надстрочное «з» не исключает возможность смыслового добавления окончания множественного числа «ы», которое обычно восстанавливается исследователями при издании средневековых текстов (сравни выше: «и мощи св. пръвом[у]ч[е]н[и]ка Стефана сере(б)ро(м) обложе(н)[ы]»).

Наши сомнения относительно высказывания Л. Павловича еще более усилились после обращения к южнославянской иконографической традиции Георгия Нового. Пресвитер Пейо, видимо, в предвидении будущего культа мученика среди южных славян, создал в написанном им житии своеобразный мини-иконографический «подлинник». Он обрисовал физический облик своего питомца довольно подробно: «Беше же сьи мученикь летом 18-тиим, вьзром же тънькь и высок, нарусичавь, образом подльгновасть, вежди вьзвишени и густи, нось похиль, прьсти ручны тьньци и дльзи..»[10]. Его описанием облика Георгия Нового, несомненно, воспользовались южнославянские иконописцы. Мы не знаем, как выглядит или выглядело изображение мученика на упомянутой С. Радойичичем хиландарской иконе (датирование ее первой половиной XVI в., кстати, вызывает у нас некоторое сомнение, ибо время ее создания без каких-либо аргументов привязывается к хождению игумена Паисия на Русь в 1550 г.), но само оно на славянском юге и Афоне в XVI—XIX вв. не являлось редкостью.

Древнейшие из них, наверняка, находились в Софийской околии, откуда культ Георгия Нового начал распространяться по болгарским, македонским и сербским землям, а также на Афоне. Стенописи с ликом Георгия Нового, очевидно, имелись в Кремиковском, Куриловском и других монастырях[11], расположенных неподалеку от Софии в предгорьях Стара-Планины. Однако эти монастыри неоднократно разорялись и разрушались турками, и большинство их поновленных стенописей относится к XVIII—XIX вв. Так, например, случилось с Сеславской обителью, которая была основана в первые века османского владычества, но древнейшая из ныне существующих построек — церковь св. Николая — датируется XVII столетием. Большинство из ее

фресок появилось веком позже, но в преддверии церкви уцелели стенописи XVII в., выполненные известным болгарским иконописцем Пименом Зографским[12]. Они свидетельствуют о патриотических чувствах иконописца, ибо наряду с ветхозаветными святыми на них изображены фигуры чтившихся в Болгарии основателей монастырей Гавриила Лесновского и Иоакима Осоговского, епископа Илариона Мегленского, мучеников Георгия Нового и Николы Нового Софийских и др.

Гораздо лучше сохранились иконы Георгия Нового на Афоне и в сербских землях, причем многие из них относятся к 30—60 годам XVI в.: Моливоклисия (Хиландарская молельня, 30-е годы), Топлицкий монастырь (1541), Печская патриархия (1561), монастырь Савине (1564/1565), Студеницкий монастырь (1568) и др.[13] Георгий Новый изображен на южнославянских стенописях то в расшитом драгоценными камнями плаще, то в длинной ризе, то голобородый, то с небольшой бородкой и усами, то с непокрытой головой, то в высокой меховой шапке. Южнославянская иконография Георгия Нового в целом следует основным портретным характеристикам, приведенным в житии Пейо. В более позднее время мученик на славянском юге изображается высоким, стройным, русоволосым, голобородым, с высоко изогнутыми густыми бровями. Он, как правило, облачен в национальную одежду: сорочку с длинными рукавами, поясом и накидкой, на ногах у него «цырвули» (высокая обувь из овечьей или козьей кожи, перетянутая выше щиколоток тонкими ремешками крест накрест), головной убор отсутствует. В своих руках (или одной руке) Георгий Новый держит крест и пальмовую ветвь — символы готовности пострадать за имя Христово, необыкновенной кротости и миролюбия. Таким он изображен и на гравюре в знаменитой «Стематографии», которая была опубликована в Вене в 1741 г. «ревнителем Отечества Болгарского» Х. Жефаровичем[14], или в первопечатном южнославянском издании жития и службы Георгию Новому, осуществленному в 1855 г. в Самокове Н. Карастояновым[15].

На славянском юге и в Греции встречаются также иконы другого мученика с именем Георгий Новый. Изображенный на них святой выглядит совсем иначе: нижняя часть его одежд напоминает юбку — наряд, распространенный в прошлом в Албании и Греции, на голове подвижника красуется красная феска. Такую икону, написанную маслом на холсте, мы видели в трапезной болгарской Троянской обители, работая с рукописями монастырской библиотеки в 1978 г. Подобный

образ не имеет отношения к Георгию Новому Софийскому, как полагали сербские ученые Д. Руварац и М. Миличевич[16], и посвящен совсем другому святому. Это становится очевидным, если учесть, что османские власти запрещали порабощенным христианам и прочим «гяурам» носить турецкую одежду и использовать в одеянии красный цвет вплоть до особого распоряжения султана, отменившего этот запрет в 1824 г. На упомянутой нами иконе изображен не Георгий Новый Софийский, а Георгий Новый Янинский — мученик, повешенный турками за отказ потуречиться в г. Янина в 1837 г.

Реакция на подобное одеяние святого со стороны балканских православных иерархов в XIX в. не всегда была терпимой. Ученый М. Миличевич описывал, как при виде такой иконы «Георгия Кратовского» с феской на голове Сербский митрополит Петр Йованович гаркнул: «Уберите этого албанца* из церкви!»[17].

Но даже если бы икона Георгия Нового была доставлена в Россию со славянского юга во второй половине XVI — XVII столетии (а поводов для скепсиса здесь более, чем достаточно) она не могла бы служить образцом для русских средневековых иконописцев и отправной точкой для изготовления с нее новых списков. Расхождения обликов мучеников, обрисованных в житии Пейо и сочинении новгородского пресвитера Ильи, были слишком значительными и мало приемлемыми для возникновения некоего компромиссного иконографического варианта. И все же при наличии южнославянской иконы Георгия Нового в Москве русские иконописцы скорее всего позаимствовали бы из нее хотя бы отдельные иконографические элементы наподобие «срачицы», в которую очень часто облачались изображаемые мученики, или креста и пальмовой ветви.

Но древнерусским мастерам южнославянские иконы Георгия Нового, видимо, оставались неизвестными. Об этом свидетельствуют обнаруженные нами русские иконописные изображения софийского мученика конца XVI и XVII столетий. Древнейшее из них находится на «минейной» иконе конца XVI в. в собрании П. Д. Корина (инв. № ДР—542). Она имеет небольшие размеры (24×21 см), и выполнена на проклеенном, пролевкашенном, сложенном вдвое домотканном холсте. Написавший ее неизвестный мастер использовал технику миниатюрного

* Албанцы приняли ислам и в XVII—XIX вв. участвовали в карательных османских походах против восставших сербов и болгар.

письма и необычный колорит с преобладанием красных и розоватых тонов в сочетании с зелеными и охряными. Икона посвящена святым, чья память празднуется в мае месяце, причем значительная часть изображенных на ней святых была канонизирована на московских Церковных Соборах 1547 и 1549 гг.: князь Константин Муромский и чада его Михаил и Феодор, Никита Переяславский и др. Выписанные фигуры святых расположены на двух сторонах иконы — «таблетки» с 1—15 и 15—31 мая в три ряда.

Изображение софийского страдальца невелико по размеру (его высота составляет 7 см), и находится в нижнем ряду слева. У Георгия Нового на нем смуглое лицо правильной формы, обрамленное небольшой клиновидной бородой, высокий лоб, короткая вьющаяся шевелюра, усы. К сожалению, облачение святого полностью не видно: фигура подвижника заслонена фигурами стоящих рядом апостола Карпа и святителя Мелхиседека. Можно разглядеть лишь нагрудную часть багряной ризы с золотистым воротом. О том, что это именно Георгий Новый, свидетельствует полусохранившаяся киноварная надпись на золотом фоне: «..РГИЇ НОВЫ». По предположению В. И. Антоновой, данная икона была создана при московском Патриаршем дворе около 1597 г.[18] В коринское собрание она попала путем приобретения ее у родственников известного коллекционера древностей, старообрядца Е. Е. Егорова.

Второе древнее изображение Георгия Нового хранится в этом же собрании (инв. № ДР—510) и расположено на «минейной» иконе-«таблетке» 60 — 70-х годов XVII в. Она также имеет небольшие размеры (21×19 см), и выполнена на пролевкашенном холсте с использованием яичной темперы. Святые на ней изображены с двух сторон по четыре ряда, причем на обратной стороне находятся те из них, чья память отмечается с 18 по 30 мая. Дни памяти святых обозначены над их фигурами славянской цифирью в розоватых кружках. Данная икона-«таблетка» демонстрирует вытеснение византийского менология русскими минеями с опорой на местные агиографические источники. Среди русских сюжетов этой иконы обнаруживаются праздники и памяти Обретения мощей Алексея митрополита Московского, столпника Никиты Переяславского, княгини Евфросинии Полоцкой, Сретения Владимирской иконы Богоматери и др. Небольшое изображение Георгия Нового на ней (высотой всего 3,5 см) находится под 26 мая рядом с изображениями апостола Карпа и преподобного Макария Калязинского. Непокрытая голова Георгия Нового на нем слегка наклонена

влево, лицо святого — по-юношески округлое, безбородое, губы — по-детски пухловатые, брови — высокие, изогнутые. Мученик облачен в багряную ризу с золотистым подбоем и расшитым золотом воротом, с правого плеча спадает зеленоватый плащ, стан подпоясан широким золотистым поясом, на ногах розоватые носки. Пальцы правой руки Георгия Нового сложены в крестном знамении, пальцы левой придерживают складки плаща. Над изображением святого видна надпись: «**му(ч) Геѡргїй Новыї**». О заказчике и первом владельце этой иконы красноречиво свидетельствует надпись золотой вязью на темно-розоватом фоне в нижней части: «**Дмитрия Андрѣевича Строганова**». Это говорит о том, что икона была создана до 1673 г., в котором скончался названный представитель именитого Строгановского рода.

И, наконец, третье изображение мученика обнаруживается на стенописи второй половины XVII столетия в Воскресенском соборе г. Борисоглебска[19]. Это небольшой город, расположенный в 50-ти верстах к северо-западу от Ярославля на правом берегу Волги. Он возник в XV в. как рыболовецкая слобода, ставшая впоследствии известной как Борисоглебская или Борисоглебск. В первой трети XVI в. в нем имелось около 178 дворов с 550-ми жителями. Прямо напротив него на левом берегу Волги расположен г. Романов, основанный в XIV в. по инициативе князя Романа († 1344), сына Ярославского князя Василия Давыдовича[20]. В честь основателя город назвали Романовым. Он входил в состав Ярославского княжества, но с конца XV столетия стал вотчиной Великого князя, а затем Иван Грозный передал его татарским служилым мурзам. Отсюда ведут свою генеалогию представители многих богатых родов Юсуповых, Урусовых и других выходцев из татарской среды[21]. Жизнь этих городков всегда была тесно связанной не только благодаря лодочной переправе через Волгу, но и естественному ледяному мосту в зимние месяцы, соединявшему оба берега. В 1822 г. он стал считаться единым городом Романовым-Борисоглебском, а с 1918 г. получил название Тутаев* в память большевика, погибшего во время ярославского восстания[22].

Жизнь этих городков протекала в спокойном провинциальном ритме, и ничем примечательным в истории России они не отличились. О

* Возвращение исконных названий этим древнерусским городам, на наш взгляд, просто необходимо. Нельзя отказываться от традиций русской истории ради мелкотравчатой политической конъюнктуры.

Романове знали лишь понаслышке да еще в связи с тем, что здесь выращивали отличный лук, шили добротные полушубки да разводили породистых овец[23]. Поэтому кажется просто необъяснимым, что в период позднего русского Средневековья в Романове и в Борисоглебске были воздвигнути два грандиозных собора: Крестовоздвиженский и Воскресенский. Оба они появились еще в XVI столетии, но спустя время были перестроены и заново расписаны. Особенно поражает воображение Воскресенский собор, который, по оценке знатока древнерусской истории Ю. Шамурина, превосходил все ярославские церкви не только своими размерами, но и роскошью[24]. По словам ученого, Воскресенский собор возник словно некий «каприз истории, забросивший его в тихий провинциальный город»[25].

Старые постройки Воскресенского собора, вероятно, серьезно пострадали во время нашествия польско-литовских оккупантов в 1609 г. Поэтому к середине XVII в. он был перестроен и освящен в 1652 г. Через шесть лет в нем появились новые стенописи, но усовершенствование храма на этом не завершилось. В 70-е годы XVII в. Ростовский митрополит Иона издал грамоту на строительство 2-го этажа храма, тогда же появились живописные крыльца, колокольня ярославского типа и ограда с воротами. Характеризуя обновленный облик Воскресенского собора, Ю. Шамурин назвал его «идеальным воплощением русской народной архитектуры в ее наиболее чистую эпоху»[26].

Но все же в истории Воскресенского собора остается еще достаточно белых пятен и многие подробности его сооружения до сих пор не прояснены. Не донесла до нас история и имена расписывавших храм иконописцев. На основании стилистического анализа создание фресок Воскресенского собора относят к концу 70 — началу 80-х годов XVII в., а в качестве мастеров, которые предположительно украшали этот собор, называют имена иконописцев Дмитрия Григорьева, братьев Ивана и Федора Карповых и, не исключено, молодого Федора Игнатьева[27]. Яркой отличительной чертой стенописей Воскресенского собора является их композиционное и сюжетное разнообразие. Характеризуя росписи храма, исследователь Н. Н. Теляковский писал: «Все стены церкви, куполы, столбы и даже откосы окон представляют собой сплошной ковер стенописи. Нужно усилие, чтобы сосредоточиться и начать разбираться в отдельных картинах; да и условный стиль иконописных фресок требует некоторой приспособленности и привычки для понимания его характерного языка… Созданный эстетическим

чувством целого народа и целого ряда веков, иконописный стиль был приспособлен только для эпического рассказа, такого же беспристрастного и величавого, как народные былины.» [28]

Нас однако интересуют не проблемы атрибуции авторства фресок (что является задачей искусствоведов), а иконографические особенности изображения Георгия Нового в этом храме. Здесь он предстает как мученик-воин, с оружием в руках. Предписания изображать софийского мученика именно как воина начинают встречаться в русских иконописных подлинниках, начиная со второй половины XVII столетия. Таковы, например, погодинские «ерминии», хранящиеся в РНБ: «Георгий С[вя]тоградец и великомуч[еник] Новы, иже пострада от безбожного царя Селима Турскаго… млад, подобен Георгию великом[у]ч[е]н[и]ку» (РНБ, собр. М. П. Погодина, № 2007, л. 16 об., 1678 г.); «..Георгия Новаго в Сердьце граде, мучившагос[я] от Селима.. аки Георгии стр[а]стотерпец, верхь риз багор, испод доспе[х]и риза праз[дничная], с копием» (РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1942, л. 167 об., XVII в.); «..и с[вя]таго м[у]ченика Георгиа Болгарскаго, млад аки Георгии мученик, в латах же» (РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1927, л. 160, 1679 г.)[29].

Три различных изображения Георгия Нового, созданные русскими иконописцами в конце XVI и XVII столетии, свидетельствуют о том, что устойчивый иконографический канон в отношении софийского мученика сложился далеко не сразу и со временем претерпел известные изменения. Попытаемся ответить на вопросы, чем же была вызвана столь странная трансформация образа Георгия Нового на Руси (уподобление его Георгию Победоносцу) и почему именно в Тутаеве появилась икона болгарского страдальца такого типа.

Датировка фресок Воскресенского собора концом 70 — началом 80-х годов XVII в. показывает, что создатели изображения Георгия Нового в нем вполне могли быть знакомы с русскими службой и житием данного агиографического героя, которые к середине XVII в. уже были изданы в старопечатных служебных минеях и прологе. Более того, сама идея подобной иконографической характеристики в уже упомянутых иконописных подлинниках также могла быть навеяна чтением старопечатных текстов о мученике. Уподобление в иконописных подлинниках Георгия Нового его тезоименитому св. великомученику Георгию Победоносцу могло в равной степени служить руководством для мастеров, расписывавших Воскресенский собор, или же, наоборот,—

впервые творчески созданная этими мастерами икона южнославянского страдальца могла затем найти свое отражение в ерминиях. Напомним, что все они датируются XVII столетием, но время появления первоначального руководства к созданию подобного образа софийского мученика пока не уточнено. Одна из задач, следовательно, заключается в тщательном изучении иконописных подлинников, содержащих в себе статью о Георгии Новом. Не исключено, что автором этой статьи был один из изографов, которому принадлежит фреска с изображением Георгия Нового в Борисоглебске.

На наш взгляд, автор стенописи с изображением болгарского мученика в Воскресенском соборе знал житие и службу, посвященные этому святому, и идея уподобления образа страдальца образу Георгия Победоносца родилась у него после знакомства с этими памятниками. Особую роль здесь, возможно, сыграла составленная Василием-Варлаамом служба подвижнику. Помимо идеи религиозного противостояния православного и исламского миров, в ней заключается еще одно принципиально важное положение — идея небесного покровительства Георгия Нового граду Москве и всей Русской Земле. Она пронизывает всю службу псковского агиографа и становится лейтмотивом ее концовки: «Моли Христа Бога сьхранити отчьство свое и спасти православнаго Царя и люди, и град, иже твоя подвиги присно почитающих» (Тропарь, л. 300)[30]; «Тем ныне молитвами си потреби варварьское востаниа, православным Царем под ноги си, славне, низлагая» (Песнь 9, тропарь 1, л. 304 об.); «Тем же на нас востающих силою си посрами и Боговенчанного Царя нашего Рускаго победителя яви, иже любовию тебе славящаго» (Песнь 9, тропарь 2, л. 304 об.); «Молим тя, блаженне Георгие: „Место се, святителя и люди, идеже изволи славитися имя твое, сохраняй невредно и Царю нашему Рускому, и воем скипетра утверди“» (Песнь 9, тропарь 3, л. 304 об.).

Эти строки, равно как и само содержание русской службы, видимо, способствовали изменению культурного знака при переносе культа Георгия Нового со славянского юга на Русь. Семантическое наполнение образа подвижника на русской почве претерпевает метаморфозу: из смиренного мученика, гибнущего за веру Христову от «агарян», каким он предстает на славянском юге,— на Русской Земле он превращается в непримиримого противника турок, доказывающего превосходство учения Иисуса Христа над «беззаконием» пророка Магомета. Одновременно он становится небесным покровителем Москвы и Русской

Земли, занимая место в строю защитников Руси рядом со своим прославленным тезоименитым святым — Георгием Победоносцем.

Известно, что христианская иконографическая традиция предписывала изображать мучеников с тем оружием, от которого они приняли свою честную кончину. Так, например, в древности Георгий Победоносец изображался с мечом, которым была усечена его святая глава. Затем меч сменился копьем (отсюда, кстати, и произошло слово «копейка»: меченосец Георгий Победоносец, чеканившийся ранее на русских монетах, позднее, при Великом князе Иване III, стал копьеносцем, то есть орудие казни страдальца было заменено на оружие, с которым великомученик Георгий одержал множество славных побед и получил за это прозвище «Победоносец». Сцена одной из его побед — битва святого с драконом — была использована при создании герба города Москвы). Таким образом отсутствие или наличие в руках мученика оружия или его замена могут служить признаком сдвигов в семантическом наполнении образа подвижника.

Это небольшое кажущееся отступление от темы, на самом деле, тесно с ней связано. Обратимся теперь к стенописи с изображением Георгия Нового в борисоглебском Воскресенском соборе. Святой изображен здесь в полный рост, его непокрытая голова окружена сияющим нимбом, лицо юное, безбородое. Подвижник облачен в воинские доспехи, которые, несмотря на поврежденность стенописи, легко различимы уже при первом на нее взгляде: на плечах Георгия Нового видны продолговатые, закругленные по углам металлические бляшки, руки защищены металлическими налокотниками, туловище облачено в кольчугу с короткими рукавами, левое плечо прикрыто ниспадающим плащом, ноги обуты в высокие, расширяющиеся кверху воинские сапоги. В том, что перед нами действительно Георгий Новый, сомневаться не дает выполненная полувязью надпись в верхней части стенописи: «**Аги(ос) муч[е]ник Гео(р)гїи Сер(д)ацк(и)».**

И, наконец, самая важная в этой стенописи деталь: длинный тонкий меч, которого касается левая рука святого. Георгий Новый, как мы помним, был сожжен турками, и оружие в его руках не может трактоваться как изображение орудия казни мученика. Очевидно, после всего сказанного читателю нетрудно догадаться, против кого облачился в воинские доспехи и вооружился мечом южнославянский страдалец и небесный защитник Москвы и Русской Земли Георгий Новый Софийский. Наш вывод подтверждает и еще одно обстоятельство. Ге-

оргий Новый не одинок в своей готовности выступить в поход против русских недругов. По соседству с ним в Воскресенском соборе находится изображение Иоанна Нового Белгородского, убитого татарами в Аккермане. Он также вооружен и облачен в воинские доспехи.

Теперь остается только ответить на загадку, почему стенописи с таким содержанием возникли именно в Тутаеве. Очевидно, здесь нужно принять во внимание и то, как могли восприниматься данные иконы местными жителями. Мы уже говорили о наличии в этой части России многочисленных поселений татар. В XVI — первой половине XVII в. власть здесь фактически принадлежала именно им: они ведали сбором податей, вершили суд и относились к коренному православному населению словно к подневольным людям. Даже священники не могли себя чувствовать здесь спокойно. Их подвергали словесному поношению, во время литургии татарчата толпились на церковной паперти, швыряли камни и пускали стрелы в купольные кресты[31]. В такой обстановке большинство пришельцев, разумеется, отказывалось креститься и продолжало жить в своей прежней вере. В 1648 г. при царе Алексее Михайловиче права татарских мурз были урезаны, а сами они вместе со своим окружением были высланы из Тутаева в другие уголки России[32]. История повторилась при царице Елизавете Петровне, которая своим указом от 13 декабря 1760 г. переселила тутаевских татар в Кострому[33].

Таким образом приведенные нами данные свидетельствуют о том, что русским иконописцам южнославянские иконы святого, скорее всего, не были известны. Не исключены открытия и других русских изображений Георгия Нового. Они будут способствовать воскрешению многих интересных, но пока не изученных страниц из летописи духовных связей между южными славянами и Россией в XVI—XVII столетиях.

Примечания

[1] Яцимирский А. И. Из истории славянской проповеди в Молдавии и Валахии XV—XVII вв. // Памятники древней письменности и искусства. Т. CLXIII. СПб., 1906. Приложения. С. 99—109.

[2] Калиганов И. И. О предполагаемом автографе Василия-Варлаама // Старобългаристика. № 3. София, 1983. С. 79—81; Его же: Заметки о русской проложной редакции жития Георгия Нового (авторство, время создания, археографический обзор списков, издание древнейшего из них) // Старобългаристика. № 1. София, 1979. С. 35—79.

[3] Динеков П. Софийски книжовници през XVI в. Ч. I. Поп Пейо. София, 1939.

[4] Яцимирский А. И. Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. Спб, 1904. С. 457—461.

[5] Калиганов И. И. Житие Георгия Нового в русской литературе XVI в. (Исторический фон, идеологическая направленность, литературное окружение) // Старобългарска литература. Кн. 6. София, 1980. С. 11—24.

[6] Павловић Л. Култови лица код Срба и Македонаца. Историйско-етнографска расправа. Смедерево, 1965. С. 173.

[7] Муравьев А. Н. Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858. С. 187—188.

[8] Радојичић С. Уметнички споменици манастира Хиландара // Зборник Радова Византолошки Институт. Кн. 3. Београд, 1955.

[9] Там же. С. 18. (Цитату приводим в нашем переводе с сербско-хорватского).

[10] Цитируем житие по древнейшему южнославянскому Хиландарскому списку XVI в. по изданию Б. С. Ангелова: Из старата българска, руска и сръбска литература. Кн. III. София, 1978. С. 125.

[11] Мутафчиев П. Из нашите български старопланински манастири. Бележки и материали // Сборник БАН. Т. XXVII. София, 1931. С. 2—7; Мавродинов Н. Църкви и манастири в София и Софийско // Сердика. № 1. София, 1939; Пандурски В. Куриловският манастир. София, 1975.

[12] Чаврыков Г. Болгарские монастыри. София, 1974. С. 184—185.

[13] Mullet G. Monument de l'Athos. Paris, 1927. P. 155; Суботић Г. Најстарије представе светог Георгија Кратовца // Зборник радова Византолошког Института. Т. 32. Београд, 1933. С. 167—202.

[14] Жефарович Х. Стематография. Факсимилно издание коментирано от А. Василев. София, 1986. С. 40.

[15] Карастоянов Н. Служба с житием и страданием великомученика Георгия Новаго. Самоков,1855. (Фототипно издание). София, 1978.

[16] Руварц Д. И. Још нешто о животу св. Ђурђа Кратовца // Годишница Николы Чупића. Т. XIII. Београд, 1893. С. 305—306; Миличевић М. Б. Ђорђе Кратовац, святитељ Србин. Београд, 1885.

[17] Миличевић М. Б. Указ. соч. С. 96.

[18] Об этой и следующей иконе см.: Антонова В. И. Древнерусское искусство в собрании Павла Корина. М., 1966. С. 68—78, № 52; С. 102—104, № 78.

[19] Выражаю признательность А. А. Турилову, сообщившему мне о стенописи и любезно предоставившему снимок изображения Георгия Нового в Воскресенском соборе.

[20] Тихомиров И. А. Ярославское Поволжье. Ярославль. 1909. С. 34; Шамурин Ю. Ярославль, Романов-Борисоглебск, Углич // Культурные сокровища России. Вып. I. М., 1912. С. 56—57.

[21] Тихомиров И. А. Ярославское Поволжье. Ярославль, 1909. С. 32—33.

[22] Ярославская область: Справочник по административно-территориальному делению. Ярославль, 1972. С. 13.

[23] Тихомиров И. А. Указ. соч. С. 36.

[24] Шамурин Ю. Указ. соч. С. 58.

[25] Там же.

[26] Там же. С. 61.

[27] Брюсова В. Г. Русская живопись 17 века. М., 1984. С. 119, 113.

[28] Теляковский Н. Н. Старина и святыни г. Романова. М., 1913. С. 66.

[29] Иванова К. Български, сръбски и молдо-влахийски ръкописи в сбирката на М. П. Погодин. София, 1981. С. 489,493,494.

[30] Здесь и далее цитируем службу по автографу Василия-Варлаама (РГБ, ф. 98, собр. Е. Е. Егорова, № 938). В скобках в тексте указываем л. рукописи.

[31] Теляковский Н. Н. Указ. соч. С. 24.

[32] Тихомиров И. А. Указ. соч. С. 34.

[33] Рогов А. И. Сказание о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М., 1970. С. 32.

Н. В. Квливидзе

Новооткрытые фрески алтаря церкви Троицы в Вяземах

Изучение росписи церкви Троицы в Вяземах, домового храма Бориса Годунова, построенного в конце XVI в. в его подмосковной вотчине, на всех своих этапах находилось в прямой зависимости от результатов реставрационных работ. Впервые о фресках алтаря упомянул в реставрационном отчете 1967 г. Л. В. Бетин. Отметив, что из-за отсутствия лесов дается лишь общий обзор состояния стенописи, автор указал на изображение в конхе жертвенника Иоанна Предтечи с усекновенной главой в потире[1]. Эта ошибочная атрибуция была повторена Н. В. Удраловой, которая назвала также еще два сюжета росписи — в конхе центральной апсиды Богоматерь Знамение, в конхе диаконника — Авраам. Считалось, что живопись в алтаре почти полностью утрачена[2]. Эти выводы были сделаны, когда роспись еще находилась под записью.

В 1990-е годы фрески алтаря были раскрыты из-под позднейших наслоений и впервые стали доступными для изучения[3]. Роспись центрального алтаря, диаконника и жертвенника находилась под несколькими слоями поновительской живописи, а восточная стена над сводами алтарных помещений и примыкающие участки северной и южной стен были покрыты сплошной серой покраской. После раскрытия были не только уточнены ошибочно названные ранее, но и выявлены новые, неизвестные до сих пор композиции.

---

[1] *Бетин Л. В.* Акт технического состояния и отчет о реставрационных работах 1967 года на стенописях Преображенской (Троицкой) церкви в Больших Вяземах: Рукопись. М., 1967. С. 2 — Архив СНРПМ-2 в/о «Союзреставрация», № 80ж/ 301.

[2] *Удралова Н. В.* Стенопись церкви Преображения в Больших Вяземах // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М.,1980. С. 8. Иоанн Предтеча, по мнению автора, представлен с чашей с Младенцем Христом.

[3] *Квливидзе Н. В.* Роспись диаконника церкви Троицы в Вяземах // Троицкие чтения. 1997. Сборник научных исследований по материалам конференции. Большие Вяземы, 1998. С. 16—21.

Алтарь отделяется от основного пространства храма высокой алтарной преградой с тремя арочными проемами. Сохранность росписи не равномерна. Полнее всего сохранились фрески диаконника, с большими утратами дошла живопись жертвенника и более чем наполовину утрачена первоначальная роспись центрального алтаря.

Имеющиеся в центральной апсиде изображения выполнены на позднем грунте XIX в. В конхе апсиды представлена Богоматерь на престоле. На склонах алтарной арки — архангелы Михаил и Гавриил. Младенец, изображенный строго по центру, благословляет обеими руками. Он как бы сидит на провисающей складке мафория, опираясь ногами на кайму. Живопись выполнена грубо. Обращает на себя внимание необычная поза Богоматери, сидящей на престоле с воздетыми руками.

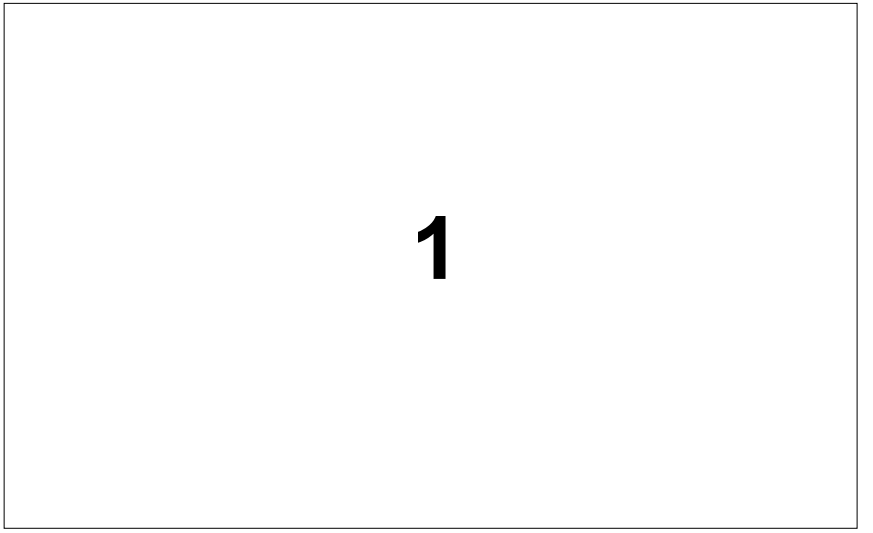
Под конхой на стенах апсиды представлены фронтальные фигуры святителей в рост. Все изображения, кроме святителя, замыкающего ряд на южной стене апсиды, написаны на позднем грунте. От изображения св. Петра, как назван святитель в поздней записи, уцелел фрагмент центральной части фигуры — верхний контур левой руки, придерживающей у груди евангелие с охристой крышкой и темно-бирюзовым обрезом, красно-коричневый саккос с бирюзовыми крестами в кругах, белый омофор с охристыми полосками и коричневыми крестами. Контуры фигуры, линии омофора и кайма на рукаве саккоса совпадают на границе авторской и поновительской живописи. Это свидетельствует о том, что поновительская живопись следует первоначальной иконографической схеме. Также фронтально расположены святители в центральной апсиде Смоленского собора Новодевичьего монастыря.

На остальном пространстве центрального алтаря — стенах вимы, столпах, западной стене и склонах арочного прохода из алтаря в жертвенник, занятом изображениями святителей и преподобных, сохранилась первоначальная роспись конца XVI в. На стенах вимы на серо-голубом рефтяном фоне помещены полуфигуры святых в разноцветных медальонах в виде концентрических кругов. Над проходом в диаконник написана полуфигура святителя в крещатых ризах, в остальных медальонах — преподобные, среди которых Сергий Радонежский, Пафнутий, Савва. На западной стене, то есть на внутренней стороне алтарной преграды, над арочным проемом в основное пространство храма — херувим, а по сторонам проема — святители в рост. Эта часть росписи была поновлена в XVII в. Ростовые изображения святителей находятся также на склонах арки прохода из центрального алтаря в

жертвенник и на восточных столпах. Живопись дошла с большими потерями. Особенно пострадали лики, но фигуры сохранились значительно лучше. Стройные вытянутые силуэты, плавные жесты, оживляющие строго фронтальную постановку фигур, округлые контуры ликов свидетельствуют об ориентации художников на идеалы, выработанные в искусстве начала XVI в. Колорит строится на сочетании белого, кирпично-коричневого цвета крестов на ризах и омофорах и золотистого цвета епитрахилей, палиц, крышек Евангелий. Встречающийся розовый, зеленоватый и бирюзовый цвет лишь оттеняет основную тональность росписи, создавая атмосферу насыщенности росписи светом. Среди изображений особым изяществом и красотой выделяются фигуры святителей Спиридона на южной грани юго-восточного столба и Арсения, написанного на восточной грани того же столба. Спиридон в белой фелони, отороченной по краю тонкой двойной красно-коричневой каймой и в белом подризнике, по которому идут вертикальные двойные черные полосы — «потоки». На голове святителя коническая митра с гаммatами. Фелонь полностью закрывает руки, поддерживающие у груди Евангелие. Складки и контуры одежд написаны широкими полосами охры. Относительно хорошо сохранился лик святителя с довольно длинной, слегка вьющейся бородой, написанной белилами по светлой охре. Арсений изображен в крещатой фелони с отведенной в сторону благословляющей двуперстно правой рукой и с Евангелием в покрытой фелонью левой. Левый контур чуть заметно изогнутой фигуры подчеркнут черной линией «потока». Край фелони слева спускается плавной дугой, справа образует ломкие складки. Несмотря на многочисленные утраты хорошо прочитываются черты широкого лика с куполообразным лбом, обрамленным короткими волосами, близко и несколько асимметрично посаженными глазами, «долгим» носом и большой бородой. Уравновешенное движение, гармоничные пропорции и строгая сосредоточенность лика создает сложный образ, исполненный внутренней глубины.

Почти все надписи, выполненные белилами по синему фону, были утрачены вместе с верхним слоем краски, поэтому точно установить состав изображений невозможно, хотя некоторые имена все же сохранились. На фоне около медальона с преподобным Сергием Радонежским уцелела надпись с элементами вязи. В некоторых случаях определить, кто изображен, помогают выполненные графьей пометы на разгранках и нимбах и поздние надписи XIX в.

Роспись жертвенника дошла с большими утратами, но сохранившиеся части композиций позволяют полностью представить ее программу. Вместо полуфигуры Иоанна Предтечи вся конха апсиды жертвенника занята изображением чаши с Младенцем Христом, над которой склоняются ангелы с рипидами. Здесь представлена сцена «Поклонение Жертве». В зените конхи над чашей — сияние в виде желтого круга с лучами, в центре которого в XIX в. был изображен треугольник с надписью «БОГЪ»[4].

1. Церковь Троицы в Вяземах. Конец XVI в. Роспись конхи жертвенника. Схема-реконструкция.

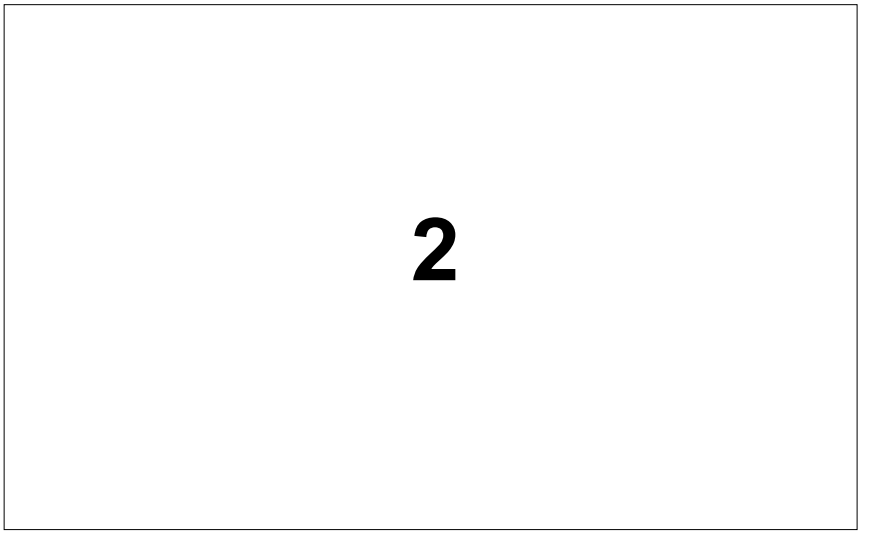
Сцена продолжалась на стенах апсиды, где с каждой стороны были написаны еще ангел и два диакона с кадилами и ладонницами в руках. От этих фигур сохранились разного размера фрагменты. Так же в жертвеннике, но в нижнем ярусе росписи, находится «Поклонение Жертве» в кремлевском Архангельском соборе[5] и в восточной нише

[4] Эта композиция аналогична изображению на дискосе XVII в. из собрания Сергиев-Посадского музея. *Олсуфьев Ю. А.* Опись древнего церковного серебра б. Троице-Сергиевой Лавры (до XVIII в.). Сергиев, 1926. С. 59—60.

[5] *Крылова В. Н.* Отчет о реставрации стенописи Архангельского собора в Московском кремле, выполненной в 1953—1955 гг.: машинопись. М., 1962 // Архив ГММК, 83. С. 277 (далее — *Крылова*, 1962).

диаконника в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря[6]. Тема прославления спасительной жертвы Христа, выраженная этой композицией, отвечает чину проскомидии, а помещение ее в конхе жертвенника подчеркивает ее центральное значение. Изображение херувимов, ангелов и диаконов по сторонам от чаши с Агнцем отдельно от святителей переносит акцент с темы совершения Евхаристии на тему поклонения Земной и Небесной Церкви Предвечному Младенцу, прославления Христа как Истинной Жертвы. Этот аспект в понимании Евхаристии не является новым. Отцы IV в. Кирилл Александрийский и Амвросий Медиоланский, разъясняя смысл Евхаристии, говорили,что «Христос есть Хлеб и самих ангелов» и, что этим Хлебом «питаются преизобильно ангелы на небе»[7].

В западной части стен жертвенника находятся полуфигурные изображения святителей и преподобных в медальонах. Сохранилась надпись около священномученика Садока на южной стене[8].

2. Церковь Троицы в Вяземах. Конец XVI в. «Видение Григория Богослова». Роспись северо-восточного компартимента над жертвенником. Схема.

[6] Это может быть связано с тем, что в диаконнике находился придел. См.: *Ретковская Л. С.* Смоленский собор Новодевичьего монастыря. М., 1954. С. 9.

[7] *Киприан*, архим. (Керн). Евхаристия. Париж, 1947. С. 31.

[8] Память св. Садока (19 октября) совершается в один день с Клеопатрой и Иоанном, сцены жития которых представлены в росписи диаконника Архангельского собора (99). См.: *Самойлова Т. Е.* Росписи XVI в. в усыпальнице Ивана Грозного // Троицкие чтения. 1997. Большие Вяземы, 1998. С. 116.

В ходе реставрационных работ под глухой серой покраской были обнаружены фрагменты композиции, располагавшейся в северо-восточном компартименте над жертвенником, имеющей важное значение в системе алтарной декорации. В сильно утраченном виде до нас дошла верхняя часть и разрозненные руинированные нижние участки большой сцены, занимавшей северную и восточную стены от уровня свода жертвенника до основания северо-восточного барабана. Несмотря на то, что живопись сильно утрачена и местами лишь по остаткам красочного слоя можно судить об изображении, удалось достаточно полно восстановить общую композиционную схему и отдельные детали редкого иконографического сюжета.

Действие разворачивается на фоне светло-бирюзового пятиглавого храма с яркими желтыми куполами и розовой кровлей. Центральная главка приходится на угол, а боковые симметрично располагаются на северной и восточной стенах компартимента. На обеих сторонах храма под самыми куполами дважды изображен Христос в золотистых одеждах, окруженный розовыми медальонами славы, сидящий на радуге. Каждый медальон поддерживают по два ангела. В медальоне на северной стене Спаситель представлен в трехчетвертном повороте вправо с благословляющим жестом. На восточной стене Христос изображен фронтально, благословляющий обеими руками. Под медальонами изображены херувимы — красный на северной и охристый на восточной стене. Нижняя часть композиции почти полностью утрачена. На северной стене просматриваются остатки подготовительного рисунка фигуры, выполненного охрой, и фрагменты одежд. Здесь был изображен святитель в саккосе с черными крестами, вписанными в зеленые круги. На восточной стене сохранилась верхняя часть фигуры второго святителя, обращенного влево и взирающего наверх. Слева от нимба уцелел фрагмент изображения красного крыла. По характерному типу лика с широким лысым лбом и «лопатообразной» бородой узнается св. Григорий Богослов. Слева в саккосе с кругами, по-видимому, был изображен Иоанн Златоуст. В нижней части композиции никаких изображений, кроме указанных фрагментов, не сохранилось.

Идентификация этой сцены и ее недостающие детали восстанавливаются по аналогии с изображением в Архангельском соборе Московского Кремля, с которым вяземская фреска обнаруживает почти буквальное совпадение. В опубликованных в 1964 г. материалах Ю. Н. Дмитриева, посвященных стенописи Архангельского собора, дано подроб-

ное описание композиции, расположенной, как и в церкви Троицы, на восточной стене над жертвенником[9]. В верхней части композиции также на фоне храма дважды представлен Христос в кругах славы, поддерживаемый ангелами, причем слева он как бы спускается, а справа возносится. В нижней части изображен церковный престол с лежащим на нем Младенцем Христом, по сторонам от которого стоят два святителя. Над престолом парят херувимы, за престолом и перед ним склоняются ангелы. Взаимное расположение и позы святителей в Троицкой церкви, а также остатки изображения херувима над ними соответствуют иконографической схеме композиции Архангельского собора, что позволяет реконструировать нижнюю утраченную часть композиции.

В отличие от церкви в Вяземах, где надписи не сохранились, изображения в Архангельском соборе сопровождаются текстами, приведеными автором публикации: «С[вя]таго Григория Богослова о с[вя]тый б[о]жественной литургии», «и серафимы со Иереем невидимо служат»[10]. Однако литературный источник этих текстов остался автору неизвестен. В связи с этим изображения ангелов на северной стене, один из которых низвергает сатану в ад, а другой учит народ, как должно стоять в церкви, являющихся частью той же композиции, не были включены в контекст описанной сцены. Рядом с ангелом, свергающим сатану, находится надпись: «С небеси и вверже его во огнь вечный», второй ангел сопровождается надписью: «Ангел Господень поучает народ: стойте со страхом в церкви»[11].

Источником этих текстов, дающим объяснение всей сцене, является «Толкование Божественной службе», приписываемое Григорию Богослову. Текст «Толкования» встречается во многих русских рукописных сборниках XVI—XVII вв.[12] На этот литературный памятник указал Н. В. Покровский в связи с алтарной росписью ярославской церкви Иоанна Предтечи в Толчкове конца XVII в.[13] До этого был извес-

[9] *Дмитриев Ю. Н.* Стенопись Архангельского собора Московского Кремля (Материалы к исследованию) // Древнерусское искусство: XVII век. М., 1964. С. 155 (далее — *Дмитриев*, 1964).

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] Рукописные сборники XVI—XVII вв., содержащие списки текста «Толкования», указаны Н. В. Покровским — См.: *Покровский Н. В.* Стенные росписи в древних храмах греческих и русских. М., 1890. С. 268. (далее — *Покровский*, 1890).

[13] Там же. С. 131—134, 267—268, *Он же.* Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. СПб., 1892. С. 288—290.

тен греческий текст толкования литургии с миниатюрами по рукописи 1600 г. Ватиканской библиотеки, изданный и описанный кардиналом Анжело Маи. Русский перевод описания «Греческой литургии в картинах» в 1866 г. был опубликован А. В. Горским[14]. Миниатюры греческой рукописи и роспись алтаря церкви Иоанна Предтечи начинаются с изображения св. Григория Богослова, сидящего на престоле в окружении клира и разъясняющего смысл литургии. Первая композиция в алтарной росписи церкви в Толчкове сопровождается надписью: «О святей литургии от св. отец св. Григорей вопрошен бысть… О святей литургии ответ дан бысть»[15]. На одной из миниатюр, как и в росписи, изображен ангел, повергающий диавола «во огнь кромешный»[16]. Надпись на аналогичной фресковой композиции: «Егда диакон возглашает, диавол зубы скрежетание(скрежещет?), тогда ангел Господень снидет с неба, ввержет его в огнь неугасимый»[17]. Как видим, надписи в ярославском храме конца XVII в. и в росписи 1565 г. кремлевского Архангельского собора совпадают.

Греческий текст не указывал на святителя Григория как на автора толкования, и А. Маи предполагал, что он изображен как один из творцов литургии. В отличие от греческой рукописи, в русских сборниках «Толкование» прямо приписывается св. Григорию Богослову, о чем свидетельствуют и надписи на фресках.

Толкование Григория Богослова встречается в нескольких сборниках и представляет собой подробное символическое изъяснение всех текстов и священнодействий службы. Соответствуя в основном каноничным изъяснениям литургии, составленным Иерусалимским патриархом Софронием, Германом Константинопольским, Николаем Кавасилой и, особенно, Симеоном Солунским[18], текст толкования Григо-

---

[14] *Горский А. В.* Греческая литургия в картинах // Сборник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее: 1866 г. М., 1866. С. 117—118 (далее — *Горский*, 1866). См. также: *Голубцов А. П.* Из чтений по церковной археологии и литургике. Ч. II. Литургика. Сергиев Посад, 1918. С. 137—138.

[15] *Покровский*, 1890. С. 132.

[16] *Горский*, 1866. С. 118.

[17] *Покровский*, 1890. С. 132.

[18] Писания святых отцев и учителей церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. Т. 1. СПб., 1855. С. 263—290, 355—426. Т. 2. СПб., 1856. С. 5—58.

рия Богослова отличается обилием апокрифических деталей. Особенностью «Толкования Григория Богослова» является постоянное указание на участие ангелов во всех моментах божественной службы и ссылки на то, что автор описывает увиденное. В самом начале службы с первыми возгласами священника и диакона ангел слетает с небес, встает у дверей церковных и отвечает на каждое произносимое ими речение, и говорит: «утвердитеся вси в страх божий и в службу»[19]. Когда диакон читает Евангелие, «Сын Божий невидимо приходит, видех Его, в той бо час отверзается покров церковный»[20]. Во время пения херувимской песни множество ангелов, херувимов и серафимов окружают церковный престол и при пении «трисвятого» является Христос посреди них, а алтарь наполняется огнем[21]. По окончании же литургии приходит ангел, хранящий дары, «и вознесет святую службу на небо к Богу»[22]. В росписи Архангельского собора и церкви Троицы в Вяземах эти моменты представлены изображением нисходящего и возносящегося Христа во славе. Надо отметить, что говоря о заключительных действиях литургии, Симеон Солунский также отмечает, что «никто не должен пренебрегать этим страшным временем: потому что является Сам Христос», а последнее каждение даров указывает на вознесение Спасителя[23]. Таким образом и в святоотеческих символических истолкованиях литургии и в сочинении, приписываемом Григорию Богослову, дается одинаковое объяснение важнейших моментов службы. Эти центральные эпизоды Божественной литургии легли в основу композиции, помещенной над жертвенниками Архангельского собора и Троицкой церкви в Вяземах.

Основная идея «Толкования» Григория Богослова и фрески, иллюстрирующей этот текст, — единство земной и небесной Церкви в таинстве Евхаристии. Эта мысль присутствовала и в древних толкованиях литургии и в изображении Евхаристии с ангелами, сослужащими Христу. В XVI в. она приобретает усиленное звучание, настойчиво утверждая реальность таинства, стремясь и словом и образом подчеркнуть

[19] ОР ГИМ Син. 686. Л. 293.

[20] Там же. Л. 302 об.

[21] Там же. Л. 305—307 об., 314.

[22] Там же. Л. 323.

[23] Писания св. Отцев. С. 53—54.

постоянное присутствие мира горнего в Церкви и ее таинствах. То же содержание раскрывается в композиции «Великий Вход», помещенной в центральной апсиде Архангельского собора, Успенского собора в Свияжске, Благовещенского в Сольвычегодске. Та же тема разрабатывается в алтарных росписях афонских храмов Кутлумуша (1540), Дохиара (1568 г.), купольных фресках Ватопеда и Хиландаря[24], в соборе Гелатского монастыря в Грузии (к. XVI в.)[25]. В отличие от толкований патриарха Софрония или Германа Константинопольского, подчеркивающих символическое значение службы, толкование Григория Богослова, тяготеющее к апокрифической форме представлений, и основанные на нем фрески акцентируют наглядные, мистически явленные видения. Патриарх Софроний истолковывает, Григорий Богослов видит. Таким образом, композиции в Архангельском соборе и Троицкой церкви представляют собственно «Видение Григория Богослова», а не иллюстрации толкования, которые появятся в конце XVII в. в росписи церкви Иоанна Предтечи в Толчкове. Надо отметить, что пример подобного мистического видения был уже известен в росписях начала XVI в. Так же перед жертвенником на северной стене Рождественского собора Ферапонтова монастыря помещено «Видение Евлогия», иллюстрирующее рассказ патерика о явлении ангелов во время службы, вручающих монахам различные дары[26]. Хотя в одном случае речь идет о литургии, а в другом о наградах за монашеские труды, раздаваемые за вечерней службой, содержание этих видений совпадает в том, что в Церкви осуществляется соборное единство мира ангельского с миром человеческим.

Анализируя роспись ярославского храма, Н. В. Покровский утверждал, что «ничего подобного мы не встречаем ни в древнейших памятниках византийских, ни в памятниках русских до XVII в.»[27] Однако роспись кремлевского Архангельского собора и новооткрытые фрески церкви Троицы в Вяземах, свидетельствуют о том, что уже во второй половине XVI в. существовало изображение символического толкования Божественной литургии, приписываемое Григорию Богослову. Этот факт является еще одним примером, свидетельствующим о

[24] *Покровский Н. В.* Очерки памятников христианского искусства и иконографии. СПб., 1910. С. 192—212.

[25] Die Kunst des alten Georgien. Leipzig, 1977. S. 183.

[26] *Данилова И. Е.* Фрески Ферапонтова монастыря. М., 1970. Илл. 141.

[27] *Покровский*, 1890. С. 133.

тенденции изображать различные символические аспекты литургии в алтарных росписях храмов второй половины XVI в.

Среди сборников, в которые входит текст «Толкования», самой ранней является рукопись 1523 г., находившаяся в новгородском Софийском соборе[28]. Возможно, эта рукопись была известна митрополиту Макарию, возглавлявшему в 1526—1542 гг. Новгородскую кафедру. Иконографическое содержание икон, созданных в эпоху митрополита Макария, бо́льшую часть которых составляют произведения литургического содержания, уже более столетия привлекает внимание исследователей. В меньшей мере этот интерес проявляется в отношении монументальной живописи. Вместе с тем, обращение к росписям этого времени показывает, что процесс тематического развития шел одновременно во всех видах изобразительного искусства XVI в. Интерес к сложным иконографическим схемам, интерпретация в образах многоплановых богословских идей, тематическая насыщенность произведений иконописи и монументальных ансамблей середины столетия получают обобщающую форму в эпоху Бориса Годунова.

Наиболее полно первоначальная роспись сохранилась в диаконнике, хотя и здесь имеется несколько участков утраченного авторского грунта в восточной части апсиды. В конхе апсиды написан Авраам, восседающий на престоле в райском саду. На склонах арки и примыкающих стенах, также на престолах в райских кущах сидят Исаак и Иаков — это композиция «Лоно Авраамово». Символизирующая рай и являющаяся одним из иконографических элементов Страшного суда, эта сцена обычно помещается на западной стене храма[29]. Примером размещения в диаконнике композиции «Лоно Авраамово» является фреска в кремлевском Архангельском соборе. Она расположена на северной стене и является частью представленной в нескольких сценах композиции «Притча о богатом и Лазаре»[30]. Изображение этой притчи, также связанной с темой Страшного Суда, в диаконнике Архангельского собора объясняется устройством в этом алтарном помещении придела и царской усыпальницы[31]. Теме приближения смертного

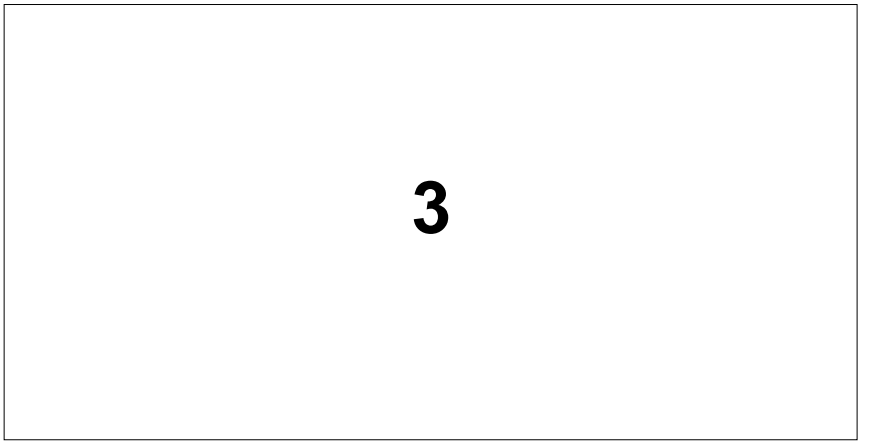
[28] Там же. С. 268.

[29] Weltgericht // Lexikon der christlichen Ikonographi. Bd. 4. Wien, 1994. S. 513—518.

[30] *Крылова,* 1962. С. 277.; *Дмитриев,*1964. С. 158—159; *Подобедова О. И.* Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972. С. 27; *Самойлова*, 1998. С. 116.

[31] *Самойлова*, 1998. С. 119.

часа посвящены и остальные композиции этой росписи, являющиеся иллюстрациями «Канона на исход души»[32].

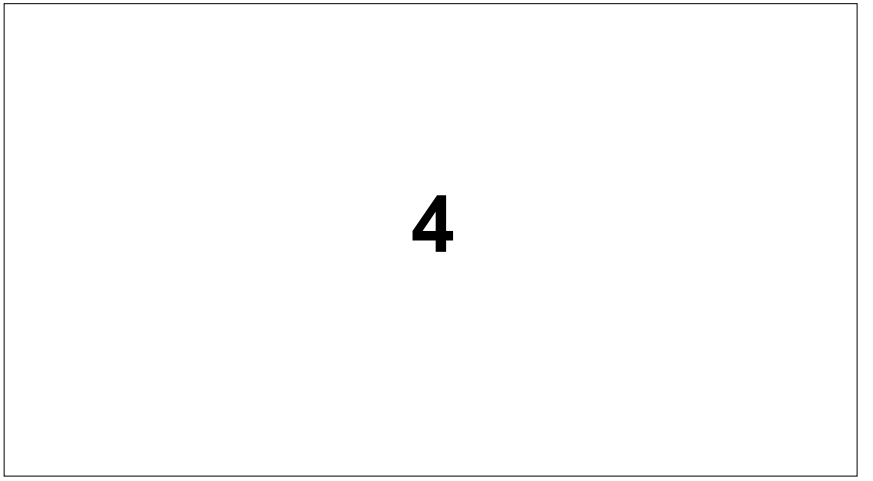
3. Церковь Троицы в Вяземах. Конец XVI в. Роспись конхи диаконника. Схема.

На северной стене диаконника годуновского храма представлено две сцены. Слева, в западной части стены на фоне двух больших зданий изображены монахи, выходящие из-за горки. Первый, в темно-вишневой мантии и черном клобуке, держит в вытянутой руке белый мешочек. Справа навстречу монахам, протягивая к ним руки, движется вереница одетых в короткие рубахи людей с всклокоченными волосами и широко раскрытыми глазами. Плохо сохранившаяся надпись XIX в. над группой монахов поясняет, что это св. Иоанн Милостивый. В записи здесь действительно была одна фигура с нимбом. Возможно, сам сюжет раздачи милостыни или остатки первоначальной надписи были поняты поновителем XIX в. как эпизод из жития св. Иоанна Милостивого, патриарха Иерусалимского, прославившегося щедрой милостыней. Однако после раскрытия авторской живописи обнаружилось, что монахи изображены без нимбов и, следовательно, это не может быть св. Иоанн Милостивый.

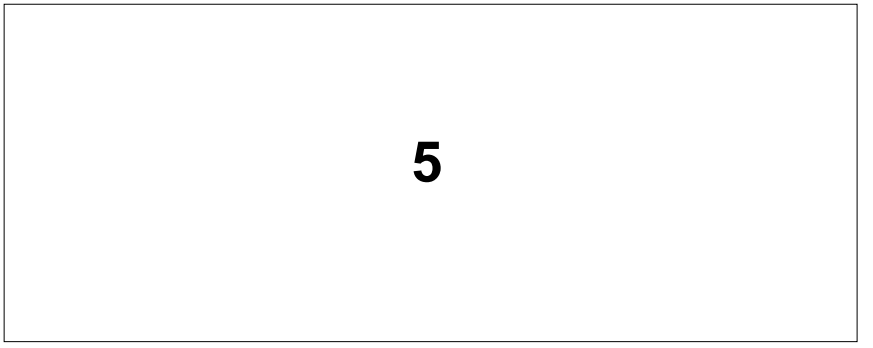
Справа к этой композиции примыкает изображение пещеры, в которой сидит обнаженный юноша с горестно склоненной головой и молитвенно воздетыми руками. Справа перед ним большой светильник в

[32] Там же.

виде подсвечника на подставке с толстой горящей свечой. Слева вверху над краем пещеры — здание с портиком. На первом плане на грунте X1X в. перед обнаженной фигурой — спины двух львов (?). Прежде чем перейти к анализу этих композиций, обратимся к изображению на южной стене диаконника.

4. Церковь Троицы в Вяземах. Конец XVI в. «Раздача милостыни». «Душа в пещере ада». Роспись северной стены диаконника. Схема.

5. Церковь Троицы в Вяземах. Конец XVI в. «Заупокойная литургия». Роспись южной стены диаконника. Схема.

Всю поверхность южной стены занимает одна огромная композиция, изображающая церковную службу. Здесь представлен интерьер церкви, показанной как бы в разрезе, с примыкающей к ней двухпро-

летной шатровой колокольней. В левой части церкви под дугообразным сводом, опирающимся на колонну, находятся молящиеся люди. Их жесты и позы исполнены экспрессии. Одни из них стоят на коленях, другие, слегка склонившись, осеняют себя крестным знамением или молитвенно вытягивают руки, образуя довольно большую и очень выразительную группу. Перед ними — икона свт. Николая с подвесной пеленой. Слева над людьми изображен ангел (на грунте XIX в.). В правой части композиции, также под полукруглым сводом на колоннах — алтарь, в котором священник и диакон совершают литургию. Запечатлен центральный момент литургии — освящение даров. Диакон указывает на чашу, священник благословляет ее. Выразительные жесты и монументальные размеры фигур усиливают впечатление торжественности происходящего. Алтарь и священнодействие показаны во всех деталях и подробностях: на престоле — чаша и дискос, покрытый звездицей, за престолом находятся крест и выносная икона Богоматери Владимирской. Изображение в качестве запрестольного образа Владимирской иконы указывает на значимость для художников, расписывавших годуновскую церковь, конкретных кремлевских реалий[33].

Объяснение содержания композиций, украшающих стены диаконника, дают миниатюры лицевых Синодиков — сборников статей о необходимости поминовения усопших[34]. При митрополите Макарии в 1548 г. было установлено и включено в Синодик общее церковное поминание, которым была отмечена годовщина большого московского пожара 1547 г.[35] В нем перечисляются различные виды смерти, главным образом «нуждной» и внезапной, и испрашивается «вечная память» погибшим. При патриархе Иове в 1597 г. вновь устанавливается

[33] *Этингоф О. Е.* К иконографии и функции двусторонних икон // Искусство Византии и Древней Руси. Тезисы докладов. СПб.,1996. С. 30.

[34] Подробное описание состава Синодика с указанием изображений см.: *Петухов Е. В.* Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895 (далее — *Петухов*, 1895). Возникновение литературных назидательных предисловий к синодикам-помянникам связывают с монастырской традицией конца XVв. — см.: *Дергачева И. В.* К литературной истории древнерусского Синодика XV—XVII вв. // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988. С. 63—76.

[35] *Макарий* архим. (Веретенников). Святитель Макарий митрополит Московский и Всея Руси. М., 1996. С. 33. Указ Ивана Грозного о совершении вселенской панихиды вошел в составе «Поминания» в Синодики — см.: *Петухов,* 1895. С. 89.

«общая память» и создается новая редакция «поминания», по содержанию близкая макариевской[36]. В 70—90 гг. XVI в. возникают лицевые Синодики[37], получившие широкое распространение в XVII в. В это же время появляются иконы-синодики, которые включаются в состав иконостаса, чем подчеркивается литургическое значение этих изображений[38].

Главной идеей назидательного предисловия Синодика, составляющего важнейшую часть сборника, является мысль о возможности облегчения загробной участи души человека, даже если сам он при жизни не принес достойного покаяния. Церковная молитва об умерших, совершение панихид, заупокойных литургий и раздача милостыни в память о них может облегчить страдания грешника. Этой теме посвящены многие рассказы Синодика, в том числе рассказ Макария Египетского о судьбе души в 3, 9 и 40 день по смерти. В нем подчеркивается значение совершаемых в эти дни заупокойных литургий, а текст, как правило, иллюстрируется изображением церковной службы[39]. Такими же миниатюрами сопровождаются различные повести, развивающие эту тему. Отличаясь между собой в незначительных деталях, миниатюры воспроизводят ту же иконографическую схему, которая представлена во фреске Троицкой церкви[40]. Они снабжены краткими комментариями такого типа: «Когда просвиры в церкви Божии выимают заупокой и кою душу поминают и аггели Божии взимают часть просфиры и относят на небо»[41].

Другой ключевой темой синодичных повествований, нашедшей отражение в росписи диаконника, является необходимость раздачи милостыни в память об усопших. Среди миниатюр, иллюстрирующих конкретные истории о действенности милостыни и пагубности невы-

---

[36] *Петухов*, 1895. С. 90.

[37] *Грибов Ю. А.* Статьи лицевого Синодика XVI в. в рукописном сборнике из собрания ГИМ. Доклад, прочитанный на Макарьевских чтениях 11 июня 1997 г. в Можайске (далее — *Грибов*, 1997).

[38] *Чугреева Н. Н.* Ряд икон-синодиков и его литургическое значение в системе иконостаса // Иконостас: Происхождение-Развитие-Символика. Тезисы докладов. М., 1996. С. 71.

[39] Синодик к. XVII в. ОР РГБ ф. 178 № 7277, лл. 14 об., 16 об.

[40] Синодики XVII в. ОР РГБ ф. 178 № 7277, лл. 24, 29 об., 32 об, 45; ф. 310 № 157, л. 45 об.; ф. 178 № 4462, лл. 5, 11.

[41] ОР РГБ ф. 310 № 153, л. 7.

полнения этой обязанности, встречаются сцены общего характера, где изображены монахи, подающие мешочек с деньгами нищим[42].

Последняя сцена росписи, представляющая душу в мрачной пещере ада, перед которой загорается светильник, также находит аналогию в изображениях Синодика[43]. Мрак, тьма — одно из самых тяжких мучений, на которое обрекаются грешники. «Боюся мрака несветимаго, боюся тьмы кромешныя»,— восклицает Кирилл Александрийский в «Слове о исходе души от тела»[44]. Церковное поминание и милостыня способно пролить свет и в эти скорбные места. «Егда священник поминает душу усопшего и тогда ангел господень сносит души той свет и освещает ее»[45].

Рассмотренные миниатюры относятся к сборникам второй половины — конца XVII в., то есть были созданы значительно позже росписи Вязем и не могут рассматриваться как ее иконографический источник. Для нас важно, что все представленные в диаконнике сюжеты имеют поминальную направленность, что доказывается включением их в состав Синодика.

Многие темы синодичных миниатюр давно известны в средневековом искусстве. Иллюстрации «Канона на исход души», являющиеся самым ранним примером лицевого Синодика XVI в.[46], имеются в росписи сер. XIII в. Георгиевской башни Хиландарского монастыря[47]. Назидательные рассказы Пролога и патериков о праведной и неправедной кончине, о напрасно потраченном времени жизни, о неизбежности смерти — популярная тема росписи афонских монастырских трапез. В XVI в. эти сюжеты попадают на иконы, часто встречаются на дверях в жертвенник[48].

Что касается непосредственных изобразительных источников росписи диаконника Троицкой церкви, то самые близкие по иконогра-

---

[42] ОР РГБ ф. 310 № 153, л. 7 об.

[43] ОР РГБ ф. 178 № 4462, л. 6.

[44] Соборник. М., 1647. Л. 109 об.

[45] ОР РГБ ф. 178 № 4462, л. 6.

[46] *Грибов*, 1997.

[47] *Радојчић С.* «Чин биваеми на разлучење души од тела» у монументалном сликарству XIV в. // *Радојчић С.* Текстови и фрески. Нови Сад [б. г.]. С. 60—73; *Ђурић В.* Византијске фреске у Југославији. Београд, 1975. С. 120, ил. 31.

[48] *Кондаков Н. П.* Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902. С. 83.

фии и стилю изображения находим среди миниатюр лицевой годуновской Псалтири 1591 г.[49] Характер украшения этой рукописи, иконография и стиль миниатюр ориентированы на Лицевой Летописный свод[50]. Но композиции отличаются большей свободой, меньшей условностью в понимании пространства, в них настойчиво выявляется пластика форм и движение, дается заостренная эмоциональная характеристика, что сближает миниатюры с росписью. Первый псалом этой рукописи украшает большая миниатюра «Лоно Авраамово» с толкованием «Разуме бо праведных пут(ь) раи на востоце»[51]. И именно так, «на востоце» помещена эта композиция в конхе диаконника. Преобладающая в Псалтири тема искупления падшего человека чаще всего сопровождается сценами церковной службы и изображением томящихся в аду и чающих спасения людей: Адама или других персонажей, соответствующих тексту, или души в виде обнаженной фигуры, аналогичные тем, которые представлены в диаконнике[52]. Здесь же не раз встречается сюжет раздачи милостыни нищим, иллюстрирующий мысль о том,что милость славнее истины[53]. Таким образом все, имеющиеся в стенописи диаконника иконографические мотивы, могли быть почерпнуты из лицевой годуновской псалтири.

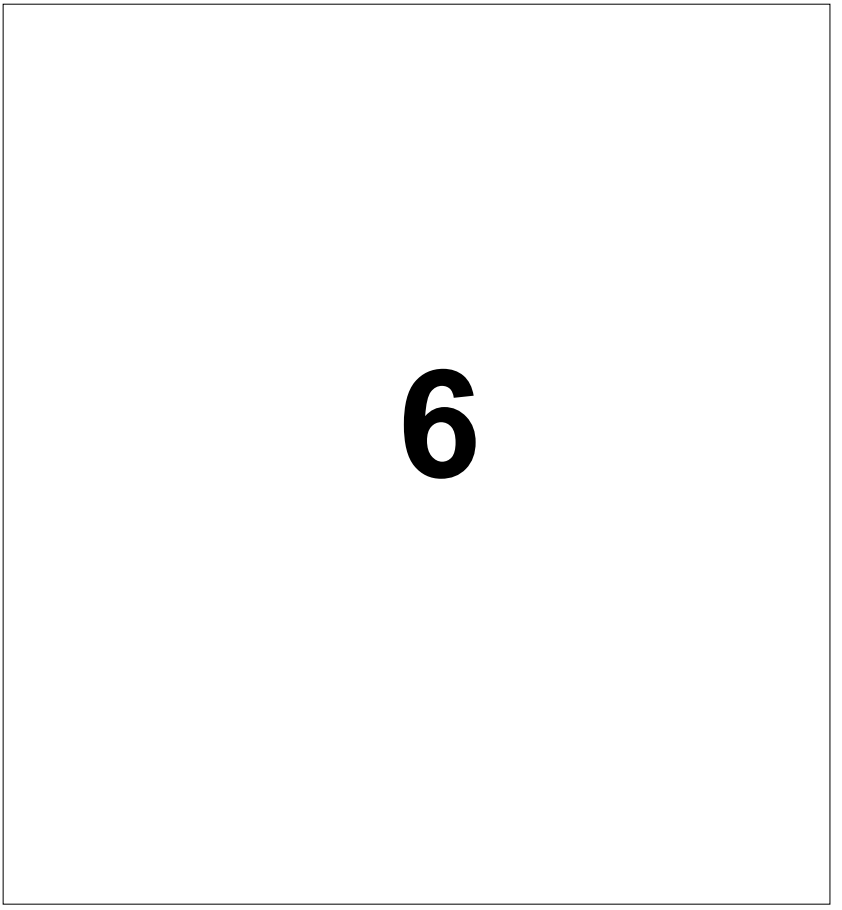
[49] *Буслаев Ф. И.* Сочинения. Т. 1. СПб., 1908. С. 13—14; *Сергеев В. Н.* Духовный стих «Плач Адама» на иконе // ТОДРЛ. М.; Л., 1971. Т. 26. С. 280—286; *Владышевская Т. Ф., Сергеев В. Н.* «Покаянный стих» «Зрю тя, гробе…» в литературе, живописи и музыке XVII века // Древнерусское искусство XV—XVII веков. М., 1981. С. 108—117.

[50] *Квливидзе Н. В.* Миниатюры Годуновской Псалтири 1591 г. и роспись Троицкого храма в Вяземах // Искусство рукописной книги. Византия. Древняя Русь / Тезисы докладов международной конференции. СПб., 1998. С. 8—9. Псалтирь 1591 г., вложенная Д. И. Годуновым в Ипатьевский Костромской монастырь, хранится в настоящее время в Архиве ГММК. См.: *Покровский Н. В.* Ипатьевская лицевая Псалтирь 1591 г. // Христианское Чтение. 1883. IX—XII. С. 594—628.

[51] *Кожина Ю. А.* Одно из художественных течений в русской живописи XVI—XVII вв. // Русское искусство XVII века. Л., 1929. С. 63—84. Ю. А. Кожина отметила, что на близость миниатюрам Лицевого свода обратил внимание Н. П. Лихачев в своем исследовании о палеографическом значении водяных знаков. Там же. С. 64.

[52] Архив ГММК. Псалтирь 1591г. Л. 48.

[53] Там же лл. 54 об., 130 об., 150, 161, 173, 196 об., 238 об., 251 и др.— служба в храме; лл. 381, 429 об., 443, 471 — изображение ада в виде черной пещеры.

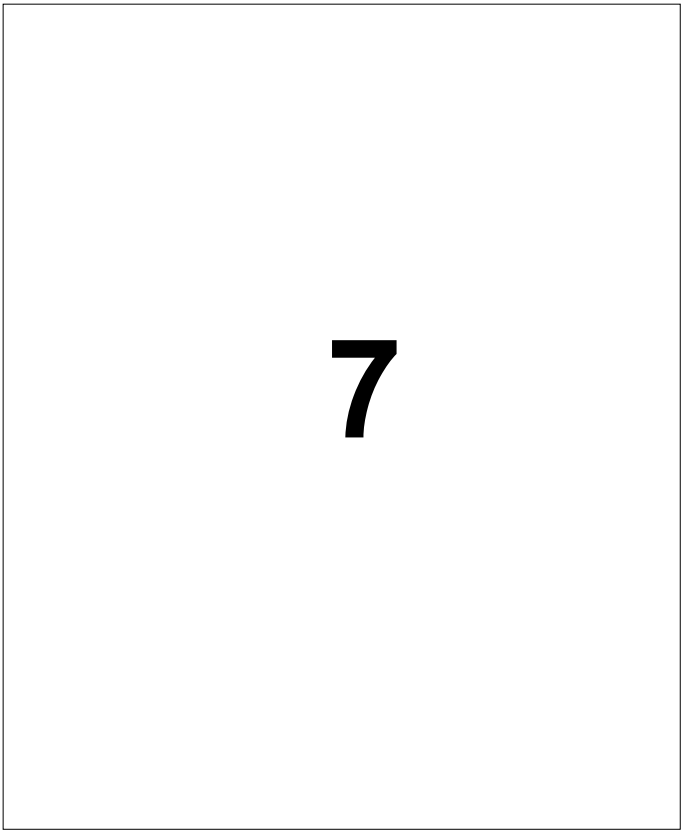

6. Миниатюра «Лоно Авраамово». Архив ГММК. Псалтирь 1591 г., л. 48. Схема.

Обращение к миниатюрам Псалтири в связи с заупокойной тематикой вполне закономерно и оправдано как покаянной настроенностью этой книги, так и существующей церковной традицией чтения псалтири по умершим[54]. О том же, что роспись диаконника посвящена именно этой теме, свидетельствует также композиция «Собор Архангела Михаила», помещенная на восточной стене над сводом. Выбор этого сюжета порождает целую цепь ассоциаций: указывает и на кремлевский Архангельский собор, храм — усыпальницу московских госуда-

[54] Там же лл. 149 об., 328 об.— раздача милостыни.

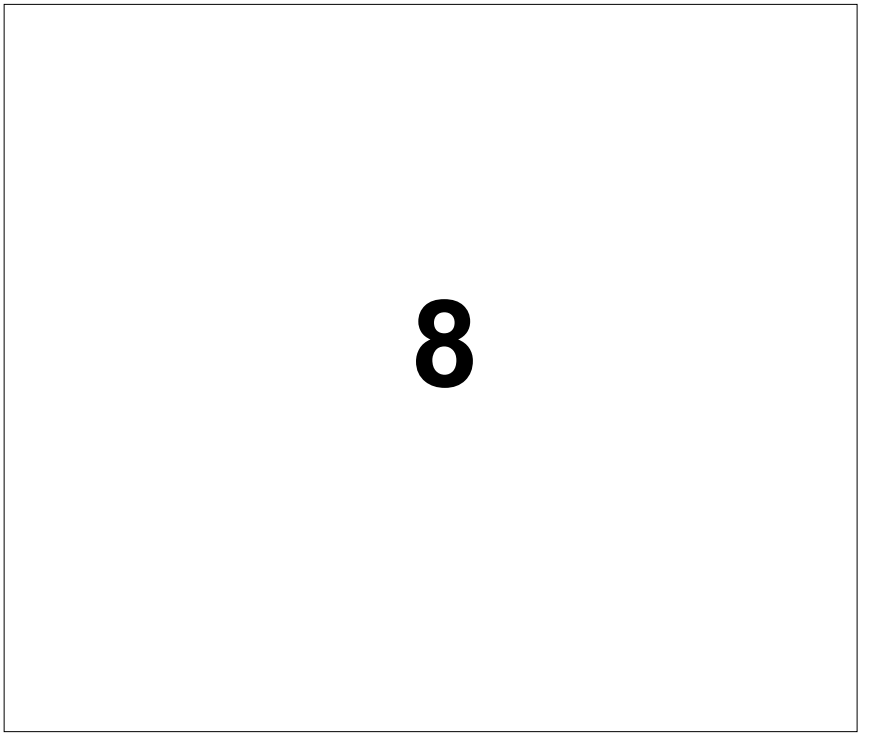
рей[55], и на усыпальницу Ивана Грозного в диаконнике этого собора, и собственно на тему смерти в связи с представлением о том, что Архангел Михаил препровождает души умерших в уготованные им обители[56].

7. Миниатюра «Раздача милостыни». Архив ГММК. Псалтирь 1591 г., л. 150. Схема.

[55] Об этом свидетельствует миниатюра, иллюстрирующая Канон на исход души в Псалтири Томича. См.: *Щепкина М. В.* Болгарская миниатюра XIVв. (Исследование псалтири Томича). М., 1963; *Stichel R.* Darstellung des Trionfo della morte in der nachbyzantinischen Malerei // Byzantino slavica. XXII/ 2. 1971. S. 296—317.

[56] «Собор Архангела Михаила» изображен на золотом кадиле 1598 г., вложенном Ириной Годуновой в Архангельский собор после смерти царя Феодора. См.: *Постникова-Лосева М. М.* Русское ювелирное искусство, его центры и мастера. XVI—XIX вв. М., 1974. С. 140.

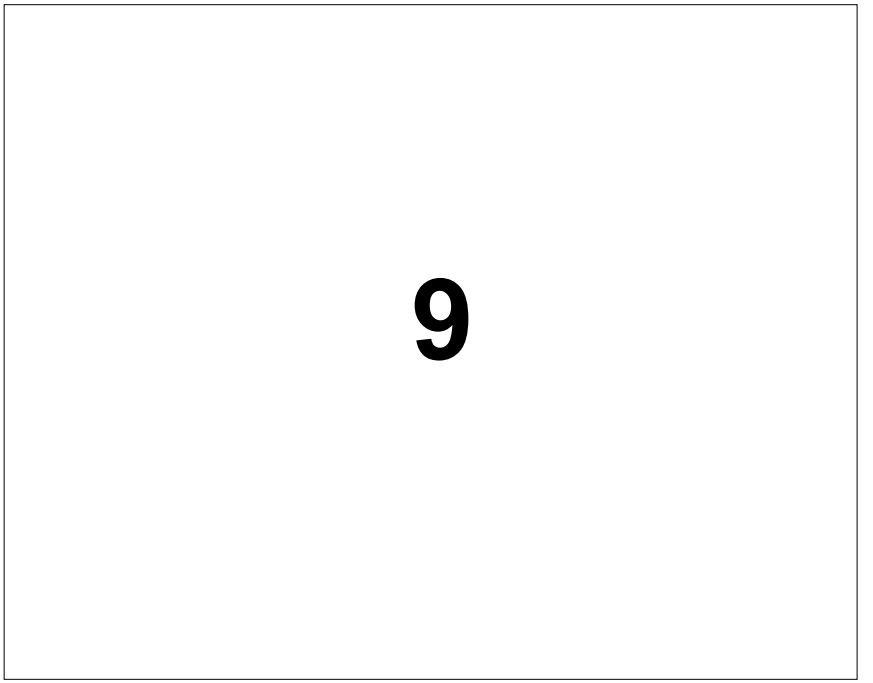
8. Миниатюра «Раздача милостыни». Архив ГММК. Псалтирь 1591 г., л. 328 об. Схема.

Обращение к миниатюрам Псалтири в связи с заупокойной тематикой вполне закономерно и оправдано как покаянной настроенностью этой книги, так и существующей церковной традицией чтения псалтири по умершим[57]. О том же, что роспись диаконника посвящена именно этой теме, свидетельствует также композиция «Собор Архангела Михаила», помещенная на восточной стене над сводом. Выбор этого сюжета порождает целую цепь ассоциаций: указывает и на кремлевский Архангельский собор, храм — усыпальницу московских государей[58], и на усыпальницу Ивана Грозного в диаконнике этого собора, и

[57] Там же лл. 149 об., 328 об.— раздача милостыни.

[58] Об этом свидетельствует миниатюра, иллюстрирующая Канон на исход души в Псалтири Томича. См.: *Щепкина М. В.* Болгарская миниатюра XIVв. (Исследование псалтири Томича). М., 1963; *Stichel R.* Darstellung des Trionfo della morte in der nachbyzantinischen Malerei // Byzantino slavica. XXII/ 2. 1971. S. 296—317.

собственно на тему смерти в связи с представлением о том, что Архангел Михаил препровождает души умерших в уготованные им обители[59].

9. Церковь Троицы в Вяземах. Конец XVI в. «Собор архангела Михаила». Роспись юго-восточного компартимента над диаконником. Схема-реконструкция.

Влияние Архангельского собора как образца для годуновской церкви Троицы в Вяземах не раз отмечалось исследователями[60]. Сказалось оно и при разработке программы алтарной росписи храма. Однако объяснить особенности тематики фресок диаконника только ориентацией на образец нельзя прежде всего потому, что в отличие от Архан-

[59] «Собор Архангела Михаила» изображен на золотом кадиле 1598 г., вложенном Ириной Годуновой в Архангельский собор после смерти царя Феодора. См.: *Постникова-Лосева,* 1974. С. 140.

[60] *Добиаш-Рождественская О. А.* Культ святого Михаила. Пг., 1917. С. 361. С напряженным трагическим пафосом звучит эта тема в Каноне Грозному Ангелу Воеводе, написанном Иваном Грозным (Парфением Уродивым). См.: *Лихачев Д. С.* Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 369, 372—376.

гельского собора здесь никогда не предполагалось захоронений, и перенос совершенно конкретной и частной идеи мемориального комплекса не имеет оснований. Живописная программа алтаря должна быть понята из собственно литургических особенностей своего времени и той идейной направленности, которая лежит в основе образного решения в данном случае. В отличие от жертвенника, программа росписи которого развивалась в соответствии с развитием чина проскомидии, южное алтарное помещение не имело специального литургического назначения и в нем как правило устраивались приделы. Существует мнение, что эти придельные алтари уже в XII в.использовались для совершения заказных заупокойных литургий[61]. Стоглавый собор, разъясняя назначение алтарных помещений (гл. 12, 13), называет южную «половину» алтаря кутейником, где совершаются частные панихиды по умершим, отмечая, что вселенские панихиды совершаются «среди церкви»[62]. В диаконнике Троицкой церкви в Вяземах мог находиться упоминаемый в писцовых книгах XVII в. придел Николая Чудотворца[63], в котором в соответствии с существующей литургической традицией должны были совершаться панихиды. В том, что программа росписи так явно подчеркивала это назначение, сказался, по всей видимости, личный заказ Бориса Годунова, поскольку в домовой церкви особое значение приобретала молитва об усопших сродниках и о собственном спасении в жизни вечной. В целом же роспись алтаря Троицкого храма свидетельствует о напряженной работе художественной мысли, об активном поиске иконографических тем и о существовании центрального направления в искусстве этого времени, выражающего глобальные идеи вселенского Православия[64].

---

[61] *Ильин М. А.* Усадьбы Годуновых // Сборник общества изучения русской усадьбы. Вып. 5—6. М., 1928. С. 38; *Баталов А. Л.* Московское каменное зодчество конца XVI века. М., 1996 (далее — *Баталов,* 1996). С. 228—229.

[62] *Мусин А.* Возникновение многоярусного иконостаса и древнерусское литургическое сознание // Иконостас: Происхождение-Развитие-Символика. Тезисы докладов. М., 1966. С. 43.

[63] Стоглав. СПб., 1863. С. 74—75.

[64] *Баталов,* 1996. С. 59.

Н. А. Кобяк, Т. А. Круглова

Корпус имен писателей-старообрядцев в книге В. Г. Дружинина «Писания русских старообрядцев»: Подготовка переиздания

В каждой отрасли знания существуют имена исследователей, чей авторитет считается безусловным и непререкаемым, а их научные труды служат образцом для последующих поколений. В области изучения истории старообрядчества в XIX — начале XX столетия такими авторитетами безусловно являются епископ Макарий (Булгаков), В. Кельсиев, А. П. Щапов, Н. И. Субботин, П. И. Мельников-Печерский, С. М. Соловьев, Н. Ф. Каптерев, П. С. Смирнов, Е. Е. Голубинский, В. О. Ключевский. Специализация и разделение историко-филологических дисциплин, успехи «вспомогательных» наук — текстологии, палеографии, библиографии — привели к тому, что методы этих наук стали играть все более значительную роль в исследовании истории церковного раскола. Появляются первые альбомы почерков, текстологические исследования старообрядческих сочинений, в частности литературного наследия старообрядцев. А. Л. Бороздин издает первое монографическое исследование деятельности протопопа Аввакума и его «Жития», в 1912 г. издается фундаментальный труд В. Г. Дружинина «Писания русских старообрядцев», остающийся главным справочником по старообрядческой книжности до настоящего времени.

В 1995 г. мы начали подготовку переиздания справочника В. Г. Дружинина «Писания русских старообрядцев»[1]. Проект предполагал обновить содержание этого ценного издания с учетом результатов деятельности дореволюционных и советских специалистов в области источниковедения и археографии старообрядческих сочинений, раскрывающих духовную жизнь значительной части русского общества на протяжении второй половины XVII — конца XX вв.

[1] Работа ведется при финансовой поддержке РГНФ (1995—1997 грант № 95-06-17806 а; 1998—1999 грант № 98-01-00292).

С самого начала реализация проекта потребовала от участников выбора современных методик и технологий, приемов накопления и сравнения большого объема информации, а также сортировки ее по различным признакам. Была разработана база данных, состоящая из 54 информационных полей. Она включает в себя два блока информационных полей. В первый вносятся все сведения, представленные в «Писаниях русских старообрядцев» Дружинина, во второй — уточнения и дополнения, которые выявляются в ходе проверки всех списков, указанных Дружининым, а также целевого изучения новейшей литературы по истории старообрядчества и его книжности.

Следующий этап работы состоял в первоначальном анализе информации, представленной справочником Дружинина. Было установлено, что в «Писаниях русских старообрядцев» учтены как самостоятельные 2207 произведений и почти каждое из них зафиксировано в нескольких списках: всего даются ссылки на 917 рукописей, в том числе на 200 рукописей из собрания самого Дружинина, из которых только 26 имеют современное научное описание, подготовленное Н. Ю. Бубновым. Заметим, что такой точный подсчет производится впервые. Исследователи, ранее писавшие о составе справочника, давали приблизительные сведения. Например, в монографической работе Н. Ю. Бубнова «Старообрядческая книга в России» общее число рукописей, использованных Дружининым в справочнике, оценивается в 500 единиц, а количество рукописей из собрания самого Дружинина — в 100[2].

Материал в книге «Писания русских старообрядцев» разбит на две большие части.

Во-первых, по именам авторов, внутри каждого авторского раздела сочинения расположены в произвольном порядке, каждый авторский раздел имеет собственную нумерацию сочинений.

Во-вторых, в самостоятельную часть выделены анонимные сочинения, расположенные в алфавитном порядке самозаглавий текстов или названий, данных Дружининым. В этой части имеется своя сплошная нумерация произведений.

Третьей, небольшой частью справочника, следует назвать «Дополнение»[3], куда вошли сведения о новых списках и новых сочинениях,

[2] Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России. СПб., 1995. С. 23.

[3] Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев. М., 1912. С. 467—478.

ранее Дружининым не выявленных, а также некоторые его новые атрибуции.

Подобный порядок не позволял четко организовать работу в архивохранилищах по проверке данных, представленных справочником, поэтому вся имеющаяся у Дружинина информация была нами реорганизована. Во-первых, все сочинения, включенные в справочник Дружинина получили сплошную порядковую нумерацию; во-вторых, был составлен список использованных Дружининым рукописей, в котором материал располагался по следующим признакам: 1. Единица хранения: Страна, Место, Хранилище, Шифр (старый и новый); 2. Состав старообрядческих сочинений в каждой единице хранения. Список был также снабжен указаниями на имеющиеся печатные описания того или иного собрания. Уже на этом этапе работы стало ясно, что многие их этих формальных сведений, представленных Дружининым, нуждались в исправлениях: в дальнейшем были уточнены современные места хранения отдельных рукописных собраний, шифры рукописей (например, все рукописи Рогожского собрания РГБ имеют новые номера) и т. д.

Здесь мы хотим сделать небольшое отступление, чтобы стало ясно, почему мы так заинтересовались полнотой и репрезентативностью сведений, представленных в этом справочнике. Дело в том, что, готовя описание рукописей Верхокамского собрания МГУ[4], мы столкнулись с определенными трудностями при атрибуции старообрядческих сочинений. Даже единственный подробный указатель произведений старообрядцев, каким является справочник «Писания русских старообрядцев», часто не давал возможности точно определить, имеем ли мы дело с новым неизвестным старообрядческим сочинением или уже введенным в научный оборот. С такими же трудностями сталкиваются, как можно судить по современным исследованиям, и другие авторы[5].

Если вернуться к анализу справочника, то можно отметить, что обработанная Дружининым печатная продукция страдала рядом существенных недостатков, проистекавших от уровня археографической практики того периода. В ряде докладов и сообщений последних трех

[4] Агеева Е. А., Круглова Т. А., Кобяк Н. А., Смилянская Е. Б. Описание рукописей Верхокамского собрания МГУ. М., 1994.

[5] Кобяк Н. А., Круглова Т. А., Плигузов А. И., Елпатьевская Е. А. О переиздании книги В. Г. Дружинина «Писания русских старообрядцев» // Мир старообрядчества. Вып. 4. М., 1998. С. 62—63.

лет мы уже давали систематизированный анализ недостатков и ошибок этого справочника, зависящих от качества исходных печатных описаний, а также идущих от недостаточной продуманности структуры справочника, корректировки всего материала в целом, поэтому пока на этом мы останавливаться не будем[6].

Здесь у нас пойдет речь только о корпусе имен писателей-старообрядцев, включенных в справочник В. Г. Дружинина.

Хотя первая часть справочника Дружинина озаглавлена: «Сочинения, расположенные в алфавитном порядке писателей», реально в этом разделе под именем одного автора могут содержаться:

а) Сочинения этого автора.

б) Сочинения, автором которого указанное лицо не является, но оно является его персонажем. Например, инок Епифаний не автор, а действующее лицо сочинения Ивана Филиппова (С. 169. № 2). В таком же качестве выступают: епископ Епифаний (С. 170), Илья и Енох (С. 176), Исаакий старец (С. 178), Петр I (С. 230). Всего в справочнике 40 подобных случаев. Из них Феодосия Прокопьевна Морозова упомянута лишь как персонаж, т. к. даются ссылки только на списки ее жития, в то время как ее сочинения — письма к протопопу Аввакуму, его жене и детям — не упомянуты.

в) Сочинение, посвященное разбору произведения другого автора. Например, «Сказание о распрях из-за догматических писем протопопа Аввакума», написанное Тимофеем Лысениным в 1710 г., находится в разделе «Аввакум» (С. 29. № 89). Имя же самого Лысенина в авторской части справочника отсутствует.

г) Есть случаи, когда сочинения одного автора приписаны другому лицу. Например, произведение Дмитрия Ерофеева «Собрание вкратце о браце Андрея Феолога» (С. 88. № 1) помещено среди сочинений Андрея Денисова. Имя Дмитрия Ерофеева не включено в число авто-

[6] Кобяк Н. А., Круглова Т. А. Об атрибуции Ивану Алексееву сочинения «Догмат о священстве Христове» // Старообрядчество. История. Культура. Современность. Тезисы. М., 1996. С. 136—138; Они же. Некоторые замечания о методике археографического описания старообрядческих сочинений // Старообрядчество. История. Культура. Современность. Тезисы. Москва, 1997. С. 203—205; Кобяк Н. А., Круглова Т. А., Плигузов А. И., Елпатьевская Е. А. О переиздании книги «Писания русских старообрядцев» В. Г. Дружинина // Живые традиции. Результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядства. Москва, 1998. С. 57—64.

ров справочника. Сочинения Андрея Тимофеева внесено под именем Ильи Ковылина (С. 181. № 2).

д) Есть примеры включения анонимных сочинений в авторскую часть: так одно из сочинений об Антихристе приписано Петру I (С. 230).

Если взглянуть на анонимную часть справочника с точки зрения состава авторов, то здесь помещены:

а) Сочинения с именами писателей, указанных также и в авторской части. Например сочинения С. Денисова (С. 390. № 503, С. 406. № 586, С. 435. № 719), Авраамия (С. 287. № 14), Ивана Васильева (Чугуева) (С. 289. № 24), Ивана Алексеева (С. 245. № 297), Даниила Матвеева (С. 347. № 304, С. 370. б/№), Андрей Борисов (С. 354. № 336), Илья Алексеевич Ковылин (С. 358. № 356, № 357), Михаил Калмык (С. 374. № 431, № 432, № 444) и других.

Всего — 35 подобных случаев.

б) Выявлены случаи, когда одно и то же сочинение с указанием имени автора находится в обеих частях справочника и учтено Дружининым по одному и тому же списку. Например, сочинение Даниила Матвеева «Ответы… на вопросы федосеевых согласника Ильи Алексеева» (С. 201. № 3 = С. 347. № 304), причем в обоих позициях ссылка дается на одну и ту же рукопись собрания Дружинина № 127 (160).

в) Сочинения, имена авторов которых, указанные в самозаглавиях, в авторской части не отмечены. Например, П. Д. Добрынин (С. 309—310. № 130), Г. С. Украинцев (С. 346. № 299), также не указаны в авторской части авторы Соловецких челобитных — Савватий, Варфоломей, Варсанофей, Азарий, Никанор, Геронтий. Всего мы насчитали 16 подобных имен.

Особенно много имен приведено в анонимной части в разделе «Письма» и «Послания». Здесь насчитывается 64 новых по сравнению с авторской частью имен. Большое число имен авторов — создателей произведений эпистолярного жанра — связано с тем, что они возникали, как правило, как результат коллективного творчества.

Это — первые наблюдения над материалом самого справочника Дружинина, сделанные после того, как содержащиеся в нем данные были нами реорганизованы в виде компьютерной базы данных[7].

[7] Кобяк Н. А., Круглова Т. А., Елпатьевская Е. А. Писания русских старообрядцев В. Г. Дружинина. (О разработке базы данных) // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». № 15, август 1995. М., 1996. С. 42—45.

Таким образом установлено, что всего в справочник Дружинина включено 283 имени писателей-старообрядцев. Из них 99 названо в анонимной части, и таким образом эти последние почти потеряны для исследователей. Напомним, что справочник не имеет именного указателя.

Несмотря на утверждения Дружинина, что он включил в свою книгу все материалы, вышедшие до 1910 г., многие старообрядческие писатели, работавшие в начальный период старообрядческого движения (не говоря уже о более позднем времени), не нашли места в авторской части справочника. Сюда не попали имена: дьякона Александра, хотя о его сочинениях было известно по работам Бровковича (1861 г.), Есипова (1861 г.), Смирнова (1909) и его изданию (Из истории раскола, 1908 г.); епископа Вятского и Великопермского Александра, сочинения которого были опубликованы в «Летописях» Тихонравова (1868), «Материалах» Субботина, начиная с 1-го тома (1875); Ефросина, автора трактата против самосожжений, опубликованного Лопаревым в 1895 г.; Тимофея Матвеева Лысенина, чьи сочинения были известны по работам Смирнова (1898, 1909 гг.) и «Материалам» Субботина. В то же время на других страницах справочника Дружинин активно ссылается на все эти издания.

Список имен писателей-старообрядцев, известных по публикациям и научной литературе XIX в.— 1910 г., но не включенных в справочник, достигает 36. Некоторые из этих имен Дружинин мог знать не только по литературе, но и по рукописям, на которые он ссылается. Например, сочинение 1725 г. Иосифа Артемьева, «согласника» ветковского Покровского монастыря против дьяконовцев, находится в той же рукописи, по которой у Дружинина указаны списки трех сочинений других авторов (РНБ, Q.I.489), но имени Иосифа Артемьева в справочнике мы не находим. Два других автора: Козьма Ларионов (по прозвищу Косой, ум. 1687 г.) и Козьма Сидоров (ум. после 1689 г.), чьи сочинения были изданы Дружининым в его диссертации «Раскол на Дону в конце XVII в.» (СПб., 1889), также не включены в справочник.

Ряд сочинений писателей старообрядцев XIX — начала XX в. существовали в виде изданий и имелись в библиотеке Дружинина, насколько можно судить по ее машинописной описи, сделанной при конфискации в связи с арестом владельца (Вайднеровская библиотека

Гарвардского университета, Slav. 251.20F)[8], и Каталогу «Международной книги»[9]. Но имена их авторов также не включены в справочник.

Не всегда можно понять, почему то или иное имя не включено в справочник. Например, Авраамий (Алексей Иванович Венгерский; ок. 1635 — после 1702 г.), сочинения которого не сохранились, мог быть не включенным Дружининым по этой причине, но мы имеем массу примеров того, что отсутствие подробных данных о списках сочинений не было препятствием для включения имен писателей в справочник, где мы находим имена 20 авторов, известных только по данным П. Любопытного.

В результате работы русских исследователей в последние десятилетия были определены авторы многих сочинений, включенных Дружининым в анонимную часть. Поэтому список сочинений отдельных авторов заметно возрастет. Например, в авторской части названо четыре сочинения странника Евфимия. Благодаря новейшему исследованию А. И. Мальцева, он дополнен еще семью сочинениями из анонимной части справочника.

Таким образом мы приходим к выводу, что при переиздании справочника «Писания русских старообрядцев» его структура должна быть кардинальным образом изменена. Попутно заметим, что при этом возникает важная для справочного издания антропонимическая проблема, то есть определение собственного имени, отчества, фамилии, прозвища того или иного автора в зависимости от времени их жизни. И этот, и другие вопросы могут стать темой для обсуждения.

---

[8] Плигузов А. И. Библиотека Василия Григорьевича Дружинина // Отечественные архивы. М., 1994. № 5. С. 20—24.

[9] Каталог «Международная книга». Л., 1932. № 75.

Л. М. Костюхина

Об одном сборнике Пахомия Логофета с Житием Сергия Радонежского из собрания ГИМ

(Палеография рукописи)

В собрании Отдела рукописных и старопечатных книг ГИМ хранится Сборник житий и поучений русских и греческих святых в списке XV в. Этот сборник под № 637 был включен в «Указатель обозрения Московской патриаршей (синодальной) библиотеки» архимандрита Саввы, описан (с некоторыми пропусками в росписи содержания в рукописи А. Д. Седельникова, хранящейся в ГИМ, вошел в «Описание рукописей Синодального собрания» Т. Н. Протасьевой[1]. Содержащий в числе произведений агиографической и церковно-учительной литературы комплекс ранних списков русских житий, в том числе Житие Сергия Радонежского, и ряд других произведений, посвященных этому выдающемуся церковному и политическому деятелю сборник не раз становился предметом исследования для ученых-источниковедов[2]. Однако никто из них не проводил полного палеографического анализа самой рукописи, а именно это дает возможность внести весьма значимые дополнения в характеристику сборника как исторического источника.

В работах, посвященных сборнику, на основании писцовых записей на его листах он датируется 1459 годом. Анализ же водяных знаков бумаги сборника показывает, что эта дата может быть отнесена только к листам 102—109 со Службой первомученику Стефану и лл. 197—207 об. с Мучением святой Юлиании. По водяным знакам (два варианта знака «Голова быка под косым крестом» 1456 г.) эти листы датируются второй половиной 50-х гг. XV в. Остальная часть рукописи (лл. 1—101, 110—196, 208—312) по водяным знакам, которые в основном идентичны имеющимся в указателях рисункам (Буква «Р» 1472—80 гг., Буква «J» 1472—1476 гг., «Герб с лилиями» 1479—1484 гг., «Якорь» 1481—84 гг., два варианта знака «Голова быка» 1481 г. и 1482 г.— должна быть отнесена к концу 70-х началу 80-х гг. XV в.[3]

Что касается письма этой книги, то еще в 1871 г. проф. Некрасов отмечал, что этот сборник писан «рукой Пахомия Серба» и «составлен как сборник» им же[4]. Действительно, сборник написан полууставом южнославянской разновидности с характерными особенностями российского письма 2-й половины XV в.: определенным набором южнославянских форм начертаний, грецизированными буквами, лигатурами. Два последних признака (грецизированные начертания и лигатуры) встречаются не часто. Однако по смене манер письма рукопись представляется выполненной не одним, а пятью почерками. Последовательный палеографический анализ позволяет отождествить два из них: первый и второй, чередующиеся на протяжении всей рукописи, начиная с л. 1 об., как на листах 50-х гг., так и на листах конца 70-х — начала 80-х гг. XV в. При этом надо отметить, что Служба первомученику Стефану (на бумаге 50-х гг. XV в.) написана в первой манере, а Мучение Юлиании (на той же бумаге) — во второй.

Для первого почерка характерна некоторая стандартная рисованность начертаний. Второй отличается большей вариантностью (буквы «в», «е», «з» («земля») и др.) Однако оригинальные, индивидуальные формы начертаний в обоих почерках в значительной мере совпадают; 18 из 28 букв — в первом и 18 из 36 — во втором, это особого рисунка буквы: «в», «д», «е», «з» («земля»), «с», «т», «ук», «ф», «ч». Последовательно повторяющийся комплекс таких совпадающих начертаний скорее всего мог принадлежать одному писцу. В пользу одного писца свидетельствует и тот факт, что один почерк сменяется другим на одной строке. Наконец, чередование этих 2-х почерков и на бумаге 50-х гг. XV в. и на бумаге 80-х гг. XV в. также говорит об одном писце. Третий почерк (он чередуется в рукописи, начиная с л. 56, с 1-м, 2-м и 5-м), хотя имеет значительное сходство в ряде индивидуальных начертаний с первым и вторым, не может быть с абсолютной достоверностью признан принадлежащим той же руке, что и два первые. Четвертый почерк (л. 66 об.— 71 об.) — почерк особого писца. Оба последних почерка встречаются в текстах, расположенных только на листах бумаги кон. 70-х — 80-х гг. XV в. Пятый почерк, которым написаны небольшие, в несколько строк, фрагменты текста, ряд заглавий и писцовых помет на лл. 108 об., 208, 223 об., 224, 245 об. (на бумаге как 50-х гг. XV в., так и конца 70-х начала 80-х гг. XV в.) относится к так называемому русскому грецизированному лигатурному письму, которым вла-

дели многие квалифицированные книгописцы, пользуясь им в дополнение к своему основному полууставному или скорописному почерку.

Писцом, для которого характерны разные манеры письма (первый и второй варианты) написаны основные тексты сборника, в том числе Житие Сергия Радонежского редакции Пахомия Логофета[5]. Сравнение почерка этого писца с известным автографом Пахомия Логофета в послесловии к Псалтыри 1458 г. (РГБ, ОР, МДА, № 23, л. 225) приводит к выводу об их идентичности. Об этом свидетельствуют имеющиеся в Псалтыри 1459 г. те самые две разновидности письма одного писца, которые наблюдаются в Синодальном Сборнике, а также — и это основное — совпадение ряда индивидуальных начертаний: особые формы «в», «земли», «е». Следовательно, основная часть синодального сборника № 637, в том числе и ряд текстов, связанных с именем Сергия Радонежского, написана рукой Пахомия Логофета. Не исключено, что его же руке может принадлежать и лигатурное письмо, имеющееся в этой рукописи.

На основании всего сказанного представляется вероятным, что сборник № 637 бы начат Пахомием Логофетом в 1459 г., во время его пребывания в Троице-Сергиевом монастыре, а дописан в конце 70-х — начале 80-х гг. XV века.

Примечания

[1] *Савва, арх.* Указатель для обозрения Московской патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки. М., 1858. С. 178; *Седельников А. Д.* Описание сборников Синодального собрания, составленное в 1924—27 гг. (рукопись-автограф. ГИМ, ОР. Син. 1220); *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева) М., 1973. Ч. II. С. 59.

[2] Основная библиография указана в «Словаре книжников и книжности древней Руси…» Л., 1989. Вып. 2. С. 176—177.

[3] *Лихачев Н. П.* Палеографическое описание бумажных водяных знаков. СПб., 1899. № 4030, 1456 г; № 4031, 1456 г. *Briquet Ch.-M.* Les filigranes: Dictionnaire historique des marques du papier. Geneve, 1907. № 8756, 1472—1480; № 9183, 1472—1476; № 1654, 1479—1489; № 15368, 1481; № 15369, 1482. Monumenta chartae papyraceae historiam illustrantia. T. XIII. *Mosin V.* Anchor watermarks. Amsterdam, 1973. № 102.

[4] *Некрасов И. С.* Пахомий Серб — писатель XV века // Записки Императорского университета. Ч. IV. Т. 6. Одесса, 1871. С. 38, 39.

[5] Его имя названо в заглавии на л. 2, написанном на бумаге конца 70-х — начала 80-х гг. XV в.

В. А. Кучкин

Почти «пропавшая» грамота

Древнейший из договоров, заключенных в средние века московскими князьями, был обнаружен в самом конце XVIII в. Среди документов, хранившихся в Кремле, его нашли сотрудники Московского архива Коллегии иностранных дел (МАКИД). Договор был заключен между московским князем Юрием Даниловичем, ставшим за несколько месяцев до составления соглашения великим князем Владимирским, Новгородом Великим, с одной стороны, и тверским князем Михаилом Ярославичем, с другой. В «Реестре новгородским грамотам» (условно его можно обозначить как Реестр I), составленном 10 февраля 1766 г. сотрудником МАКИД, тогда еще имевшим звание переводчика, Н. Н. Бантыш-Каменским и включившем все известные к тому времени договорные грамоты Новгорода Великого с князьями, этот договор не значился[1]. Не было его и в дополнениях, внесенных в данный Реестр в 1773 г. М. Н. Соколовским, сменившим в 1772 г. в должности хранителя древних новгородских грамот Н. Н. Бантыш-Каменского[2]. Только в следующей по времени архивной Описи, озаглавленной «Реестр новгородским грамотам, или договорам между великими российскими князьями и Великим Новгородом» (Реестр II), под № 12 была зафиксирована «грамота договорная между великим князем Юрьем и братом его тверским Михаилом и между посадниками новгородскими о рубежах, о выходцах, о окупах и пр. Грамота писана на пергамине[3] и очень ветха, во многих местах слов недостает, печатей нет, и года не означено. Найдена оная после описи новгородских грамот между неразобранными бумагами». Первоначально указывалось, что грамота составлена «между 1305 и 1309 годом», но затем рукой Н. Н. Бантыш-Каменского эта дата была переправлена на 1318 г., а номер грамоты — на № 14[4]. На обложке архивного дела, содержащего Реестр II, указано, что он составлен в 1800 г. Эта дата Описи принята в научной литературе[5], хотя сама Опись никаких помет о времени ее составления не имеет. Написан же Реестр II на трех листах большого формата, сложенных пополам. На одной половине листа имеется филигрань,

изображающая медведя под короной и с секирой, на другой литеры ЯМСЯ и год выпуска бумаги — 1789. Судя по водяному знаку, Реестр II был составлен не в 1800 г., а несколько раньше — в 90-ые годы XVIII в. В это время в Архиве и была обнаружена рассматриваемая грамота.

Каково было происхождение хранившихся в МАКИД «неразобранных бумаг», сказать трудно, но судя по тому, что среди них и в то же самое время была найдена еще одна договорная грамота Новгорода Великого, на сей раз с литовским великим князем Свидригайлом Ольгердовичем, написанная 25 января 1431 г.[6], в составе «неразобранных бумаг» были документы новгородского государственного архива периода самостоятельности Новгородской республики.

Уже первое архивное описание содержания тройственного договора свидетельствует о том, что его текст был дефектным. Замечание, будто соглашение составлено «между посадниками новгородскими», порождено трудностями прочтения грамоты, где во 2 строке читалось **с посадникомь**, далее следовали союз **и** и предлог **съ**, но от последующего существительного сохранились только начальные буквы. Отсутствие этого слова мешало осмыслению текста, и не вполне квалифицированные палеографы и лингвисты XVIII в. предпочитали читать **посадникомьи**, делая из одного новгородского посадника нескольких. Неполно было передано и главное содержание договора, ничего, например, не говорилось о судьбе в Новгороде владений, принадлежавших членам княжеских фамилий и их окружению. Оказывается, передавалось только то, что можно было более или менее ясно прочитать. Трудные же места не читались и не восстанавливались. И это вызывалось плачевным состоянием документа.

Он был написан на листе пергамента, судя по всему, прямоугольной формы размером 180 мм в ширину и 268 мм в высоту. Низ листа имеет неровный срез. На расстоянии 76 мм от левого края внизу листа имеется искусственное отверстие. Возможно, через него проходил шнур скреплявшей документ печати. Текст соглашения написан в 42 строки, уставом первой четверти XIV в. Текст первых 17 строк сохранился очень плохо. Отсутствуют окончания этих строк, начала строк 5, 12—17 (текст 13 строки вообще не читается), середины строк 3, 4, 6—8, 10. Текст с 18 по 33 строку включительно сохранился лучше. Тем не менее в этой части документа утрачены начала строк 20—26, 28—30, 32, 33; текст в середине строк 19—22, 24, 25, 28, 30, 31, а также в конце строки 23. Строки 18, 27 и 34—42 сохранились полностью. Помимо

механических утрат, договор имеет целый ряд стершихся, плохо читаемых мест.

Распадавшийся на части пергаментный лист договора был наклеен архивистами МАКИД на входившую в конце XVIII в. в употребление плотную синюю бумагу, но наклеен весьма небрежно. Оторвавшийся от основного листа с левой стороны кусок пергамента, содержавший начала строк 6—11, был подклеен так, что строка 6 оказалась на уровне строки 8, и т. д. Другой оторвавшийся фрагмент, содержавший текст середины строк 15—16, наоборот, был зафиксирован таким образом, что его строка 15 оказалась на одном уровне со строкой 14 основной части пергаментного листа.

Поскольку текст договора читался плохо, а реставрация XVIII в. только усугубила положение, создав темный фон, сделавший неразличимыми или трудно различимыми некоторые утратившие свой первоначальный цвет буквы, архивисты прошлого вынуждены были для лучшего прочтения грамоты обрабатывать уже наклеенный текст специальными растворами. Были прокрашены середины строк 2—3, 5, 8, начала строк 9—11, полностью строки 12—18, начала строк 19, 20, середины строк 21, 22, 24, начала строк 25—29, все строки 30—33, начала и вторые четверти строк 34—36. От прокраски к настоящему времени остались желтые и бурые линии и пятна, которые теперь не облегчают, а напротив, затрудняют прочтение текста[7].

Тем не менее текст старались не только прочесть, но и воспроизвести.

Первым из историков это сделал Н. М. Карамзин. В основном тексте IV тома своей «Истории государства Российского» он приурочил составление грамоты ко времени, последовавшему вслед за разгромом Михаилом Ярославичем Тверским в 40 верстах от Твери войск его соперника московского князя Юрия Даниловича, за несколько месяцев до этого ставшего великим князем владимирским, когда бежавший после поражения в Новгород князь Юрий сумел собрать новгородские и псковские силы и привести их к Волге, к границам Тверского княжества. Однако новых столкновений с тверским князем не последовало, стороны заключили мир, по которому Юрий и Михаил договорились ехать в Орду и там решить вопрос о том, кто из них будет великим князем владимирским. «На сем основании,— заключал Н. М. Карамзин,— сочинили договорную грамоту, в коей Георгий именован великим князем и по коей новогородцы, в ожидании суда Узбекова, могли свободно торговать в Тверской области, а послы их ездить чрез

оную безопасно»[8]. И военное поражение Юрия, и «сочинение» грамоты произошли, по мнению историографа, в одном и том же 1318 г. В примечании 229 к процитированному месту Н. М. Карамзин дал более подробное описание грамоты: «Договорная грамота, тогда написанная, хранится в Архиве под № 14. Она столь ветха, что не можно разобрать и половины слов. В начале сказано: „Се доконча князь великый Гюрги с братом своим с Михаилом, и с посадником (новогородским) и с ты… Волости отворити, а хлеб пустити (в Новгород)… Гостя в Тфери не переймати… Дворян и приставов не всылати (тверских в Новогородскую область), а обидному на рубеже суд; а послам новгородским ездити сквозе Михайлову волость без пакости. Далее сказано, что Михаил уже изрезал или уничтожил две прежние новогородские грамоты, писанные в Городце на Волге и в Торжке при ханском воеводе Тайтемере и при архиепископе (см. выше, примеч. 221). Упоминается еще о кречетах, ловимых в Двинской земле, и проч.»[9]. В примечании 221 Н. М. Карамзин дал еще одну выдержку из этой грамоты: «а что грамота на Городке писана, и что в Торжьку писана при Тайтемери и владыци серебреная, а те Михайло князь порезал»[10].

При сопоставлении с подлинником выясняется, что Н. М. Карамзин сделал выписки из строк 1—2 и 32—41, т. е. главным образом из той части грамоты, где текст сохранился полностью. Выписки оказываются не совсем точными. Несмотря на введение кавычек, правописание договора не выдерживалось, некоторые слова поновлялись, другие просто опускались, а в некоторых случаях наблюдаются явные ошибки прочтения. Так, Н. М. Карамзин читал «волости отворити» вместо «**во[ро]та ти w҃творити**» (строки 32—33), «владыци» вместо «**влад(ыч)нѧ**» (строка 40), но это как раз те места грамоты, где текст сохранился частично и разобрать его трудно; «Городке» вместо «**Городцѣ**» (строка 39). Данное обстоятельство является важным для характеристики состояния грамоты во времена Н. М. Карамзина.

Четвертый том Н. М. Карамзин закончил писать во второй половине 1808—1809 гг.[11] Этими годами и надо датировать первое цитирование договора в научной литературе.

Сохранившийся текст грамоты полностью был издан в 1813 г. в «Собрании государственных грамот и договоров» сотрудниками канцлера П. Н. Румянцева, являвшимися и сотрудниками МАКИД. Грамота была напечатана под своим новым архивным номером, данным ей Н. Н. Бантыш-Каменским — № 14. Название грамоты несколько изме-

нилось: «Договорная грамота великого князя Георгия с великим князем тверским Михаилом Ярославичем и с Новым городом о рубежах, о выходцах, о окупах и проч.— Писана 1318 года»[12]. Прибавление титула «великий» к имени Михаила Ярославича явилось результатом исследования текста издателями, посчитавшими, что первая строка грамоты должна была оканчиваться таким словом. Вместо посадников новгородских как участников договора, указанных в Реестре II, теперь фигурировал Новгород Великий, что было более точно. Но характеристика содержания грамоты дословно повторяла то, что было написано в Реестре II.

Текст договора был напечатан по определенным правилам. Все аббревиатуры полностью раскрывались, и недостающие буквы вставлялись в строку без каких-либо оговорок. Так же вставлялась в строку выносная буква. Все древнерусские буквы заменялись современными издателем. Правописание подлинника сохранялось довольно строго, но если слово оканчивалось на согласную, к ней прибавлялась буква **ъ**. Там, где по языковым нормам XIX в. должно было быть **и** краткое, ставилась буква **й**. Слово **ѱана** передавалось как **писана**. Имена собственные набирались с большой буквы и курсивом, причем имя **Михаило** все печаталось большими курсивными буквами. Кроме того, с большой буквы, но прямым шрифтом печатались слова **боярь, братомь, владыцѣ, дворянъ, княгыни, княжение, князь великый, посадникомь, посломъ, тысяцкимь,** обозначавшие государство и высших лиц в государстве, хотя в архивных описаниях документа подобные слова писались нормально, со строчной буквы. Места грамоты, которые не были прочитаны, отмечались отточиями, но число точек было произвольным и не соответствовало числу утраченных букв. А в одном случае публикаторы явно переусердствовали. В строке 3 после слова **михаилꙋ** они поставили отточие, что было правильным, так как текст далее не читался. Но затем они восполнили пробел, однако отточие сохранили. Еще один весьма существенный недостаток публикации состоял в том, что логически восстанавливая явно отсутствовавшие в их время буквы и слова грамоты, сотрудники канцлера Н. П. Румянцева совершенно не разграничивали свои реконструкции от реально сохранившегося текста, и теперь в целом ряде случаев очень сложно выяснить, что именно архивисты начала XIX в. видели, следовательно, какой тогда была сохранность текста договора, а что додумали. В некоторых случаях издатели неверно прочли текст, но это выяснилось позднее, при следующем издании документа[13].

Повторная публикация договора была осуществлена через 73 года 22-летним А. А. Шахматовым. Молодой ученый очень ответственно подошел к прочтению и изданию текста докончальной грамоты, которую он датировал 1317 годом. Ему удалось разобрать несколько новых букв в документе: **ρ** в строке 6, **в** в строке 7, **и** в строке 12, **ку** в строке 15, **а** в строке 17, **л** в строке 20, **а** в строке 23, **в** в строке 25, **мъ** в строке 28, **о**, **с** и **мъ** в строке 30, цифру 5000 в строке 31, а в строке 40 слова **Тантемери** вместо **Тантемери** и **влад(ыч)нѫ** вместо **владыцѣ** издания 1813 г. По-новому прочел он и слово **попущали** в строке 30, но сейчас выясняется, что правильным было чтение в «Собрании государственных грамот и договоров» — **попущати**, буква **т** ясно видна в подлиннике. Не рассмотрел А. А. Шахматов и букв **та** в слове **во[ро]та** (строки 32—33)[14]. Сотрудники же канцлера Н. П. Румянцева напечатали это слово полностью без указания на сделанные ими поправки, возможно, потому, что они буквы **та** видели, а буквы **ро** легко восстанавливались. Оба эти примера говорят о том, что публикаторы 1813 г. весьма серьезно подходили к изданию текста грамоты и читали его иногда точнее, чем несравненно лучше подготовленный в палеографическом и лингвистическом отношениях А. А. Шахматов в 1886 г.

Несмотря на некоторые отклонения от оригинала, публикация договора была выполнена А. А. Шахматовым на весьма высоком уровне. Он воспроизвел все буквы подлинника и все особенности его правописания, включая аббревиатуры, выносные буквы, точки между буквами и над буквами. Утраченные места он обозначил пробелами. После текста источника шел обстоятельный построчный комментарий грамоты. Начиная этот комментарий, А. А. Шахматов писал следующее: «Мы не вводим в текст никаких конъектур для последовательности; в большинстве случаев мы не в состоянии заместить слова и целые фразы, вырванные или стертые в подлиннике; мы здесь укажем для облегчения конъектурального чтения, сколько *приблизительно* букв может поместиться в подлиннике на тех местах, которые мы должны были оставить белыми, а также в некоторых случаях укажем на некоторые вероятные дополнения против разобранных нами букв; необходимо также указание вариантов (впрочем весьма редких) нашего чтения с чтением издателей Собр. Гос. Гр. и Догов., которые могли разобрать почти столько же — ни больше ни меньше, чем мы»[15]. Заключительная фраза может свидетельствовать лишь о большой научной скромности исследователя: на самом деле ему удалось прочитать текст большего объе-

ма, чем сотрудникам канцлера Н. П. Румянцева. И это давало принципиальную возможность точнее реконструировать и вместе с тем обстоятельнее интерпретировать текст тройственного договора.

Ценный материал для этого содержался и в построчных комментариях А. А. Шахматова. Предложенные им около 30 реконструкций утраченного текста, но не внесенные в его публикацию, оказались вполне обоснованными и были приняты последующими исследователями и публикаторами. Правда, следует заметить, что ученый восстанавливал текст небольших размеров, обычно в 1—5 букв. Лишь один раз он предложил реконструкцию в 11 букв и один раз — в 12 букв, но это были те случаи, когда по отдельным сохранившимся буквам и контексту такие реконструкции представлялись единственно возможными[16]. Остается также загадкой, как вычислял А. А. Шахматов количество утраченных букв в дефектных строках. Сам публикатор ничего об этом не писал. Измерял ли он размер каждой буквы, действовал ли на основании среднестатистических данных, сравнивал ли размеры лакун со строчками, сохранившими текст, методика его вычислений остается неясной. Если же произвести сравнение с подлинником, то в большинстве случаев указания А. А. Шахматова оказываются верными, однако не всегда. Так, в середине строки 22 согласно А. А. Шахматову имелся пропуск в 6—7 букв, тогда как на самом деле утрата не превышает 2—3 букв. В начале строки 23 А. А. Шахматов указал пропуск 28—29 букв, а в конце — 2—3. Но первая утрата составляет около 24 букв, а вторая — 1. Размер утраты в начале строки 25 определялся А. А. Шахматовым в 11—12 букв, тогда как он не превышает 9 букв. В начале строки 28 по А. А. Шахматову нет 6—7 букв, на самом же деле — 4—5. Наоборот, в начале строки 30 А. А. Шахматов насчитывал 4—5 утраченных буквы, но размер лакуны больше — 6—7 букв. После букв **прꙋ-тє** строки 31 А. А. Шахматов указывал на пропуск 3—4 букв, но размер пропуска равняется 2 буквам.

Описывая внешнее состояние договорной грамоты, А. А. Шахматов высказал предположение, что лист пергамента, на котором был написан текст, «наверху он (лист.— *В. К.*) был, кажется, уже, чем внизу»[17]. В построчных комментариях публикатор отметил отсутствие 4—5 букв в конце строк 1, 3, 4, 5, 6 и 7. Если наблюдения А. А. Шахматова верны, тогда надо признать, что верх грамоты до строки 8 имел небольшой прямоугольный вырез, потому что при наклонном срезе протяженность строк должна была бы постепенно увеличиваться от строки 1 к 7

строке и размер утрат должен был возрастать, а не оставаться на уровне 4—5 букв. Но грамоты с прямоугольными вырезами вверху не существовали. Во времена Михаила Ярославича Тверского для фиксации его договоров с Новгородом употреблялись различного размера прямоугольные листы пергамента[18]. Очевидно, в расчеты и заключения А. А. Шахматова вкралась ошибка. По всей вероятности, вычисления А. А. Шахматова строились на реставрации текста в конце строк 3 и 6, где по сохранившимся буквам и по контексту можно было восстановить без каких-либо вариантов только буквы [**ργϐϵ**]**ж** и **ρ**[**γϐєжь**]. Их число равнялось 4 и 5, отсюда, видимо, и представления А. А. Шахматова о том, что в конце шести названных им строк, обрыв которых шел по одной вертикали, утраты составляли 4—5 букв. Но если исходить из таких искусственных данных, то правильно восстановить текст грамоты вряд ли будет возможно. Тем не менее издание А. А. Шахматова остается наиболее фундаментальным изданием текста тройственного договора вплоть до сегодняшних дней.

Новые переиздания грамоты появились почти одновременно: в 1948 и 1949 гг. Правда, первое из них носило своеобразный характер. В исследовании о русских феодальных архивах XIV — XV веков Л. В. Черепнин попытался дать восстановленный текст договора. «В настоящее время,— писал исследователь,— эта грамота представляет собой документ в достаточной мере ветхий. В нем имеется значительное количество лакун, восполнить которые очень трудно, а дать их *дословное чтение* часто просто невозможно. Тем не менее, ниже мною делается попытка, использовав и продолжив наблюдения Шахматова, предложить реставрацию дефектного текста. Решению этой задачи в значительной степени помогает сопоставление изучаемого документа с прочими договорными новгородско-тверскими грамотами. Правда, в № 14 нет *текстуальных заимствований* из других аналогичных доконча́льных грамот, а имеются лишь *общие* с ними *по содержанию статьи*. Поэтому, когда ниже, на основе подсчета возможного количества утраченных букв, мною в квадратных скобках приводится то или иное конъектуральное чтение, то я вполне сознаю его *условный* характер. Моя задача — осмыслить текст с точки зрения его содержания, а отнюдь не воспроизвести его буквально.»[19] Далее следовал текст восстановленной грамоты, датированной Л. В. Черепниным тоже 1317 годом. К сожалению, знакомый с подлинником, Л. В. Черепнин даже не попытался прочесть его самостоятельно, целиком доверившись публикации А. А. Шах-

матова. Поэтому в его реконструкции читается **во[рота]**, **попущали**, хотя правильное **попущати** серьезно меняет то самое содержание договора, которое прежде всего так интересовало исследователя. Вообще же говоря, правильное осмысление любого дефектного текста невозможно без его корректного восстановления.

Что касается сохранившегося текста грамоты, то Л. В. Черепнин передал его довольно небрежно. Все буквы древнерусского алфавита он заменил на современные, оставив почему-то только букву **оу** и то заменяя ее в ряде случаев на **у**. Если в подлиннике слово оканчивалось на **ь**, то он сохранял эту букву, но если на **ъ**, то такая буква не печаталась. Были и прямые ошибки. В строке 7 исследователь не воспроизвел букву **в** и напечатал **[кн]ягини** вместо **[кн]ѧгыни**, в строке 40 — **серебряная** вместо **серебреная**, опустил символическую инвокацию в начале грамоты, вместо текста **А во|[ро]та ти ѡворити, а хлѣбъ ти поустити и всѧкыи ти гость пу|стити в Новъгородъ** напечатал **А во|[рота] ти отворити, а хлѣб пу|стити в Новъгород** (строки 32—34)[20].

Что касается реконструкций текста, то Л. В. Черепнин за единственным исключением воспроизвел все конъектуры А. А. Шахматова и дал свои. Их подробный разбор будет произведен ниже, при рассмотрении текста грамоты по строкам. Однако пробелы в строках 23, 25, 29 и 31 историк восполнить так и не сумел. Тем не менее следует подчеркнуть одну принципиально важную сторону работы Л. В. Черепнина. Исследователь совершенно правильно использовал для восстановления текста трехстороннего договора другие новгородско-тверские грамоты. И дело не в том, что он не нашел в рассматриваемом соглашении текстуальных заимствований из прежних доконча́льных грамот Михаила Ярославича с Новгородом Великим, таких заимствований на уровне больших юридических договорных статей действительно нет[21], но на микроуровне оборотов, элементов и характеристик, зафиксированных в таких правовых документах, совпадений оказывается много, и это помогает восстановить утраченные места.

Через год после выхода в свет монографии Л. В. Черепнина коллективом ленинградских ученых были изданы «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», где договор Юрия Московского и Новгорода с Михаилом Тверским, отнесенный к зиме 1318—1319 г., был напечатан в четвертый раз[22]. К сожалению, и эта публикация оказалась невысокого качества. По сравнению с А. А. Шахматовым издатели сумели разобрать единственную дополнительную букву подлинника — **с** в конце

2 строки. В то же время они ошибочно воспроизвели букву **ь** в конце слова **хрестъ**, хотя там ясно читается **ъ** (строка 17) и ту же букву **ь** в буквосочетании **закль** (строка 20), которой нет вообще. Сохранившийся текст подлинника передавался буквами современного алфавита. Из букв древнерусского алфавита была оставлена только буква **ѣ**. Восстановленные слова и буквы заключались в квадратные скобки. Но при этом в такие скобки попал первый союз **и** в строке 9, хотя он сохранился. В то же время буквы **ру** в строке 15 в скобки заключены не были, хотя по изданию А. А. Шахматова они в оригинале отсутствовали. Никаких пояснений по этому поводу публикаторы 1949 г. не дали. Как реально существующая показана в издании буква **м** в слове **[городом]ь**, хотя здесь сохранилась только последняя буква **ь** (строка 5). Подавляющее большинство конъектур было заимствовано из работы А. А. Шахматова, но некоторые воспроизводили чтения «Собрания государственных грамот и договоров», хотя они противоречили шахматовским. Так, во 2 строке буквы **тыс** были продолжены буквами **[яцкимь]**, как в издании 1813 г., хотя А. А. Шахматов после **к** предлагал читать **ы**, что было более верным. По тому же изданию было восстановлено слово **потя[гну]т[ь]**, хотя А. А. Шахматов правильно восстанавливал **потя[ну]т[ь]**. Кроме того, по публикации в «Собрании государственных грамот и договоров» были внесены буквы **мь** в конце строки 5, **кн** в строке 7, слово **цѣловати** в строке 17. При этом достаточных разъяснений своих решений публикаторы 1949 г. не дали. Например, по подсчетам А. А. Шахматова в конце 5 строки не хватало 4—5 букв, издатели «Грамот Великого Новгорода и Пскова» дали только 2, не объяснив, полностью они восстановили текст или частично. Некоторые реконструкции они сделали сами. Так, в конце строки 7 были восстановлены буквы **дѣ**, а в конце строки 10 — слово **истьца**, но никаких обоснований таких реконструкций приведено не было.

Публикация была снабжена 29 подстрочными примечаниями, большинство которых содержало сведения о количестве утраченных в том или другом месте оригинала букв. Но иногда такие сведения заменялись иными: «вырвано на $^1/_2$ строки», «пропуск до $^2/_3$ строки»[23], гораздо менее точными. Из 20 же сносок с данными о числе утраченных букв, 8 содержали цифры, противоречившие сведениям А. А. Шахматова, причем таким сведениям, которые были вполне корректны. Как именно измеряли публикаторы 1949 г. количество исчезнувших букв, они не пояснили. Похоже, что это делалось весьма приблизительно, на глазок.

Недостатки в изучении и издании текста договора Юрия Московского и Новгорода Великого с Михаилом Тверским крайне затрудняют интерпретацию самого соглашения и определение его места в политической истории Новгорода и княжеств Северо-Восточной Руси в конце второго десятилетия XIV в. Очевидно, необходимы более внимательное прочтение сохранившихся фрагментов грамоты и более тщательная и обоснованная реконструкция утраченного текста. Но прежде всего нужна точная датировка соглашения, которая позволит поставить его на надлежащее место среди других сохранившихся договоров Новгорода Великого с Михаилом Тверским и тем самым определить, какие юридические нормы должны были отразиться в этом плохо сохранившемся документе.

Прежде всего следует заметить, что договор не мог быть составлен после 22 ноября 1318 г., когда в ставке ордынского хана Узбека был казнен Михаил Ярославич Тверской. Имеющееся в источниках указание на день недели его гибели — среда — точно соответствует приведенной дате[24]. Поэтому датировать грамоту зимой 1318—1319 г., как это сделано издателями «Грамот Великого Новгорода и Пскова», нельзя. В грамоте упоминаются великий владимирский князь Юрий Данилович Московский и люди, взятые в плен **в полкꙋ и по с**[**ѥло**]**мъ** (строка 30). Юрий Данилович занял великокняжеский стол в 1317 г., сражение между ним и Михаилом Ярославичем, тот самый **полкъ**, когда только и могли попасть в плен люди, произошло в четверг 22 декабря 1317 г., после чего разгромленный Юрий бежал сначала в Торжок, а оттуда в Новгород. Там, по свидетельству новгородской летописи, Юрий «позва новгородцевъ съ собою, и идоша с ним вся Новъгородъ и Пльсковъ, поимше владыку Давыда съ собою; и пришедше на Волгу, и докончаша с Михаиломь княземь миръ…»[25] Расстояние между Торжком и Новгородом в средние века преодолевали за 16—17 дней. Так, Иван III, выехав 1 ноября 1475 г. из Торжка, 17 ноября был в Новгороде[26]. В 1134 г. новгородцы выступили в поход против суздальцев. Он начался 31 декабря. А 26 января 1135 г. суздальцы разбили их на Ждане горе[27]. Жданя гора находилась примерно на одной долготе с Москвой[28] (Москва несколько восточнее). На путь из Москвы до Торжка Иван III в июне 1471 г. потратил 9 дней, а в октябре 1477 г.— 10 дней[29]. Очевидно, и в XII в. на дорогу из Новгорода до Торжка затрачивали те же 16—17 дней. Юрий после поражения 22 декабря 1317 г. согласно тверским источникам «отъехавъ к Торжку с малою дру-

жиною, оттолѣ вборзѣ к Новугороду»[30] и «бѣжа въ Новъгородъ въ малѣ дружинѣ»[31], «прибѣжа в Новъгородъ»[32] согласно новгородской летописи. Очевидно, до Новгорода он доскакал быстро. Но даже при предположении, что Юрий Данилович затратил на свой путь вдвое меньше времени, чем Иван III в 1475 г., все равно он мог оказаться в союзном городе не ранее 1 января 1318 г. Поэтому заключение рассматриваемого соглашения в 1317 г., в чем совершенно не сомневался Л. В. Черепнин, также оказывается невозможным. Как минимум 2 недели Юрий должен был затратить на то, чтобы послать вестников во Псков, собрать псковичей и соединиться с ними. Движение самого великого князя из Новгорода обратно к тверским берегам Волги, минуя Торжок, должно было занять еще около 3 недель, тем более, что с ним отправился в путь новгородский владыка Давыд, а церковные иерархи ездили медленно. Кстати говоря, употребление в рассматриваемом договоре предлога **въ** вместо **ѵ** (строка 25), формы винительного падежа множественного числа **грамотꙋ҃** (строка 40) свидетельствуют о том, что текст был написан новгородцем[33], а наличие в грамоте символической инвокации, которая в предыдущих договорах Михаила Ярославича с Новгородом Великим ставилась только в тех случаях, когда грамота исходила от новгородского архиепископа, но не от тверской или великокняжеской стороны[34], свидетельствует о том, что тройственный договор был написан писцом владыки Давыда. Даже если переговоры сторон перед достижением и написанием соглашения шли достаточно быстро, все равно оно не могло быть составлено ранее второй декады — середины февраля 1318 г. Новгородская летопись сообщает, что после заключения этого мира новгородцы вернулись домой «веснѣ сущи»[35], согласно приведенным расчетам — не ранее первой недели марта 1318 г., когда действительно могла начаться весна.

Чтобы точнее воспроизвести текст договора, ниже дается его построчная характеристика, где указываются размеры сохранившихся и утраченных фрагментов текста в миллиметрах и буквах. При этом требуется сочетание индивидуальных измерений букв, особенно тогда, когда размер утрат невелик, в 2—5 букв, и измерений среднестатистических, преимущественно для крупных лакун, поскольку колебания размеров одних и тех же букв порой достигают значительной амплитуды. Так, дважды написанные в строке 4 грамоты буквы **єжю** в первом случае имеют протяженность 9 мм, а во втором — 11 мм, т. е. на $^1/_5$ больше. Среднестатистические цифры выводятся на основании дан-

ных полных строк грамоты. При этом размер строки определяется измерением в соответствующем месте не всей ширины пергаментного листа, а только той его части, которая содержит буквы. Проведение таких замеров дало следующие результаты. 18 строка — протяженность 162 мм, имеет 45 букв. 27 строка — 161 мм, 47 букв. 34 строка — 167 мм, 47 букв. 35 строка — 169 мм, 51 буква. 36 строка — 163 мм, 43 буквы. 37 строка — 170 мм, 44 буквы. 38 строка — 172 мм, 45 букв. 39 строка — 169 мм, 47 букв. 40 строка — 171 мм, 47 букв. 41 строка — 170 мм, 44 буквы. 42 строка — 172 мм, 47 букв. Таким образом, средняя протяженность строки составляет 168 мм, среднее количество букв в строке — 46, средний размер буквы — 3,64 мм. Этими цифрами мы и будем оперировать в дальнейшем при вычислении количества утраченных букв в той или иной строке.

В настоящее время грамота реставрирована. С нее удалена синяя подклейка, и некоторые буквы грамоты стали виднее. При достаточно сильном освещении и увеличении удалось разобрать несколько дополнительных букв в строках 2, 11, 15, 17, 19, 20, 21, 24, 30, 31 и 33. Эти новые прочтения приводятся при характеристике соответствующих строк документа.

1 строка. Текст сохранился от начала строки на протяжении 139 мм. Обрывается на буквах **свои**. Общее число сохранившихся букв, считая за букву и стоящий в самом начале строки крест — знак символической инвокации, равняется 40. Утрачено 29 мм текста, где могли уместиться еще 9 букв того размера, которым они написаны в 1 строке, или 8 букв среднестатистического размера. И в том, и в другом случае, если предполагать, что текст был дописан до конца листа, число букв в строке (48 или 49 букв) не должно было превышать максимального количества букв в строке, встречаемого в грамоте, и было больше среднестатистического показателя на 2—3 буквы.

Н. М. Карамзин, оставивший самые ранние выдержки из документа, первую строку грамоты воспроизвел как: «Се доконча князь великый Гюрги с братом своим». Очевидно, что историограф весьма уверенно читал «доконча», а не «докончал» (последнее чтение опровергал А. А. Шахматов в 1886 г.), в слове «великыи» последнюю букву он читал как «й», что объяснимо, поскольку над этой буквой в подлиннике были пятна, оставшиеся после протирания для лучшей видимости текста красящим веществом, которые не вполне искушенные палеографы начала XIX в. принимали за знак краткости «и», впрочем, и

А. А. Шахматов в 1886 г. принял эти пятна за две точки, которые будто бы поставил писец грамоты над буквой «и», и воспроизвел их в своей публикации; предпоследние два слова 1 строки были переданы Н. М. Карамзиным без редуцированных на конце, но последнее слово он уверенно читал как «своим», хотя теперь буква «м» в этом слове отсутствует. И это обстоятельство может говорить о том, что текст документа в начале XIX в. сохранялся несколько лучше, чем теперь.

Публикаторы договора 1318 г. в первой части «Собрания государственных грамот и договоров» его первую строку читали так же, как и Н. М. Карамзин, но после слова «своим» они напечатали еще одно слово: «великимь».

А. А. Шахматов в 1886 г. посчитал такое дополнение издателей 1813 г. произвольным. «После **свои**,— писал он,— до конца строки место для 4—5 букв: вероятно: **свои**(**мь съ**)»[36]. Поправку А. А. Шахматова принял в 1948 г. в своей реконструкции анализируемого договора Л. В. Черепнин[37], а в 1949 г.— составители «Грамот Великого Новгорода и Пскова»[38].

Однако при принятии предложенной А. А. Шахматовым поправки получается, что утраченный в конце 1 строки текст занимал место всего в 9 мм (в 1 строке размер буквы **м** = 4,5 мм, **ь** = 2 мм, **с** = 0,5 мм, **ъ** = 2 мм). Следовательно, 20 мм строки должны были остаться пустыми. Да и вся строка при такой реконструкции должна была состоять всего из 44 букв, хотя эти буквы по своим размерам были несколько меньшими, чем большинство букв грамоты. Очевидно, строка 1 оканчивалась иначе, чем предполагал в своей реконструкции А. А. Шахматов. Если после букв **свои** оставалось пространство еще для 8—9 букв, то его следует заполнить так, как это сделали в 1813 г. издатели «Собрания государственных грамот и договоров»: **свои**[**мь великымь**], где только после буквы **к** должна стоять не буква **и**, как было напечатано в 1813 г., а буква **ы**, как в слове **великын** той же 1 строки. Хотя реконструируемый текст состоит из 10 букв, следует иметь в виду, что буква **ь** была весьма мала по своим размерам, а предпоследняя буква **м** вообще могла быть последней и выносной, как, например, последняя буква **х** в строке 31 рассматриваемой грамоты. В таком случае утраченный текст в конце 1 строки должен был состоять из тех самых 8—9 букв, о существовании которых свидетельствует произведенный выше теоретический расчет.

Титулование в 1 строке договорной грамоты 1318 г. тверского князя Михаила Ярославича великим князем может быть подкреплено и

соображениями исторического порядка. Дело в том, что докончание между Тверью и Новгородом, заключенное примерно в середине ноября 1317 г. после победы Михаила над новгородцами, но до столкновения его войск с ратью владимирского великого князя Юрия Даниловича Московского и ордынского посла Кавгадыя, которое произошло 22 декабря 1317 г., было составлено от имени великого князя Михаила («**сѣ азъ князь великіі Михаіло**»)[39]. Едва ли спустя всего три месяца после подписания мирной грамоты с новгородцами Михаил Ярославич, оформляя новое докончание с побежденными им не только новгородцами, но и москвичами, отказался от великокняжеского титула, который он стремился сохранить ранее, в обстановке, в политическом и военном отношениях более неясной и сложной. Новгородская летопись сообщает, что при составлении докончания 1318 г. тверской и московский князья договорились о том, «како ити въ Орду обѣма»[40], что означало перенос спора между ними о праве занимать владимирский великокняжеский стол на суд хана. Следовательно, оставив сопернику владимирский стол, Михаил Ярославич добровольно великокняжеский титул Юрию уступать не хотел, а потому его титулование в договоре от февраля 1318 г. «великим князем» представляется весьма вероятным.

Конечно, можно предположить, что пропущенное в конце 1 строки определение относится не к слову «князь», а к слову «брат». В последнем случае можно было бы предложить для реконструкции слово «молодшимь», но такое слово превышает размер существующего дефекта грамоты. В то же время определение Михаила Ярославича как равноправного «брата» великого князя Юрия требовало и одинакового титулования с московским тверского князя.

Не должно смущать то обстоятельство, что определяемый, согласно предлагаемой реконструкции, в inscriptio грамоты как «великий князь» Михаил Ярославич в дальнейшем тексте договора фигурирует только как **князь Михаило** или **Михаило князь** (строки 3, 31, 40—41, 41) без титула «великии». В договорах, заключенных Новгородом Великим с Михаилом Ярославичем в бытность последнего великим князем владимирским, Михаил в inscriptio титуловался «князем великим», но в dispositio грамот он фигурировал только как «князь»[41].

2 строка. Текст сохранился с начала строки на протяжении 130 мм. Строка кончается не буквами **ты**, как указывал А. А. Шахматов и вслед за ним Л. В. Черепнин, не буквой **с**, как напечатали издатели «Грамот

Великого Новгорода и Пскова», а буквами **сѧ**, хотя последняя буква сохранилась плохо (видны верхняя часть и левая ножка юса малого). А. А. Шахматов полагал, что слово **Михаилом** в этой строке следует дополнить буквой [**ь**]. Мнение ученого представляется бесспорным. Вторая буква **м** в приведенном слове частично разрушена, а после нее утрачена небольшая часть пергамента. Между словом **Михаилом** и следующим за ним в грамоте союзом **и** расстояние в 7 мм. Такое большое расстояние между двумя буквами в грамоте не наблюдается. Ясно, что была еще одна буква, тем более, что после **м** виден маленький вертикальный штрих этой буквы. С восстановленной буквой [**ь**] общее число сохранившихся букв в строке 2 будет равно 37. Утраченный конец строки составляет 38 мм, где могло уместиться 10—11 букв. Последнее видимое в строке слово, от которого сохранились буквы **тысѧ**, восстанавливается полностью не только по сохранившимся буквам, но и по формуляру других грамот Великого Новгорода с князьями: **цькымь**, причем помещение **ь** после **ц** и **ы** после **к** основывается на написании этого слова в новгородско-тверском договоре 1296 г.[42], а написание **ь** после **м** диктуется подобным написанием в словах **кнѧземь**, **посадникомь** в той же 2 строке грамоты. Далее должен следовать союз **и**, как и предлагал А. А. Шахматов, поскольку 3 строка грамоты начинается со слов **съ всѣмъ но**.

3 строка. Текст с начала строки сохранился на протяжении 32 мм (9 букв), затем следует лакуна протяженностью 40,5 мм, далее 68 мм текста (17 букв). Следовательно, в конце утрачен текст протяженностью 27,5 мм, что составляет около 8 букв, а в первой лакуне в начале строки между буквами **но** и **ь** должно уместиться 11 букв.

А. А. Шахматов, считая, что здесь в строке не хватало 10—11 букв, предлагал ту же поправку, что и издатели «Собрания государственных грамот и договоров» — [**вымь городом**]. И по примерному размеру утраты — 11 букв, и по соединению сохранившихся букв **но** и **ь**, и по формуляру аналогичных договорных грамот Новгорода Великого с князьями такая реконструкция текста является единственно возможной. Что касается заключительных букв 3 строки, то судя по сохранившемуся началу следующей, 4-ой, строки грамоты: **ж правыи**, этими буквами были [**ρꙋвє**]. Предлагаемое А. А. Шахматовым второе возможное написание: **роꙋвє**, не подкрепляется написанием этого слова в строках 6, 32, 35, 36, где после **ρ** всегда **ꙋ**, но не **оꙋ**.

4 строка. Текст сохранился почти полностью с самого начала строки на протяжении 33 мм (7 букв). Затем следует лакуна в 36 мм. Далее текст сохранился на пространстве в 67 мм (17 букв). Конец строки утрачен, судя по теоретическим расчетам — на протяжении 32 мм.

Между первыми сохранившимися буквами строки (**ж** и **п**) утрачено 4 мм пергамента. Очевидно, после **ж** читалась буква **ь**, как полагал А. А. Шахматов и как слово **рубежь** написано в строке 35.

В первой большой лакуне может разместиться около 10 букв. А. А. Шахматов (неясно, на каком основании) считал, что пропуск здесь составляет 11—12 букв, и восстанавливал текст следующим образом: [**рубе**]|**ж правыи** [**по старому рубе**]**жю**. Такая реконструкция представляется верной, поскольку, с одной стороны, логично соединяет сохранившиеся остатки слов, а с другой, восстанавливает формулу, встречаемую в 6 строке грамоты и в других договорных грамотах Новгорода с князьями. Однако приходится признать, что при этом возникает определенное несоответствие между размером утраты и количеством восстановленных А. А. Шахматовым букв (12), тем более, что слово **старомоу**, как показывает строка 6, писалось в грамоте не с **у**, а с **оу**, т. е. букв должно было быть 13. Что касается утраченного текста в конце строки (примерно 9 букв), то здесь возможны различные комбинации, связанные с тем, что отсутствует текст в начале следующей, 5-ой, строки, и нельзя соединить в связные слова даже остатки букв. Поэтому реконструкцию окончания 4 строки следует произвести вместе с реконструкцией утраченного начала 5 строки.

5 строка. В начале строки имеется лакуна размером в 71 мм. Далее на протяжении 72 мм текст читается (14 букв). Затем снова следует лакуна, исходя из среднестатистических расчетов, в 25 мм. В первой лакуне, согласно тем же расчетам, должно было быть 19—20 букв, во второй — около 7.

Наличие в 4 строке слов **межю Торжькомь**, а в 5 строке слов **и межю Кашино** свидетельствует о том, что речь в данном месте грамоты идет об установлении границ между Новгородской республикой и Тверским княжеством. В дальнейшем тексте грамоты упоминаются села и различные категории населения в Торжке (строки 19—20, 24), Бежецке (строка 8), Вологде (строки 6, 7, в обоих случаях название дефектно, но восстанавливается однозначно), вообще в Новгороде (Новгородской волости) (строки 23, 26, 32, 35). Очевидно, что в статье о правых рубежах эти территории должны были фигурировать. Но о во-

логодских рубежах речь в грамоте идет ниже, в строках 6—7. Торжок упомянут в строке 3. Следовательно, от сохранившихся слов строки 4 и до слов **и межю кашино** строки 5 должны упоминаться Бежецк и Новгород. Очевидно, что сохранившиеся буквы **омь**, непосредственно за которыми следуют только что приведенные слова, являются окончанием слова [**город**]**омь**. Предположение А. А. Шахматова о существовании перед **омь** буквы **в** не подтверждается. Перед словом [**город**]**омь** читалось [**новымь**]. Таким образом, удается восстановить 11 букв утраченного текста из общих 28—29 букв пропуска (9 букв в конце 4 строки и 19—20 букв в начале 5 строки). Остается незаполненным пропуск в 17—18 букв, где должен упоминаться Бежецк. Очевидно, в грамоте читалось [**бѣжицами**], аналогично чтению в близкой статье новгородско-тверского договора 1375 г.[43] Скорее всего, слово **бѣжицами** (8 букв) продолжало сохранившийся текст строки 4. Конечно, ему могли предшествовать какие-нибудь предлоги типа **межю**, как и последовать ему. Последнее кажется более логичным, поскольку позволяет полностью реконструировать утраченный текст: [**и межю всѣмь**]. Получаются как раз недостающие 10 букв. Между строками 4 и 5 их, исходя из размеров утрат, надо распределить так: первую букву отнести к концу 4 строки, остальные 9 — к началу 5 строки. Л. В. Черепнин при реконструкции данного места предложил читать [**Бежецким Верхомь и Новымь город**][44]. Такой текст состоит из 26 букв, а если восстановить букву **ь** после **Бежецким**, то 27. В принципе это соответствует расчетному размеру утраты — 28—29 букв. Однако в договорных грамотах XIV в. Новгорода Великого с князьями Бежицы никогда не назывались Бежецким Верхом.

Поскольку 6 строка грамоты начинается словом **такоже**, очевидно, что строка 5 заканчивала определенную статью договора. Так как эта статья трактовала вопросы старых границ между Новгородом и Тверским княжеством, а в строке 4 и в большей части строки 5 назывались конкретные территории, где должны были быть восстановлены давние рубежи, то естественно ожидать в конце 5 строки указания не только на Кашин, но и на Тверь, которая также граничила с новгородскими волостями. Поэтому реконструкцию Л. В. Черепнина конца 5 строки: [**мь и тфѣрью**], следует считать вполне логичной, но с заменой буквы **є** после **ф** на букву **ѣ** согласно правописанию подлинника (ср. строки 14, 34). Размер восстановленного текста — 9 букв, что близко теоретическому расчету утраты — 7 букв. Заполнение окончания 5 стро-

ки показывает, что предположения, высказанные в свое время А. А. Шахматовым, об утрате в концах строк 1—7 примерно 4—5 букв (во второй строке 7—8 букв потому, что там лакуна начинается раньше) не подтверждаются. Большим количеством букв заполняется не только строка 1, но и строка 5. По-видимому, договор февраля 1318 г. был написан так же, как и большинство договоров Новгорода с Михаилом Ярославичем Тверским: первая строка или первые две строки писались до конца, несколько последующих — не до конца, затем текст писался более или менее равномерно[45].

6 строка. С начала строки текст сохранился на протяжении 21 мм (6 букв). Далее на пространстве в 9 мм видны остатки 2 букв, после чего следует лакуна в 51 мм. После нее текст сохранился на протяжении 64 мм (21 буква). Судя по среднестатистическим данным в конце строки утрачено 23 мм текста.

Второй сохранившийся в строке 6 фрагмент текста включает следующие слова и буквы: **огдѣ по старомоу рубежю р**. Поскольку 7 строка начинается со слова **дати**, есть веские основания вслед за А. А. Шахматовым полагать, что последнее слово в строке 6 читалось как **р**[**убежь**] с буквой **ь** на конце, как это слово написано в строке 35. Восстановленное количество букв (5) в конце строки вполне вписывается в предполагаемый размер утраты (6 букв). Поскольку речь идет о восстановлении старого рубежа, очевидно, что в данной статье грамоты указывалась территория, где этот рубеж должен был быть восстановлен. Название территории определяется по остаткам букв **огдѣ** — [**вол**]**огдѣ**. Если в статье называлась территория, где восстанавливалась прежняя граница, то должно было упоминаться и лицо, которое обязывалось такие границы провести. Л. В. Черепнин справедливо видел в этом лице тверского князя Михаила Ярославича и, сообразуясь с размерами утраты текста, предлагал читать [**князю Михаилу**]. Реконструкцию Л. В. Черепнина следует принять, но поскольку после слова **такоже** в грамоте на расстоянии 9 мм видны остатки всего двух букв, что свидетельствует об их больших размерах, логичнее восстановить текст как [**Михаилу князю**]. Буква **м** является самой крупной из всех букв грамоты. Если не считать параметров этой буквы в первой строке грамоты, обычный ее размер колеблется от 5 до 6 мм. Как уже отмечалось, в грамоте встречаются написания и **князь Михаило** (41 строка), и **Михаило князь** (строки 31, 40—41). Таким образом, первая лакуна 6 строки размером в 60 мм (относим к ней и те

9 мм, где видны остатки 2 букв), в которой должно размещаться 16 букв, заполняется 15 буквами, что может свидетельствовать о корректности реконструкции.

7 строка. Текст сохранился с самого начала строки на протяжении 34 мм (9 букв). Затем следует лакуна в 32 мм, а далее текст протяженностью в 78 мм (24 буквы). В конце строки утрачен текст на протяжении 24 мм.

Судя по сохранившимся словам грамоты **а что**, в строке 7 начиналась новая статья договора. После первой лакуны текст продолжен словами **жгыни покупила села**. Начальные буквы первого слова легко восстанавливаются по контексту: [**кн**]**жгыни**. Л. В. Черепнин восстанавливал и предшествующее слово — [**его**], т. е. Михаила Ярославича. Однако такая реконструкция противоречит продолжению данной договорной статьи, читающемуся в строке 9: **такоже и дѣтемъ его и кнѫ-**
гыни его. По Л. В. Черепнину получается, что статья, фиксируя покупку сел женой князя Михаила и требуя их возврата, затем распространяет эту норму на детей и снова на жену Михаила Ярославича. К тому же восстановленный Л. В. Черепниным текст состоит всего из 5 букв [**его кн**], тогда как размер существующей лакуны указывает на утрату примерно 8—9 букв. Самое же главное несоответствие заключается в том, что после слов **а что** в грамоте ясно видна буква **в**, о чем писал А. А. Шахматов еще в 1886 г., воспроизводя ее в своей публикации. Мало того, сейчас в грамоте виден остаток и следующей буквы, представляющей собой косую черту, идущую слева направо снизу вверх. Слово на **в**, предшествовавшее слову [**кн**]**жгыни**, по смыслу договорной грамоты определяло эту княгиню, содержа или ее титул, или ее имя. Титул с начальной буквой **в** — **великаѧ**, но остаток второй после **в** буквы никак не может быть рудиментом буквы **є**. К тому же великой можно было бы назвать жену правящего великого князя, но жена только что женившегося в Орде Юрия Московского была в плену в Твери и до 1318 г. никаких сел в землях Новгорода приобрести не могла, а жена Михаила Тверского прямо упоминалась в грамоте далее, но без всякого титула. Очевидно, на букву **в** начиналось имя княгини. Поскольку далее в грамоте упоминаются различные зависимые от тверского князя и его окружения люди, в их числе и **василисинъ** (строка 22), делается очевидным, что в строке 7 должно читаться: **а что в**[**асилиса кн**]**жгыни покупила села**. В этом случае наклонная черта после буквы **в**

легко истолковывается как остаток буквы **а**. Правильность реконструкции подтверждается не только данным обстоятельством и содержанием договора, но и размерами существующей лакуны — 8—9 букв. Буквы [**асилиса кн**] составляют именно 9 букв. Определение Василисы как княгини окончательно устанавливает тот факт, что в договоре 1318 г. речь идет о вдове великого князя владимирского Андрея Александровича[46].

Окончание текста на строке 7 восстанавливается сравнительно легко. После букв **волог** читались, очевидно, буквы [**дѣ**]. Хотя по теоретическому расчету в конце 7 строки утрата текста составляла 6—7 букв, восстанавливать приходится лишь две. Можно предложить и другие варианты восполнения утраченного: **волог**[одьскомь уѣздѣ] или **волог**[одьскои волости], однако в таких случаях реконструируемый текст будет на 6—7 букв превосходить текст исчезнувший. Поэтому от подобных восстановлений следует отказаться.

8 строка. Текст с самого начала строки сохранился на протяжении 40 мм (10 букв). Далее следует лакуна в 28 мм, а затем снова текст на протяжении в 73 мм (21 буква). В конце строки нет текста размером в 27 мм.

Первая лакуна начинается после слов **и въ бѣжицко** и кончается перед словами **имати єи куны**. По контексту, в утраченной части должно было читаться название того места, где, кроме Вологды, приобретала села княгиня Василиса, и, рассуждая абстрактно, еще какое-то слово, малое по размеру и не влияющее на смысловое содержание данного места. Чтение **бѣжицко** не может рассматриваться как существительное, потому что в XIV в. в договорных грамотах Новгорода Великого с князьями писали или **въ Бєжицахъ** (**Бѣжицахъ**, **Бѣжичахъ**), или, реже, **въ Бѣжицѣ**[47]. Очевидно, **бѣжицко** является прилагательным. В таком случае в лакуне утрачено определяющее существительное. Оно было или вторым географическим названием, или термином, обозначающим административно-территориальную единицу. Могло читаться **бѣжицко**[**мь вьрсѣ**], **бѣжицко**[**мь уѣздѣ**] или **бѣжицко**[**и волости**]. Определение Бежецка как Бежецкого Верха в грамотах XIV в., как уже говорилось, не встречается. Поэтому первый возможный вариант реконструкции следует исключить. При втором варианте восстанавливается 7 букв, при третьем — 8. Размер лакуны и равен примерно 7—8 буквам. А. А. Шахматов писал, что «перед **имати** как будто **сти**» и предлагал восстанавливать **бѣжицко**[**и волости**]. Так же

реконструировали данное место грамоты Л. В. Черепнин и издатели «Грамот Великого Новгорода и Пскова». Следует однако заметить, что термин «волость» применялся в данной грамоте или ко всей территории Новгорода Великого, или к территории Тверского княжества, но не к территориям, составлявшим части Новгородской земли. Как показывает пример Торжка, правда, единственный, территория Торжка называлась в рассматриваемом договоре уездом (**в новоторьскомь ꙋѣ||[зд]ѣ** — строки 19—20). Что касается букв **сти**, то они не просматриваются даже при 12-кратном увеличении. Зато на расстоянии 12 мм до слова **имати** видна длинная чернильная черта, опускающаяся к строке 9. Буквы в слове **волость** все писались в строке, у них не было «хвостов», опускавшихся ниже строки. Очевидно, до слова **имати** слово **волость** читаться не могло. Слово **ꙋѣздъ** такие буквы имеет (**ꙋ** и **з**). Очевидно, оно и фигурировало в грамоте. В таком случае текст восстанавливается как **въ Бѣжицко**[**мь ꙋѣздѣ**], где **ь** после **м** ставится согласно правописанию грамоты.

9 строка начинается словами **стои софии**, что после текста грамоты в 8 строке о взимании княгиней Василисой кун у истцов означало передачу земли св. Софии, как по главному храму именовалась Новгородская республика. Очевидно, утраченный текст в конце 8 строки должен восстанавливаться как [**а землѧ къ**], аналогично первой договорной грамоте Новгорода с великим князем владимирским Михаилом Ярославичем[48]. По приведенным выше расчетам в конце 8 строки был утрачен текст размером 27 мм, что составляет несколько более 7 букв. Восстановленный текст состоит из 8 букв, но возможно, что предлог **къ** был написан без **ъ**, как в строках 32 и 42. Соответствие количества восстановленных букв количеству утраченных подтверждает корректность реконструкции.

9 строка. Текст сохранился от начала строки на протяжении 143 мм (38 букв). Конец строки утрачен. Утрата составляет 25 мм.

Текст прерывается на букве **в**. Поскольку в строке 9 перечисляются дети **єго**, княгиня **єго**, т. е. Михаила Ярославича, а 10 строка грамоты начинается со слова **єго**, то единственным вариантом восстановления утраченного текста будет слово **в**[**ѡромъ**], как и считали издатели «Собрания государственных грамот и договоров», А. А. Шахматов, Л. В. Черепнин, публикаторы «Грамот Великого Новгорода и Пскова». Правда, в предшествовавших договорах Новгорода с Михаилом Ярославичем как правило упоминались не только княжеские бояре,

приобретавшие села в новгородских землях и старавшиеся обзавестись там зависимыми людьми, но и княжеские слуги (ср. в договоре середины ноября 1317 г.: **а што селъ покупили мои бояре и слугы**)[49]. Но включение в реконструкцию дополнительно слов [**и слугъ**] доводит количество восстановленных букв до 12, тогда как размер утраты не превышал 7 букв. Поэтому следует ограничиться словом **б**[**оярмъ**], в котором число восстановленных букв (6) вполне вписывается в размеры утраченного текста, а грамота от начала 1317 г. в числе владельцев новгородских сел указывает только бояр великого князя, не упоминая его слуг[50]. Иными словами, в сходном обороте договорной грамоты, почти непосредственно предшествовавшей разбираемой, встречается указание только на бояр князя Михаила без его слуг, что делает реконструкцию окончания 9 строки верной не только по форме, но и по содержанию.

10 строка. Текст сохранился с самого начала строки на протяжении 57 мм (15 букв). Затем следует лакуна в 19 мм. После лакуны текст сохранился на пространстве 63 мм (19 букв). Далее утрата 29 мм текста.

Первая лакуна следует после слов и букв **въ все княжень** и оканчивается перед буквами **хаилово**. Поскольку лакуна мала по размеру, реконструкция достаточно проста: **въ все княжень**[**к ми**]**хаилово**. Теоретически на пространстве 19 мм должно разместиться 5 букв, здесь же восстанавливаются только 3 буквы, и никаких дополнительных предложить нельзя. Но следом за А. А. Шахматовым надо думать, что последняя буква в слове **княжень**[**к**] была **є** йотированным, т. е. фактически занимала пространство двух букв.

11 строка начинается словами **а земля бес кун**, следовательно, строка 10 заканчивала определенный оборот. За последними сохранившимися в строке 10 словами **знаютъ своего** может следовать только единственное слово — [**истьца**]. Так восстанавливают данное место Л. В. Черепнин и издатели «Грамот Великого Новгорода и Пскова». В теоретически рассчитанной лакуне могло уместиться 8 букв. Реконструированное слово состоит из 6 букв, оно вполне вписывается в эту лакуну, но не заполняет ее всю. Такое несоответствие на 2 буквы представляется допустимым.

11 строка. Текст сохранился с самого начала строки на протяжении 49 мм (13 букв). Но буква **ъ** в слове **кунъ** отсутствует. Зато на расстоянии в 4 мм после слова **кун** виден остаток буквы **с**. Далее следует боль-

шая лакуна в 64 мм. После этого текст читается на протяжении 17 мм (4 буквы). Далее вновь следует лакуна в 38 мм.

В первой лакуне по расчетам должно было размещаться 17—18 букв, во второй — 10—11 букв. Часть первой лакуны может быть заполнена достаточно уверенно. В 11 строке явно заканчивалась статья договора о судьбе на новгородской территории сел княгини Василисы, а также сел Михаила Ярославича, его семьи и его бояр, приобретенных во время правления в Новгороде этого князя. Поскольку земля тех сел, что купила княгиня Василиса, должна была отойти **стои софии**, очевидно, что та же норма была распространена и на села князя Михаила и его окружения. Поэтому уцелевшие в начале строки 11 слова **а землѧ бес куп с** могут быть продолжены: [**тои софии**], почти как в строке 9 и реконструированном окончании строки 8. Так в принципе восстанавливал текст Л. В. Черепнин, правда, проявляя известное колебание. Он предлагал и иную реконструкцию: [**поидеть к новоугородоу**][51]. Однако такая реконструкция невозможна. Она состоит из 20 букв, что на 2—3 буквы превышает расчетный размер утраты. Даже если бы восстановленный текст состоял из 18 букв (вместо **оу** было бы написано просто **у**), все равно такое восстановление нельзя признать корректным, поскольку следующая статья договора начиналась бы с союза **и** и букв **кнѧ**, сохранившихся в 11 строке, а такого начала в рассматриваемой грамоте и вообще во всех договорных грамотах XIV в. Новгорода Великого с князьями нет. Очевидно, что реконструкция **с**[**тои софии**] является единственно возможной. Таким образом, восстанавливаются 8 букв из 17—18 первой утраты строки 11. Остальные 9—10 букв утраты начинали новую статью договора, содержание которой заканчивалось в середине строки 19 словами **хр҃тъ цѣлов**[**а**]**въ** (непосредственное продолжение этих слов в 19 строке и в начале строки 20: **а к**[**то**] **живеть в новоторьскомь уѣ** |[**зд**]**ѣ**, начинает уже следующую статью договора). Чтобы попытаться реконструировать последующий утраченный текст строки 11, необходимо выяснить, чему в целом была посвящена начинавшаяся с 22-ой буквы этой строки очередная статья договора 1318 г.

Сохранившийся полностью текст 18 строки и начала 19 строки грамоты: **како истьца не вѣдають а коуны кмоу имати у новагорода** | **колко далъ**, свидетельствует, что в восстанавливаемой статье договора речь шла о земельных владениях, которые должны были быть возвращены Новгороду за денежную компенсацию. Судя по уцелевшему

фрагменту текста строки 16: **ца или у сна**, в статье затрагивался вопрос о старых владениях, поскольку в его разрешении должны были принимать участие люди двух поколений — сыновья и отцы. Такое заключение поддерживается сохранившимися в 14 строке буквами **дмитр**, в которых вслед за издателями «Собрания государственных грамот и договоров» нельзя не видеть начала имени Дмитрий. Речь должна идти о великом князе владимирском Дмитрии Александровиче, княжившем и в Новгороде. Дмитрий умер в 1294 г.[52] Следовательно, в реконструируемой статье речь шла о владениях, появившихся в Новгородской земле не в княжение Михаила Ярославича (судьба таких владений рассматривалась в предшествовавшей статье договора 1318 г., текст которой занимал строки 7—11), а в правления его предшественников. В более ранних договорных грамотах Новгорода Великого с Михаилом Ярославичем встречаются статьи, где имя князя Дмитрия Александровича связывалось с земельными владениями в Новгороде: **а что селъ и свободъ Дьмитриевыхъ, то дали есме былѣ Андрѣю до живота Андрѣева въ хрьстьное цѣлованиє, а потомь Новугороду то все; а тобѣ, княже, въ то не въступитися**[53], **что свободъ Дмитриевыхъ и Андрѣевыхъ, и что сельць тягнуло къ тымъ слободамъ, того всего тобѣ съступитися, то все къ Новугороду бес кунъ**[54]. Такая статья вошла и в текст договора 1371 г. Новгорода с Михаилом Александровичем Тверским[55]. Однако ни одна из приведенных статей не могла быть положена в основу интересующей нас статьи договора 1318 г., поскольку последняя предусматривала возврат земельному владельцу кун со стороны Новгорода, **колко далъ** такой владелец в свое время, а таких постановлений приведенные статьи не содержат.

Имя князя Дмитрия Александровича сопрягается с земельными владениями в Новгородской республике еще в двух договорах Новгорода Великого с князьями. Один непосредственно предшествовал соглашению 1318 г., другой был составлен позднее, около 12 апреля 1327 г. Приводим соответствующие тексты (см. след. страницу).

Обе статьи обнаруживают принципиальное сходство с исследуемой статьей договора 1318 г.: они трактуют вопрос о селах, приобретенных в Новгородской земле еще со времен Александра Невского, включая и время правления его сына Дмитрия, одинаково рассматривают случаи, когда при отсутствии истца владелец села получает куны от Новгорода. Особенно важно совпадение с договором середины ноября 1317 г., где впервые появилась такая статья. Отказ в феврале 1318 г.

от положений, удовлетворявших тверскую и новгородскую стороны в ноябре 1317 г., был бы труднообъясним. С другой стороны, наличие такой статьи в соглашении 1318 г. свидетельствует о последовательной структуре этого договора: сначала стороны договариваются о возвращении к старым границам между новгородскими и тверскими землями, затем о возвращении сел в Новгородской земле, приобретенных во времена княжения Михаила Ярославича, и порядке такого возвращения; далее о возвращении и порядке возвращения новгородских сел, приобретенных до правления Михаила.

Договор середины ноября 1317 г.

А которая села покуплена при князи при Олександрѣ, при Ярославѣ, при Васильѣ, при Дмитриѣ, при Андрѣѣ, на тѣхъ селѣхъ куны имати у истьця, а земля к Новугороду; не будеть истьця, целовати ему, како не вѣдаеть истьця, и колько будеть далъ на селѣ, куны взяти у Новагорода, а земля к Новугороду[56].

Договор около 12 апреля 1327 г.

А кто будеть купилъ села въ всеи волости в Новгородьскои при дѣдѣ моемь Ярославѣ, и при Васильи, при Дмитрии, при Андрѣи, и при отци моемь при Михаилѣ, и при князи при Юрьи, при Дмитрии: кто будеть даромь отъялъ или сильно, а то поидеть бес кунъ к Новугороду; а кто купилъ будеть в Новгородьскои волости, знати имъ своего истьца; или не будеть истьца, како не вѣдаеть истьца своего, цѣловавъ ему крьстъ, куны ему взяти у Новагорода, колько будеть далъ, а земля поидеть к Новугороду; или не окупять, сѣдѣти ему, доколѣ окупять[57].

Поскольку включение статьи о возвращении Новгороду сел, приобретенных во времена Александра Невского — Андрея Александровича, в договор середины ноября 1317 г. было новацией, можно ожидать, что текст этой статьи был не вполне устойчив и в договоре 1318 г. мог подвергнуться изменениям по сравнению с предшествовавшим соглашением между Михаилом Ярославичем и Новгородом Великим. Во всяком случае, сравнение процитированных выше двух тематически

одинаковых статей договоров 1317 г. и 1327 г. показывает, что между ними имелись различия не только текстуальные, но, что гораздо важнее, юридические. Так, в тексте договора 1327 г. находим две новые нормы, не отраженные ноябрьским соглашением 1317 г.: 1. **кто будеть даромь отъялъ или сильно, а то пондеть бес кунъ к Новугороду** и 2. **или не окупять, сѣдѣти ему, доколѣ окупять**. Вторая норма, несомненно, отразила историческую практику, которой не могло быть ни в ноябре 1317 г., ни в феврале 1318 г. К 1327 г. выяснилось, что быстрый выкуп у неновгородцев новгородских сел не осуществился, он растянулся на длительный период, и старые владельцы сел в Новгородской земле продолжали обладать ими по-прежнему. По-видимому, на этом и строился расчет в 1317 и 1318 гг. Михаила Ярославича, формально соглашавшегося на передачу Новгороду старых сел, но понимавшего, что такое согласие скорее останется на бумаге, чем реализуется в жизни. В текст соглашения 1318 г. подобная норма не могла быть включена. Иное дело первая норма. Она уточняла пути приобретения сел в Новгородской земле в правления Александра Ярославича — Андрея Александровича и в связи с этим определяла безкомпенсационную форму возвращения их Новгороду. Такая норма могла найти отражение в тексте договора 1318 г.

Общий объем в буквах статьи о возвращении Новгороду старых сел в договоре 1318 г. должен был составлять около 364—366 знаков (22—24 буквы строки 11; 276 букв строк 12—17, считая в среднем по 46 букв в каждой из этих строк; 45 букв строки 18 и 21 буква строки 19). Соответствующая статья в ноябрьском договоре 1317 г. имеет объем 231 знак, а такая же статья в договоре 1327 г. — 417 знаков. Если из объема последней вычесть количество знаков, приходящихся на перечень правителей от Михаила Ярославича до Дмитрия Михайловича включительно (текст **и при отци моемь при Михаилѣ, и при князи при Юрьи, при Дмитрии** — 49 букв), и на текст **или не окупять, сѣдѣти ему, доколѣ окупять** (34 буквы), поскольку таких текстов в договоре 1318 г. быть не могло, останется 334 знака, что близко расчетному объему такой же статьи договора 1318 г. Очевидно, содержание последней статьи было ближе содержанию аналогичной статьи договора 1327 г., чем подобной статьи договора середины ноября 1317 г.

Восстановление текста анализируемой статьи договора 1318 г. в свое время предложил Л. В. Черепнин. Его реконструкция выглядела следующим образом: «[А будет пр]и кня[зи Олександре кто села купил

в Новгородскои волост]и и при [князи при Ярославе из] Тфери, [и при Василье, при] Дмитр[ие, при Андрее, и они] возмоуть ку[ны за ру]бежемь в Нов[городскои волости у своего исть]ца или у сына. И[стьца ли не будеть, ни детии его, а кто купил] и на томь емоу хр[ест целовати], како истьца не ведаеть, а коуны емоу имати у Новагорода колко дал хрест целова[в].» Оценивая свою работу по воссозданию текста до слов **или ѵ сна**, Л. В. Черепнин писал: «Текст восстановлен очень условно и приблизительно, на основании сравнения с № 16 и № 15 (под этими номерами в первой части „Собрания государственных грамот и договоров“ были соответственно напечатаны договор середины ноября 1317 г. и договор апреля 1327 г.—*В. К.*). В данном месте документ настолько испорчен, что воспроизвести дословно первоначальное чтение не представляется возможным. Смысл же текста, думается, передан правильно.»[58] Однако с такой самооценкой исследователя согласиться трудно. До слов **како истьца не вѣдаеть** (начало строки 18) в грамоте примерно с середины строки 11 должен был быть написан текст объемом примерно в 298—300 знаков. Текст, восстановленный Л. В. Черепниным, составляет 239 знаков. Ученый совершенно не принял во внимание полную утрату текста 13 строки, на что в свое время указывал А. А. Шахматов. Оказался нарушенным и смысл текста. И договор середины ноября 1317 г., и договор 1327 г. в интересующих нас статьях требовали, чтобы возвращаемые земли отходили Новгороду: **а земля к новугороду** (договор 1317 г.); **а то поидеть бес кунъ к новугороду**, **а земля поидеть к новугороду** (договор 1327 г.). Эта важная юридическая норма совершенно не нашла отражения в реконструкции Л. В. Черепнина. Очевидно, что текст нужно восстанавливать на иных основаниях. При этом некоторые попытки Л. В. Черепнина соединить в связный текст остатки слов в строках 11—17 должны быть приняты во внимание.

После этих предварительных замечаний можно перейти к восстановлению окончания строки 11.

Полагая, что соображения о рассмотрении в почти утраченной статье договора 1318 г. вопроса о селах, приобретенных в Новгородской земле до правления князя Михаила Ярославича, верны, начало статьи восстанавливается с союза **а**. Далее через 8—9 букв, которые утрачены, читаются буквы **и кнѧ**. Скорее всего, они указывают на князя, при котором началось приобретение сел в Новгороде. Поскольку оборот **при кнѧзи** есть в договоре середины ноября 1317 г., логично полагать,

что буквы **и кнѧ** как раз и являются остатками такого оборота. Таким образом, восстанавливаются еще 2 буквы из 8—9 перед буквой **и** и две буквы из 10—11, которые должны следовать за буквами **кнѧ**. Перечень князей, который фигурирует в аналогичной статье соглашения 1317, составленного примерно за 3 месяца до договора 1318 г., начинается с Александра Невского. Очевидно, его имя и должно было стоять в конце 11 строки договора 1318 г.: **Ѡлєксандрѣ**. Это слово состоит из 10 букв, что в принципе совпадает с числом букв, которые должны быть восстановлены (8—9). Что касается лакуны в 6—7 букв между [**а**] и [**пр**]**и**, то ее, скорее всего, следует заполнить словом **бꙋдєть**, как это и сделал Л. В. Черепнин. Вообще говоря, вся предлагаемая здесь реконструкция окончания строки 11 является копией реконструкции Л. В. Черепнина, хотя он и не приводил конкретных аргументов в ее пользу.

Теперь следует охарактеризовать состояние строк 12—17, которые наряду со строками 5 и 11 оказались самыми поврежденными в грамоте.

12 строка. С начала строки имеется лакуна в 111 мм. Далее на протяжении 20 мм видны буквы **и и при**(5 букв). Окончание строки (примерно 33 мм) утрачено.

13 строка. С начала строки имеется лакуна в 96 мм. Далее на протяжении 26 мм видны остатки текста. Это основания букв, причем первая буква имела черту, опускавшуюся ниже строки. После этого текст снова утрачен, по теоретическим расчетам — на протяжении 46 мм.

14 строка. С начала строки имеется лакуна в 95 мм. Далее на протяжении 21 мм читаются буквы **дмитр** (5 букв). После этого снова следует лакуна размером в 52 расчетных мм. Воспроизведенные в публикации А. А. Шахматова в этой строке буквы **тфѣри** на самом деле читаются в строке 15.

15 строка. С начала строки имеется лакуна в 45 мм. Затем на протяжении 14 мм следуют буквы **тфѣри** (5 букв). Далее вновь идет лакуна в 33 мм. За ней на протяжении 41 мм читаются буквы **ꙋвєжємъ в нов** (11 букв), причем буква **ꙋ** стала видна только теперь. Сомнения А. А. Шахматова в написании после **м** именно **ъ** отпадают, поскольку последняя буква теперь хорошо видна. В конце строки следует новая лакуна размером примерно в 35 мм.

16 строка. С начала строки имеется лакуна в 29 мм. Далее на протяжении 33 мм следует текст **возмоꙋть кꙋ** (10 букв). После этого идет

вторая лакуна размером 28 мм. Далее на протяжении 39 мм текст продолжается: **цѫ или ꙋ сна и** (10 букв). Конец строки в 29 мм утрачен.

17 строка. С начала строки имеется лакуна в 86 мм. Но на протяжении последних 19 мм лакуны видны остатки 5 букв, первая из которых имела черту, опускавшуюся ниже строки. Далее на протяжении 53 мм читается текст **а на томь ємоу хр҃тъ** (15 букв), причем буква **т** стала ясно видна только теперь, а буква **ъ** видна частично. Далее текст утрачен, а в конце строки читаются буквы **атi**. Буквы стали видны после реставрации грамоты. Расстояние от ножки буквы **т** до буквы **а** составляет 16 мм.

Текст можно восстановить следующим образом.

12. [**кто ѿмлъ села въ новгородьскои волост**]**и и при** [**ꙗрославѣ**,
13. **при васильѣ**, **при дмитриѣ**, **при андрѣѣ**, **а то бес кун к новугороду**.
14. **а при ꙗрославѣ**, **при васильѣ**, **при**] **дмитр**[**иѣ**, **при андрѣѣ кто бу**
15. **деть купилъ изъ**] **тфѣри** [**села за р**]**убежемь в нов**[**городьскои**
16. **волости**, **тѣ**] **возмоуть ку**[**ны ꙋ исть**]**ца или ꙋ сна**. **и**[**стьца ли не**
17. **будеть**, **ни сна его**, **а кто купилъ**,] **а на томь ємоу хр҃тъ** [**цѣлов**]**атi**

Конечно, за абсолютную точность предлагаемой реконструкции поручиться трудно. Слишком ничтожен сохранившийся материал (по 5 букв в строках 12 и 14, 16 букв в строке 15, нет букв в строке 13). Его очень сложно однозначно соединить между собой. Например, в конце строки 13 вместо **а то бес кун к новугороду** могло читаться [**а**] **земля к новугороду**, как в строке 32 анализируемой грамоты. Несколько условны начала и окончания строк, одна-две буквы могли читаться не в конце предыдущей строки, а в начале следующей, и наоборот, начальные буквы строки могли читаться в конце предыдущей. Тем не менее можно говорить если не о правдивости, то о достаточно высокой степени правдоподобности данной реконструкции. Во-первых, реконструируется статья, наличие которой в договоре 1318 г. доказывается ее сохранившимся окончанием и существованием параллельных статей в договорах середины ноября 1317 и 1327 гг. Во-вторых, реконструкция строится исключительно на лексемах и фразеологических оборотах, имеющихся в указанных трех договорах. В-третьих, объем восстановленного текста равен 304 знакам, что в принципе совпадает с рассчи-

танным количеством утраченных в этих строках букв — 298—300. В-четвертых, заполнение лакун в строках 12—17 довольно точно соответствует размеру существующих утрат. Так, первая лакуна в строке 12 (111 мм) по расчетам должна была содержать 30—31 букву. По реконструкции здесь разместились 32 буквы. При этом следует заметить, что предлог **въ** мог писаться без **ъ**, как, например, в строках 15, 24, 25, 34, 35 анализируемой грамоты, а наличие в реконструкции весьма малых по размеру семи букв **о**, размер которой не превышал 2 мм, позволяет считать, что восстановленный текст полностью вписывается в размер утраты. Вторая лакуна 12 строки (33 мм) должна была вмещать 9 букв. Она заполняется словом в 8 букв, что лишь на 1 букву меньше расчетного числа. В строке 13 на расстоянии 96 мм от начала строки виден остаток буквы с чертой, опускающейся к строке 14. На расстоянии в 96 мм должно было разместиться примерно 26 букв. Любопытно, что при предложенной реконструкции текста 13 строки 27-ой буквой этой строки будет буква **р**, которая писалась с «хвостом», опускающимся ниже строчки. Первая лакуна строки 14 равна 95 мм. Здесь могло разместиться 26 букв. 25 букв получилось при реконструкции. В конце строки не хватает 52 мм текста, или 14 букв. Реконструированный текст состоит из 16 букв. В строке 15 первая лакуна равна 45 мм, где должно было быть 12 букв. Реконструированный здесь текст состоит из 13 букв. Вторая лакуна равна 33 мм, или примерно 9 буквам. Она заполнена 7 буквами, что несколько ниже расчетного числа. В конце 15 строки нет 35 мм текста, т. е. примерно 10 букв. Лакуна заполняется ровно 10 буквами. В 16 строке в начале нет 29 мм текста, что составляет 8 букв. Лакуна заполняется 9 буквами. Вторая лакуна равна 28 мм. Здесь могло уместиться почти 8 букв. Лакуна заполнена 7 буквами. В конце строки нет 29 мм текста, или 8 букв. Реконструированный текст состоит ровно из 8 букв. 17 строка в самом начале имеет утрату в 86 мм, что составляет 24 буквы. Восстановленный здесь текст точно равен 24 буквам. В конце строки не хватает 16 мм текста, т. е. несколько более 4 букв. Восстановленная часть слова [**цѣлов**]**аті** состоит из 5 букв. Такое прослеживаемое в разных частях строк 12—17 соответствие размеров утрат и реконструированного текста подтверждает, что произведенное восстановление в принципе сделано правильно. Особенно это касается строк 15—17, где сохранившиеся остатки текста дают большую возможность понять, о чем именно идет речь в гра-

моте, и восстановить утраченное на основании последующего текста договора и текста соглашения 1327 г.

19 строка. В слове **цѣлов**[**а**]**въ** утрачена не вторая буква **в**, как показано в публикации А. А. Шахматова и в «Грамотах Великого Новгорода и Пскова», а правая часть первой буквы **в** и буква **а** (4 мм пергамента), что делает восстановление текста единственно возможным. Далее в этой строке после буквы **к** утрачен текст размером в 6 мм. Поскольку за буквой **к** следует сказуемое **живѣть**, по размерам утраты и по контексту восстанавливаются буквы **то**.

20 строка. Строка начинается с лакуны в 8 мм. Далее видна буква **ѣ**. Поскольку предыдущая строка заканчивается словами и буквами **в новоторьскомь ꙋѣ**, начало 20 строки легко восстанавливается как [**зд**] (**ꙋѣ**[**зд**]**ѣ**).

Примерно в середине строки после слов и букв **а тѣ потѫ** утрачено 7 мм пергамента и далее видна буква **т** и остаток буквы **ь**. По расчетам, отсутствует текст размером в 2 буквы. По контексту текст восстанавливается как **потѫ**[**нꙋ**]**ть**, но не **потѫ**[**гнꙋ**]**т**[**ь**], что предложено в издании «Грамот Великого Новгорода и Пскова». После букв **ть** до слова **торжькꙋ** снова утрачен пергамент размером 7 мм. Здесь также могло разместиться 2 буквы. Содержание фрагмента дает возможность восстановить предлог [**къ**].

Последние буквы в строке имеют разрыв между двумя буквами **л** и **к**: **закл кладьщи**. В пергаменте имеется отверстие, которое разъединяет буквы. А. А. Шахматов предполагал, что в грамоте по описке было написано **заклзакладьщи**, а затем из-за ветхости пергамента произошла утрата двух букв. Диаметр отверстия — 4 мм. Здесь не могли поместиться две буквы. По-видимому, отверстие — естественного происхождения, оно было на том листе пергамента, который был использован для написания текста договора 1318 г. В таком случае ошибка писца заключается в том, что написав буквы **кл** перед отверстием, он продолжил с них текст и после отверстия. Очевидно, лакуны здесь нет, и все буквы надо писать вместе.

21 строка. В начале строки имеется лакуна в 10 мм. Здесь может разместиться 2—3 буквы. Поскольку последнее слово 20 строки **заклкладщи** не имеет окончания, совершенно очевидно, что лакуна должна быть заполнена буквами **къ**. Далее читается **бꙋди пришлєць бꙋ**, затем следует лакуна в 25 мм, а после нее текст продолжается: **ѫ**

бѹди дѣтѣи кго, причем буква **а** стала видна только теперь. В лакуне могло поместиться 6—7 букв. Ясно, что буквы **бѹ** должны быть продолжены буквами **ди**. Слово с окончанием на **а**, конечно, **князя**, т. к. далее упоминаются дети **кго**. Таким образом, восстанавливаются 6 букв, что соответствует не только контексту, но и размеру лакуны.

22 строка. В начале строки наличествует лакуна в 10 мм, следовательно, утрачены 2—3 буквы. Текст начинается с букв **нинъ**, причем левая ножка первой буквы **н** не сохранилась. Предыдущая строка оканчивается буквами **бѹди кня**. Нет сомнений, что в начале строки 22 были утрачены буквы **гы**.

Другая лакуна находится между словами **бѹди боярь** и **такоже и василисинъ**. Ее размер — 8 мм. Здесь могут уместиться 2 буквы. Л. В. Черепнин восстанавливал текст как **боярь**[**скои**], потому что А. А. Шахматов определял размер утраты в 6—7 букв. Но 4 буквы, не говоря уже о 6—7, здесь не помещаются. Очевидно, надо восстанавливать слово **єго** в соответствии с текстом строки 21 и строк 8—9. Слово **єго** в строке 9 занимает как раз 8 мм.

23 строка. С начала строки идет большая лакуна в 87 мм. Далее следуют слова **волости новгородьскои** (59 мм, 20 букв). Текст в конце строки утрачен, но поскольку здесь правый край листа рассматриваемой договорной грамоты сохранился, размер утраты определяется точно — в пределах 7 мм. После слова **новгородьскои** публикаторы 1813 г. не читали ничего. А. А. Шахматов, Л. В. Черепнин, издатели «Грамот Великого Новгорода и Пскова» читали союз **а**. В настоящее время эта буква не видна, но на ее месте заметна верхняя часть какой-то буквы.

Слова **волости новгородьскои** стоят в предложном падеже, что часто требует предлога **въ** перед ними. Таким предлогом заканчивается предшествующая строка 22. После же слов **волости новгородьскои** в рассматриваемой грамоте следует статья о старых людях. Следовательно, слова **волости новгородьскои** являются заключительными предыдущей статьи договора, обобщающими содержащийся в ней материал. Эта статья трактует вопрос о положении людей различных категорий, принадлежавших князю Михаилу Ярославичу, его жене, детям и боярам, а также княгине Василисе. Села всех этих лиц располагались в Торжке, Бежецке и Вологде. Естественно полагать, что и зависимые от них люди жили там же. Торжок упомянут в самом начале разбираемой статьи (строки 19 и 20). Не названы Бежецк и Вологда. Их упоми-

нания и надо ожидать в начале 23 строки. Текст может быть восстановлен в следующем виде: [**бѣжицахъ въ вологдѣ и въ всѣи**] **волости новгородьскои**. 87 мм лакуны означает утрату 24 букв текста. Реконструкция включает 25 букв. И это подтверждает ее корректность.

Восстановление окончания 23 строки необходимо связывать с анализом текста строки 24.

24 строка. В начале строки имеется лакуна в 33 мм. Лакуна в 9 мм есть перед буквами **фѣри** (до вертикальной черты буквы **ф**). Перед ней теперь ясно читается буква **в**, которая ранее не читалась. Поэтому утрата легко восстанавливается, это буквы **ъ** и **т**. Лакуна в 4 мм есть между буквами **л** и **дєхъ**. Поскольку перед последними буквами читается слово **старыхъ**, то третья лакуна заполняется буквой **ю** (**л**[**ю**]**дєхъ**).

Упоминание таких людей в предложном падеже указывает на то, что в начале статьи речь должна была идти о них. Начало статьи — это конец строки 23 и начало строки 24, которые утрачены. В первом случае на расстоянии 7 мм могло разместиться 2 буквы, во втором — 9 букв. Лакуна в 11 букв может быть заполнена текстом **а кто старыи люди**, состоящим из 14 букв. Л. В. Черепнин предлагает иную реконструкцию: **а кто бѹдєть старыхъ людєи**, но такая реконструкция даже без **ъ** после **х** состоит из 21 буквы и неприемлема из-за явного превышения размера утрат. Текст **а кто старыи люди** мог быть распределен между строками по-разному, но логичнее всего двумя буквами заполнить конец 23 строки, а остальными — начало 24 строки. При этом приходится констатировать определенное несоответствие между размером утраты (9 букв) и количеством восстановленных букв — 12. Но возможно, что 23 строка заканчивалась как-то иначе, там, дополнительно к предложенному варианту, было еще 1—2 буквы, однако подобные соображения сложно проверить. Поэтому следует все оставить так, как получается.

Вторая лакуна, которую ранее считали более обширной, заполнялась исследователями различно. Так, Л. В. Черепнин предлагал читать [**из т**]**фєри** и даже обосновывал такое чтение, но тогда сохранился бы «хвост» буквы **з**, а его нет. Прочтение же букв **въ** решает вопрос окончательно.

25 строка. В начале строки имеется лакуна в 34 мм. Следовательно, утрачено 9 букв. После букв **спра** — новая лакуна в 7 мм. Приведен-

ным буквам предшествуют слова **в прочьнои**, что указывает на местный падеж и позволяет восстановить испорченное слово: **справѣ**.

Трудность представляет заполнение первой лакуны, где должно было быть 9 букв. «Старые люди» в Торжке и Твери договора 1318 г. сопоставимы с «давними людьми» в Торжке и Волоке новгородско-тверских договоров 1296 г. «Давним людям» предписывалось **тако и сѣдѣти**[59]. Очевидно, эта норма распространялась и на «старых людей». В таком случае должен быть восстановлен текст **сѣдѣти имъ**. Его размер — 9 букв — точно укладывается в размер утраты.

26 строка. В начале строки имеется маленькая лакуна в 6 мм. Далее читается слово **села**. Поскольку в самом конце предыдущей 25 строки читается **почнуть wкупа**, заполнение лакуны не представляет проблемы: **ти** (**почнуть wкупа**[**ти**] **села**). Окончание **ти**, но не **ть**, как в издании 1813 г., согласуется с окончанием глагола **wкупити** в той же 26 строке.

28 строка. В начале строки имеется лакуна размером в 17 мм (5 букв). Далее после предлога **по** есть небольшая лакуна в 4 мм.

Вторая лакуна приходится на текст **слободамъ и по.. ломъ**. Речь в данной статье грамоты идет о захвате имущества в разных местах. Очевидно, что если такими местами были слободы, то должны были быть и села. Следовательно, восстанавливаются буквы **се** (**и по** [**се**]**ломъ**). В строке 7 эти буквы в слове **села** занимают пространство в 3 мм. Предлог **по** должен быть и перед словом **слободамъ**. Но строка 27 кончается союзом **и**, а перед словом **слободамъ** сохранились буквы **мъ**. Реконструкция довольно очевидна: **и** [**по всѣ**]**мъ слободамъ**. Количество восстановленных букв точно соответствует размеру утраты.

29 строка. В строке имеется единственная лакуна — в самом ее начале протяженностью 32 мм. В ней могло уместиться 9 букв.

Строка 28 заканчивается словами **у ладожанъ или**, далее следует утрата в начале строки 29, а потом текст продолжается буквами **ыхъ** и словом **людеи**. Очевидно, что **ыхъ** — окончание определения к **людеи**. Судя по контексту, такому определению должен был предшествовать предлог **у**. Поскольку после слова **людеи** читается **дати имъ назадъ по исправѣ**, делается ясным, что словом **людеи** обобщались все те лица, у кого были отняты перечисленные в строке 26 грамоты кречеты, серебро и беличьи шкурки. В таком случае текст восстанавливается как [**у какихъ ин**]**ыхъ**

людєи. Реконструкция состоит из 9 букв, что соответствует размеру утраты.

30 строка. В начале строки имеется лакуна в 25 мм (7 букв). Далее после предлога **по** наличествует вторая лакуна размером в 5 мм.

Первая лакуна следует после слов **а головы**, которыми кончается 29 строка, и перед текстом 30 строки **имали в полкѹ**. Очевидно, что речь идет о пленных, захваченных во время войны. В таком случае начало 30 строки надо восстанавливать как **что по** (**а головы** [**что по**]**имали в полкѹ**). Форма глагола должна указывать на совершенное действие. Реконструированный текст на 2 буквы меньше размера утраты. Л. В. Черепнин восстанавливал текст, вводя буквы **што по**. Однако в тексте грамоты встречается только написание **что** (строки 7, 27, 30, 39), поэтому реконструкция **што** неприемлема.

Вторая лакуна в соответствии с контекстом восстанавливается как **по с**[**єло**]**мъ**. Реконструированное слово имеет размер 17 мм. То же слово с восстановленными буквами **сє** в строке 28 занимает пространство в 15 мм, что косвенно свидетельствует о правильности реконструкции.

После слова **то** в грамоте совершенно ясно читается слово **попущати**, как и воспроизвели его издатели «Собрания государственных грамот и договоров». Чтение А. А. Шахматова, как и всех последующих издателей и интерпретаторов договора 1318 г., **попущали** оказывается ошибочным.

31 строка. Между буквами **смєр** и **ѣхъ** лакуна в 6 мм. Между буквами **прѹтє** и **скыχ** лакуна в 9 мм. В первой лакуне может разместиться 1,5 буквы, во второй — 2,5 буквы, но не 3—4 буквы, как в свое время полагал А. А. Шахматов.

Первая лакуна легко восполняется буквой **д**: **смєр**[**д**]**ѣхъ**.

Восстановление второй лакуны является заслугой В. Л. Янина. Он предложил читать **прѹтє**[**нь**]**скыχ**, поскольку речь в договоре шла о локальной группе смердов, «а Прутня — погост в Новоторжской волости»[60]. В. Л. Янин de visu грамоты не видел. Тем интереснее его чисто кабинетное, логическое заключение, которое оказывается совершенно правильным. При достаточном увеличении и освещении данного места видно, что сохранились остатки двух букв. Первая была написана на некотором расстоянии от буквы **є**, поскольку после этой буквы шло маленькое отверстие, и это была буква **н**. От второй сохранилось толь-

ко основание — горизонтальная черта, которая является непременным элементом буквы **ь**. Не только по содержанию, но и по своим размерам реконструкция В. Л. Янина точно воссоздает утраченный текст.

Помимо механических утрат текста, в 31 строке имеются потертости, которые делают буквы плохо видимыми. Так, рассмотрев, в отличие от издателей «Собрания государственных грамот и договоров», цифру 5 (**є**) после слова **кнѧзь**, А. А. Шахматов решил, что перед ней стоит знак ҂, обозначающий тысячи. Все публикаторы и исследователи после 1886 г. исходили из существования в договоре 1318 г. цифры 5000. Засомневался в этом только В. Л. Янин, справедливо посчитавший, что смерды одного из локальных районов Новгородской земли были просто не в состоянии выплатить столь огромную сумму. Поэтому он предложил вместо цифры **є** читать буквы **ви** и соединить их с ясно видимыми последующими буквами **ρ҃**, которые А. А. Шахматов считал началом слова **ρ҃**(**блии**) или **ρ҃**(**блєи**). В итоге в реконструкции В. Л. Янина получилось слово **вирѵ҃**, которую взял с прутенских смердов князь Михаил Ярославич[61]. Между тем в тексте ясно читается только цифра 5 (**є**). Знак, обозначающий тысячи, перед ней отсутствует. После цифры достаточно ясно читается **ρ҃блѧ**. Очевидно, что с прутенских смердов тверской князь взял не виру, не 5000 рублей, а всего 5 рублей.

32 строка. В начале текста имеется маленькая лакуна в 5 мм. В первом слове **зємлѧ** плохо видны буквы **зє**, которые занимают пространство тоже в 5 мм. Ясно, что на первых 10 мм строки должны были разместиться 3 буквы. Между тем А. А. Шахматов в 1886 г. утверждал, что «**зємлѧ** стоит в самом начале строки 32-ой», и начинал данную строку именно с этого слова. Так поступали и Л. В. Черепнин, и издатели «Грамот Великого Новгорода и Пскова». Между тем лакуна в 5 мм оставалась и неотмеченной, и незаполненной. Тут явно помещалась одна буква. И прочтение здесь публикаторами 1813 г. буквы **а** представляется вполне оправданным.

33 строка. В начале строки лакуна в 8 мм. Следовательно, утрачено 2 буквы. Далее текст сохранился.

До последнего времени считалось, что этот сохранившийся текст начинается со слов **ти ѿворити**. Так передавали начало строки 33 все публикаторы и исследователи, начиная с А. А. Шахматова. В настоящее время перед словом **ти** можно прочитать буквы **та**. Поскольку

строка 32 заканчивается буквами **во**, то, исходя из контекста, поврежденное место может быть восстановлено только как **во**[**ро**]**та ти w҃вори-ти**[62]. Так восстанавливали это место всегда, хотя включали в реконструкцию еще буквы **та**. Правда, в свое время Н. М. Карамзин, а за ним и автор этих строк полагали, что нужно читать **волости отворити**[63] или **волость ти отворити**[64]. Во втором случае аргументом было то обстоятельство, что в начале строки 33 не просматривался «хвост» буквы **р**, который обязательно должен быть при чтении **во**[**ро**]**та**. Но при дополнительном освещении и увеличении выяснилось, что пергамент грамоты в данном месте между строками 33 и 34 имеет точечные утраты, которые и уничтожили «хвост» буквы **р**. А прочтение букв **та** окончательно сняло вопрос о варианте реконструкции данного места документа.

40 строка. Она сохранилась полностью, но определенную полемику вызвало прочтение в этой строке слов **владнѫ серебрена҇**, характеризовавших одну из прежних новгородско-тверских договорных грамот, которые по соглашению 1318 г. обязывался уничтожить Михаил Ярославич. Речь, собственно говоря, должна идти о первом слове. Н. М. Карамзин читал его как **владыци**, а издатели «Собрания государственных грамот и договоров» — как **владыцѣ**. А. А. Шахматов полагал, что следует читать **влад**(**ч**)**ня**, где буква **ч** заполняла пропуск между буквами **влад** и **ня**. Исследователь писал, что «**ч** после **д** в слове **влад**(**ч**)**ня** не ясно, но это не **ц**». Позднейшие публикаторы и исследователи следовали указаниям А. А. Шахматова. На самом же деле никакого механического разрыва в данном слове нет. Но буквы в нем правились. Как показало изучение текста под ультрафиолетовым излучением, буква **а** была переправлена писцом грамоты из первоначальной буквы **д**, а букву **д** старались получить из первоначальной буквы **ц**. В итоге вместо **владцнѫ** получилось **владнѫ**.

Таким образом, текст договора, заключенного около середины февраля великим князем Юрием Даниловичем и Новгородом Великим, с одной стороны, и великим князем Михаилом Ярославичем, с другой, можно представить в полном виде. Проясняются не только те места грамоты, где во времена Н. М. Карамзина было «не можно разобрать и половины слов», но и восстанавливаются ее пропавшие части.

Конечно, уровень точности реконструкций не везде одинаков. Правильность заполнения лакун в 1—3 буквы едва ли может быть оспорена даже языковедами. Написание восстановленных слов в лакунах

большего размера может вызывать сомнения (например, буквы **ѹ** или **оу**, предлогов **въ** или **в**, **къ** или **к**). Заполнение утраченных мест в строках 12—17 вообще может стать предметом особых изысканий: такие ли именно слова читались в подлиннике, возможна ли их инверсия и т. п. Однако при всех возможных текстовых погрешностях смысловое содержание договора восстанавливается достаточно полно и строго. Тем самым в научный обиход возвращается достаточно древний и редкий документ, историческая интерпретация которого позволяет с большими подробностями характеризовать тот исторический момент в развитии северо-восточных русских земель, который привел к утрате Тверью своего лидерства и возвышению Москвы.

Ниже публикуется полный текст договора 1318 г. При его передаче сохранившиеся части договора набираются древнерусским шрифтом. Все буквы древнерусского алфавита сохраняются, как и правописание подлинника. Не отмечаются только точки между буквами и над буквами. Реконструированный текст передается современным русским гражданским шрифтом и заключается в квадратные скобки. Реконструированные аббревиатуры и выносные буквы сохраняются. Пунктуация вводится по современным синтаксическим нормам. Начало каждой строки обозначается соответствующей цифрой, а конец — вертикальной чертой.

1318 г., февраль.
Договорная грамота великого князя Юрия Даниловича и Новгорода Великого с великим князем Михаилом Ярославичем о мире

1. † **Сѥ доконча кнѧзь великыи Гюрги съ братомь своим**[мь великымь]|

2. **кнѧземь с Михаилом**[ь] **и с посадникомь, и съ тыса**[цькымь и]|

3. **съ всѣмь Но**[вымь городом]**ь. Дати кнѧзю Михаилу** [рубе]|

4. **ж**[ь] **правыи** [по стѣромоу руб]**ежю межю Торжькомь и** [БѢжицѣми и|

5. межю всѣмь Новымь город]**омь и межю Кашино**[мь и ТфѢрью].|

6. **Такоже** [Михѣилу кнѧзю Вол]**огдѣ по старомоу рубежю р**[убежь]|

7. **дати. А что в**[ѣсилисѣ кн]**ягыни покупила села въ Волог**[дѢ]|

8. **и въ Бѣжицко**[мь уѣздѣ], **имати ки куны оу истьцевъ**, [à землѧ къ]|
9. **стои Софии. Такоже и дѣтемъ кго, и кнѧгыни кго и в**[оѧромь]|
10. **кго въ все кнѧжень**[ю Ми]**хаилово, знаютъ своего** [истьцà],|
11. **а землѧ бес кун с**[тои Софии. À будеть пр]**и кнѧ**[зѣ Олексàндрѣ|
12. кто ѿѧлъ селà въ Новгородьскои волост]**и и при** [Ꙗрослàвѣ,|
13. при Вàсильѣ, при Дмитриѣ, при Àндрѣѣ, à то бес кун к Новугороду.|
14. À при Ꙗрослàвѣ, при Вàсильѣ, при] **Дмитр**[иѣ, при Àндрѣѣ кто бу|
15. деть купилъ изъ] **Тфѣри** [селà зà р]**убежемъ в Нов**[городьскои|
16. волости, тѣ] **возмоуть ку**[ны у исть]**ца или у сна. И**[стьцà ли не|
17. будеть, ни снà ѥго, à кто купилъ,] **а на томь кмоу хр҃тъ** [цѣлов]**атї**,|
18. **како истьца не вѣдаютъ, а коуны кмоу имати у Новагорода**|
19. **колко далъ, хр҃тъ цѣлов**[à]**въ. А к**[то] **живеть в Новоторьскомь уѣ**|
20. [зд]**ѣ у стго Спса, а тѣ потѧ**[ну]**ть** [къ] **Торжьку, буди закладьщи**|
21. [къ], **буди пришлець, бу**[ди кнѧз]**ѧ, буди дѣтѣи кго, буди кнѧ**|
22. [гы]**нинъ, буди бояръ** [ѥго], **такоже и Василисинъ, такоже и въ**|
23. [Бѣжицàхъ, и въ Вологдѣ и въ всѣи] **волости Новгородьскои**. [À к|
24. то стàрыи люди] **в Торжьку и въ** [Т]**фѣри, положено на старыхъ л**[ю]**дехъ**|
25. [сѣдѣти имъ] **в прочьнои спра**[вѣ]. **А въ которого чловка почнуть шкупа**|
26. [ти] **села въ Новъгородьскои волости, шкупити ему и доброи, и**|
27. **худои. А что поимали на Вологдѣ кречеты и серебро, и бѣлоу и**|
28. [по всѣ]**мъ слободамъ и по** [се]**ломъ, и у Волоцѣ, и у ладожанъ илі**|
29. [у кàкихъ ин]**ыхъ людеи, дати имъ назадъ по исправѣ. А голо-вы**,|
30. [что по]**имали в полку и по с**[ело]**мъ, то попущати безъ шкупа. А что**|
31. **взѧлъ Михаило кнѧзь 5 рублѧ на смер**[д]**ѣхъ на прутѣ**[нь]**скы**,|
32. [à] **землѧ к Новугороду. А гости всякомоу гостити без рубежа. А во**|

33. [ро]та ти ѡворити, а хлѣбъ ти поустити и всѧкыи ти гость пу|

34. стити в Новъгородъ, а силою ти гостѧ въ Тфѣрь не переимати.|

35. А чересъ ти рубежь в Новъгородьскую волость дворѧнъ и приста|

36. вовъ не въсылати. А wбидному на рубежи судъ. А посломъ|

37. новгородьскымъ и новгородьцемъ ѣздити сквозѣ Миха|

38. илову волость бес пакости. А холопы и должьникы выдава|

39. ти по исправѣ. А что грамота на Городцѣ ѱана и что в Торжьку|

40. ѱана при Таитемери, и владня серебренаѧ, а тѣ грамотѣ Миха|

41. ило кнѧзь порѣзалъ. А на семь на всемь кнѧзь Михаило цѣ|

42. ловалъ хр҃тъ к намъ по любви въ правду безъ всѧкого извѣта.|

Примечания

[1] РГАДА, ф. 180, оп. 13, № 435.

[2] Там же, л. 4.

[3] Так в подлиннике.

[4] РГАДА, ф. 180, оп. 13, № 436, л. 5.

[5] См., например, Государственное Древлехранилище хартий и рукописей. М., 1971. С. 9, 11—16, 36.

[6] РГАДА, ф. 180, оп. 13, № 436, л. 7.

[7] РГАДА, ф. 135. Отд. I, рубр. III, № 12, л. 1.

[8] Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IV. М.: Наука, 1992. С. 108.

[9] Там же. С. 268.

[10] Там же. С. 266.

[11] Афиани В. Ю., Козлов В. П. От замысла к изданию «Истории государства Российского» // Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. М.: Наука, 1989. С. 522.

[12] Собрание государственных грамот и договоров (далее — СГГ и Д). Ч. I. М., 1813. С.17.

[13] Там же. С. 17—18.

[14] Шахматов А. А. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв. СПб., 1886. С. 258—259.

[15] Там же. С. 259.

[16] Там же. С. 260—261.

[17] Там же. С. 258.

[18] См.: РГАДА, ф. 135. Отд. I, рубр. III, №№ 4а, 4б, 5, 6, 8, 9а, 9б, 10, 14.

[19] Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. I. М.; Л., 1948. С. 291. Правда, через несколько страниц исследователь, сравнивая текст тройственного договора с грамотой, изданной в СГГ и Д под № 16, писал нечто противоположное: «Совпадают (часто даже текстуально) в обеих грамотах и отдельные статьи…» (с. 298).

[20] Там же. С. 291—293.

[21] В этом отношении замечание Л. В. Черепнина на с. 298 своего труда лишено оснований.

[22] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949 (далее — ГВН и П). № 13. С. 25—26.

[23] Там же. С. 25, примеч. 4; с. 26, примеч. 3.

[24] Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. М., 1974. С. 225.

[25] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ). С. 96.

[26] Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 304—305.

[27] НПЛ. С. 23.

[28] Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 90.

[29] ПСРЛ. Т. XXV. С. 287, 288, 311.

[30] РГБ, ф. 310, № 1254, л. 36 об.

[31] ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Пг., 1922. Стб. 38.

[32] НПЛ. С. 96.

[33] Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 81.

[34] РГАДА, ф. 135. Отд. I, рубр. III, №№ 5, 6, 9а.

[35] НПЛ. С. 96.

[36] Шахматов А. А. Указ. соч. С. 259.

[37] Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 291.

[38] ГВН и П. С. 25.

[39] Там же, № 12. С. 24. Л. В. Черепнин ясно доказал, что грамота составлена при Михаиле Ярославиче, а не при Михаиле Александровиче, как считалось до него (Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 297—299). Упоминание в грамоте ограбленных и взятых в плен новгородцами тверичей ведет к событиям 1317 г., когда новгородцы единственный раз в княжение Михаила Ярославича сумели повоевать территорию Тверского княжества. Согласно тверскому источнику XIV в., пришед-

шие по призыву великого князя Юрия Даниловича новгородцы после шестинедельного стояния в Торжке «почаша воевати по рубежу», но Михаил Ярославич разгромил их. Тогда новгородцы и заключили мир. Произошло это за пять недель до битвы при Бортеневе 22 декабря 1317 г. Отсюда новгородско-тверское соглашение должно датироваться 17 ноября, допуская возможную нестрогость летописных указаний — серединой ноября 1317 г. См.: ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 37—38. Т. XV. СПб., 1863. Стб. 409—410. Косвенным указанием на составление грамоты поздней осенью является упоминание в ней «обилья» — уже собранного хлеба. Не совсем ясно, на каких основаниях В. Л. Янин датирует это соглашение первой половиной ноября 1317 г.— см.: Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. М., 1991. С. 160.

[40] НПЛ. С. 96.

[41] Ср.: ГВН и П. № 9—10. С.19—22. Черепнин Л. В., стараясь подтвердить правильность реконструкции 1 строки А. А. Шахматовым, приводил в качестве параллели новгородско-тверскую грамоту начала 1317 г. («владычню серебреную»), где Михаил Тверской титуловался в тексте великим князем, тогда как в dispositio и corroboratio договора февраля 1318 г. он называется просто князем. См.: Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 291, примеч. 285. Однако сравнение, проведенное Л. В. Черепниным, едва ли можно признать корректным. Грамота начала 1317 г. была составлена тогда, когда Михаил Тверской был великим князем владимирским, и отсутствие титула «великий князь» в такой грамоте было бы несколько странным, хотя в нарративной части этой грамоты Михаил много раз титулуется просто «князем». Договор же 1318 г. был составлен тогда, когда Михаил стал только тверским князем, титуловать его постоянно «великим князем» было невозможно. См.: ГВН и П. № 11. С. 23—24.

[42] ГВН и П. № 4. С. 14.

[43] ГВН и П. № 18. С. 34: «А водѣ, земли межю Тфѣрью и Торжькомъ, Кашиномъ, Бѣжицами старыи рубежь правыи, по старымъ грамотамъ.»

[44] Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 291.

[45] См. РГАДА, ф. 135. Отд. I, рубр. III, №№ 5 (первые две строки написаны почти до конца, 3, 4, 6—8 строки оказываются на 4 буквы короче), 6 (первые две строки до конца, 3—5 — не до конца), 8 (строки 1—5 — до конца, строки 6—7 — не до конца), 9а (строка 1 — не до конца, строки 2—3 — до конца), 10 (строка 1 до конца, строки 2—5 — не до конца), 14 (строка 1 не до конца).

[46] ПСРЛ. Т. I. Л., 1926—1928. Стб. 527.

[47] ГВН и П. С. 15, 20, 21, 29.

[48] Там же. С.16.

[49] Там же. С. 24.

[50] Там же. С. 23.

[51] Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 292, примеч. 287.

[52] Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 291.

[53] ГВН и П. С. 17.

[54] Там же. С. 19, 21.

[55] Там же. С. 29.

[56] Там же. С. 24.

[57] Там же. С. 27.

[58] Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 292, примеч. 288.

[59] ГВН и П. С. 14.

[60] Янин В. Л. Указ. соч. С. 161.

[61] Там же.

[62] Такое требование в договорах Новгорода с Михаилом Ярославичем Тверским встречалось и раньше. Новгородская летопись, описывая посольство в Тверь новгородского архиепископа Давыда в 1312 г., отмечает, что по достигнутому соглашению Михаил, до этого не пропускавший «**обилья в Новъгород**», «**ворота отвори**». См.: НПЛ. С. 94.

[63] Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. IV. С. 268.

[64] Кучкин В. А. Последний договор Михаила Ярославича // Великий князь тверской и владимирский Михаил Ярославич: личность, эпоха, наследие. Международная научная конференция. Тезисы докладов и сообщений. Россия, г. Тверь, 26—29 ноября 1996 г. Тверь, 1996. С. 17.

Г. Г. Литаврин

Феофилакт Болгарский между Охридом и Константинополем

В новой монографии Д. Оболенского подвергнут тщательному анализу исчерпывающий круг источников о жизни и трудах двух крупнейших деятелей болгарской церкви: Климента Охридского, ученика и продолжателя дела славянских просветителей Кирилла и Мефодия, и Феофилакта Охридского, занимавшего с 1089/1090 г. в течение трети века пост архиепископа Болгарии[1]. Как представляется, эта книга — лучшее исследование в зарубежной литературе на указанную тему на сегодняшний день. В данной заметке меня будут интересовать, однако, заключения автора лишь по двум дискуссионным вопросам: во-первых, по вопросу о том, осуществляли ли высшие власти империи официальный курс, направленный на «ромеизацию» («византизацию») населения завоеванной византийцами Болгарии (сопровождавшуюся сознательным преследованием славяноязычной культуры), и был ли Феофилакт проводником этого курса, или же вообще такого рода позиция в то время была чужда и светским и духовным деятелям многоплеменной империи, не проводившим среди своих подданных различий по этническому принципу; во-вторых, по вопросу о том, было ли поставление Феофилакта автокефальным архиепископом Болгарии фактом признания высоких достоинств иерарха, дающих надежду на то, что болгарская паства окажется в руках умного и авторитетного деятеля церкви, или же это назначение следует рассматривать как замаскированную ссылку, превентивную меру императора в отношении влиятельного и энергичного приверженца семейства Дук, лишенных Алексеем I Комнином наследственных прав на престол (а в связи с этим также — рассматривал ли сам Феофилакт свое служение как ссылку и поэтому переносил свое раздражение на инозычную паству или же он добросовестно и ревностно исполнял свой пастырский долг).

Д. Оболенский убедительно показал, что сама постановка этой проблемы в альтернативном плане не корректна, во всяком случае сделан-

[1] Obolensky D. Six Byzantine Portraits. Oxford, 1988. P. 8—82.

ные в литературе в этом ключе выводы оказались не более чем мало аргументированными гипотезами (спекуляциями)[2]. Полагая, что дело обстояло гораздо сложнее, автор счел необходимым подкрепить ныне в целом восторжествовавшую в историографии точку зрения, согласно которой имперской политической теории той эпохи было органически чуждо стремление к ассимиляции иноплеменных подданных[3]. Давно разделяя в основном это мнение, я отстаивал, однако, тезис о том, что даже при полном безразличии правительства Византии к судьбам болгарской (славянской) культуры, условия, в которых болгары оказались под властью империи, не только не способствовали развитию их культуры, но и замедлили темпы этого развития; именно в этом плане я расценивал и деятельность Феофилакта на посту архиепископа Болгарии.[4]

Не отрицая наличия среди мотивов действий греческого архиерея честолюбивых устремлений и корыстных расчетов, Д. Оболенский обосновывает тезис о двойственном положении Феофилакта в болгарском обществе и — соответственно — о его двойственном отношении к своему духовному служению в завоеванной империей стране и к своей иноплеменной пастве. С одной стороны, он сознавал всю важность для государства и церкви полученного им ответственного церковного поста (который был тогда в церковной иерархии империи едва ли не вторым по важности после патриаршьего). С другой стороны, оторванный навсегда от дорогого для него кружка друзей-интеллектуалов и от богатых столичных библиотек, он рассматривал свое назначение как ссылку в дикую, населенную варварами страну. Двойственность позиции Феофилакта автор усматривает также, с одной стороны, в преданности архиепископа своему пастырскому служению, в том числе в стремлении прославить свой церковный округ, повысить его авторитет и защитить, опираясь на законы империи, свою паству от произво-

[2] Obolensky D. Six Byzantine Portraits. P. 39—40, 79—82.

[3] См. Литаврин Г. Г. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960. С. 363—375 и указ. там литературу.

[4] Там же. С. 369; см. подробнее: Он же. Условия развития болгарской культуры в XI—XII вв. // История и культура Болгарии. М., 1981. С. 293—303. (См. также англ. версию: Litavrin G. G. Bulgarian Culture in the Eleventh and Twelth Centuries: Conditions of Development // ΤΟ ΕΛΛΗΝΙΚΟΝ. Studies in Honor of Speros Vryonis, Jr. Vol. 11. Byzantinoslavica, Armeniaca, Islamica, the Balkans and Modern Greece. New Rochelle, New York, 1993. P. 65—76).

ла местного византийского чиновничества, а с другой — в неизбывном с начала до конца чувстве презрения и брезгливости в отношении своих невежественных прихожан[5].

Вопреки жалобам и негодующим выпадам архиерея против болгар, Оболенский полагает, что объективно своей борьбой против чиновного произвола архиепископ хотя бы частично облегчал участь населения Болгарии, а составлением (на основе текстов, написанных на славянском его местными, болгарскими предшественниками) пространного жития св. Климента и энкомия 15-ти тивериупольским мученикам выражал свое уважение к литературной кирилло-мефодиевской традиции и содействовал развитию этнического самосознания болгар[6].

Действительно, стенания византийских интеллектуалов XI—XII вв. по поводу невежественного окружения были топосом в их литературных трудах (особенно в письмах к друзьям), независимо от того, в какой среде вдали от столицы (в греческой или иноязычной) они оказывались. Но вряд ли к такого рода топосам можно отнести большую часть неоднократных резких выпадов архиепископа против болгар в его письмах из Охрида византийским вельможам и иерархам[7]. А уж совсем не данью литературной моде являются повторяющиеся убийственно оскорбительные замечания Феофилакта в адрес болгар, сделанные им, безусловно, в самом неподходящем для таких откровений труде,— в написанном им житии первого болгарского святого: как следует из ремарок автора, болгары для их церковного владыки — не более, чем неразумные скоты[8]. Столь этически непристойная для духовного пастыря позиция в отношении неофитов в сочинении, посвященном жизнеописанию болгарского святого, дает все основания заключить, что этот труд Феофилакта (как и энкомий тивериупольским мученикам) был им адресован не его болгарской пастве (с целью поднять уро-

[5] Obolensky. Six Byzantine Portraits. P. 74—81.

[6] Ibid. P. 54—57, 68—75.

[7] Подборку этих высказываний см.: Литаврин. Болгария и Византия. С. 369—373.

[8] Теофилакт. Климент Охридски. Превод от гръцки оригинал, увод и бележки от Ал. Милев. София, 1955. С. 74. 32—33; 76. 8—12; 78. 6—9. Характерно, что в «Слове к Константину Дуке» Феофилакт пишет, что по своим добродетелям василевс должен превосходить своих подданных настолько, насколько пастух превосходит овец, а волопас — пасомых им быков (Patrologiae cursus completus. Series Graeca. T. 126. Paris, 1864. Col.— далее PG).

вень ее духовности и содействовать развитию ее славянского самосознания), а клерикальным кругам и прихожанам-ромеям, способным читать на греческом (в том числе — и болгарам, если бы они овладели этим языком, которому некоторых из них Феофилакт учил, видимо, без особого успеха[9]). Согласно Оболенскому, одним из мотивов написания жития Климента и похвалы тивериупольским мученикам (один из них, Феодор, был участником Никейского собора 325 г.) было желание Феофилакта повысить авторитет возглавляемой им архиепископии[10]. Я полагаю, что этот мотив указанных действий Феофилакта был во всяком случае более важным, чем его заботы о духовном уровне болгарской паствы.

Не могу я признать абсолютно справедливым и тезис о том, что представителям власти, деятелям церкви и интеллектуальной элите Византийской империи была совершенно чужда мысль о желательности ромеизации негреческих подданных императора. Действительно, в то время не существовало развитого этнического (греческого) чувства у ромеев (в отличие, кстати говоря от болгар, опередивших в этом отношении византийцев-греков[11]). Действительно, ромеи не преследовали специально славяноязычную культуру. Но это не означает, что «ромеям» (византийцам) было чуждо вообще «ромейское» самосознание — определенные представления об основных духовных ценностях подданных империи имелись у «ромеев» как у «избранного народа» уже в ранневизантийскую эпоху (как-то: правая вера, подданство «Римской» империи, писаный закон, развитая городская жизнь, высокая культура и т. п.; по-своему в VII в. пытался сформулировать достоинства мира «ромеев» Феофилакт Симокатта[12]). «Ромейский» таксис, т. е. организованный, цивилизованный порядок во всех сферах жизни, был предметом гордости византийцев и источником их патриотизма (по выражению Э. Арвейлер — своего рода политическим «ромейским расизмом»[13]).

---

[9] В одном из писем «к воспитываемым им болгарам» Феофилакт с сокрушением говорит о том, что воспитанники тяготятся налагаемыми на них архиепископом трудами (PG. T. 126. Col. 465. A-B).

[10] Obolensky. Six Byzantine Portraits. P. 72.

[11] См.: Литаврин Г. Г. Особенности развития самосознания болгарской народности со второй четверти X до конца XIV в. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 49—58.

[12] Гръцки извори за българската история. Т. II. София, 1958. С. 295.

[13] Ahrweiler H. L'Idéologie politique de l'Empire byzantin. Paris, 1973. P. 35—36, 393.

Таким образом, если Феофилакт, озабоченный повышением духовности своей паствы, и содействовал росту ее самосознания (о чем пишет Д. Оболенский[14]), то это происходило вопреки намерениям архиепископа, так как росло — через расширение кругозора и повышение чувства собственного человеческого достоинства — не «ромейское», а болгарское этническое самосознание. Разительный пример расхождения целей «ромейского воспитания» болгарина и полученного при этом результата — болгарский царь Симеон: византийское образование он получил, свой духовный кругозор расширил, но повышенное чувство собственного достоинства не сделало его ни ромеем, ни «полуромеем» (как его тогда называли, имея в виду его образованность) — упрочилось еще более, напротив, его болгарское этнополитическое самосознание и еще более усилилась его неприязнь к ромеям. Феофилакт ни разу не назвал болгар «ромеями», хотя они уже около столетия находились под властью Византии, являлись правоверными подданными императора и жили по имперским законам. Феофилакт строго отделял себя от болгар, называя их «издевающимися над нами иноплеменниками»[15].

Конечно, желанная для архиепископа аккультурация болгар представлялась его сознанию как дело отдаленного будущего. Объективно он и служил делу приближения этой цели, заботясь о расширении того слоя болгарского населения, который отчасти уже сложился к 70-м годам XI в. и обозначался византийскими писателями специальным термином «заботящиеся о делах ромеев» (οἱ τὰ τῶν ῥωμαίων φρονοῦντες), т. е. служащие интересам империи. В 1072 г., во время восстания Георгия Войтеха в Болгарии, они уже сражались на стороне войск империи против своих восставших соотечественников[16]. К концу XI и в XII в. византийские интеллектуалы, отражая, несомненно, настроения правящих кругов империи, стали подчеркивать важность для успешной карьеры фактора причастности человека к «ромейскому воспитанию»; в устах высокопоставленных греков выражение «истинный ромей» в отношении иноплеменного подданного стало звучать как большая похвала[17].

---

[14] Obolensky. Six Byzantine Portraits. P. 80.

[15] PG. T. 126. Col. 436 A.

[16] Литаврин Г. Г. Болгария и Византия. С. 405.

[17] Литаврин Г. Г. Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976. С. 206.

Единое государство, единая вера и единая церковь становились недостаточными для получения общественного статуса «ромея» — теперь необходимы были еще два фактора: усвоение «римской идеи», ассоциируемой с преданностью ромейской державе, и овладение если не высотами ромейского образования, то ромейским образом жизни (таксисом).

Теперь коротко о втором вопросе — о том, действительно ли светские и церковные власти империи облекли удаление Феофилакта из столицы в форму поставления его архиепископом в Охрид или же этот акт расценивался таким образом только самим архиепископом (причем только чисто метафорически — как тяжкий крест пожизненного служения в захолустье, в окружении невежественных иноплеменников). Оболенский[18] полностью исключает первый мотив в действиях Алексея I — выбор императора он объясняет недюжинными способностями волевого и энергичного архиерея, необходимыми для упрочения власти империи в крупной иноязычной провинции, бывшей некогда независимым государством, с трудом завоеванным империей; Феофилакт не терял расположения Алексея I: долгие годы (до поставления и после него) он был близок ко многим членам двух последних правивших фамилий (Комнинов и Дук).

Я также не исключаю учета императором (при выборе кандидата на пост архиепископа Охрида) талантов Феофилакта. Однако неблагоприятная для него политическая интрига здесь все-таки, на мой взгляд, имела место. Своевольный и острый на язык учитель риторов не скрывал своих симпатий к членам семейства Дук, лишенных Алексеем I права на высшую власть[19]. Даже когда бывшая жена Михаила VII Дуки и Никифора III Вотаниата Мария, мать прочившегося до 1087 г. в наследники трона Константина Дуки, оказалась причастной в 1092 г. к заговору Иоанна Комнина, племянника императора, и, постриженная в монахини, была сослана на Принцевы острова, архиепископ, посетивший в 1095 г. Константинополь, добивался от капитана корабля на обратном пути захода на остров с целью посещения Марии (со ссылкой на дурную погоду ему в этом было отказано)[20].

---

[18] Obolensky. Six Byzantine Portraits. P. 39—40, 61.

[19] А. П. Каждан в своем кратком очерке о Феофилакте замечает, что предпочтение, отдаваемое им Константину Дуке и его матери Марии, очевидно (несмотря на сочиненный Феофилактом в 1088 г. панегирик Алексею I) (The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 3. New York; Oxford, 1991. P. 2068).

[20] PG. T. 126. Col. 504 A. Вопрос о том, не сам ли Феофилакт первым донес из Охрида императору о заговоре Иоанна, находившегося тогда на посту дуки Дир-

Признаки явного предпочтения, отдаваемого Феофилактом Дукам перед Комнинами, могут быть, по моему мнению, обнаружены в его «Слове к Константину Дуке». Конечно, при интерпретации этого поучения царственному воспитаннику (а Феофилакт был назначен самим Алексеем I в 1084/1085 г. в воспитатели 10-летнего Константина и исполнял эту роль до 1090/1091 г.) следует учитывать специфику памятника. Безусловно, примеры дурного и хорошего правления, приводимые Феофилактом в его «Слове»,— лишь умозрительные топосы, смоделированные наставником в соответствии с требованиями жанра зерцал.

И все-таки некоторые места в поучении настораживают и заслуживают, как кажется, особого внимания. Я предполагаю, что Феофилакт, известный мастер изощренных иносказаний (магистр риторов!), трижды не удержался в «Слове» от намеков на реалии его дней. Во-первых, в самом начале наставительной части своего «Слова», на переднем плане — в качестве яркого примера дурного и греховного правления,— он называет правление тирана, захватившего власть насилием и посягнувшего на имущество своих подданных. Начав с насилия, крови и грабежа, внушает Феофилакт Константину (законному наследнику), эта власть такой (преступной) останется до конца[21]. Между тем, именно Алексей I сверг с престола Никифора III Вотаниата, т. е. был узурпатором, и его воины, вступив в столицу, разграбили имущество константинопольцев. Прозрачность этой аллюзии представляется, по моему мнению, почти бесспорной.

Во-вторых, трудно было не истолковать в том же духе и следующее заявление Феофилакта: «Что же касается пребывающих в добродетели, то я так и не выведал ни того, где на земле они обретаются, ни того, что им оказывается хотя бы простейшее внимание. Напротив, людей, являющихся очевидными мастерами всякого злонравия, он (тиран) и чинами и титулами одаривает, и над городами ставит их, торговцев незаконной прибылью, накопителей грязных доходов»; причем особенно упорно к чести не приобщаются люди, «божественное изрекающие»[22]. Известно, что трон Алексея I окружили «новые люди»; нуждаясь в средствах для борьбы с норманнами и печенегами, он сра-

рахия (и Болгарии), остается гипотетическим (Анна Комнина. Алексиада (Перевод с греческого Я. Н. Любарского). СПб., 1996. С. 240, 544).

[21] PG. T. 126. Col. 268.

[22] Ibid. Col. 279—280.

зу же прибегнул к откупу налогов и конфисковал часть сокровищ церкви, вызвав ропот не только в народе, но и во влиятельных кругах общества.

В-третьих, наконец (и это — главное), в своем прямом обращении к Константину Феофилакт называет его автократором (αὐτοκράτωρ)[23] — самодержцем, т. е. старшим, главным императором — абсолютно недопустимая вольность, способная дать повод к обвинению в оскорблении величества, ибо дело обстояло как раз наоборот: самодержцем был Алексей I, а мальчик Константин, сын свергнутого с престола Михаила VII и жених дочери Алексея I Анны, был признан (временно, как оказалось — до рождения у Алексея I сына Иоанна) соправителем Алексея I и его наследником[24].

Не исключено, что Феофилакт серьезно рисковал своим положением, доверяя бумаге подобные мысли и выражения, хотя прекрасно знал, что пристрастное прочтение недоброжелателями его сочинения вполне возможно. В том же «Слове» он заявил, что боится быть понятым превратно. Посоветовав государю чаще прощать провинившихся, чем карать их, он счел нужным, чтобы предупредить возможные недоразумения, пояснить, что отнюдь не призывает к всепрощению преступников («чтобы кто-нибудь,— говорит он в 27-ой главе,— не прицепился к моему слову и не набросился на сказанное мною»[25]).

Итак, либо зерцало, адресованное юному Константину, не вышло за пределы семьи Дук, либо к Феофилакту все-таки «прицепились» — и он оказался в Охриде. Ведь все поучение пестрит личными обращениями наставника не к некоему абстрактному повелителю, а непосредственно к своему воспитаннику. «Будь всегда послушен святой матери твоей, заключает свое „Слово“ Феофилакт, имея в виду мать Константина, монахиню Марию.— Ибо если будешь ведом ее поводьями, Бог будет всегда соделателем дел твоих и соучастником твоего царствования»[26].

---

[23] Ibid. Col. 265.

[24] Только при Палеологах титулом автократор стали обозначать и ближайшего наследника-соправителя (The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. I. New York; Oxford, 1991. P. 235).

[25] PG. T. 126. Col. 283.

[26] Ibid. Col. 285.

Н. А. Макаров, Н. А. Охотина-Линд

Сказание о Троицком Усть-Шехонском монастыре и круг произведений по истории Белозерья

Троицкий Усть-Шехонский монастырь, упраздненный в 1764 г., находился у истока р.Шексны из Белого озера, в 14 км от современного г. Белозерска. В грамотах XV в. (древнейшая из них — меновая игумена Михаила 1448—1447 гг.) монастырь упоминается вместе с другими обителями, основанными в конце XIV—XV вв. в глухих, впервые осваиваемых лесах Белозерья и Вологодского края[1]. Но внимательно познакомившись с картой, нетрудно заметить особое географическое положение Троицкого монастыря. Он располагался в ближайших окрестностях летописного города Белоозера — одного из древнейших городских центров Северной Руси.

Сложная история монастырского строительства и неоднократных переносов обители с места на место описана в Сказании об Усть-Шехонском монастыре. Очень часто такие произведения (удовлетворяющие интерес читателя к истории хорошо известной ему обители, но не блистающие литературными красотами) не распространялись далеко за пределами своей округи или даже самого монастыря; и их списки редки (при этом чуть ли не каждый новый список мог быть и новой редакцией, поскольку заинтересованный переписчик добавлял недавние события).

До сих пор это литературное произведение было известно только в редакции 1620 г.— пересказы содержания можно встретить в работах целого ряда историков[2]. Недавно вышла и научная публикация текста этой редакции[3].

Интерес к «Сказанию» во многом обусловлен острым дефицитом сведений по истории Белоозера и Белозерского края в XIII—XIV вв. Следует отметить, что именно «Сказание» дало ориентиры для определения места летописного города, перенесенного в XIV в. на южный берег Белого озера, где находится ныне г. Белозерск. В недавнее время сведения «Сказания» были одним из предметов обсуждения в полемике между скандинавским исследователем Дж. Линдом и Х. Киркиненом о времени основания Валаамского монастыря[4].

Однако нахождение новых списков Сказания об Усть-Шехонском монастыре, принадлежащих к различным редакциям, показало, что литературная история сочинения достаточно сложна и достойна внимания сама по себе.

Текст первоначальной краткой редакции мы встречаем в составе «Указа о кормах» Усть-Шехонского монастыря, помещенного в богослужебном сборнике-конволюте: РНБ, Соф. 1160. 8*. 639 л., кон. XVI — перв. пол. XVII в. — доски в тисненой коже; на л. 1 — запись 1856 г. о принадлежности рукописи библиотеке новгородского Софийского собора. На интересующие нас листы конволюта (л. 347—360) приходятся две филиграни — точнее, трудноразличимые фрагменты двух филиграней: 1) верхняя половина водяного знака *корона в круге* — типа *Лихачев*, № 3381 (1494 г.); 2) неидентифицируемый фрагмент картуша. Почерк на этих листах (полуустав, переходящий в скоропись) датируется концом XVI в. или самым началом XVII в. В общем оглавлении сборника-конволюта, сделанном в XVII в., произведение на лл. 347—360 озаглавлено «Указ о кормах праздничных и задушных»; на л. 347 верхняя половина страницы оставлена чистой, но заголовок не вписан.

«Указ о кормах» представляет собой краткие записи монастырского «меню» на каждый день, расположенные в календарном порядке (для примера приведем первую же запись на л. 347: «Месяца сентября в 1 день паметь преподобнаго Семиона Столпника: колач да по чаше квасу»). И только три записи — за 24, 25 и 26 июля (памяти по Ростовском князе Глебе Борисовиче; князьях Михаиле Глебовиче и Федоре Михайловиче; первых усть-шехонских игуменах Геннадии и Васьяне) — носят развернутый характер. При этом, если на 24 июля приходится память святых Бориса и Глеба, то записи 25 и 26 июля никак не связаны с православным календарем, они помещены здесь только в силу общности тематики с первой памятью, образуя своеобразный «усть-шехонский» цикл. Принадлежность этого списка «Указа о кормах» Усть-Шехонскому монастырю сомнений не вызывает (не исключено, что и весь сборник был составлен в этом монастыре; однако, прямых доказательств для этого у нас нет).

Обратим внимание еще на одну любопытную запись в «Указе», на л. 358: 29 июля по указу царя Ивана Васильевича «корм по избьеных. по Казаринѣ по Дубровьском с товарищи». Это — начальные слова одной из редакций «Синодика опальных» Ивана Грозного[5], рассылавшегося вместе с вкладами по многим монастырям в 1582/83 г. Сейчас из-

вестно около 20 списков Синодика опальных, и только в списках Валаамского монастыря указаны даты поминаний и кормов по убитым: 8 октября, 10 января и 12 июня[6]. Почему в Усть-Шехонском монастыре это поминание совершалось 29 июля — сказать трудно. Учитывая эту запись, можно полагать, что «Указ о кормах» Усть-Шехонского монастыря был написан вскоре после 1582/83 гг., и, что наиболее вероятно, к этому же времени относятся и первоначальные записи по истории Усть-Шехонского монастыря.

Эта первоначальная краткая редакция Сказания известна еще в одном списке — начала XIX в.: РГБ, ф. 256, № 249. Имена всем городам русским ближним и дальним и Летописец. 259 л. (Водяной знак — *Pro Patria* с «белой датой» *1816*). На л. 257 об.— 259 под заголовком «Разные выписки из книг № ⟨…⟩» скопирован текст, и скорее всего, непосредственно со списка Соф. 1160.

Редакция 1620 г. представлена несколькими списками. В литературе, как правило, использовался список Погодинского собрания, описанный А. Ф. Бычковым[7]: РНБ, Пог. 1579, Сборник, 70—80-е гг. XVII в. (водяной знак: голова шута), 4*, 133 л. скоропись, л. 43 об.— 50. (в нашей публикации текст этого списка используется для подведения разночтений и обозначается буквой А.) Г. М. Прохоров опубликовал текст по списку РНБ, Q.XVII.80, датируемому тем же временем, т. е. 70—80-ми гг. XVII в.[8]

Существует, однако, и еще один список — более ранний: РГБ, ф. 178, № 3445. Сборник исторический, конволют. XVII и XVIII вв. 4*, 717 л. Тетрадка с лл. 175—184 об., на которых помещено Сказание о Усть-Шехонском монастыре,— меньшего размера, чем вся рукопись; почерк — скоропись. Тетрадь датируется по почерку и по бумаге втор. четв.— сер. XVII в. (водяные знаки: 1) лилия в гербе под короной — Гераклитов, № 208—213: 1642—1660 гг.; 2) домик под крестом с змеей — Гераклитов, № 335—339: 1633 г.).

Этот список имеет ряд особенностей. Основной текст Сказания об Усть-Шехонском монастыре заканчивается на л. 181, и нижняя часть листа осталась чистой. На лл. 181 об.—182 об. другим скорописным почерком того же времени переписан медицинский текст о раковом заболевании под названием «Из римских де от книг дохтурских история» — судя по тому, как «ужимал» писец последние строки, этот текст был вписан позже на оставшиеся по какой-то причине чистыми листы. Л. 183 и верхнюю строчку л. 183 об. занимает текст об истории города

Белоозера, который, если не является частью (главой) Сказания, то во всяком случае составляет его «конвой». На л. 183 об. и 184 помещен рисунок-чертеж, сделанный пером и, скорее всего, рукой самого писца. На первом рисунке изображены «речка Василиевка» и «река Шексна» и «часовня гдѣ почивает благовѣрный князь Глѣб Василевич Белоозерьский/гроб князя Глѣба». На втором рисунке, судя по всему,— изображение города Белозерска: крепостная стена с десятью башнями, на двух из которых штриховкой показаны ворота; в центре — двуглавая церковь[9]. В верхней части л. 183 об. сохранились также следы стертой и нечитаемой записи (пробы пера?), сделанной другим почерком — вероятно, она предшествовала рисунку.

Сравнение разночтений двух списков редакции 1620 г.— Погодинского и РГБ — позволяет предположить, что они оба восходят к одному протографу, который передали с небольшими искажениями. Отличия между списками: в рукописи РГБ — глава о Белоозере с чертежом; в Погодинской рукописи — небольшой фрагмент, следующий после рассказа о перестановке церкви Троицы (трудно сказать, был ли он вставлен переписчиком Погодинского списка или же читался и в протографе, но был пропущен писцом списка РГБ).

Еще один список Сказания об Усть-Шехонском монастыре — из Череповецкого музея (№ 149/11б, д) — насколько можно судить по описанию[10], основан на той же редакции, что и предыдущие списки, но дополнен более поздними сведениями. Эта рукопись представляет собой сборник-конволют документов и исторических материалов. Отдельная тетрадь сборника (л. 33—40 об.), переписанная в начале XX в., целиком посвящена различным выпискам, связанным с историей Белозерска. На лл. 35 об.—37 помещены рассказ о явлении чудотворного образа Василия Кесарийского (см. о нем ниже) и статья о перенесении города Белозерска (содержание последней совпадает с текстом списка РГБ). На лл. 38—40 — само сказание об Усть-Шехонском монастыре, но продолженное до 1724 г. (вероятно, поздних дополнений было уже немного).

Обратимся теперь к сведениям, содержащимся в Сказании об Усть-Шехонском монастыре, и проверим их по другим источникам.

При чтении начальной части текста сразу же бросаются в глаза хронологические несоответствия. Они были подробно рассмотрены в статьях Дж. Линда[11] и Г. М. Прохорова[12]. Мы сейчас лишь кратко перечислим их. Глеб Василькович — младший сын ростовского князя Ва-

силька Константиновича, убитого татарами в 1238 г. после битвы на р. Сить,— родился в 1237 г. и умер в 1238 г.[13]. По мнению исследователей, белозерский удел был предназначен ему после смерти отца, но поселился он там только в 1251 г.[14] Он женился в 1257 г., в 1263 г. у него родился сын Михаил. Князь Глеб Василькович был похоронен в ростовской соборной церкви Богоматери, но вскоре по неизвестной причине ростовский епископ Игнатий ночью перенес его тело в Спасский ростовский монастырь[15].

Следовательно, в 1251 г. Михаилу Глебовичу не могло быть 15 лет, поскольку примерно в таком возрасте находился в этом году сам Глеб Василькович. Откуда же появилась эта дата? Можно предполагать, что используя монастырское предание об основании монастыря при князе Глебе Васильковиче, автор Сказания позаимствовал дату 1251 г. из летописей, где читается: «/1251/ Того же лѣта. Поѣха Глѣб на Бѣлоозеро в свою отчину»[16].

Титулатура Глеба Васильковича как «князя Белуозеру и Вологде и Устюгу» не соответствует историческим реалиям XIII в. Вологда в договорах Новгорода с князьями 1264, 1266, 1270, 1304—1305, 1307—1308 гг. названа новгородской волостью[17]; согласно летописному сообщению 1273 г. тверской князь Святослав Ярославич «начаша воевать волость новгородскую: Волок, Бежици и Вологду…»[18]. К 1303 г. относится первое свидетельство о формировании в Вологде великокняжеской части[19]. Великий Устюг, судя по разделу князей Дмитрия и Константина Борисовичей 1286 г. составлял один комплекс владений с Ростовом[20] и принадлежал ростовским князьям. Глеб Василькович мог владеть Устюгом лишь в тот короткий период, когда занимал ростовский стол — в 1277—78 гг. Возможный источник титулатуры Глеба как «князя Белуозеру, Вологде и Устюгу» — Сказание о Спасо-Каменном монастыре, сообщающее о поездке князя Глеба Борисовича в 1341 г. «з Бела езера … ко граду Устюгу»., сопровождавшееся созданием Спасо-Каменного монастыря на Кубенском озере и спрямлением русла р. Сухоны в двух местах, в том числе под Вологдой[21]. Несмотря на несовпадение дат и отчеств князей в исторических сочинениях XVI—XVIII вв. и в современной историографии оба Глеба обычно рассматриваются как одно историческое лицо.

На тексте Сказания о Спасо-Каменном монастыре основано и известие, включенное в подборку летописных по характеру выдержек в сборнике 60-х гг. XVI в. (БАН, Арх. Д. 193), где говорится о том, что в

1300 г. князь Глеб Борисович «поиде з Бѣла озѣра во свою отчину на Устюг»[22]. Этот же рассказ попал и в некоторые вологодские летописцы XVII—XVIII вв.

В то же время текст Сказания об Усть-Шехонском монастыре свидетельствует об особом почитании князя Глеба Васильковича в Белозерске конца XVI—XVII вв. Несмотря на всю хронологическую путаницу Сказания, в его основе прослеживается историческое предание об основании Усть-Шехонского монастыря этим князем.

Присутствие Сказания в составе «Указа о кормах» Усть-Шехонского монастыря и сам характер текста краткой редакции позволяют предположить, что в основе этого сочинения лежат поминальные записи о Глебе Васильковиче, его сыне и внуке — ктиторах Усть-Шехонского монастыря, сохранившиеся на Белоозере, несмотря на периодические запустения обители на Устье Шексны и перенос самого города. Повидимому, монастырь действительно был основан белозерскими князьями и первоначально был пригородным монастырем Белоозера, однако многочисленные хронологические неточности и фактические ошибки в тексте Сказания не оставляют сомнения, что его составители, работавшие в конце XVI—XVII в. не располагали надежной информацией об истории возникновения монастыря и восполняли ее недостаток как сведениями, почерпнутыми из других исторических сочинений, так и собственными домыслами. Сведения о Старом Белоозере фиксируют местоположение уже заброшенного города, память о котором еще не была утрачена и следы которого были еще хорошо заметны наблюдателю XVI—XVII вв.

В Сказании об Усть-Шехонском монастыре следует отметить еще одно хронологическое несоответствие: в нем говорится, что в Усть-Шехонском монастыре с момента основания было учреждено «общее житие», однако общежительные монастыри появляются на севере России только с конца XIV в.

Новые хронологические анахронизмы появляются в редакции Сказания 1620 г.[23] Упоминаемый ростовский епископ Лука, благословивший Геннадия на игуменство, может быть соотнесен только с ростовским епископом Лукой, умершим в 1189 г.[24] Современниками же Глеба Васильковича были ростовские епископы Кирилл и Игнатий. Фраза Сказания том, что епископ Лука Ростовский был в «в некоем острове Белозерском предѣл», не поддается комментарию.

Только в редакции 1620 г. появляется версия о том, что первый игумен Геннадий был приглашен из монахов Валаамского Спасо-Пре-

ображенского монастыря. Однако, после обнаружения новых источников по истории Валаамского монастыря, можно считать окончательно доказанным, что этот монастырь был основан только в конце XIV — начале XV вв.[25] В 1611 г. Валаамский монастырь был разрушен шведами, и ко времени создания редакции Сказания 1620 г. уже не существовал; однако слава его была велика (заметим в скобках, что случай со Сказанием об Усть-Шехонском монастыре далеко не единственный, когда авторитет Валаамского монастыря использовался авторами XVII—XVIII вв. в самом фантастическом контексте для подтверждения древности или величия того или иного монастыря или святого).

В редакции 1620 г. рассказывается об иноке Моисее, современнике игумена Васьяна, предсказавшим три перенесения монастыря. Имя Моисея встречаем в сочинении М. В. Толстого «Книга глаголемая описание о российских святых»: «преп. Моисей прозорливый инок на посаде Бела озера, в Троицком монастыре преставися в лето 6000»[26]. Трудно сказать, насколько можно доверять этому сообщению, поскольку необходимо учитывать следующие обстоятельства: 1) «Книга глаголемая…» — не публикация источника, как кажется на первый взгляд, а творческая переработка самого М. В. Толстого нескольких поздних (XVIII—XIX вв.) списков этого сочинения; 2) дату 6000 нельзя понимать буквально: в подобного рода списках святых обычно следует читать «в лета шестьтысячные»; 3) никакими сведениями в других источниках о канонизации Моисея мы не располагаем; в какой-нибудь поздний список «Книги глаголемой…» сведения о Моисее могли попасть из Сказания об Усть-Шехонском монастыре.

Эпизод Сказания о конфликте братии Усть-Шехонского монастыря с посланным из Москвы строителем Иосифом полностью подтверждается сохранившейся грамотой о событиях 1614—1615 гг. Царская грамота Белозерскому воеводе Ивану Головину о взятии на поруки старцов Троицкого, что на р. Шексне, монастыря и о присылке их в Москву к Николину дню весеннему, по делу о покушении их на жизнь строителя того же монастыря Иосифа. 1615, апреля 5 «Бил нам челом Бѣлозерского уѣзда Троецкого монастыря, что на устьѣ Шексны рѣки, строитель Иосиф Чудовский того ж монастыря на черного попа Никандра, да на старцов на крылошенина на Матвѣя да на Иону Панина, на Перфирья Костеникова, а сказал: в прошлом де во 122 году, генваря в 30 день, стакався тѣ старцы Никандр с братею, которые в сей нашей грамотѣ имяны писаны, его Иосифа хотѣли убить до смерти и

вкинут в воду риясь тому, что по нашему указу, а не по их челобитью, велѣтно ему быть в том монастырѣ в строителех, и в тѣ де поры убили они казначея Варлама до полусмерти да пономаря старца Феодосия зарѣзали до смерти, а он де Иосиф ушол от них в город на Бѣлоозеро душею да тѣлом; и тѣ де старцы Никандр с братьею послѣ его в том монастырѣ ограбили его келью…»[27]. Как мы видим, на основании грамоты складывается картина, что в монастыре шла борьба между двумя группировками, поскольку у строителя Иосифа были единомышленники[28].

В Сказании излагаются подробные сведения о местоположении монастыря, но, к сожалению, не все топонимы XVI—XVII вв. поддаются локализации на современных картах. Согласно Сказанию, церковь Св. Троицы, превращенная Глебом Васильковичем в монастырь, стояла первоначально на месте, называемом «Перелива», «Плещество водное» или «Верхняя Треста»[29]. Ни один из этих топонимов не встречается в других источниках. В грамотах 1470—1490-х гг. монастырь называется обычно «Троецкий на Устье» или «Троица на Устье»[30]. Очевидно, «переливной» могли называть место выхода Шексны из Белого озера. Монастырь находился на низком берегу, затопленном ныне Волго-Балтом, точно определить его место и обнаружить какие-либо археологические следы монастыря не удалось. Из текста Сказания остается неясным, каков был первоначальный статус церкви Троицы, стоявшей «за градом Белоозером». Отметим, что версия Сказания противоречит свидетельству правой грамоты 1490—92 гг. на деревню Крохинскую, согласно которой «монастырь… Троецкий поставлен на Гавриловой земле»[31] — имеется в виду боярский сын Гаврило Лаптев, живший, очевидно, в конце XIV — начале XV в. Из текста этой грамоты следует, что в начале XV в. монастырь на Устье Шексны безусловно существовал и имел земельные владения, но в 1430-е гг. он «оскудел, игумена не стало»[32]. Очевидно, еще один период «оскудения» приходится на 1490-е гг., когда тяжбу из-за земельных владений Троицкого монастыря ведут старцы Ферапонтова монастыря и «белозерские городские люди».

В урочище «Новокрестное» или «Угольный мыс» монастырь был перенесен, следуя хронологии «Сказания», на рубеже XV—XVI вв., на этом месте он простоял до 1515 г. Поскольку «Новокрестье» названо «местом градским» можно полагать, что оно находилось в черте заброшенного к тому времени Белоозера, в 2—2,5 верстах к востоку от пер-

воначального места. Место «Лимоновское» находилось в черте позднейшего села Каргулина, где стояла позднее каргулинская каменная церковь св. Троицы (Архив ЛОИА, ф. 1, № 15, 1860 г., л. 10 об.). Упоминаемые в Сказании речки Каргулка и Волхонка обозначены на плане Генерального межевания Белозерского уезда (РГАДА, ф. 1356, № 39/2969); сведений о камне Лимоне и о Воятовом поле в других источниках нет. Заболотская волость, называемая в Сказании, охватывала территорию по юго-восточному берегу Белого озера и по правому берегу Шексны у ее истоков.

Карголом — местность на южном берегу Белого озера. Перенесение города с верховьев Шексны в Карголом произошло не в 1489 г., как говорится в рассказе о переносе Белоозера, а значительно раньше — в XIV в.[33] В 1489 г., очевидно, был насыпан мощный земляной вал вокруг «нового города»: «Того же лѣта повелением великого князя Ивана Васильевича поставиша град новъ на Бѣлѣозерѣ въ Карголоме, а от старого города за 10 верст»[34].

По переписной книге Белозерского уезда 1710 г. в Троицком Усть-Шехонском монастыре числились соборная церковь Троицы и церковь Богоявления с пределом Дмитрия Солунского и кельи, а в подмонастырской Каргулинской слободке — 19 жилых и 22 пустых двора. Все постройки монастыря были деревянными (РГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 12759. л. 794—795). В монастыре было 16 человек братии,— чуть меньше, чем в момент его основания. В 1860 г. Я. М. Лазаревскому в Каргулине показали реликвии, оставшиеся от упраздненного в 1764 г. монастыря — «игуменский костыль и металлические нагрудные латы, неизвестно как сюда попавшие» (Архив ЛОИА, л. 10 об.) Попытка исследователя выяснить судьбу чудотворной иконы св.Троицы, около которой молился Глеб Василькович, остались безуспешными. Сейчас село Каргулино затоплено, фундамент кирпичной Троицкой Церкви обнажается в засушливые годы при сильном падении воды.

Вопреки предсказаниям инока Моисея, урочище Лимоновское оказалось последним местом Троицкого монастыря, о перенесении его к часовне св. Василия «на посацкое место» известий нет.

Сообщаемые автором Сказания сведения о расположении старого Белоозера, называемого «селищем Княжим», «посадом» или «градским местом», оказались вполне достоверными. Остатки летописного города Белоозера с культурными напластованиями X—XII в., исследованные Л. А. Голубевой, были обнаружены именно там, где помещает город Сказание. По мнению Л. А. Голубевой древнейшей частью Белоозера,

существовавшей с X в., был поселок у речки Васильевки[35] — вблизи столь часто упоминаемой в Сказании часовни Василия Великого.

Часовня с гробницей Глеба Васильковича, стоявшая на Старом городе вблизи Крохинского посада, была хорошо известна историкам и краеведам XIX в. О существовании ее упоминает С. П. Шевырев, совершивший в 1847 г. поездку в Белозерский край[36]. Анонимный автор публикации «Курганы близ города Белозерска» называет часовню Борисоглебской. Он сообщает, что «в 1823 г. при перестройке пришедшей в ветхость Борисоглебской часовни были найдены огромной величины человеческий череп и ножные кости, которые оставлены в той же могиле»[37]. В списке населенных мест Новгородской губернии часовня значится как посвященная св. Василию Великому и св. князьям Борису и Глебу. Наиболее подробное описание часовни было сделано Я. М. Лазаревским, по данным которого часовня стояла на кургане «аршина 2 высотою и до 30 саженей в окружности», а размеры самой постройки были 3×2 сажени: «При входе в нее справа находится каменная гробница князя Глеба Васильковича без всякой надписи (в прежние времена она была деревянная), над которой каждый год 2 мая и 24 июля справляют панихиду о благоверном князе Глебе»[38]. В архиве ЛОИА сохранилась фотография часовни, сделанная в 1929 г. Г. П. Гроздиловым. К 1939 г., когда Белоозеро вновь обследовалось П. А. Суховым, часовня была снесена[39]. Когда Л. А. Голубева исследовала курган раскопками, следов гробницы уже не было, в насыпи было обнаружено кладбище с поздними погребениями, не содержащими инвентаря. Исследовательница датировала их XVIII—XIX вв.[40] Сам курган оказался искусственной насыпью, сооруженной в несколько приемов. Точное время возведения не установлено, но под насыпью обнаружен культурный слой X в.

Весьма вероятно, что часовня, стоявшая на кургане, действительно отмечала место соборной церкви Белоозера. Тем не менее нет никаких оснований сомневаться в достоверности летописного сообщения о погребении Глеба Васильковича в Ростове и в легендарном характере версии Сказания и связанных с ней белозерских преданий. Существенно, что, согласно автору статьи «Курганы близ города Белозерска», отметившему несоответствие преданий и летописи, местные легенды помещали могилу Глеба не только на Старом городе, но и еще в двух пунктах: в Каргулинской церкви, стоявшей на месте Троицкого Усть-Шехонского монастыря, и в самом г. Белозерске[41].

* * *

Помимо Сказания об Усть-Шехонском монастыре, в цикл произведений, посвященных истории Белозерья, входят также рассказ об основании города Белозерска и рассказ о построении церкви Василия Кесарийского.

Текст рассказа об основании Белозерска известен нам по списку РГБ, ф.178, № 3445 (и как мы уже говорили, его расположение в сборнике указывает скорее на то, что это самостоятельное сочинение, часть цикла) и по череповецкому сборнику XIX в., который является уже поздней переработкой[42]. Исторических и географических реалий этого произведения мы уже касались в связи со Сказанием об Усть-Шехонском монастыре.

Случай объединения рассказа о построении церкви Василия Кесарийского со Сказанием об Усть-Шехонском монастыре и рассказом об основании Белозерска мы можем назвать лишь один — все в том же позднем череповецком списке (где он в тому же подвергся существенной переработке). Но это небольшое произведение в самостоятельном виде встречается достаточно часто в сборниках XVII—XVIII вв. Однако такая его популярность вызвана, в первую очередь, не его литературными достоинствами или назидательной пользой, а довольно прозаической причиной. Произведение попало в устойчивый состав сборника историко-церковного содержания, который (сборник) пользовался большим интересом русских книжников. Мы можем привести следующие списки рассказа о построении церкви Василия Кесарийского: РНБ, Соф. 1521, л. 189—191 — перв. пол.— сер. XVII в.; РНБ, Пог. 1553, л. 161 об.— 162 об.— трет. четв. XVII в.; ГИМ, Увар. 840, л. 72 об.— 73 — кон. XVII в. РГАДА (колл. ЦГАДА), № 1347, л. 423—423 об.— втор. четв. XVIII в.; РГБ, ОИДР, № 225, л. 388—388 об., РНБ, № 1535. Пог. 7, л. 73 — кон. XVII — нач. XVIII в.

Состав всех этих сборников практически одинаков (различаются лишь три-четыре статьи) и явно восходит к одному протографу сборника, составителей которого интересовала история строительства монастырей и церквей (в него входят: «Хождение игумена Даниила»; несколько произведений о святогорских и иерусалимских монастырях, в том числе Максима Грека; «О церкви Софии в Новгороде»; «Повесть о начале Псково-Печерского монастыря»; «Повесть о Нижегородском Печерском монастыре»; «Сказание о Соловецкой обители» и другие)[43].

Интересующее нас произведение «О церкви Великого Василия и о вере» помещено всегда между «Сказанием о новгородской церкви Софии» и «Повестью о Псково-Печерском монастыре». Датировать рассказ о построении церкви Василия Великого сложно, самый ранний известный список — первой половины — середины XVII в. Если предположить, что первоначальный устойчивый состав сборников сложился одновременно, то это не могло произойти ранее начала XVII в., так как к 1597 г. относятся события помещаемого там Сказания о Нижегородском Печерском монастыре. Можно полагать, что создание рассказа о построении церкви Василия Великого приходится на начало XVII в.— время активного «освоения» белозерцами своей истории.

В. О. Ключевский использовал рассказ о построении церкви Василия Великого как иллюстрацию к лекции о взаимодействии христианских и языческих (в нашем случае — финно-угорских, весских) верований, так как камень и береза, о которых говорится в рассказе — предметы финно-угорских культов[44]. Ключевский опубликовал текст (с небольшой модернизацией языка) по неизвестной нам рукописи; а сам историк не указывает дату использованного им списка. Ключевский дал оценку этому произведению как «рассказа, единственного в своем роде по форме и содержанию»: надо думать, текст привлек его своей простотой и безыскусностью.

Сам сюжет о приплывшей иконе достаточно распространен в древнерусской литературе: он основан на обычае не уничтожать старые иконы, а пускать их по воде.

Цикл произведений, посвященных истории Белозерья — это попытка авторов XVI—XVII вв. осмыслить историю Белозерского края, дать «рациональное» (с их точки зрения) объяснение событий и местных топонимов. В подобного рода «историографических» сочинениях, как правило, бывает трудно отличить «зерна» от «плевел» и установить, что основано на реальных исторических фактах, а что является авторским вымыслом. Если событиям, хронологически близким ко времени жизни рассказчика мы можем доверять, то к описанию и толкованию древнего периода лучше подходить с осторожностью.

Примечания

[1] АСЭИ. Т. 11. №№ 148, 236, 249, 332.

[2] Амвросий /Орнатский/. История российской иерархии. Т. 6. М., 1815. С. 584—590. Шевырев С. П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь в 1847 г.

М., 1850. С. 87. Казанский П. История православного русского монашества. М., 1855. С. 168. Макарий /Булгаков/. История русской церкви. Т. 4. СПб., 1866. С. 204. Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV—XVI в. М.; Л., 1951. С. 5—61. Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках (по «житиям святых»). М., 1966. С. 71—72; Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере. М., 1973. С. 58—59.

[3] Прохоров Г. М. Повесть об Устьшехонском Троицком монастыре и рассказы о городе Белозерске // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования СПб., 1994. С. 163—206. (Г. М. Прохоровым собрано также много интересного материала по истории монастыря XVII — первой половине XVIII в. вплоть до его закрытия в 1764 г.).

[4] Х. Киркенен пытался использовать информацию Сказания об Усть-Шехонском монастыре как одно из доказательств основания Валаамского монастыря в XII в. (Kirkinen H. Kataja idan kulttuuripiirissa. Helsinki, 1963. S. 129—130). Ненадежность сведений Сказания в его начальной части и некорректность их использования как исторического источника по ранней истории Валаама доказывалась Дж. Линдом (Lind J. Hvornar blev Valamo klosteret grundlagt? // Historik Tidskrift for Finland. 1979. № 3. S.243—245).

[5] Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 529.

[6] Куопи. Музей православной церкви. SOKK—67, л. 1. SOKK—66, л. 16.

[7] Бычков А. Ф. Описание славянских и русских рукописных сборников императорской Публичной библиотеки. Вып. 1. СПб., 1878. С. 7—8. № 111/4.

[8] Прохоров Г. М. Повесть об Устьшехонском Троицком монастыре… С. 163—165.

[9] Если сравнить чертеж с более поздней писцовой книгой, то увидим, что описание стены с башнями и воротами полностью соответствует нашему рисунку, а изображение церкви или дано условно, или отражает предшествующий строительный этап: «/1674 г. Выписка из Белозерских писцовых книг, письма и меры стольника Никиты Ксенофонтовича Тороканова подьячего Игнатия Пигина/. Город БѢлоозеро по осыпи рубленой, на нем восемь башен, крыты тесом; в город двои ворота; мѢрою город по сыпи 550 сажен с полусаженью /../ В городе соборная церковь во имя Преображения Господня, деревяная, шатровая, с трапезою, крыта тесом ⟨…⟩ у церкви же колокольня рубленая ⟨…⟩ да соборную же церковь вновь строят каменную» (Акты юридические. СПб., 1838. № 231. С. 253).

[10] Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель. Ч. 4. Вып. 2. (Сост. Б. .Морозов. Вологда, 1984. С 86—93).

[11] Lind J. Hvornar blev Valamo klosteret grundlagt? // Historik Tidskrift for Finland. 1979. № 3. S. 243—245.

[12] Прохоров Г. М. Повесть об Устьшехонском Троицком монастыре… С. 171—180.

[13] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 525. Т. 10. С. 156.

[14] Экземплярский А. В. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 2. СПб., 1891. С. 154—157; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 120.

[15] ПСРЛ. Т. 10. С. 157.

[16] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473.

[17] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 11, 12, 15, 17, 20. №№ 1,2,3,6,7,9,10.

[18] Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М.; Л., 1950. С. 322.

[19] Кучкин В. А. Формирование государственной территории… С. 125—127.

[20] Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950. С. 49. ПСРЛ. Т. 18. С. 77.

[21] Прохоров Г. М. Сказание Паисия Ярославова о Спасо-Каменском монастыре // Книжные центры Древней Руси XI—XVI вв.: разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 155—156.

[22] Там же. С. 139.

[23] Поскольку Г. М. Прохорову не была известна первоначальная редакция Сказания, то он считал, что Сказание было написано в 1620 г. игуменом Усть-Шехонского монастыря Матфеем, автором «Послания о хмеле» (Прохоров Г. М. Повесть об Устьшехонском Троицком монастыре… С. 182—186). Но после обнаружения более ранней редакции мы можем точно сказать, что Матфей в лучшем случае мог быть составителем редакции Сказания 1620 г. Вообще же по нашему мнению, авторство (точнее, составительство) Матфея хотя теоретически и вероятно, но все же нуждается в дополнительной аргументации.

[24] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 407.

[25] См.: Охотина-Линд Н. А. Сказание о Валаамском монастыре. СПб., 1996.

[26] Толстой М. В. Книга глаголемая описание о российских святых. ЧОИДР. 1887. Кн.4. С. 142. № 285.

[27] Русская историческая библиотека. Т. 2. СПб., 1875. Стб. 706—708. № 175. (В заголовке грамоты опечатка: 1651 г. вместо 1615 г.).

[28] Г. М. Прохоров безоговорочно принял сторону составителя редакции Сказания 1620 г., рисующего строителя Иосифа как живое воплощение зла и разорителя монастыря (Прохоров Г. М. Повесть об Устьшехонском Троицком монастыре… с. 180—182). Но как мы видим, обвинения и жалобы были взаимными, и вряд ли мы сейчас вправе давать какие-либо моральные оценки участникам тех событий.

[29] Треста в северных говорах — камыш, тростник (См.: Подвысоцкий).

[30] АСЭИТ. Т. 11. С. 156, 264, 311—314. №№ 236, 249, 332.

[31] Там же. С. 313. № 332.

[32] Там же. С. 313—314.

[33] Голубева Л. А. Указ. соч. С. 57—58.

[34] ПСРЛ. Т. 11—12. С. 219.

[35] Голубева Л. А. Указ. соч. С. 81.

[36] Шевырев С. П. Указ. соч. С. 87.

[37] Курганы близ города Белозерска // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1853. Т. CIV. № 415. С. 365—366.

[38] Лазаревский Я. М. Об археологических разысканиях в окрестностях Белозерска (Архв ЛОИА ф. 1, № 15, 1860 г., л. 11—11 об).

[39] Сухов П. А. Отчет о полевых археологических работах в Кирилло-белозерском районе в 1939 г. (Архив ЛОИА, ф. 35, о.1, 1939 г., № 41, л. 31).

[40] Голубева Л. А. Указ. соч. С. 62.

[41] Курганы близ города Белозерска. С. 366.

[42] Л. А. Голубева ошибочно считала, что рассказ об основании Белозерска помещен в тексте Сказания об Усть-Шехонском монастыре списка РНБ, Пог. 1579 (Голубева Л. А. Указ. соч. С. 57—59). На самом деле этот рассказ мог быть ей известен только по поздним копиям. Г. М. Прохоров публикует текст по списку 1779 г. в сборнике: РНБ, Титов, № 1296 (Прохоров Г. М. Повесть об Устьшехонском Троицком монастыре… С. 203—206).

[43] Арх. Леонид. Систематическое описание в 4-х частях славяно-русских рукописей собрания графа Уварова. М., 1894. Т. III. № 1744; Строев П. М. Библиотека имп. Московского общества истории и древностей Российских. М., 1845. С. 107—108, Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописей имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 86—92. Рузский Н. В. Сведения о рукописях, содержащих в себе Хождение в святую землю русского игумена Даниила, в начале XII века // ЧОИДР. М., 1891. Кн. 3. С. 82—83, 105—106, 107—108, 108—109, 119—120. См. также об этих сборниках: Охотина Н. А. Три произведения начала XVII в. о Соловецком монастыре // Архив русской истории (в печати).

[44] Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Т. 1. М., 1987. С. 305—307.

Приложения

РНБ, Соф. 1160

(л. 354 об.) Того же месяца ⟨июля — *Н. О.*⟩ 24 день на паметь святых мученик Бориса и Глѣба. Колач да чаше квас.

Да того же дни корм болшеи по благовѣрномь по князе Глѣбе Васильевиче Ростовском — княз бысть Белуозеру и Вологдѣ и Устюгу, и устроил сеи монастырь живоначальное Троици и в нем общее житие состави. И не по мнозѣ времен княжения его родися княз Глѣбу сын князь Михаил. По триех лѣтех рожества его прииде ему болѣзнь (л. 355) люта зѣло. Изнемогосте видѣти очи его и бѣ ни видя ничто же, и пребысть не видя лѣт 12 и три месяца. И в та времена начаша бывати знамения и чюдеса велия от образа святыя жвоначалныя Троица вь их отечествѣ во граде на Белѣозере во цѣркве святыя Троица. Князь

же Глѣб слышах таковая, подвигься влеком верою, прииде ко церкви святыя и живоначалныя Троицы паче же ко чюдотворному ея образу и поим сына своего благовѣрнаго князя Михаила, болѣзнующего зѣло и очима изнемогающа. И молебная совершают милостию святыя и живоначальныя Троица. И молитвами пречистыя Богородица (л. 355 об.) тогда сущу празднику честнаго и славнаго ея Благовѣщения кропление священыя воды отверзостася ему очи. Князь же благодарственая благодетелю Богу воздавая, помыслми совѣт благ и постави церьковь древяну зѣло велику во имя святыя и живоначальныя Троицы в лѣто 6759 и чюдотворную ону икону украси всякою подающею всякою утварью и созда монастырь и в немь общее жиие состави, и братию собра числом 20 и множае. И постави в созданем от него монастыри инока житьем и благыми дѣлы украшена, достойна суща пастыря и учителя словесных игумена (л. 356) именем Генадия. И даде монастырю многа потребъная, елика довлѣет на строение мѣста. И оттолѣ благовѣрный князь Глѣб и сынь его благовѣръный князь Михаил стяжаста велию вѣру ко святѣи Троицы, бѣ бо той первый монастырь во его отечествѣ. И поживе благовѣрный князь Глѣб вся дни своя во благочестии и праведнѣ, и преставися к вѣчным обителемь. И положен бысть на Белѣ озерѣ во церькви великаго Василия Кесариского. И по нем бысть наследникь отца своего имѣния сынь его князь Михаил, и той имея[1] велию веру ко монастырю святыя и живоначалныа Троица (л. 356 об.) и воздвиже церьковь во имя пресвятыя Богородица, честнаго и славнаго ея Благовѣщения. И потом родися благовѣрному князу Михаилу сынь. И просвѣти его святым крещениемь прежереченный игумен Генадей, нарече его во святом крещении Феодорь. И по сем поживе игумен Генадей и преставися и положен бысть в томь же монастыре у живоначальныя Троицы. И поставлен бысть в его мѣсто игумен именемь Васьянь, благыми дѣлы и ньравы украшен, и добреѣ пасяше Христово стадо словесных овец и первому игумену во всем подобясь. И преставися к вѣчным обителемь, и положен бысть в том же монастырѣ. И не по колицехь погорѣ церковь и кѣлии, и устро(л. 357)иша монастырь яко же и преже. И поживе благовѣрный князь Феодорь, и преставися во своя времена к вѣчным обителемь.

Того же месяца 25 день на Успение святыа Анны матере святыя Богородица кормь божей по благовѣрном князѣ Михаилѣ Глѣбовиче, да

[1] В ркп. слово *имея* повторено дважды.

по его сынѣ по князѣ Феодорѣ. У сего благовѣрнаго князя Михаила Глѣбовича милостью святыя Троица и молитвами пречистыя Богородица окроплением священныя воды отверзостася ему очи. Да той же благовѣрный князь Михаило Глѣбович (л. 357 об.) послѣ отца своего благовѣнаго князя Глѣба Васильковича у живоначалные Троицы в монастырѣ воздвиг другой храм во имя пречистыя Богородица честнаго и славнаго ея Благовѣщения.

Того же месяца 27 день на паметь святого мученика Пантелѣимона кормь по игуменѣх по троецких: по игуменѣ Генадие да по игуменѣ Васьяне. Сей Генадей игумен первоначалный бысть игумень у живоначалные Троицы в монастырѣ, и общее житие составил. И по нем бысть вторый игумен Васьян, такоже благыми нравы украшен, уподобися первому игумену Генадию.

РГБ, ф.178, № 3445 (разночтения по списку РНБ, Пог. 1579-А

Курсивом выделены заимствования из первоначальной краткой редакции. Разночтения по списку РНБ, Пог. 1579 обозначаются буквой А.

(л. 175) О зачале *монастыря Троицкого*[2], что на Усть-Шекъсны рѣки иже первие стояше в Плеществе Воднем и в *Годороме*[3] ли шума воды рекомаго Бѣла езера за градом Белоезером от западныя страны. и в кои лѣта и кѣм составися святая обитель сия. Первие же о сем о нашествии Батыя царя на нашу Рускую землю

В лѣта 6745-е Господу Богу нашему праведным своим гнѣвом наказующу нас за умножение грѣхов наших овогда гладом, овогда пожаром, иногда же нашествием иноплеменных. Яко же сего попустил на Рускую землю безбожнаго царя и лукавнѣйшаго паче всея земля иже отнюдь Бога нѣвѣдуща паче же богами[4] ⟨?—*Н. О.*⟩ незнаема бусарменъские вѣры злаго и безчеловѣчнаго Батыя глаголема, иже проиде многия грады пожигая яко серпом пожиная человѣчество, (л. 175 об.) яко огнь попаляя дубравы, неповинныя людиа владѣющих и владомыя, ових убивая. иных же в работу сущим с ним предавая. Тогда убо от благородна корени израстишаго и во благочестии воспитаннаго самодержца всеа Руския земли благовѣрнаго великаго князя Георьгия

[2] А: *и о создании Троицкого монастыря.*

[3] А: *Говороме*

[4] В ркп. *Богами,* в А: *Богом.*

Всеволодича убил, неповинную кровь пролиял на реце на Ситѣ за Волгою, инных многихь побил благовѣрных князей, а инных в плѣн сводил. Тогда же взял и сродника его благовѣрнаго князя Василька Кнстантиновича Ростовьскаго, он же став пред ним, нечестие его обличил, суетную *и богомерзскую вѣру поплевал*[5] и безчеловѣчна и пса того именовал и того ради от него мучения конец прият и исповѣдания вѣнцем от Христа вѣньчася. Наслѣдницы же отечеству его быша *Георгии Всеволодич — княжил в Володимере 25 лѣт, а князь Василько племянник ему*[6] (л. 176) Сынове его: первый сын его князь Борис восприят Ростовское княжение; вторый иже сын его князь Глѣб начал княжити на Бѣлеозере и на Волгдѣ *и на Устьюге Великом*[7].

О князе Глѣбе. Не по мнозе же времяни на Белеозере благовѣрнаму князю Глебьу родился сын Михаил. По трех же лѣтех рожению его прииде ему лютая болѣзнь и изнеможе до конца очима и ничто же не виде и пребысть лишаяися свѣта 12 лѣт и три мѣсеца.

О чюдотворной иконе живоначяльной Троицы. Стояше же за градом Белозером церковь живоначальной Троицы, а в ней чюдотвоныйц образ ея на мѣсте нарицаеме Плещество Водное сирѣчь на Переливне от западныя страны Бѣла озера, ныне же именуется мѣсто Верхьная Треста[8]. И в та времена начаша быти от святыя иконы тоя знамения и чюдесы. (Л. 176 об.) Князь же Глѣб слыша *таковая*[9] подвижася с великою вѣрою прииде к церкви святыя Троицы, паче же к чюдотворному ея образу. Поят же с собою и сына своего княз Михаила, болѣзнующа[10] очима, и начал молебная совершати; и милостию живоначальные Троицы и молитвами пречистыя Богородицы кроплением священныя воды отверзлися ему очи — исцеление получил на самый праздник Благовѣщение пречистые Богородицы. Князь же Глѣб благодарственую славу воздавая благодателю Богу о таковом преславном чюдеси.

О начале монастыря. И пришедь в дом свой,[11] помысли в себѣ сотворити совѣт благ з боголюбивым епископом Лукою Ростовским, еже

---

[5] В А пропущено.

[6] В А пропущено.

[7] В А пропущено.

[8] В А *Верная Троста.*

[9] В А *таковая чюдеса.*

[10] В А добавлено: *и изнемогающа.*

[11] В А добавлено *благовѣрный князь Глѣб.*

и бысть тогда бо бывшему ему в некоем острове Белозерском предѣл крыющася и постави на том прежереченном мѣсте церковь древяну в высоту зело велику и чюдну (л. 177) во имя святыя живоначальныя Троицы в лѣта 6759-го и чюдотворную икону ту украси всякою утварию[12] и создал монастырь и в нем общее житие составил и братию собрал числом 20 или множае. Из них же быша и священноиноцы и приносяще службу Богови. Князь же Глѣб сам всѣм ими во всем промышляя, еще бо не бывшу тогда игумену у них.

Слышав же о монастырѣ благолѣпнаго Преображения Спасова иже на Валааме острове в предѣле Великаго Новагорода, и о жительстве их и о чину монастыря того и о отцех иже в нем подвизающихся добрыми подвиги, посылает к ним довольну милостину и молит тамо сущего игумена, дабы дал от паствы своея единаго инока, могущаго пасти и наставляти Христово стадо словесных овец. Игумен же советует с сущими тамо отцы, избрав еднаго (л. 177 об) инока, мужа изяшна житием и бьлагими дѣлы украшена именем Генадия, достойна суща прошения княжя, и послаша к благовѣрному князю Глѣбу на Белоозеро. Князь же рад бысть таковаго мужа пришествию и поставил его игуменом в новосозданном от него монастырѣ — иноком пастыря и учителя; и даде монастырю тому многа потребная елика довлѣют на строение мѣста того.

И оттолѣ благовѣрный князь Глѣб и сын его князь Михаило стяжаста велию вѣру к жвоначальной Троицы, бѣ бо первый тот монастырь в его отечествѣ, еще бо тогда не был ни един монастырь на Беле озере и на Вологде. Послѣди же создал другии монастыри на Кубенском езере на острове зовомем Каменном в предѣлах града Вологды во имя боголѣпнаго Преображения Спасова; сии же монастырь первый в вологоцьких.

И паки прииде[13] на Белоозеро и про(л. 178)чая поживе вся дни живота своего во благочестии[14] и чистотѣ и в правде. И преставися к вѣчным обителем и положен бысть на Бѣлеозере в посаде в соборной церкви святаго и великаго Василия Кесарийскаго, нынѣ же мѣсто то[15] Селищо Княжо имянуемо. Отстоит же от самого устья *Шехоньского пол третья поприща*[16].

---

[12] В А добавлено *подабающею*.

[13] В А добавлено: *князь Глѣб*

[14] Испр., в ркп. *благочестисии*.

[15] В А добавлено: *пусто*

[16] В А: *вниз по рекѣ полтретья поприща до того Княжого Селища, а от Троицкого монастыря едино поприще*.

Наследник же бысть отца своего имѣнию сын его Михаило и той закон же имѣя велию вѣру к живоначальной Троицы, и воздвиже теплый храм во имя пречистыя Богородицы чеснаго и славнаго ея Благовѣщения.

И потом родися благовѣрному князю Михаилу сын князь Федор. Просвѣтил же его святым крещением троицкой игумен Генадий. Той же игумен поживе богоугодно житие и отойде[17] в вѣчный покой. В него же мѣсто поставлен бысть игумен именем Васьян и той тако же благими дѣлы украшен и доре пасяше Христово (л. 178 об.) стадо словесных овец, во всем подобяся житием и нъравы первоначальному игумену[18]. При сем же игумене Васьяне бысть в монастырѣ инок именем Мосей — сей убо пророческого дара *сподобися*[19] и пророчествуя о монастырѣ сем, яко стояти имать преставляти в четырех мѣстех. «Здѣ,— рек,— первое на Переливье; второе — рече,— за градом на Новокрестневе, третее в Лимонисе Водном; в четвертое,— рече,— среди посадцкие стороны на Васильивском Крестьце[20]» И аще рече: «Начнут братия радѣти святому месту сему и меже собою духовную любовь имѣти с вѣрою же и правдою и терпением благоданым и со смиренномудрием жити; тот монастырь сий ничем не оскудѣет паче распространиться, но и благодати всякия исполнен будет. Того ради достоит чюдотворному образу живоначальные Троцы непрестанно молиться и с вѣрою мило(л. 179)сти у нея просити».

О Беле озере. Бело озеро именуется понеже естество имать воды в себѣ бело, а вода густа и клейна.

О Шексьнѣ рекѣ. Шексна же именуется понеже шествие косно имать; присугублено имя ей и вкратце сложено под неслагательную титлу без прикрова.

Сие же оставим и на предлежащее паки возвратимся. Стояше же монастырь той на том мѣсте. Переливне *до переселения града Белаозера 250 лѣт*[21]. По переселении *же града Белаозера начат мѣсто то одолѣва-*

[17] Испр., в ркп. *оттойде*.

[18] В А добавлен: *Генадию*.

[19] В А: *подобия*.

[20] В А добавлено: *гдѣ преже была соборная церковь Великаго Василия и гдѣ почивает благовѣрный князь Глѣб Василкович*.

[21] в А: *200 лѣт до переселения града Белаезера на новое мѣсто в верх по Бѣлу езеру от Шехонского устья десять поприщ*

ти вода и с того мѣста преставиша монастырь на градцкое мѣсто[22] — ему же имя Новокрестное, а нынѣ зовомо Угольный мыс[23]. И по нѣколицех лѣтех погорѣ монастырь и со всемь, церкви и кѣлии. И подшашася радѣнием и поставиша все ново яко же и преже бо. И ту стоял 63 лѣта, *одо*(л. 179об)*лѣ же вода и нача подмывати на самое устье*[24]. И оттолѣ переселишася и преставиша монастырь по Шекснѣ рекѣ *яко версту едину*[25] на мѣсто нарецаема Лимоновское[26] и поставиша церковь зело чюдну и высоку крестообразну же и пространну в широту; в высоту убо сажен 37; теплый же храм поставиша от реки же верхь имущи шатров в высоту *сажень*[27] 19. И тут стоит нынѣ 105 лѣт по нынешней 128-й год. Егда же состарѣся той теплый храм и обетша и паки поставиша инь храм[28] Троицу. Поставили в лѣта 7030-го году, а переставливали 92-го году[29].

Болши здѣ труда, боле тамо и покоя; здѣ потерпм, а тамо благоденьствуем во царьствии небеснем, его же наслѣдит буди всѣмь намь. Молите ся о мнѣ окояннемь да и аз не лишусь *вас*[30] вечнаго покоя.

(л. 180) При игумене Маркелѣ[31] при строителе же старце Иасафе порекло Луженом в лѣта 7112-го году поставиша церковь теплую от

---

[22] В А: *того града начат тот монастырь подмывати водою у святого мѣста. Переставиша монастырь на прежьнее градское мѣсто.*

[23] В А добавлено: *на усть Шексны реки.*

[24] В А: *И на том мѣсте начат одолѣвати вода и подмывати тот монастырь.*

[25] В А: *полтора поприща.*

[26] В А добавлено: *А зовому по камень Лимонис, а тот камень против Троицкого монастыря в Шекснѣ реке. И на том мѣсте*

[27] В А пропущено.

[28] В А добавлено: *той теплый храм от лѣсу. А преже сего храма храм*

[29] В А добавлено: *Сей же монастырь под собою мѣсто имать обоюду непространно и тѣсноту имущи много от сѣвера, Шексна река близь сущи и водою касающеся ограде, от востоку рѣчка Волхонка у Воятова поля, а от полночны страны бото неизслѣдимо и дебрь непроходима и тимѣние* ⟨? — *Н. О.*⟩ *многотопно. От Бѣлаезера же рѣчка Карголка; под монастырем же слободка Каргулна у рѣчки тоя. Братия же в монастырѣ том и бѣлцы работающи ему мнози такову жизнь имуть: незлобием ходят, но мали суть таковы живущи тако; многи же суть иже ненависть имуще и мало душу подъемлюще и роптание держаще и расколы гоняще. Мали же суть иже любовь имуще и долготѣрпение подъемлюще и благодарение держаще и согласие имуще. Сего ради братие какова хощет к себѣ брата своего такови подшимся и сами ему быти. Каков хощет покой тамо от Бога обрѣсти таково и житие начнем здѣ жити.*

[30] Так в обоих списках.

[31] Испр. писцом из *Макарие.*

реки о пяти верстах с каменнодѣлнаго подобия зело чюдну и пространну и высоку, а предѣл в ней учинили страстотерпца Христа Дмитрия Селунского; а соверши его 115-го году, а святили ея *февраля в 6-й день*[32] 117-го году, а 121-го году[33] грѣх ради наших сия церковь погорѣла и не успѣли из нея ничто же вынести зелнаго ради жара и преодолѣвшаго огня. И церковное пѣние зимою совершали в столовой кѣлии и трапезу братиям поставляли и того времяни *неуставного*[34] бысть четыре лѣта.

Понеже того лѣта приѣха с Москвы июня в 28 день нѣкто чернец[35] зол чѣловек смутнив и раскольнив, именем Иосиф, иде поколе(л. 180 об.)бал тѣм святым мѣстом и злѣ разточил паству; яже и стадо Христово разогна[36], и разпуди ⟨? — *Н. О.*⟩ тѣсноту же и скорьбь и истощания многая учинил яко злый волк и хишьник и разоритель. Волк убо и гонитель на стадо Христово властолюбия и сребролюбия ради; хишник же понеже монастырьская сокровища расхил и расточил, понеже грамоты ради иже искупи мздою у дьяков на Москвѣ наречеся строитель; паче же мы речем разоритель по его житию, поне ж благочиние разорил, а сокровища монастырьская истощал, а братие всякую скорьбь и тесноту нанеся много. И в та время на святом мѣсте никако же не порадѣя, ниже радѣющим воли даяше, но смутами и расколами пресекаше и неразумными кознями *ков*[37] воздвизаше яко пло(л. 181)тяный бѣс и *готовя*[38] елика святому мѣсту на разорение и пагубу, а братии на тшету и разгнание, себѣ же на собрание богатства и неправедную корысть. Сему же лжеимениому стротелю Иосифу живоначальныя Троицы судия и мьститель; и его наставником *и единмысленников*[39] той же Господь судит в послѣдний дѣнь.

По изгнании же сего льжеименитого строителя Иосифа на том же мѣсте от реки совершили церковь теплую ниску о два верха на каменнодѣльное подобие и освяти 125-го году февраля во 2 день[40].

---

[32] В А пропущено.

[33] В А добавлено: *февраля в 6 день в нощи*.

[34] В А пропущено.

[35] В А: *черноризец*

[36] В А: *разврати*.

[37] В А: *всяко*.

[38] В А пропущено.

[39] В А пропущено.

[40] Текст А на этом заканчивается.

(л. 183) В лѣта 6997-го при великом князе Василе Ивановиче по его государеву указу граждане белозерцы переселилися с Шексны рѣки в Карголому, град и церкви и посады поставиша. Тогда же соборную апостольскую церковь Великаго Василия пренесли и поставиша на посаде — на том мѣсте стоит крест древян днесь. И стояла соборная церковь Великаго Василия на посаде до 120-го гоу июля по 30-е число. Приидоша на Белоозеро Польша и у[41] украйных городов людие не во мнозей силе; град весь пожгоша, а людей множество посекоша. И тогда соборая церковь згорела и с того времяни перенесена внутрь града Белаозера не забыл ⟨? — *Н. О.*⟩, ниже будь се егда убо град Белозеро стояло на усть Шексьны реки, тогда соборная церковь стояла идѣже ныне Княжее зовомо: у того же церковного места почивает благовѣрный (л. 183 об.) князь Глѣб Васильковичь державець града сего.

РНБ. Соф. 1521[42]

(л. 189) О церкви Великаго Василия и о вѣре.

А на Белѣозере жил (л. 189 об.) люд новокрещении, да как учали креститися и вѣру християнскую спознавати, и они поставили церковь, а не вѣдают — и в имя которого святого. И на утро собралися да пошли церковь свящати нарещи которого святого. И како пришли к церькви, аже в рѣчке под церковию стоит (л. 190) челнок, а в челноку стулец, а на стульце икона Василие Великии, а пред иконою просфира. И они икону взяли, а церковь нарекли во имя Великаго Василия. И нѣкто невѣжа взял посвиру ту, да хотѣл укусити ея, ино его от просвиры тоя шибло, а просвира ока(л. 190 об.)менела. И они церковь свящали, да учали обѣдню пѣти. Да как начали Евангеле чести, ино грянуло не по оычаю, кабы страшнои великои гром грянул, вси людие упрошались: чаяли, что церковь пала. И они скочили, да учали смотрити народи (sic!), ино в прежние лѣта ту бывало мольбище за ол(л. 191)тарем — береза да камень. И ту березу вырвало ис корени, да и камень взяло из земли, да несло в Шексну и потопило. И на Белѣозере тои первая церковь Василие Великии от такова времяни, как вѣра стала.

---

[41] Так в тексте.

[42] По просбе авторов текст был скопирован А. Г. Бобровым, за что мы выражаем ему глубокую благодарность.

В. А. Матвеенко

Два церковнославянских перевода Хроники Георгия Амартола

Хроника Георгия Амартола (ХГА) имеет два церковнославянских перевода: Временник XI в.— возможно, киевский, Летовник XIV в.— болгарский. Сопоставление параллельных мест обоих переводов позволяет в новом освещении увидеть лексико-семантические особенности более древнего из них. Окказионализмы, необычные словоупотребления, смысловые отклонения от греческого оригинала, будучи поддержаны переводом XIV в., свидетельствуют о единстве лексической системы и переводческих принципов в славянской культуре XI—XIV вв. По результатам анализа параллельных фрагментов обоих переводов мастерство переводчика Временника получает высокую оценку.

* * *

Хроника Георгия Амартола (ХГА) имеет два церковнославянских перевода. Перевод XI в.: Книгы временьныя и образныя Георгия Мниха (далее Временник, В) представлен в русских списках. Перевод XIV в.: *лѣтовникъ съкращенъ … отъ георгіа грѣшнаа инока* (далее Летовник, Л) — в сербских. Текстологически списки этих памятников изучены достаточно хорошо. Древнейший список В — Троицкий (Тр), или Тверской, нач. XIV в.[1], лицевой, собр. Моск.дух.Акад. № 100, РГБ, издан В. М. Истриным[2] наборным шрифтом, с разночтениями по семи другим спискам, известным ко времени издания. В. М. Истрин отнес Тр к «первичной» редакции, остальные семь — ко второй (S), определив статус первой редакции для остатков в русских компиляциях[3]. Списки S, имея общее с Тр происхождение, отражают в разных своих местах то более раннее, то более позднее, чем Тр, чтение[4]. В настоящее время известно 16 списков В, из них списки ГИМ из Синод. собр. №№ 1008 и 732 и список Эрмитажа (Э) № 265577/1967 отнесены к той же редакции, что и Тр, остальные — к редакции S[5]. Летовник известен в 13 списках, описанных М. Вейнгартом[6]. Из них ранние: сп. Моск. Син. библиотеки № 148, 1386 г. (ЛМ) и Шафариковский 1389 г. (ЛШ).

М. Вейнгартом установлена независимость переписки этих списков[7]. ЛМ издан в 1878—1881 гг. в Москве фотолитическим способом[8]. К XIV в. относится также сп. Венской национальной б-ки Cod. Slav. № 10 (ЛВ), содержащий текст, начиная с царствования Константина Великого. Листы рукописи не пронумерованы. В статье используем нашу нумерацию.

Имеются большие текстологические отличия второго перевода от первого, которые восходят к различным греческим редакциям[9].

Греческий текст ХГА известен в двух редакциях. Э. фон Мюральт (М) издал список Моск. Син. б-ки № 251/264, далекий и от В и от Л, и описал все 27 полных и кратких списков[10]. Карл де Боор (Б) издал Коаленов кодекс № 310, X в. (Ко), с разночтениями по 16 более поздним спискам[11]. Исследователи отмечают замечательную стабильность греческих текстов ХГА в пределах каждой из редакций, незначительность расхождений, отсутствие редакторских переработок[12]. В. М. Истрин во втором томе своего труда издал греческий текст в части истории римских императоров (в списках Б представленный сокращенно) по Венскому списку № 40 (Вен) XI в., а также Продолжение ХГА (описывающее события после 842 г.) по Ватиканскому списку № 153 (Ват) XIII в.

Второй перевод обнаруживает хорошее совпадение с (сильно поврежденным и неполным) Коаленовым кодексом № 305 (Р) XI в., который относится к особой ранней редакции, переработанной позже самим Амартолом[13]. Первый перевод полностью покрывается Ко, Вен и Ват. В параллельных местах с этим греческим текстом практически сопоставим также и второй перевод.

Второй перевод, сохранившийся в сербских списках, не вызывает сомнений относительно своего происхождения. Это перевод болгарский, конца XIII — начала XIV вв., болгарская основа списков прослеживается лингвистически[14]. Происхождение раннего перевода до сих пор вызывает споры.

Своей публикации первого славянского перевода этой хроники В. М. Истрин решительно дает подзаголовок: «Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе». Во втором томе этого издания он приводит лингвистические доказательства русского, киевского происхождения перевода, времени Ярослава Мудрого[15]. Между выходом в свет второго (1922 г.) и третьего (1930 г.) томов появляются работы П. А. Лаврова и М. Вейнгарта, содержащие предположения о

южнославянском происхождении В, и в предисловии к своему третьему тому В. М. Истрин, отвечая на доводы этих ученых анализом словарного материала, подтверждает свой главный вывод: перевод был сделан в конце первой половины XI в. на Руси, в Киеве, в русской книжной среде, на общелитературный церковнославянский язык в его русской редакции. Мнение В. М. Истрина надолго определило собой общее представление об этом переводе, однако никого не убедило окончательно, и последующие годы показали, что умозрительная (в лучшем смысле слова) гипотеза о факте истории всегда будет нуждаться в новых подтверждениях.

Своеобразие лексики и словоупотреблений, затемненность синтаксиса, разноуровневые ошибки в рукописях В, само явление столь грандиозной переводческой работы в раннее славянорусское средневековье вновь и вновь возвращают исследователей к вопросу, поставленному задолго до В. М. Истрина: кто он, первый переводчик Амартола? Русский? болгарин? мораванин? грек? Коллегия переводчиков разных национальностей и разной образованности? Болгарин-консультант и русский — ученик? Русский, но не из Киева, а из Венгрии? Вопрос о переводчике аккумулирует в себе широкий спектр филологических проблем, связанных с определением места данного памятника в ряду переводных и оригинальных памятников древнерусской письменности. После дискуссии 20—30 гг. накопились новые результаты, расширяющие общие представления об обстоятельствах этого перевода[16]. С. Франклин[17] приводит новые подтверждения выводам В. М. Истрина. Работы И. И. Калиганова[18], похоже, возвращают нас — на новом витке знаний — к рассуждениям, имевшим место еще в XIX в.[19] Таким образом, исторический вопрос остается открытым, служа ориентиром при поисках новых методов лингвистического исследования памятника. В этом смысле может оказаться полезным привлечение второго перевода ХГА, отделенного от первого тремя столетиями. Первый перевод стоит у истоков книжности на Руси, второй — у начала нового возрождения на славянском юге. Оба перевода как бы символически обрамляют единое культурное пространство, с единым наднациональным церковнославянским языком, общим для всех южных и восточных литератур фондом памятников и единой литературной судьбой, единым литературным развитием[20].

Сравнение параллельных мест обоих переводов высвечивает живые процессы, происходившие в лексической системе в это время. На-

блюдения над проявлением тенденций, имевших место в лексической системе предшествующего периода древнеславянского литературного языка, исследование судьбы так называемых гапаксов, окказиональных употреблений и смысловых отклонений от греческого оригинала — дают конкретный материал, позволяющий с известной долей смелости судить о сходстве и различии переводческих манер Временника и Летовника, и тем самым дают штрихи к портрету переводчика XI в.

Дублеты и синонимы

Церковнославянский язык, общий литературный язык славян периода XI—XIV вв., воспринял и продолжал совершенствовать лексическую систему, полученную из памятникв старославянского языка[21]. В качестве определяющей черты лексической системы, проявляющейся в старославянских памятниках, исследователи отмечают обилие дублетных и синонимических способов выражения, что расценивается как свидетельство неустоявшегося, переходного состояния[22], как запечатленный момент становления нормы. Отмечаются такие лексические процессы, как стремление устранить грецизмы, переупорядочить христианскую и общую терминологию, перейти от словосочетаний с полуформальным глаголом к однословному выражению, детализировать выразительные возможности слова путем увеличения его объема и др.[23]

Интересно было бы найти проявления этих тенденций в памятниках последующего времени. Однако, если процессы симеоновского времени (и симеоновской школы) имеют тенденцию двигаться в сторону нормирования лексического множества, то в языке переводов ХГА они отразились слабо. В переводе XI в. на равных употребляются западные, охридские, архаические слова и восточные, преславские, новые (в смысле старославянского языка) слова, грецизмы и их переводные эквиваленты, описательные выражения и равнозначные им глагольные лексемы, голые основы и их префиксально-суффиксальные расширения в том же значении. В переводе XIV в. в наличии все это многообразие. Оба памятника представляют все те лексические синонимические средства, которые по данным предшествующего периода как бы боролись между собой. Ситуация, которая в отношении старославянских памятников выглядела как неустойчивая, длится в общем в XI—XIV вв.— и тем самым должна, по-видимому, получить иное объ-

яснение: наши памятники демонстрируют стабильность самого приема передавать одно и то же разнообразными средствами, вариативность как норму.

Лексические дублеты (если не считать чисто словообразовательных) к XIV в. не исчезли, хотя их количественные сотношения в В и Л различны. Так, в В обычно мы находим *искрьнь* в значении «близкий», но иногда и *ближнии;* в Л в этом значении обычно употребляется слово *близькъ*, хотя есть и *искрьнь*, причем есть место, где тенденции как бы поменялись местами: в раннем переводе *ближнии* И349/14 — в позднем — *искрьнь* ЛВ13а/4. Количественное соотношение для данной пары остается в рамках литературного церковнославянского языка: переводчик Л не проявил склонности к болгарскому языку (в совр. болг. и серб. *искрень* = «ближний»), а переводчик В — к русскому. Сходные наблюдения можно сделать и относительно других пар, оба члена которых представлены в обоих переводах: *зълъ — лоукавъ*, *ороужиѥ — мечь*, *брань — рать*, *недоугъ — болѣзнь* и т. д.[24].

Отмечаемая для старославянского языка тенденция к замене описательного выражения типа *въложити въ оуши* синонимически полнозначным глаголом *въоушити*[25] как стремление к экономии на нашем материале не прослеживается. В оригинале ХГА употребляются оба способа, соответственно оба встречаются в переводах, причем перевод не обязательно повторяет модель греческого. Это значит, что описательная конструкция не заимствована. Варьируя относительно греческого текста, оба способа свободно варьируют в параллельных местах обоих переводов: Ко polem)hsanteq g)ar Б154/19, В *бравшебоса* И 118/7, Л *брань сътворше* ЛМ63/4; Ко e‡rgwn, В *праздьна творѧи* И161/6, Л *оупраздняе* ЛМ9/20; Ко t(hn ceiroton)ian d)exhnai Б555/19, В *прииметь роукоположьствиѥ* И369/15, Л *хиротонию прииметь*, *тако же и бы*^{с}, *и тако хиротонисавсе* ЛВ29а/22. Насколько можно видеть по контексту, выбор варианта в ряде случаев обусловлен коммуникативной и стилистической задачей, как и в современном русском языке[26].

Заимствование слов — один из каналов обогащения лексики, которым широко пользуются и древние, и современные языки. Характерной чертой языка наших памятников является то, что в них наряду с заимствованным словом всегда есть и славянский эквивалент. Члены пар *иѣреи — свѧщенникъ*, *игоуменъ — владыка (обладатель, властитель)*, *философъ — премоудрыи (моудрыи)* и т. д. находим и в В, и в Л. В парал-

лельных местах может встретиться любая из четырех комбинаций: В грецизм — Л грецизм, В грецизм — Л перевод, В перевод — Л перевод, В перевод — Л грецизм. Для многих пар грецизм — перевод не являются дублетами, в той ли иной степени различаясь по значению. В качестве примера рассмотрим соотношение терминологических и нетерминологических значений при передаче \a)hr и a\iy)hr. Эти слова со времен античности различались как названия нижних (\a)hr) и верхних (a\iy)hr) слоев атмосферы, но употреблялись и в других значениях, различаясь не столь четко[27]. В раннем переводе \a)hr как часть мироздания в ряду с солнцем, звездами, луной, а также в противопоставлении с a\iy)hr передается словом *аѥ҃ръ* (И61/3, 65/12, 20, 26, 68/5, 14). В одном месте Амартол, комментируя слова Афанасия Александрийского о противоречивости античного многобожия, называет Зевса сначала a\iy)hr Б72/7, а потом \a)hr Б72/9, 10, 11 (как бы «воздух вообще») — переводчик В следует этому смещению и называет Зевса *аѥ҃ръ* в соответствии с \a)hr. Есть также *въздоухъ* И68/23, И303/21 и др., *небо* И304/3, *дъжⷭ* (род.) И48/22 — уместные и изящные соответствия[28]. Слово a\iy)hr получило соответствия *въздоухъ* И65/20, 26, И68/15, 23; *блескъ* И61/2, И302/10, *блистаньѥ* И304/12. В горнем, божественном эфире первый переводчик уловил семантику блеска, равномерно разлитого света, что-то близкое первозданному свету первого дня творения[29]. Второй переводчик не применял изобретательности, употребляя пару *въздоухъ — еѳ҃ірь*, хотя и для него a\iy)hr не всегда *еѳ҃ірь: ѿ҃ топлоты* ЛМ24 об/17, *ѿпалѧѥмомь* ЛМ24 об/28, *на въздоушіи вътр* ЛМ26 об/27, *въ трⷭ҃сновеньшь възд҃8шніих* ЛМ193/30 (*В ѡблистаньѣ*), *горніи възд҃оухь* ЛМ191 об/21 (В *блескъ*). Насколько можно судить по материалу, переводчик Л ближе к естественно-научной терминологии древнеславянского литературного языка, чем переводчик В, который в отношении этой пары выпадает из традиции. Приходится думать, что он не читал, например, «Шестоднева» Иоанна Экзарха[30], хотя безусловно был знаком с книгой Бытия.

Буквальный перевод и связанные с ним процессы

В предыдущем разделе мы коснулись процессов в сфере «правильной» лексики — имеющейся в словарях, эквивалентной единицам исходного языка (ИЯ). Для наших целей едва ли не больший интерес

представляют явления, возникающие в местах нарушения эквивалентности: буквальный перевод и ошибки перевода.

Буквальный перевод в теории перевода — это передача единицы ИЯ единицей (или цепочкой единиц) более низкого языкового уровня[31] — встречается и в современной практике как показатель переводческих затруднений. В средневековье он был обусловлен самим принципом отношения к слову и тексту. На уровне слова и синтаксической конструкции он характерен для Временника; Летовник еще более строг в буквализме, отражая более тщательно и порядок слов. Лексемы, возникшие из-за снижения уровня слова исходного языка — это транслитерации (шире: транскрипции), поморфемные и семантические кальки с их разновидностями.

Транслитерации (транскрипции) используются в В и Л для передачи терминов и собственных наименований как таковых, а также кажущихся переводчику таковыми. Так как наша цель — через лексику понять переводчика, то в транслитерированных словах важно различить грецизмы, усвоенные языком до перевода, и грецизмы, инициированные переводчиком, в том числе и ошибочные, возникшие по недоразумению. Иногда различению способствует оформление слова: *подъроумиѥ* И40/1 и 3, *подърюмиѥ* И339/12 в соот. с +ippik)on (вин.) Б21/20, Б500/4 и +ippodr)omion (вин.) Б 21/22 — обкаталось в разговорной среде и даже несет признаки народной этимологии: первая основа превратилась в приставку, остаток второй дал новую «основу». *Подъроумиѥ* — не транслитерация переводчика, а перевод известным ему словом, тем более, что так переводится и адъект. сущ. +ippik)oq, вобравшее в себя семантику основы -drom. Во всех списках второй редакции Временника (к И304/12) исправление: *иподроумиѥ*. Таким образом, этот грецизм следует признать более ранним, чем время перевода ХГА, хотя в словаре Срезневского самые ранние примеры как раз из ХГА. В Летовнике в параллель И40 грецизм с огласовкой, более близкой к греческому: *ипподромиѥ* ЛМ7, а в параллель И399 описательное выражение: *кон'ско ристаниѥ* ЛВ5аа. Склонность к использованию при переводе синонимических средств в XIV в. не исчезла.

На счет дублетности можно отнести окказионализм Летовника *патралиѥ*. ЛМ26об/8. В параллельном месте в переводе XI в. точный перевод-калька *вчегоубитель* И68/10 — элементы пары разнесены во времени.

Термин грецизм с глоссой переводом — красноречивый показатель грамотного подхода к терминологии:

Ко ka(i =h +upapant(h œlaben \arc(hn =eort)azesyai Б627/8

В *иппонтиѣ рекше оусрѣтеньє притать начало празноватисѧ* И411/21
Л *и всякоє приѥть начело призновати* ЛВ69а25

Переводчик XIV в. в этом месте утратил внимание; перераспределив морфемы в =up–ap–ant)h, он увидел =ap)anth или p)anth «всякая» жен. р.

Уж не утратился ли этот богослужебный термин-грецизм к XIV в.?

Транслитерации, появившиеся в переводах ХГА в связи с ошибочным пониманием, находим в основном там, где существительные нарицательные приняты за имена собственные.

В обоих переводах имеют место перехлесты границы между собственными и нарицательными именами: нарицательные транслитерируются и приобретают статус собственных, собственные переводятся как если бы это были родовые понятия. В доказательство плохого качества перевода во Временнике М. Вейнгарт приводит *ѿ ѥкмерѣѣ* (муж. р.!) И62/12 из \ek m(en = R)eaq Б61/22 «от Реи». Однако и в Летовнике множество подобных имен-недоразумений, которые далее и перечисляются М. Вейнгартом в списке расхождений с греческим[33]. Дело здесь не в невежестве переводчиков и не в отсутствии переводческого мастерства. Перехлесты границы между собственными и нарицательными именами в ту и другую сторону, как бы колеблющие информационную основу Хроники, прибавляющие к ней мифического элемента,— это свидетельство особого видения мира, подхода к фактам книги (и жизни), направления умственных интересов. В полувымышленном, полуисторическом мире этой византийской компиляции нет строгих границ между фактом и вымыслом, и наши переводчики не выходят за его пределы. Они то дополняют его вымышленным предметом, то лишают греческого звучания какую-нибудь географическую реалию или предмет, перетягивая внимание на содержание названия.

Темное пророчество Юлиану Отступнику о том, что он получит победу у Зверя-реки par(a yhr)i potam#^w Б544/14 — так называется река Тигр в цитируемой здесь «Церковной истории» Феодорита 3.21,— оба переводчика восприняли буквально: В *пр҃і р҃е Рифинии* И362/26 с метатезой слогов, Л *при θірсцѣи рѣцѣ* ЛВ22аа/3. Магический смысл пророчества усилен, так как оно стало еще более непонятным. Во Временнике далее следует, что победу принесет «неистовый, воинственно-шумный Арес», античные эпитеты[34] которого тоже переведены в план непонятного. Первый эпитет транслитерирован: yo^uroq = *Фюрвеѡмъ ѡбратитель Арии* И362/27. В обоих переводах много случаев утраты исходно-

го содержания из-за смещения границы между собственным и нарицательным именем. В XIV в. переводчика вполне удовлетворяло представление о ереси четыренадесятников (квартодециман) как о ереси кратинской: *и Саватиѥ, иже ересемъ четверътоу и деⷭ҇ѧтоую кратинскоую знаѥмъ бѣше* ЛМ207/об.28. Кратинскую — это причастие krat)unaq «укрепивший» Б477/9, с утратой которого в переводе утратилась синтаксическая конструкция. В свете такого перевода можно высоко оценить усилия переводчика XI в., допустившего здесь меньшую погрешность: *и саватии нижересъ* (вар. *ижересъ* и др.) *четыренадесѧтныхъ владѣвъ познанъ бы҃* И326/24 — он заменил мысль об укреплении ереси Савватием на мысль о владении ею, сблизив прич. krat)unaq (от krat)unw) с однокоренным krat)ew.

Собственное имя переводится в том случае, когда по логике рассказа нужно активизировать его внутреннюю форму. Так можно понять перевод названия города P)etra, упоминаемого как место ссылки некоего обманщика. Он был сослан: e\iq t(hn P)etran Б622/17, В: *въ градъ, глемыи Каменъ* И409/6, Л: *на Каменъ* ЛВ68аа/20[35]. Активизация смысла названия здесь несет художественную нагрузку, подчеркивает суровость наказания. Чисто информационная функция названия нивелируется. На первый план выступает суровость места, как в случае с платоновским Кокитом, Пирифлегетонтом и Тартаром («Федон» 112а, 113в, с). Грешники должны содрогнуться, представив себе чувственно те ужасы, на которые указывают сами названия рек у Платона:

Ко: \en t^#w Kwkut^#w ka(i \en t^#w Purifleg)eyonti ka(i \en t^#w Tart)ar^#w, =)atin)a e\isin \en t^#w t^hq g^hq b)ayei Б438/16

В: *въ плачь и в гнь полающь и в нижнѣѥ мѣсто иже въ глоубинѣ соуть земьстѣи* И301/18.

Л: *моучетсе в кѫкутѣ сиирѣчь в плачевнѣи рѣцѣ и в Тартарѣ ѩже соуть в земельнѣи глыбинѣ* ЛМ191/23[36].

Стремление к осмыслению названий заставило обоих переводчиков дать перевод названий островов Тера и Терасия. В: *межю Ловитва* и *Ловца* И227/9, Л: *межⷪу Ловлениѧ* и *Ловытвыи* ЛМ134об/19. Так славянский текст Хроники приобретает глубину: переводчик перенес на славянскую почву этимологический фон индивидуального имени, который каждый грек видел в греческом тексте. Перевод собственных имен служит одним из доказательств того, что переводчик XI в. не был греком.

Итак, важнее названия оказывается стоящий за ним смысл, важнее информации — переживание. Книжник нового времени интересуется, где расположены поименованные острова, средневековому интересно, что означают их названия.

Разнонаправленные тенденции к транслитерированию и к переводу сосуществуют в пределах обоих памятников; тот и другой прием нередко оказываются рядом. Нередко Л обнаруживает даже меньше последовательности, чем В. Пример. В: *псиѥглавци и змiиноглавци и wслиѥглавци, … wвноглавци… Псыни и Харивъдиѫ Ипокентавръ* И 61/11. В Летовнике в соответствии с *wвноглавци* полуперевод: *криѫглавци*, в соответствии с *Ипокентавръ* полуперевод с ошибкой: *конь тавръскы* ЛМ 21 об.

Буквальный перевод на уровне морфем представлен во Временнике обширнейшим пластом калек, которые выглядят как порожденные в В и в нем же «покончившие свое существование», по выражению В. М. Истрина. Обнаружение раритета в другом памятнике меняет дело. Второй перевод ХГА как будто специально создан для свидетельствования того, что неприжившиеся, умершие кальки в течение целых столетий были живыми.

Наречие-калька *посрѣди вносим* для m)esoq fer)omenoq Б457/9, зд. «беспристрастно» выглядит смелой и красивой, неожиданно обнажая сущность того чувства, которое в современном русском языке называется словом *беспристрастный*. В: *изречена быша посрѣди же многашды вносим бл҃тьна исповѣданиѫ* И312/26. Это об Оригене, который о животных рассказывает беспристрастно (m)esoq fer)omenoq) приятные рассказы. Выражение *посрѣди вносимъ* в этом значении не удержалось в русском языке, оно не отмечено в словарях церковнославянского и древнерусского языков, и его появление в В имело бы чисто музейную ценность, если бы оно не повторилось в Л: *реч҃но бысть въ срѣдоу принес многащи сповѣданиѫ дѣлѫ* ЛМ200/1. Итак, приходится признать, что кажущееся красивое изобретение не принадлежит ни переводчику В, ни переводчику Л. Тексты обоих переводов случайно высветили лексику своего времени — представление в слове живой этимологии греческого выражения.

Подобным образом перевод \ek diam)etrou Б444/3, Б471/9 и \ap(o diam)etrou Б585/2 «напротив» кальками В *размѣривше* И387/22 (имя заменено глаголом), *бещислно* И322/22 (неучет приставки), *излише*

И305/1 (свободный перевод на базе буквального значения) можно было бы считать изобретением раннего переводчика, не пошедшим далее его перевода, если бы не появление в параллельных местах в Л: *чрѣсь мѣроу* ЛВ38в/24, *от безмѣріа* ЛМ193об/23, ЛМ205/15. Как видно, в В больше вариантов, Л более строг в технике калькирования, но что до лексики, то оба переводчика берут готовую лексику, жизнь которой постоянно поддерживалась знанием соответствующих греческих слов.

Уход от смысла греческого слова

Изучение отклонений от того, что так или иначе признается нормальным, является мощным методологическим приемом изучения нормы. Смысловые отклонения в переводном средневековом тексте более, чем адекватно переданные места, сигнализируют о различных, пока разрозненных деталях культурно-исторической ауры средневекового переводчика.

Остановимся на смысловых отклонениях, возникших заведомо в процессе перевода, исключив из рассмотрения возникшие по причине вариативности и порчи как греческого, так и славянского текста; исключим также свободные замены.

Если за смещением смысла лежит подмена единиц языка-отправителя в сознании переводчика, то это можно рассматривать с точки зрения психологических механизмов, лежащих за смещением, и, соответственно, классифицировать в зависимости от того, в каком месте речевого механизма произошла подмена, произошло нарушение «шва»[37]. Итак, в смещении смысла задействованы две единицы ИЯ: текстовая Е и «воображаемая» $\widetilde{\text{Е}}$. Замена при переводе одной на другую происходит на различной глубине языковых знаний переводчика. Наиболее простые ситуации: увидеть за Е графически (акустически) равное ему $\widetilde{\text{Е}}$ — это смешение омографов (омофонов); увидеть $\widetilde{\text{Е}}$, графически (акустически) похожее на Е — это смешение похожих слов; разбить текстовую последовательность в соответствии с $\widetilde{\text{Е}}$ — это смешение двух разбиений, одна из которых включает Е, другая — $\widetilde{\text{Е}}$. В этих трех случаях текстовая и «воображаемая» греческие единицы конкурируют — для переводчика — на уровне поверхностного слова.

Иной интеллектуальной работы требует распознавание глагольной формы, идентификация глагольной парадигмы. Здесь смысловой сдвиг происходит оттого, что текстовую глагольную форму Е перевод-

чик вводит в «воображаемую» парадигму, при этом, может быть и не создает «воображаемой» поверхностной единицы $\widetilde{\text{E}}$. Это сбой в механизме глагольного формообразования. С ним сходен сбой в механизме этимологического и, шире, словообразовательного анализа, когда поверхностное слово E сводится к «воображаемому» корню (основе).

Еще более тонкие механизмы языкового мышления участвуют в выборе значения многозначного слова. Здесь конкурируют для переводчика не поверхностные E и $\widetilde{\text{E}}$, не две материальные парадигмы, а нечто неосязаемое: в переводе отражается глубинный, смысловой представитель слова.

Присмотримся к сравнительному материалу с заданной целью — насколько можно войти в кожу средневекового книжника, приблизиться к пониманию переводимого слова. При этом будем обращать внимание на степень разрушения исходного содержания и исходной конструкции. Интересно, что заменитель E, как правило, оказывается по смыслу уместным, по крайней мере в малом контексте, ошибка не бросается в глаза, хотя есть и случаи, которые приходится называть собственно ошибками перевода, поскольку не удается доказать их контекстную пригодность.

Феномен греческих омофонов, возникших вследствие итацизма и других фонетических процессов, рассматривается в лингвистической литературе в связи с ошибками древнеславянских переводов различных периодов и попытками установить, кто ответственен за смещение смысла от ken)oq к kain)oq, от m)usoq к m^isoq и т. д.: редактор/переписчик греческой рукописи или переводчик[38]. Что касается греческих списков ХГА, то напомним, что все они очень близки между собой графически и орфографически, то есть обладают примерно одинаковым качеством по линии описок, ошибок и замен букв. Следовательно, можно предположить, что протограф первого перевода был примерно такого же качества, то есть содержал примерно столько же описок, ошибок и сознательных замен букв. Представляется маловероятным, чтобы подарочный, лицевой экземпляр был существенно хуже, чем не дожившие до нас более поздние. Далее. В реальных греческих списках по данным де Боора, варьируют не более десятка определенных лексем, причем между вариантами обнаруживается смысловая связь по типу паронимической аттракции. Но в В находим результаты смешения не менее двух десятков греческих омофонов, среди которых есть и художественные удачи, и неудачи перевода. На фоне этих общих данных представляет интерес пример единодушия переводчиков

В и Л в смешении омофонов, не смешивающихся (если верить де Бооpу) в написании в греческих списках ХГА.

Благодаря подмене =ik)ethq «проситель» на o\ik)ethq «раб» в обоих переводах исказилась одна деталь в знаменитой легенде о переписке Эдесского авгаря с Христом (по «Церковной истории» Евсевия, 1, 13):

Ко: =ik)ethq Cristo^u di(a grammathf)orou g)inetai \axi^wn t^hq n)osou l)usin eÛrasyai Б320/15

В: *рабъ Хв҃ъ грамотоносець* (S *сїе*) *бы҃, моляся ѿ недоуга разрѣшенїѥ wбрѣсти* И222/26

Л: *рабь Хоу писанїѥмь бываѥть, моле, врѣда оулоучити пременениѥ* ЛМ131об/15.

Итак, на месте «(Авгарь) *просителем* Христа через письмоносца стал, считая, что…» — в переводе В «рабом Христа *был*, в письме прося». Стержнем переосмысления места и, соответственно, изменения конструкции является =ik)ethq / o\ik)ethq. Очень может быть, что на подмену оказало давление клишированное выражение «раб Христов», которое могло повлиять и на переводчика, и на книжника-византийца. Однако есть одна тонкость, позволяющая подозревать переводчика. Человек является рабом Бога и в Ветхом, и в Новом Завете, но разница состоит в том, что в Ветхом Завете (по Септуагинте) и в раннехристианской литературе раб ветхозаветного Бога называется словом o\ik)ethq, синонимом pa^iq. В отношении же христиан, начиная с Нового Завета, употребляется другое слово: do^uloq. Различие утрачено в славянском переводе библии, где и o\ik)etai / pa^ideq Яхве и do^uloi Христа одинаково *рабы*. Не есть ли это доказательство того, что клише «раб Христов» оказало давление не на византийского переписчика, а на славянских переводчиков?

Вот смешение близко звучащих греческих слов в обоих переводах:

Ко: ka(i to^uto ‡sasin o‰ ka(i t(hn tuco^usan diane^imai proset)acyhsan o\us)ian \adelfo^iq te ka(i klhron)omoiq Б145/10

В: *и се равно створи* (S *творити и*) *соущеѥ раздѣлити батьство брати же и наслѣдникомь повелѣно быста* И113/2.

Л: *и зравнениа дѣла конѥмоуж҃до ѿдати честь дш҃аніа братіи и наслѣдникомь* ЛМ60/5

Идея уравнивания заменила идею знания Иоанна Златоуста («К Стагирию», 3): «и это *знают* и (те), доставшееся разделить кому приказано имущество (между) братьями и наследниками: и недовольство для тех и других, и неприятности». Оба переводчика берут «воображаемое» ‡sase(n) аор. 3 ед. от \is)azw «делать равным» вместо текстового ‡sasi(n) перф.=наст. 3 мн. от o da «знать», влекомые, как можно думать, темой дележа имущества, что легче ассоциируется с делением поровну. Равноценны ли здесь предположения о месте смешения ‡sasi(n) / ‡sase(n)? Перейти от неинтересного ‡sasin к волнующей идее справедливого дележа имущества с ‡sasen мог и любой греческий переписчик, то есть можно предположить, что наши переводчики имели дело уже с ‡sasen. Однако следует помнить, что в рукописях ХГА не смешиваются йота и эпсион и что с заменой перф. 3 мн. → аор. 3 ед. разрушилось бы грамматическое согласование, чего, в общем, по разночтениям де Боора не наблюдается. С другой стороны, в Л отмечено не менее четырех случаев смешения этих слов[39], что невозможно отнести на счет упорного заблуждения переводчика. Таким образом, есть аргументы и за текстовое и за «воображаемое» ‡sasen — за порчу в греческом и за ошибку обоих переводчиков. По деталям (далеко не исчерпанным) анализа этого примера видно, что вопрос не может быть закрыт предположением о греческой порче. Следует принять во внимание и то, что инфинитив в списках второй редакции В, как и именная форма Л, далеки от глагольной формы аориста или перфекта.

Ошибки в определении глагольной парадигмы очень часты в В и значительно реже наблюдаются в Л. Одна из вероятных причин нарушения в механизме распознавания глагольной парадигмы — недостаточное знание уникальных глагольных парадигм греческого глагола, которые в византийскую эпоху затрудняли и книжников-греков. Именно поэтому в конце XII века, при Анне Комниной, для повышения грамотности была введена так называемая схедография[40], пришедшая вскоре и на Русь[41]. Таким образом, переводчик В не учился по схедографии, в то время как грамотность болгарского книжника XIV в., по-видимому, была иной, хотя и он не всегда уходил от непроизвольной подмены парадигмы.

Ложные этимологии — один из способов появления новых слов[42] и новых употреблений имеющихся слов, и для исторической лексикографии интересно, как широко этот способ использовался в эпоху ме-

жду XI и XIV вв. Ложные этимологии Временника начинают дышать новой жизнью, будучи поддержаны поздним переводом.

И се бы̑ житиємъ въ дѣло И62/2 — так выглядит в В начало 21 стиха 14 главы книги Премудрости Соломона в пространном извлечении из Афанасия Александрийского («Слово на язычников»,11). Афанасий, а вслед за ним и Амартол в этой цитате строго следуют тексту Септуагинты: ka(i to^uto g)egone t^#w b)i#w e\iq œnedron Прем 14.21. Перевод *въ дѣло* далек от e\iq œnedron Б61/10 «в засаду», «в ловушку» (от ›dra «сидение»), зато наводит на мысль о dr)ow «действовать» с его формами и проводными, очень похожими на œnedron. Автор смешения — переводчик, хотя и не совсем понятно, какой круг значений развивается у слова *дѣло* в контексте данной библейской цитаты. В Острожской библии[43] здесь адекватное Септуагинте *лаганиѥ*. Перевод этого места в Л: *и бысть житиѥм въ потрѣбоу* ЛМ 22/17 также связан с набором значений dr)ow (а не œnedron, ›dra), смещающим смысл выражения в тот же ряд, что и В.

Оба выражения: В *въ дѣло*, Л *въ потрѣбоу* обнаруживают сходство в восприятии этого места обоими переводчиками, близость их переводческих логик. Предложное сочетание Временника *въ дѣло* становится понятнее, начинает смотреться в одном ряду с таким современным выражением, как «пустить в дело», близкое к «сделать полезным» (ср. t(o dr^an[44] «услуга» от dr)aw «действовать»). И *дѣло*, и *потрѣба* начинают звучать логично в контексте библейской цитаты и рассуждения Афанасия, хотя и со смещением в оценочном плане: научившись обожествлять предметы путем их изображения, люди стали обращать это умение себе *на пользу* в критические моменты жизни. Отрицательные коннотации «соблазна» в переводе отсутствуют. Это один из многочисленных примеров того, что через ХГА по воле переводчиков поступала в славянский мир видоизмененная библейская мысль, в чем оказываются согласны два книжника, разделенные временем и пространством.

Смысловые смещения, обусловленные выбором «не того» значения многозначного греческого слова, широко представлены как в одном, так и в другом переводе. Отмечены их различные разновидности в зависимости от соотношения в греческом слове его значений: употребленного в тексте — выбранного переводчиком. Если употреблено производное, а выбрано исходное — это так называемая семантическая калька, и мы вправе предполагать, что за ней стоит (для переводчика)

вся цепочка значений греческого слова: от исходного до переносного, от выбранного до текстового.

Если выбрано производное значение, например a\uy)entai Б15619 → *гъıє* И119/14 вместо нужного «убийцы»[45]; pt^wma Б548/10 → *троупъ* И365/3 вместо «падение», то это какая-то калька наоборот, антикалька, и предположение, что переводчик охватил выбранным словом и текстовое, первичное («более» первичное) значение греческого слова, требует доказательства, особенно если логика перехода от первичного (текстового) значения к производному (выбранному) чужда славянским моделям развития значений в слове.

Ключевое понятие учения Демокрита о неделимых частицах, лежащих в основании мироздания, передано словом Ôgkoq («неделимый»), которое развивало значения по двум линиям; по одной линии от «куча, масса», через «величина», «тело» получилось значение «атом»; по второй от «масса», «ноша», «тяжесть» пришло к «весомость» и «гордость»[47]. Оба переводчика вместо контекстно адекватного первичного «неделимые» выбрали значение, соотнесенное с человеческим чувством, что дало, на современный взгляд, нелепый результат:

Ко: o=i d(e ¥toma ka(i \amer^h s)wmata ka(i Ôgkouq ka(i p)orouq sun)ecein f)usin t(hn =orat(hn \efant)asyhsan Б43/1;

В: *ѡвı же непрѣкома и неврѣстьныıа телеса и гордѣние шествıа сдержатı ѥстьствьнѣ видима измечташасѧ* И52/22;

Л: *тьи каажение непрıємлема и бесъмрътнаа тѣлеса и прѣзорьства и недовѣдомаа ѡбъдрьжати ѥ^ство видимихъ прѣлъстишесе* ЛМ15.

Посмотрим на выбор переводчика сквозь призму греческого слова. Вот Феодорит обсуждает пророчество из Пс. 45.10: «Отнимая брани до конца земли»; желающих убедиться в исполнении пророчества он призывает посмотреть «на прекращение (t(hn pa^ulan Б298/7) войны против церкви». В переводе XI в.: *на цркꙑь брани ѡслабленıє* И208/14 — выбрано производное значение сущ. pa^ula «ослабление» («успокоение», «отдохновение») вместо первичного «прекращение». В Летовнике то же самое: *на цркꙑь бранноє утишенıє* ЛМ121об/16. Единодушие это не случайное, оно свидетельствует о сходстве переводческих принципов: на выбор слова влияло не размышление над наилучшим контекстным эквивалентом, а установка на равноценность всех значений данного греческого слова[46], как бы выбор наудачу.

Вряд ли существует более убедительное доказательство этого, чем глосса во Временнике: *ихъже и мы оустремлениѥ или множьство нарицаѥмъ* И 212/7. Славянские *оустремлениѥ* и *множьство* не имеют ни одной общей семы; это греческий путь переноса значений: \embol)h (от \emb)allw) значит букв. «вбрасывание», из которого развилось «вставление» («лишнего»), а далее — перенос на агрессивную деятельность человека: «вторжение, нападение», «удар» и проч. Переводчик приравнял два из значений \embol)h, причем более далекое назвал первым, а значение, адекватное контексту, выразил опять же произвольно: не «вставление лишнего», а просто «лишнее»: *множьство*. В Летовнике здесь скучное правильное *въходи* ЛМ124/19.

После урока с устремлением — множеством становится понятно, что для средневекового переводчика были живыми и более сложные соотношения между значениями греческого слова. В ряде случаев можно предположить и причину, повлиявшую на выбор «не того» значения.

Как видно, в обоих переводах термины для элементов мира переданы с сильным смысловым смещением. Оба переводчика (по-разному) не поняли \amer^h (от m)eroq «часть») и оба одинаково увидели в Ôgkouq вин. мн. неуместное в этом контексте значение. Это место из «Шестоднева» Василия Великого, гл. 1, в котором материалистическое учение античности приводится для доказательства его внутренней противоречивости, как недостойное обсуждения. Строго держась текста, оба переводчика допустили смещение в сторону отрицательной оценки, предпочли подчеркнуть надменность язычников, не озаботившись смысловой противоречивостью полученного. Христианин-славянин в XIV в. так же усиливает отрицательные оценки как и христианин-славянин в начальную пору распространения христианства на Руси. На выбор значения повлияли страсти. Подобное единодушие примиряет современного читателя с темными местами средневековых переводов: в них можно разобраться, если обращать внимание на точки смысловых сгущений, на слова, не задерживаясь на тех местах, где не все клеится по законам логики синтаксиса.

Когда значение текстовое и значение выбранное соотносятся как принадлежащие к разным историческим эпохам греческого языка, как классическое и византийское, то психологические основания выбора более очевидны: книжное значение отступает в тень, на первый план

выдвигается хорошо известное — из разговорного языка, современного переводчику.

Предположение о том, что переводчик XI в. владел живым разговорным греческим языком своего времени, С. Франклин[48] основывает на материале омофонов. Свидетельства перевода многозначных слов подтверждают это предположение. В качестве такого свидетельства особенно ценны совпадения в раннем и позднем переводе.

Таков перевод слова suntuc)ia поздним значением «беседа» вместо употребленного в тексте классического «случайность»: «Бог позаботился, говорит Златоуст (в Толковании на Псалом 135), прежде всего о том, чтобы знамения Его были приписаны по естественному порядку вещей или *случайности* (suntuc)iaq Б118/14), но высшему мановению». Перевод XI в.: *тако да не ѥстьствьною коѭю послѣдьствиѥмь ли бесѣдою* И96/5. Слово suntuc)ia есть во всех доступных словарях, так что смещение в сторону византийского значения здесь хорошо видно: в классическом языке только «случай»[49], в языке патристики «случай» и «беседа»[50], в разговорном языке римского и византийского периода отмечено только «беседа»[51], в новогреческом — «случай» и «болтовня».

Итак, славянские книжники давали слабину в сторону разговорного греческого языка своего времени и в X-м, и в XIV-м веке, следовательно, хорошо знали его и практически использовали. Не надо было быть греком, чтобы говорить по-гречески в обстановке, сложившейся в Киеве к 1037 году, когда в церковно-духовной среде преобладали греки[52]. Обращает на себя внимание не само знание разговорного языка, а хорошее знание, что отличает обоих переводчиков как высокообразованных людей[53].

Выбор «не того» значения многозначного греческого слова, как и прочие типы смысловых смещений, сказывается на всех уровнях информативности текста, начиная от едва различимых искажений удачных замен и венчаясь потерей (только для людей нового времени?) вершинного смысла всей Хроники, содержащейся в Предисловии, где автор обещает довести свой труд до Ко ›wq to^u teleuta)iou Mica(hl u=io^u Yeof)ilou Б4/21 «до последнего (царя) Михаила, сына Феофила». В переводе: Тр *до оумертвита михаила сна фефила* И29/26. На эту важную ошибку перевода обращали внимание многие исследователи[57], не анализируя ее. С позиций средневекового переводчика ошибки здесь

нет; одним славянским словом он обозначил все многообразие значений греческого слова. Для прил. teleuta^ioq словари отмечают только «последний», но производящее сущ. teleut)h (и соответствующий глагол) имеет ряд первичных значений «конец» — «завершение» (отсюда «последний») и производное метафорическое «кончина, конец» в переносе на жизнь человека — такая метафора есть в русском языке. Переводчик увидел метафорическое значение и в прилагательном, приняв его за существительное, и употребил не кальку *коньчина* или *конець*, а синоним *оумертвиѥ*, скрывший весь предположенный нами путь.

Замена «завершения» на «умертвие» в другом месте оправдана (для нас) высоким художественным эффектом обратного переноса: *и та всѧ съ всемь истовьѥмь доже до ѥдиного дне прежерѣ̑на быша Даниломь, и когда боудеть и како и кымь и кымь ѡбразомь и кде оумреть, и котороѥ прииметь възвращениѥ* И281/12 из Ко teleut)hsei Б408/3 «окончится».

Одним из главных результатов сопоставления В и Л мы считаем доказательство единства их языка и переводческих принципов, а также то, что в освещении позднего перевода получает новую (высокую) оценку качество перевода XI в.

* * *

В статье использованы материалы из подготовленного совместно с Л. И. Щеголевой словаря-комментария к переводу XI века.

Примечания

[1] См.: Подобедова О. И. Отражение византийских иллюстрированных хроник в Тверском (Троицком) списке Хроники Георгия Амартола // Actes de XIV-e Congrès International des Etudes Byzantines. Bucarest. Ed. Acad. Rep. Soc. România. 1974. S. 374.

[2] Истрин В. М. Книгы временныа и ѡбразныа геѡргиа мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. I. Пг., 1920. Т. II. 1922. Т. III. Л., 1930. Переизд.: Die Chronik des Georgios Hamartolos. Nachdr. von Bds. I—III (1920, 1922, 1930) der V. M. Istrin. München, 1972. Текст Тр обрывается на 553 годе (И412), далее перевод издан по списку Ундольского (Унд) XV в.

[3] Истрин В. М. Книгы временьныя… Т. II. С. 312.

[4] Истрин В. М. Книгы временьныя… Т. II. С. 416—428.

[5] См. прежде всего статью О. В. Творогова в Словаре книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. IX в.— первая половина XIV в. Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1987. С. 467—470. Е. Г. Водолазкину принадлежит уточнение к атрибуции списка ГПБ из Кирилло-Белозерского собр. № 7/1084: это единственный отдельный список хронографической (по В. М. Истрину, первой) редакции. См.: Водолазкин Е. Г. Хроника Амартола в древнерусской литературе. АКД. Л., 1990. С. 7—8. Он же. Хроника Амартола в новонайденных списках // ТОДРЛ. Спб, 1992. Т. 45. С. 322—332.

[6] Weingart Miloš, Dr. Prof. Byzantské Kroniky v literatuře cirkevněslovanské. Časť II. Od. 1. Kronika mnicha Georgia Hamartola. V Bratislavě. 1923. L. 145—146.

[7] Weingart M. Byzantské kroniky… L. 161, 168, 275, 279.

[8] Лѣтовникь съкращень ѿ различніих лѣтописьць же и повѣдателіи избрань и съставлень отъ Георгіа грѣшнаа инока. Изд. Общества любителей древней письменности. № 26 и 56. Вып. 1—2. СПб., 1878, 1880. ОЛДП. № 69. Вып. 3. 1881.

[9] Weingart M. Byzantské kroniky… L. 312 сл.

[10] Хронограф Георгия Амартола: Греческий подлинник, приготовленный к изданию Э. Г. фон-Муральтом // Зап. имп. АН. Кн. VI. 1861.

[11] Georgii monachi Chronicon, ed. Carolus de Boor. Leipzig. 1904. Vol. I—II. Переизд.: Georgii monachi Chronicon, ed. Carolus de Boor Ed. stereotypa ed. anni 1904. Corr. cur. Peter Wirth. 2 Bde. Stuttgart; Teubner. 1978. 2 Bde.

[12] Weingart M. Byzantské kroniky… L. 312, 317.

[13] Истрин В. М. Книгы временьныя… Т. 11. С. 128.

[14] Weingart M. Byzantské kroniky… L. 168.

[15] Истрин В. М. Книгы временьныя… Т. II. С. 268—309.

[16] Bräuer H. Zur Frage der altrussischen Übersetzungsliteratur (Der Wert syntaktischer Beobachtungen für die Bestimmung der altrussischen Übersetzungsliteratur). Heidelberg, Univ.-Verlag, 1958. 26 S. Он же. Значение синтаксических наблюдений для определения оригиналов древнерусской переводной литературы // IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. М., 1962. Т. II. С. 248—450. (Полемика Р. А. Мещерского с Х. Бройером там же. С. 261—262). См. также: Мещерский Н. А. О синтаксисе древних славяно-русских переводных произведений // Теория и практика перевода. Л., 1962. С. 98—101. Мещерский Н. А. Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы XI—XV вв. // ТОДРЛ. XX. М.; Л., 1964. С. 180—231.

[17] Франклин С. К вопросу о времени и месте перевода Хроники Георгия Амартола на славянский язык // ТОДРЛ. XLI. Л.: Наука Лен. отд., 1989. С. 324—330.

[18] Калиганов И. И. Историко-литературные проблемы южнославянского влияния на Руси // Славянские литературы. X Международный съезд славистов. София, сент. 1988. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1988. С. 51—66.

[19] Голубинский Е. Е. История русской церкви. СПб., 1989. Т. 1. Ч. 1. С. 599 и сл.

[20] Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVIII вв. Эпохи и стили. Л., 1973. С. 24.

[21] Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 491—492, 575—576.

[22] Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. М.: Наука, 1977. С. 54, 286.

[23] Этому посвящена упомянутая выше монография Р. М. Цейтлин. См. также: Алексеев А. А. Кирилло-мефодиевское переводческое наследие и его исторические судьбы (Переводы св. Писания в славянской письменности). История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X Международный съезд славистов. София, сент. 1988 г. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1988. С. 133.

[24] Weingart M. Byzantské kroniky… L. 90.

[25] Цейтлин Р. М. Лексика… С. 62.

[26] В семантической теории «Смысл ⇔ Текст» А. К. Жолковского, И. А. Мельчука, Ю. Д. Апресяна синонимы типа *праздьна творѧи* ⇔ *оупразднѣѥ* получают формальное описание средствами аппарата лексических функций (ЛФ) и правил синонимических преобразований. См., например: Апресян Ю. Д. Логическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. Гл. 1, 7 и др. места.

[27] Древнегреческо-русский словарь. Сост. И. Х. Дворецкий. Т. I—II. М., 1958. С. 41 и 49.

[28] Л. И. Щеголева (устное сообщение) считает, что со словом *аѥръ* связаны отрицательные коннотации, *дъжь* окрашено положительно, а *въздоухъ* употребляется в основном нейтрально. Однако детальное исследование контекстной обусловленности употреблений грецизм — перевод пока что не проводилось.

[29] Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Т. 1. СПб., 1904—1907. С. 5.

[30] У Иоанна Экзарха употреблена пара въздоухъ — ефирь (насколько можно судить по русскому списку XV в. См.: Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского как памятник средневекового философствования. М. АН СССР. Ин-т философии, Ин-т русского языка. 1991. С. 35.

[31] Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. С. 186—187.

[32] Weingart M. Byzantské kroniky… L. 77—78. См. также: Истрин В. М. Книгы временьныя… Т. II. С. 159.

[33] Weingart M. Byzantské kroniky… L. 370 и сл.

[34] Эпитет yo^uroq отнесен к Аресу в «Илиаде» Гомера, эпитет polem)oklonoq — в Batrachomyomachia («Война лягушек с мышами»).

[35] Греч. p)etroq в свою очередь является калькой арамейского *кефа* «скала». Имя апостола Петра активизируется в Евангелии: «Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам церковь Мою». Мф. 16. 18.

[36] Глоссы не являются отличительной чертой В, наличествуя в большом количестве и в Л. В части византийской истории М. Вейнгартом отмечено более трех десятков глосс. Среди глосс — и переводы греческих слов, и толкования понятий, названных уже славянскими словами. Таким образом, мнение В. М. Истрина о роли глосс в В для доказательства восточнославянского, неболгарского происхождения В (см. т. II. С. 288) оказывается поколебленным.

[37] Леонтьев А. А. Психолингвистика. Л., 1967. С. 10.

[38] Упомянем в этой связи противоположные точки зрения двух авторов. А. А. Алексеев (на материале библейских текстов) склоняется к тому, что омофоны смешивались переводчиком при восприятии греческого текста на слух. См.: Алексеев А. А. К истории русской переводческой школы XIII в. // ТОДРЛ. XLI. Л. 1988. С. 154—196 и др. работы. И. Огрен (на материале Паренесиса Ефрема Сирина) склонна относить смешение омофонов на счет греческих рукописей, возражая А. А. Алексееву. См.: Огрен И. К проблеме использования печатных изданий греческих текстов при исследовании древних славянских переводов. Upsala, 1991. С. 77 и сл. Более детальное обсуждение и литературу см. в статье: Матвеенко В. А., Щеголева Л. И. Хроника Георгия Амартола для современного читателя // Полата къниговисьнаꙗ. Polata knigopisnaja. An information bulletin devoted to the study of early slavic books. Texts and literatures. Amsterdam. December 1995. № 27—28. S. 112—144 (об омофонах с. 132—134).

[39] Weingart M. Byzantské kroniky… L. 377, 423, 425.

[40] Голубинский Е. Е. Вопрос о заимствовании до-монгольскими русскими от греков так называемой сходографии, представлявшей собой высший курс грамотности. СПб. 1904.

[41] Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI—XVII вв.) München: Verlag Otto Sagner, 1987. С. 34.

[42] Успенский Б. А. История… С. 37.

[43] Библіа сирѣчь книги ветхаго и новаго завѣта по ꙗзыкѫ словенскѫ. Острог, 1581. Фототипическое переизд. М.; Л.: Слово-Арт, 1988.

[44] Из трагедии Софокла «Эдип в Колоне» (по словарю: А. Д. Вейсман. Греческо-русский словарь. Репринт V-го изд. 1899 г. М., 1991. С. 345).

[45] Об этом уже писала Л. И. Щеголева: Славянский перевод и византийский литературный текст // Герменевтика древнерусской литературы. Москва. Институт мировой литературы Академии Наук СССР. Вып. 1. 1989. С. 80.

[46] «Однако о полисемии древнего слова… можно говорить только относительно современных языковых систем; для древнего человека, например, латинское dominium с полисемическим значением *власть*, *владение*, *господство*, *собственность*, *суверенитет* — моносемично, ибо, с его точки зрения, „власть, владение, господство, собственность, суверенитет“ — просто одно и то же».— Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада. М.: Гл. ред-ция вост. лит-ры, 1990. С. 193.

[47] Древнегреческо-русский словарь. С. 1150.

[48] Франклин С. К вопросу… С. 329.

[49] Liddel H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Oxford. 1936. Vol. II. P. 1729.

[50] Lampe G. W. H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1952. P. 1343.

[51] Sophocles E. A. Greek Lexicon of the roman and byzantine Periods. New York: Charles Scribner's son's, 1900. P. 1056.

[52] Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. М.: Терра, 1993. Т. I. С. 165 сл.

[53] Есть и более ранний пример: в Словаре старославянского языка под ред. Р. М. Цейтлин и др. отмечено *бесѣда* в соответствии с e\utuc)ia («счастье») — это смысловой сбой того же порядка, что и в переводах ХГА, однако еще более изощренный: его автор соединил e\utuc)ia (для которого словари не отмечают значения «беседа») и suntuc)ia. Остается проблематичным, видели ли наши переводчики за словом *бесѣда* всю цепочку значений греч. suntuc)ia начиная от «случай» и «счастье».

[54] Георгий Амартол довел Хронику до 842 года — это год смерти императора Феофила и начала царствования Михаила III. По общему мнению исследователей, Георгий не дожил до смерти Михаила (867 г.). См.: Вейнгарт М. Указ. соч. С. 11—13 (со ссылкой на мнение Хирша и Шестакова С. В.). См. также: Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München. B. I—II. 1978. S. 342, 347—349.

Г. П. Мельников

Чешский рукописный сборник рубежа XVI—XVII вв. из собрания Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге

Итоги исследования

В Российской Национальной библиотеке в Санкт-Петербурге (ранее Государственная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде) с XIX века хранится больших размеров рукописная чешская книга (шифр: чеш. F.IV. № 2), содержащая ряд текстов, относящихся к чешской истории XV — начала XVII в. Больше половины рукописи занимает сочинение чешского гуманиста и активного деятеля сословной оппозиции XVI в. Сикста из Оттерсдорфа, известное в литературе как «Knihy památné r. 1547» — важнейший источник по сословному восстанию 1547 г. Рукописная книга довольно хорошо известна специалистам, однако ряд вопросов, связанных с ней, нуждается в уточнении. Предпринятое нами подробное исследование позволяет утверждать, что все тексты, содержащиеся в рукописи, так или иначе связаны между собой. Стержнем служит тема преследований Общины чешских братьев. Предварительно можно высказать утверждение, что книга возникла на рубеже XVI — XVII веков в среде чешской сословной оппозиции, связанной как с Общиной чешских братьев, так и с группой высшего дворянства Чехии — панами, покровительствовавшими чешским братьям.

Первое подробное археографическое описание рукописи дал в 1897 г. В. Флайшганс[1]. В наше время его повторил Й. Тржишка[2]. А. С. Мыльников в кратком описании чешских рукописей ГПБ упоминает данную книгу, однако невнимание к работе В. Флайшганса (автор почему-то решил, что у В. Флайшганса есть описания рукописей только на латинском и немецком языках) привело ко многим неточностям и ошибкам[3]. Есть некоторые погрешности и в моей вступительной статье к русскому изданию сочинения Сикста[4]. Серьезные уточнения сделал Я. Панек в обзоре богемистской литературы, хранящейся в библиотеках города, который вновь обрел свое настоящее имя — Санкт-Петербург[5].

Сначала подробно рассмотрим состав рукописного сборника, а также попытаемся обнаружить связи между различными текстами, его составляющими.

I. Без заглавия, прямо с первых слов начинается «Diarium» («Дневник») чешского сейма 1575 г., написанный Сикстом из Оттерсдорфа. Текст идентичен опубликованному в издании документов чешских сеймов[6]. Удивительно, что ни один из авторов, работавших с рукописью, не узнал этого довольно известного сочинения Сикста, использовавшегося в исторической литературе, касавшейся событий XVI в. Первым в печати определил это сочинение Я. Панек[7]. «Diarium» Сикста представляет собой подробную запись заседания сейма, включая тексты речей выступавших (очевидно, написанные Сикстом позднее на основе конспективных заметок с сеймовых заседаний). Сейм 1575 г. обсуждал важнейший внутриполитический вопрос — Чешскую конфессию, долженствовавшую установить равноправное положение всех конфессий в Чехии. Чешская конфессия была оппозиционным актом, поскольку решение вопросов, связанных с религией, предоставлялось не королю, а самим сословиям. Сикст из Оттерсдорфа был активным участником выработки конфессии. Он выступил на сейме от городского сословия, предложив составить документ на основе гуситских традиций, вошел в состав комиссии по выработке нового церковного уложения и других сеймовых органов и комиссий[8]. Итак, первый текст в сборнике — сочинение Сикста из Оттерсдорфа, посвященное описанию оппозиционного сейма 1575 г., имевшего целью выработать документ о веротерпимости.

II. Вторая часть сборника — «Inventář nový všech privilegii a obdarování stavův Kralovství Českého, kteréž se na zámku Karlstejně chovají». Это полный перечень грамот, давших привилегии чешским сословиям, с кратким изложением их содержания. Он начинается с грамоты короля Пршемысла Отакара I от 1212 г., далее следуют выписки из различных грамот без хронологической последовательности. Весь материал сгруппирован тематически, группы обозначены буквами латинского алфавита от A до O. Деление на группы — по государственно-территориальному признаку и адресатам. Каждая группа, кроме A, имеет свое название. Самая поздняя дата на грамотах — 1583 г. Следовательно, инвентарь составлен после 1583 г.

Включение инвентаря в сборник вызывает некоторое недоумение, так как он прямо никак не связан с остальными текстами. Объяснение

может быть двояким. Во-первых, в инвентаре содержатся грамоты, закрепляющие права и привилегии чешских утраквистов, что могло быть нужным чешским братьям, не признавшим себя еретической сектой, в качестве историко-правовой аргументации. Во-вторых, инвентарь мог быть связан со служебной деятельностью кого-либо из лиц, входивших в тот круг, для которого была изготовлена наша рукописная книга.

III. «Význání víry dobré a svaté paměti Petra Kanyše o večeři Páně» («Исповедание веры о вечере Господней доброты святой памяти Петра Каниша») является источником первостепенной важности по истории радикального крыла таборитов, так называемых пикартов. Петербургская рукопись — единственный список данного сочинения. По ней оно было опубликовано в 1928 г. А. Фринтой, предложившим свою атрибуцию[9]. Он вычленил в тексте два самостоятельных сочинения: *Význání* víry Петра Каниша и *Význání* o chlebu živém a věčném Мартина Гуски. Авторы обоих сочинений были вождями радикальной секты пикартов. Мартин Гуска по прозвищу Локвис — активный проповедник хилиазма — хорошо известен в историографии гуситского движения. Петр Каниш, напротив, остается несколько в тени[10]. Объясняется это крайне скудными сведениями о его жизни, что позволило классику чешской литературы А. Ирасеку в историческом романе «Против всех» вывести его в качестве персонажа, придумав ряд обстоятельств его биографии. Известно, что Каниш вместе с другими сектантами был сожжен около Табора по приказу Жижки в 1421 г. Об этом говорится и в маргиналии к заголовку в нашей рукописи, причем с явным сочувствием к погибшим: «upálen býti pro význání pravdy Boží» («был сожжен за исповедание правды Божьей»). Здесь же содержится ссылка на упоминание об этом событии: «O tom v Kronice České najdeš» («Об этом найдешь в чешской хронике»). А. Фринта установил, что имеется в виду «Чешская хроника» Вацлава Гаека (1541 г.)[11]. В свою очередь Гаек, очевидно, заимствовал это сообщение из «Гуситской хроники» Вавржинца из Бржезовой, из которой также следует, что некий Петр, скорее всего Каниш, был активным членом секты адамитов, изображая в ней самого Христа[12]. Известно также, что Каниш вместе с известным гуситским проповедником Вацлавом Корандой возглавлял переход нескольких сотен «братьев» в 1420 г. из Пльзеня на юг Чехии, где был основан Табор[13].

Оба «Исповедания», и Каниша, и Гуски, отличаются резкой критикой официальной церкви, однако сочинение Гуски более последовательно в этом отношении, более четко формулирует понимание евхаристии как чисто символического акта, с радикальных позиций отрицает принятую христианскую обрядность. Удивительно, что этот единственный аутентичный источник по леворадикальным таборитам не привлекает к себе должного внимания гуситологов.

Сочинение в целом, так, как оно приведено в рукописном сборнике, имеет одну существенную особенность. Маргиналии даны как «фонарики» в тексте, очевидно, для того, чтобы быстрее ориентироваться в нем, хотя он и невелик. В публикации А. Фринты по техническим причинам «фонарики» превращены в подстрочные примечания, что искажает их характер. «Фонарики» напоминают подзаголовки, иногда — резюме. В сумме они дают как бы конспект всего сочинения. Это наводит на мысль об использовании текста в целях проповеди или учения. Как считает А. Фринта, основываясь на характере «братской» орфографии и особенностях языка, рукопись возникла во второй половине XVI в. Она представляет собой или позднейшую переработку, или перевод с латинского оригинала[14]. Этот вывод позволяет высказывать мнение об активном использовании идейного наследия вождей левого крыла таборитов — «пикартов» Общиной чешских братьев в конце XVI в. Также необходимо учитывать, что «братьев» в официальной терминологии того времени называли «пикартами».

IV. Сочинение «Poznamenání jakým původem mandatové královoští v Království Českém a jiné mnohé protimyslnosti a pokušení na Bratří a Jednotu jeji jsou vycházely a vycházejí» («Запись о том, каким образом королевские мандаты в Чешском королевстве и многие другие несправедливости и гонения на Братьев и Общину их происходили и происходят»), посвящено преследованиям Общины чешских братьев. Это сочинение написано в 1604 г. Спорен вопрос о его авторе: это или Вацлав Будовец — один из вождей чешской сословной оппозиции и антигабсбургского восстания 1618—1620 гг., или Ян Яфет — проповедник Общины чешских братьев[15]. В любом случае сочинение вышло из Среды Общины и имеет характер апологии мученичества за веру, являясь откликом на возобновление в 1602 г. известного королевского «Якубского мандата», дававшего юридическую основу гонениям на Общину. Сочинение опубликовал Е. Шлизиньский как произведение

Будовца по рукописи, хранящейся в Польше[16]. В скобках отметим, что в описании Й. Тржишки не учтены существующие публикации текстов III и IV и их атрибуция.

V. Сочинение «Supplikace ponižená od srdce skroušeného, v den zármutku, samému Panu Bohu, všech kralův králí, podáná» («Смиренная жалоба поданная от сокрушенного сердца в день скорби самому Господу Богу, царю всех царей») написано как стилизация обращения с жалобами к господину (здесь — господину всех господ) на несправедливость и злобу этого мира. Жалоба составлена в весьма общих выражениях. В конце текста дата — 1603 г. Судя по характерным выражениям, сочинение было написано в среде Общины чешских братьев как ответ на вышеупомянутый «Якубский мандат» против «пикартов».

VI. «Obeslání a listy krále Vladislava léta 1513 pani Johance Krajířové na Boleslavi Mladé a Brandyse» («Вызовы в суд и письма короля Владислава от 1513 года пани Йоганке Крайиржовой…») являются собранием судебных документов по делу об обвинении в ереси и оправдании Йоганки из Крайка. Это списки, сделанные в 1602 г. со следующих документов: с трех королевских грамот 1512—1513 гг., с «исповедания веры» самой Йоганки и с королевского патента. Вкратце история дела такова. Катержина из Коловрат, принадлежавшая по мужу к старому роду активных католиков, и Зденек Лев из Рожмитала, первое лицо в государстве после короля, обвинили Йоганку из Крайка, в то время фактически возглавлявшую этот крупнейший панский род, покровительствовавший Общине чешских братьев, в том, что она предалась «bludu pikartskému». Король вызвал ее на земский суд, где ей удалось оправдаться. Она утверждала, что исповедует утраквистскую веру не из гордости, а потому, что Бог везде един для всех настоящих христиан, «а не только в конфессии той Общины братской». Следовательно, она не признавала монопольного права на христианскую истину только за чешскими братьями. Далее она заявляла, что не впала в ересь, оставаясь утраквистской вне всяких конфессий и общин, и что учение чешских братьев наиболее близко к Христу, поэтому ересью быть не может. В религиозных несогласиях она обвиняла «кривых толкователей» Св. Писания. Она считала, что нужно слушаться тех законоучителей, которые отрешились от мирских дел, от богатства, которые бедны и покорны, не властвуют над людьми, не служат «за мзду и по найму». Она заявила, что, не принадлежа ни к одной из религиозных конфес-

сий, познала божественную истину — «bližší pravdu». Королевский патент подтвердил невиновность Йоганки и вновь распространил на нее высочайшее покровительство[17].

Йоганка из Крайка, вдова двух верховных коморников — Яна Товачовского из Цимбурка (умер в 1483 г.) и Яна из Шельмберка (умер в 1508 г.),— после смерти в 1502 г. своего сына Адама, покровительствовавшего Общине и давшего ей убежище в своем городе Млада Болеслав, унаследовала обширные земельные владения, в которых располагались центры Общины, прежде всего город Брандыс. В 1512 г. она вступила в Общину. Очевидно, с этим и связано ее обвинение в «пикартской ереси». Явно под влиянием своего судебного процесса, опасаясь дальнейших преследований, она в 1513 г. отписала все свои владения своему брату Кунрату из Крайка, который вступил в Общину лишь в 1530 г. Арношт, сын Кунрата и племянник Йоганки, продолжал активно поддерживать Общину. За участие в сословном восстании 1547 г. он был наказан королем Фердинандом I конфискацией части земельных владений, включая Брандыс. Следующий глава рода — Адам Крайирж из Крайка — был исключен из Общины за пьянство. С его смертью в 1588 г. пресеклась мужская ветвь рода[18]. Для нашей темы важно то, что репрессированный Арношт был покровителем и другом Сикста из Оттерсдорфа. Сам Сикст ездил к Арношту в Брандыс, за что был обвинен в связях с «пикартами»[19]. Напомню, что Сикст является автором первого и последнего текстов анализируемого сборника. В самой хронике Сикста Арношт Крайирж упомянут несколько раз[20]. В приводимом Сикстом письме Яна из Пернштейна сказано, что Арношт, собиравшийся во время активной фазы восстания в Прагу, узнав о волнениях и несогласиях, вернулся домой. Это соответствует общей концепции Сикста, согласно которой сопротивление королю не выходило за легальные рамки, лидеры вели себя осторожно и сдержанно, поэтому наказания были несоизмеримо жестоки и несправедливы. Арношт первым упомянут Сикстом в списке лиц, явившихся на королевский суд, арестованных и принужденных к отказу от своих земельных владений. В случае с Арноштом дело усугублялось тем, что король давно хотел приобрести Брандысский замок, славившийся охотничьими угодьями. Этому обстоятельству Сикст уделил немало места в своем рассказе о репрессиях после поражения восстания.

Итак, материалы судебного дела Йоганки из Крайка связаны как с Общиной чешских братьев, так и с родом Крайиржев, покровителей

общины и Сикста из Оттерсдорфа. Остается лишь невыясненной причина, побудившая сделать копии этих документов в 1602 г., когда род Крайиржев уже давно пресекся. Очевидно, это было как-то связано с «Якубским мандатом» против «пикартов», возобновленным в том же 1602 г.

Наконец, мы переходим к основной части сборника — хронике событий 1546—1547 гг., написанной Сикстом из Оттерсдорфа. Это сочинение является ценнейшим источником, повествующим о сословном восстании 1547 г. В нем также содержатся тексты многих документов, включенных автором в свое сочинение, задумывавшееся как сборник документов и свидетельств[21].

VII. «Diarium seii Acta rerum gestarum» — таково латинское название хроники Сикста из Оттерсдорфа в этом списке, имеющем в конце дату — 1596 г. Авторство Сикста (умер в 1583 г.) в заглавии не указано. О нем прямо говорится («ja, Sixt z Ottersdorfu, měštěnín Starého Města Pražského») на следующей странице (л. 144 об.) текста. Авторство установлено еще В. Флайшгансом. А. С. Мыльников не узнал сочинения Сикста, к этому времени уже изданного, указав лишь, что это «записки о чешском восстании 1547 г.»[22]. Известны еще два списка этого сочинения с несколько отличающимися заглавиями. Первый из них, 1593 г., не сохранился, но дошла его копия, выполненная в 1775 г. Ее заголовок — «Acta rerum gestarum aneb Knihy památné anno 1547». Второй список был сделан в 1595 г. и озаглавлен «Acta rerum gestarum to jest dennopis za našého času v Čechách bouřlivých let 1546 a 1547»[23]. Л. П. Лаптева приводит еще один вариант заголовка — «Akta aneb knihy památné čili Historie onech dvou nepokojných let v Čechách 1546—1547», правда, без указания на конкретную рукопись[24]. Сопоставив даты имеющихся рукописей хроники Сикста, мы приходим к выводу, что петербургская рукопись была третьей по времени возникновения, конечно, не считая оригинала. Сочинение издавалось дважды: в 1918 и 1950 годах, к сожалению, не целиком[25]. Имеется также русское издание[26].

Хроника Сикста посвящена борьбе сословной оппозиции с Фердинандом I, нарушившим земские законы; значительное место в ней уделено преследованиям Общины чешских братьев после поражения восстания. Сам Сикст, всегда сочувствовавший чешским братьям, под влиянием семьи, очевидно, вступил в общину где-то после 1557 г.[27]

Обращает на себя внимание то, что все три из известных нам рукописей хроники Сикста возникли буквально одна за другой (1593 г.,

1595 г., 1596 г.). Ответ на вопрос о причине этого следует искать в политической деятельности чешской сословной оппозиции в конце XVI века, когда сочинение Сикста стало вновь актуальным.

Мы рассмотрели состав сборника, попытавшись указать на отдельные связи его составных частей. Можно установить группы более тесно связанных текстов. Так, тексты III, IV, V, VI непосредственно касаются «пикартов», как первоначальных, так и чешских братьев, идейно им наследовавших. Тексты IV, V, VI возникли как реакция на мандат 1602 г. против еретиков. Тексты VI, II, I связываются близостью автора последних, Сикста, к панам из Крайка, с которыми связан текст VI. Тексты I, VII — произведения одного автора — Сикста из Оттерсдорфа. Есть связь между текстами IV, I, VII, так как предполагаемый автор текста IV, Вацлав Будовец, писал свои «Акты» о сеймовых заседаниях и политических событиях 1603—1610 гг., опираясь на оба сочинения Сикста как на образец. Все тексты были тесно связаны с проблематикой Общины чешских братьев, в особенности с темой ее преследований.

Самая последняя дата, встречающаяся в рукописи,— это упоминание об актах императора Рудольфа II от 14 марта 1609 г. (л. 21 об.). Оно представляет собой глоссу к тексту «Диариума» сейма 1575 г. Она, очевидно, сделана позднее, поэтому крайней датой текстов, содержащихся в сборнике, следует считать 1604 г., когда было написано сочинение, приписываемое Будовцу, что позволяет несколько уточнить датировки сборника, сделанные В. Флайшгансом (после 1609 г.) и Я. Панеком (1603—1609 гг.)[29]. Так как тексты в сборнике расположены не в хронологическом порядке возникновения списков отдельных произведений, то остается предположить, что мы имеем дело с конволютом. Бумага сборника датируется началом XVII в. На л. 116 хорошо виден водяной знак с надписью Zittaw. Этот знак, а также другие водяные бумажные знаки в этой рукописной книге очень близки, хотя не идентичны, некоторым знакам, имеющимся в специальных справочниках; все знаки датируются концом XVI — первой четвертью XVII в.[30]. Переплет сделан в XVII в.[31].

Очевидно, сборник был составлен из списков отдельных сочинений, сделанных ранее. Палеографический анализ сборника дает основания выделить по крайней мере четыре писарских руки. Писарь 1 переписал текст I, писарь 2 — тексты II, III, писарь 3 — тексты IV, V, VI, писарь 4 — текст VII. Интересно, что таким образом возникли две груп-

пы текстов, связанных по происхождению от одного писаря. Группа текстов IV, V, VI тематически едина, так как объединяет «Poznamenani», «Supplikace» и дело Йоганки из Крайка — тексты, непосредственно связанные с общиной чешских братьев. Тексты же II и III (Инвентарь привилегий и сочинение Петра Каниша) ничем не связаны. Но поскольку их переписывал один и тот же писарь, мы можем предполагать единую цель, имевшуюся у заказчика этих списков. Тем самым подтверждается наше предположение о том, что Инвентарь привилегий далеко не случайно включен в исследуемый сборник, хотя конкретная причина его включения остается неясной.

Итак, сборник был составлен в конце 1609 г. или сразу после него. Именно в 1609 г. сын Сикста Ян Теодор из Оттерсдорфа стал дефензором консистории подобоев. Впоследствии он принял активное участие в восстании 1618—1629 гг. и был вынужден эмигрировать[32]. Круг, из которого вышел исследуемый сборник, очерчен. Это могла быть семья Сикста или группа деятелей сословной оппозиции, формировавшаяся вокруг Будовца. Однако первому предположению мешает то, что Ян Теодор не был чешским братом; второму — сомнения в том, что Будовец был автором «Poznamenání», и необъяснимость интереса его круга к роду Крайиржев. Однако в целом несомненно, что сборник сформировался в начале XVII в. в среде сословной оппозиции, симпатизировавшей общине чешских братьев, как это справедливо отметил Я. Панек[33].

Состав сборника неслучаен, он представляет собой подборку материалов, сделанную с неизвестной нам конкретной целью для нужд чешской сословной оппозиции в период борьбы с королевской властью за так называемый маестат о религиозных свободах, который был принят 9 июля 1609 г., то есть в год внесения последней записи в исследуемый сборник. Содержание этой записи[34] говорит об актуализации текстов, составляющих сборник.

Как мы пытались показать, этот сборник является весьма важным и интересным письменным памятником чешской истории XV — начала XVII вв. Поэтому было бы любопытно выяснить, какими путями он попал в Публичную библиотеку Санкт-Петербурга. У А. С. Мыльникова сказано лишь, что сборник поступил в 1858 г. «от Рейхель»[35].

Существенно уточняет вопрос «Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1858 год, представленный… статс секретарем бароном Корфом». Там сказано, что в 1858 г. библиотекой были приобретены «указы и разные постановления императора Максимилиана за 1574

год. Современная рукопись на чешском языке в лист (от г. А. Рейхеля)», причем эта рукопись поступила в качестве приношения, то есть была подарена А. Рейхелем. Далее здесь же упоминается о покупке 54 сочинений археологического и нумизматического содержания из библиотеки известного нумизмата покойного действительного статского советника Рейхеля[36]. Однако это два разных Рейхеля. Известным нумизматом был Яков Яковлевич Рейхель (1778—1856). В его коллекции было, кроме нумизматического отдела, «собрание древних рукописей, автографов и манускриптов, славянских и русских»[37]. Но нашу рукопись подарил некто А. Рейхель спустя два года после смерти Я. Я. Рейхеля. Выяснить личность этого дарителя весьма непросто. «Русский биографический словарь» упоминает Александра Казимировича Рейхеля (1834—1871) — профессора химии Технологического института[38]. Издание «Петербургский некрополь» явно говорит о том же человеке, но здесь его имя Алексей и дата рождения 1833 год. Он был погребен на Смоленском православном кладбище в Санкт-Петербурге в 1871 году[39]. Вполне вероятно, что он в возрасте 27 лет мог подарить Публичной библиотеке ненужную ему рукописную книгу. Однако в том же издании есть упоминание об Александре Рейхеле (1833—1898), похороненном на Смоленском евангелическом кладбище[40]. Следовательно, этот человек, упомянутый без отчества, род занятий которого нам неизвестен, был протестантского вероисповедания. Поэтому мы рискнем предположить, что именно он и был тем «А. Рейхелем», который сделал дар библиотеке. В таком случае можно гипотетически предполагать, что наша рукопись сохранялась и передавалась в протестантской среде, с которой была связана Община чешских братьев, и каким-то образом оказалась в России. Может быть, ее привезли в Петербург немцы-протестанты, получившие ее в свое время от выходцев из Чехии, скорее всего от побелогорских эмигрантов, осевших в Германии. Вполне правдоподобно, что привезти книгу в Россию могли немецкие последователи общины чешских братьев — охрановцы, во время царствования Екатерины II, поселившиеся в России и даже в 1765 г. основавшие в Сарепте на Волге (ныне — окраина Волгограда) русский центр своей религиозной общины[41].

Таким образом поступление этой рукописной книги в Публичную библиотеку было очевидно случайным. До этого она входила в какое-либо из известных книжных собраний. Введенная в научный оборот В. Флайшгансом в конце XIX в., она еще долго дожидалась подробно-

го исследования, хотя по своему значению может претендовать на видное место не только в истории чешской рукописной книги, как книга репрезентативного характера, что верно подмечено Я. Панеком, но и в истории общественно-политической жизни Чехии предбелогорского периода. Книга служит вещественным символом темы «Россия и чешское восстание против Габсбургов», разрабатываемой Б. Н. Флорей[43].

Примечания

[1] Flajšhans V. Knihy české v knihovnách švédských a ruských. Pr., 1897. S. 18—19.

[2] Tříška J. Leningradská rukopisná bohemika // Acta Universitatis Carolinae. Historia Universitatis Carolinae Pragensis. Pr., 1973. T. XIII. S. 193—194.

[3] Мыльников А. С. Чешские и словацкие рукописи Государственной Публичной библитеки. Обзор // Труды Государственной Публичной библиотеки. Л., 1958. Т. V (8). С. 119—136.

[4] Мельников Г. П. Чешское восстание 1547 г. и Сикст из Оттерсдорфа как его хронист // Сикст из Оттерсдорфа. Хроника событий, свершившихся в Чехии в бурный 1547 год. М., 1989. С. 38, 43, 44. См. рецензию: Pánek J. Mel'nikovova kniha o českém stavovském odboji roku 1547 // Český časopis historický. 1990. № 3. S. 410—411.

[5] Pánek J. Z leningradských bohemik. (Několik nevyužitých pramenů k českým dějinám předbělohorské doby) // Folia Historica Bohemica. 14. Pr., 1990. S. 207—226.

[6] Snemy české. Pr., 1886. T. IV. S. 318—392.

[7] Pánek J. Mel'nikovova kniha… S. 411; Idem. Z leningradských bohemik. S. 210, 220.

[8] Hresa F. Česká Konfesse, jeji vznik, podstata a dějiny. Pr., 1912; Мельников Г. П. Указ. соч. С. 29.

[9] Frinta A. Význání víry dobré a svaté paměti Petra Kanyše o Večeři Páně // Jinočeský sborník historický. R. I. Tabor, 1928.

[10] Kejr J. O rodiště Petra Kaniše // Jinočeský sborník historický. R. XXI. Tábor, 1952. S. 37. Idem. Mistři pražské university a kněži táborištĺ. Pr., 1981. S. 49.

[11] Frinta A. Op. cit. S.6.

[12] Vavřinec z Březové. Husitská kronika. Pr., 1979. S. 214, 217. 262, 374; Dobrovský J. Dějiny českých pikartů a admitů. Pr., 1978. S. 50.

[13] Ze starých letopisů českých. Pr., 1980. S. 70.

[14] Frinta A. Op. cit. S.12.

[15] Reichtová N. Václav Budovec z Budova. Pr., 1984. S. 51—53, 184.

[16] Rękopisy Braci Czeskich. Wroclaw, 1958. S. 210—284.

[17] Molnár A. Boleslavšti Bratři. Pr., 1952. S. 76—78, 81—82, 85.

[18] Ottův slovník naučný. Pr., 1899. T. 14. S. 600—605; Pr., 1900. T. 15. S. 25. Pr., 1906. T. 24. S. 580; Říčan R. Dějiny Jednoty bratrké. Pr., 1957. S. 78, 101, 112, 296.

[19] Здесь и далее даные о Сиксте и его хронике подробнее см.: Мельников Г. П. Указ. соч. С. 26—44, там же библиография; Лаптева Л. П. Письменные источники по истории Чехии периода феодализма. М., 1985. С. 81—84.

[20] Сикст из Оттерсдорфа. Хроника… С. 78, 81, 64—65, 110—111.

[21] Подробную характеристику хроники см.: Мельников Г. П. Указ. соч. С. 31—37.

[22] Мыльников А. С. Указ. соч. С. 123.

[23] Подробнее см.: Мельников Г. П. Указ. соч. С. 38, 43.

[24] Лаптева Л. П. Указ. соч. С. 81.

[25] Sixt z Ottersdorfa knihy památné o nepikojných letech 1546 a 1547. Vyd. J. Teige. Pr., 1918, текст несколько адаптирован. Sixt z Ottersdorfu. O pokoření stavu městského léta 1547. Vyd. 1. Janáček. Pr., 1950. В публикацию вошла наиболее ценная заключительная часть сочинения.

[26] Сикст из Оттерсдорфа. Хроника… Издание осуществлено на основе указанной публикации Й. Яначека.

[27] Подробнее см.: Мельников Г. П. Указ. соч. С. 28—29, 31, 43.

[28] Подробнее см.: Лаптева Л. П. Указ. соч. С. 147; Мельников Г. П. Указ. соч. С. 38.

[29] Flajshans V. Op. cit. S. 18; Pánek J. Z leningradských bohemik. S. 210.

[30] Laučavičius E. Popierus Lietuvaje XV—XVIII. Vilnius, 1967. № 3348, 489; Дианова Т. В., Костюхина Л. М. Водяные знаки рукописей России XVII в. Москва, 1980. № 1008. За эти сведения выражаю благодарность А. А. Турилову.

[31] Flajshans V. Op. cit. S. 18.

[32] Teige J. Z Ottersdorfu // Ottův slovník… Pr., 1902. T.18. S. 981.

[33] Pánek J. Z leningradských bohemik. S. 210.

[34] Ее текст опубликован: Ibid. S. 220—221.

[35] Мыльников А. С. Указ. соч. С. 123.

[36] Отчет императорской Публичной библиотеки за 1858 год, представленный … статс секретарем бароном Корфом. СПб., 1859. С. 94.

[37] Русский биографический словарь. Т. 17. СПб., 1913, С. 32. См. также: Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон. Т. XXVIa СПб., 1899. С. 515.

[38] Русский биографический словарь. Т. 17. С. 8.

[39] Петербургский некрополь. Т. III. СПб., 1912. С. 569.

[40] Там же.

[41] Гунячек В. К вопросу о наследии Я. А. Коменского в России // Человек-культура-общество в концепции Яна Амоса Коменского. М., 1997. С. 263—286.

[42] Pánek J. Z leningradských bohemik. S. 210.

[43] Флоря Б. Н. Россия и чешское восстание против Габсбургов. М., 1986.

Л. В. Милов

К вопросу об истории церковного устава Владимира

В недавней статье автора этих строк о неизвестной до сих пор судебной реформе киевского князя Владимира Святославича речь шла о том, что в период крещения Руси в стране было введено в реальную практику византийское уголовное судопроизводство на основе установлений свода законов конца первой трети VIII в. известного как Эклога (точнее, более поздний вариант — Ecloga privata)[1]. Для этого был создан полный древнерусский перевод свода, древнейший список которого сохранился от третьей четверти XIV столетия[2]. В конечном счете эта реформа была обречена на неудачу, ибо важнейшую роль в языческом Древнерусском государстве играли доходы казны от судебных вир и продаж.

В какой форме был реализован отказ от норм Эклоги, мы не знаем. Но после него довольно продолжительное время, видимо, царила ситуация неопределенности, дававшая почву для своеволия и произвола в практике наказаний со стороны тиунов и волостелей. В целях преодоления этой юридической нестабильности, вероятнее всего, и была создана Правда Ярослава.

Вместе с тем возникает вопрос: а почему в Правде Ярослава «расставание с прошлым» отражено лишь в статье о реставрации кровной мести с одновременным резким ограничением лиц, имевших право на мщение, и введением вирных платежей при отсутствии мстителей, а также платежей для ряда лиц, особо выделенных по этому случаю? При этом судьба остальных норм XVII титула Эклоги неизвестна.

В порядке предположения можно думать, что Владимир Святославич в действительности отказался не от всех нормативов уголовного права XVII титула Эклоги, создав вышеупомянутую неопределенность.

Косвенным свидетельством реальности этой неопределенности, на наш взгляд, служит церковный Устав Владимира. Текст его сложен и

---

[1] См.: Милов Л. В. Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Древнее право. Jus Antiqum.1996. № 1.

[2] Милов Л. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1.

содержит как древнейшие блоки установлений, так и позднейшие наслоения. Я. Н. Щапов считает ближайшим к архетипу текст Архангельского извода Оленинской редакции[3]. Опираясь на этот текст, мы можем отметить главное: перечень преступлений, дела по которым Владимир отдавал под юрисдикцию церковных судов, в Уставе не сопровождается указаниями конкретных санкций. Если полагать, что этот блок является древнейшим в сложной композиции Устава, то объяснение этому может быть лишь одно: санкции по ним давали статьи XVII титула Эклоги, которые еще действовали.

Десятинная церковь была освящена в 996 г. Не исключено, что тогда же («летом многымъ минувшемъ» после крещения Руси) ей была дана и десятина «по всей земле Рустей» (в том числе от княжеского суда), дана прерогатива церковным судам по определенным категориям дел и определена исключительная церковная подсудность так называемых церковных людей. Следовательно, вероятность того, что в этот момент Владимир отказался, хотя бы частично, от своей судебной реформы, вводившей нормы византийского уголовного законодательства, очень велика (все сходится!). Частичность этого отступления подтверждается тем, что вводимый церковный Устав по линии санкции по разбираемым им делам, видимо, опирался на Эклогу. Во всяком случае, сам перечень преступлений в Уставе Владимира наиболее полное отражение имеет именно в статьях Эклоги[4].

Перечень преступлений в уставе Владимира	**Статьи эклоги, совпадающие по тематике с уставом Владимира**
1. «Роспусты»	1. Титул II, ст. 14, 15
2. «Смильное»	2. Титул XVII, ст. 19, 20
3. «Заставание»	3. Те же статьи по сути дела
4. «Умыкание»	4. Титул XVII, ст. 24, (но это не обрядовое похищение)
5. «Пошибание»	5. Титул XVII, ст. 24, 30
6. «Промежи мужем и женою о животе»	6. Титул XVII, ст.9, 11

[3] Российское законодательство X—XX веков. М., 1984. Т. 1. Законодательство Древней Руси. С. 139—140. См. также.: Древнерусские княжеские уставы XI—XVI в. Изд. подг. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 12—84.

[4] Российское законодательство X—XX веков. Т. 1. Законодательство Древней Руси. С. 139—140; Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Вступ. статья, перевод, комментарий Е. Д. Липшиц. М., 1965. С. 44—73.

7. «О племени или сватовстве поимуться»	7. Титул XVII, ст. 33
8. «Ведовство»	8. Титул XVII, ст. 43
9. «Урекание»	9. Титул XVII, ст.51 (клевета могла быть ложным обвинением в виде оскорбления)
10. «Узлы»	10. Титул XVII, ст. 44
11. «Зелье»	11. Титул XVII, ст.42, 43
12. «Еретичество»	12. Титул XVII, ст. 52
13. «Зубоядение»	13. Нет соответствия
14. «Иже отца и матерь бьют»	14. Нет соответствия (возможно сходство со статьей 13 титула VI)
15. «Или сын и дочи бьется»	15. Нет соответствия
16. «иже истяжутся о задници»'	16. Титул XVI, ст.1

В связи с этим стоит отметить еще одно обстоятельство. В подавляющем большинстве случаев преступлениям, названным в церковном Уставе Владимира, соответствуют строго определенные одна или две статьи в том или ином титуле Эклоги. Иначе говоря, практическая ситуация была бы, с точки зрения выбора иерейским судом санкции, максимально упрощена и конкретна.

Итак, следуя предложенной логике, мы неизбежно приходим к предположению о том, что отмена санкций по нормам Эклоги (и это подтверждает летописная легенда 996 г. о борьбе Владимира с разбоями)[5] касалась лишь дел об убийствах. Поэтому вполне возможно допустить, что первая статья Правды Ярослава была первоначально сформулирована еще Владимиром. В отношении преступлений, потенциально чреватых убийством, ситуация оставалась, вероятно, весьма неопределенной вплоть до появления Правды Ярослава.

В Пространной Русской Правде первая статья Правды Ярослава, как известно, дана лишь ради традиции, поскольку во второй, следующей за ней статье, четко сказано о том, что Ярославичи отменили кровную месть и оставили только «выкуп» кунами («и отложиша оубиение за голову, но кунами ся выкупати»). Причем отмена эта была совершена на специальной, второй («паки совкупившеся сынове его»), встрече (на первой, скорее всего, была утверждена Правда Ярославичей)[6].

[5] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126—127.

[6] Правда Русская. М.; Л., 1940. С. 104, 402.

А. С. Мыльников

Роль русско-шведско-немецких контактов конца XVII — начала XVIII в. в становлении славянских изучений

Вопрос о времени, когда началось формирование славяноведения как научного направления, относится к числу ключевых и чрезвычайно спорных в историографии мировой славистики. Не останавливаясь в данном случае на истории вопроса, отметим, что при его рассмотрении необходимо учитывать по крайней мере два обстоятельства. С одной стороны, существование качественных изменений в самой классификации наук раннего Нового времени сравнительно с предшествующим периодом и, соответственно, учет различий между возникавшим славистическим комплексом и бытовавшими до того знаниями о славянских народах. С другой стороны, многоаспектность взаимосвязей между ранним периодом формирования славистики как научного комплекса и временем, которое может быть названо его предысторией. Это означает, что складывание науки о славянах следует рассматривать как развивающуюся систему. Отсюда вытекают два важных вывода.

Во-первых, отдельные компоненты этой системы конституировались разновременно, асинхронно. В частности, среди филологических дисциплин ранее всего выделялось языкознание, а историко-культурные изыскания обычно предшествовали изысканиям собственно историческим. При этом дисциплины, заявлявшие о себе раньше, отчасти выполняли функции тех, которые оформлялись позже. Так, ученые, обратившиеся к лингвистическим исследованиям, по необходимости вторгались в разные сферы литературоведения, истории и культуры, если пользоваться современной терминологией. Эта неравномерность, во-вторых, дополнялась различиями в самом подходе к объекту исследования в славянских и неславянских странах. Если в первом случае осмысление факта славянской культурно-языковой общности составляло часть общественной мысли и было связано с генезисом национального самосознания, то во втором случае на разработку той же про-

блемы как бы «со стороны» влияли экономические, политические и религиозные интересы[1].

Оба отмеченные обстоятельства позволяют ввести процесс становления науки о славянах в широкий международный контекст и поставить вопрос о той роли, которую играли в ее самоопределении связи между славянскими и другими странами Европы на рубеже «предыстории» и зарождавшейся «истории» славяноведения. Ввиду общности самого предмета исследования мы ограничиваемся русско-шведско-немецкими связями потому, что именно Швеции и Германии, странам, непосредственно соседствовавшим со славянским миром, принадлежала заслуга об ознакомлении европейской аудитории с языком, историей и культурой не только русского, но и других славянских народов. Непосредственно это были И. Г. Спарвенфельд, Г. Лейбниц, а также В. Лудольф и некоторые другие, преимущественно немецкие ученые конца XVII — начала XVIII вв., так или иначе связанные с Россией.

К тому времени усилиями русских, а также украинских и белорусских ученых-книжников, многие из которых переехали для работы в Москву, в Русском государстве были не только накоплены ценные сведения о славянстве, но и предпринимались попытки их научного осмысления и обработки, хотя в целом уровень того и другого еще относился к допросветительскому этапу развития научной мысли. Более продвинутыми оказались разного рода лексикографические труды, чему в немалой степени способствовало возникновение в Москве книгопечатания, чему предшествовали усиленные труды по филологической критике библейских текстов. Деятельность Ивана Федорова связана с новым этапом развития русско-украинско-белорусских культурных связей, признанными документами которых являются изданный Иваном Федоровым первый у восточных славян печатный «Букварь» (Львов, 1574) и монументальная Острожская Библия 1581 г. В украинско-белорусской среде возникли грамматические труды Л. Зизания, М. Смотрицкого, П. Берынды, довольно скоро проникшие и в Москву, стимулировав дальнейшую разработку здесь лексикографической проблематики. Хотя в области историографии господствующие позиции удерживали летописные традиции, на рубеже 70—80-х гг. XVII в. анонимый автор выдвнул новые принципы «учения исторического», предусматривавшие критический подход к историческим источникам[2].

Не удивительно, что И. Г. Спарвенфельд, прибыв в 1684 г. в Москву, нашел здесь достаточно образованную среду, которая позволила

ему обратиться к серьезным славистическим занятиям. Этому способствовал ряд факторов. В Русское государство Спарвенфельд прибыл не с научными, а с дипломатическими поручениями — он входил с состав шведской делегации, имевшей непосредственные контакты с Посольским приказом. Но как раз это русское внешнеполитическое ведомство являлось в те годы одним из важных научных центров — здесь переводились иностранные книги, составлялись для нужд царя и его ближайшего окружения эксцерпты новых европейских газетных сообщений, создавались рукописные книги[3]. С этим центром и оказался теснейшим образом связан шведский дипломат. Важно и то, что он получил хорошую научную подготовку — выпускник Упсальского университета, он побывал во многих странах (включая Северную Африку) и владел 14 языками. В Москве он получил возможность употребить свои способости на изучение русского языка — учителем Спарвенфельда был переводчик Посольского приказа белорусс Стахий Годзяловский[4]. Занятия стали возможными еще и потому что Спарвенфельд получил королевскую стпендию и смог, после отъезда шведской миссии, задержаться в Москве до 1687 г. В этом случае личные научные интересы Спарвенфельда совпали с интересами государственными, поскольку в Швеции знание русского языка имело практическое значение и получило официальную поддержку. То, что это находилось в связи с политическими интересами короны, несомненно. Помимо необходимого дипломатического общения с Россией, Швеции нужно было учитывать наличие на захваченных ею у России территориях русского населения, в отношении которого в XVII в. проводилась лютеранизация. Все это вызвало создание в Стокгольме и ряде других городов на подвластной Швеции территории официальных переводческих центров — в Выборге, Ревеле, Тарту, Нарве и т. п. О размахе этой деятельности можно судить хотя бы по тому, что от периода 1595—1661 гг. сохранились сведения о 83 переводчиках[5]. Для обращения православного населения в лютеранство в 1625 г. Густав II Адольф приказал учредить в Стокгольме типографию с русскими (кириллическими) литерами. В этой типографии был издан ряд книг, в том числе учебник русского языка «Алфабетум рутенорум» (до 1639 г.), в котором впервые в состав русского алфавита была включена буква «э». Таковы были субъективные и объективные факторы, способствовавшие славистическим занятиям Спарвенфельда. Значительное количество выписок и книг, как печатных, так и рукописных, он вывез с

собой. До сих пор в фонде Спарвенфельда в библиотеке Упсальского университета сохраняются издания «Лексикона» Берынды, «Грамматики» Смотрицкого, списки «Латинско-словенского словаря» Е. Славинецкого и А. Корецкого-Сатановского, «Лексикон языков польского и славенского» Симеона Полоцкого и т. д.[6]

Многие русские рукописные книги, вывезенные Спарвенфельдом из Москвы, содержат его пометы и разного рода записи. Так, на листах форзаца и на обороте обложки словаря Славинецкого-Корецкого упомянуты имена Ивана Петрова Посошкова, Павла Одерборна, а перед титульным листом помещено стихотворное обращение:

Прежде неже что изречиши кому,
Разсудити то должно ти самому,
Еже и знаши и к кому вещати
Истинно сие потребно все знати…*

Кроме того, Спарвенфельд записал несколько русских поговорок: «Человеческий оум за горами, а смерть за плечами», «Одежда человека стрещает, а оум провожает», «Клин клином выбить», «век живи, век оучись» и ряд других. Едва ли нужно подчеркивать источниковую ценность подобных записей для историков фольклора и этнографии.

На основе материалов, собранных в Москве, в последующие годы Спарвенфельд трудился над составлением четырехтомного славяно-русско-латинского словаря. Не останавливаясь на истории работы над ним, детально проанализированной У. Биргегорд, отметим, что, согласно ее наблюдениям, в состав этого словаря почти полностью вошли словари Берынды, Славинецкого и Корецкого-Сатановского, сведения из «иллирийско-латинско-итальянского словаря» Якоба Микалия (Лоретто, 1649), а также «слова дописанные русскими пленными и самим Спарвенфельдом»[7]. Однако труд, которым Спарвенфельд был занят более двух десятилетий, ни тогда, ни позже издан не был. Заслуга подготовки к печати старой рукописи и ее издания принадлежит, пожалуй, в настоящее время крупнейшему знатоку творчества шведского филолога Улле Биргегорд. Ее четырехтомная публикация не только знакомит научную общественность с капитальным трудом Спарвенфельда, но и наглядно свидетельствует о его уникальном ис-

* Полностью стихотворение опубликовано Уллой Биргегорд в кн.: G. Sparwenfeld etc. См. сноску 7.

точниковедческом — и культурноисторическом, и этнографическом — значении[8].

Чтобы убедиться в этом, сошлемся на несколько примеров. Весьма богата часть словника, отражающая повседневный быт русских людей конца XVII в. Так, на слово «Баня» читаем еще синонимы: «мыльня, омывална, коноб, ванна, лазня, очистилище» с пояснением по-латыни: «Balneum, lavacrum, balixeum, dureta, sudatorium, tepidiarum, locus publicus vel privatus, in quibus sanitatis aut abstergendarum sordium causa lavamur» (1122). Или предметы домашнего обихода — кровать и стулья. Первое понятие дано как «Ложе малое: одр» — «Scimpodion, torulus, grabatum sive humilior lectulus» (11,100). Возможность применения этого слова не только к постели, но и к ложу покойника отмечена в семантике слов, связанных с этим корнем (II,90). Слово «Лава» поясняется как «кресла, седалище», а также «жилище», т. е. как «Scamnum, sedes, sella in qua sedemus» (11,84).

Весьма содержательна та часть словника, которая касается предметов и понятий, отражавших не только материальные, но и духовные аспекты жизни русского общества того времени. Таково, например, пояснение слова «библиотека»: «Библиофека, книгохранилище, рог изобилия, книг собрание, книжница» — «Bibliotheca, dicitur librorum magnus numerus, siue locus ubi libri sunt» (1,50). Или «Друкарь: книжнопечатник, печатарь, типограф», «Друкарня: дом книжно печателый» (1, 352). Чрезвычайным разнообразием отличается трактовка понятий «книга» и производных от нее: «Книг хранители самописных» (здесь отражена преобладающая в то время роль рукописного способа книгопризводства), «Книгопись: книгописец», «Книгопродавец: скоротеча, посел», «Книгочий: писарь посполитый». Любопытны латинские адекваты, примененные здесь. Так, «книгописец» пояснен как «Bibliolathas, bibliographus, librarius, qui libros manu sua mercede describit», а писарь — как «Grammateus, scriba publicus, notarius, cancellarius, qui publicas tabulas scribit et custodit». Обращает на себя внимание, что, судя по «Словарю», уже в XVII в. в русском обиходе существовало обозначение для библиофилов, хотя возможно в реальной практке это и не вполне соответствовало тогдашнему европейскому значению. Во всяком случае, слово «Книгогробницы» переведен как «Bibliotaphi, dicuntur ii, qui librorum suorum menini copiam sui faciunt» (ii, 27—29). 28 понятий, связанных с термином «книга» и зафиксированных Спарвенфельдом, свидетельствовали не только о его внимании к этому, но и о

весьма сложной структуре духовной жизни Русского государства накануне Петровских преобразований. Текст «Словаря», опубликованного У. Биргегорд, нуждается в более детальном этнокультурном анализе, выходящем за рамки статьи. Пока же нельзя не отметить исключительной научной важности труда, успешно выполненного шведской исследовательницей.

Публикация эта важна и тем, что отразила высокий уровень филологических познаний Спарвенфельда в области русистики, даже с учетом помощи, оказывавшейся ему словаком М. Забани и несколькими русскими людьми, интернированными шведскими властями с началом Северной войны. В их числе находился А. И. Манкиев, написавший в начале XVIII в. обзорное сочинение «Ядро Российской истории», посвященное Петру I. О познаниях И. Г. Спарвенфельда в русских делах быстро узнали в европейских ученых кругах. Одним из корреспондентов стал Г. Лейбниц — его переписка со Спарвенфельдом, начавшаяся 6 декабря 1695 г., оказала во многом определяющее влияние на славистические занятия великого немецкого мыслителя.

Ознакомившись с «Грамматикой русского языка» Х. В. Лудольфа (1696), в которой затрагивался важный вопрос о различиях между «обыденным языком московитов», т. е. живым русским языком, и «языком науки в Московии», т. е. литературным церковнославянским, Лейбниц интересовался мнением Спарвенфельда о соотношении с последним русского, польского и чешского языков — этот вопрос был сформулирован в письме 29 января 1697 г., т. е. по горячим следам появления книги Лудольфа. В ответном письме 3(13) марта Спарвенфельд излагал свои соображения, согласно которым церковнославянский язык есть мать всех славянских языков, из которых наиболее близким к нему считал хорватский. Он подчеркивал, что мечтает при составлении сравнительной грамматики использовать примеры из «иллирийского», польского и чешского языков[9].

Самостоятельный интерес имеет письмо Спарвенфельда Лейбницу от 26 апреля 1699 г. В нем примечательно приложение, названное «Обозрение славянорусского языка», — это сжатая характеристика грамматики на 7 больших листах, писанная по-латыни. В центре кириллический алфавит — последовательность и написание прописных и строчных букв с латинской транскрипцией, обозначением цифрового содержания, соответствие греческому и латинскому алфавитам. Для максимальной наглядности Спарвенфельд пояснял звучание букв «славяно-

русского алфавита» не только на немецком, французском, итальянском, но также на других славянских (хорватском, польском, чешском) языках. Кроме того, шведский ученый затрагивал другие вопросы фонетики и синтаксиса, описывал склонение и другие грамматические категории[10].

Информация, полученная от Спарвенфельда, стимулировала славистические интересы Лейбница, расширяла их предметно-геогрфическую зону. Интерес к русскому языку, устойчиво сложившийся у него к концу XVII в., побуждал Лейбница в той или иной мере затрагивать не только историю и культуру славянских народов, но и вопросы их происхождения и первоначального расселения. В частности, он внимательно отнесся к языку вымиравших полабских и поморских славян, особенно, в районе Линебурга. Обратившись к этой теме еще в начале 1690-х гг., после возникшей переписки со Спарвенфельдом он неоднократно возвращался к характеру языка «вендов». Лейбниц пользовался любыми возможностями для установления контактов с носителями живых славянских языков. В числе подобных информаторов был уже упоминавшийся словак Забани, которого он в 1699 г. рекомендовал в помощь Спарвенфельду. В 1702 г. последний сообщал, что Забани переписывает то, «что остается от русского Калепина»[11],— речь, по-видимому, шла о сочинении Е. Славинецкого «Лексикон латинский з Калепина перложенный на славенский». В основе его лежал популярный в то время словарь итальянского лингвиста А. Калепино (1502). Этот пример показывает наличие зависимости славистических занятий Спарвенфельда от работ московских книжников.

Разумеется, говоря о роли контактов между учеными разных стран, не надо забывать, что они были относительно более широкими, чем только между указанными выше лицами. Но именно на примере их представляется возможным наиболее предметно проследить ту взаимозависимость, которая способствовала углубению научных представлений о славянских народах.

Примечания

[1] Winter E. Halle als Ausgangspunkt der Deutschen Russlandkunde im 18. Jh. Berlin, 1953. Idem. Die Pflege der West— und Südslavischen Sprachen in Halle im 18. Jh. Berlin, 1954. Mietzschke A Heinrich Milde: Ein Beitrag zur Geschichte der Slavistischen Studien in Halle. Halle/Saar, 1941.

[2] Мыльников А. С. Об истоках становления славяноведения в России: К вопросу об изучении «предыстории» славистики // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984, С. 5—42.

[3] Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа // Книга. Исследования и материалы. М., 1963. Т. 8. С. 179—245.

[4] Биргегорд У. Лексикографические работы И. Г. Спарвенфельда и их место в истории русской лексикографии // Очерки по раннему периоду славяноведения в Швеции. Лунд, 1975. С. 36.

[5] Янсон Б. К истории учебников и словарей русского языка в Западной Европе // Там же. С. 91.

[6] Подробнее с указанием библиографии см.: Мыльников А. С. Указ. соч. С. 34.

[7] Биргегорд У. Указ. соч. С. 44. Подробнее см.: Birgegard U. Johan Gabriel Sparwenfeld and the Lexicon Slawonicum: His Contribution to 17th Century Slavonic Lexicography.Uppsala, 1985.

[8] Sparwenfeld J. G. Lexicon Slavonicorum. Editet and commented by U. Birgegard. Uppsala, 1987—1989. Vpl. 1—4.

[9] Niedersachsische Landesbibliothek Hannover. LBr. 877. Bl. 15; Wieselgren H. Leibniz' bref till Sparwenfeld // Antiquarisk Tidskrift fur Swerige, 1884—1885. N. 3. S. 15, 19.

[10] Niedersachsicshe Landesbibliothek Hannover. LBr. 877. Bl. 80—84.

[11] Ibidem. Bl. 71.

А. В. Назаренко

Правнучка Ярослава Мудрого — мать иконийского султана Килидж-Арслана II

Цель настоящей заметки — обратить внимание отечественных историков на малоизвестное сообщение «Славянской хроники» Арнольда Любекского (ум. в 1211/14 г.), имеющее непосредственное отношение к Древней Руси. Оно содержится в пространном рассказе о паломничестве в Святую Землю саксонского герцога Генриха Льва (1142—1180), состоявшемся в 1172 г. Рассказ этот открывает хронику и включает в себя такие подробности, которые, несмотря на частые искажения имен собственных, могли быть почерпнуты только у очевидца событий. Независимо от того, был ли таковым сам Арнольд (как иногда считают), или он воспользовался информацией, полученной от своего священноначальника Генриха (любекского епископа с 1172/73 г.), имя которого не раз упомянуто в хронике среди участников паломничества, повествование Арнольда Любекского в данном случае следует признать вполне достоверным. Приведем интересующий нас отрывок в собственном переводе.

На обратном пути герцог собирается посуху двинуться через Киликийскую Армению, но, заподозрив тамошнего правителя Малеха в коварстве, предпочитает добраться от Антиохии до Тарса на кораблях, предоставленных антиохийским князем Боэмундом III. «Когда же он причалил к городу под названием Тарс (Torsult), а по-сарацински — Тортун (который впоследствии названный Малех захватил и подчинил своей власти в отместку за то, что этим путем [от него] ускользнули [некие] паломники), султан, государь турок, прислал к нему пятьсот воинов, которые должны были сопроводить его со всем, что было с ним, через земли Малеха. Отправившись, они три дня двигались по непроходимой и безводной пустыне, по степи печальной и дикой (Второзак. 32, 10.—*А. Н.*), которая зовется Руменийской пустыней (хребет Центрального Тавра.—*А. Н.*), где испытывали большие тяготы, везя с собою на лошадях все необходимое, даже воду, которую пили и сами, и их кони. Так они прибыли к городу, что на языке турок называется Ракилеи, а на нашем языке — Ираклия; некогда им владел иерусалимский государь Ираклий (византийский император Ираклий [610—642].—

А. Н.), который убил Хосрова (персидского шаха Хосрова II.—*А. Н.*), захватившего Иерусалим и похитившего Крест Господень. Прибыв туда, герцог был пышно встречен турками и сопровожден к Аксарату (местность между Ираклией и Иконием.—*А. Н.*), где его встретил в чрезвычайной радости султан, который обнял и облобызал его, говоря, что герцог — его кровный родственник. Когда же герцог стал допытываться, сколь близка эта родственная связь, тот отвечал: 'Некая знатная госпожа из Немецкой земли вышла замуж за короля Руси, у которого от нее была дочь, чья дочь оказалась в нашей земле — от нее-то я и происхожу'. Султан возблагодарил Бога небесного за то, что герцог избежал рук Малеха, уверяя, что тот — [человек] неверный и предатель и, если бы [Генрих] оказался на его земле, то наверняка был бы ограблен или даже лишен жизни. И подарил ему множество подарков, покрывало и рубашку из лучшего шелка. Они были такой великолепной выделки, что герцог [велел] изготовить из них плащ и далматик. Вслед за тем были подведены тысяча восемьсот лошадей, из которых герцог мог выбрать, каких захочет. Герцог сказал своим воинам, чтобы каждый взял себе понравившегося ему коня. Потом привели тридцать превосходных скакунов с серебряной сбруей и отличными седлами из слоновой кости и с попонами, которых султан подарил герцогу. Он дал ему также шесть войлочных палаток, [в которых живут] по обычаю той страны, и шесть верблюдов, чтобы перевозить их, вместе с рабами-погонщиками. К ним он прибавил двух леопардов, а также рабов и лошадей — ибо они были приучены к тому, чтобы их перевозили на лошадях. Поскольку султан обращался с ним со всевозможной благожелательностью, герцог стал обличать его языческие заблуждения, много рассказывая ему о воплощении Христа и католической вере. Тот же отвечал: 'Вовсе не трудно поверить, что Бог, который сотворил первого человека из праха земного, мог при желании воспринять плоть от непорочной девы'. Принадлежа к секте николаитов (автор именует так мусульман, видимо, в связи с допускаемым у них многоженством.—*А. Н.*), он, надо думать, слышал о книгах Моисеевых, в которых и прочел о сотворении первого человека. Ведь есть немало язычников, которые признают Пятикнижие Моисеево, но тем не менее, как некогда самаритяне, не оставляют идолослужения»[1].

В этом колоритном рассказе нас интересует прежде всего сообщение о родстве Генриха Льва и иконийского сульджукского султана, которым был тогда Килидж-Арслан II (1156—1188/92), через русских

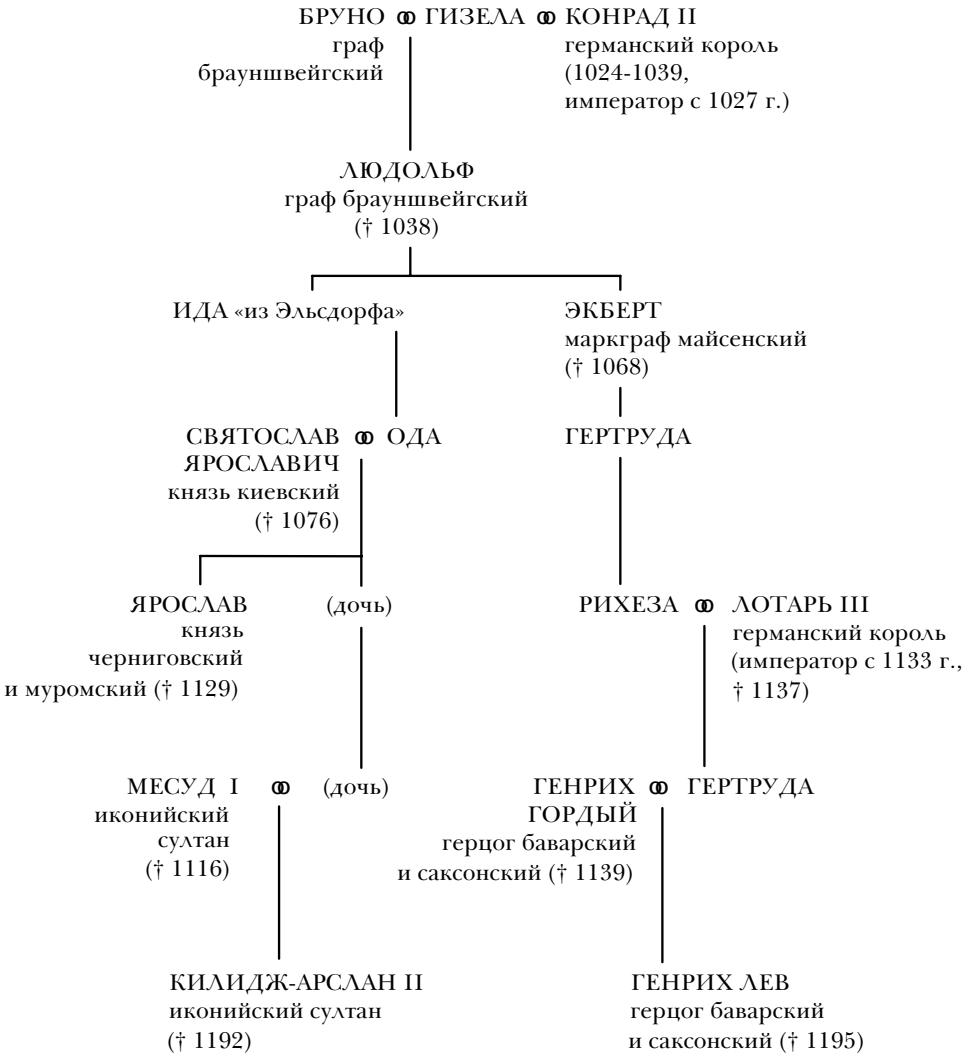
предков матери последнего. Насколько нам известно, в науке этот сюжет до сих пор никак не комментировался, если не считать брошенного мимоходом замечания М. Б. Свердлова, что приведенная у Арнольда генеалогия, «вероятно, вымышлена. Нет никаких материалов, которые позволили бы ее проверить»[2]. Столь неутешительная историографическая ситуация в известной степени объяснима. Ведь хронист, к сожалению, никак не уточнил хотя бы немецкую часть упомянутой им генеалогической связи. В то же время подозревать его в банальном вымысле или в том, что он простодушно включил в свое сочинение чужой вымысел, на наш взгляд, вряд ли уместно. Вельфы отличались особенным вниманием к своему родословию, и их генеалогическая традиция получила письменную фиксацию одной из первых в Европе — уже в 20-е годы XII в.[3] Поэтому немудрено, что честолюбивый Генрих Лев, могучий соперник императора Фридриха I Барбароссы (1152—1190), был так заинтригован новостью, полученной от султана сельджуков. Но это же обстоятельство и весьма затрудняло возможность правдоподобного вымысла — потенциальный фальсификатор, прежде чем предъявить свою фикцию главе рода Вельфов, должен был бы внимательно ознакомиться с реальной его генеалогией. Вряд ли у иконийского султана была такая возможность. Что касается самого Арнольда или его информанта, то не видно мотивов, которые могли бы побудить их пускаться в сомнительные генеалогические фантазии по поводу своего сюзерена. Более того, есть другие современные событиям памятники (и они были известны уже издателям критического текста «Славянской хроники» — И. М. Лаппенбергу и Г. Х. Пертцу), которые изображают Килидж-Арслана II покровителем христиан и, тем самым, косвенным образом подтверждают рассказ Арнольда Любекского. В «Больших кельнских анналах», одном из наиболее аутентичных источников за третью четверть XII в., в сообщении о паломничестве Генриха Льва также говорится о встрече последнего на обратном пути с неким «королем язычников, который принял его с честью, преподнес множество великолепных даров и по просьбе герцога освободил всех пленных христиан-иностранцев, пребывавших в его стране»[4]. В хронике Роберта (ум. в 1186 г.), настоятеля монастыря в Беке (в Нормандии, юго-западнее Руана), под 1180 г. читаем, что иконийский султан «весьма любил христиан и сделал им много доброго»[5].

Главное, однако, в другом. Информация Арнольда оказывается вполне верифицируемой благодаря единственной содержащейся в ней кон-

кретной детали — указанию на русское звено, связующее родословия саксонского герцога и иконийского султана. Килидж-Арслан II был сыном султана Месуда I, умершего в 1116 г. Отсюда получаем terminus ante quem для рождения матери Килидж-Арслана — ок. 1100 г., и, соответственно, для его бабки со стороны матери — ок. 1080/85 г. Для этого периода науке известны только два брака русских князей с немками — это браки черниговского князя (с 1054 г.) Святослава Ярославича (в 1073—1076 гг.— князя киевского) с Одой, дочерью некоей Иды «из Эльсдорфа», и Ярополка Изяславича, в 1078—1086/87 гг. князя волынского, с Кунигундой из рода графов Орламюнде. Последний из названных матримониальных союзов приходится на 1075 г., когда Ярополк, вместе со своим отцом Изяславом Ярославичем (киевский князь в 1054—1068, 1069—1073, 1077—1078 гг.), пребывал в Германии в изгнании[6]. Что касается первого, то до недавнего времени как сам факт его (вслед за авторитетным мнением Н. А. Баумгартена[7] Оду часто считали супругой старшего из сыновей Ярослава Мудрого — новгородского князя Владимира Ярославича [ум. в 1052 г.]), так и в особенности датировка были дискуссионны. Но благодаря новонайденному источнику — санкт-галленскому продолжению начала XII в. хроники Германна из Райхенау — теперь вопрос может быть решен окончательно: мужем Оды, приходившейся, как выяснилось, внучатой племянницей германскому королю (впоследствии императору) Генриху IV (1056—1106), был именно Святослав Ярославич, и брак был заключен в 1070/71 г.[8] Если бы одна из названных немецких принцесс в самом деле оказалась в кровном родстве с Генрихом Львом, то это могло бы послужить решающим подтверждением свидетельству Арнольда Любекского.

И что же? Если применительно к Кунигунде Орламюндской кровную связь с предками Генриха Льва установить не удается, то в отношении Оды она обнаруживается без труда. Проблему генеалогических связей Иды «из Эльсдорфа» один из отчаявшихся исследователей в свое время назвал «осиным гнездом», которое лучше не ворошить историку[9]. С тех пор благодаря ряду открытий многое в этой области прояснилось. И хотя, например, личность отца Оды, первого супруга Иды, по-прежнему не имеет бесспорной идентификации, можно считать установленным, что отцом Иды был брауншвейгский граф Людольф (ум. в 1038 г.), сын императрицы Гизелы, жены Конрада II (1024—1039), от одного из ее двух первых браков[10]. Поскольку известно, что сыном от брака графа Людольфа и Гизелы был брауншвейг-

ский граф Экберт Старший (ум. в 1068 г.), маркграф майсенский и один из опекунов малолетнего Генриха IV, на внучке которого (Экберта) Рихезе был женат саксонский герцог, а затем и германский король Лотарь III Супплинбургский (1125—1137, император с 1133 г.), то выходит, что Генрих Лев, являясь сыном баварского и саксонского герцога Генриха Гордого (ум. в 1139 г.) и Гертруды Супплинбургской, дочери Лотаря III и Рихезы, был в чертвертом колене родным племянником Иды «из Эльсдорфа» (см. генеалогическую таблицу).

Таким образом, твердо установленный факт замужества «знатной госпожи из Немецкой земли», говоря словами Арнольда Любекского, Оды (к которой в историографии часто по недоразумению прилагают эпитет «Штаденская» [11]) за «короля Руси» Святослава Ярославича, одного из сыновей киевского князя Ярослава Владимировича Мудрого (1016—1018, 1019—1054), превосходно объясняет кажущееся столь невероятным известие «Славянской хроники». Правда, остается неясным (по крайней мере, пока), как внучка Святослава попала в гарем Месуда I. Но само по себе это, разумеется, никоим образом не может подорвать изложенной гипотезы, служа лишь стимулом для новых поисков, которые облегчаются тем, что их направление достаточно четко определено. Наиболее логичным представляется предположение, что либо сама Святославна, либо ее дочь была выдана замуж в Византию, где в силу каких-то обстоятельств оказалась в плену у сельджуков. В этой связи, естественно, вспоминается гипотеза В. Г. Васильевского о планах матримониального союза между одним из братьев византийского императора Михаила VII Дуки (1071—1078) с дочерью то ли Святослава, то ли Всеволода Ярославичей (сам историк предпочитал кандидатуру Всеволода)[12]. Надо иметь в виду и другую возможность: не исключено, что Святославна разделила сначала тмутараканское изгнание, а затем и византийский плен своего старшего брата Олега Святославича; если так, то не вышла ли она там замуж, последовав примеру Олега, женившегося на гречанке Феофано Музалониссе[13]? Так или иначе, оставляем возможное решение этого вопроса на будущее, здесь же в заключение ограничимся указанием на еще одно загадочное обстоятельство, также связанное с черниговским княжеским домом и снова уводящее нас на Ближний Восток.

Из «Киево-Печерского патерика» известно, что один из внуков Святослава Ярославича, сын черниговского князя Давыда Святославича (1097—1123), Святослав (Святоша-Николай) «имяше … еще в княженьи сыи, лечьца хытра вельми, имянем Петра, родом *сурянина* (курсив наш.—*А. Н.*)»; после вступления Святоши в Печерский монастырь этот врач-сириец перебрался вслед за князем в Киев и долгое время безуспешно уговаривал его оставить монашество как род подвижничества, не подобающий князю[14]. Это сообщение приобретает дополнительную весомость, если вспомнить, что именно князь-инок Николай-Святоша заказал некоему Феодосию Греку (вероятно, тому самому, который несколько позднее, в середине XII в., известен в качестве на-

стоятеля Киево-Печерского монастыря) перевод послания папы св. Льва Великого константинопольскому патриарху Флавиану о ереси Евтихия, о чем узнаем из предисловия к самому переводу[15]. С этим практически неизученным текстом связано немало загадок. Прежде всего непонятно, что же побудило Николая-Святошу обратиться к памятнику христологических споров середины V в.? Ясно лишь, что один из главных документов исторической полемики против монофизитов, вошедший затем и в деяния IV Вселенского собора в Халкидоне, был почему-то актуален для черниговского князя, постриженика Печерского монастыря, в первой половине XII в. «Лечец-сурянин» Петр, судя по имени, был христианином, а стало быть, с большой долей вероятности — якобитом, т. е. представителем западносирийской монофизитской церкви. При этом очевидно, что дружба-вражда Николая-Святоши и «сурянина» Петра не могла стать непосредственной причиной интереса князя к антимонофизитской литературе, так как перевод послания папы Льва I был заказан много спустя после смерти Петра, ближе к концу жизни Святоши, т. е. ок. 1142 г. (в конце перевода Феодосий поминает князя-заказчика как покойного). Следовательно, сирийско-якобитский «раздражитель» был для Николая-Святоши устойчивым, а это предполагает какие-то его (или черниговских Святославичей в целом) более или менее постоянные контакты со средой сирийских монофизитов. В таком случае уместно задаться вопросом, не объясняются ли эти контакты тем, что Давыд Святославич или же сам Николай-Святоша поддерживали связь со своей «сельджукской» племянницей (сестрой), используя местных сирийских христиан-якобитов — народ чрезвычайно подвижный, из среды которого во множестве выходили купцы и особенно (как и из числа восточносирийских несториан) врачи[16]?

Примечания

[1] Arnoldi chronica Slavorum, cap. I, 9 / E rec. I. M. Lappenbergii ed. G. H. Pertz. Hannoverae, 1868. P.23—25: «Cumque ad civitatem quandam applicuisset que dicitur Torsult, saracenice vere Tortun — quam postea idem Milo expugnans sibi subiugavit in ultionem, quod peregrini ibi preterlapsi fuissent — soldanus, princeps Turcorum, misit ei quingentos milites, qui eum per terram Milonis deducerent cum omnibus que illius erant. Profecti autem per triduum transierunt per terram desertam et inviam et inaquosam, terram horroris et vaste solitudinis, que Rumenia deserta dicitur, ubi multum laboraverunt, portantes in equis omnia necessaria, etiam aquam quam biberent

tam ipsi quam iumenta eorum. Et ita pervenerunt ad civitatem que iuxta linguam Turcorum dicitur Rakilei, in nostra lingua Eraclia, quam princeps Ierosolymitanus Eraclius olim tenebat, qui occidit Cosdroe, qui Ierosolymam ceperat et lignum Domini in captivitatem asportaverat. Dux autem illuc perveniens magnifice susceptus est a Turcis et inde deductus est Axarat, ubi occurrit ei soldanus letissimus, amplexans et deosculans eum, dicens, eum consanguineum suum esse. Cumque dux perquireret affinitatem consanguinitatis, ille respondit: 'Quedam nobilis matrona de terra Theutonicorum nupsit regi Ruthenorum, qui genuit ex ea filiam, cuius filia devenit in terram nostram, de qua ego descendi'. Benedicebat autem soldanus Deum celi, quia dux manus Milonis evaserat, dicens eum infidelem et, si in terram eius devenisset, profecto eum rebus vel etiam vita spoliasset. Dedit autem ei dona plurima, mantellum et tunicam de optimo serico. Qui propter operis excellentiam fecit inde casulam et dalmaticam. Post hec adducti sunt equi mille octingenti, ut eligeret quos vellet. Dixit ergo dux militibus suis, ut quisque acciperet sibi equum quem voluisset. Inde adducti sunt caballi fortissimi triginta cum frenis argenteis et sellis optimis de pallio et ebore compositis, quos duci tradidit. Dedit ei etiam sex domos filtrinas secundum morem terre illius et sex camelos, qui eas ferrent, cum servis, qui eas ducerent. Addidit his duos leopardos et equos et servos: docti enim erant sedere in equis.Cumque omnibus modis benignissime eum tractaret, arguit eum dux de superstitione gentilitatis, multa dicens ei de incarnatione Christi et fide katholica. Qui respondens: 'Non est, ait, difficile ad credendum, quod Deus, quando voluit, de immaculata virgine carnem assumpsit, qui hominem primum de limo terre plasmavit'. Forte, quia de heresi Nicolaitarum erat, libros Moysi audierat, in quibus de plasmatione primi hominis legerat. Sunt enim multi gentiles, qui pentateuchum Moysi recipiunt, nec tamen ab idolatria cessant, ut olim Samaritani».

[2] Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия / Составл., перев., коммент. М. Б. Свердлова. [Вып. 2:] Середина XII — середина XIII в. М.; Л., 1990. С. 364. Коммент.13. Приведенный в этом издании перевод отрывка из хроники Арнольда Любекского страдает досадными неточностями — в том числе и в наиболее существенной для историка-русиста части: так, матерью иконийского султана оказывается не внучка, а дочь «короля Руси» (С. 362).

[3] Genealogia Welforum / Ed. G.Waitz // MGH SS. T.13. Hannoverae, 1881. Как раз на рубеже 60-х и 70-х годов XII столетия в швабском монастыре Вайнгартен (родовом монастрые Вельфов, находившемся тогда во владениях тосканского герцога Вельфа VI, родного дяди Генриха Льва) был создан усовершенствованный вариант этого родословия: Historia Welforum Weingartensis / Neu hg., übers. und erläut. von E. König // Schwäbische Chroniken der Stauferzeit. Bd.1. Stuttgart, 1938. Ранее, между 1132 и 1137 гг., возник и так называемый «саксонский источник» по генеалогии Вельфов (Oexle G. O. Sächsische Welfenquelle als Zeugnis der welfischen Hausüberlieferung // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters [далее: DA]. Jg. 24. Köln; Wien, 1968. S. 435—497).

[4] Annales Colonienses maximi, a.1173 / Ed. G. H. Pertz // MGH SS. T.17. Hannoverae, 1861. P.785—786: «… in reditu vero quidam rex paganus eum honorifice

suscipiens, plura et magnifica dona optulit, omnesque captivos christianos, qui sub regno eius exulabant, interventu ducis absolvit».

[5] Roberti de Monte [St. Michaelis] cronica, a.1180 / Ed. L. C. Bethmann // MGH SS. T. 6. Hannoverae, 1844. P.530: «… multum christianos diligebat et multa bona eis faciebat». Хронист, правда, ошибочно именует Килидж-Арслана II Сулейманом, т. е. именем его прадеда, основателя династии, и, кроме того, также ошибочно сообщает под 1180 г. о его смерти: в действительности Килидж-Арслан умер в 1192 г. после распада в 1188 г. подвластного ему султаната на уделы (см., например: Гордлевский Вл. Государство сельджукидов Малой Азии. М.; Л., 1941. С. 185). Указанного Г. Х. Пертцем известия Роберта о том, что жена Килидж-Арслана II была тайной христианкой (Arnoldi chronica… P. 24. Not. 6), нам у этого автора обнаружить не удалось; во всяком случае в статье 1180 г., на которую ссылается Пертц, такого известия нет.

[6] Annalista Saxo, a.1062 / Ed. G. Waitz // MGH SS. T.6. P.693; Ediger Th. Russlands älteste Beziehungen zu Deutschland, Frankreich und der römischen Kurie. Halle/S., 1911. S. 49—55; Баумгартен Н. Кунигунда Орламюндская, княгиня русская, и ее потомство // Летопись Историко-родословного общества. Год 5. М., 1909. Вып. 3 (19). С. 32—40; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 124, 425. Табл. 6, № 1; и др.

[7] См., например: Baumgarten N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siècle // Orientalia Christiana. Vol. 9. № 35. Roma, 1927. P. 7. Tabl. 1, N 22; Баумгартен Н. Ода Штаденская, внучатая племянница папы Льва IX — невестка Ярослава Мудрого // Благовест. Париж, 1930. № 1. С. 95—102; и мн. др.

[8] См. подробный обзор источников и историографии в работе: Назаренко А. В. О династических связях сыновей Ярослава Мудрого // Отечественная история (далее: ОИ). М., 1994. № 4—5. С. 181—194.

[9] Jakobs H. Der Adel in der Klosterreform von St. Blasien. Köln; Graz, 1968. S.184 (Kölner Historische Abhandlungen. Bd.16).

[10] Wolf A. Wer war Kuno von Öhningen? Überlegungen zum Herzogtum Konrads von Schwaben († 997) und zur Königswahl vom Jahre 1002 // DA. Jg. 36, 1980. S. 39—44; Hlawitschka E. Untersuchungen zu den Thronwechseln der ersten Hälfte des 11. Jahrhunderts und zur Adelsgeschichte Süddeutschlands: Zugleich klärende Forschungen um «Kuno von Öhningen». Sigmaringen, 1987. S.152—153 (Vorträge und Forschungen. Sonderband 35).

[11] По крови Ода не имела отношения к Штаденам, но формально была сестрой Удона II Штаденского (ум. в 1082 г.), маркграфа Саксонской северной марки, так как он был усыновлен ее матерью Идой «из Эльсдорфа» (Annales Stadenses auctore Alberto / Ed. I. M. Lappenberg // MGH SS. T. 16. Hannoverae, 1859. P. 319).

[12] Васильевский В. Г. Два письма византийского императора Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу // Васильевский В. Г. Труды. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1909. С. 3—55 (первая публикация — в 1875 г.). О несостоятельности критики А. П. Ка-

жданом этой гипотезы (Kashdan A. Rus'-Byzantine Princely Marriages in the Eleventh and Twelfth Centuries // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 12/13. Cambridge (Mass.), 1988/1989. P. 418—419) см. нашу рецензию на названный гарвардский том: ОИ. 1992. № 4. С. 205 (пользуясь случаем, хотим исправить недосмотр, допущенный в рецензии: на указанной странице, в 9 строке снизу, вместо «*сына* Михаила VII» следует читать «*брата* Михаила VII»).

[13] Янин В. Л. Печати Феофано Музалон // Нумизматика и сфрагистика. Т. 2. Киев, 1965. С. 76—90; он же. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 1: Печати X — начала XIII в. М., 1970. С. 24—28.

[14] Патерик Киевского Печерского монастыря / [Изд. Д. И. Абрамович]. СПб., 1911. С. 83—85, 183 (слово 20).

[15] Бодянский О. Славянорусские сочинения в пергаменном сборнике И. Н. Царского // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Т. 3. М., 1848. № 7. С. 1—22 (славянской пагинации).

[16] Несколько подробнее об этом см.: Назаренко А. В. Русь и Святая Земля в эпоху крестовых походов // Богословские труды. Т. 34. М., 1999 (в печати).

В. Я. Петрухин

К проблеме происхождения древнерусской десятины: «Ветхий завет» и древнерусская традиция

Ветхий завет являл для древней Руси, как и для всякого формирующегося раннефеодального государства, те исторические образцы, на которые ориентировались создающие государственную идеологическую традицию книжники. Эта аксиома стала настолько привычной для исследователей древнерусских памятников, что нередко навеянные ветхозаветной традицией тексты воспринимаются как непосредственно отражающие древнерусские реалии, даже в тех случаях, когда в текстах имеются прямые ссылки на ветхозаветный образец.

Это относится и к древнерусским текстам, описывающим деяния князя Владимира Святославича, в том числе — в «Повести временных лет». Там князь — основатель христианского государства прямо сопоставляется с Соломоном и одновременно противопоставляется ему: мотив женолюбия и идолопоклонства в летописи (ПВЛ. 1. С. 56—57) приурочен к началу княжения Владимира, Соломон же предался греху после совершения им главного подвига — строительства Храма (III Царств, гл. 11); соответственно, заключает летописец, Соломон «мудр же бе, а наконец погибе; се же (Владимир) бе невеголос, а наконец обрете спасенье».

Этому зачину христианского «жития» Владимира соответствует и описание последующих его деяний, где сопоставление князя с Соломоном продолжается в связи со строительством первого соборного храма крещеной Руси — церкви Богородицы или Десятинной. Киевский храм, заложенный, согласно ПВЛ, в 989 и освященный в 996 г., неслучайно был посвящен Богородице (вероятно, Успению) — Десятинная церковь была предшественницей Софийской и аналогом главного собора Константинополя — св. Софии. Освящение произошло 12 мая — в день «обновления Царьграда», освящения новой столицы империи Константином Великим в 330 г. (Голубинский 1997. Т. 1. С. 182). В тексте «Повести временных лет» строительство Десятинной церкви (как в свое время и строительство св. Софии в Константинополе) есте-

ственно ассоциируется со строительством первого Храма в Иерусалиме. На совпадение отдельных мотивов в описании этих деяний Владимира и Соломона давно (начиная с Н. И. Костомарова: ср. из последних работ — Сендерович 1994. С. 38—39) обращали внимание исследователи, но специальным разбором их занимался в начале XX в. Г. М. Барац (1908; 1926. Т. 1. С. 620 и сл.).

Барац отметил совпадение нескольких мотивов в сюжете строительства Храма в «Ветхом завете» и русской летописи: призвание мастеров из Тира и «от грек», строительство храмов на горе, украшение и снабжение их обрядовой утварью[1]; время, отведенное на строительство (семь лет: обстоятельство, само по себе существенное для изучения летописной хронологии); молитва Владимира, начало которой находит соответствие в Псалме 79, окончание — в молитве самого Соломона, произнесенной по завершении храма (III Царств, гл. 8, 27—29). По освящении храма Владимир «створи праздник велик в те день боляром и старцем градским[2], и убогим роздал имения много» (ПВЛ. 1. С. 85); ср.: III Царств, гл. 8, 65 — «и сделал Соломон в это время праздник и весь Израиль с ним» и т. д. (см. также сравнительный анализ летописного и ветхозаветного текста: Данилевский 1995. С. 150—151).

В библейском и летописном сюжетах строительства первого храма есть, вместе с тем, существенное для нас различие: мотиву жертвы, принесенной Соломоном после освящения храма и молитвы, в летописи соответствует мотив десятины, пожертвованной храму (ср. Мурьянов 1978). «Даю церкви сей святей Богородици от именья моего и от град моих десятую часть»,— говорит Владимир (ПВЛ. 1. С. 85). «И вдасть десятину Настасу Корсунянину». Поэтому сама церковь Богородицы была прозвана Десятинной.

Византийские истоки древнерусской церковной организации, равно как и византийское происхождение текстов, относящихся к сюжетам распространения христианства на Руси в летописи, традиционное и для Византии соотнесение Константина Великого с Соломоном (а для Руси — Владимира с Константином: ср. Плюханова 1995. С. 120—124), на первый взгляд, делают очевидным происхождение и древнерусской десятины. Однако ни в Византии, ни в Западной Европе, где, как и во всем средневековом мире была известна десятина, этот налог не был централизованным, а в Византии десятина вообще не шла церкви (Щапов 1965. С. 315—316). Юстиниан, строитель константинопольской Софии, который воскликнул при освящении храма: «Я победил тебя,

Соломон!», отписал на содержание церкви доходы от 365 «имуществ» — на каждый день (Кулаковский 1996. С. 86), но это не была десятина.

Ближайшие параллели десятине как централизованному налогу, идущему церкви от князя, как показал Б. Н. Флоря, известны в западнославянских землях. Это позволяло исследователям предполагать общеславянское (Флоря 1992. С. 15 и сл.) и даже языческое происхождение десятины — клиру полагалось то, что некогда шло на содержание «волхвов» (ср. Щапов 1965. С. 315—325); языческое «наследие» кажется совершенно очевидным в описании Повестью временных лет того деяния Владимира, которое следовало сразу за крещением: «повеле рубити церкви и поставляти по местом, иде же стояху кумири. И постави церковь святаго Василья на холме, иде же стояше кумир Перун и прочии, иде же творяху потребы князь и людье». В Киеве церковь Василия действительно была построена на месте капища: князь стал отправлять новый культ. Однако в контексте древнерусской христианской литературы строительство церквей на месте капищ — «общее место», «этикетное» прославление победы христианства над язычеством: ср. у Козмы Пресвитера — «Кто ли не веселит ся, видя кр(е)сты на высокых местех стояща, на них же прежде жряху бесом человеци» (Бегунов 1973. С. 308). Показательно, что Десятинную церковь князь возвел на месте старого Киевского некрополя, как о том свидетельствует археология (см. полное издание материалов: Толочко 1996), но «Слово на обновление Десятинной церкви» повторяет ту же фразу: «идеже бо жертвицы бесом беша, ту святыя церкви» (Гладкова 1996. С. 26).

Собственно древнерусские тексты указывают на иной, отнюдь не языческий, источник традиции взимания десятины в пользу церкви. Во всяком случае, мотив передачи десятины Владимиром Настасу (Анастасу) Корсунянину соответствует тому ветхозаветному сюжету, где также впервые упоминается десятина: праотец Авраам дает Мелхиседеку, «первому священнику (иерею) Всевышнего», десятую часть «от всего» (Бытие, глава 14, 20: ср. также о десятине жреческому сословию — левитам, от которой десятая часть должна идти первосвященнику Аарону — Числа, глава 18, 21—32, в новозаветной традиции — К евреям, гл. 7: ср. уже у Татищева. Т. 2. С. 236). Может быть, этот книжный мотив несколько проясняет загадочную роль Настаса Корсунянина, наделяемого «книжной» функцией первожреца — неслучайно в «Повести о Николе Заразском» он именуется епископом и крестит князя Владимира в Корсуни(ПЛДР. XIII в. С. 176), а в Новгородской

летописи Настас назван «иереем»; едва ли, вопреки некоторым предположениям, он был первым русским митрополитом или даже епископом — приписываемые ему в источниках «хозяйственные функции» явно заслоняют «иерейские», но экономическое обеспечение церкви должно было сопутствовать и даже предшествовать ее созданию, во всяком случае, созданию русской митрополии (ср. Поппэ 1968. С. 46—48; Щапов 1989. С. 30). Существенно, что древнерусские тексты, повествующие о пожертвовании князем десятины «от всего имения» (ср. Флоря 1992. С. 17) и т. п., ориентированы на ветхозаветный образец (ср. Поппэ 1968. С. 215—218; Щапов 1989. С. 85).

В полном виде предписание десятины дано во Второзаконии, где Моисей обращается к народу Израиля: «Егда же совершиши одесятити всю десятину плодов земли твоея в лето третье, вторую десятину да даси левиту и пришельцу и сироте и вдове, и ядят во градех твоих и насытятся» (глава 26, 12). Соответственно, передача Владимиром десятины «от имения моего и от град моих» тяготеет к тому же библейскому контексту. В «Памяти и похвале Владимиру» Иакова Мниха упоминание о десятине, данной церкви Богородицы, прямо продолжается цитатой из Второзакония: князь дал десятину для того, чтобы «тем попы набдети и сироты и вдовича и нищая» (БЛДР. Т. 1. С. 318, ср. 322; Зимин 1963. С. 68). А. Поппэ (1968. С. 215—218) полагает, что первоначально Владимир следовал ветхозаветной заповеди и дал десятину только одной — княжеской — церкви. Еще Е. Е. Голубинский (Т. 1. С. 507 и сл.) подчеркивал, что и впоследствии десятина шла епископам (ср. замечание Я. Н. Щапова — 1989. С. 77 — о том, что десятина причиталась не всем вновь основанным церквам, а лишь соборным). При этом централизованная княжеская десятина, конечно, отличалась от ветхозаветной, которую должны были платить все праведные иудеи (к последней ближе десятина, взимавшаяся со всех свободных дворовладельцев в империи Каролингов — ср. Голубинский 1997. Т. 1. С. 506—507; Щапов 1989. С. 85). Но эта древнерусская специфика не снимает вопроса о том, насколько дар Владимира был «историческим актом», и насколько — данью книжному «этикету»: действительно ли в десятину шла «десятая мера всякого произращавшегося хлеба и десятая голова всякого прибывавшего скота» (Голубинский 1997. Т. 1. С. 514)? Ведь цитированный пассаж Второзакония, очевидно, был популярен на Руси (может быть, при посредстве Паримийника — собрания отрывков из Ветхого завета, читаемых в церкви) и относился не

только к князьям. Так, в «Поучении духовника исповедующимся» (список XIII в.) говорится: «Десятину же от всего имения своего, лоучшее отъем, дажь Богови, совокупив же ю, держи оу собе, да от того даеши сироте и въдовици, и странным, и попом, и черньцем, и убогим» (Флоря 1992. С. 35).

Соответственно, и слова т.н. Устава Владимира Святославича, составленного во второй половине XII в., о десятине, которую князь дал церкви «из домов на всякое лето десятое от всякого стада и от всякого жита» (ДКУ. С. 18, 23 и др.) и т. п. древнерусские установления (ср. Щапов 1989. С. 76—87; Флоря 1992. С. 21—35), нельзя рассматривать без учета библейской «книжной» традиции: ср. о царской дани — десятой части от посевов и от мелкого скота: I-я Царств, глава 8, 15 и т. п. Эта естественная для Руси ориентация на «Ветхий завет» создает дополнительные сложности для различения «книжного» и реального в ранней русской истории. Кажется, что сами древнерусские тексты такого рода не дают возможности, во всяком случае, напрямую обнаруживать связь с «реальной» историей, и древнерусских книжников заботит больше соотнесение русских реалий с историей «идеальной», чем сами эти реалии (ср. Сендерович 1994; Данилевский 1995). Но сам акт наделения церкви Богородицы, прозванной Десятинной, десятиной, относится, скорее, к русским реалиям, чем просто к переиначенным библейским цитатам — цитаты были «приспособлены» к этому акту, совершенному Владимиром. Историческая конкретизация этого акта — уточнение источников десятины в том же уставе Владимира, где говорится, что князь «создах церковь святую Богородицю и дах десятину к ней во всей земли Руской ис княженья *от всего суда десятую векшу*, *ис торгу десятую неделю* (курсив мой.— *В. П.*), из домов на всякое лето десятое всякого стада и всякого жита» — свидетельствует о действенности ветхозаветной традиции на Руси, включении в десятину судебных и торговых пошлин. Наконец, в уставной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича, связанной с учреждением епископии в Смоленске, церкви Богородицы и епископу жалуется десятина «от всех данеи смоленских», которая выражается уже в денежном счете — гривнах (ДКУ. С. 141—142).

Вместе с тем, конкретные исторические истоки этого акта Владимира казались, опять-таки, очевидными энтузиастам, ищущим непосредственного влияния ветхозаветной — иудейской или еврейско-хазарской — традиции на древнерусскую. Г. М. Барац хоть и считал рассказ

о строительстве Десятинной церкви в целом «плодом сочинительства» летописца, но усматривал одновременно следы хазарского влияния в обильных библейских цитатах, содержащихся в летописи. При этом Барац основывался на летописном тексте, повествующем под 944 г. о первых христианах в Киеве, утверждая, что летопись свидетельствует не о варягах-христианах, живущих в квартале, называемом «Козаре», а о варягах и хазарах, исповедующих христианство. Эта его догадка мало приемлема, если учесть, что ипатьевский вариант летописи явно свидетельствует о том, что «Козаре» — название киевского урочища (ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 43—44; ср. также о хазарском влиянии — Вернадский 1941).

Более интересным и перспективным в плане понимания летописи и замыслов средневековых книжников вообще представляется другое наблюдение Бараца (1908. С. 80; ср. Архипов 1995. С. 17—54), который обратил внимание на сходство сюжетов обращения Владимира и обращения хазарского правителя Булана по данным еврейско-хазарской переписки. Действительно, обратившийся в иудаизм Булан слышит повеление Господне построить храм, сетует на то, что у него нет серебра и золота для учреждения святыни. Ангел повелевает ему завоевать богатства, и тот берет чужеземный город, где получает все необходимое для учреждения культа (Коковцов 1932. С. 77, 94). Этот мотив тождествен мотиву Владимирова похода на Корсунь[3], где князь получил необходимую для строительства храма утварь, но дальнейшие действия русского князя и хазарского царя различаются, и эти различия весьма симптоматичны. Булан, получивший имя Савриила, строит не храм, а шатер — скинию, помещает туда ковчег, светильник, стол, жертвенник и т. п., то есть ведет себя не как Соломон, а как Моисей (Исход, глава 35, 11—16: см. Коковцов 1932. С. 76—77). Правда, в проложном житии Владимира Киев называется новым Иерусалимом, а сам князь — вторым Моисеем (Голубинский 1997. Т. 1. С. 236; Зимин 1963. С. 72). Образец пророка, ведущего свой народ через пустыню, конечно, больше подходил для предводителя полукочевого народа, чем для строителя Храма; при этом трудно себе представить, чтобы книжники или сам автор письма — царь Иосиф, знакомые с синагогальным культом, приурочили мотив скинии к сюжету об обращении Булана, а не следовали собственно хазарской традиции. В свою очередь, параллель этому мотиву известна в традиции, которая едва ли могла повлиять на хазарскую: Сократ Схоластик (кн. 1, глава 18) свидетель-

ствует, что любовь к христианству самого Константина Великого «была столь велика, что что перед наступлением персидской войны, устроив из пестрой ткани палатку, представлявшую подобие церкви, он приказал носить ее за войском, как некогда делал Моисей в пустыне».

Очевидно, библейский образец был более действенным и влиявшим на реальную жизнь раннесредневековых правителей, особенно в эпоху «выбора веры», кардинальных перемен как в сфере культа, так и в сфере быта. Три упомянутых правителя — византийский император, хазарский «царь» и русский князь — были неофитами, и с энтузиазмом неофитов следовали образцу Священного писания. Можно заметить, что Владимир был в этом наиболее последовательным — таким его изображает летописец, но ему вторит сторонний и почти современный наблюдатель — Титмар Мерзебургский, писавший почти сразу после смерти князя. Упоминая «врожденную склонность» короля Владимира«к блуду», немецкий епископ заключал все же, что «услыхав от своих проповедников о горящем светильнике (евангельская заповедь — Лк. 12, 35), названный король смыл пятно содеянного греха, усердно [творя] щедрые милостыни» (Назаренко 1993. С. 141; ср. Карпов 1997. С. 290—291). Ср. слова Иакова Мниха: «Князь же Володимер поревнова святых мужь делу и житию их, и възлюби Аврамово житие и **подража странолюбию его** (выделено мною.— *В. П.*), Иаковлю истину, Моисееву кротость, Давыдово безлобие, Костянтьина, царя великого, перваго царя кристианского, того подражая правоверие, боле же всего бяше милостыню творя князь Володимер ⟨…⟩ И в градех, и в селех, везде милостыню творяше, нагыа одевая, альчныя кормя и жадныя напаяя, странныя покоя милостью; церковники чтя, и любя, и милуя, подавая им требование, нищая и сироты, и вдовица, и слепыя, и хромыя, и трудоватыя, вся милуя и одевая, и накормя, и напаяя» (БЛДР. Т. 1. С. 322). Летописное и житийное нищелюбие, равно как и эпические пиры Владимира, оказываются не просто литературными и фольклорными стереотипами.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что наиболее близкий библейский образец для подражания — царь Соломон — в тексте «опущен», точнее — заменен христианским «эквивалентом» — Константином. Замена характерная не только в смысле смены религий — Константин, подобно Владимиру, выставил «на позор» языческих идолов — император не менее последовательно подражал ветхозаветному образцу, чем Владимир. Сократ Схоластик, приводящий пример подража-

ния Моисею (со скинией), упоминает специально и о запрете языческих жертвоприношений у Мамврийского дуба, где Авраам принимал ангелов, и, наконец, об основании Константином многих городов, хотя это и «не относилось к христианству», по словам церковного писателя (1.18). Зато последний мотив прямо перекликается с летописным мотивом основания городов, построенных Владимиром около Киева после крещения для защиты от печенегов, и, соответственно, с библейским повествованием о том же Соломоне, который построил города «в пустыне» на границе с Египтом (3-я Царств. Гл. 9).

Следует отметить, что ветхозаветным образцам следовали и правители тех раннесредневековых государств, где невозможно обнаружить сколь-либо существенное влияние иудаизма, в том числе — Болгарии: традиционное противостояние Византии и Константинополю, как политическому центру христианского мира, актуализировало в Болгарии идеи Нового Иерусалима уже в эпоху Симеона (ср. Горина 1995), не говоря уже об эпохе Комитопулов, носивших имена Давида, Моисея, Аарона и Самуила. То же можно сказать и об Армении, где правители из рода Багратуни (согласно Хронике Мовсеса Хоренаци) возводили свой род к переселенцам из Палестины и т. п.; в Армении была известна церковная десятина, и А. Поппэ предположил, что эту традицию принес на Русь первый киевский митрополит Феофилакт (988 г.), занимавший до того Севастийскую кафедру в Армении. Но, как отметил Я. Н. Щапов, древнерусская десятина была учреждена до основания митрополии; если и продолжать поиски конкретных истоков этой традиции, то, скорее, следует обратиться к Великой Моравии, влияние которой на Русь остается недостаточно исследованным (ср. из последних работ — Великая Моравия 1985; Флоря 1988), и где церковь очевидно была также обеспечена десятиной от княжеских доходов (ср. Щапов 1989. С. 86; Гавлик 1978. С. 85). Во всяком случае в Чехии — наследнице Моравского государства — епископ Войтех (Адальберт) получил в 992 г. от князя «разрешение сооружать храмы в подходящих для этого местах и собирать десятину» (Флоря 1988. С. 139) практически одновременно со сходным деянием Владимира.

Если вернуться к проблеме собственно древнерусских реалий в сюжете о Владимире как Соломоне, строителе первого храма, то они все же просвечивают сквозь ветхозаветную лексику даже там, где русский книжник, казалось бы, целиком следовал библейской традиции[4]. Пожалование десятины церкви Богородицы от княжеского имения и го-

родов находит соответствие в достаточно архаичной экономической системе Русского государства X в., где княжеское «имение» складывалось из его личного хозяйства и из даней, а дань шла с подвластных князю городов. Более того, десятина от княжеского «имения» освобождала от нового побора только что крещеное население Руси (ср. Голубинский. Т. 1. С. 517). Земельные пожалования церкви стали входить в обычай к XII в., и летопись соответственно конкретизирует деяния Андрея Боголюбского (именуемого также «вторым мудрым Соломоном»), сходные с деяниями Владимира: «князь же Андреи сам оу Володимири заложи церковь камяну святои Богородици… и дая и много имениа и свободи (слободы.—*В. П.*) купленыя и с даньми и села лепшая и десятины в стадех своих и торг десятыи» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 348). Новые владельческие права, видимо, не были надежно защищены: ср. известия о киевском «граде» Полоном, который считался «святой Богородицы городом десятиньным» в 1172 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 358), а в 90-х гг. из-за него уже спорили князья (Флоря 1992. С. 64 и сл.). Так что и по истечении первой четверти XIII в. епископ Владимирский и Суздальский Симон (1214—1226) писал в своем послании: «И кто не весть мене грешнаго епископа Симона сия соборныя церкве, красоты Владимерьския, и другыя Суздальскыя церкве, юже сам создах, колко же имеета градов и сел, и десятину собирають по всеи земли тои, и тем всем владеет наша худость!» (Понырко 1992. С. 185).

Язык летописи, вводящей Русь во всемирную историю, направляемую Божьим промыслом, естественным образом должен был быть и языком Священного писания, каковым был славянский (старославянский) письменный язык, созданный Кириллом и Мефодием для перевода Священных книг. Столь же естественно собственно русская история излагалась языком Священного писания, начиная с «призвания варягов», на что не раз обращали внимание читатели летописи (ср. собрание параллелей у Г. М. Бараца и др. и глубинные мотивировки этих параллелей у С. Сендеровича 1994, И. Н. Данилевского 1995 и др.). Но суть, все же, в том, что языком писания излагалась именно *русская история* — библейский образец не был самодовлеющим, как Владимир не только уподоблялся, но и противопоставлялся Соломону. Вместе с тем, этот образец был не просто «книжным», но и реальным историческим образцом для становящейся русской христианской культуры. Можно считать установление древнерусской десятины примером «реального» вклада ветхозаветной традиции в формирующуюся

русскую церковную организацию, равно как и примером творческого восприятия высокого образца, целенаправленного поиска в Священном писании конструктивных основ для строительства собственной культуры.

Примечания

[1] Следует отметить, что возведение трех храмов — Иерусалимского, константинопольской и киевской Софии — сближают отнюдь не только «литературные» ассоциации: для реального строительства требовались мастера и материалы из разных земель — ливанский кедр поставляли в Иерусалим, колонны из Рима и Эфеса — в Константинополь, аритектурные детали и утварь из Херсонеса — в Киев. Барац отмечает, в частности, что Никоновская летопись добавляет к 4 коням, привезенным Владимиром из Корсуня, 3 медных львов: львы служили украшением Соломонова храма — позднейшие русские летописцы продолжали следовать тому же образцу описания, что и Нестор (Барац 1908. С. 72).

[2] «Старцы градские» в этом «древнерусском» контексте также указывают на ветхозаветный источник самой лексики — старейшин Израиля собрал Соломон, чтобы перенести в Храм Ковчег Завета (III Царств, глава 8, 1) и т. п. (ср. Завадская 1978).

[3] Мотив «овладения водой» города во время его осады, как было при осаде Корсуня, также имеет ветхозаветные истоки (II Царств, глава 12, 27; ср. Сендерович 1994. С. 39).

[4] Ветхозаветный образец, однако, был и оставался действенным в истории собственно Руси — России вплоть до начала нового — петровского — времени, и это относилось отнюдь не только к церковной десятине. Когда первый русский император испросил мнения церковных властей о готовящейся казни царевича Алексея, те отослали царя к ветхозаветному деянию Давида, умертвившего восставшего Авессалома, но привели и новозаветный образец — прощение блудного сына. Выбор был предрешен — сын был принесен в жертву царству (ср. Плюханова 1995. С. 167 и сл.). Конечно, христианская Русь изначально была привержена и ценностям Нового Завета: князья Борис и Глеб стали добровольной жертвой — жертвой братской любви, которую русская церковь хотела сделать государственной идеологией. По летописи, Владимир сам ввел кровавый государственный культ, когда был язычником — «сыновей и дщерей» приносили в жертву кумирам: это «нововведение» опять-таки имеет ветхозаветный образец — ср. Псалом 105 («проливали кровь невинную, кровь сыновей своих и дочерей своих, которых приносили в жертву идолам ханаанским, и осквернилась земля кровью»); после крещения он вообще отменил казни, боясь греха — следуя Новому завету; но от грядущей распри отца и сына уберегла лишь смерть киевского князя («Бог не вдасть дьяволу радости»,— писал летописец).

Литература

Архипов 1995 — Архипов А. По ту сторону Самбатиона. Этюды о русско-еврейских культурных, языковых и литературных контактах в X—XVI веках. Berkeley.

Барац 1908 — Барац Г. М. Библейско-агадические параллели к летописным сказаниям о Владимире. Киев.

Барац 1926 — Барац Г. М. Собрание трудов по вопросу о еврейском элементе в памятниках русской письменности. Т. 1. Берлин.

Бегунов 1973 — Бегунов Ю. К. Козма Пресвитер в славянских литературах. София.

БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1, 4. СПб., 1997.

Великая Моравия — Великая Моравия — ее историческое и культурное значение. М., 1985.

Вернадский 1941 — Vernadsky G. The Status of the Russian Church during the first half Centiry following Vladimir's conversion // The Slavonic Year-Book. American series. V. 1.

Гавлик 1978 — Havlîk L. Morava v 9.—10. stoleti — K problematice politického postavení, sociálení a vladní struktury a organizace. Pr.

Гладкова 1996 — Гладкова О. В. «Слово на обновление Десятинной церкви» // Древнерусская литература. Восприятие Запада в XI—XIV вв. М. С. 10—34.

Голубинский 1997 — Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 1. М.

Горина 1995 — Горина Л. В. Имперская идея болгарского царя Симеона // Славяне и их соседи. Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Тезисы XIV конференции. М. С. 5—6.

Данилевский 1995 — Данилевский И. Н. Замысел и название Повести временных лет // Отечественная история. № 5. С. 101—110.

ДКУ — Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976.

Завадская 1978 — Завадская С. В. О «старцах градских» и «старцах людских» в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. М. С. 101—104.

Завадская, 1990 — Завадская С. В. Возможности источниковедческого изучения «праздников»-«пиров» князя Владимира в летописных записях 996 г. // Восточная Европа в древности и средневековье. Тезисы докладов. М. С. 54—56.

Зимин 1963 — Зимин А. А. Память и похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения ин-та славяноведения. Вып. 37. С. 72.

Карпов 1997 — Карпов А. Ю. Владимир Святой. М.

Коковцов 1932 — Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л.

Кулаковский 1996 — Кулаковский Ю. А. История Византии. 518—602 годы. М.

Мурьянов 1978 — Мурьянов М. Ф. О Десятинной церкви князя Владимира // Восточная Европа в древности и средневековье. М. С. 171—175.

Назаренко 1993 — Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI вв. М.

ПВЛ — Повесть Временных лет. Т. 1—2. М.; Л., 1950.

ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси XIII в. М., 1981.

Плюханова 1995 — Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб.

Понырко 1992 — Понырко Н. В. Эпистолярное наследие древней Руси. XI—XIII. Исследования, тексты, переводы. СПб.

Поппэ 1968 — Poppe A. Państwo i Kościól na rusi w XI wieku. Wars.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1—2. М., 1998.

Сендерович 1994 — Senderovich S. Начало восточнославянской историографии с культурологической точки зрения: «Повесть временных лет» и Священная История евреев // Jews and Slavs. V. 2. Jerusalem. P. 21—57.

Сократ Схоластик. Церковная история. М., 1996.

Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. М., 1995.

Флоря 1988 — Флоря Б. Н. Принятие христианства в Великой Моравии, Чехии и Польше // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М. С. 122—158.

Флоря 1992 — Флоря Б. Н. Отношения государства и церкви у восточных и западных славян. М.

Щапов 1965 — Щапов Я. Н. Церковь в системе государственной власти древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М. С. 279—354.

Щапов 1989 — Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси. X—XIII вв. М.

Г. В. Попов

Московские художники в Дмитровском уезде первой трети XV века

Открытия последних десятилетий позволяют утверждать, что город Дмитров, центр особого княжества сына Дмитрия Донского Петра Дмитриевича между 1389 и 1428 гг. входил в число относительно оживленных художественных центров Подмосковья. Об этом свидетельствуют остатки двух иконных ансамблей из деисусного ряда городского Успенского собора и собора загородного Николо-Песношского монастыря. Значительность этих произведений делает желательным уточнение даты и обстоятельств их появления.

Собственно упомянутые иконы деисусного ряда из центрального храма Дмитровского княжества (Дмитровский музей) имеют, хотя и предварительную, но добротную, убедительную по наблюдениям и выводам публикацию[1]. Монастырская икона «Иоанна Предтечи» (ЦМиАР) уже давно введена в научный оборот[2]. Однако некоторые аспекты в их оценке остаются невыясненными: как в общестилистическом плане, так и в контексте местного развития — не столько художественного, сколько в более широком срезе духовных и культурных движений на окружающих Москву территориях (поскольку речь идет о работах мастеров, безусловно московских, видимо, прибывших в Дмитров и Николо-Песношский монастырь для исполнения вполне конкретных, кратковременных заказов).

Сам факт существования счастливо уцелевших в поздних интерьерах городского собора и монастыря названных произведений[3] позволяет включить Дмитров в число тех центров, где реализовались новые идеалы московской живописи, оформившиеся на грани XIV—XV вв. и на протяжении первой четверти (первой трети) XV столетия символизированные в нашем сознании творчеством Андрея Рублева и мастеров его окружения. В этих центрах — ближайших к Москве городах Коломне, Серпухове, Звенигороде, Можайске в рассматриваемый период работали лучшие строители и художники, приезжие, греческие и московские. В том числе — Рублев. После раскрытия «Иоанна Предте-

чи» из Песношского монастыря и семи икон Успенского собора география московского искусства рублевской эпохи существенно обогатилась. Картина художественной жизни феодальных уделов Московского великого княжества приобрела определенную законченность (при всей неполноте наших знаний о создавшихся в ту эпоху произведениях) и едва ли не строгость в хронологическом отношении — в смысле очередности работ в подмосковных владениях наследников Дмитрия Ивановича Донского.

Напомним, что по духовной великого князя Дмитрия 1389 г.[4] наиболее крупный, активно укрепляемый в стратегическом плане и обустраиваемый в церковно-монастырском отношении на протяжении 70—80-х годов XIV в. (до и после Куликовской битвы), город подмосковья, Коломну, получает старший сын Василий; второй сын Юрий получает Звенигород; Можайск достается Андрею Дмитриевичу и Дмитров — Петру[5].

Из этих городов в Коломне и после 1389 г. продолжаются активные художественные работы[6]. О последних свидетельствуют немногочисленные, но выдающиеся произведения иконописи, основная часть которых все более единодушно локализуется концом XIV и началом XV в., то есть не просто периодом «после» Куликовской битвы, но временем «раннего» Василия I, сменившего на великокняжеском престоле Дмитрия Донского[7].

По всей вероятности, близкий к этому ритм художественных работ — не прерываемый к тому же сменой владельца (Владимира Андреевича Храброго; 1353—1410 гг.) — сохраняется и в Серпуховско-Боровском княжестве. Данных об этом мало (они едва ли не исчерпываются сведениями о так называемом Высоцком чине, датируемом 1387—1395 гг.[8], и достаточно активном местном книгописании рубежа XIV—XV вв.). Однако, если вспомнить, что территория удела Владимира Андреевича того периода включала Радонеж с окрестными землями (давший плеяду монастырских деятелей Московской Руси середины XIV — начала XV в.), с Троицким монастырем[9] и другими близкими ему обителями,— очевиден вывод об исключительной интенсивности духовной и культурно-художественной жизни этого региона со столицей в Серпухове.

Но особенно показательной выглядит активизация строительных и художественных работ во вновь образованных уделах — Звенигородском, Можайском, а также Дмитровском. Напомним, что в соответст-

вии со старшинством братьев-наследников Дмитрия Ивановича каждый из них получает по духовной 1389 г. не только земельные пожалования, но и часть казны. И, по-видимому, соответственно финансовым возможностям, реальным потребностям в организации нового статуса территории (собственно уделов и их столиц) каждый из братьев выступает инициатором и заказчиком строительных и художественных работ; причем — насколько можно судить — эта роль как бы переходит от одного брата к другому в хронологической последовательности.

Так, самый старший из них после основного наследника, великого князя Василия Дмитриевича, звенигородский и галицкий князь Юрий завершает все крупные работы по «устроению» удела, включая возведение крепости в Звенигороде (к строительству которой, как показывают археологические исследования, приступают вслед за знаменитым Успенским собором на Городке) и учреждение чеканки собственных монет к 1400 г.[10]

Менее документированными предстают работы в Можайске, столице Андрея Дмитриевича. Материалы о постройках здесь неоднократно привлекали внимание исследователей. Однако их датировка 1390-ми годами (предложенная Н. Н. Ворониным[11]) — благодаря которой частично сохранившиеся храмы Можайска предстают современными и даже опережающими крупное строительство в Москве, Коломне или в том же Звенигороде — не бесспорна. Точных оснований для указанной датировки не существует, а соображения стилевого порядка (по крайней мере в отношении резьбы) позволяют говорить о времени после сооружения звенигородского Успенского собора, то есть позже 1400 г.[12] О живописных работах в Можайске ничего не известно.

Вероятной точкой отсчета начала каких бы то ни было крупных строительных и художественных работ в Дмитрове следует признать также не 1389 г. (к моменту смерти отца Петру Дмитриевичу было лишь 4 года), но реальное выделение Дмитровского удела между 1399 и 1401—1402 гг.[13], а, возможно, и последовавшую за этим (1406 г.) женитьбу удельного князя. И если возможность каменного строительства здесь в этот период вызывает определенные сомнения[14], то существование названных выше деисусных икон делает безусловным появление в столице и главном монастыре княжества относительно крупных деревянных храмов. Их датировка — при отсутствии документальных материалов — может до некоторой степени опираться на результаты стилистического анализа живописных произведений.

Следует оговорить, что одним, связанным с Успенским собором, источником мы все же располагаем. Это Синодик 1650 г. (Дмитровский музей, № 3136), где на л. 25 вслед за списком вселенских патриархов, православных царей и русских великих князей следует перечень, несколько неожиданно озаглавленный: «Дмитровские великие князи». Его открывают (и реально составляют) три имени — Петра и двух Георгиев. Из этих двух первый — безусловно Юрий Васильевич, княживший в третьей четверти XV в. Другой — Юрий Иванович, владевший Дмитровом на протяжении первой трети XVI в. За ними перечислены имена действительно великих московских и крупных удельных князей, каждый из которых, однако, владел Дмитровом в течение более короткого отрезка времени. Открывает этот второй ряд имя Симеона, которое резонно отождествить с великим князем Симеоном Ивановичем Гордым (1340—1353 гг.), далее следуют имена, не всегда поддающиеся точной идентификации в силу явных нарушений хронологической последовательности[15]. Последнее объясняется поздним временем соборного Синодика, существование нескольких предшествующих ему списков, в процессе создания которых и произошла путаница (вероятно, рядовой переписчик XVII в. был не в состоянии ее исправить и, быть может, даже заметить).

С другой стороны, даже допустив изначальность разделения перечня князей на «основных» и «неосновных», следует признать, что данное обстоятельство отнюдь не проясняет вопроса об инициаторе строительства городского собора. Начальное положение имен князей Петра Дмитриевича и Симеона в обоих разделах списка, скорее всего, определяется хронологией, а не их ролью в строительстве городского собора. Вместе с тем следует вспомнить, что на период княжения Симеона Гордого приходится этап начального освоения Москвой дмитровских территорий[16]. К тому же внутри городской крепости издавна существовала церковь с древней и почитаемой иконой «Димитрия Солунского» (ГТГ)[17]. Смена главного городского храма (собственно центрального престольного праздника) знаменовала включение Дмитрова в орбиту московских религиозных идеалов. Вслед за строительством кафедрального кремлевского Успенского собора 1326—1327 гг. дворцовый княжеский культ привезенных из Фессалоник во Владимир в конце XII в. святынь уступает место восходящему к владимирской традиции, но неизмеримо более всеобъемлющему и принципиальному для последующего развития русского религиозного сознания культу — мариологическому[18].

Своего рода точкой отсчета для основания деревянного Успенского храма можно считать эпоху Дмитрия Донского. Однако, если учесть политическую обстановку тех лет, последовательное стремление великокняжеской власти к обустройству южных границ Московского княжества (Коломна, Серпухов и т. д.) в преддверии Куликовской битвы, более вероятным временем создания собора представляется все же княжение Петра Дмитриевича. Причем — последний период его пребывания у власти: об этом свидетельствуют, как увидим, стилистические признаки упомянутых деисусных икон из собора (в данном случае есть все основания рассматривать строительство здания и живописное оформление его интерьера как единовременную акцию).

Неизмеримо сложнее развивается вопрос соотношения строительных работ в Николо-Песношском монастыре и единственной происходящей оттуда ранней иконы «Иоанна Предтечи» из поясного деисусного ряда. Собственно вопрос этот неразрешим в принципе, поскольку сведения о начальной истории монастыря носят легендарный характер. Напомним, что первые упоминания обители в источниках относятся ко второй половине XV в. Однако монастырское предание связывает основание Песношского монастыря с гораздо более ранним временем, 1360 или 1361 г.[19] Его основатель Мефодий в поздних источниках (все они не ранее конца XVII в.[20]) именуется «учеником и собеседником» Сергия Радонежского, и, таким образом, происходит из числа старшего поколения троицких иноков. Более того, в одном из рукописных, и также поздних, вариантов «Летописи Песношской обители» (Дмитровский музей, № 3133, л. 49) указывается дата посещения монастыря самим Сергием — 1382 г.

Но все эти сведения отсутствуют в Житии троицкого игумена, не упоминается здесь и имя Мефодия. Между тем, насколько можно судить, в житии Сергия довольно тщательно фиксируются обстоятельства и история создания большинства основанных его прямыми учениками монастырей, особенно ранних, основание которых зачастую связано с личной инициативой митрополита Алексия, московского и серпуховско-боровского князей; непременным условием, как следует из того же Жития, являлось благословение троицкого игумена или его участие в акте основания[21]. Ничего подобного о Николо-Песношском монастыре мы не знаем, ничего не известно и о его ктиторе. Более того, вызывают определенную настороженность и сама дата основания монастыря, совпадающая с временем устроения Спасо-Андроникова

монастыря в Москве по просьбе митрополита Алексия[22], и дата смерти Мефодия — 1392 г.,— совпадающая с годом кончины Сергия. Сомнительность последнего факта уже отмечалась в литературе[23].

По всей вероятности, мы имеем здесь дело с позднейшим «творчеством» составителя Жития, источником для которого выступают сведения, приблизительно совпадающие с хронологией жизни Мефодия Песношского. Примеров подобных заимствований в исторической и житийной литературе XVII в. множество.

Исходя из этого, было бы очень соблазнительно видеть инициатором основания монастыря крестника Сергия Радонежского, самого князя Петра. Тем более, что мы располагаем для подобного предположения вполне уместными, не выходящими за рамки семейной традиции, параллелями. Достаточно указать на приглашение другим крестником Сергия, Юрием Звенигородским, Саввы Сторожевского в качестве княжеского духовника и основателя соседнего со столицей вновь устраиваемого княжества монастыря (конец 1390-х годов) или уже упоминавшийся приезд в Можайск к князю Андрею Дмитриевичу Ферапонта Белозерского[24].

Выбор духовного наставника из числа учеников радонежского игумена вообще выглядит вполне устойчивым обычаем для князей московского дома в конце XIV и начале XV вв. Для вновь образованных подмосковных уделов этот акт есть как бы непременное условие их обустройства[25]. В случае с Петром Дмитриевичем, к тому же поддерживавшим сношения с другим великим отшельником своего времени, Кириллом Белозерским[26], такое предположение было бы вполне резонным. Если исходить из аналогий со Звенигородским и Можайским уделами, дату приглашения Мефодия на речку Песношь (при впадении в реку Яхрому, соединявшую Дмитров с Волгой) следовало бы отодвинуть к моменту реального выделения Дмитровского княжества между 1399 и 1402 гг. Эта версия существенно отходит от сложившейся церковной традиции, но в состоянии объяснить то исключительное внимание, которым пользовался монастырь с стороны удельного князя[27].

В известном смысле отражением такого внимания является и образ «Иоанна Предтечи» в коллекции ЦМиАР. Именно блестящее исполнение иконы, сама возможность пригласить художников подобного уровня для создания деисусного ряда (а, может быть, и остальных ярусов иконостаса) в деревянный Никольский храм позволяют до некото-

рой степени представить значительность средств, которыми располагала небольшая, укрывшаяся в лесах и болотах Песношская обитель[28].

Очевидными достоинствами обладал и ранний деисусный ряд городского Успенского собора[29]. Однако последующие поколения обошлись с ним с редкой беспощадностью. Уже в начале XVI в. при строительстве каменного храма золотые фоны икон были обновлены. А при последующем ремонте конца XVII в. грунт на части икон был полностью заменен, головы на всех образах (кроме «Богоматери») счищены и написаны по новому левкасу, резко контрастируя со старой живописью[30].

К настоящему времени мы располагаем шестью иконами с уцелевшим древним письмом. Помимо «Богоматери», это «Архангел Михаил», «Архангел Гавриил», «Апостол Петр», «Апостол Павел» и «Дмитрий Солунский». Примем также в расчет, что на двух единовременных названным образам досках сохранилась лишь живопись позднего XVII в., а три иконы явились в деисусном ряде во время перестройки собора начала XVI в.[31]. Учитывая строго парный характер деисусных фигур можно сделать вывод, что до нашего времени не дошли по крайней мере три древние иконы (или доски) — с изображением Христа и двух святых. То есть, что первоначальный состав ряда насчитывал не менее одиннадцати икон. Он, помимо верховных апостолов и двух мучеников (из которых уцелел «Дмитрий Солунский»), скорее всего, включал фигуры отцов церкви; обычно это были творцы литургии Василий Великий и Иоанн Златоуст[32]. В таком случае деисусный ряд дмитровского храма в точности соответствовал составу деисуса в Благовещенском соборе Московского Кремля[33].

Последнее важно, поскольку в данном случае можно говорить об определенной ориентации на комплекс, близкий нынешнему благовещенскому деисусу или непосредственно на него. В этом случае, исходя из пропорционального соотношения центральной иконы благовещенского ряда с остальными, можно полагать, что замененная в начале XVI в. икона «Христа» в дмитровском храме имела чуть более 1 м ширины. Соответственно внутри деревянный храм был шириной около 9 м. Такие вычисления носят довольно отвлеченный, на первый взгляд, характер, но позволяют более емко представить утраченный ансамбль, его масштаб.

В создании икон, кажется, принимал участие только один мастер. Судить об этом окончательно невозможно в силу сохранности ряда.

Однако, ощущение цельности, единства — при очевидном богатстве оттенков живописной манеры, соразмерных индивидуальным чертам того или иного образа,— безусловно. И этим деисус Успенского собора в Дмитрове также приближается к центральному ярусу из Благовещенского собора. В такой сознательной программной ориентации (особенно наглядной в решении фигур апостола Петра, архангелов и Дмитрия Солунского[34]) просматривается тяготение к позднепалеологовской классике. В то же время заметны параллели и с более поздними, но также центральными по художественному смыслу и роли в развитии московского и вообще русского искусства деисусов из Успенского собора во Владимире, датируемого 1408 г. (ГТГ, ГРМ)[35], и из Троицкого собора в Троице-Сергиевой Лавре, около 1425—1427 гг. В последнем случае сходство менее конкретизировано, что, по всей вероятности, свидетельствует об ориентации автора дмитровского деисуса на предшествующий этап развития, своеобразное грекофильство.

Оно выявилось и в преобладании определенного, жесткого рисунка, в контрасте чистых и ярких тонов, сгущенного цвета, в изобилии резких пробелов (см. особо иконы «Архангел Гавриил» и «Апостол Павел»). Наконец, отчетливы и некоторая преувеличенная активность мазка, эстетизация фактуры, своего рода маэстрия, сообщающая эффект не только мгновенного акта творчества, но и мгновенного же озарения персонажей небесным сиянием (собственно пребыванию в горнем мире придается иллюзия все усиливающегося, нарастающего освящения, обожения плоти). Постановка фигур пластически осмысленна, обладает пространственной конструктивностью и ориентированностью. Во всем обнаруживается высокая культура. Характерно и внимание к немногим деталям облачений (архангелы, Дмитрий Солунский)[36] или символическим атрибутам святых (ключ Петра, книга Павла). Живопись рук и ног легка и свободна, строится на соотношении зеленоватого санкиря и золотисто-розовой карнации. Соотношение это как бы стереотипно, но в контексте свободно и энергично нанесенных мазков сохраняет ощущение творческой независимости художника, чистоты стиля, его первичности, а не подражательности.

Единственная целиком сохранившаяся фигура Марии производит несколько иное впечатление. Ее силуэт смягчен, мафорий ниспадает округлыми, крупными складками. В самом, несколько утрированном эффекте ниспадания, в округленности ткани угадывается желание сообщить образу Богоматери черты едва ли не героизированности, поч-

ти мощи. Вместе с тем именно такое решение обнаруживает как бы чрезмерность интонации, лишь проглядывающую в других иконах ряда (архангелы, Павел). Это ощутимо и в лике Марии, выдающемся по своей тончайшей нюансировке.

Указанные признаки, кажется, до некоторой степени позволяют отодвинуть предложенную ранее дату (вскоре после 1408 г.)[37] несколько «вглубь» XV в., связав ансамбль с эпохой оживления грекофильских интонаций в московской живописи при митрополите Фотии (1410—1431)[38].

Среди произведений Москвы этого времени наиболее уместной аналогией по уровню исполнения и чистоте стиля (точнее, степени переживания традиций позднепалеологовского искусства и остроты вживания в него), самой полной и едва ли не исчерпывающей выглядит блестящая серия миниатюр в пергаменном Апостоле из Кирилло-Белозерского монастыря (ГРМ, Др. гр. 20)[39]. Существует убедительная датировка кодекса в пределах 10-х или первой половины 20-х годов XV в.[40]. Приблизительно к тому же времени следует относить и создание деисусного ряда Успенского собора в Дмитрове (не исключая и чуть более поздней датировки в пределах 1428 г., когда умирает князь Петр Дмитриевич).

Определенное сходство с упоминавшейся монументальной кремлевской иконой «Апостолов Петра и Павла» подтверждает связь икон с более поздним временем этого этапа в развитии московской живописи, которое можно было бы обозначить как эпоха митрополита Фотия.

Ансамбль этот — безусловное свидетельство высокого уровня приглашаемых в удельный центр художников. О том же говорит и другой памятник.

Как уже отмечалось, «Иоанн Предтеча» из Николо-Песношского монастыря получил в целом единодушную оценку в литературе. Часть исследователей приписывает икону непосредственно Андрею Рублеву[41]. Другие считают ее работой последователя Рублева, мастера его окружения, соответственно датируя памятник послерублевским временем[42]. Таким образом икона поставлена в ряд московских произведений. Но нюанс в оценке принципиален: «рублевский» и «послерублевский» периоды в московской живописи существенно разнятся.

История памятника, обстоятельства его появления в Николо-Песношском монастыре, видимо, так и останутся неясными из-за отсутствия документов.

В XVIII—XIX вв. «Иоанн Предтеча» был полностью записан и переработан сюжетно, превратившись в поясное изображение Христа; это обстоятельство может истолковываться двояко: либо ко времени ремонта монастырь не располагал другими иконами из этого деисусного чина и древняя доска была приспособлена для новейших нужд, либо иконы, покрытые слоем сильно потемневшей олифы, были перепутаны. Предполагать позднейшее появление иконы на Песноше, исходя из переделки памятника, не приходится, хотя и такой вариант не исключен[43].

Поскольку тип поясных деисусных чинов, кроме архаизирующих или провинциальных произведений, был распространен в первой половине XV в., есть все основания ограничить время создания «Иоанна Предтечи» этим периодом. Композиция иконы своеобразна и отличается от соответствующей иконы «Высоцкого чина» из Серпухова конца XIV в. (ГРМ). Далека она и от икон «Иоанна» из московского благовещенского, владимирского (из Успенского собора) и троицкого[44] иконостасов.

Иконография песношского памятника содержит намек на пророческую и пустынническую деятельность Предтечи. Он одет в милоть. Аналогичная трактовка, в отличие от иконы благовещенского чина, имеет место в Высоцком «Деисусе» и связанных с деятельностью художников круга Андрея Рублева иконах владимирского и троицкого иконостасов. Однако в каждом из них преобладает аскетическое начало. В «Иоанне Предтече» из Песношского монастыря дана принципиально иная — в пределах иконографических рамок — трактовка образа. Здесь аскетические элементы образа выявлены минимально.

Песношская икона и связанный с ней круг проблем настолько существенны, что требуют специального исследования и пересмотра сложившихся представлений о развитии московской живописи первой половины XV в.

Ее атрибуция — дело чрезвычайной трудности. С одной стороны, памятник обнаруживает безусловную близость к рублевским работам. Можно согласиться в целом с указанием тех параллелей, которые названы в предшествующей литературе. С другой стороны, нельзя не заметить, что манера автора «Иоанна Предтечи», во многом идентичная рублевской, в итоге приводит к художественному решению, которое не имеет точных аналогий в рублевском творчестве. Образ Иоанна здесь, быть может, слишком утончен и лишен той многогранности, которую мы находим во владимирских росписях 1408 г., «Звенигородском чине». Нельзя принять и аналогии, указываемые при атрибуции

иконы как произведения младшего современника Андрея Рублева[45]. Отработанность техники автора «Иоанна Предтечи» является результатом его собственного блестящего, виртуозного мастерства, исключительной, пунктуальной технологичности, сближающей памятник — при всей остронациональной и безусловно рублевской интонации образа — с греческими иконами позднепалеологовской эпохи.

В этом смысле икона из Николо-Песношского монастыря и собственно послерублевские памятники, в частности происходящие из Троице-Сергиева монастыря, обнаруживают принципиальные различия. Из работ рублевского окружения позднейшего периода (иконы троицкого иконостаса) и тех, которые с полным основанием приписываются близким его творчеству иконописцам младшего поколения среди икон того же иконостаса, ни одна не сравнится с «Иоанном» по цельности и свободе колорита, тональному единству и одновременно богатству цвета, по значительности и глубине образа. Данный памятник действительно соизмерим только с рублевскими произведениями. Однако в его авторе можно видеть, скорее, современника Андрея Рублева, работавшего параллельно с ним. Он был московским мастером, хорошо знал, как и Рублев, византийскую живопись палеологовского периода, лучшие традиции современного ему искусства православного мира. В отличие от Рублева ему импонируют камерные формы, их детализация, что сближает песношскую икону скорее с греческим либо южнославянским памятником второй половины XIV в. и следующими им московскими — рубежа XIV и XV столетий. Среди балканских параллелей можно назвать, например, «Иоанна Предтечу» из Хиландара[46]. Но подобная близость определяется скорее стадиальной общностью, органичностью трансформации послепалеологовского стиля в московской иконописной среде, скорее именно «позднерублевского» периода, а не «послерублевского» периода.

В известной мере икона Песношского монастыря созвучна и образам константинопольской или критской (что в данном случае одно и то же) живописи первой половины XV в.[47] Здесь, как и в более ранних образцах, находят параллели усложненная (едва ли не точнее: пунктуальная) манера письма, многослойность живописи. Но и в этом случае необходимо подчеркнуть исключительность эстетического и духовного уровня дмитровского памятника, редкой приближенности к миру рублевских образов. При этом автор пользуется в большей мере светотеневой, а не красочной лепкой объема, прибегает к линейной прори-

совке деталей. Рисунок лика, волос, рук достигает каллиграфической изощренности. Уменьшенные пропорции головы как бы приближают образ к произведениям второй половины XV в. Однако утонченность душевного состояния, внутренняя озаренность, неповторимость соединения скорби и просветленности сближают икону с произведениями самого Рублева, в которых скромность палитры, ее кажущаяся простота подчеркивают внутреннее, неземное, богатство духа персонажей.

Все изложенные наблюдения, помимо очевидного вывода о московском, а не дмитровском, происхождении автора «Иоанна Предтечи», позволяют сделать еще одно важное заключение. Произведения, подобные песношской иконе, могут рассматриваться и как свидетельство определенного перелома в стиле московского изобразительного искусства на протяжении третьего десятилетия XV в., сохраняющего всю глубину духовного содержания и сочетающего возвышенную серьезность интонации раннего этапа с тяготением к изощренности, хрупкой бестелесности форм. Наиболее ярко эти, вполне уже преддионисиевские тенденции, проявились в московском шитье 30-х—50-х годов[48]. Но определенность сходных интонаций в рассмотренном произведении свидетельствует о более раннем формировании этого направления, о сосуществовании подобного стиля со стилем мастеров из окружения митрополита Фотия.

Примечания

[1] В. М. Сорокатый. Деисусный чин начала XV в. из Успенского собора в Дмитрове // Древнерусское искусство. XIV—XV вв. М., 1984.

[2] Лазарев В. Н. Андрей Рублев и его школа. М., 1966. С. 53, 146—147. Табл. 184, 185; см. также: Э. С. Смирнова. Московская икона XIV—XVII веков. Л., 1988. С. 30. Кат. 116, 118. С. 283—284 (комментарий, библиография.).

[3] Характерно, что церковно-археологические издания, описи XIX в. и даже вполне профессиональные списки памятников живописи музейного значения 1920-х годов в Дмитрове и его окрестностях не содержат указаний на древность не только части деисусных икон собора (это закономерно, поскольку они неоднократно поновлялись, особенно фундаментально в конце XVII и в XIX вв.), но и «Иоанна Предтечи». Их реальное художественное значение и время создания стали очевидными лишь после реставрационного раскрытия. Благодаря небольшим пробным удалениям поздних записей на нескольких иконах деисусного ряда Успенского собора, осуществленном в 1960-е годы, автор этих строк в книге «Художественная жизнь Дмитрова в XV—XVI вв.» (М., 1973. С. 124, 146) приписывал их времени княжения Юрия Ивановича и датировал первой третью XVI в. Такое мнение оказалось справедливым лишь в отношении иконы «Апостол Андрей», хо-

тя в составе чина сохранилось еще несколько досок того же времени (точнее, начала XV в.), но с полностью утраченной при ремонте конца XVII в. первоначальной живописью. См. также: В. М. Сорокатый. Указ. соч. С. 243.

[4] ДДГ. № 12. С. 33—35.

[5] Основным владением пятого сына, Ивана, являлось селение «Раменейце», о строительных или каких-то иных работах в котором сведения отсутствуют.

[6] Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. М., 1962. Т. II. С. 187—206, 443; Б. Л. Альтшуллер. К вопросу о реконструкции древнейших памятников Коломны // Реставрация и исследования памятников культуры. М., 1975, Вып. 1. С. 31—36; см. также: его же. Памятники зодчества Московской Руси второй половины XIV — начала XV века. Автореферат канд. дисс. М., 1978.

О возможной работе Феофана Грека см.: В. И. Антонова. О Феофане Греке в Коломне, Переславле-Залесском и Серпухове // Государственная Третьяковская галерея. Материалы и исследования. М., 1958. Т. II. С. 10—22. При этом отнюдь не обязательно, что именно из Коломны происходят приписываемые Феофану Греку деисусные иконы в московском Благовещенском соборе (см. ниже; ср.: Л. А. Щенникова. О происхождении древнего иконостаса Благовещенского собора Московского кремля // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. (Материалы конференции). М., 1983. С. 183—194; Г. И. Вздорнов. Феофан Грек. М.,1983. С. 51, 79—80). Правда, приписываемая тому же художнику «Богоматерь Донская» с «Успением» на обороте, около 1391 г. (?; ГТГ) действительно попадает в Москву из Успенского собора в Коломне (Л. А. Щенникова. История иконы «Богоматерь Донская» по данным письменных источников XV—XVII веков // Советское искусствознание, 82. М., 1984. Вып. 2. С. 321—338). Однако степень причастности этого памятника к творчеству Феофана кажется несколько преувеличенной, а единое авторство деисусных и выносной икон — сомнительным; более корректная оценка: Э. С. Смирнова. Московская икона XIV—XVII веков. Л., 1985. С. 12—13. Кат. 28—33. С. 263—264 (комментарий); Государственная Третьяковская галерея/Каталог собрания. Т. 1. Древнерусское искусство X — начала XV века. М., 1995. С. 141—145. Кат.61 (авт. Л. И. Лифшиц).

[7] Таковы житийные иконы: «Никола» из собора Иоанна Богослова (В. И. Антонова, Н. Е. Мнева. Каталог древнерусской живописи. Государственная Третьяковская галерея. М., 1963. Т. 1. № 211; о датировке: Г. В. Попов. Заметки о тверской рукописи Хроники Георгия Амартола // Византийский временник. М., 1978. Т. 39. С. 134—136); «Борис и Глеб» — храмовый образ одноименной церкви (Э. С. Смирнова. Московская икона XIV—XVII веков. Кат. 46—52); «Иоанн Предтеча Ангел пустыни» из Зачатиевской или Предтеченской церкви в селе Городище (там же. Кат. 55, 56; связь иконы с творчеством Феофана — не более как недоразумение; ср.: Г. И. Вздорнов. Феофан Грек. С. 266—267. Кат. XIII). Ее датировка позволяет усомниться в принадлежности первоначального здания церкви к 60—70-м годам XIV в., тем более, что аргументация даты основана на атрибуции плохо сохранившегося рельефа единорога; ср.: Н. В. Воронин. К характеристике архитектурных памятников Коломны времени Дмитрия Донского // Материалы и

исследования по археологии СССР. М., 1949. № 12. С. 219—223; он же. Зодчество… С. 204—205). Наконец, это «Сошествие во ад» из Воскресенского собора (Э. С. Смирнова. Московская икона… Кат. 59—61). По всей вероятности, самым ярким событием в богатой художественной жизни города после Дмитрия Ивановича явилась работа над росписью Успенского собора в 1392 г. (ПСРЛ. Т. VIII. С. 62; М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 440). Но ее принадлежность Феофану Греку (см. предшествующее примеч.), тем более в свете наметившейся более осторожной атрибуции иконы «Богоматерь Донская» остается недоказанной. Напомним, что Коломна отсутствует среди русских городов, где работал этот мастер, названных в известном послании Епифания Премудрого Кириллу Тверскому (около 1414—1415 гг.).

[8] В. Н. Лазарев. Новые памятники византийской живописи XIV века. Высоцкий чин // В. Н. Лазарев. Византийская живопись. М., 1971. С. 357—372; Византия, Балканы, Русь. Икона конца XIII — первой половины XV века. Каталог выставки. Отв. ред. Л. Лифшиц. М., 1991. Кат. № 51. С. 230—231: Происходящий из Высоцкого Зачатьевского монастыря под Серпуховым полуфигурный деисусный ряд из семи икон обычно связывается с именем Афанасия, игумена названного монастыря. В 1387 г. он последовал за митрополитом Киприаном в Константинополь и умер там, кажется, в 1395 г. Предполагается, что Афанасий Высоцкий присылает иконы непосредственно из Константинополя. Между тем следует принять в расчет следующее обстоятельство: Житие Афанасия относится к концу XVII в. и не может служить сколько-нибудь надежным источником; более ранних сведений об этих иконах не существует; примеры привоза на Русь столь значительных по размеру ансамблей или отдельных икон вообще отсутствуют; наконец спорен тезис и о появлении русских текстов на Евангелии и свитке в иконах «Пантократор» и «Апостол Петр» лишь при ремонте XVI в.— часть букв написана на старом грунте и имеет архаические ранние, очертания — по заключению М. Г. Гальченко: XIV—XV вв. (напомним, что подобная стилизация вообще не характерна для поновлений грозненского и последующего времени). Таким образом, история и датировка «Высоцкого чина» требуют уточнения, хотя принадлежность икон культуре конца XIV в. не вызывает сомнений.

О строительных работах в Серпухове второй половины XIV — начала XV в. см.: Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. Т. II. С. 205—207, 440; Б. Л. Альтшуллер, Е. А. Толмачев. Архитектурно-археологические разведки в Серпухове // Реставрация и исследования памятников культуры. М., 1975. Вып. 1. С. 241—243.

[9] Показательно неоднократное упоминание в Житии Сергия Радонежского серпуховского князя в качестве особо близкого и почитаемого Троицкими иноками лица — именно «сюзерена». О древнейших редакциях и списках памятника см. Б. М. Клосс. Житие Сергия и Никона Радонежских в русской письменности XV—XVII вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. 3. С. 276—277; изд. Н. С. Тихонравов. Жития преподобного Сергия Радонежского. М., 1892 (древнейшая редакция Пахомия Серба-Логофета, 1420-х гг. Отд. 1. С. 3—69. Единственный, неполный список Жития

Сергия, принадлежащий Епифанию Премудрому,— около 1418/1419 гг.— не опубликован; см.: Б. М. Клосс. Указ. соч. С. 276).

[10] Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. Т. II. С. 290—298; Г. Б. Федоров. Деньги Московского княжества времени Дмитрия Донского и Василия I (1359—1425) // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1949. № 12. С. 179—280; Б. А. Рыбаков. Раскопки в Звенигороде (1943—1945 гг.) // Там же. С. 130—141. Видимо, не позднее 1400 г., вслед за работами в кремлевском Архангельском соборе, создаются росписи и иконы Успенского собора с участием Андрея Рублева; см.: Г. В. Попов. Андрей Рублев: явление мастера. О творчестве художника около 1400 г. // Человек. № 2. М., 1992. № 2. С. 127—132. Илл. 128—129.

[11] Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. Т. II. С. 288—289, 443; Памятники архитектуры Московской области. Под общей редакцией Е. Н. Подъяпольской. М., 1975. Т. 2. С. 9 (Старо-Никольский собор, с датой рубеж XIV—XV вв.), 10 (церковь Иоакима и Анны, сохраняет принятую датировку 1390-ми годами).

[12] Некоторые замечания см.: Л. А. Лелеков. Истоки архитектурного декора заволжских монастырей // Древнерусское искусство. Художественные памятники русского Севера. М., 1989. С. 320, 327—328.

Характерная деталь: несмотря на то что во владениях Андрея Дмитриевича (куда входило и Белоозеро) имелись известные и почитаемые монастыри, он основывает «свой», пригородный Лужецкий монастырь Рождества Богоматери близ Можайска, пригласив для этого не позднее 1408 г. Ферапонта Белозерского (см.: Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. Сост. Г. М. Прохоров. СПб., 1993. С. 223—233). В этом, как и в том, что Ферапонт на какое-то время становится духовником князя, можно усмотреть аналогию с устроением Саввино-Сторожевского монастыря около 1398—1400 г. Юрием Звенигородским. Не исключено, что дата основания Лужецкого монастыря сходным образом соотносится со временем официального оформления Можайского удела (что, видимо, в силу молодости Андрея Дмитриевича приходится на более поздний период, сравнительно со Звенигородским уделом).

[13] В. Д. Назаров. Дмитровский удел в конце XIV — середине XV вв. // Историческая география России. XII — начало XX века. М., 1975. С. 50—51.

[14] Версия о строительстве каменного Успенского собора в княжение Петра выдвинута М. А. Ильиным, который отождествлял белокаменный подклет нынешнего храма с остатками здания раннего времени (см.: М. А. Ильин. Успенский собор в Дмитрове // Материалы по истории русского искусства. М., 1928. Вып. 1. С. 8—9; он же. Подмосковье. М., 1966. С. 270). В свою очередь А. И. Некрасов (в кн.: Города Московской губернии. М., 1928. С. 121) не исключал возможности появления «каменного собора уже при сооружении города» — то есть около середины XII в.,— что по его мнению, находит подтверждение в типологии граненой средней апсиды ныне существующего собора (деталь, якобы характерная лишь для владимиро-суздальского зодчества эпохи Юрия Долгорукого). Позднее, одна-

ко, ученый принял гипотезу М. А. Ильина, полагая, что сохранившийся храм, начала XVI в., построен «на основании 1389—1428 гг.» (он же. Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XII вв. М., 1936. С. 192, 203, 233).

Большинство современных исследователей отрицает разновременность подклета и верхних ярусов ныне существующего Успенского собора; см., в частности, Б. Л. Альтшуллер. К вопросу о реконструкции древнейших памятников Коломны // Реставрация и исследования памятников культуры. М., 1975. Вып. 1. С. 37, прим. 16. Заметим, что белокаменные подклеты и фундаменты широко распространены в русской храмовой архитектуре вплоть до XVII в.; граненые же апсиды представляют одну из характерных особенностей построек круга итальянского архитектора первой трети XVI в. Алевиза Нового, с которыми возможно связывать и Дмитровский собор.

[15] Оговоримся: между именами трех основных князей Дмитровского удела, Петра и двух Георгиев-Юриев, и именем Симеона стоит имя Дмитрия. На первый взгляд, это также следствие ошибочных перестановок; однако, не исключено, что здесь имеется в виду инициатор основания города великий владимирский князь Всеволод (1176—1212 гг.), носивший христианское имя Дмитрия. Нельзя однако не принимать в расчет и другой вариант: позднейшее выделение из списка имен Петра и обоих Георгиев-Юриев. В этом случае протограф анализируемого перечня, скорее всего, открывался именем Симеона; не случайно это единственное имя в списке, начальная буква которого представлена в виде крупного инициала. Соответственно можно полагать, что список состоял из имен князей московского дома от XIV до первой трети (или середины) XVI в. Но вопрос их идентификации — помимо Дмитрия, предположительно отождествленного выше с Всеволодом Большое Гнездо, и Симеона это Андрей, Владимир, Дмитрий, Василий, Иван — остается открытым, поскольку каждому можно подыскать не менее двух реальных исторических претендентов.

[16] См. приобретения в окрестностях Дмитрова Симеоном в духовной грамоте 1353 г.: ДДГ. № 3. С. 14; см. также: В. А. Кучкин. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. С. 116, 122, 136, 239—247, 254—256.

[17] См.: Попов Г. В. Из истории древнейшего памятника города Дмитрова // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 199.

[18] См. статьи Э. С. Смирновой, И. А. Стерлиговой и автора в сб. «Дмитриевский собор. К 800-летию создания». М., 1997.

[19] К. Ф. Калайдович. Историческое и топографическое описание мужского общежительного монастыря св. чудотворца Николая, что на Песноше, с присовокуплением устава его и чиноположения. М., 1893. С. 12.

[20] Е. Голубинский. История канонизации святых в Русской церкви. М., 1903. С. 146; он же. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. Жизнеописание преподобного Сергия и путеводитель по лавре. М., 1909. С. 79—80.

[21] Е. Голубинский. Преподобный Сергий Радонежский… С. 61, 75—80.

[22] Там же. С. 78. В. В. Зверинский. Материал для историко-топографческого исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. № 1155.

[23] Е. Голубинский. Преподобный Сергий Радонежский… С. 79—80 (см. особо прим. 2 на последней указ. с.); он же. История канонизации святых… С. 146. (Здесь автор менее скептичен в отношении поздних и явно ненадежных нарративных источников).

[24] См. выше прим. 12.

[25] Характерно и показательно в этой связи размещение на алтарном столбе придворного Успенского собора Юрия Дмитриевича в Звенигороде (расписанного около 1400 г. при участии Андрея Рублева) фигур пустынника Варлаама и царевича индийского Иоасафа — умудренного наставника и юного ученика (воспроизвед. в цвете: Т. В. Николаева. Древний Звенигород. Архитектура. Искусство. М., 1978. Табл. 22; Человек. 1992. № 2. Табл. между с. 128—129). Позднее эти персонажи появляются на алтарной преграде кафедрального московского Успенского собора, где тема наставничества возводится на уровень отношений великого князя и митрополита.

[26] Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. С. 114—119.

[27] Попов Г. В. Художественная жизнь в Дмитрове в XV—XVI вв. С. 18.

[28] Точными сведениями о стоимости живописных произведений первой половины XV в. мы не располагаем. Однако за последние десятилетия того же века такие известия сохранились, и из них следует вывод об исключительно высокой цене работ московских художников, в частности Дионисия (что коренным образом отличает ситуацию того времени от XVI в., когда их труд был низведен до уровня оплаты рядовых ремесленников). Напомним: в записи начала XVI в. Синодика Иосифо-Волоколамского монастыря небольшие по размеру иконы Андрея Рублева оцениваются в 20 рублей (Н. А. Казакова. Сведения об иконах Андрея Рублева, находившихся в Волоколамском монастыре в XVI в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. XV. С. 311; здесь же приводятся сравнительные данные, подтверждающие значительность суммы).

[29] Неясно, был ли он одновременно и дворцовым; хотя при небольших размерах крепости-кремля (аналогично Звенигороду) этот аспект как бы не принципиален.

[30] В. М. Сорокатый. Указ. соч. С. 243.

[31] «Спас», «Иоанн Богослов», «Апостол Андрей»; из них последняя сохранила живопись своего времени, то есть начала XVI в. (после 1508 г.).

[32] В. М. Сорокатый. Указ. соч. С. 243.

[33] Если рассматривать основную часть из девяти икон, обычно связываемых с Феофаном Греком, в совокупности с двумя крайними иконами ряда «Георгием» и «Димитрием» (Музеи Московского Кремля). Последние до недавнего времени приписывались Прохору с Городца, в соответствии с летописным известием о работах в соборе в 1405 г. Феофана, Прохора и Андрея Рублева (см.: В. Н. Лазарев. Андрей Рублев и его школа. С. 21—2, 116—117. Табл. 35—38; М. Алпатов. Андрей Рублев. Около 1370—1430 гг. М., 1972. С. 28. Табл. 1) или вообще рассматрива-

лись как более позднее дополнение центральной группы икон. Однако правомернее, кажется, считать обе иконы современными им (или почти современными), но выполненными иным мастером (или мастерами). С точки зрения стиля они выглядят созданными в самом конце 1390-х годов, приближаясь к произведениям круга Андрея Рублева — «около» житийного храмового образа «Архангела Михаила» из Архангельского собора Московского кремля (хотя такая дата как бы несколько противоречит сложившемуся мнению о создании центральных икон около 1380—1390-х годов).

Напомним, что детальный анализ письменных источников показал, что все убранство интерьера Благовещенского собора было уничтожено пожаром в 1547 г. Таким образом, и деисусный, и праздничный ярусы появляются здесь позднее (примерно до 1551 г.) и не могут связываться с летописным сообщением 1405 г. Тем не менее в предположительной форме за деисусом сохраняется прежняя атрибуция. См.: Л. А. Щенникова. О происхождении древнего иконостаса Благовещенского Собора Московского Кремля // Советское искусствознание. 81—2. М., 1982. С. 81—129; а также Э. С. Смирнова. Московская икона XIV—XVII веков. Л., 1988. Кат. 12—27; И. Я. Качалова, Н. А. Маясова, Л. А. Щенникова. Благовещенский собор Московского Кремля. М., 1990. С. 51—56. Илл. 108—128; Византия, Балканы, Русь. Кат. 65. Откуда были взяты иконы обоих ярусов — неизвестно. Гипотеза Л. А. Щенниковой о происхождении центрального ряда из Коломны не выглядит достаточно убедительной.

[34] В последнем случае сходство особенно разительно. Из других произведений греческой живописи, идентичных по иконографии (в данном случае Петра) следует назвать икону «Апостолы Петр и Павел» в кремлевском Успенском соборе. Ее принадлежность Феофану Греку (наиболее развернутую аргументацию предложенной еще М. А. Ильиным атрибуции см.: Г. И. Вздорнов. Феофан Грек. С. 273—274) никак не подтверждается. В свое время автор этих строк полагал, что икона принадлежит московскому мастеру первой четверти XV в. (Г. В. Попов. Живопись и миниатюра Москвы... С. 15). После полного раскрытия стала очевидной ее принадлежность греческому художнику. Предложенная в указ. работе датировка за ней сохраняется (В. М. Сорокатый. Указ. соч. С. 248. Прим. 8; Византия, Балканы, Русь. Кат. 93).

[35] По-видимому, правильнее было бы датировать иконы всего иконостаса временем после разорения собора летом 1410 г. См. также: Э. С. Смирнова. Указ. соч. С. 26—27.

[36] В. М. Сорокатый. Указ. соч. Илл. С. 252.

[37] Там же. С. 251.

[38] О произведениях иконописи этого круга см.: Г. В. Попов. Живопись и миниатюра Москвы… С. 15—23; Э. С. Смирнова. Указ. соч. С. 27. Кат. 99—103, 108—112; Византия, Балканы, Русь. Кат. 92 93, 97, 100, 102.

[39] Воспроизв. в цвете: Г. И. Вздорнов. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV веков. М., 1980. Кат. 68; см. также вставные миниатюры в Четвероевангелии того же происхождения // ГПБ. Кир.-Бел. собр. 44/49; Г. В. Попов. Указ. соч. Табл. 4, 5.

[40] И. Д. Соловьева. Художественное оформление рукописей первой четверти XV столетия из Кирилло-Белозерского монастыря в собрании Русского музея // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1982. Л., 1984. С. 227, 230.

[41] Н. А. Демина. Андрей Рублев и художники его круга. М., 1972. С. 38—39; М. А. Ильин. К изучению иконы Иоанна Предтечи из Николо-Песношского монастыря // СА. 1964. № 3; см. также: М. Алпатов. Андрей Рублев. С. 127—128.

[42] В. Н. Лазарев. Андрей Рублев и его школа. М., 1966. С. 146—147. Табл. 184—185; И. Иванов, А. Куклес, Г. Попов. Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева. М., 1968. С. 5—6, 22; И. А. Иванова. Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева. М., 1969. Табл. 3—4; Э. С. Смирнова. Московская школа… С. 30. Кат. 116, 118.

[43] Для дальнейшего изучения истории памятника представляется важным следующее: в монастырских документах 1778 г. упоминается церковь Иоанна Предтечи под колокольней (построена в XVI в.: К. Ф. Калайдович. Историческое описание монастыря Николая на Песошне. М., 1893. С. 23). Не было ли ее устройство связано с местным почитанием древней иконы?

[44] В. Н. Лазарев. Андрей Рублев и его школа. Табл. 120 б, 167, 168 б.

[45] В. Н. Лазарев. Андрей Рублев и его школа. С. 146.

[46] С. Радојчић. Старо српско сликарство. Београд, 1966. Таб. XLVI. См. также недавно раскрытую икону из чина того же времени в Ватопеде: Θησαυροὶ τοῦ Ἁγίου Ὄρους. Θεσσαλονίκη, 1997. Σ. 84—85. Κατ. 2.22.

[47] См., например: Ch. Baltoyanni. Icons the D.Ekonomopoulos collection. Athens, 1983. Pl. 10, 11; Εἰκόνες τῆς Κρητικῆς τεχνης. Εισ. Μ. Χατζηδάκης. Ηρακλεῖον, 1993. Πίν. 116, 148, 149. Σ. 472—473, 503—505.

[48] Г. В. Попов. Живопись и миниатюра Москвы… С. 37—39. Табл. 31, 35—37.

Список иллюстраций

1. «Богоматерь». Икона из деисусного ряда Успенского собора в Дмитрове. 1410—1420 годы (до 1428 г?).

2. «Богоматерь». Деталь.

3. «Архангел Гавриил». Икона из деисусного ряда Успенского собора в Дмитрове. 1410—1420-е годы (до 1428 г?).

4. «Апостол Петр». Икона из деисусного ряда Успенского собора в Дмитрове. 1410—1420-е годы (до 1428 г?).

5. «Апостол Петр». Деталь.

6. «Апостол Павел». Икона из деисусного ряда Успенского собора в Дмитрове. 1410—1420-е годы (до 1428 г?).

7. «Иоанн Предтеча». Икона из деисусного ряда собора Николо-Песношского монастыря. 1410—1420-е годы. ЦМиАР.

8. «Иоанн Предтеча». Деталь.

Л. Е. Семенова

Научная деятельность Дмитрия Кантемира в России

В истории российско-молдавских культурных связей, отечественной и зарубежной культуры первой четверти XVIII в. видное место принадлежит выдающемуся общественно-политическому деятелю, ученому-энциклопедисту Дмитрию Кантемиру (1673—1723)

О Кантемире много написано в румынской историографии и историками Республики Молдова. Период его жизни в России, в том числе и научная деятельность в это время, освещен слабее. Изданы его сочинения в Румынии и в Молдове, продолжается сбор и публикация его большого рукописного наследия. Но не иссякает интерес к жизни и творчеству выдающегося мыслителя и ученого, выявляются новые документы и материалы.

Будучи молдавским господарем (1710—1711) и придерживаясь прорусской ориентации в освобождении княжества от османской зависимости, Д. Кантемир во время Прутского похода Петра I перешел на сторону русских войск и после их поражения в битве при Станилештах в июле 1711 г. переселился в Россию. Здесь он обрел свою вторую родину.

Петр I высоко оценил поступок молдавского князя. Своим указом от августа 1711 г. царь пожаловал Д. Кантемиру «титул светлейшего князя Российского» с распространением этого достоинства и на его наследников. Указом предусматривалось наделение прибывших с Кантемиром молдаван землями и домами в Харьковской губернии[1]. В сентябре Петр I направил распоряжение в Сенат подыскать в «Москве двор с каменными полаты волоскому господарю князю Кантемирю (который имеет жить с своею фамилиею в нашем государстве), который бы двор был по его достоинству, также и другой двор загородной ему приищите»[2]. В марте 1712 г. Д. Кантемир переехал в Москву и поселился в Китай-городе во дворе с «каменным строением» в 16 палат и деревянными сооружениями[3]. Помимо дома в Москве царь пожаловал ему имения в Московском и Севском уездах и ежегодную государственную пенсию в 6 тыс. рублей[4]. В конце 1719 г. по просьбе Петра I он переселился в Петербург.

Петр I ценил достоинства Д. Кантемира как ученого и как государственного деятеля. Еще в 1711 г. в период Прутского похода царь записал в своем журнале относительно молдавского князя: «Оный государь человек зело разумный и в советах способный»[5]. Между Петром и Д. Кантемиром установились искренние дружеские отношения. В биографии Кантемира отмечалось, что в 1717 г. во время пребывания царя в Москве князь Дмитрий «имел честь часто бывать с ним вместе и от него получать нередкие посещения»[6]. С переездом в Петербург отношения князя с царем становятся постоянными. В записи саксонского резидента при дворе Петра I Х. Вебера, относящейся к 1719 г., отмечается, что «у его царского величества бывший господарь находится в великом почете»[7].

В феврале 1721 г. Д. Кантемир был пожалован в тайные советники с назначением членом Сената[8]. Он активно участвовал в работе Сената, в обсуждении и подготовке многих документов и указов, касающихся важных общественных проблем России того времени. Об этом наглядно свидетельствует, в частности, малоизвестный документ от 1722 г. за собственноручной подписью Д. Кантемира с подробным изложением его мнения по пунктам проекта указа правительствующего Синода по гражданским делам[9]. Личный секретарь князя И. Ильинский постоянно отмечает в своем дневнике посещение Д. Кантемиром заседаний Сената, переписку князя с различными государственными деятелями, встречи с царем как деловые, так и дружеские в домашнем кругу[10]. Петр I пользовался консультациями Кантемира как специалиста-востоковеда. Во время Персидского похода 1722 г. по поручению царя он управлял гражданской канцелярией и походной типографией, переводил на восточные языки для издания манифесты Петра I, его воззвания к местному населению[11].

Проживая в России, Д. Кантемир не вел изолированный образ жизни, не был оторван от российского общества того времени, как пыталась представить зарубежная историография начала XX в.[12] Он являлся сподвижником Петра I в его преобразовательных реформах, участвовал в общественно-политической жизни России, имел деловые отношения с представителями российской элиты того времени. Однако нельзя не отметить, что общественная активность Д. Кантемира приходится главным образом на период после 1719 г., когда он переселился в Петербург. После женитьбы в 1720 г. на княжне А. Трубецкой, дочери генерала И. Ю. Трубецкого, Д. Кантемир еще больше сблизился с

высшими сферами российского общества. Как видно из дневника И. Ильинского, наряду с Петром I молдавского князя часто посещали И. Д. Меньшиков, Г. И. Головкин, П. А. Толстой, Ф. А. Апраксин и другие государственные деятели, с которыми у него установились дружеские отношения.

Но главным для Д. Кантемира в период его пребывания в России являлась научная деятельность. Его страсть к науке подчеркивалась в опубликованной в 1783 г. историком Г.-З. Байером биографии молдавского князя, где отмечалось, что «главное его удовольствие всегда составляли науки»[13]. Кантемир был высокообразован, владел латинским, греческим, турецким, персидским, итальянским, русским, французским языками. Образование получил в Высшей школе Константинопольской патриархии, единственном высшем учебном заведении для православных в турецкой столице. Здесь он изучал историю, философию, литературу, постигал азы в области искусств, естествознания, теологии.

В Стамбуле началась научная деятельность Д. Кантемира. Здесь он написал ряд богословских и философских сочинений, трактат о турецкой музыке и др. Наиболее значительным трудом этого периода была «Иероглифическая история» (1704—1705). Кантемир поддерживал знакомство с турецкими учеными, имел связи с представителями иностранных посольств, что позволило ему приобщиться к западноевропейской культуре[14]. Во время пребывания в Стамбуле молодой ученый изучал культуру восточных народов, собирал редкие книги и рукописи, издания византийских, арабских и турецких хроник, послуживших материалами для написания фундаментального труда по истории Оттоманской империи.

Диапазон научных занятий Кантемира был широк. Обладая энциклопедическими знаниями в разных областях — истории, философии, экономике, логике, языкознании, литературе, архитектуре, музыке — он оставил в каждой из них свой след. Особый интерес он проявлял к истории. В той же опубликованной Г.-З. Байером биографии говорилось: «Лучшее для себя удовольствие находил он в изучении истории, был весьма искусен в философии и математике. Он имел великое знание в архитектуре…»[15]. По словам Д. Н. Бантыш-Каменского, «История и архитектура были любимыми его занятиями, философия и математика главными украшениями ума его»[16].

Годы проживания в России (1711—1723) были наиболее плодотворными в научной деятельности Д. Кантемира. К этому времени отно-

сится творческая зрелость его как ученого. Благотворное влияние на него оказала культурная среда, питаемая прогрессивными преобразованиями петровской эпохи в России. В российском обществе начала XVIII в. сформировался значительный круг высокообразованных для своего времени деятелей (В. Н. Татищев, Ф. Прокопович, П. А. Толстой и др.), знакомых с западноевропейской рационалистической философией, отстаивавших идеи «просвещенного абсолютизма» и выступавших за светский характер образования. Со многими из них Д. Кантемир общался и поддерживал дружеские отношения. Он был знаком с трудами современных ему российских ученых. Так, известна его полемика с Ф. Прокоповичем по религиозным вопросам и проблемам воспитания[17].

Общение Д. Кантемира с передовыми мыслителями и общественными деятелями России оказало положительное воздействие на развитие его научного мировоззрения, общественно-политических и философских взглядов[18]. Большинство своих научных работ, в первую очередь фундаментальные исторические труды, он написал в России[19]. В 1716 г. была завершена монография «История роста и упадка Оттоманской империи», ставшая на протяжении более ста лет основной работой по истории Турции и принесшая Д. Кантемиру европейскую известность в востоковедении. В 1719 г. по поручению Петра I рукопись труда была переведена с латинского языка на русский и переписана Димитрием Грозиным[20], что было связано с подготовкой ее к печати[21]. Но работа по изданию была прервана смертью Д. Кантемира в 1723 г. Знаменитый труд по истории Османской империи, как и большинство его сочинений, увидел свет после ухода молдавского князя из жизни. Первое издание книги «История возвышения и упадка Оттоманской империи» вышло в 1734 г. в Лондоне стараниями профессора Г.-З. Байера и сына князя Антиоха Кантемира[22].

Другим крупным трудом Д. Кантемира было «Описание Молдавии», написание которого относится к 1715—1716 гг. Первое его издание на немецком языке появилось в 1770 г. в Гамбурге, а в России в переводе на русский язык в 1789 г.[23] В работе, снабженной географической картой, Д. Кантемир рассматривает природные и климатические условия, в которых находилось Молдавское княжество, его административное устройство, экономическое, социальное и культурное положение в конце XVII — начале XVIII в.

С интересом ученого к вопросу о происхождении восточнороманской народности было связано написание в 1717 г. труда «Хроника

стародавности романо-молдо-влахов». Автор рассматривает историю молдаван и влахов с древнейших времен до XIV в. во всемирном контексте, уделяя внимание соседним странам и народам, в частности, славянам и Древнерусскому государству. Перевод текста рукописи с молдавского на латинский язык был выполнен самим Д. Кантемиром. Но этот перевод пропал вместе с бумагами, находившимися на потонувшем во время шторма в Каспийском море фрегате, на котором перевозились вещи князя во время Персидского похода[24]. Сохранившийся оригинал рукописи в 1783 г. был передан Н. Н. Бантыш-Каменским в архив Коллегии иностранных дел (в настоящее время — РГАДА)[25].

Из сочинений, написанных в России, увидел свет при жизни Д. Кантемира только его труд «Книга систима, или состояние мухамеджанския религии», изданный в 1722 г. по повелению Петра I[26]. Об этом автор пишет в предисловии: «…соизволил его императорское величество и мне… рабу своему поручити, да бых о мухаммеданской религии и о политическом муслиманского народа правлении некое, нижним стилем и просторечием издание»[27]. Поручение царя было связано с подготовкой к Персидскому походу. Переводил рукопись труда с латинского на русский язык И. Ильинский. Петр I торопил его издание и лично интересовался ходом работ по печатанию. Уже будучи в походе, в июле 1722 г. из Астрахани он просил Синод, если книга готова, «то пришлите сюда, не мешкав»[28]. Через несколько лет после издания книга стала известна западному читателю. Один из первых академиков Петербургской Академии наук И. Х. Коль опубликовал в 1729 г. разбор книги Д. Кантемира в широко распространенном в то время в Европе журнале «Acta eruditorum»[29]. Помимо переводов и издания царских манифестов и воззваний к мирному населению, Д. Кантемир во время Персидского похода вел записи о Дербенте, его крепостных сооружениях, записывал со слов населения легенды о городе. По поручению Петра I Д. Кантемир исследовал и составил карту Кавказской стены «Даг-бары» в окрестностях Дербента[30]. Составленная в практических целях в условиях военного похода карта Д. Кантемира стала важным источником в географических, археологических, этнографических и исторических исследованиях Кавказа. Неслучайно в 1728 г. она обсуждалась на конференции императорской Академии наук по представлению Г.-З. Байера, получившего карту от сына князя Антиоха[31].

К 1715—1716 гг. относится сочинение Д. Кантемира, посвященное отцу, «Жизнь Константина Кантемира». Помимо описания семейной жизни здесь рассматриваются события времени пребывания Константина Кантемира на молдавском престоле, связанные с внутриполитической обстановкой в княжестве в конце XVII в., его внешним положением[32]. Рукопись труда, переписанная с переводом на русский язык и пополненная Г.-З. Байером, была издана в Москве в 1783 г. под названием «История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира»[33].

В условиях проводимой Петром I церковно-образовательной реформы в связи с изданием в 1720 г. Ф. Прокоповичем букваря-катехизиса под названием «Первое учение отроком» Д. Кантемир написал работу «Претемные места в катехизисе», в которой полемизировал с автором букваря. Исповедуя принципы греческого благочестия и образования, Д. Кантемир выступил против пренебрежительного отношения Ф. Прокоповича к иконопочитанию и обрядовой стороне народного православного обихода[34]. Возникшая полемика, очевидно, получила общественный резонанс. Представляется неслучайным, что рукопись Д. Кантемира и ответ ему Ф. Прокоповича «Письмо к преподобнейшему отцу» были переведены И. Ильинским с латинского на русский язык[35].

Из других работ российского периода жизни Д. Кантемира следует отметить относящиеся к 1714 г. «Панегирик» и «Рассуждение о природе монархий». Текст «Панегирика» представлял приветственное слово царю, произнесенное на греческом языке сыном Кантемира Сербаном в день пасхи во время первого приезда молдавского князя в Петербург. Рукопись была напечатана в 1783 г. в составе издания Г.-З. Байера «История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира»[36]. Второе сочинение — «Рассуждение о природе монархий» — написано Д. Кантемиром как историко-философский трактат, в котором автор пытается выявить определенные закономерности роста и упадка мировых монархий, рассматривая их в контексте всемирной истории. В обоих сочинениях Д. Кантемир обосновывал идею освободительной миссии России на Балканах, ее роли в освобождении покоренных османами христианских народов[37].

Еще одна рукопись, известная под названием «История Брынковянов и Кантакузинов», была написана Д. Кантемиром в 1717—1718 гг. и представляла собой своего рода пространную записку о положении в

Валахии, составленную по просьбе Петра I в период австро-турецкой войны. Автор всячески порочит деятельность валашского господаря Константина Брынковяну, стараясь возвеличить тем самым себя, проводит в то же время мысль о целесообразности вмешательства России в военный конфликт и надежде на освобождение Молдавского княжества с помощью русского оружия[38]. Рукопись этой записки была опубликована в 1772 г. в «Журнале или Поденной записке Петра Великого»[39].

Даже довольно беглое перечисление работ, написанных Д. Кантемиром в России, показывает, какой плодотворной и разносторонней была его научная деятельность в этот период. В русских общественных кругах высоко ценили его многогранный научный талант. О том, сколь высока была оценка его научных достижений в разных областях, говорит тот факт, что Д. Кантемир назывался одним из вероятных претендентов на пост президента будущей Российской Академии[40]. В этой связи представляет интерес заметка с описанием первого собрания Академии в Петербурге, опубликованная в 1726 г. в европейском журнале «Немецкая библиотека, или Литературная история Германии в северных странах». Автор этой заметки подтверждает существование у Петра I намерения назначить президентом Петербургской Академии Д. Кантемира. «Академия,— пишет автор,— много потеряла со смертью Кантемира… Этот ученый князь должен был руководить Академией по проекту императора, задуманному много лет назад»[41].

В России пришла к Д. Кантемиру слава европейского ученого. Международным признанием научных заслуг Кантемира явилось его избрание в 1714 г. членом Берлинской Академии наук, одного из ведущих научных учреждений тогдашней Европы. Основатель Берлинской Академии (1700 г.) и ее первый президент (до самой смерти в 1716 г.), философ и математик Г. В. Лейбниц имел тесные отношения с Петром I. По его просьбе Г. Лейбниц разрабатывал проекты развития образования и государственного управления в России. Личные контакты Петра I с Лейбницем не в малой степени способствовали тому, что в Берлинскую Академию был избран ряд ученых, которыми окружал себя царь в ходе преобразовательных реформ.

Первым из окружения Петра I, кто заслужил признание Берлинской Академии и стал в 1710 г. ее членом, был Г. Гюйссен. Родом из Вестфалии, он в 1702 г. был принят на российскую службу и определен наставником к двенадцатилетнему царевичу Алексею Петровичу. Получив чин генерала и военного советника, в 1705 г. и в 1707 г. он

находился с дипломатическими поручениями в Берлине, Вене, Италии. Г. Гюйссен был автором многих трудов по истории России, но они при жизни его не были изданы. Он имел дружественные отношения со многими западными учеными, членами Академий Парижа, Рима, Берлина[42].

Г. Гюйссен тесно сотрудничал с немецкими учеными, посредничал в их отношениях с русскими коллегами, в обмене книгами и рукописями, представлявшими культурный и политический интерес. В последующем ему выпала честь рекомендовать своих коллег из России для выборов в Берлинскую Академию, и среди них первым был Дмитрий Кантемир.

В исторической литературе известен диплом об избрании Д. Кантемира членом Берлинской Академии, датированный 11 июля 1714 г. и подписанный ее вице-президентом И. К. Шоттом. Латинский текст диплома был опубликован в 1783 г. в приложении к упоминавшейся выше книге «История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира», подготовленной к изданию Г.-З. Байером.

В 1969 г. румынский исследователь Е. Поп опубликовал найденные им в архиве Академии Берлина материалы, связанные с решением Берлинской Академии о приеме в свои члены Д. Кантемира и выдачей ему диплома[43]. Остановимся на этих материалах несколько подробнее, поскольку они мало известны в отечественной литературе.

Какие же это документы? Первый из них — заключительная часть протокола заседания секции восточной литературы от 31 мая 1714 г., проходившего под председательством профессора Д. Э. Яблонского. В протоколе констатируется единодушное решение секции о приеме Д. Кантемира в члены Академии по рекомендации Г. Гюйссена и представлении ходатайства перед Консилиумом (Советом Академии) утвердить это решение. Заслуживает внимания зафиксированная в протоколе просьба секции к Д. Кантемиру прислать обзор географических данных о Молдавии. Румынский исследователь, на наш взгляд, справедливо полагает, что эта просьба послужила первым побуждением для Д. Кантемира в написании труда «Описание Молдавии».

Второй документ — протокол заседания Консилиума Академии от 11 июля 1714 г., вторым пунктом повестки дня которого был вопрос о ходатайстве секции восточной литературы в отношении Д. Кантемира. Из содержания протокола следует, что Гюйссен ходатайствовал перед руководством Академии, ссылаясь на просьбу к нему самого Д. Кантемира, изложенную в письме, где молдавский князь описывал,

очевидно, свои научные занятия и подготовленные труды. Ни это письмо Д. Кантемира, ни ходатайство Г. Гюйссена румынский исследователь не обнаружил среди материалов архива Академии Берлина. Но он сделал предположение, что опубликованный в 1894 г. румынским славистом О. Денсушиану отрывок письма Д. Кантемира от 1714 г. к одному из членов Берлинской Академии является именно тем письмом к Г. Гюйссену, о котором шла речь на заседании Консилиума[44]. В этом отрывке письма Д. Кантемир перечисляет некоторые законченные свои научные труды, а также называет ряд рукописей, которые он мог бы послать Берлинской Академии. Привлекает внимание тот факт, что среди перечисленных работ не упоминается «Описание Молдавии». Следовательно, письмо это, предположительно адресованное Г. Гюйссену, могло быть написано Д. Кантемиром только до избрания его членом Берлинской Академии.

На заседании Консилиума от 11 июля 1714 г. вопрос о принятии Д. Кантемира в члены Академии в принципе был решен, но высказывалось мнение о необходимости подробной мотивировки Г. Гюйссеном своего ходатайства. Передать эту просьбу Г. Гюйссену поручалось Д. Э. Яблонскому, который поддерживал с ним тесные дружественные отношения. Сохранился еще один протокол заседания Консилиума от 1 августа 1714 г., где было решено о подготовке диплома члена Академии и отсылке его Д. Кантемиру[45]. Возможно, что диплом был выписан еще к заседанию Консилиума от 11 июля, а отправлен Д. Кантемиру после окончательного решения вопроса о его приеме в члены Академии на заседании от 1 августа. На эту мысль наводит тот факт, что опубликованный латинский текст диплома Д. Кантемира, как уже отмечалось, датируется 11 июля 1714 г.

Приведенные выше документы выявляют важную посредническую роль Г. Гюйссена в ходе избрания Д. Кантемира в члены Берлинской Академии, что в отечественной исторической литературе совершенно не отмечалось. Эту свою роль Г. Гюйссен сохранил и в последующих отношениях Д. Кантемира с Берлинской Академией[46]. В опубликованных Е. Попом материалах содержатся свидетельства о существовании переписки между Г. Гюйссеном и Д. Кантемиром. Нам удалось обнаружить в архиве Петербурга подлинники писем Д. Кантемира к Г. Гюйссену за 1716—1717 гг.[47] В них идет речь о подготовке Д. Кантемиром рукописей трудов, заказанных ему Академией Берлина. Благодаря публикации румынским исследователем документов из Берлинского

архива мы можем судить о том, какие исследования обязался подготовить Д. Кантемир. Это были «Описание Молдавии» и «Хроника стародавности романо-молдо-влахов». Как отмечалось выше, рукопись первого труда была завершена в 1716 г., а в следующем году Д. Кантемир закончил написание «Хроники» и занялся ее переводом с молдавского на латинский язык для отсылки в Берлин, но перевод рукописи, как уже говорилось, был утерян во время персидского похода*.

После смерти Д. Кантемира переговоры с Берлинской Академией в отношении рукописи «Хроники» снова ведет Г. Гюйссен. Об этом говорят обнаруженные Е. Попом письма Г. Гюйссена за 1724—1725 гг. в адрес Академии[48]. Из этих писем видно, что руководство Академии было заинтересовано в получении рукописи «Хроники» и обратилось через Г. Гюйссена к сыновьям Д. Кантемира. Судя по тому, что Г. Гюйссен и в 1724 и в 1725 гг. просит отсрочить представление рукописи, мотивируя трудностями в подготовке и переводе на латинский язык такой сложной работы, необходимостью подыскать для этого компетентного ученого, можно предположить, что князья Кантемиры не были склонны посылать рукопись отца в Берлин. Думается, что Г. Гюйссен действовал здесь не без согласия детей Д. Кантемира.

Среди материалов архива Берлина представляют интерес также записи о жизни молдавского князя. По мнению немецких ученых, они были написаны или переписаны Г. Гюйссеном и присланы Берлинской Академии. Е. Поп, сопоставив эти записи с опубликованной в 1783 г. биографией Д. Кантемира в составе приложения «Родословия князей Кантемиров» к книге «История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира», пришел к выводу, что автором биографии был не готовивший книгу Г.-З. Байер, как считал П. Панаитеску и некоторые другие румынские историки, а сын Д. Кантемира Антиох, известный дипломат, поэт-сатирик. Берлинские же записи, по мнению Е. Попа, представляют самый ранний текст биографии Д. Кантемира и написаны они были Антиохом вместе с секретарем отца И. Ильинским[49]. Пересланы же были эти записи в Берлин, по всей вероятности, действительно Г. Гюйссеном.

Опубликованные Е. Попом документы, относящиеся к периоду после смерти Д. Кантемира, свидетельствуют о сохранившемся большом интересе Берлинской Академии к личности своего бывшего члена, его

* См. выше.

сочинениям и рукописным трудам. Интерес этот не был случайным. Еще при жизни известность Д. Кантемиру принесли основательность и глубина научных исследований, всесторонний и объективный анализ самого широкого круга источников.

Многогранная научная деятельность Д. Кантемира в России, его многочисленные труды в разных областях знания внесли ценный вклад в историю отечественной и европейской науки и культуры.

Примечания

[1] Полное собрание законов Российской империи. Т. IV. СПб., 1830. С. 725 сл. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI. Вып. 2. М., 1964. С. 62—63.

[2] Письма и бумаги... С. 154.

[3] Там же. С. 469.

[4] Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей русской земли. Ч. III. М., 1836. С. 38—39.

[5] Походный журнал Петра 1. 1711 года. СПб., 1854. С. 49.

[6] Майков Л. Княжна Мария Кантемировна.— «Русская старина». 1897. Т. 89. С. 57.

[7] Weber Ch.F. Das veränderte Russland. Frankfurt, 1744. 1-er Th. S. 334.

[8] Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. Т. 1. М.—Л., 1945. С. 239.

[9] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 95. Л. 14—15. Публикацию документа см. в Приложении.

[10] См.: Журнал Ивана Ильинского // Сб. Отд. русского языка и словесности императорской Академии наук. СПб., 1903. Т. 72. С. 295—303.

[11] Походный журнал Петра Великого 1722 г. СПб., 1855. С. 99; Пятницкий В. К истории книгопечатания арабским шрифтом в Европейской России и на Кавказе // Публичная библиотека имени В. И. Ленина. Сборник I. М., 1928. С. 132—137. См. также: Лысцов В. П. Персидский поход Петра I. 1722—1723. М., 1951. С. 118—119.

[12] См. об этом: Ciobanu Şt. Dimitrie Cantemir în Rusia // Academia Romana. Mem. secţ. literare. Ser. III. T. 2. Mem. 5. Buc., 1925; Panaitescu P.P. Dimitrie Cantemir. Viaţa şi opera. Buc., 1958; Ciachir N. Cu privire la activitatea politică desfăşurată de Dimitrie Cantemir în Rusia (1711—1723) // Revista archivelor. 1973. Nr. 3.

[13] Байер Ф. С. История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира. М., 1783. С. 281.

[14] Лучинский П. К. Дмитрий Кантемир — общественно-политический деятель, ученый, патриот // Наследие Дмитрия Кантемира и современность. Кишинев, 1976. С. 7.

[15] Байер Ф. С. История… С. 315.

[16] Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей… С. 41.

[17] См.: Извеков И. Один из малоизвестных литературных противников Феофана Прокоповича // Заря, 1870. Отд. II. С. 1—35.

[18] Panaitescu P.P. Dimitrie Cantemir… P. 118; о взглядах Д. Кантемира см. также: Ермуратский В. Н. Общественно-политические взгляды Дмитрия Кантемира. Кишинев, 1956; он же. Дмитрий Кантемир — мыслитель и государственный деятель. Кишинев, 1973; Лучинский П. К. Указ. соч. С. 21—25.

[19] Список сочинений Д. Кантемира см.: Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей… С. 41—42; о судьбе его рукописного наследия подробно см.: Моисеева Г. Н. Судьба рукописного наследия Дмитрия Кантемира // Наследие Дмитрия Кантемира… С. 127—143.

[20] Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. Т. 1. (1542—1721).СПб., 1868. С. 121.

[21] Моисеева Г. Н. Судьба рукописного наследия… С. 127, 131—132.

[22] Там же. С. 132—133.

[23] Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. Т. II (1725—1800). М., 1964. С. 13; см. также: Моисеева Г. Н. Судьба рукописного наследия… С. 140.

[24] Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 250.

[25] Моисеева Г. Н. Судьба рукописного наследия… С. 142.

[26] Пекарский П. П. Наука и литература… Т. II. С. 581.

[27] Там же. С. 583—584.

[28] Переписку по поводу печатания книги см.: Там же. Т. I. С. 567—570. Т. II. С. 584—585.

[29] Радовский М. И. Антиох Кантемир и Петербургская Академия наук. М.—Л., 1959. С. 9.

[30] Трунов Д. Свет из России. Махачкала, 1956. С. 29—30.

[31] Протоколы заседаний конференции императорской Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. I. 1725—1743. СПб., 1897. С. 16; Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977. С. 145.

[32] Подробно о работе Д. Кантемира «Жизнь Константина Кантемира» см.: Власова Л. В. К вопросу об обстоятельствах и мотивах написания работы Димитрия Кантемира «Житие Константина Кантемира» // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972. С. 327—351.

[33] Моисеева Г. Н. Судьба рукописного наследия… С. 130—131.

[34] Подробно о полемике между Д. Кантемиром и Ф. Прокоповичем см.: Гребенюк В. П. Д. Кантемир и Ф. Прокопович. Литературная полемика // Наследие Дмитрия Кантемира… С. 174—181.

[35] Там же. С. 180.

[36] Пекарский П. П. Наука и литература… Т. II. С. 320—322.

[37] Panaitescu P. P. Dimitrie Cantemir… P. 193—195; Руссев Е. М. Дмитрий Кантемир — поборник свободы и независимости Отчизны // Наследие Дмитрия Кантемира… С. 60.

[38] Panaitescu P. P. Dimitrie Cantemir… P. 200—201; Руссев Е. М. Дмитрий Кантемир… С. 61.

[39] Моисеева Г. Н. Судьба рукописного наследия… С. 134—135.

[40] История Академии наук СССР. Т. 1, (1724—1803). М.—Л., 1958. С. 36.

[41] Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской Академии наук. М.—Л., 1977. С. 182—183.

[42] Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей… Ч. II. М., 1836. С. 29—31.

[43] Pop E. Dimitrie Cantemir şi Academia din Berlin // Studii. Revistă de istorie. 1969. Nr. 5. P. 825—845.

[44] Pop E. Op. cit. P. 825, 829.

[45] Ibid. P. 839—840.

[46] Ibid. P. 831—833.

[47] Архив Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории. Ф. 36. Воронцовы. Оп. 1. № 1115.

[48] Pop E. Op. cit. P. 831—833.

[49] Ibid. P. 835—836; текст записей — p. 840—844.

Приложение

1722 — Замечания Д. Кантемира на проект указа по гражданским делам правительствующего Синода*

л. 14. Мнение светлейшего князя Дмитрия Константиновича Кантемира на пункты святейшего правительствующего Синода.

на 2. напротив буде кто из мирских от церковного суда или по неправому доношению оклеветан или неправедно сужден будет или осудится, чтоб мог бити челом в Сенате и буде и от Сената подтвердится синодская сентенция, тогда по правилам церковным да накажется.

* РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 95. Лл. 14—15. Подлинник.

на 3. якоже высший магистрат и его сентенция Сенату и сенатскому декрету подчиняется тако и о декрете синодском, поелику к гражданским делам принадлежит, разумети подобает.

на 5. разсуждая, что сообщати надлежит епископским токмо персонам и им единым в собрании сенаторском соседати, они же епископы в своем собрании по своей воли протчим членам вещь оную, о ней же дело будет, да сообщают.

на 6. дабы ко всякой церкви определено было несколько служителей (то есть дьячков, пономарей и прочих) из тех же поповских детей, с которых никаких податей имать ненадобно, и чтоб то их число вечно было. Также и поповские дети от податей свободны да будут покамест отцы их живы в чину священническом будут. Буде же священник от церкви священства лишен будет, тогда он имеется за мирянина и повинен отдаться прежнему своему господину. Того ради и дети его повинны будут подати платить или в службу императорскую или в школы или к иным художествам они да берутся. Умершу же священнику, аще который из детей его достоин такова чина явится и посвящен будет, да удержит из братов и племянников своих в церковной службе толикое ж число, колико определится, к тому же и дети его яко поповские от всяких податей свободны да будут. Буде же умерших попов дети преумножатся да разделяются по семинариям епископским. А буде из того возрасту уже выдут, да берутся в службы императорские, то есть в военную или к научению и иных художеств и рукоделеи, да не погубят свободу чрез священство отцов своих приобретенную. И того ради не господам своим приватно, но империи универсально служити обязаны да будут. А кто добровольно похочет землю пахать или иное иметь художество, да будет яко однодворец подданный императорский и равную как и те подать да платят. То же и о диаконах разумети надлежит. Для воспитания же в сиротстве оставшихся младенцов еще сущих детей их, буде не будут иметь чем пропитатися, потребно быти разсуждаю во всякой епархии сиротопитательнице, в которых имело бы ся об них попечение покамест удобны будут приложитися к учению или иным художествам.

на 7. подчиненные в Синоде да будут свободны от податей, покамест до Синода надлежати будут, отпущенные же оттуду да имеются в чину и состоянии мирском, из которого взяты были.

на 9. по генеральной диспозиции которые останутся при церкви /л. 15/ да будут от податей свободны. А которые вне того числа останутся, те по вышеписанному.

на 10. повелено да так будет: токмо провинциалы и губернаторы да имеют тщание и чрез фискалов да уведомляются. Делается ли то, что обязаны чинить епископы, дабы за небрежение или иную причину не укрывалися и не бегались от службы государственной.

на 11. синодским подчиненным надлежит ли равнятся с придворными и шляхетством причины не вижу, что состоится в воли высочайшего монарха.

на 15. аще будет явное какое дело или суспиция дела на некую честную, а наипаче сенаторскую и президентскую персону, таковые не в Синоде, но присутствующим двум синодальным персонам в Сенате да судится, как и о протчих к церкви принадлежащих повелено чтоб при двух сенаторах в Синоде судимы были.

на 24. по 15 пункту

на 25. по 15 и 24 пункты

*Димитрий Кантемир**

* Подпись собственноручная.

Э. С. Смирнова

Мотивы тератологического орнамента русских рукописей: «Авторский портрет», «Давид-псалмопевец»

Не часто можно встретить в среде историков того, кто был бы столь заинтересован историей древнерусского искусства, так глубоко разбирался бы в ее проблематике и так щедро помогал бы искусствоведам, как Б. Н. Флоря. Автору этой статьи Борис Николаевич предоставил на несколько лет свои тетради, куда он, во время занятий в хранилищах рукописей, заносил наблюдения, полезные, по его мнению, для историков искусства — о происхождении памятников (главным образом XIV—XVI вв.), их группировке и т. д. Данные этих тетрадей, не решая конкретных тем, давали и дают искусствоведам базу для отбора материала, помогают наметить контуры поиска. С благодарностью за безотказную и дельную помощь Бориса Николаевича я предлагаю для этого сборника два этюда, посвященные малоизученной области русского рукописного наследия.

В тератологическом орнаменте русских рукописей конца XIII—XIV вв., несмотря на его сравнительно обширную библиографию[1], остается много неясностей: его генезис, распространение в техилиных русских центрах, местные особенности, символика сюжетов, эволюция стиля. Не исследованы монографически даже самые выдающиеся русские рукописи, украшенные тератологией, например, знаменитая Псалтирь РНБ, F.п. I. 2. с инициалом «М» в виде перебранивающихся рыбаков и с замечательными фронтисписами в виде храмов.

Данная статья посвящена только «иконографии» тератологического орнамента и не касается его художественных особенностей. Среди сюжетов русской рукописной тератологии выделяются сцены с одной или несколькими человеческими фигурами, часто вместе с изображениями фантастических животных и птиц и в сочетании с плетенкой. Обычно это инициалы, иногда — заставки. Их рассматривали то как разрозненные части композиции, изображавшей некое языческое жертвоприношение[2], то как отвлеченные аллегорические образы в рамках христианских понятий[3], то как отклик на мотивы прикладного искусства[4], стремясь увидеть в них прежде всего явление местной русской

культуры. Авторы другого круга подчеркивают интернациональный характер мотивов, их связь с византийской и европейской средневековой культурой, их античные корни. О сложных истоках тератологических мотивов с человеческими фигурами догадывался А. И. Некрасов[5], некоторые из них, в сравнении с композициями в искусстве европейского средневековья, преимущественно готики, рассмотрены В. П. Даркевичем[6], а наиболее широкую перспективу культурных связей, отразившихся в том числе и в русской рукописной тератологии, дал А. Н. Грабар[7]. Именно его метод, позволяющий угадать в белокаменных рельефах владимирских храмов и в фигурках рукописного орнамента глубокие корни, связывающие русскую культуру с традициями мировой и европейской культуры, наиболее адекватен нашему материалу.

Обращаясь к сюжетам русской тератологии, необходимо предупредить, что встречающиеся в ней отдельные человеческие фигуры и композиции с ними далеко не так узнаваемы, как, например, в «историзованных» инициалах византийских рукописей и в большинстве манускриптов европейского средневековья. В русских рукописях такие сцены принадлежат не только сфере изобразительного искусства, но и сфере орнамента, вследствие чего их сюжетное содержание становится расплывчатым. Композиция возбуждает зачастую не одну, а несколько ассоциаций, но ни с одним сюжетом не идентифицируется полностью. Например, три однородные по композиции заставки в среднерусском Микулином Евангелии, БАН, 34.5.20, в новгородском Прологе 1400 г., ГИМ, Син. 240, и в московском (?) Евангелии рубежа XIV—XV вв., РГБ, ф. 247, Рогожск., № 136, с изображением человеческой фигуры в плетении, схватившейся за длинные змеиные шеи, напоминает одновременно и змиеборцев в скандинавском орнаменте, и античных героев, например, Геракла, побеждающего лернейскую гидру, и — особенно — возносящегося Александра Македонского[8].

Рассмотрим несколько композиций, образующих две тематические группы.

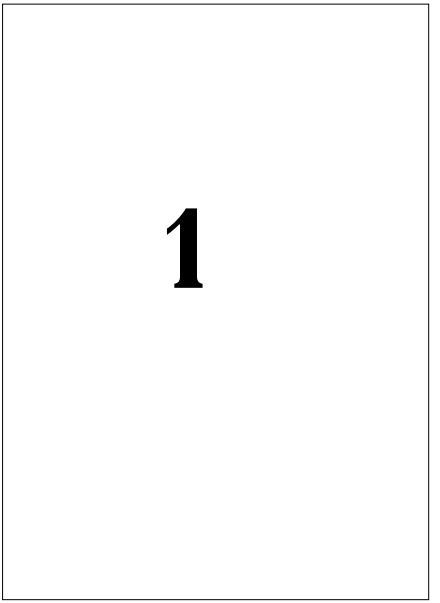
«Авторский портрет»

Евангелие апракос ГИМ, Хлуд. 29, было исполнено, как свидетельствует запись, в 1323 г. писцом Иродионом, по заказу игумена Моисея (как предполагается, будущего новгородского архиепископа), для монастыря святой Богородицы (вероятно, для Колмова Успенского)[9].

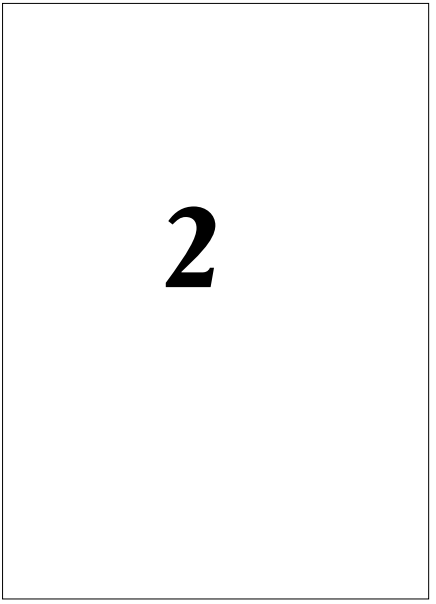
1. Инициал «В» из новгородского Евангелия апракос 1323 г. ГИМ, Хлуд. 29, л. 43 об. Прорись.

2. Евангелист Марк. Миниатюра византийского Евангелия. XII в. Афон, Дионисиат, cod. 38, л. 126 об. Прорись.

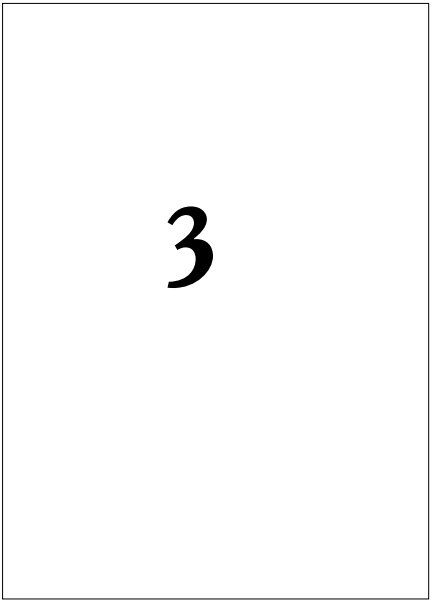
3. Евангелист Матфей. Миниатюра Евангелия из аббатства Сен Жерар де Бронь. Намюр, Библиотека Большой семинарии, инв. M 43/13. Прорись.

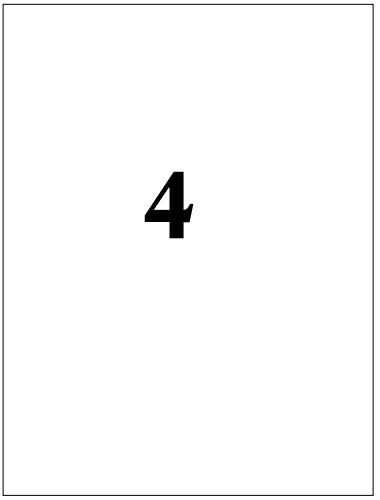
1

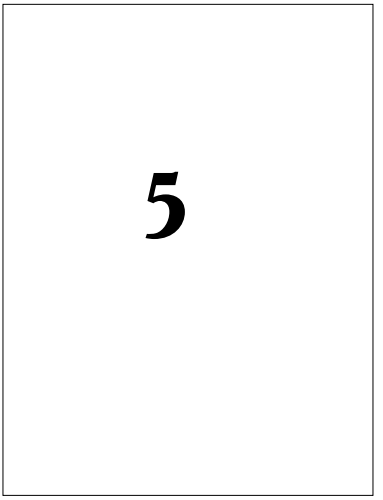

2

3

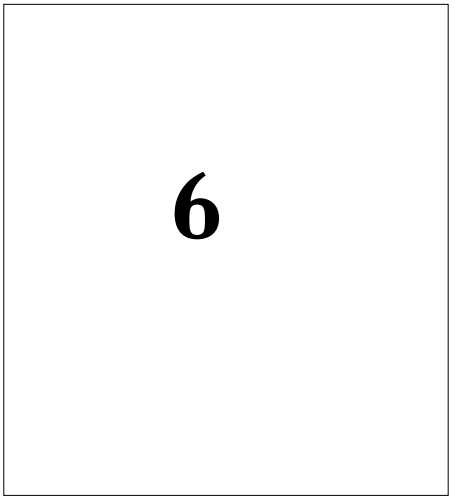

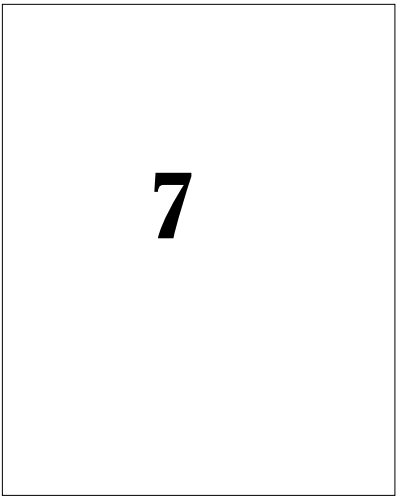
4. Инициал «В» из Евангелия Боголюбовского монастыря под Владимиром. XVI в. По В. В. Стасову.

5. Инициал «В» из Евангелия Боголюбовского монастыря под Владимиром. XVI в. По В. В. Стасову.

Работа, как ясно из записи, шла долго, с ноября по август 6831 г. и была окончена лишь на день преподобного Моисея Мурина, то есть 28 августа. Возможно,она была столь долгой не только из-за тщательности письма, но и из-за прекрасного тератологического орнамента, включающего множество изобретательно нарисованных инициалов, в том числе и сценки с человеческими фигурками[10].

Инициал «В» на л. 43 об. изображает писца (рис. 1). Он представлен в профиль, сидящим на кресле с высокой прямой спинкой. Левой рукой он придерживает лист или книгу на пюпитре, в правой держит орудие письма. Писец одет в плотно облегающую длинную рубаху, доходящую до половины икры. Рукава — до запястий, выше локтя — обручи. На голове островерхая синяя шапка с околышем. Каждая ступня покоится на отдельном небольшом подножии, рисунок которого так стилизован, что напоминает современные роликовые коньки. Пюпитр витой, изогнутый, с постаментом. Кресло с подушкой, с диагонально соединенными внизу ножками. Вся композиция нарисована тонким красным контуром, некоторые полоски и складки на рубахе сделаны желтыми, а фон инициала, шапка и лист на пюпитре — темно-синие.

6. Инициал «О» из Псалтири первой половины — середины XIV в. РНБ, F. п. I.2, л. 297 об. Прорись.

7. Преподобный Савва Иерусалимский. Миниатюра Псалтири патриарха Иосифа, 1419 г. Париж, Национальная библиотека, gr. 12, л. 217 об. Прорись.

Более всего фигура напоминает евангелиста, тем более что в византийской иконографии XII—XIII вв. часто встречаются изображения евангелиста, который, на время перестав писать, левой рукой придерживает книгу на пюпитре. В правой он может держать свернутый свиток[11] (рис. 2), или перо, прикасаясь им к другой книге, которая лежит у него на коленях и в которую он переписывает текст с пюпитра[12]. Следует заметить, что аналогичная поза евангелиста встречается и в иконографии западноевропейской, причем более раннего периода, например, в оттоновской миниатюре[13] (рис. 3), хотя там разворот фигуры часто приближается к фронтальному.

И все-таки фигуру в инициале «В» Евангелия ГИМ, Хлуд.29, нельзя с полной уверенностью назвать евангелистом. У него поза евангелиста, вся схема композиции как в миниатюре с изображением евангелиста, но его собственный облик — совсем иной. Его лицо имеет странный стилизованный профиль, одежда не обнаруживает ничего общего с античными хитоном и гиматием, на голове — немыслимая для евангелиста шапка. Имя его не надписано, а по облику он не Матфей, не

Марк, не Лука и уж, конечно, не Иоанн. Отсутствует и нимб. Не случайно Ф. И. Буслаев описал его просто как человеческую фигуру, которая «чинно сидит на стуле перед пюпитром, на котором лежит книга»[14]. Острые, угловатые контуры, плоскостной характер рисунка, узорные штрихи, напряженность силуэта, своеобразная чеканность очертаний — все это связывает изображение с тем особым миром образов, полных загадочной внутренней энергии, которые наполняют русскую тератологию, и которые, вероятно, не могут и не должны быть идентифицированы с полной точностью. Это намек на изображение евангелиста, тем более что инициал помещен именно в Евангелии, но вместе с тем это и образ неких таинственных сил.

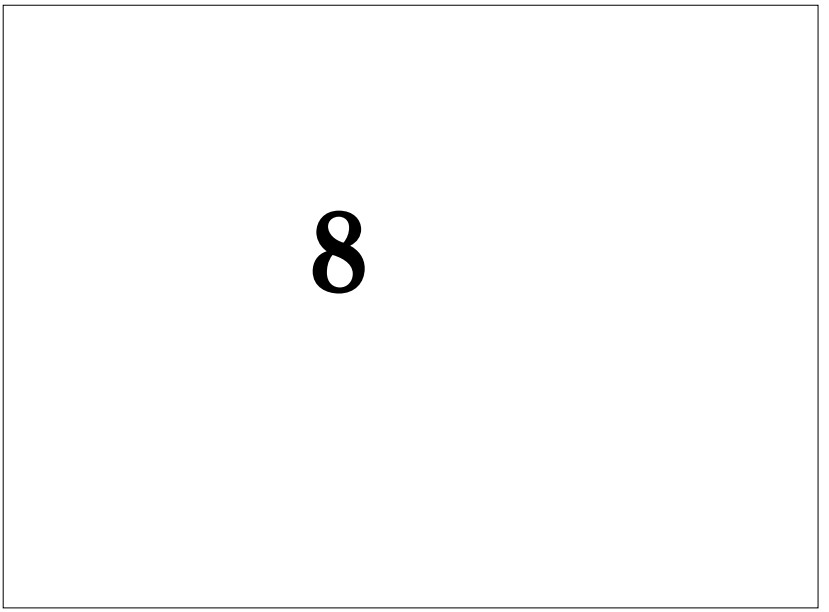
В русских рукописях конца XIII—XIV вв. известен только один инициал с изображением «евангелиста».Но в Евангелии XVI в., которое было вложено в 1544 г. рязанским епископом Ионой в Боголюбовский монастырь под Владимиром и которое замечательно тем, что его орнаментатор скопировал много инициалов из русской тератологии XIV в., В. В. Стасов зафиксировал еще два подобных, но не тождественных изображения, оба в инициалах «В». На одном[15] (рис. 4) писец, в аналогичной позе, изображен в более длинной и несколько иной по деталям одежде, без шапки, пюпитр уменьшился, так что книгу он держит навесу. Но то, что представлен именно писец, подтверждается ножиками и другими мелкими орудиями его ремесла, которые подвешены к пюпитру. Самая же ценная для нас подробность — текст на книге, поддерживаемой писцом: БГА // НИ // КТО // ЖЕ («Бога никто же виде нигде же…» — Иоанн 1:18).

В другом инициале того же Боголюбовского Евангелия[16] (рис. 5) разукрашенная одежда писца живо напоминает длинный русский кафтан со множеством застежек, на голове шапка с расширяющейся кверху тульей, пюпитр совсем исчез, и писец левой рукой высоко поднимает книгу и далеко ее отставляет, чуть запрокидывая голову, отчего кажется, будто ему трудно рассмотреть текст на книге из-за дальнозоркости. Вместо орудия письма он держит рог животного, по форме очень похожий на перо или калам. К рогу пририсовано и само животное, на котором писец сидит, поскольку кресло исчезло. Казалось бы, в композиции преобладает фантазия рисовальщика. Однако на книге в руках писца ясно виден текст: В/Н // А // ЧА // Л^ (то есть «В начале было Слово…» — Иоанн, 1:1), возвращающий нас к первоисточнику композиции и придающий ей высокое звучание.

Другой вариант авторского портрета представлен инициалом «О» в замечательной Псалтири РНБ, F.п.I.2[17] (рис. 6). Псалтирь, относящаяся к первой половине или середине XIV в.[18] и предположительно определенная Е. Э. Гранстрем как новгородская, в действительности не обнаруживает в языке новгородских особенностей. А. И. Соболевский и И. В. Ягич высказывали осторожное предположение о западно-русском происхождении рукописи[19]. На л. 1 находилась запись в 16 строк, возможно, ктиторская, сейчас стертая, нечитаемая, а в конце, на л. 334 об. находится вкладная, сообщающая, что в 1431 г. княгиня Ульяна, в иночестве Елена, подарила Псалтирь в церковь Архангела Михаила, «на поминок» по своем муже князе Глебе Смоленском.Князь Глеб Святославич известен по летописям как активная фигура начиная с 1386 г., а в 1398 г. он был убит в сражении[20]. Жена, как видим, надолго его пережила. Возможно, Псалтирь входила в состав приданого княгини Ульяны, в таком случае, установив происхождение княгини, мы узнали бы и происхождение рукописи.

Инициал «О» находится на л. 297 об., в тексте «славы» между Пс.142 и 143, в обращении, которое начинается словами: «О, щедролюбче и человеколюбче, Иисусе многомилостиве…» Изображен старец, седовласый, с чуть заостренной бородой, стоящий перед пюпитром и, как и в предыдущих инициалах, левой рукой придерживающий раскрытую книгу, а в правой держащий орудие писца. В данном случае оно похоже на нож или острие, может быть, для разлиновки строк. Замечателен пюпитр — в виде рыбы, это парафраз часто встречающихся пюпитров в виде дельфина. Основные отличия композиции от предыдущих заключаются в том, что писец представлен стоя и что он одет как преподобный — в коричневой мантии, с епитрахилью, причем одежды его переданы красно-коричневой и оливковой красками. Больше всего он похож по облику на Иоанна Лествичника. Изображение вписано в двойную аркаду, которая символизирует киворий или даже храм, поскольку вверху имеется орнаментальная форма, образующая намек на купол. Колонки выполнены синей и зеленой красками. Пол храма, на котором стоит преподобный, передан в виде чередующихся синих и светло-желтых квадратов.

Инициал воспроизводился[21], но не комментировался. На наш взгляд, композиция живо напоминает некоторые миниатюры с изображением церковной службы, например, из Лествицы XII в., Синай, дч. 418, л. 269, а также те варианты авторских портретов, где в качестве авторов выступают св. отцы. Известно, что иногда они изображаются стоя,

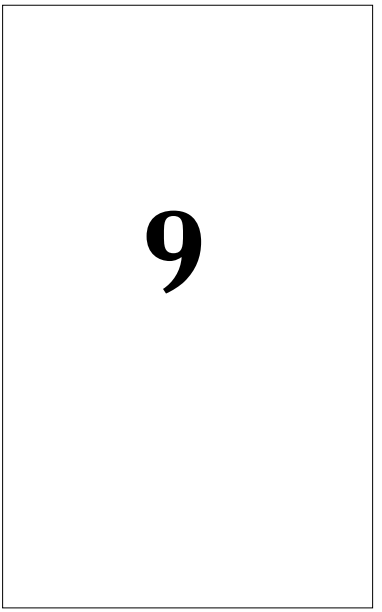

8. Царь Давид-псалмопевец. Реконструкция рельефа на фасадах церкви Рождества Богородицы в Боголюбове. 1160-е годы. Рисунок Г. К. Вагнера.

как, например, преподобный Савва Иерусалимский в миниатюре рукописи 1419 г. в Парижской Национальной библиотеке, gr. 12, л. 217 об.[22] (рис. 7). Существенная разница лишь в том, что св. Савва придерживает книгу обеими руками и что в нашем инициале для образования контура буквы «О» добавлена аркада. Сходство есть даже в форме пюпитра, в греческой миниатюре он дан в виде дельфина.

Выбор образа преподобного для инициала «О», возможно, не случаен, это отвечает теме покаяния, звучащей в тексте Псалтири. Но фигура в инициале лишь напоминает преподобного, у него ведь нет ни нимба, ни имени. Главное, что его отличает от преподобного — текст на книге. Там написано: БЛА // МУ/И // ЖЕ/НЕ // ИД // НА // СВЪ («Блажен муж, иже не идет на совет нечестивых…»). Если судить по тексту, взятому из Псалма 1:1, это сам царь Давид, и этот намек как нельзя более уместен в рукописи, содержащей Псалтирь.

В данном инициале, в еще более сильной степени, чем в инициалах с «евангелистами», мы встречаемся со скользящим, перетекающим

9. Инициал «В» из новгородского Симоновского Евангелия, 1270 г. РГБ, Рум. 105, л… Прорись.

смыслом, когда изображение содержит сразу несколько аллюзий, но не отождествляется ни с одним из образов, на которые оно намекает.

Намек на образ царя Давида подвел ко второй группе интересующих нас композиций.

«Давид-псалмопевец»

Известно не менее восьми инициалов, композиция которых в той или иной степени вдохновлена образом царя Давида, поющего псалмы. В первых четырех сходство с царем Давидом отчетливо. В остальных — еле улавливается, там вступают в силу другие параллели и ассоциации.

а) Наиболее раннее изображение находится в Симоновском Евангелии 1270 г., РГБ, Рум.105, написанном писцом Георгием «с Городища» по заказу чернеца новгородского Юрьева монастыря Симона[23]. Это инициал «В» на л… (рис. 8).Изображен юноша с кудрявыми волосами, спускающимися ниже ушей, в узком длинном платье с окаймлениями,

несколько напоминающем дивитисий, и с зубчатым венцом на голове. Он сидит на престоле, со спинкой и подушкой, причем престол и ноги юноши представлены в профиль, а торс и голова — в фас. Одну руку юноша поднял в жесте ораторском и, одновременно, двуперстного благословения, а другую держит перед грудью. Инициал неоднократно репродуцировался, но почему-то без интерпретации сюжета[24]. Весь облик юноши, его венец, его жест с большой точностью воспроизводят изображения царя Давида, поющего псалмы, аккомпанируя себе на псалтири, как он представлен в белокаменных рельефах церкви Покрова на Нерли, Дмитриевского собора во Владимире и как он был изображен, по гипотезе Г. К. Вагнера, на фасадах церкви Рождества Богородицы в Боголюбове[25] (рис. 9). Изменения зависят от формы инициала: это буква «В», и для образования силуэта ее петель царь Давид поднимает не правую, а левую руку, и по той же причине развернуты в профиль его ноги. Музыкальный инструмент не показан, и Давид лишь прикасается рукой к вертикальной полосе, окаймляющей его одежду.

Мотив, выбранный для инициала, замечателен вдохновенностью жеста, он напоминает не только позу царя Давида, но и трумфальный жест самого Христа в некоторых композициях с изображением Спасителя на престоле.

б) В Псалтири РНБ, F.п.I.3, XIV в., возможно, новгородской[26], на л. 14 об., в начале Псалма 12 («Доколе, Господи, забудеши мя до конца, доколе отвращаеши лице свое от мене…»)находится инициал «Д» (рис. 10). Основная часть буквы образована фигурой сидящего человека со впалыми щеками, с редкой короткой бородой, в высоком зубчатом венце, от которого с обеих сторон лица спускаются подвески с круглыми голубыми шариками. Он прижимает к себе треугольный музыкальный инструмент, опустив его широкой стороной вниз. Углы инструмента подчеркивают силуэт буквы. Ноги, в красных сапогах, скрещены. Горизонтальная основа буквы и ее «ножки» переданы лентами и узлами плетенки. Ровность контура верхней части буквы достигнута добавленным синим фоном, который немного похож на ткань, спускающуюся с венца за спиной изображенного человека.

Одежда музыканта — фантастического покроя. Вверху, над музыкальным инструментом, она похожа на рубаху со стоячим воротничком, украшенную голубыми горошинами и красными штрихами, напоминающими пряди меха. Внизу же одежда похожа на широкую юб-

ку, в вертикальную голубую полоску и с голубыми горошинками, стянутую у подола.

Инициал, многократно публиковавшийся[27], вызывает споры. Н. Д. Успенский[28], а за ним и некоторые иные авторы рассматривали фигуру как изображение гусляра, в вывороченной шубе и русских сапогах. Гораздо ближе к истине был Н. Н. Розов, который специально занимался образами музыкантов в древнерусской миниатюре и орнаменте рукописей и, признавая сходство персонажа в нашем инициале с гусляром, настаивал на том, что в основе композиции лежало изображение царя Давида[29].

Фигура пророка Давида, в царском венце, поющего псалмы, аккомпанируя себе на музыкальном инструменте, чрезвычайно часто встречается в искусстве христианского мира[30]. Обычно он представлен в облике старца[31] (рис. 11, 12), но иногда и как юноша[32] (рис. 13). Вряд ли можно сомневаться, что прототипом инициала Псалтири F. п.I.3 было именно изображение царя Давида. В этом убеждает весь его облик, его венец и подвески, явно воспроизводящие императорские перпендулии, какие мы видим, например, у царей Давида и Соломона во фреске Софийского собора в Новгороде, 1108—1109 гг.[33], у Давида в выходной миниатюре новгородской Хлудовской Псалтири, ГИМ, Хлуд. 3, первой половины XIV в.[34]

Особенность изображения в инициале — форма музыкального инструмента. Это треугольный щипковый инструмент, на котором играют, положив руки на одну его сторону. Как в западноевропейских, так и в византийских изображениях у Давида инструменты другие, напоминающие арфу, где руки играющего находятся по обе стороны струн, либо смычковые. Известный знаток русской музыки Н. Финдейзен доказал, что русские миниатюристы, изображая Давида, показывали его с гуслями — инструментом, известным у славян и на Руси, знакомым также финнам и карелам. Гусли изображались в искусстве, найдены в археологических раскопках и зафиксированы этнографическими исследованиями[35]. В XIV в. изображения царя Давида с гуслями встречаются не в миниатюрах, а только в инициалах, примеры которых даются в этой статье ниже. Но такая композиция укоренилась в русской книжной миниатюре, и в произведениях XVI в. мы часто видим царя Давида в венце, импозантно восседающего на высоком престоле, с гуслями на коленях[36]. Таким образом, изображение музыканта с гуслями — русским национальным инструментом — не противоречит тому, что этот музыкант — царь Давид.

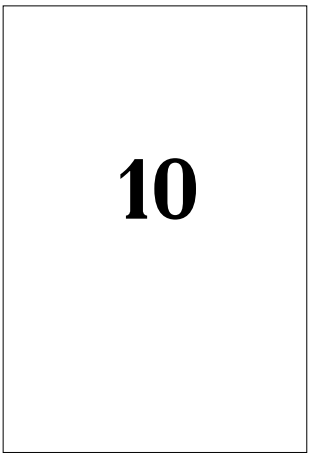
Фронтальная фигура сидящего пророка Давида, и, пожалуй, именно с треугольными гуслями, как нельзя лучше подходит по смыслу к инициалу «Д», и именно в Псалтири, поскольку это начальная буква имени царя-псалмопевца, и идеально вписывается в очертания этой прописной буквы не в греческом или латинском алфавитах, а как раз в кириллице, где буква имеет треугольник вверху, горизонтальную планку внизу и «ножки». Наиболее вероятно, что композиция инициала возникла в русской среде.

Отметим, что композиция лишь напоминает о Давиде, но не изображает его напрямую: нет имени, нимба, изменена одежда. Это и Давид, и гусляр, и орнаментальная форма, отмечающая начало Псалма.

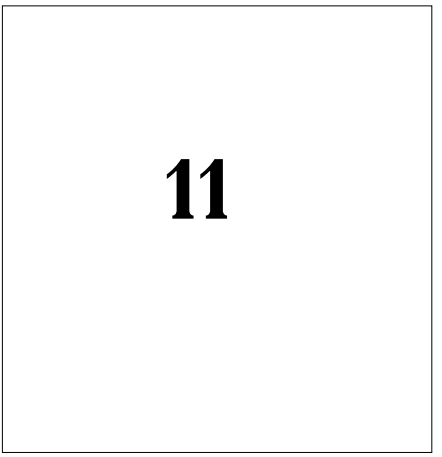
в) Инициал «Д» в рукописи Измарагда, видимо, новгородской по происхождению, середины XIV в., РГБ, Рум.186, л. 78 об.[37] (рис. 14), является не чем иным, как упрощенной репликой инициала в Псалтири РНБ, F.п.I.3. Вероятно, они восходят к одному прототипу, но воспроизводят его по-разному. В инициале Измарагда — более простой контур, чуть изменен рисунок одежды, нет подвесок от венца, а сам венец не зубчатый, а как бы пятиугольный в сечении.

г) Инициал «Д» из новгородского Служебника РНБ, Q.п.I.7, около 1400 г., л. 50 об. (рис. 15), более сложен по генезису и символике. Сама рукопись[38], как заметил Г. И. Вздорнов, близка по времени и характеру письма к другому новгородскому Служебнику, написанному в 1400 г. пресвитером Хутынского монастыря Федором по повелению новгородского архиепископа Иоанна[39]. Фигура в инициале, которым начинается текст «Достойно и праведно тя пети…», весьма напоминает фигуры из инициалов Псалтири F.п.I.3 и Измарагда, Рум.186. Это тоже как бы царь Давид, восседающий фронтально, прижимая к себе гусли. Обе руки, как и в предыдущих примерах, возложены на струны. Богатая одежда, с окаймлениями, испещрена штрихами. Ноги в красных сапожках, колени чуть разведены в стороны, подчеркивая контур буквы. Особенности данного инициала состоят в том, что «царь Давид» изображен юным и круглолицым, его венец — высокий, ярусный, усложненной формы, он завершается орнаментальным плетением, а по сторонам к венцу подвешены две птицы, головами вниз.

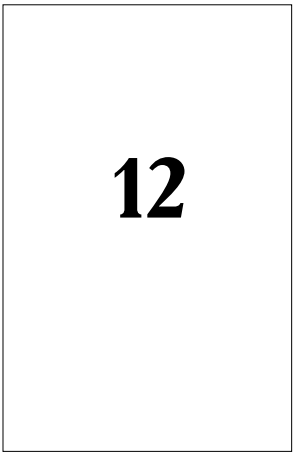
Многократно воспроизводившийся[40], этот инициал рассматривался как изображение гусляра, в шутовском костюме, в вычурном колпа-

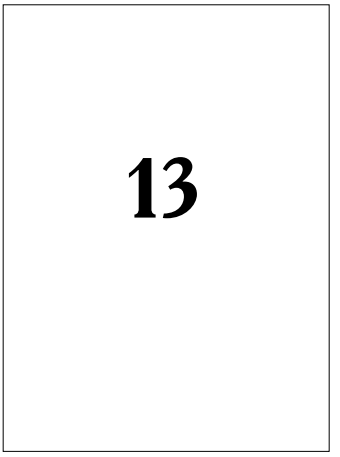
10

11

12

13

10. Инициал «Д» из новгородской (?) Псалтири XIV в. РНБ, F. п. I.3, л. 14 об. Прорись.

11. Царь Давид. Миниатюра Псалтири первой половины XIII в. Северная Тюрингия. Из цистерцианского монастыря Санкт Марienштерн в Лаузитц. Oct. 6, л. 8 об. Прорись.

12. Царь Давид. Миниатюра Псалтири конца XII в. из Вестминстерского аббатства, Лондон. Прорись.

13. Царь Давид. Миниатюра византийской рукописи Апостола с Псалмами. XII—XIII вв. Афон, Ватопед, cod. 851, л. 123. Прорись.

ке[41], а подвешенные птицы считались причудой скомороха. Между тем, фигуры священных райских птиц по сторонам центрального персонажа — самого Христа или святителей, апостолов — известны в западноевропейской традиции (рис. 16)[42]. Встречаются портреты составителей текста, авторов, с вдохновляющим их Святым духом-голубем, шепчущим в ухо (рис. 17)[43]. Наконец, царь-Давид-псалмопевец традиционно изображается, подобно Орфею, в окружении райских птиц и животных, как это представлено и на фасадах владимиро-суздальских храмов (см.рис.9).

Особенно часто пророк Давид изображается с птицами в западноевропейской миниатюре, причем не обязательно с голубями. Так, в Псалтири св. Леопольда, конца X — начала XI в., хранящейся в музее Клостернойбурга близ Вены, инв.987, на л. 11 об., царь Давид представлен сидящим фронтально и играющим на смычковом инструменте, по углам — четыре фигуры музыкантов — с «псалтирью», «арфой», волынкой и смычковым инструментом, а на плечах Давида — небольшие птицы, по виду хищные, которых исследователь определяет как «альпийских ворон»[44] (рис. 18). Эти черно-зеленые птицы тянутся своими красными клювами к ушам царя Давида, словно нашептывая слова вдохновения, хотя они и не голуби. В другой миниатюре, из Псалтири XI в., оттоновского круга, в университетской библиотеке Тюбингена, ms. theol. lat. fol. 358, на л. 1 об., Давид изображен как властитель, с двумя записывающими слугами. В приподнятых руках он держит символы царской власти — скипетр и державу, и на каждой из этих инсигний сидит голубь[45] (рис. 19).

Последняя композиция находит своеобразный отзвук в новгородском серо-глиняном изразце, найденном при археологических раскопках в слое середины XV в.[46] (рис. 20). Гусляр, в шляпе, напоминающей цилиндр с полями, сидит фронтально. Справа стоит кто-то с посохом, похожий на епископский с чередованием стержня и круглых «бусин», и протягивает музыканту птицу.

Инициал новгородского Служебника РНБ, Q.п.I. 7, особенно близок к первой из названных западноевропейских миниатюр, с двумя необычными птицами на плечах Давида. Однако тот возвышенный строй, который присущ миниатюре, в инициале оказался нарушенным. Как и в предыдущих рассмотренных инициалах, это лишь намек на прототип, на царя Давида, это парафраз высокого образа, сильно переиначенный.

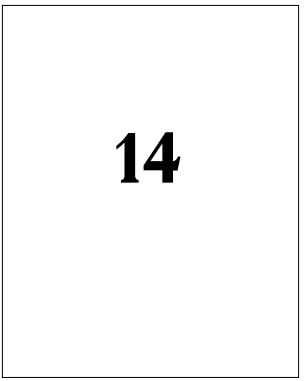
Еще четыре инициала с фигурами музыканта имеют более туманные иконографические истоки.

д) В Служебнике XIV в., РНБ, F.п.I. 73, происходящем, возможно, из Рязани[47], на л. 125 об. имеется инициал «В» (рис. 21), где фигура юного безбородого музыканта с гуслями хотя и напоминает уже рассмотренные нами композиции, отличается от предыдущих обилием орнаментальных завитков и отсутствием венца на голове[48]. Ассоциации с образом царя Давида ослабевают.

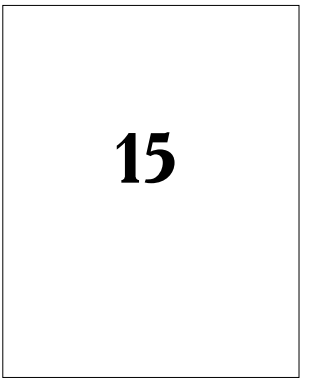
е) Похожий инициал «В» находится в Прологе второй половины XIV в., РГАДА, ф.381 (Син.тип.)№ 161[49], л. 177 об.[50] (рис. 22). Но здесь процесс поглощения сюжета орнаментом зашел еще дальше, лицо музыканта представлено в профиль и напоминает часть узорного завитка.

ж) Мотив музыканта использован в Псалтири XIV в., как считается, псковского происхождения, РНБ, F.п.I.1[51]. В этой лицевой рукописи[52] музыкант изображен в инициале «Т», л. 67[53] (рис. 23), поэтому он не сидит, а стоит, подчиняясь форме вертикальной мачты буквы. Его шапка в прототипе, быть может, и имела форму венца, но в данной композиции лишь служит исходной частью для двух широких ветвей, отходящих в стороны и образующих верхнюю часть буквы.

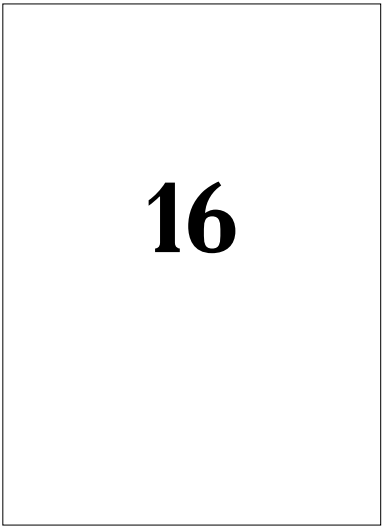
з) В Евангелии ГИМ, Син.69, написанном в 1358 г. в пределах северо-восточной Руси[54], на л. 60 находится инициал «В», который стал одним из самых часто упоминаемых как историками музыки, так и историками орнамента[55] (рис. 24). Фигуру музыканта, хорошо вписывавшуюся в форму инициала «Д», нужно было приспособить, как и в трех предыдущих случаях, к форме буквы «В», с двумя петлями. Торс музыканта представлен фронтально, ноги — в профиль. Верхнюю петлю образует завиток от головы, нижнюю — туловище музыканта, гусли и одежда. У него короткая, выше колен, синяя рубаха, внизу она превращается в полосатую трапециевидную юбочку, отороченную по бокам, на поясе и внизу белой лентой с красными точечками. Художник постарался удлинить фигуру, подогнул одну ногу для образования нижней петли, повернул голову в профиль, как это уже сделал до него мастер Пролога Тип.161 (рис. 25), и пририсовал к шапке завиток, образовавший верхнюю петлю буквы. В результате музыкант действительно получил сходство с пританцовывающим скоморохом. Эта ассоциация усиливается благодаря киноварной надписи «гуди гораздо», чуть выше и левее инициала. Почерк надписи вполне похож на почерк XIV в.

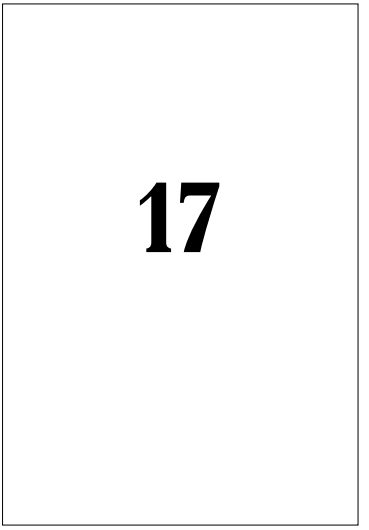
14

15

16

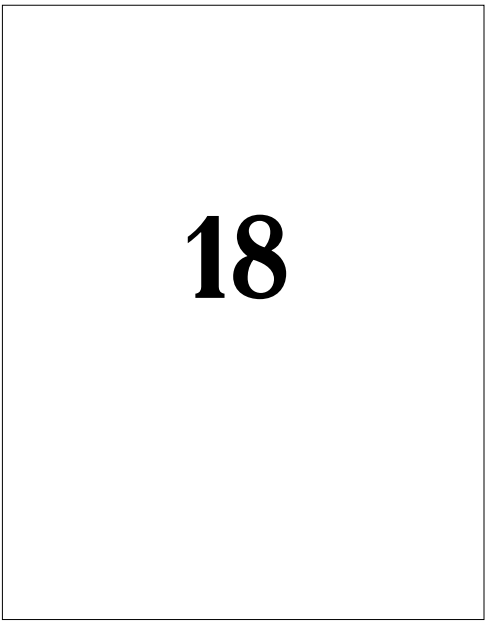
17

14. Инициал «Д», из рукописи Измарагда, середина XIV в. РГБ, Рум. 186, л. 78 об. Прорись.

15. Инициал «Д», из новгородского Служебника, около 1400 г. РНБ, Q. п. I.7, л. 50 об. Прорись.

16. Резной камень с изображением Христа. Надгробная плита или деталь алтарной преграды. Из с. Гондорф. VII в. Музей земли Рейн, Бонн. Прорись.

17. Св. Григорий, вдохновляемый св. Духом в образе голубя. Миниатюра Сакраментария из церкви Санкт Витус в Менхенгладбах. 1070-е — 1080-е годы. Франкфурт им Брайзгау, Университетская библиотека, cod. 360 a. Прорись.

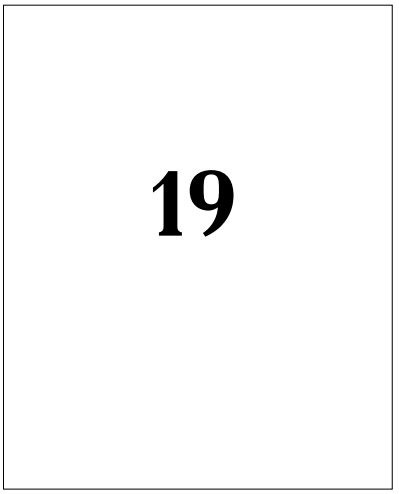

18

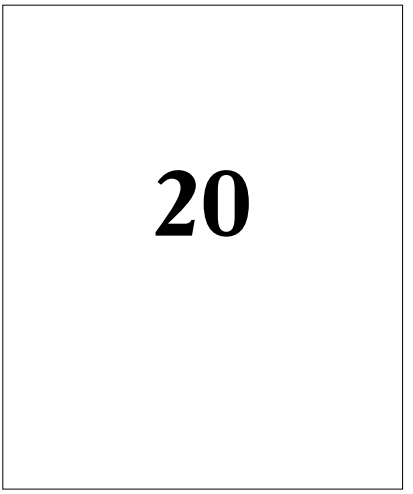
18. Царь Давид. Миниатюра из Псалтири св. Леопольда, конец X—начало XI в. Музей Клостернойбурга близ Вены, inv. 987, л. 11 об. Прорись.

19. Царь Давид. Миниатюра из Псалтири XI в. Тюбинген, Университетская библиотека, ms. theol. lat. fol. 358, л. 1 об. Прорись.

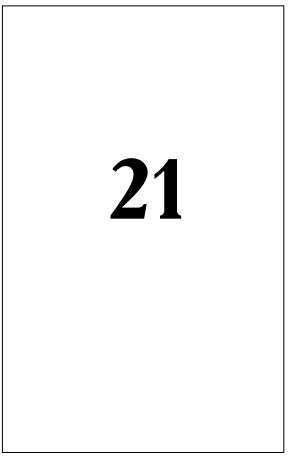
20. Новгородский серо-глиняный изразец. Середина XV в. Прорись.

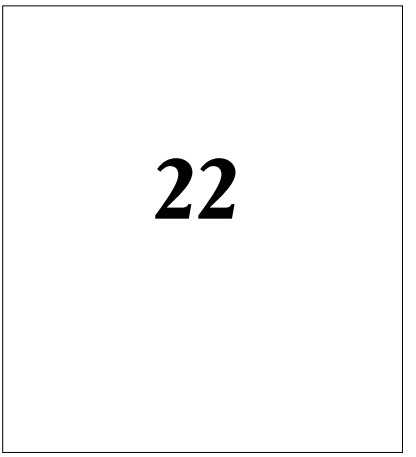
19

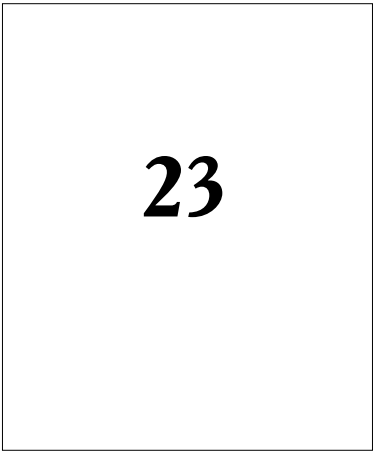
20

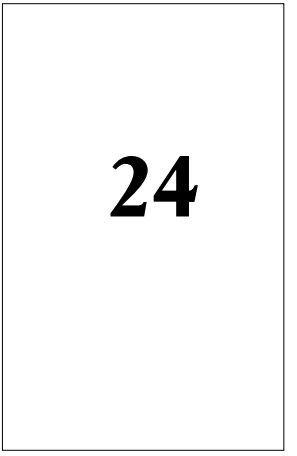
21

22

23

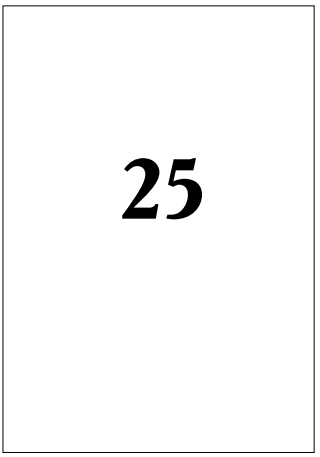
24

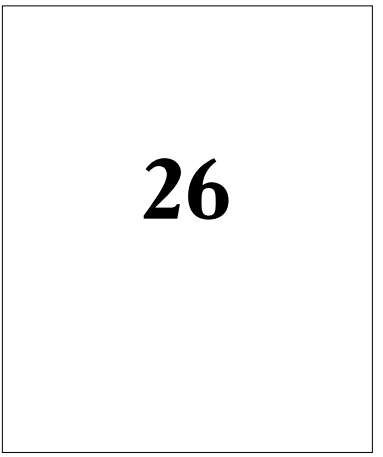
21. Инициал «В» из Служебника XIV в. Рязань (?). РНБ. F. п. I.73, л. 125. Прорись.

22. Инициал «В» из Пролога второй половины XIV в. РГАДА. Ф. 381 (Син. тип.), № 161, л. 177 об. Прорись.

23. Инициал «Т» из Псалтири XIV в. Псков (?). РНБ. F. п. I.1, л. 67. Прорись.

24. Инициал «В» из Евангелия 1358 г. ГИМ, Син. 69, л. 60. Прорись.

25. Музыкант. Изображение на двустворчатом браслете с чернью, из клада 1903 г. с усадьбы Михайловского монастыря. Киев, Исторический музей. Прорись.

26. Музыкант. Изображение на двустворчатом браслете с чернью из раскопок на городище Старая Рязань. Рязанский музей. Прорись.

В русских рукописях XIV в. с тератологическим орнаментом встречаются и другие надписи того же времени при инициалах («Потяни, корвин сын», «Мороз, руки греет», «Обливается водою»). Они содержат низовое, бытовое истолкование сюжетов и недостаточны для понимания их иконографических истоков и смысловых оттенков. Но в Евангелии 1358 г. фигурка действительно похожа на приплясывающего гусляра гораздо больше, чем на библейского пророка Давида. Вероятно, фигуры музыканта в последних четырех примерах в гораздо меньшей степени зависят от образа пророка и царя Давида, а опираются на другую древнюю традицию изображения музыкантов на пиру, традицию, идущую от домонгольского периода, отразившуюся, например, в композициях на серебряных браслетах-наручах XII — начала XIII вв.[56] Эти композиции впитали в себя как старинные мотивы восточных пиров с кубками, музыкантами и танцовщицами[57], так и впечатления от реальной славяно-русской действительности. То, что русский скоморох мог быть изображен в иконографической схеме царя Давида, подтверждается известной фреской 1465 г. «Ант-скоморох» в Успенской церкви села Мелетова близ Пскова.

* * *

Тератологический орнамент русских рукописей — явление культуры позднего средневековья. Он сложился, как предположил еще А. И. Некрасов, в последней трети XIII в., в период, когда происходило особенно активное взаимопроникновение образов и приемов из западноевропейского мира в византийский и наоборот. Впервые появившись, возможно, в Новгороде, этот орнамент в XIV в стал известен во многих русских центрах. Сюжеты, использованные в его инициалах и заставках, имеют долгую историю. Одни из них восходят к античности, другие — к древней культуре Востока, к мотивам скандинавского искусства. Они были многократно переработаны в искусстве средневековья, как византийского, так и западноевропейского.

На позднем этапе средневековой культуры неудивительно обнаружить неоднозначность сюжетного смысла сцен, обилие вызываемых ими ассоциаций. Мы столкнулись с этим обстоятельством даже при рассмотрении в данной статье тех двух мотивов, которые впрямую связаны с тематикой Священного писания. Еще больше стертости, расплывчатости, перестановки акцентов можно обнаружить в трактовке мотивов, нехристианских по своим истокам, хотя и вошедших в христианскую культуру в качестве аллегорий: подвиги античных героев, календарь, охота и рыболовство. Эти мотивы, опознающиеся при предварительной классификации, еще должны быть углубленно изучены.

Неполная определенность в трактовке мотивов зависит и от функции рукописного орнамента. В русских рукописях XIII—XIV вв. он содержит лишь намеки, но не конкретные изображения. Его подчинение содержанию рукописи является отдаленным, косвенным. Тем не менее мотивы тератологического орнамента русских рукописей — не отражение бытовых реалий, а проявление многообразных связей этого искусства с широким миром средневековой культуры.

Всегда ли художник и читатель понимали исходный смысл мотива? Вряд ли, иначе «евангелист» и «царь Давид» не зарастали бы орнаментом, как это мы видим в некоторых случаях. Но всегда за этими мотивами ощущали нечто важное, возвышенное, охраняющее.

Примечания

[1] Буслаев Ф. И. Новости русской литературы по церковному искусству и археологии // Современная летопись. М., 1863. № 9. С. 11—14; он же. Русское искус-

ство в оценке французского ученого // Критическое обозрение. 1879. № 2. С. 2—20; Стасов В. В. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. СПб., 1884; Гущин А. С. Древнерусский «звериный» орнамент: Тезисы. Л., 1928; Born W. Das Tiergeflecht in der nordrussischen Buchmalarei // Seminarium Kondakovianum. Praha, 1932. T. 5. S. 63—95; Praha, 1933. T. 6. S. 89—103; Свирин А. Н. Древнерусская миниатюра. М., 1950; он же. Искусство книги Древней Руси. М., 1964; Щепкина М. В. Тератологический орнамент // Древнерусское искусство: Рукописная книга. Сб. 2. М., 1974. С. 219—239; Ильина Т. В. Декоративное оформление древнерусских книг: Новгород и Псков. XII—XV вв. Л., 1978 (в этой книге содержится подробная библиография русской тератологии).

[2] Стасов В. В. Композиции и картинки, скрытые в заглавных буквах древних русских рукописей. СПб., 1884.

[3] Голейзовский Н. К. Семантика новгородского тератологического орнамента // Древний Новгород: история, искусство, археология. Новые исследования. М., 1983. С. 197—247.

[4] См.: Ильина Т. В. Указ. соч. С. 99—108 (с библ.).

[5] Некрасов А. И. Очерки из истории славянского орнамента: Человеческая фигура в русском рукописном тератологическом орнаменте XIV века. СПб., 1913.

[6] Даркевич В. П. Народная культура Средневековья. М., 1988.

[7] Грабар А. Н. Светское изобразительное искусство домонгольской Руси и «Слово о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 233—271, особ. 263—270.

[8] Смирнова Э. С. Иконография двух заставок в русских рукописях XIV века // Памятники старины, концепции, открытия, версии: Памяти Василия Дмитриевича Белецкого. СПб.; Псков, 1997. Т. 2. С. 263—271 (рассмотрены две первые заставки из трех перечисленных; воспроизведение третьей см.: Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV веков. М., 1980. Кат. 52. Л. 189).

[9] Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Голышенко В. С. Описание пергаментных рукописей Государственного исторического музея // АЕ за 1964 год. М., 1965. С. 170.

[10] Стасов В. В. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. Табл.

[11] Евангелист Марк в Евангелии XII в., Афон, Дионисиу 38, л. 126 об. (Pelekanidis S., Christou P. K., Mavropoulou-Tsioumi Chr., Kadas S. The Treasures of Mount Athos: the Illuminated Manuscripts. Athens, 1973. Vol. 1. Fig. 90); евангелист Матфей в Евангелии XII в., Афон, Лавра, В-26, л. 12 об (ibidem. Vol. 3. Athens, 1979. Fig. 71).

[12] Евангелист Матфей в Евангелии XII в., Афон, Кутлумуш 60, л. 56 об. (ibidem Vol. 1. Fig. 297); евангелист Марк в Евангелии XIII (?) в., Афон, Кутлумуш 61, л. 112 об. (ibidem. Vol. 1. Fig. 303); евангелист Лука в Евангелии начала XII в., Синай, cod. 179, л. 133 об. (Weitzmann K., Galavaris G. The Monastery of Saint Catherine at Mount Sinai: the Illuminated Manuscripts. Princeton, 1990. Vol.1. P. 128—131. Fig. 433.

[13] Ср.,например, миниатюру с евангелистом Матфеем в Евангелии из аббатства Сен-Жерар де Бронь, около 1020 г., принадлежащем к кельнской школе оттоновского периода (Намюр, Библиотека Большой семинарии, инв. М 43/13. См.:Rhein und Maas: Kunst und Kultur 800—1400. Koln, 1972. S. 210. Kat. E-17).

[14] Буслаев Ф. И. Русское искусство в оценке французского ученого // Критическое обозрение. М., 1879. № 2. С. 15.

[15] Стасов В. В. Славянский и восточный орнамент древнего и нового времени. Табл. 85. Рис. 15.

[16] Там же. Рис. 14.

[17] Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей (Гос. Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина). Л., 1953. С. 51.

[18] Некрасов А. И. Указ. соч. С. 66. Эту же датировку, независимо от предыдущих атрибуций, предложил в 1966 г. В. В. Турилов при специальном знакомстве с рукописью.

[19] Соболевский А. И. Новый труд г. Стасова // Известия Университета св. Владимира. Киев, 1887. Отдельный оттиск. С. 5; Ягич И. В. Труд В. В. Стасова «Славянский и восточный орнамент» // Вестник изящных искусств. СПб., 1888. Т. 6. Вып. 2. С. 169—170, 172.

[20] Указатель к осьми томам Полного собрания русских летописей. СПб., 1875. С. 247.

[21] Некрасов А. И. Указ. соч. Табл. VIII. Рис. 9.

[22] Weitzmann K., Galavaris G. The Monastery of Saint Catherine at Mount Sinai: The Illuminated Manuscripts. Princeton, 1990. Vol. 1. From the Ninth to the Twelfth Century. P. 159—160. Fig. 628. Тасић Д. Споменици цариградског сликарства у последњем веку самосталности // Моравска школа и њено доба. Научни скуп у Ресави. 1968. Београд, 1972. С. 16—17. Илл. 7.

[23] Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: X—XIII вв. М., 1984. № 180. С. 203—205.

[24] Стасов В. В. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. Табл. 62. Рис. 16; Некрасов А. И. Указ. соч. Табл.III. Рис. 8; Попова О. С. Новгородская рукопись 1270 г. (миниатюры и орнамент) // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1962. Вып. 25. С. 208, 209 (примеч.101).

[25] Вагнер Г. К. Скульптура Древней Руси: XII век. Владимир, Боголюбово. М., 1969. С. 130—134, 160—162, 250—254. Илл. 40 (с. 73), 87 (с. 137), 105 (с. 161), 124 (с. 197), 178 (с. 291).

[26] Гранстрем Е. Э. Указ. соч. С. 51—52.

[27] Стасов В. В. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. Табл. 68. Рис. 19; Финдейзен Ник. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века. М.; Л., 1928. Т. 1. Вып. 2. С. 121. Рис. 31 б; Свирин А. Н. Искусство книги Древней Руси. Илл. С. 196.

[28] Успенский Н. Д. Древнерусское певческое искусство. М., 1971. С. 63. Илл. С. 64.

[29] Розов Н. Н. Еще раз об изображении скомороха на фреске в Мелетове: к вопросу о связях монументальной живописи с миниатюрой и орнаментом // Древнерусское искусство: Художественная культура Пскова. М., 1968. С. 91, 93. Илл. С. 89.

[30] Reau L. Iconographie de l'art chretien. Paris, 1956. Vol. II/2. P. 255, 283.

[31] Например, в английской Псалтири конца XII в. из Вестминстерского аббатства, Британский музей, Royal Ms. 2 A XIII, л. 14 об. (воспр.: Wyss R. L. David // Reallexikon der christlichen Ikonographie. Rom; Freiburg; Basel; Wien, 1994. 2. Aufl.). Bd. 1. S. 481. Abb. 2); немецкая Псалтирь первой половины XIII в., круга северной Тюрингии, из цистерцианского монастыря Sankt Marienstern в Лаузитце, монастырская библиотека, cod. Oct. 6, л. 8 об (воспр.: Rothe F. Buchmalerei aus zwölf Jahrhunderten. Berlin, 1966. S. 199, 247. Taf. 40).

[32] Византийская рукопись Апостола, с Псалмами, XII—XIII вв. Афон, Ватопед, cod. 851, л. 123 об. (воспр.: Christou P. K., Mavropoulou-Tsioumi Chr., Kadas S., Kalamartsi-Katsarou E. The Treasures of Mount Athos: Illuminated Manuscripts. Athens, 1991. Vol. 4. Ill. 229.

[33] Лазарев В. Н. О росписи Софии Новгородской // Лазарев В. Н. Византийское и древнерусское искусство: Статьи и материалы. М., 1978. Илл. С. 140, 144, 145.

[34] Свирин А. Н. Искусство книги Древней Руси. Илл. С. 189; Popova O. Les miniatures russes du XIe au XVe siècle. Leningrad, 1975. Fig. 27. P. 55.

[35] Финдейзен Ник. Указ. соч. С. 177—178, 217—221.

[36] Это миниатюры к тексту Козьмы Индкоплова в макарьевских Четьих Минеях 1542 г., ГИМ, Син.997, л. 1248; к такому же тексту в рукописи РГАДА, собр. Оболенского, № 159; в Годуновской Псалтири 1594 г. из Ипатьевского монастыря в Костроме, лл. 128 об. и 590. См.: Финдейзен Ник. Указ. соч. С. 172, 174, 175, 176. Рис. 43—46.

[37] Некрасов А. И. Указ. соч. Табл. III. Рис. 5; Розов Н. Н. Указ. соч. С. 92—93.

[38] Гранстрем Е. Э. Указ. соч. С. 54.

[39] Вздорнов Г. И. Рукописи новгородского писца Федора (1400 г.)/ /Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1974. М., 1975. С. 256—257.

[40] См., например: Стасов В. В. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. Табл. 68. Рис. 25. Финдейзен Ник. Указ. соч. С. 121. Рис. 31в; Арциховский А. В. Указ. соч. Илл. С. 292 или 294; Вздорнов Г. И. Указ. соч. Илл. С. 259.

[41] Розов Н. Н. С. 92, 93. Илл. С. 91; Успенский Н. Д. Указ. соч. С. 65. Илл. С. 65.

[42] Ср., например, рельефную плиту VII в. из села Гондорф на реке Мозель, Музей земли Рейн в Бонне. См.: Rani Srednji Vek / Red. D. Talbot Rice. (London, 1965). Beograd, 1976. P. 198. Fig. P.199.

[43] Миниатюра с изображением св. Григория папы Римского, в Сакраментарии 1070-х — 1080-х годов из Санкт Витус в Мёнхенгладбах, Университетская библиотека во Фрейбурге им Брайзгау, cod. 360 a. См.: Rhein und Maas. Kunst und Kultur 800—1400. Köln, 1972. S. 212. Kat. E-19.

[44] Steger H. David Rex et Propheta: König David als vorbildliche Verkörperung des Herrschers und Dichters im Mittelalter, nach Bilddarstellungen des achten bis zwölften Jahrhunderts. Nurnberg, 1961. Kat. 35. S. 209—210. Taf. 21.

[45] Ibidem. Kat. 29. S. 196—198. Taf. 17.

[46] Древний Новгород: Прикладное искусство и археология / Сост. Б. Колчин, В. Янин, С. Ямщиков. Вступ. ст. В. Янина. М., 1985. Табл. 273.

[47] Гранстрем Е. Э. Указ. соч. С. 53—54. Рукопись, возможно, создана в Рязани, поскольку в одной из записей, на л. 394, рукой писца, сообщается число лет, прошедших от крещения Руси до взятия Рязани татарами в 1237 г.

[48] Некрасов А. И. Указ. соч. Табл. VIII. Рис. 2; Розов Н. Н. Указ. соч. С. 93. Илл. С. 91.

[49] Каталог славяно-русских рукописных книг XI—XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР. С. 241—245. № 127. Использование зеленой краски в орнаменте указывает, возможно, на псковское происхождение рукописи.

[50] Некрасов А. И. Указ. соч. Табл. VII. Рис. 2; Розов Н. Н. Указ. соч. С. 92, 93. Илл. С. 94.

[51] Гранстрем Е. Э. Указ. соч. С. 29. Здесь рукопись датирована XIII в., но ее орнамент бесспорно относится к концу XIV в.

[52] Воспроизведение миниатюры на фронтисписе, изображающей царя Давида со свитком, в рамке-храме, см.: Розов Н. Н. Указ. соч. С. 88.

[53] Стасов В. В. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. Табл. 68. Рис. 21; Финдейзен Ник. Указ. соч. С. 121. Рис. 31 а; Розов Н. Н. Указ. соч. С. 89. Илл. С. 89; Успенский Н. Д. Указ. соч. С. 63. Илл. С. 64.

[54] Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Голышенко В. С. Указ. соч. С. 72.

[55] Стасов В. В. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. Табл. 67. Рис. 2; Финдейзен Ник. Указ. соч. С. 122. Рис. 32;Розов Н. Н. Указ. соч. С. 93; Успенский Н. Д. Указ. соч. С. 65.

[56] Макарова Т. И. Черневое дело Древней Руси. М., 1986. Кат.№ 210 (двустворчатый браслет из Старой Рязани, Рязанский музей), 222(двустворчатый браслет из клада 1903 г. на территории Михайловского монастыря, Исторический музей в Киеве). Рис. 29 (с. 70), 31 (с. 72), 36 (с. 79).

[57] Грабар А. Н. Указ. соч. С. 270.

Список иллюстраций

1. Инициал «В» из новгородского Евангелия апракос 1323 г. ГИМ, Хлуд. 29, л. 43 об. Прорись. **2.** Евангелист Марк. Миниатюра византийского Евангелия. XII в. Афон, Дионисиат, cod. 38, л. 126 об. Прорись. **3.** Евангелист Матфей. Миниатюра Евангелия из аббатства Сен Жерар де Бронь. Намюр, Библиотека Боль-

шой семинарии, инв. М 43/13.Прорись. **4.** Инициал «В» из Евангелия Боголюбовского монастыря под Владимиром. XVI в. По В. В. Стасову. **5.** Инициал «В» из Евангелия Боголюбовского монастыря под Владимиром. XVI в. По В. В. Стасову. **6.** Инициал «О» из Псалтири первой половины — середины XIV в. РНБ, F. п. I.2, л. 297 об.Прорись. **7.** Преподобный Савва Иерусалимский. Миниатюра Псалтири патриарха Иосифа, 1419 г. Париж, Национальная библиотека, gr. 12, л. 217 об. Прорись. **8.** Царь Давид-псалмопевец. Реконструкция рельефа на фасадах церкви Рождества Богородицы в Боголюбове. 1160-е годы. Рисунок Г. К. Вагнера. **9.** Инициал «В» из новгородского Симоновского Евангелия, 1270 г. РГБ, Рум. 105, л… Прорись. **10.** Инициал «Д» из новгородской (?) Псалтири XIV в. РНБ, F. п. I.3, л. 14 об. Прорись. **11.** Царь Давид. Миниатюра Псалтири первой половины XIII в. Северная Тюрингия. Из цистерцианского монастыря Санкт Марienштерн в Лаузитц. Oct. 6, л. 8 об. Прорись. **12.** Царь Давид. Миниатюра Псалтири конца XII в. из Вестминстерского аббатства, Лондон. Прорись. **13.** Царь Давид. Миниатюра византийской рукописи Апостола с Псалмами. XII—XIII вв. Афон, Ватопед, cod. 851, л. 123. Прорись. **14.** Инициал «Д», из рукописи Измарагда, середина XIV в. РГБ, Рум.186, л. 78 об. Прорись. **15.** Инициал «Д», из новгородского Служебника, около 1400 г. РНБ, Q. п. I.7, л. 50 об. Прорись. **16.** Резной камень с изображением Христа. Надгробная плита или деталь алтарной преграды. Из с. Гондорф. VII в. Музей земли Рейн, Бонн. Прорись. **17.** Св.Григорий, вдохновляемый св. Духом в образе голубя. Миниатюра Сакраментария из церкви Санкт Витус в Менхенгладбах. 1070-е — 1080-е годы. Франкфурт им Брайзгау, Университетская библиотека, cod. 360 a. Прорись. **18.** Царь Давид. Миниатюра из Псалтири св. Леопольда, конец X — начало XI в. Музей Клостернойбурга близ Вены, inv. 987, л. 11 об. Прорись. **19.** Царь Давид. Миниатюра из Псалтири XI в. Тюбинген, Университетская библиотека, ms. theol. lat. fol. 358, л. 1 об. Прорись. **20.** Новгородский серо-глиняный изразец. Середина XV в. Прорись. **21.** Инициал «В» из Служебника XIV в. Рязань (?). РНБ. F. п. I.73, л. 125. Прорись. **22.** Инициал «В» из Пролога второй половины XIV в. РГАДА. Ф. 381 (Син. тип.), № 161, л. 177 об. Прорись. **23.** Инициал «Т» из Псалтири XIV в. Псков (?). РНБ. F. п. I.1, л. 67. Прорись. **24.** Инициал «В» из Евангелия 1358 г. ГИМ, Син. 69, л. 60. Прорись. **25.** Музыкант. Изображение на двустворчатом браслете с чернью, из клада 1903 г. с усадьбы Михайловского монастыря. Киев, Исторический музей. Прорись. **26.** Музыкант. Изображение на двустворчатом браслете с чернью из раскопок на городище Старая Рязань. Рязанский музей. Прорись.

Л. А. Софронова

О книге в «Зерцале» М. Рея

Тема книги и чтения — сквозная тема литературы. Литература сама обозначает роль книги в культуре, детально рассматривает, как и что человек — в данном случае литературный герой — читает. «Основное предназначение, смысл существования такого культурного феномена как книга в полной мере раскрывается только в процессе чтения, т. е. знакомства с заложенной в книге информацией, причем уровни этого ознакомления и тем более восприятия предлагаемого текста могут быть весьма различны по многим параметрам»[1]. Рассмотрим, как она решается у М. Рея, писателя, который стал литературным мифом своей эпохи и творчество которого вобрало в себя художественные тенденции средних веков и Возрождения, во многом предвещало барокко. М. Рей вольно интерпретировал ренессансные темы, а в искусстве средних веков явно предпочитал то, что станет сутью поэтики барокко: эмблемы, сентенции, эпиграммы. М. Рей органически сочетал ученое, риторическое слово со словом низовым, живым словом своей эпохи. Создавая польский литературный язык, он не оглядывался на латинские образцы, хотя латинские изречения обильно цитировал. Его позиция в литературе — это позиция абсолютно свободного художника, который знает цену традиции и уверен в том, что она заслуживает развития, а не повторения. М. Рей, развивая традицию, подвел ее к народной культуре и сумел выступить на стыке профессиональной, ученой и народной культур.

Среди прочих тем его творчества выделяется тема книги и чтения. Она проходит через одну из основных его книг «Zwyerciádło, álbo kształt w ktorym káżdy stan snádnie sie może swym spráwam jáko we źwierciedle przypátrzyć» (1567 г.). «Зерцало» — это дидактическое сочинение, свод правил жизни человека юного, среднего возраста, и, наконец, челове-

[1] Мельников Г. П. Пролегомены к рассмотрению феномена книги в пространстве культуры // Книга в пространстве культуры. Тезисы научной конференции. М. 1995. С. 4.

ка старого, готовящегося перейти в мир иной. «Зерцало» — это собрание добрых советов, к которым должен прислушиваться каждый достойный человек. М. Рей учит всему, что может пригодиться в жизни.

Сделав необходимое по правилам поэтики своего времени вступление — описание сотворения человека, он изображает своего современника, ориентируясь на средний случай («śrzedni kształt»), как он сам говорит; писатель предлагает ему быть добродетельным, богобоязненным и в течение всей жизни соблюдать многочисленные предписания, чтобы не сбиться с пути истинного.

Человек этот не индивидуален, он безлик и беспомощен, никак не может вступить в действие, тем более, что писатель все время предостерегает его от нежелательных поступков. Эти предостережения градом сыпятся на него, останавливают его, и человек будто замирает на пути к действию, пытаясь при этом занять на самом деле не достижимый для него статус литературного героя. М. Рей этими предостережениями подменяет действие. Можно сказать, что действие книги существует как желательное. Писатель постоянно отвлекается от среднего человека на яркие отрицательные примеры, пересказывая фацеции и анекдоты[2]; эти отвлечения не условны и отнюдь не всегда возвышенны; они конкретны и насыщены таким количеством реалий, что благодаря им неуловимый главный герой «оживает»: становится ясно, что он не такой, как все те, на кого так негодует М. Рей. Достойный человек оказывается прекрасным зерцалом, в которое каждый без опаски может смотреться[3]. Он в свою очередь смотрится в книгу-зерцало и вновь видит свое детство, юность, зрелость, старость. Предостережения перевешивают идеальный пример и оказываются сутью «Зерцала».

«Средний человек» выступает еще в одной ипостаси, ипостаси читателя «Зерцала», которая также сдвигает его с мертвой точки идеального примера и превращает в участника диалога, благодарного слушателя, т. е. он входит в литературное пространство. Так как и автор не раз представляет себя читателем, то иногда происходит почти что полное совмещение автора и персонажа.

---

[2] Krzyżanowski J. Facecjonistyka staropolska // Paralele. Studia porównawcze z pogranicza folkloru i literatury. W-wa, 1977. S. 189—191.

[3] Rey M. Zwyerciádło. Kraków, 1905. L. 148. Далее сноски на книгу М. Рея даются непосредственно в тексте статьи.

К своему читателю М. Рей испытывает явную симпатию и ведет с ним бесконечный разговор. Сначала, когда он еще очень мал, М. Рей обращается к его родителям, затем к нему самому, уже юноше; затем он беседует со зрелым человеком и, наконец, со стариком. М. Рей постоянно называет читателя, обращается к нему: ты, мой милый брат; мой милый, почтенный, христианский брат; ты, каждый достойный человек; эти обращения распространяются: скажи мне, милый брат; сделай, смотри, поезжай, научись, помни, ты там научишься, встретишь. Начиная новую главу, писатель не раз говорит от своего лица и лица читателя: «Когда мы уже наслушались о благородных примерах человеческой натуры…» (л. .65). Он призывает читателя перевернуть страницы «Зерцала», чтобы наконец узнать, как себя вести: «Tu máło niżey sobie álbo poczytay álbo posłuchay» (л. 162).

Ответов читателя не слышно, он не вступает в беседу с М. Реем, сохраняя заданную дистанцию, но писатель так настаивает на диалоге, так часто предлагает все новые темы для обсуждения, он так варьирует авторскую интонацию, что начинает казаться, что диалог состоялся, и может быть, что этот диалог велся с самим собой. Писатель очень часто идентифицирует себя со своим персонажем-читателем.

М. Рей, создавая дидактическое сочинение, наполнил его глубоко личным отношением к жизни персонажа-читателя. Он восхищается им и жалеет его, он пугает его и угрожает, приводя примеры недостойного поведения. Он утешает читателя-достойного человека и радуется вместе с ним: то удачной охоте и хорошему урожаю чудесных огурцов, то замечательным детям и спокойной старости. Для М. Рея нет мелких и неважных событий: все, начиная от домашней утвари и гастрономических рецептов и кончая правилами чтения Библии и спокойным ожиданием смерти, находится в поле его художественного зрения. В «Зерцале» писатель творит свое мироздание, вхождение в которое читателю облегчает указатель, «Pokazánye krotkie», а выход из него — «Apophtegmata».

М. Рей проводит своего достойного человека через все поры жизни, демонстрируя возможности преодоления жизненных трудностей и опасностей, помещая его в строго предусмотренные его предостережениями ситуации. Событийный ряд книги — это предполагаемый жизненный путь достойного человека от колыбели до могилы. Он не материализован и выглядит как некая схема, подобная схеме моралите. Отдельные ситуации не складываются в сюжет, часто писатель их про-

сто перебирает, как бы примеряя к персонажу. М. Рей многие главы и периоды начинает с предположения, что может случиться с достойным человеком и где он может очутиться: то приставляя к нему учителей, то отправляя в путешествие, то оставляя дома или посылая на сейм и даже ко двору, где можно оступиться, как на льду.

Его персонаж, выучившись, повидав дальние страны, остепеняется и выбирает себе скромную и добродетельную невесту. Теперь у достойного человека свой дом, хозяйство (в конюшне добрый конь, а на стене сабля). Он вместе с женой возделывает свой сад, их окружают дети. Их трапезы скромны, друзья искренни, и вся их жизнь бесхитростна и добродетельна. Достойный человек М. Рея ездит на сеймы, бывает в обществе, где творится много безобразий, от которых ему следует отвращаться. Неожиданных, непредвиденных ситуаций М. Рей своему персонажу не отводит.

Направляя человека на истинный путь, писатель желает, чтобы он был умерен в страстях, богобоязнен, добродетелен; добродетели эти не должны быть вымученными; как коню нельзя слишком натягивать поводья, так и человека нельзя заставлять быть совершенным. Он должен быть естественным.

Гипотетическое окружение достойного человека выписано очень тщательно. Он окружен родителями, учителями, своей семьей, знатными господами, чужеземцами, слугами. Он встречает легкомысленных игроков, пьяниц и обжор, соблазняющих его тонкими винами, оливками, марципанами, «лимонией и капарами». На его жизненном пути появляются богатые девицы, занавешенные мехами, которые ездят в роскошных возках; и в домах их полный достаток: там вертятся какие-то их родственники, и все в лисьих воротниках; и угощают там не каким-нибудь ячменем из мисок, а рисовой кашей и другими разными причудами на изукрашенных дорогих тарелках. А вот и модники в причудливых делиях, в жупанах итальянских и испанских, их огромные рукава раздуваются на ветру; они в пестрых беретах, с золотыми цепями; следуя какому-то невообразимому фасону, модники кашляют и плюют без нужды; беспрестанно снимают шапки и перчатки, чтобы похвалиться родовым гербом на печатке; они говорят, будто заикаясь, чтобы изобразить ход своих мыслей, перекручивают самые простые слова.

Подобных портретов в «Зерцале» много. Они построены по принципу накопления бытовых примет и, как и главный персонаж, их но-

сители не вводятся в действие; правда, им бывают приписаны постоянные ситуации и черты характера. Так создаются портреты скупого, скандалиста, пьяницы и прочих. В поле зрения писателя — костюм, речь, манеры персонажей, на основании которых и дается их характеристика. Эти персонажи, должные отвратить достойного человека от различных пороков, создают насыщенный фон для его движения по жизненному пути. Их портреты легко сливаются с поучениями. М. Рей без устали уверяет читателя, что он должен к ним прислушиваться, иначе мысль его будет дремать подобно бородатому козлу, который только капусту и видит; иначе самая благородная его мысль станет такой же понурой, как конь, покрытый грязной и рваной гунькой (л. 54).

М. Рей-дидактик, выступая как автор со своим собственным мировидением, разработавший свой индивидуальный стиль, ссылается на авторитеты, которыми для него являются Священное Писание, античные философы и вообще книги, не всегда им названные. Наряду с его собственными поучениями в «Зерцале» существуют отсылки к книгам, которые, как он предполагает, достойный человек уже читал или должен прочитать для своей же пользы. Среди его разнообразных поучений выделяются поучения о пользе книги и правилах чтения.

М. Рей много раз объясняет, как нужно читать. Однажды он замечает, что чтение развивает воображение, но больше к этому не возвращается. Зато он полагает, что к чтению у некоторых людей имеется природная склонность (образцом этой склонности избран Александр Македонский), как другие ее имеют к охоте, лошадям, хозяйству, пьянству, танцам или маскарадам (л. 12). В чтении нужно знать меру, ибо, например, ребенок может зачитаться и потерять память и разум. Излишнее чтение вредит «молодой фантазии». Нельзя торопиться с чтением — лучше читать медленно, чтобы все как следует понять. Быстрое чтение не плодотворно, оно подобно краткому дождю, который не орошает почву так глубоко, как медленный дождь (л. 15). Нужно запоминать прочитанное, чтобы не уподобляться крестьянину, который, прийдя из церкви, где слушал проповедь, не может сказать, о чем говорил священник (л. 16).

Чтение — это труд. Ленивому человеку неохота читать прекрасные истории, написанные философами, рассказы о поступках благородных людей прошлого — а ведь все это пошло бы ему на пользу. Тогда бы он не лежал как слон под деревом, а знал бы, как и для чего Господь

сотворил человека. Тогда бы он понимал, как достойно жить и как достойно умереть. Завершая третьи книги «Зерцала», подводя итоги всему своему труду, М. Рей еще раз призывает достойного человека: «nie leż dármo, czythay, szukay, biegay, á dowieduy sie o powinnośći swoiey» (л. Hh).

Чтение — это осознанный акт. Читать все подряд не стоит,— говорит писатель, выражая чисто средневековое отношение к книге: как известно, книг не должно было быть много, но читать их следовало часто. М. Рей, например, советует читать о Цицероне и Сенеке, о Катилине, о славном философе Диогене. Писатель, перечисляя героев, философов, при этом достаточно редко упоминает имена авторов и конкретные произведения; не раз он приговаривает: кто читал, тот знает (л. 1). Он не советует увлекаться Горацием и Овидием, так как они трудны, и фабулы у них сложные. В этом замечании явно сквозит равнодушие к античности, если не сказать большего.

М. Рей много говорит о книге, оставляя в стороне ученые рассуждения. Он не касается четырех смыслов текста; его мир — не книга, а книга не скрывает в себе мир. Он не предполагает эстетического восприятия произведения. Не видит М. Рей необходимости в изысканных и замысловатых интерпретациях прочитанного; простота — его жизненный, эстетический, дидактический принцип.

Все исчезнет и забудется, если не будет записано. Книги сохраняют то, что могло быть стерто в людской памяти. Потому люди должны читать. Настаивая на этом, М. Рей уверен, что они это и делают. Не раз он напоминает им о прочитанном: Ano czytamy o Hánnibalu onym sławnym Hetmánie Kartágińskim (л. 149); предполагает, что они уже читали, например, о Трофоне и Агамеде (л. 168); иногда называет известных авторов, чтобы сравнить их с собой, указать на свою самостоятельность как писателя: того, что я пишу, не пишут «Cicero, Seneká, Plato, Ewrypides, Sokrates, Solon, Xenophon, Diogenes…» (л. 104).

Имея в виду культурную ситуацию своей эпохи, писатель высказывает предположение, что не все овладели искусством чтения, и потому поясняет: книга полезна всем, кто читать умеет (л. 113). К книге может приобщиться и не умеющий читать. Попроси, чтобы тебе почитали,— находит выход из этого положения М. Рей,— и ты также будешь доволен и поймешь, каковы твои обязанности и что тебя ожидает в жизни. Таким образом писатель напоминает и о традиции домашнего чтения вслух.

М. Рей придает книге не только функцию хранительницы культурных традиций, но и функцию дидактическую. Книга формирует человека. Чтение — это не пустое развлечение. Потому читать нужно всем — полагает он. М. Рей описывает пользу книги в устоявшихся выражениях, не исчезнувших и в XIX в. Книга развивает добродетели («Iáko iest spráwiedliwość, sthałość, rostropność, pomierność: przy tym też miłosierdzie, státheczność á rozmyslne vważenie w każdey poczćiwey spráwie swoyey» (л. 13). Она облагораживает человека, потому книги следует выбирать самые достойные, изобилующие прекрасными примерами. Польза, которую приносит книга — не кратковременна; она полезна не только в тот момент, когда ее читают. Книга и веселит человека. Хочешь посмеяться — читай фацеции,— советует М. Рей читателю. Гораздо лучше развлекаться, читая, потому что все остальные развлечения сулят беды и разочарования: «Bo zá ony skoki bolą nas więc boki» (л. 115).

Книга имеет и познавательную функцию. Достойный человек, читая, познает мир, он беседует с философами, путешествует со знатными рыцарями. Он будто объезжает весь мир: «A iákobyś wszythko widział, ácż nie ták wżdy dobrze, ále wżdy lepiey niżli nic» (л. 113). Рассуждая о чтении, М. Рей сближает читателя и автора (беседуя с философами), читателя и героя (путешествуя с рыцарями).

Тема путешествия как важного средства обучения человека и формирования его личности присутствует во всех разделах «Зерцала». М. Рей при этом предупреждает, чтобы путешествиями не увлекались, особенно юноши; чтобы они, путешествуя, не глазели по сторонам, а искали умных и благородных собеседников. «Мало тебе поможет то, что ты видел Этну, кипящую пламенем, быстротекущие реки и бурные моря, с их китами, сиренами поющими, крокодилов и драконов летающих, города, замки и дворцы сияющие…» (л. 20).

Книга, по М. Рею, воспитывает, но по книге не живут, по ней не учатся жизни, в ней не жаждут приобрести сокровенное знание, прочитать слово учителя или пророка. Книга в сочинении М. Рея иначе связана с человеком. Человек живет с ней не только в духовном мире, но и в повседневном. Книга близка человеку в материальных измерениях его жизни. М. Рей будто примеривает книгу к обычному польскому дому с его заботами и развлечениями и смотрит, пригодилась ли там она.

Для него дом и двор — целое мироздание со своими законами, где есть место человеку, животным и растениям. Человек, «sláchetne źwi-

rzę» (л. 150), связан с ними неразрывно; неслучайно так часто в «Зерцале» встречаются сравнения человека с представителями животного мира, с растениями, например: «Thakże y po młodym koniu y po innych źwirzętach» (л. 7), «Abowiem pátrzay iáko pczołki, choć niema twarz…» (л. 16), «Bo iuż thám nie będziesz iáko on Miedźwiedź» (л. 17), «nie być theź oną kozą co dziurą przez płot ná kápustę pátrzy» (л. 19), «stoi iáko ono mocne drzewo kthore sie wiatru żadnego nie boi» (л. 89). А. Мицкевич по этому поводу сказал в лекциях по славянской литературе: «Рей черпает все свои сравнения из Библии и из природы; на родной земле он собирает все свои метафоры, все образы; у него глубокое чувство природы…»[4]

Стараясь поместить в этот мир книгу, М. Рей прибегает к сравнениям и находит их среди хорошо знакомых достойному человеку вещей и явлений. Сравнения эти приобретают агрикультурный характер. Книга приносит ту же пользу, что пчелы или кони в хозяйстве; чтению ее отыскиваются сравнения с домашней работой, с привычными навыками, например, с рубкой леса, с обучением верховой езде (л. 15). Эти сравнения не обесценивают книгу и чтение. Так протекает естественный процесс усвоения-присвоения книги. С помощью этих сравнений М. Рей как хороший хозяин, который знает, где и что должно находиться, отыскивает место для книги в мире человека, сидящего на земле и возделывающего ее. Книга служит путеводителем по сельской идиллии, с ее трудами и заботами. Ведь читая, человек все узнает о каждом звере, о каждой птице, о каждом деревце и о каждой травинке,— уверяет писатель. Без этих знаний нельзя хорошо вести хозяйство. Идеальный хозяин должен поэтому читать.

Вводя книгу в мир сельских забот и развлечений, писатель не предполагает приложения к ней каких-то особых духовных усилий; не требуются для ее восприятия и средства, отличающихся от уже известных достойному человеку.

Книга полезна не только человеку трудящемуся, но и человеку развлекающемуся. В ситуации развлечения книга выходит из садов, конюшен и пасек и входит в мир общения людей; она даже приравнивается человеку, сравнивается с беседой, которая так же полезна, как книга. Живой голос даже лучше, чем пергамин, сделанный из «дохлой шкуры» (л. 15),— говорит М. Рей, хотя затем ставит знак равенства между книгой и беседой.

[4] Mickiewecz A. Literatura słowiańska — 1, XXXIII // Dzieła. W-wa, 1955. S. 118.

Беседа, если ее вести правильно, научает и приносит удовольствие; словом тоже можно обидеть, и этого следует опасаться, чтобы не уподобиться тем, кто беседам предпочитает драки, чтобы беседа не стала словесной дракой (л. 72). Участвуя в беседе, стоит прислушиваться к словам достойного и обходительного человека и разговаривать с ним. Если же его нет, то его нужно взять за образец и во всем подражать ему. Книга, как беседа, научит, развлечет и утешит. Потому книга подобна человеку. Она учит так же, как пример добродетельного человека: «Iż cżego kto sobie nie doczcie w ksiąszkach niech sie osthatka dopáthrzy ná vććiwych spráwach á zwyczáioch W. W.» (л. A ij).

Книга сравнивается не только с беседой, но и с музыкой. У М. Рея немало музыкальных метафор. Например, человек — это орга́н. Если орга́н не настроить как следует, то вместо приятной музыки раздастся сопение и стук (л. 71). Таков и человек, если не следует разуму. Тема музыки возникает при описании счастливой старости: «Może też sobie y jáką ćichą muzycżką głowkę nászychtować» (л. 164). Посвящение третьей книги «Зерцала» краковскому каштеляну Иордану Спытку, в гербе которого красовались три трубы, построено на теме трубы как музыкального инструмента: «Trąbá ácż iest instrument od ludzi zmyslony, Ale ná wiele przyczyn potrzebny spráwiony» (л. 121).

Музыка развеивает скуку, она утешает мысль и сердце. Достойный человек, когда хочет развлечься, всегда может попросить, чтобы ему поиграли на лютне или симфоналике. Музыка должна быть тихой, благозвучной; не барабаны какие-нибудь или рог нужно слушать с добрыми друзьями, хотя и это можно, если доставляет удовольствие (л. 103). Слушать приятную музыку — это такое же удовольствие, как и читать книгу. Кстати, и запоминать прочитанное следует так же, как музыку, различая звучание инструментов и ведение голосов (л. 16).

Так книга входит в другую сферу жизни польского шляхтича — сферу рекреативную. Музыка и застольные беседы были главными ее формами. К ним теперь присоединяется книга.

Книга в состоянии помочь воспринять правила общественного поведения, правила этикета. Им человек обучается с юности. Его следует вводить в приятное общество, чтобы он мог «посидеть, поговорить, пошутить, ибо так он знать будет, что такое политес» (л. 15). Не вредит и фехтование, и игра на лютне. Главное, чтобы юноша не лежал, как «кабан в берлоге», и не тратил время попусту. Книга, таким образом, учит поведению в обществе и снабжает человека темами для бесед.

Человеку читающему всегда есть о чем поговорить, приятном и полезном,— утверждает М. Рей. Он не будет стоять столбом где-нибудь в гостях, а вовлечет общество в беседу. Так книга приобретает еще одну полезную функцию.

Хороший хозяин, умеющий позабавиться, человек с приличными манерами — вот каков человек, читающий книги.

М. Рей, вводя книгу в домашний мир человека, озабочен помещением ее не только в дом достойного человека. Он не раз возвращается к описанию конкретного времени и места, когда и где человеку лучше всего читать. Он конкретизирует жизненное пространство, в которое может и должна войти книга. Его советы как и что читать соседствуют с рекомендациями когда и где читать. Эти рекомендации очень важны. Они свидетельствуют о закреплении за книгой определенного места и времени. Для историко-культурного описания процесса чтения не безразлично, «читаем ли мы в специальных публичных заведениях — библиотеках, дома, на лоне природы или в транспортных средствах»[5].

Мест для чтения М. Рей называет немного, и выбор их зависит от времени года. «Naprzod Wiosná, więc Lato, potym Jesień, więc Zima. A w każdym s thych cżásow …y roskosznych cżásow y krotofil swych w swoim onym pomiernym á w spokoynym żywocie poććiwy człowiek może snádnie vżić» (л. 108). Обращаясь к достойно прожившему свою жизнь человеку и достигшему поры старости, писатель среди прочих приятных занятий называет и чтение. Летом хорошо читать, сидя под деревцем среди ароматных трав; зимой — лежа в теплой постели приятно бывает беседовать с мудрецами-философами, читать истории про рыцарей и восхищаться ими. Так М. Рей усваивает книгу простому миру идеального земледельца, уже находящегося на покое.

Время чтения, как видим, связано с местом чтения. Оно не так конкретизировано, как место. Временем чтения именуются все времена года, а также поры жизни человека, которые — на что не раз указывает М. Рей — между собой соответствуют. Человек каждого возраста должен смотреться в книгу, как в зеркало, чтобы знать, как поступать в тех или иных случаях. Так говорится в премиуме, или в кратком предисловии «Зерцала».

Читать хорошо в детстве, но не стоит ребенка нагружать премудростями грамматики, которой и в более зрелом возрасте можно научить-

[5] Мельников Г. П. Пролегомены к рассмотрению феномена книги. С. 4.

ся; также и логика, которая только и делает из неправды правду, и арифметика, и все свободные науки не нужны ребенку; они и старикам-то трудны, не то что молодым (л. 8). М. Рей предлагает растолковывать ученику самые простые и необходимые вещи. Они, а не запутанные поэтические фабулы, ведут к добродетельной жизни. «Зачем знать про то, как Цирцея людям головы меняла, или как Улисс плавал, или что натворила Еленка, или что делала Пенелопа» (л. 12). Это все развлечет человека потом, когда он войдет в разум. В детстве же следует читать различные истории о героях, ищущих славы, добродетели и почестей.

В юности «pocżćiwy młodzieniec» также не должен забывать о чтении и находить для него время; оно должно стать привычкой, второй натурой. Если этого не произойдет, то книжки начнут ворчать и обижаться на человека. Так М. Рей еще раз антропоморфизирует книгу. Читать юношам лучше всего философов и не отвлекаться на легкое чтение.

Нужно находить в книгах достойные примеры и в зрелости. Этой теме посвящен особый раздел во вторых книгах: «Cżytáć poććiwemu kto vmie iest rzecż bárzo potrzebna» (л. 113).

Особенно в старости книга привлекательна для человека. Чтение — это утешение старости, огромное удовольствие, но, по М. Рею, не эстетическое. И в старости по книге следует учиться, книгой поверять свою жизнь. Старый человек может и забавные фабулы почитать, развлечься. Конечно, он должен читать и Священное Писание. М. Рей, автор «Постиллы», не только прекрасно знал Писание и часто его цитировал, прежде всего — книги Ветхого Завета, в которых у него были любимые герои и сюжеты. Он занимался интерпретацией священного текста, порой свободно комбинируя различные эпизоды.

В «Зерцале» тема Священного Писания проходит через все разделы. К нему читатель должен иметь особый подход. Писание нельзя читать как всякую обычную книгу, как какого-нибудь Овидия или Вергилия, эти образцы книги светской, противостоящей книге сакральной. Писание не привлекает фабулой, оно вмещает в себя весь мир достойного человека: «A tu pátrzay iż to nie fábułá ále wielka náuká káżdemu wiernemu ku stałośći iego» (л. 202). Священная книга не так занимательна, как светские; если в ней искать занимательности, то легко можно над ней заснуть. М. Рей не боится высказать такое суждение, оно не повисает в воздухе и подчинено идее глубинного проникнове-

ния в священный текст. Человек должен прислушиваться к слову Господа, а не наемников его,— предупреждает М. Рей,— которые мычат, как волы. (И здесь М. Рей не удержался от излюбленных им сравнений.) По его мнению, читатель, говоря современным языком, должен уметь делать выводы из прочитанного, например такого рода: человек ни над чем не властен, все в руце Божией. Он должен уметь «брать пример» (л. 199) со святых людей.

М. Рей готов читать вместе с достойным человеком, он ведет его по правильному пути и вместе с ним делает правильные выводы из прочитанного. Как подобает протестанту, он обращается к ветхозаветным текстам. В Писании каждый человек найдет примеры верных и славных жен, знаменитых мужей: «Czytay iedno o Hesterze, czytay o Sarze, czytay o Zuzánnie… o Tobiaszu… Dawidzie… Sałomonie…» (л. 33). М. Рей призывает государственных мужей читать о Иосафате, Осии и о других сынах Маккавейских (л. 42), помнить о Исайе, Иеремии и других пророках (л. 43), о Зофире, верном подданном Дария. Он напоминает, правда, и о Агесилае, и о Филиппе Македонском, и об Александре Великом, но называет их примерами языческими; христианам же нужны«суровые декреты» Господни. Когда М. Рей хочет объяснить достойному человеку, кто такие бедные духом, он предлагает прочитать ему Евангелие от Матфея, часто ссылается на апостола Павла. Старикам он советует перечитывать пророков, апостолов, Евангелие.

Чтобы понять и осознать слово Божие, человек должен потрудиться. Тема трудного чтения возникает в «Зерцале» не раз. Чтение священной книги помогает пройти трудный путь к Господу. Путь этот — не только трудный, но и необходимый. Он — единственный; простого, легкого пути к Господу нет. Шествуя по этому пути, человек рискует оказаться на обочине; поэтому нельзя сворачивать с этого пути. Этот метафорический путь сближается с обычным отправлением в дорогу. Лучше ехать или идти знакомой дорогой, так спокойнее и безопаснее (л. 173). М. Рей не отступает и здесь от правил своей поэтики.

Писатель, который много раз занимает позу неученого, простака, скрывается под маской весельчака и доброго хозяина, на самом деле оказывается и ученым автором, для которого литературный труд — не забава. Он осознает значимость «Зерцала» и говорит о его пользе и значении. В начале и в конце своего труда он обращается к читателю, уговаривая его вновь и вновь обращаться к «Зерцалу» — это поможет ему учиться на чужих примерах («lepiey ná cudzych spráwach polerować» (л. 239).

М. Рей имеет в виду не только читателя, не только к меценатам он обращается в начале книги. Он предвидит и отзывы критиков, т. е. полностью выстраивает триаду: автор — читатель — критик. Писатель знает, что обсуждается на свете каждая вещь, значит, будут обсуждать и его книгу. Он опережает будущих критиков и сам готов вступить с ними в диалог. Им он советует не ругать других, а писать самим; чернил и бумаги для критиков он не пожалеет: пусть поправляют, что не понравилось, или пишут заново.

«Зерцало» предваряет и короткое стихотворное обращение к нему самому: «Coż miłe Książki zasz sie precż bierzecie». М. Рей в этой традиционной формуле обращения к книге прощается со своим трудом и желает ему, как и человеку, герою «Зерцала», не сбиваться с праведного пути. Так вырисовывается еще один круг, в котором М. Рей ведет тему книги, одну из важнейших в истории литературы.

В. Н. Топоров

О балтийском слое русской истории

XX век и особенно последние три-четыре десятилетия принесли много н о в о г о и в а ж н о г о, имеющего непосредственное отношение к древнейшей и — шире — ранней русской истории, а также к предисторическому относительно восточных славян периоду, когда они пришли в западную часть Восточно-Европейской равнины, начали по ней распространяться и осваивать ее, создали новые формы социальной и хозяйственно-экономической жизни, образовали государство, создавали культурные ценности. В основе этого нового — факты (или ранее неизвестные и поэтому действительно новые, или известные и раньше, но впервые осмысленные по-новому в свете иных фактов или концепций) и выстраиваемые на их основании новые концепции, являющиеся результатами интерпретации тех или иных совокупностей фактов и намечающие (чаще всего) новые, до поры потенциальные пространства, где следует искать другие новые факты.

Если говорить о фактах этноязыкового и культурно-исторического содержания, то существенный прогресс в истекающем столетии был достигнут в исследовании и соответственно открытии многих фактов, относящихся (если иметь в виду степную и лесостепную зоны) к кочевым народам южнорусской степи, к индо-иранским, тюркским и монгольским этнокультурным и языковым комплексам, к истории греческой и римской колонизации юга России (Причерноморье и Приазовье), к хазарскому и еврейскому элементу от Волги до Киева и Крыма, а если говорить и о лесной зоне,— к балтийским, финноугорским, отчасти германским племенам («варяжский» комплекс; восточногерманский элемент, преимущественно готский, более всего проявил себя в южнорусских степях и в Крыму, хотя, разумеется, и не только там).

Река времен в своем стремленьи | Уносит все дела людей | И топит в пропасти забвенья | Народы, царства и царей. Поэт сказал это об истории, которая неотделима от фактора времени не столько в силу того, что время образует принудительную рамку истории, сколько потому, что сама история — органически пресуществленное время, еще один

новый и важный способ опустошения-исчерпания времени через «субъектно-объектный» состав участников исторического процесса — народов, царств и царей в том их аспекте, в котором они связаны с тем, что Колингвуд называет res gestae, динамические составляющие исторического «тела».

Когда речь идет о глубокой древности, особенно о предистории, историка прежде всего интересует субъект этих исторических res gestae, их ведущие персонажи — цари, герои, «основатели» традиции и т. п. как представители некоего э т н о с а, от племени до народа. Наиболее яркая опознаваемая черта этноса (нередко единственная и обычно самая показательная, «наводящая» на другие источники информации) — я з ы к и его свидетельства, даже если он давно исчез и сохранил лишь горстку имен или хотя бы свое самоназвание, обычно совпадающее с названием народа. Идентификация народа совершается и открывается через язык, и такая идентификация всегда снимает анонимность участника истории в данном месте и в данное время, что дает языку и изучающему его лингвисту в д а н н о м отношении большее преимущество перед археологами, работающими с материалами археологических культур, н е м ы х в отношении этноязыковой ситуации (если не считать крайне редких случаев счастливого сочетания проверяющих друг друга разнородных фактов). Здесь речь не идет о преимуществах археологии, хотя при обилии письменных источников и полноте языкового состава язык нередко вступает в соперничество с археологией и на уровне исследования культур, выделяемых исключительно археологически.

В этих заметках предполагается остановиться — очень частично и достаточно кратко — на б а л т и й с к о м с л о е р у с с к о й и с т о р и и, как он вскрывается прежде всего самим я з ы к о м — или непосредственно, или хотя бы косвенно. Наибольших успехов в сфере этногенетических и сопутствующих им исследованиях языкознание добилось в восстановлении многих деталей и отчасти общей картины диалектных взаимоотношений на восточнославянском пространстве, в области гидронимии, топонимии, отчасти антропонимии, в разработке проблем межъязыковых контактов, в реконструкции лексического (иногда и фразеологического) состава восточноевропейской части Славии и Балтии, наконец, в разработке балто-славянской проблематики во всем ее объеме. Археология тоже выступает как лидер в движении вперед в разработке обозначенной выше проблемы, и нет никаких ос-

нований недооценивать ее роль. И все-таки опыт последних четырех десятилетий показывает, что открытия археологами «балтийских» культур на Восточно-Европейской равнине чаще всего индуцировались первопроходческими открытиями лингвистов.

Таким образом именно лингвистика и археология, работающие на указанном пространстве, поставляют главную (применительно к предистории — подавляющую) массу фактов, с которыми, однако, как представляется, наука история (и прежде всего в России) не успевает справляться. Хуже того, иногда складывается впечатление, что она и вообще не спешит учесть и осмыслить их именно как *новые* исторические факты. От этой нерасторопности или даже небрежения страдают и исследования конкретных исторических обстоятельств и событий, и попытки воссоздания того макро-исторического «панорамного» плана истории восточно-славянского пространства, без которого даже и надежные факты лишаются своего контекста и, как следствие, по́ля надежной интерпретации их. Нельзя считать случайным практическое отсутствие синтетических описаний истории племен, населявших значительную часть восточнославянской территории со времени появления на ней славян и до появления раннегосударственных образований при том, что фактообразующий материал известен.

Одна из наиболее зияющих лакун в историческом (не лингвистическом и даже не археологическом!) исследовании Восточноевропейского макро-ареала образована недостаточным вниманием (или даже игнорированием) к присутствию широко распространенного и во многих местах достаточно очевидного балтийского слоя. «Большие» истории России, которые для российского читателя всегда оказывались чем-то бо́льшим, чем событиями только науки,— Карамзин, Соловьев, Ключевский, Вернадский — упоминают о балтийском элементе обычно мимоходом, кратко и с какой-то вяловатой неопределенностью, как бы не зная, куда его деть и что с ним делать, как правило, никак не аргументируя и не объясняя его присутствие здесь и к тому же называя этот элемент по старинке обычно «литовским» и подкрепляя ссылками на летописи (обычно), но уклоняясь чаще всего от определения его характера, его хронотопа и адекватной оценки его роли. Конкретный учет «литовского», за редкими исключениями, начинают вести с II-го тысячелетия нашей эры. Все эти упреки лишь в малой степени могут относиться к историкам XIX века, но они, несомненно, должны быть обращены к тем, кто пытался осветить начала

русской истории за последние полвека[1]. При всей допустимой снисходительности, определяемой ссылками на «извиняющие» огрехи обстоятельства, приходится с горечью признать, что степень изученности балтийского слоя и оценка его роли в русской истории раннего (дотатарского) периода и предшествующих ему трех-четырех веков (V–VI — VIII–IX вв.) «предистории», должны быть признаны определенно неудовлетворительными. Как это ни странно, наука, занимающаяся русской историей, практически потеряла тех, на чью землю некогда пришли предки русских и других восточных славян и кто сам вошел в состав русского народа, чаще всего растворившись в нем до конца, при том, что память народа, его язык и предания когда сознательно, а когда и бессознательно хранят это «балтийское» наследие, разумеется, перерабатывая его и последовательно прикрепляя события все к более и более поздним датам обнаружения на этот раз действительно (в большинстве случаев) литовского фактора. Небезынтересно, что о «финском» слое и «финском» этноязыковом и культурном элементе в русской истории говорят больше и чаще (хотя тоже чаще всего неопределенно, по какой-то вялой инерции), чем о балтийском слое, чья роль в первые века русской «доистории» и истории (VI—X вв.) и на несравненно более обширной территории Восточной Европы, вовлеченной в пространство русской истории в указанную эпоху, гораздо значительнее и весомее.

По всем этим (и ряду более конкретных) причинам реабилитация роли балтийского элемента в русской истории стала одной из важных и, более того, первоочередных задач, без решения которой не может быть и речи о воссоздании адекватной и детальной картины русской истории, объясняющей многое не только применительно к «своему» времени и месту, но и события в более широком пространственном и временно́м контексте. Разумеется, и здесь тема балтийского слоя в русской истории может быть затронута только в общем виде — пунктирно, вскользь, скороговоркой, в надежде на то, что и по этим фрагментам, акцентирующим только некоторые точки разворота темы, читатель сможет догадаться о целом панорамы.

* * *

Начало (или, если угодно, «предначало») темы балтийского слоя в русской истории предполагает некое сосуществование и взаимодейст-

вие балтийского этноязыкового и культурного элемента со славянским на той его стадии, которая предшествовала восточнославянской и тем более русской стадиям[2]. Для избранной здесь темы это начало — глубокая предистория, и тем не менее она небеспоследственна и для этой темы, хотя бы в том отношении, что два встретившихся позже и в другом месте, уже на пространстве русской истории, языка, этноса, культуры, каждый по своему и с разной степенью верности несли некое общее наследие единого их источника — балтославянского языка прежде всего[3], и, значит, встретившись многие века спустя снова, на этот раз на пространстве русской истории, а отчасти и ближайшей к ней по времени предистории, уже как самостоятельные и разные участники контакта, сохраняли определенный (до известной поры весьма большой) запас общего наследия, с одной стороны, и общих инноваций, программируемых и предопределяемых этим общим наследием, с другой стороны. А сама эта значительность общего — как унаследованного, так и благоприобретенного, предопределяла степень взаимосообщительности и взаимопонимания носителей балтийского и славянского комплексов, от чего в свою очередь зависела и потенциальная предрасположенность к степени глубины контактности, а также реальный объем ее. Исследователь не имеет права пренебрегать вопросом конкретного характера близости обоих комплексов и конкретного общения балтов и восточных славян в пространстве и времени русской истории. Характер и степень этой близости и этого общения многое объясняют в полуторатысячелетней истории балто-славянского сосуществования на просторах Восточной Европы[4].

Прежде чем перейти к теме балтийского слоя в русской истории, необходимо вкратце обозначить некоторые особенности самого понятия «балтийское» в лингвистическом плане, без чего могут оказаться упущенными в дальнейшем некоторые существенные моменты.

Обычно в индоевропеистике и балтистике явно или прикровенно исходили из того, что между общебалтийским или даже просто некиим архаичным вариантом балтийского типа и общеиндоевропейским существовал определенный временной разрыв (нередко даже указывалась, правда, без особых оснований, его длительность — два-три тысячелетия), который, предполагалось, должен быть заполнен каким-то отличным от «общеиндоевропейского» и «общебалтийского» лингвистическим содержанием, впрочем, никогда не выявлявшимся. Предполагалось также, что со временем этот разрыв будет заполнен, и, конеч-

но, этой надежды нельзя исключать полностью и сейчас. Однако пока реально этот предполагаемый разрыв заполняется более, чем слабо, что и дает дополнительные основания сомневаться в его реальности (и во всяком случае в реальности сколько-нибудь существенного заполнения его) и допускать, что перед нами еще одно фантомное порождение.

В самом деле, когда устанавливаются новые факты (напр., грамматические), квалифицируемые как наиболее архаичные для балтийского состояния, они, как правило, сразу же ложатся в то, что можно назвать индоевропейским праязыковым горизонтом. И обратно: многие индоевропейские реконструкции, предложенные в последнее время и выступающие именно как реконструкции, реально представлены в балтийских языках, хотя они обычно и выступают в более позднем морфонологическом коде. Два вывода напрашиваются из этой ситуации. Лишь на поверхностном уровне они представляются противоположными, исключающими друг друга: 1) «балтийское» языковое время р а с т я г и в а е т с я за пределами общебалтийского по направлению к более древнему состоянию и за пределами современных балтийских языков по направлению к хронологически и типологически более поздним языковым формациям (ср. славянские языки как «дети» балтийских, т. е. как принципиально иная, более продвинутая во времени генерация, а не просто как «немного менее древние языки»; 2) «балтийское» языковое время с п р е с с о в ы в а е т с я, стремится к нулю, ср. возможность понимания балтийских языков (разумеется, в определенных фрагментах) не только как образа-трансформации индоевопейского древнего типа, но в определенных пределах как сам этот тип.

Эта п а р а д о к с а л ь н о с т ь «балтийского» оказывается в известной степени сродни эдиповой ситуации. Принимая на себя роль сына по отношению к отцу (индоевропейский праязык), он во многом равноценен ему, равновременен в л и н г в и с т и ч е с к о м (а не хронологическом!) измерении (ситуация — отец в маске сына). Вместе с тем, выступая в роли брата (по отношению к праславянскому), балтийский, будучи представителем более архаичной генерации, фактически реализует другую по сравнению с традиционной схему — «отец» : «сын». В обоих случаях балтийский язык как бы занижает свой возраст: он существует н а р я д у со своим предком (общеиндоевропейским) и со своим потомком (праславянский). Эта ситуация, экстраординарная

среди живых языков и никогда не отмечавшаяся среди известных индоевропейских языков, вынуждает совершенно по-новому взглянуть на проблему заимствований в балтославянском языкознании. В связи с такой «протеичностью» балтийского следует подчеркнуть еще два положения: 1) при естественном развитии балтийского типа у него е щ е б у д у т свои потомки («младшие братья» праславянского), которые могут более или менее существенно отличаться от исторически засвидетельствованного потомка — праславянского; 2) язык-«отец» и язык-«сын» (т. е. балтийский и праславянский) находились в течение всего достоверно известного времени их истории на с м е ж н ы х (в ином ракурсе — общей единой) территориях, что наиболее естественным образом должно трактоваться как указание на существование некогда единого в языковом отношении ареала, проще на балтославянское сосуществование. Этот контекст делает оправданным введение понятия «балтийского с о с т о я н и я», относящегося при определенных условиях и в известных рамках и к праславянскому.

Именно в этой точке рассуждений и возникает вопрос о соотносимом с «балтийским» временем «балтийском» п р о с т р а н с т в е, приобретающий особое значение в сопоставлении с вопросом о «славянском» хронотопе. При движении против течения времени поражают резкие перемены в соотношении «балтийского» и «славянского» пространств, что имеет непосредственное отношение к теме балтийского слоя в русской предистории и ранней истории.

Несмотря на само собой разумеющуюся относительность подсчетов и возможность (и даже необходимость) дальнейших уточнений, оказывается, что в настоящее время площадь, занимаемая славянами, превышает площадь, занимаемую балтийскими народами (около 130 тыс. км.^{2}), приблизительно в 180 раз (!) или, если пренебречь пространством, которое было колонизовано в последние четыре века в Азии, площадь, обитаемая славянами, превышает балтийскую территорию в несколько десятков раз. Соответственно славянское население (точнее, число славяноязычных славян, исключая из них славяноязычных неславян) превосходит численность балтийского населения примерно в 80 раз (!). Но такое соотношение формировалось уже на глазах истории. Полторы тысячи лет назад, в V — начале VI в. н. э., все обстояло иначе: славяне, согласно наиболее авторитетному и наиболее распространенному мнению (нагляднее всего оно представлено в картах-реконструкциях), в это время занимали довольно узкую полосу между

верховьями Вислы и средним Днепром или на среднем Дунае[5]. По площади этот ареал в 3—4 раза уступал территории, заселенной балтами, которая — в общих чертах — простиралась от низовьев Вислы до Подмосковья (по меньшей мере) и от бассейна Западной Двины (и, возможно, несколько позже — от Псковщины и южной части Приильменья) до устья Десны и Сейма. При этом очень существенно, что по своей наиболее протяженной северной границе Славия в течение определенного периода непосредственно примыкала к Балтии по ее южной границе и никакими природными рубежами от нее не отделялась.

История осуществляет себя («развертывается») при определенных условиях. Для этого нужно, чтобы сошлись вместе пространство, время, субъект и объект, завязанные в действии, которое образует с о б ы т и е и с т о р и и[6]. Только встреча где, когда, кто и что позволяет говорить о таком событии и, следовательно, об истории. Когда говорят о русской истории, имеют в виду историю русского народа, его государственности, его культуры. В этом ракурсе русская (как шире — восточнославянская) история не могла начаться прежде чем в V, скорее в VI в. н. э., пока определенные группы раннеславянских племен не вступили в пределы Восточной Европы. Откуда бы они ни пришли, едва ли можно сомневаться, что главный и ранний вектор их движения имел направление с запада на восток и даже более определенно — на среднее Поднепровье. Более сложна ситуация с древней северо-западной Русью, хотя и здесь скорее всего надо думать о том же направлении экспансии, по крайней мере, для значительной части участников этого движения. Когда свет истории упал на восточнославянские племена, они уже захватили довольно обширную территорию к северо-востоку и северу от среднего Поднепровья, и в IX—XI вв. южный поток экспансии дошел до верхнего течения Волги и западных пределов Окско-Донской равнины (если говорить о прочном присутствии). Северный колонизационный поток к этому времени также продвинулся далеко на восток и на север, и кривичская и вятичская экспансии встретились в районе Москвы, как бы замкнув оба исходных движения. Избранные ими направления, конечно, не были случайными и в значительной (если не в главной) степени определялись отделенностью от Черного моря (и, следовательно, Византии) на юге и от Балтийского моря на северо-западе, поскольку путь «из варяг в греки» уже в конце I-го тысячелетия н. э. был освоен норманнами и кон-

тролировался ими, и выход к Балтике был закрыт. Путь на юг был закрыт следовавшими волна за волной кочевниками. Отчасти по этой же причине был опасен и путь непосредственно на восток — тем более, что уже в начале VII в. сложился сильный хазарский каганат на нижней Волге и северном Кавказе, и хазары сами обнаруживали тенденцию к экспансии в противоположном — западном — направлении.

Славянские племена, пришедшие в Восточную Европу, должны были вскоре осознать свои обстоятельства и определить наиболее простой и менее опасный путь экспансии. Таким образом процесс Landnahme разворачивался в б а л т и й с к о м ареале по преимуществу (в начале — практически исключительно в нем). Волны экспансии с юго-запада на северо-восток, собственно, и заполнили балтийское пространство Восточной Европы, и славянский элемент определенное время наиболее прочно удерживался в этой «Восточной» Балтии и лишь после этого перешел балто-волжско-финскую этноязыковую границу и пустил свои корни на территории, где проживали финно-угорские племена. Однако, если на этом направлении славяне достигли финноязычных пределов на северо-востоке едва ли раньше VIII века, а более основательно и позже, в IX—X вв., то встреча их с финноязычным этносом на северо-западе произошла, очевидно, века на два-на три раньше, когда славянские миграционные потоки по Днепру, Сожу, Десне, сконцентрировавшись в верховьях Волги и Западной Двины (здесь, впрочем, могли к этому уже времени оказаться и славянские или славянизированные группы населения, попавшие сюда с запада), повернули на северо-запад и проникли в пределы Псковско-Новгородского ареала, что могло случиться, как иногда предполагают, уже в V—VI вв., но осторожнее считать, что это произошло не ранее VI в. и охватывало следующие два-два с половиной века. Следовательно, можно думать, что встрече славян с финноязычными племенами в обоих локусах — на северо-западе и северо-востоке — предшествовало знакомство с балтами и их территориями. Но степень освоения этого двойного финноязычного ареала, славизация его всегда была меньшей, чем более последовательная, полная и органическая славизация балтийского пространства. Говоря, разумеется, огрубленно, разница между северно- и южно-великорусами отражает прежде всего разницу между «финским» и «балтийским» пространствами, во-первых, и между двумя типами колонизации и освоения этих пространств, условно, кривичско-новгородским и вятичским.

Нужно, конечно, помнить, что в планы восточнославянской экспансии входила и «прибалтийская» (или северо-западная) Балтия, но успехи в проникновении на территорию современной Латвии в значительной мере были сведены на нет в XIII веке, когда в игру вошла третья сила — Орден. Литва сама по себе была достаточно сильна, чтобы положить предел сколько-нибудь успешной экспансии. Тем не менее попытки захвата и этой части балтийских земель были, причем одновременно и даже раньше, чем в отношении окско-московской голяди, в связи с которой Лаврентьевская летопись сообщает под 1058 г., что *Побѣди Изѧславъ Голѧди* (хотя, как известно, победа не была ни полной, ни окончательной и спустя почти век пришлось сообщать, что Святослав *взя люди Голядь верхъ Поротве*. Ипат. летоп., 1147 г.), тогда как столкновения с ятвягами отмечаются еще в X веке — *Иде Володимеръ на ѣтвѧги и побѣ҆ ѣтвѧги и взѧ землю и҆ҳ и иде Киеву…* Лавр. летоп., 983 г., ср. также сообщения о походах на ятвягов под 1038 и 1113 гг.[7] Что же касается кривичской колонизации, то и она затронула балтийские земли Полоцкого княжества, Смоленщины, Подмосковья, хотя и финноязычные территории не были обойдены ею. И только собственно новгородская экспансия была направлена преимущественно на земли, где балтийских следов не было, но отчасти распространялась на вторично (видимо) и лишь частично освоенные балтами земли к югу от Новгорода и по соседству, где балты не были, кажется, основным этноязыковым населением.

Следовательно, восточнославянские племена, вошедшие в состав Киевской Руси, пришли и освоили в первые века ее существования балтийские земли Восточной Балтики в ее практически полном составе. Более того, Киевская Русь в огромной своей части, лишь слегка отличающейся от целого, размещалась в это время на балтийских землях, где балты или были основным, хотя по численности и довольно незначительным элементом, или во всяком случае присутствовали там в виде меньшинства. Хотя южная граница балтизмов в среднем Поднепровье опускается даже южнее Киева[8], именно здесь ко времени прихода славян балтийский элемент, очевидно, не был господствующим, хотя и предположение о господстве здесь иранских племен в это время трудно доказуемо. Но что оно было и что оно входило в контакт с балтийским доказывается и калькирующими иранско-балтийскими дублетами (к ним присоединяются и русские примеры) типа гидронима *Лопанка* (басс. Десны), являющегося балтизмом (ср. др.-прусск. *Lopi-*

no, *Lapaynen*, лит. *Lapainė*, лтш. *Lapaina*: лит. *lãpė* ‘лиса’, лтш. *lapsa* при *Ропша*, иранском варианте с тем же «лисьим» значением, ср. скиф. *raupãsa* и др., и русск. *Лисисчка*, относящееся к обозначению одной и той же речки[9], и т. п.), и показаниями из «Getica» Иордана (VI в.), упоминающего в списке народов, покоренных Германарихом (351—376), племя *Goltescytha*, второй член которого отсылает к иранцам-скифам, а первый, возможно, сопоставим с *Gal-* в названии балтийской голяди — *Gal-ind-*: **Gal-d-* ср., впрочем, прусск. *Galteynen*, 1405)[10].

Два круга фактов, поддерживающих друг друга, остаются бесспорными в отношении ареала Восточной Балтии, и почерпнуты эти факты из независимых источников, что делает общее заключение особенно весомым. Это заключение состоит в том, что славянские племена, вторгшиеся на просторы Восточной Европы, нашли здесь обширный балтийский ареал. Приход сюда славянских племен мог не обязательно быть однократным актом, и поэтому приблизительная, с точностью до двух веков датировка (не ранее середины V в. и не позже конца VI в.), может быть признана удовлетворительной — тем более что ее, видимо, следует рассматривать в рамках общего контекста «Великого передвижения народов» (чего, насколько известно, до сих пор не делалось). Что же касается присутствия в Восточной Балтии балтийского этноязыкового и культурного элемента то ко времени встречи с будущим восточнославянским элементом, он насчитывал солидный, видимо, не менее чем трехтысячелетний возраст. Появление в Средней России, Белоруссии (как и в восточной части Прибалтики) индоевропейского элемента археологи в последнее время относят к 3000—2500 гг. до н. э.[11], и во всяком случае уже о вариантах п р а б а л т и й с к о й культуры, представленных между Балтикой и Волгой, предпочитают говорить, имея в виду вторую половину III тысячелетия до н. э. При этом выделяют варианты поморской и восточно-прибалтийской культуры шнуровой керамики, археологическую культуру Верхнего и Среднего Поднепровья, фатьяновскую культуру в бассейне Верхней Волги и балановскую культуру в Среднем Поволжье[12].

Лингвистические данные, относящиеся в описанному ареалу Восточной Балтии, при том что они не могут претендовать с «археологической» точностью на датировку балтийских языковых данных в этом ареале, имеют преимущество этноязыковой идентификации данного пространства. Особенно эффективным орудием в лингвистическом ис-

следовании Восточной Балтии является исследование гидронимии этого ареала и анализ языковых взаимных контактов населения с соседями. Здесь достаточно только указать, что финоязычные народы Поволжья, граничившего с балтийским ареалом, лежавшим к западу от них, усвоили из ранних форм восточнобалтийской речи значительное количество заимствованной лексики, причем весьма важной в культурном отношении. Эти заимствования в финноязычных языках из балтийской речи, если оценивать ситуацию в целом, характеризуются высокой архаичностью, превосходящей как древнейшие славяно-финские, так и в ы я в л я е м ы е именно как заимствования славяно-балтийские языковые контакты (не ранее VI в. н. э.). Но наиболее массовым и показательным в отношении балто-славянских контактов в Восточной Балтии, начиная с V—VI вв. и существенно позже, материалом является гидронимия этого пространства. Основы изучения балтийской гидронимии на территории Восточной Европы, после пионерских опытов А. А. Кочубинского и А. Л. Погодина на рубеже XIX—XX вв., заложили К. Буга в 10—20-ых и М. Фасмер в 30-ых гг. нашего века, существенно продвинув границы балтийской гидронимии на Восток. Но исследования, начавшиеся с рубежа 50—60-ых гг. и продолжающиеся вот уже четыре десятилетия, многократно умножили количество гидронимических балтизмов, весьма существенно изменили представления о северных, южных и восточных границах распространения балтийской гидронимии, как она была усвоена славянским населением всего этого обширного пространства. Такое усвоение, в таком объеме и с такой степенью точности могло иметь место только в условиях длительного сосуществования балтийского и славянского населения в этих местах. Также следует отметить, что это «усвоение» предполагает два варианта — собственно заимствование славянским населением балтийских водных названий и сохранение их балтийским населением, подвергшимся славянизации. Необходимость различения этих двух типов весьма существенна для правильного понимания этнических процессов, которые характеризовали этот ареал.

Поэтому здесь уместно, хотя бы в самом общем виде, дать синтетическую сводку достигнутого в области исследования балтийской гидронимии Восточной Европы в том ее объеме, который определяется границами древней Восточной Балтии[13]. Чтобы представить себе количественный и пространственный объем этого ареала и его места в целом того пространства, которое можно было бы назвать Terra Baltica

antiqua, нужно прежде всего напомнить, что Восточная Балтия не была изолирована от Западной Балтии, в которую входили как теперешняя территория балтийских стран и территория, на которой жили уже на глазах истории балты (пруссы, ятвяги, галинды-голядь и др.), так и территории, о древнем «балтизме» которых свидетельствуют данные гидронимии и топонимии (и отчасти археологии, которая, однако, в деле отыскания балтийского элемента несколько отстает от лингвистики); последняя территория определяется за вычетом Пруссии (в широком смысле слова) линией, идущей от устья Персанте, впадающей в Балтийское море, на юг, захватывающей значительную часть бассейна Варты, далее направляющейся к Варшаве, оттуда к верховьям Припяти, северо-западным границам Волынской возвышенности, где уже происходит встреча Западной и Восточной Балтии, разъединенность которых стала результатом более поздних процессов, относящихся к поздней «предгосударственной» и «раннегосударственной» эпохе.

Но в связи с темой балтийского слоя в русской истории главный интерес представляет, разумеется, Восточная Балтия. Границы ее, если идти от юго-западных пределов балтийского пространства, могут быть с высокой степенью вероятия определены линией, начинающейся на северо-западной оконечности Волынской возвышенности, следующей вдоль северных ее окраин на восток примерно на параллели Киева (и даже несколько южнее его), далее от Киева к Курску, от него к верховьям Дона, месту впадения Москвы в Оку, к Москве (и даже немного севернее ее), оттуда к Бологому, южному Приильменью (южная Новгородчина), к Псковщине[14]. Эта огромная территория (едва ли нужно напоминать, что на окраинах ее балтийский элемент не был первичным и — в большинстве случаев — господствующим, оставаясь, однако более или менее прозрачным) при сугубо гидронимическом подходе естественным образом членится на ряд субареалов. Взятые в их сумме, они насчитывают не менее полутора тысяч гидронимических балтизмов, к которым, видимо, надо присоединить значительное количество топонимов, образованных от водных названий. Существенно отметить, что это число балтийских следов в пространстве Восточной Балтии должно быть весьма сильно увеличено при учете двух ситуаций, чрезвычайно важных для этой территории. Прежде всего условия для передачи этого балтийского наследия восточнославянским пришельцам были выгодными, когда водный объект был относительно длинным (река) или обширным (озеро, болота) и дело

хранения его названия не было привилегией лишь одной группы населения, в чью сферу интересов этот объект входил. Когда круг таких «хранителей» имени был у́же некоего минимума, само имя отдавалось на волю игры случайностей и легко могло быть потеряно, не найдя для себя восприемника, во всяком случае надежного. Поэтому нет никаких сомнений в том, что с о т н и гидронимов балтийского происхождения были потеряны на этой территории — утрачены полностью и безвозвратно, неправильно восприняты, переделаны, осмыслены поновому, одним словом, во всех этих случаях испорчены до неузнаваемости. В т о р а я ситуация, увеличивающая неопределенность в распознавании балтизмов, состоит в том, что при очень высокой степени близости языков балтийских насельников этих мест и восточнославянских пришельцев (особенно ранней их волны) весьма значительное количество гидронимов (сотни) балтийского происхождения совпадали полностью или в весьма высокой степени с соответствующими славянскими формами и потому воспринимались славянскими мигрантами как «свое», неожиданно найденное среди «чужого». Естественно, что за счет случаев, относящихся к этим двум ситуациям, число гидронимических балтизмов Восточной Балтии должно быть весьма значительно увеличено.

Первым на территории Восточной Европы (если идти с юго-запада) субстратом балтийской гидронимии является п р и п я т с к и й (бассейн Припяти), членящийся на припятское левобережье (к северу от Припяти) и припятское правобережье (к югу от Припяти). Припятское л е в о б е р е ж ь е бесспорно принадлежит к старым балтийским территориям с густым слоем балтийской гидронимии, составляющим основу всех водных названий в этом пространстве. Достаточно для общей ориентации в этом слое указать на такие названия рек, как-то: *Пина*, *Пипин*, *Яселда*, *Темра*, *Цна*, *Лань*, *Нача*/*Начь*, *Вессия*/*Есейка*, *Сиволка*/*Сивельга*, *Морочь*, *Мажа*, *Першнца*, *Доколка*, *Шацка*, *Шанька*, *Яшна*, *Немегля*, *Какланка* (с вариантами *Орижна*/*Ораженя*), *Бержица*, *Нератовка*, *Оресса*, *Освица*, *Нертка*, *Снеролка*, *Дуполка*, *Язелица*, *Морожа*, *Несла*, *Плесса*, *Уча*, *Несетня*, *Тремля*, *Неначь*, *Ковна*, *Наровля*, *Свериж*, *Мытвица*, *Шальбенка*/*Щолбенка* и др. Эта северная половина припятского субареала балтийской гидронимии органически продолжается к северу балтийской гидронимией бассейна Немана (в западной части) и балтийской гидронимией правого Поднепровья в среднем течении Днепра и Среднего Подвинья (в восточной части), т. е. территорий, составляю-

щих большую часть Белоруссии, где балтийские следы свидетельствуются отнюдь не только гидронимическими данными. Одним словом, все пространство к северу от Припяти, сливающееся с территориями, заселявшимися некогда племенами пруссов, с одной стороны, и современной Литвы, с другой, еще во второй половине I-го тысячелетия было, несомненно, балтийским, если не исключительно, то по преимуществу. Балтийский этноязыковый культурный элемент удерживался здесь и существенно позже, уже в эпоху, когда эта территория была колонизована раннеславянскими племенами. Но в это время сплошность балтийского пространства Белоруссии уже разреживалась, прорывалась и разрывалась, однако довольно большие острова балтийского населения и балтийской речи еще долгое время продолжали свое существование. Разумеется, не все остается вполне ясным, но еще в X—XI вв., когда киевские князья совершали неоднократные походы на ятвягов и литву, сохранялись довольно значительные балтийские анклавы вокруг Пинска, Минска, к юго-западу от Могилева, вокруг Смоленска, к юго-западу от Витебска, к югу от Полоцка, не говоря уже о менее значительных островках балтийской речи и тем более балтийского населения[15].

Но балтийская гидронимия отмечена и для правобережья Припяти, причем в довольно значительном количестве. Правда, на этой же территории отмечены и архаические славянские названия и даже еще более древние (видимо) иллирийские следы. Поэтому говорить о преобладании здесь балтийского элемента с уверенностью нельзя, хотя и исключать возможность такой ситуации для определенного периода не сто́ит. Тем не менее едва ли можно сомневаться, что именно здесь, в южной полосе присутствия гидронимических балтизмов, ранее всего началось угасание балтийского элемента. Но само наличие балтов в этой полосе к югу от Припяти на 200—250 км вплоть до широты Киева, Житомира, Ровно в настоящее время очевидно (сама эта полоса тянется с востока на запад на 400—500 км, переходя в балтийский ареал Побужья и бассейна Нарева[16], т. е. уже за пределами Восточной Европы). Об этом балтийском пребывании в южноприпятской зоне припятского субареала свидетельствуют такие надежные балтизмы, как-то: *Верпа*, *Мытва*, *Череса*, *Желонь* (ср. ее притоки *Прижолонок*, *Желонька*, *Желонь*) *Полчь*, *Сколодинка*, *Сажелка*, *Бастова*, *Бастовка*, *Вишка*, *Свидовка*, *Лоша*, *Радча/Родча*, *Рача*, *Перга*, *Зольня*, *Золенка*, *Виговка*, *Наровля* (вар.*Наровлянка*), *Ситовка*, *Чолница*, *Нересна*, *Норин*, *Вовчасо-*

ва, *Вовчасок*, *Вересна*, *Саремский*, *Черем*, *Черемский*, *Жолоска*, *Балы*, *Вилия*, *Цвилька*, *Ширишовка*, *Случь*, *Смолка/Цмолка*, *Пересута*, *Кудрянка*, *Турия* и др. и, видимо, до верховьев Днепра — Стрипа, Стрвяж. Существенно, что целый ряд этих названий повторяется и в других субареалах балтийской гидронимии, где они не подвергаются сомнению.

Продолжая движение с запада на восток и переходя в днепровское левобережье, южная и южно-восточная полоса балтийской гидронимии начинает подниматься к северо-востоку в направлении к Курску, попадая в бассейн С е й м а. В этом субареале балтийская гидронимия представлена прежде всего в правобережье Сейма, т. е. в северной части П о с е м ь я, тогда как в левобережье (южное Посемье) гидронимические балтизмы составляют исключение, что дает основание считать Сейм более или менее надежной границей распространения балтийского элемента на этом участке границы. Скопление балтийских гидронимов в Посемье может быть подтверждено не менее чем двумя десятками примеров, среди которых: *Обеста* (вар. *Обиста/Абеста/Обста*), *Клевень/Клевен*, *Кубрь/Кубарь/Куберь*, *Вопка*, *Мороча/Мароча*, *Молч*, *Вабля*, *Терепша*, *Лекта*, *Локоть*, *Ратен/Ратень*, *Рать*, *Лесовая Рать*, *Турейка*, *Желень/Жилень*, *Усперт*, *Харасея*, *Лапуга*, *Рехта*, *Жадинка*, *Неполка*, *Ветъ*. К югу, юго-востоку и юго-западу от этого балтийского субареала тянется полоса, в которой зафиксировано значительное количество древнеиранских (скифо-сарматских и аланских) гидронимов[17], поддержанных и отмеченным ранее целым рядом важных иранско-балтийских лексических соответствий.

Особый субареал балтийской гидронимии образует бассейн Д е с н ы, прежде всего в ее верхнем и среднем течении, где сосредоточено до сотни балтизмов. Следует отметить, что этот субареал представляет собой переходную зону между Полесьем, где балтизмов существенно меньше, и Посожьем, где их по меньшей мере на треть больше, чем в Подесенье. Следует также подчеркнуть, что подесенские гидронимические балтизмы нередко менее ярки (а иногда и менее надежны), чем посожские. Тем не менее в целом гидронимы среднего и верхнего Подесенья не только многочисленны, но и достаточно убедительны в своей балтийской принадлежности. Из всей совокупности примеров здесь особо сто́ит отметить следующие: *Стряна*, *Стряница*, *Вепрея*, *Иночка* (многократно), *Вержейка*, *Улемка*, *Жеванка*, *Ледмен*, *Водоча*, *Навля*, *Локчь* (неоднократно), *Лопанка*, *Залятка*,*Ведьга*, *Свидня*, *Левень*, *Чечора*, *Кичета*, *Рамосуха*, *Вабля*, *Вара*, *Варя*, *Свеса*, *Накоть*, *Сельня*, *Полна/Пальня*,

Стенега/Стенея, *Устарь/Тара*, *Орлия*, *Немда*, *Литиж*, *Неруса*, *Думча*, *Понемель*, *Крупела*, *Габья/Гобья*, *Гобеск*, *Шеверка*, *Локна* (неоднократно), *Ломна*, *Лемница*, *Недна* (неоднократно), *Дамынка*, *Соложа*, *Серижа*, *Ратча*, *Дегна*, *Болва*, *Неполодь*, *Перетесна*, *Локатен*, *Присмара*, *Присмарка*, *Гобик*, *Бестань*, *Восавка*, *Турейка* (дважды), *Сморжиновка*, *Осова*, *Соля*, *Судость*, *Ломня*, *Рудомья*, *Лопузна*, *Лабезна*, *Березна* (неоднократно), *Туща*, *Стоговка*, *Гольвросовка*, *Тросна*, *Улица*, *Вуль*, *Ивот/Ивоть*, *Ветьма*, *Витемка*, *Берещанка*, *Несса* и др.

К северу и северо-западу от Подесенья расположен посожский субареал балтийской гидронимии. Гидронимические балтизмы в Посожье впервые были отмечены в ограниченном количестве в начале 20-х годов К. Бугой и в начале 30-х М. Фасмером[18]. Помимо этих балтизмов весьма показательны и такие речные названия, как-то: *Вупенка*, *Упинька*, *Натопа* (*Черная и Белая*), *Крютка*, *Ремистов*, *Овчеса*, *Рудея*, *Гейшинка*, *Гижинка*, *Жубр*, *Молинка*, *Ворминка*, *Очеса*, *Сапелка*, *Невежа* (неоднократно), *Колпита* (неоднократно), *Воржанка*, *Габья*, *Перенка*, *Пирянка*, *Лобжа*, *Удуга*, *Лопча*, *Вопчек*, *Шелбицы*, *Габель*, *Чокна*, *Чемена*, *Надва*, *Вопрат*, *Опороть*, *Клитна*, *Тельчанка*, *Воронуса*, *Кокоть* (дважды), *Жалижа*, *Азарза*, *Менчича*, *Скоторж*, *Берложа*, *Корна*, *Тутварка*, *Дыря*, *Рублейва*, *Вопра*, *Выдрыжа*, *Домша*, *Щолбня*, *Сельна*, *Селинка*, *Скверета*, *Дымалки*, *Сенжа*, *Ситинка*, *Недна*, *Навля*, *Лядуга*, *Калита*, *Дрегонка*, *Осленка*, *Ректа/Рехта* (неоднократно), *Реста/Риста* (неднократно), *Бовша*, *Жавуница*, *Шума*, *Жадунка*, *Жадынь*, *Палуж*, *Полонка*, *Лобно*, *Беседь*, *Бася*, *Проня*, *Чавенка*, *Кошанка*, *Кошна*, *Рыдыга*, *Дубречь*, *Касна*, *Саложа*, *Стометь*, *Стомятка*, *Картель*, *Гариста* (дважды), *Бественка*, *Вепренка*, *Полна*, *Туросна/Тросна* (неоднократно), *Судинка*, *Гжунь*, *Откильня*, *Случь*, *Случь-Мильча*, *Иволь* и др. Весьма характерно равномерное распределение балтийских гидронимов по всему бассейну Сожи.

К западу от Сожи и отчасти к северу от нее, в верховьях и частично в среднем течении Днепра, находится верхне-среднеднепровский субареал балтийской гидронимии (исключая березинский субареал, о котором см. ниже). Слой гидронимических балтизмов густ, а сами балтизмы достаточно надежны, хотя надо отметить, что в верховьях Днепра количество балтийских гидронимов относительно меньшее, чем в бассейне Сожи. Более того, распределение их не вполне равномерно: их сравнительно немного до поворота Днепра на юг (приблизительно до впадения в Днепр Адрова) и значительно больше в верхнеднепровском правобережье в соседстве с бассейном

Березины, примыкающим с запада. Тем не менее верхне-среднеднепровский ареал насчитывает более полуторасотни гидронимических балтизмов, не является периферийным, и наличие в нем балтийского населения подтверждается данными археологических раскопок, при которых были обнаружены культуры балтийского типа. Из балтийских гидронимов этого субареала достаточно привести лишь наиболее представительную их часть, ср.: *Абольна*, *Стабна/Стабенка*, *Стабня*, *Апелка*, *Клица*, *Лемня/Левна*, *Дыма*, *Стябура/Стебула*, *Вопец* (неоднократно), *Осьма*, *Корса*, *Колпитка*, *Матолка*, *Четово*, *Ведога/Ведуга*, *Искожа*, *Бостя*, *Вопь*, *Описна*, *Вотря*, *Скородка*, *Вотрица*, *Колонка*, *Деговка*, *Водоса/Ведоса*, *Щервенка*, *Лосьменка*, *Лосьмина/Лосьмена*, *Дрягновка*, *Водва/Водса*, *Орлея/Арлея*, *Кидель*, *Обиша*, *Ломна*, *Лямна/Лемна*, *Моржевка*, *Жалдыбка*, *Сертея*, *Мерея/Мирея*, *Мерейка*, *Лабаровка*, *Агрея*, *Неропля*, *Запакулька/Сапакулька*, *Ломша*, *Ворлинка/Ворлянка*, *Болоновка*, *Свидера*, *Пересна*, *Добосна/Добысна*, *Вабичь*, *Лямница*, *Ректа* (неоднократно), *Рехта* (неоднократно), *Рекута*, *Рекотка*, *Рекотна*, *Ясейка*, *Политня*, *Свесовка*, *Плинка*, *Колня*, *Бестенка*, *Бественка*, *Отческа*, *Елча*, *Варка*, *Гиченка*, *Балгучка*, *Ворсиха/Варсоха*, *Польна/Полня*, *Полна*, *Жагулина*, *Вязовенка/Дубровинка*, *Биржевка*, *Польня*, *Дорготня*, *Сельня*, *Негра*, *Расна/Рясна*, *Клетка*, *Метелка*, *Залазенка*, *Зелезенка*, *Жиложка*, *Соля/Соль*, *Посолок*, *Залазенка/Залазинка*, *Жерты/Жерт/Жердь*, *Ажовка* (дважды), *Молянка/Маленка/Малинка*, *Улица*, *Шедаловка*, *Гжолка/Гжелка*, *Вержа*, *Шаколовский*, *Смогоровка/Смогорянка*, *Морчанка*, *Надва*, *Надва/Нагодный*, *Залазна*, *Смонка*, *Верчанка*, *Друть*, *Адров/Одров*, *Рудея/Радея*, *Борейшовка*, *Лемня*, *Рузка*, *Курейка/Корейка*, *Бедря*, *Бобрейка*, *Волчейка*, *Нересно*, *Жупур*, *Ерневка*, *Березинка*, *Березенец*, *Березина*, *Березинка/Березина*, *Ивата/Ивота*, *Лупа/Лупоголова*, *Серцысловка*, *Тросна*, *Мадора/Мадерка* и др. Следует отметить, что большинство этих названий ярко отражает балтийскую принадлежность их.

К западу от этого пространства лежит относительно небольшой по площади б е р е з и н с к и й субареал, в котором, однако, балтийская гидронимия обладает наибольшим удельным весом. Ранее уже отмечалось, что сам характер березинских гидронимических балтизмов не оставляет сомнений, что в этих местах еще относительно недавно пребывало балтийское население, и это подтверждается рядом непосредственных исторических свидетельств. Также указывалось, что в лингвистическом отношении березинские балтизмы характеризуются восточнобалтийской принадлежностью и ближайшим образом связаны с гидронимией литовско-латышско-латгальского ареала. Как балтий-

ские в березинском субареале могут быть признаны примерно 80 гидронимов из общего числа 300 названий водных объектов в бассейне Березины, т. е. более четверти всех названий. К числу балтизмов здесь со значительным основанием могут быть отнесены следующие водные названия: *Березина*, *Березанка*, *Березка*, *Бережница* (дважды), *Бересчанка*, *Мядзиол*, *Мяделица*, *Поня*, *Варлынка*, *Можайка*, *Нидалька*, *Сергуч*, *Манцо*, *Манец*, *Манча*, *Осовина*, *Осовка*, *Клева*, *Клевица*, *Ола*, *Осова*, *Нача* (дважды), *Жортайка*, *Пелик*, *Плавия*, *Стабница*, *Вяча*, *Венча*, *Гривка*, *Болоча* (дважды), *Молча* (дважды), *Ринелка*, *Сведь/Свида*, *Ольса*, *Несета* (дважды), *Цитовка/Цитва*, *Мяна*, *Можа*, *Вожа*, *Важа*, *Дий/Дыя*, *Волма*, *Брожа*, *Добрелина*, *Клупча*, *Бручь*, *Свислочь*, *Мрай*, *Пядынка*, *Плис(с)а* (дважды), *Месреда*, *Цна* (дважды), *Исга*, *Сха/Цха*, *Усяж/Усяжа*, *Гайна/Гойна*, *Володуть*, *Рова*, *Рава*, *Пустометижка*, *Синия/Син*, *Очижа*, *Пентрица*, *Нерчай/Нерчанка*, *Бобруйка*, *Янчапка*, *Соленка* и др.

К северу и северо-востоку от березинского субареала пространство балтийской гидронимии продолжается. Оно исследовано довольно слабо, что в существенной части зависит от неполноты и недостаточной надежности источников. Тем не менее в результате исследований, проведенных преимущественно в последнее десятилетие и носящих в основном «выборочно-прикладной» характер обнаружилось значительное количество гидронимических балтизмов. Довольно внушительная их часть очевидна и надежна, другая часть их правдоподобна, третья спорна, но не исключает трактовки составляющих ее примеров как балтийских (тем более, что иных, заслуживающих внимания, объяснений пока не существует), четвертая — допускает объяснения не только из балтийского языкового материала. Характер балтизмов в этом огромном по площади ареале в большинстве случаев несколько иной, чем в рассмотренных до сих пор субареалах, менее очевидный, а, главное, сами балтизмы не являютя здесь преобладающими, кроме как в бассейне Западной Двины: более ранний финноязычный и более поздний русский слои не только соперничают с балтийским, но численно преобладают в этом пространстве.

Этот ареал, в котором с очевидностью обнаруживается присутствие балтийского слоя, уместно разделить на п я т ь субареалов, из которых только первый из нижерассматриваемых достаточно богат гидронимическими балтизмами и органически продолжает череду ранее указанных субареалов балтийской гидронимии. Эти «северные» субареалы — западно-двинский, приильменский (или южно-ильмен-

ский), псковский, верхневолжский и северно-новгородский (прибалтийский).

Лишь вкратце можно здесь обозначить состав этих субареалов, не вдаваясь в подробности интерпретации (благо они представлены в соответствующих работах) и не ставя перед собой задачу только даже относительно полного перечисления «балтийского» состава этих субареалов. Разумеется наиболее представительным из них является з а п а д н о-д в и н с к и й, о котором можно судить по таким балтийским (или подозреваемым в «балтийскости») гидронимам, как: *Аржать*, *Березай*, *Березайка*, *Болдырка*, *Ведето*, *Велеса*, *Велькот*, *Витьба*, *Волкот*, *Волкота*, *Витьба*, *Волта*, *Выдра*, *Вята*, *Вятица*, *Габза/Гобза*, *Дебреисовка*, *Дербитка*, *Дисна*, *Добрейка*, *Добренье*, *Дрисвята*, *Дрис(с)а*, *Друйка/Друянка*, *Заполенка*, *Жаберка*, *Жадринка*, *Жадринская*, *Жадро*, *Жадрянка*, *Жереснея*, *Жижна*, *Ильха*, *Индрица*, *Ис(с)а*, *Каспля*, *Клевичанка/Клевичинка*, *Кривина*, *Кривка*, *Лутесенка*, *Лучеса*, *Майлюпе*, *Майлюке*, *Майля*, *Межа*, *Мереть*, *Мерица*, *Нача*, *Оболь*, *Обша*, *Окча*, *Олтечко*, *Орденка*, *Б. и М. Осуни*, *Осуния*, *Пелено*, *Перханка*, *Поддисна*, *Равкета*, *Сария*, *Сарьянка*, *Сверетица*, *Свино*, *Сволна*, *Сереженька*, *Серемо*, *Серемуха*, *Сертейка*, *Сична*, *Скайста*, *Скобрянка*, *Сопото*, *Струнка*, *Суя*, *Торопа*, *Удрайка*, *Удран*, *Ужачь*, *Ужо*, *Ужица*, *Ул(л)а*, *Усвея*, *Успол*, *Уща*, *Червятка*, *Черемица*, *Чернейка*, *Чернния/Чернуя*, *Шевенка*, *Шлина*, *Шлино*, *Шлинское*, *Эсса* и др.

В п р и и л ь м е н с к о м (южно-ильменском) субареале можно выделить гидронимы: *Верготь*, *Волма*, *Допша/Добизня*, *Дубелье*, *Ильзна*, *Крупка*, *Ловать*, *Насва/Удрай-Насва*, *Неденка/Недейка*, *Порусья*, *Русса*, *Снежа*, *Тулебля*, *Удрая/Удрай-Насва*, *Удрайка*, *Чежа*, *Шлинец*, *Шлинка* (ср.*Слено*), *Явонь* и др.

Находящийся к западу п с к о в с к и й субареал включает в свой состав такие балтийские по происхождению гидронимы, как-то: *Бебро*, *Велькота*, *Велькотка*, *Вержа*, *Вяда*, *Говье/Наговье*, *Дегна*, *Жадро/Жадрецо*, *Кудепь*, *Лаб(б)е*, *Лабенка*, *Ласамница*, *Лида/Лидва/Лидовка*, *Лимно*, *Лусня*, *Майленка*, *Насва*, *Осмониха*, *Пейпус(?)*, *Плюс(с)а*, *Рдейское* оз., *Редья*, *Сертика/Сертик*, *Сороть/Сорать*, *Стабно*, *Темель*, *Уда*, *Удинка*, *Удриха*, *Цевло*, *Цевла*, *Цевля* и др.

К северу и северо-востоку от псковского находится с е в е р н о-н о в г о р о д с к и й (или прибалтийский) субареал. Он насчитывает небольшое количество гидронимических балтизмов, но удивляться приходится не немногочисленности их, а самому присутствию их в этом месте, ср.: *Ильжо*, *Илжо*, *Илжонское*, *Лидь*, *Лидьма* (*?*Тихв.у.), *Ли-*

мин/Лимень/Леманъ, *Нотика*, *Нотея* (деревня),*Овнова/Обнова* (*?*), *Серема*, *Тосно* и др. Не все относящиеся сюда примеры надежны, но нет сомнения, что балты и здесь оставили свой след. Объяснять ли его вторичным переносом названий, вызванным частичными миграциями к северу (уместно вспомнить, что некоторые группы балтов в древности проникли даже в южную Финляндию, одно из древних племен которой, обозначаемое как *ямь*, др.-русск. *ѣмь*, хранит балтийский корень *zem-* (*žem-*) 'земля', букв.—'низкая', 'низменная')[19], инфильтрацией самих названий в отрыве от балтийского населения или как-то иначе,—не вполне ясно. Но в любом случае эти балтизмы образуют северный предел распространения балтийской гидронимии, если не считать нескольких «сумасшедших» балтизмов еще севернее, которые пока уместнее объяснять игрой случая.

К востоку, а отчасти и к северо-востоку от западнодвинского субареала в верховьях Волги от Валдайской возвышенности на западе до 36°/37° восточной долготы на востоке простирается верхневолжский субареал, насчитывающий несколько десятков бесспорных или близких к бесспорности балтийских гидронимов, ср.: *Бутень*, *Вазуза*, *Вержуни*, *Вережунка*, *Весеча*, *Волга*, *Волго*, *Воржика*, *Ворча*, *Держа*, *Допша*, *Допшо/Допши*, *Дрогоча*, *Жукопа*, *Журедайно/Журидобино*, *Завля* (< **Залвя*), *Залвинское*, *Б и М. Исня*, *Ильжа*, *Кемка*, *Кимры*, *Кудь*, *Кревка*, *Липшо/Липшово*, *Лусня*, *Меленка*, *Меслинка*, *Митенка*, *Морожа*, *Морожи*, *Нереmo*, *Озарон*, *Окча*, *Орленка/Орлинка*, *Орша*, *Пелено*, *Пено*, *Персянка*, *Песна*, *Рудома*, *Руна*, *Руница*, *Рунский*, *Саремо/Серема/Серемно/Серемуха*, *Середенск*, плес, *Скобр/Скобра*, *Слено*, *Спировка*, *Стергут/Стергуто*, *Стерж/Стержъ/Стреж*, *Торопа*, *Б. и М. Ула*, *Цна*, *Цыновля*, *Шлина*, *Шлино*, *Шлинка*, *Щебереха* и др.

Особое значение имеет правдоподобная балтийская этимология названия Волги. Если это так (а балтийский контекст верховьев Волги несомненен), то локус называния Волги лежал в самых ее истоках, а субъектом называния были балты. При всех прочих попытках объяснения этимологии названия Волги[20] не обращается внимание на то, что названия рек, как правило, даются обитателями их верховий и распространяются вниз по течению. Предположение о том, что Волга имеет славянское название, делает этот случай совершенно уникальным: ни одна действительно крупная (а в этом случае речь идет о самой крупной реке Восточной Европы) река в восточноевропейском «славянском» пространстве не имеет славянских названий, и сла-

вяне усваивали себе уже готовое «чужое» название. В конкретной ситуации, когда славяне оказались в верховьях Волги (а именно в верховьях ее они впервые встретились с рекой) в этом субареале балтийский элемент преобладал над финноязычным, отчасти оттесняемым балтийским, о чем свидетельствует густой балтийский гидронимический слой именно в верховьях Волги. Существуют аргументы, которые склоняют к предположению, что по приходе в эти места раннеславянского населения оно застало здесь балтов, и позже на этой территории скорее всего оформился своего рода «балто-славянский» (вторичный) симбиоз, приобретший особую окраску в свете предполагаемого «балтизма» древних кривичей или во всяком случае их сильной «балтизации» на пути с запада на северо-восток. Другая существенная характеристика этого микроареала состоит в том, что он не является изолированным, но органически вписывается в несомненно более широкий контекст балтийской гидронимической зоны (см. выше): с запада, юго-запада, юга и юго-востока верховья Волги соприкасаются с ареалами именно этой зоны. И наконец, третья важная особенность верхневолжского (в узком смысле слова) пространства состоит в р е ш и т е л ь н о м преобладании балтийской и славянской гидронимии над финноязычной, разумеется, присутствующей и тут, но в существенно меньшем количестве, чем на смежных территориях к востоку, северо-востоку, северу и северо-западу. При этом характерно, что относительно крупные (в масштабе этого пространства) водные объекты тяготеют к балтийской форме их именования, а мелкие — к славянской.

На этом «густом» балтийском фоне предположение Н. С. Трубецкого о балтийском происхождении названия Волги получает многочисленные подкрепления и приобретает статус, пожалуй, наиболее правдоподобного объяснения этого названия, что, однако, не исключает появления новых аспектов проблемы при введении ее в более широкий аспект. Суть идеи Трубецкого относительно названия Волга — в понимании слова Волга как обозначения д о л г о й (длинной) реки, причем значение долготы выражено в балтийском языковом коде, ср. лит. *ilgas* ‘долгий’, ‘длинный’, лтш. *ilgs*, прусск. *ilga*, *ilgi*[21].

Весьма характерно, что на балтийских территориях Прибалтики корень *ilg-* в десятках случаев используется для обозначения водных объектов[22]. При этом существенно, что этим корнем *ilg-* весьма часто кодируются названия именно озер: всякая река д о л г á хотя бы потому, что долгота-длина любой реки всегда в огромное число раз превы-

шает ее ширину, и в этом смысле «долгота» реки несет слишком малую информацию о ней в отличие от «долготы» озера, для которого указание этого его качества весьма информативно и подчеркивает значительное преобладание (в этом случае) «долготы» (длины) над шириной. Строго говоря, физиографически «долгие» озера образуют о с о б ы й подкласс общего класса озер, причем такой, который часто происходит из р е к и в местах ее расширения из-за особенностей берегового ландшафта, течения реки и других причин.

Об этих соображениях полезно помнить при изучении ситуации, в которой реке было дано название *Волга*. Отсылая читателя к другой работе на эту тему[23], здесь достаточно отметить роль «исторических» изменений в структуре сложной системы объектов, составляющих верховье Волги, и роль привходящих (сезонных, атмосферных, технических и т. п.) обстоятельств в объяснении ономастической ситуации. В данном случае приходится довольствоваться кратким напоминанием о гидроструктуре современной Волги на протяжении первых ста верст ее течения, за которой узреваются и более ранние этапы этой гидроструктуры. Вытекая узким ручейком (Волговерховский) из сруба, река встречает на своем пути целый ряд о з е р[24], все более учащающихся и возрастающих в своей величине (прежде всего — в длине-долготе). После первых двух озерных образований, представляющих собой относительно небольшое расширение речки (Малый Верхит и Большой Верхит), верст через пять после Большого Верхита Волга достигает озера Стерж длиной в 12 верст, а через две версты — двух соединенных друг с другом нешироким проливом озер Вселуг и Пено, общая длина которых более 20 верст (при ширине в 2—4 версты). При таком соотношении «речных» и «озерных» участков течения Волги, «речные» участки представляются короткими соединениями серии озер или даже одного «прерывистого» озера. После озера Пено через 41 версту Волга достигает следующего озера с одноименным названием *Волго*. Его длина достаточно велика (разные источники называют эту величину различно — от 7 верст и более) и во всяком случае в несколько раз превышает его ширину. Волго — последнее по течению Волги озеро в верхнем ее течении. При закрытом Верхневолжском бейшлоте (голл. *bijslot*), плотине, с помощью которой в верховьях реки образуется своего рода водохранилище, поддерживающее высокий уровень реки и делающее возможным судоходство и во второй половине навигации (этот бейшлот находится сразу же за озером Волго, ниже его по тече-

нию), двуединое озеро Вселуг — Пено и озеро Волго сливаются вместе, образуя о д н о обширное озеро протяжением не менее 60 верст (существуют и несколько отличные варианты определения его длины). Если присоединить к этой цепи озеро Стерж и даже оба Верхита, то протяженность этого, в определенную часть года почти непрерываемого, озера составляет немногим меньше ста верст. Самое интересное, однако, состоит в том, что по́зднее по времени строительства и вполне искусственное техническое гидросооружение, по сути дела, в о б щ и х чертах на время восстанавливает ту ситуацию, которая характеризует гидроструктуру этого пространства в отдаленном прошлом, когда как следствие таяния ледника уровень вод здесь был несравненно выше. Многое, кажется, говорит за то, что верховья Волги могли образоваться на месте самого южного из «великих» озер «озерного» края на Северо-Западе России.

Балтийское прошлое территории, на которой находилось верховье Волги, позволяет сделать существенное обобщение — в руках древних б а л т о в были верховья трех великих рек Восточной Европы — Волги, Днепра и Западной Двины[25], которым уже в раннеисторический период предстояло сыграть важнейшую роль во внутренних и внешних коммуникациях Восточной Европы, в организации торговли, обмена, средств и путей сообщения. Остается добавить, что некоторые лингвистические тонкости (соотношение первого гласного в названии *Вълга*, из **Ulg-*, и балт. *Ilg-*, *ilg-*), смущавшие Фасмера при знакомстве с заметкой Трубецкого о балтийском происхождении названия Волги, получают свое объяснение в данных, оставшихся вне пределов внимания немецкого слависта[26].

Бросая взгляд на перечисленные выше субареалы балтийской гидронимии на Северо-Западе России и подмечая, что отношения между ними могут быть квалифицированы в значительной степени как диалектные (или близкие к ним) и представлены как крупный фрагмент «гидронимической» диалектологии — и славянской (прежде всего), и балтийской, существенно перекрываемой славянской, нельзя не заметить, что намеченные исходя из сочетания языковых и физиографических критериев гидронимические субареалы в высокой степени совпадают с выделяемыми теперь диалектами этого же региона[27].

Верхневолжский балтийский гидронимический субареал занимает крайнюю северную и крайнюю восточную позицию к северу от Москвы и поэтому он представляет особый интерес для определения север-

ной, северо-восточной и восточной границы балтийского слоя на этих широтах. По этой же причине интерес вызывает и территория к югу и юго-востоку (отчасти и к юго-западу) от Москвы, приближающая исследователя к определению юго-восточной и восточной границы к юго-востоку и востоку от Москвы. Основное место в этом пространстве занимает бассейн Оки. Несмотря на незавершенность исследования балтийской гидронимии Поочья предварительно можно говорить о трех-четырех сотнях балтизмов в этом ареале, хотя в большинстве случаев эти балтизмы менее ярки, чем в бассейне Верхнего и Среднего Днепра и Белоруссии. Существенно отметить, что левобережная часть бассейна Оки заметно богаче балтизмами, чем правобережная часть, где они становятся все более и более редкими. Поочье в отношении балтийского слоя целесообразно членить не только по вертикали (в основном), но и по горизонтали, с уверенностью выделяя два субареала — в е р х н е о к с к и й и с р е д н е о к с к и й (о гидронимии бассейна р. Москвы, как и о нижнем Поочье, см. ниже). Понятно, что здесь может быть приведена лишь относительно небольшая часть примеров.

Среди балтийских гидронимов в е р х н е о к с к о г о субареала здесь сто́ит отметить такие, как-то:

в в е р х н е м л е в о б е р е ж ь е — *Бутынь*, *Мелынка*, *Мезинка*, *Савенка*, *Нугрь*, *Локна*, *Цканка*, *Клетенка*, *Чиченка*, *Паленка*, *Ламенка*, *Домашов*, *Турея*, *Велья*, *Мажок*, *Обля*, *Десенка*, *Варзенка*, *Кипятка*, *Аполка*, *Жиздра*, *Жиздрица*, *Шершинка*, *Сенет*, *Ослинка*, *Ослянка*, *Которянка*, *Драгошанка*, *Брынь*, *Леменка*, *Дрисенка*, *Щева*, *Лукосна*, *Другусна*, *Орденка*, *Ординка*, *Бестань*, *Серена*, *Серенка*, *Мерея/Мирея*, *Мирейка*, *Тушинка*, *М. Радопля*, *Рес(с)ета*, *Желанейка*, *Миленка*, *Ловать*, *Жизна*, *Сусейка*, *Сусенка*, *Обельна*, *Абельна*, *Абольня*, *Абелейка*, *Босна*, *Вытебеть*, *Витебеть*, *Сороча*, *Тусца*, *Рес(с)еть*, *Велейна*, *Пальна*, *Ордынка*, *Ардынка*, *Вертеба*, *Купренка*, *Лузгинка*, *Птора*, *Выс(с)а*, *Киркрея*, *Киркрейка*, *Вежовка*, *Шерна*, *Кванка*, *Угра*, *Бушенка*, *Семиченка*, *Светинка*, *Капорка*, *Турейка*, *Верговка*, *Гордота*, *Колденка*, *Корея*, *Карейка*, *Недел(ь)ка*, *Деменка*, *Вобста*, *Волста/Вольста/Волоста*, *Залазенка*, *Матарушка*, *Жижала/Жижила*, *Дряголовка*, *Толжа*, *Никота*, *Истра*, *Вобжа*, *Осма*, *Веля*, *Кочеса*, *Саполенка Кзапня*, *Колтянка*, *Цеделка/Цыдель*, *Цыделка*, *Сволонка*, *Черменка*, *Удва*, *Удка*, *Верешка*, *Крутолка*, *Желонья*, *Шаня*, *Шанка*, *Рута*, *Велинка*, *Антуповка*, *Сетунка*, *Вепрея*, *Вепрейка*, *Ужеперт*, *Слоча*,*Слочья*, *Желанейка*, *Лосьменка*, *Лосьминка*, *Ужетка*, *Рес(с)а*, *Уса*, *Усия*, *Сарпея*, *Ужать*, *Орля*, *Можай*, *Можайка*, *Пополта*, *Долженка*, *Туросна*, *Тусна* и др;

в верхнем правобережье — *Очка*, *Кнубрь*, *Воин*, *Зуша*, *Зушица*, *Сетунской*, *Велья*, *Велье*, *Мцена*, *Мецна*, *Жимаринка*, *Тушинка*, *Иста*, *Журенка*, *Жужал*, *Упа*, *Деготня*, *Вепрея*, *Плава*, *Мизгея*, *Мезгея*, *Уперта* / *Упертъ*, *Моржовка*, *Упка*, *Упица*, *Спорелка*, *Шат*(*а*), *Стубленка*, *Волотея*, *Волоть*, *Волостея*, *Волконь*, *Волкона* и др.

В среднеокском субареале на принадлежность к балтийскому слою претендуют:

в среднем левобережье — *Угра*, *Деготня*, *Негра*, *Полея*, *Леменка*, *Таруса*, *Иноча*, *Велья*, *Протва*, *Чичера*, *Исма*, *Сажелка*, *Мжут*, *Нара*, *Ильма*, *Война*, *Турейка*, *Истья*, *Турья*, *Веля*, *Велейка*, *Москва*, *Цна*, *Жидель*, *Велье*, *Дрисела*, *Ушна*, *Ламша* и др.;

в среднем правобережье — *Черепеть*, *Желенка*, *Дугна*, *Жежелна*, *Вепрея*, *Вепрейка*, *Аболовка*, *Велья*, *Кледейка*, *Блиденка*, *Осьма*, *Восьма*, *Серена*, *Серенейка*, *Жежельской*, *Жуполов*, *Натажела*, *Чечора*/*Чичора*, *Осетр*, *Вардунов верх*, *Веркуша*, *Веркошь*, *Алитовка*, *Малынь*, *Туренка*, *Клевеченка*, *Моржовка*, *Мелинка*, *Велина*, *Каптелка*, *Матыр*(*к*)*а*, *Вобля*, *Першня*, *Меча*, *Рустелка*, *Купелка*, *Ведерка*, *Истья*, *Выжолка*, *Вилинка*, *Даберка*, *Вальшута*, *Верда*, *Уда* и др.

С известным основанием можно говорить и о нижнеокском субареале, где балтизмов мало, но среди имеющихся такие яркие и бесспорные, как: *Осьма*, *Восьма*, *Вобля*, *Блиденка*, *Дрисела*, *Дугна*, *Вепрея*, *Серена* и др., кстати, встречающиеся и в среднеокском субареале. Разумеется, можно предполагать миграцию самих названий к востоку, в которой сами балты могли и не принимать участия, но данные, относящиеся к балтийским заимствованиям в мордовском (как и в других поволжско-финских языках), склоняют к допущению, что была инфильтрация какой-то части балтийского населения в земли по нижнему течению Оки. В другом месте окские гидронимические балтизмы будут рассмотрены особо.

Балтийский гидронимический клин, направленный к востоку, глубоко вторгается в Подмосковье, достигая междуречья р.Москвы и Оки в месте впадения первой во вторую (впрочем кое-какие гидронимические балтизмы отмечены и восточнее этого клина). Так как бóльшую часть Подмосковья в широком смысле слова занимает бассейн р. Москвы, то есть основания говорить и о москворецком субареале балтийской гидронимии. В этом москворецком пространстве отмечено около трехсот гидронимических балтизмов — от весьма ярких (реже)

до более бледных и иногда не вполне очевидных. Если же учесть, что к Подмосковью примыкают частично некоторые территории, образующие дугу, идущую с северо-запада на юго-восток, то весь москворецкий локус с указанными дополнениями образует более или менее однородное пространство, в котором насчитывается (приблизительно) до четырехсот гидронимов балтийского (или подозреваемых в «балтийскости») происхождения. Чтобы не разрушать картину «москворецкого» целого с его ближайшим окружением, уместно назвать ряд составляющих его балтийских гидронимов, в нескольких случаях повторяя и ранее уже отмеченные балтизмы вне москворецкого (в узком смысле слова) субареала. Ср.: *Алтынист*, *Алчанка*, *Батынка*, *Белейка*, *Бесенка*, *Бессулинка*, *Болва*, *Боринка*, *Брукель*, *Бунятка*, *Бутень*, *Бутынка*; *Важаночка*, *Вазуза*, *Веля*, *Велья*, *Велеса*, *Верзинка*, *Вилейка*, *Вилия*, *Волшня*, *Ворванка*, *Воржинка*, *Ворсинка*, *Ворча*, *Восьма*, *Вырваны*; *Гжать*, *Гжелка*, *Гозбуже*, *Голедянка*, *Греда*; *Дорченка*, *Дерельня*, *Держа*, *Дерзна*, *Деркулька*, *Дидейка*, *Дрезна*, *Дрогоча*, *Дуба*, *Дугна*; *Ендова*,; *Жежмянка*, *Желанейка*, *Желема*, *Жетанка*, *Жижала*, *Жижмель*, *Житойка*, *Жукопа*; *Заменка*, *Зерия*, *Издетель*, *Ильятенка*, *Иночь*, *Иснушка*, *Иснышка*, *Исня*, *Истонка*, *Истоя*, *Истра*; *Каденка*, *Калятинский*, *Карженка*, *Кастинка*, *Катышка*, *Келенка*, *Кзелка*, *Кледейка*, *Клеткина*, *Колоча*, *Комеча*, *Криста*, *Кубрь*, *Курица*; *Лама*, *Ланка*, *Лашутка*, *Литинка*, *Лобь*, *Лосьмина*, *Лоша*, *Лусенка*, *Лусанка*, *Лусица*, *Макулка*, *Марвинка*, *Матренка*, *Меденка*, *Медынка*, *Мезинка*, *Мемеиха*, *Мерегель*, *Метиха*, *Можайка*; *Нагатино*, *Нара*, *Непрета*, *Нетынка*, *Нудаль*, *Нудыль*; *Ока*, *Оканица*, *Ольсафка*, *Осенка*, *Осень*, *Осьмина*, *Отра*; *Полея*, *Понар*, *Понора*, *Протва*, *Ража*, *Руза*, *Рукапа*, *Рутъ*; *Салита*, *Сарповка*, *Селеня*, *Селитенка*, *Сетка*, *Сетовка*, *Сетунь*, *Силинка*, *Скоба*, *Скобра*, *Сколба*, *Скородайка*, *Сморжинка*, *Солка*, *Спировка*, *Стебелька*, *Стеблянка*, *Стербинка*, *Субита*; *Тара*, *Таруса*, *Титель*, *Толжа*, *Турейка*, *Тяжинка*; *Угра*, *Ужепа*, *Ула*, *Улупинка*, *Усия*, *Уча*, *Ушанка*, *Ушбица*, *Ушна*; *Циделъ*; *Чачинка*, *Чекень*, *Челвянка*, *Чермянка*, *Чертолино*, *Чечера*/*Чечора*, *Чисьмена*, *Чичата*, *Чичатка*, *Шана*, *Шипуленка*, *Шустъ*, *Шутинка*, *Якоть* и др.[28]

Наконец, следует отметить еще один локус балтийской гидронимии, обнаруженный в самое последнее время. Он расположен к востоку от среднеокского субареала, в верхнем течении Дона и может быть назван в е р х н е д о н с к и м. Естественно, что в столь удаленном на восток пространстве трудно ожидать сколько-нибудь густого балтийского слоя. И, действительно, в настоящее время можно говорить о двух-трех десятках гидронимических балтизмов в этом субареале, но

все они правдоподобны, а некоторые бесспорны. Во всяком случае в принадлежности к балтийскому слою можно подозревать такие гидронимы, как *Дриска*, *Смолка*, *Табола*, *Деготенка*, *Мжара*, *Доробинка*, *Сквирня*, *Мечь и Меча*, *Латышек* (разумеется, позднего происхождения), *Тюртень* (< **Туртень*) *Сосна*, *Щигор*, *Скороденка*, *Кастора*, *Пальна*, *Верейка*, *Ведуга*, *Лопайка*, *Матыра*, *Матренка*, *Скобенка*, *Снежеток*, *Плавица*, *Плавушка*, *Малейка* и др.

За этой густотой балтийской гидронимии Восточной Европы и за особенностями ее распределения в пространстве стоят реальности, связанные с балтийскими этническими группами в Восточной Балтии, их распределением в ней и с соответствующими проблемами исторической демографии. Данные языка и в этом отношении оказываются лучшим и, во всяком случае, первым проводником в эту область.

Поскольку факты балтийской гидронимии массовидны, многие гидронимы повторяются в разных субареалах (и нередко многократно) и иногда в несколько различной форме, кроме того, в целом ряде случаев один водный объект имеет ряд вариантов его названия и т. п., выявляются некоторые основания для постановки вопроса о д и а л е к т а х балтийской речи Восточной Балтии и о соответствующей д и а л е к т о л о г и и[29]. Первые шаги (разумеется, весьма робкие) в этом отношении были сделаны еще в начале 60-х годов. Задача дальнейшего продвижения в этом направлении очень сложна, поскольку проблема балтийской диалектологии Восточной Балтии связана не только с пространственным, но и с временны́м аспектом. Дело в том, что балтийские гидронимы в той конкретной языковой форме, в которой они дошли до нас, р а з н о в р е м е н н ы и отражают разные исторические периоды аккомодации балтийского языкового наследия славянами, разные этапы в контактах славянского и балтийского элементов. Исследование этих контактов не может быть плодотворным, если неизвестна доля «славянского» и «балтийского» в каждой конкретной форме балтийского гидронимического словаря. Следовательно на очереди задача «расщепления» всего этого балтийского лексического фонда на собственно балтийскую часть, подлежащую реконструкции, и славянскую, отсылающую к тому состоянию славянской речи, когда она вошла в контакт с балтийской и стала усваивать балтизмы. Эта задача очень сложна, поскольку именно в отрезке V—XII вв., когда «восточнославянский» вариант праславянской речи вошел в контакт с бал-

тийской речью Восточной Балтии, в праславянском произошли те судьбоносные изменения, которые нарушили былую близость, делавшую возможным высокую степень взаимопонимания и говорения на достаточно близких диалектах. В самом деле, до V—VI вв. в праславянском произошли языковые (фонетические) изменения, отчасти сходные с тем, что в несколько ином объеме имело место и в балтийских языках, а именно: потеря конечных *-t*, *-d*, проведенная гораздо радикальнее, чем в балтийском, появление протезы перед начальными *u-* и *i-* (> *vu-*, *ji-*), утрата *j* в сочетании с согласными (этот процесс был, видимо, многоступенчатым и продолжался, вероятно, до VIII в.),— явления, в той или иной мере разделявшиеся и балтийской речью. Единственный процесс, который существенно отделял в первой половине I-го тысячелетия н. э. праславянский от балтийского, состоял в упрощении групп согласных. Зато содержание процессов фонетических изменений праславянского во второй половине того же тысячелетия все более уводило праславянский от балтийского, который, если и подключался к общей тенденции, то делал это или позже, или лишь в отдельных своих диалектах, или сочетая одно и другое. Среди этих процессов, пережитых праславянским, были потеря конечного *-s*; появление протезы *j-* перед $_{e}a$ и, возможно, *w-* перед $_{o}a$; первая палатализация задненебных; первая делабилизация «округленных гласных» $_{o}a > a$, $_{o}\bar{a} > \bar{a}$; монофтонгизация дифтонгов с неслоговым $\underset{\smile}{u}$; монофтонгизация дифтонгов с неслоговым $\underset{\smile}{i}$; вторая палатализация задненебных, не проведенная, однако, в ряде диалектов, контактировавших с балтийской речью; возникновение новых гласных; третья палатализация задненебных; диалектное упрощение *tl*, *dl* в *l*; делабилизация $\bar{u}$ в *y*; метатеза в группах *ort-* и *tort* и т. д. вплоть до потери еров в X—XII вв.[30]

Перечень этих фонетических изменений в VI—XII вв. в праславянском и особенно их относительно-хронологическая последовательность есть мера постепенной утраты языковой общности праславянского с балтийским, но отчасти и мера сохранения этой близости, когда обе идиомы переживали общие процессы. Первая мера говорит о расшатывании и постепенной утрате конкретного и достаточно полного взаимопонимания при языковом общении. Вторая мера отсылает к тому объему языкового взаимопонимания, которое продолжало еще существовать. Как бы то ни было, но, видимо, нужно признать, что при первых встречах славян с балтами на территории Восточной Балтии, вероятно, существовала ситуация междиалектного обще-

ния, когда каждая сторона могла говорить на своем «диалекте» в надежде быть понятой своим инодиалектным собеседником. Разумеется, что взаимопонимание, видимо, уже сначала было относительно ограниченным, но на прагматическом уровне оно могло считаться удовлетворительным, тем более что лексический состав обеих идиом в значительной части был общим, в другой части существовала система перекодировок, и только в третьей, со временем все более возраставшей, части взаимопонимание нарушалось. Однако в этом последнем случае компенсация потерь, вероятно, отражала утраты: балтийское население Восточной Балтии овладевало славянской речью сначала как вторым своим языком (диалектом) наряду с сохранявшимся своим языком, а позже переходило на славянскую речь полностью, теряя свой балтийский язык. Для понимания роли балтийского слоя в русской истории описанная языковая ситуация в Восточной Балтии VI—XII вв. чрезвычайно важна: она объясняет многие неясности и загадки, в частности, и загадку «тихого», как бы незаметного органического растворения балтийского элемента в восточнославянском[31].

И тем не менее об этом процессе растворения можно судить по тому «осадку», который все-таки остался нерастворенным. К этому «осадку» относятся прежде всего апеллятивные балтийские заимствования, но не относительно недавние и сделанные не в зоне живых контактов восточнославянских языков (особенно белорусского и русского) с балтийскими (литовским, латгальским, латышским), но и не там, где в прошлом балтийский элемент никогда не присутствовал. Иначе говоря, если иметь в виду поиск архаичных лексических балтизмов в восточно-славянских языках, отмечаемых в словарях, то в «осадке» могут оказаться балтизмы с пометами смолен., тверск., ржевск., торопецк., моск., подольск. серпух., рязан., тульск., калужск., орловск., севск., брянск., курск., черниг., львовск., влад-волынск., ровенск., терноп., житом., балтизмы же с пометами казан., симбир., сарат., уфимск., и тем более ростовск., краснодарск., терск., тифл., перм., уральск., екатериносл., тобольск., оренб., томск., новосиб., красноярск. практически могут быть опущены из рассмотрения из-за невозможности объяснить, как они оказались в этих местах, тогда как балтизмы с пометами гродн., минск., брест., полоцк., витебск., могил,. гомельск. и т. п. с рассматриваемой здесь точки зрения могут быть опущены (по крайней мере, в большинстве случаев), поскольку, напротив, их происхождение и время заимствования чаще всего слишком хорошо объяснимо.

Поэтому наиболее информативными должны считаться балтизмы с «адресами» первой из упомянутых групп. Разумеется, и в ней далеко не все ясно, но в таких случаях нередко приходят на помощь данные о локализации балтизмов не только в указанных местах, но и весь их ареал. Если балтизм присутствует не только в русском и украинском, но и в белорусском, то шансы обнаружить архаичный балтизм сильно возрастают (хотя пока выявлено только семь таких примеров, в отношении которых, однако, тоже нет полной уверенности в их возрасте). Тем не менее статистика балтийских заимствований в разных славянских языках и данные, относящиеся к пространственно-языковой группировке балтизмов, небесполезны при поисках «балтийского» осадка в современных славянских языках. В словаре балтизмов в славянских языках[32] насчитывается около 800 балтийских заимствований, причем следует напомнить, что в данном случае речь идет о количестве балтийских лексем, а не о количестве их отражений в разных языках и диалектах Славии, которое многократно превышало число балтийских лексем, заимствованных славянскими языками. К общему числу славянских апеллятивных заимствований следует добавить весьма значительное большинство слов из списка лексем, балтийское происхождение которых недостаточно аргументировано (общее число таких слов приближается к 270). Таким образом уже сейчас можно говорить приблизительно о тысяче славянских балтизмов, существенно увеличивающих старый «осадок» из архаичного балтийского слоя. При этом — и это должно быть подчеркнуто сразу же — указанное количество балтизмов нужно существенно увеличить (см. отчасти ниже). Сто́ит обратить внимание на то, что по мере увеличения диалектных словарей балтийских языков и особенно славянских собраний диалектной лексики количество балтизмов с достаточной регулярностью увеличивается. Гидронимические балтизмы в свою очередь помогают выделить еще целую группу балтийских лексем, не засвидетельствованных в апеллятивной лексике.

Разумеется, славянские языки неоднородны в отношении объема представленных в них балтизмов в области лексики. Более всего их в белорусском языке — более 500, далее следуют польский — около 400, русский — более 200, украинский — более 60. Количественные данные, относящиеся к другим языкам, на несколько порядков скромнее, и они или определенно не предполагают непосредственных контактов с балтами, или вызывают некоторые сомнения в их надежности, или,

наконец, могут быть объяснены как-то иначе. С ареальной точки зрения существенны и некоторые другие количественные характеристики, относящиеся к группировкам балтизмов по пространственно-языковым критериям. Так, в ч е т ы р е х языках (белорусском, польском, русском, украинском[33]) распространены 38 общих балтизмов апеллятивного типа. В т р е х языках выявлено 58 общих балтизмов, причем более дифференцированное распределение выглядит следующим образом: в белорусском, польском и русском — 40 общих балтизмов, в белорусском, польском и украинском — 10, в белорусском, русском и украинском — 7, в белорусском, польском и чешском — 1. В д в у х языках насчитывается 135 общих балтизмов, а именно: 81 общий балтизм в белорусском и польском, 36 — в белорусском и русском, 12 — в польском и русском, 5 — в белорусском и украинском, 1 — в русском и украинском. Балтизмов, которые распространены только в о д н о м языке 554, из них в польском — 222, в белорусском — 220, в русском 108, в украинском — 4. При осторожном и пространственно-дифференцированном анализе эти данные раскрывают не только историю балтийских слов, усвоенных населением Славии, но и могут бросить луч света (особенно в отношении ядра Восточной Балтии) на то, как и в каких своих частях это пространство было обжито балтами.

Во всяком случае, опираясь на заимствования из древних балтийских диалектов Восточной Балтии, сохранившиеся в восточнославянских диалектах, можно извлечь многое не только в чисто языковом плане, но и в плане реконструкции основных черт того мира, в котором жили древние балты. Если гидронимические заимствования отсылают в основном к сфере п р и р о д ы и позволяют восстановить семантическую мотивировку водных названий, предопределяемую физиографическими особенностями объекта и его окружения (особенности течения и берегов, свойства воды — цвет, скорость течения, вкус, запах, характер дна, окружающий ландшафт и т. п.), то апеллятивные заимствования из языка древних балтов помогают восстановить некоторые черты их культуры — хозяйственных занятий (земледелие, животноводство, рыболовство, охота, лесное хозяйство, в частности, деревообрабатывающие ремесла и продукты переработки древесины), особенностей дома-жилья и хозяйственных построек, предметов домашнего обихода, пищи и напитков, одежды, обуви, украшений, сферы отвлеченных понятий, в частности относящихся к религии и культу. Вместе с тем апеллятивные заимствования из балтийской речи насельников

Восточной Балтии могли отражать отчасти и те объекты флоры и фауны, которые имели потребительское значение, физиографические объекты и т. п. Представляется, что состав этих заимствований в языке раннеславянских пришельцев в Восточную Балтию (а в значительной степени не столько заимствований, сколько сохранившихся пережитков собственно балтийской речи этих мест) едва ли сильно отличался от соответствующей части относительно поздних заимствований, имевших место в значительной части Белоруссии и на Северо-Западе России, т. е. на бывших балтийских территориях. Во всяком случае сказанное относится к той части хозяйственной (а отчасти и природной) терминологии, которая отражает неизменность ситуации во всем ареале балто-славянских контактов с VI в. до XX в.[34]. Поэтому можно думать, что архаичный слой балтийских заимствований в восточнославянских говорах также — в известном отношении — образует «взаимный осадок» древней речи населения Восточной Балтии.

Другой вид подобных «осадков» может быть реконструирован на основании выделения практически полных (или к ним приближающихся) лексических соответствий между «э к с п р е с с и в н ы м» словарем балтийских и славянских языков (для последних существенно, чтобы соответствующее слово было засвидетельствовано в восточнославянских, в частности, русском, языках). Обращает на себя внимание то, что во многих случаях исходная форма оказывается праславянской и что, следовательно, она отсылает к о б щ е м у элементу балто-славянского словаря. В этой ситуации существенно, что данное слово имело хождение в Восточной Балтии, т. е. в том пространстве, которое стало колыбелью восточнославянских племен и их раннегосударственных образований и которое некогда было балтийским. Нужно заметить, что, как правило, слова этого типа фиксируют балтийскую стадию своего развития, лишь частично славизируемую. Примеров этого рода весьма много, и они очень влиятельны (иногда настолько, что они становятся своего рода матрицами, по которым «штампуются» экспрессивные неологизмы). Здесь уместно привести лишь несколько таких балтославянских соответствий, для краткости сосредоточиваясь со славянской стороны на русских примерах).

Ср. слова, в основном глаголы, со структурой корня **mur-C-/*mъr-*C-: русск. *мурча́ть* ‘урчать’, ‘мурлыкать’ и т. п., укр. *мурча́ти*, блр. *мурча́ць*, *мы́рчець* (из **mъrčati*) — лит. *muřkti*, лтш. *murkstêt*, *murkstît*; — блр. диал. *мырч'а́ты* ‘моросить’ (из **mъrčati*) — лит. *muřkti*); др.-русск. *мордати* (из

**mъrdati* ‘двигать’, ‘совать’ и т. п.) — лит. *murdėti*, *mùrdyti*, лтш. *murdêt*; — русск. диал. *мóрдить*, *мы́рдить*, ‘дуться’, ‘сердиться’, ‘морщиться’ (из **mъrditi*) — лит. *mùrdyti*, лтш. *muřdinat*; — русск. *моргáть*, укр. *моргáти*, блр. *мóргáць* ‘моргать’, ‘мигать’ и т. п. (из **mъrgati*) — лит. *mirgėti*, *mìrgti*, лтш. *miřdzêt*, *но и mùrguôt*; — др. русск. *меркати*, диал. *мы́ркать*, укр. *мýркати*, *мúркати*, блр. диал. *мýркаць* ‘совокупляться’, ‘спариваться’, ‘ворчать’ и т. п. (из **mъrkati*) — лит. *muřkti*, лтш. *miřcît*; — русск. диал. *моркосúть* ‘быть в дурном настроении’, ‘беспокойно спать’, ‘моросить’ и т. п. (из **mъrkositi*) — лит. *murksóti*, *murksėti*, лтш. *murkš(ķ)êt*; — русск. диал. *мурмóлить*, *мормýлить* ‘бормотать’, ‘ворчать’ (из **mъrmъliti*) — лит. *murmuli(ú)óti*, лтш. *muřmuļuôt*; — русск. диал. *мормотáть*, укр. *мурмотáти*, *мармотáти*, блр. *мормотáць*, *мармытáць* ‘бормотать’, ‘ворчать’ и т. п. (из **mъrmotati*) — лит. *mùrmtelėti*, *marmatúoti*; — укр. *омерснутися* (?) (из **mъrsiti/sę/*) ‘загрязнять, ‘осквернять’ — лит. *muřsti*, *mursýti*, лтш. *muřkstêt*; др. русск. *морсканый* ‘морщинистый’, укр. *мóрскати(ся)* (из **mъrskati*); русск. диал. *морснýть*, укр. *морснýти*, диал. *морсонýть*, блр. диал. *марскануць* (из **mъrsknǫti*) — лит. *murkšnóti*, лтш. *muřškinât*; — русск. диал. *мóржить* (ср. выше **mъrgati*) — лтш. *muržêt*, лит. *murzėti* и т. п.

Ср. также слова с префиксом *ša-/še-*: русск. *шáболить* ‘колыхаться’ и т. п. *шабалá*, *шебалá* ‘лохмоть’ и др. — лит. *šabalióti*, *šẽbelnoti*, лтш. *šebinât*; — *шабáлдá*, ‘пустмеля’, ‘болтун’ *шабóлдать* и т. п. — лит. *šabálda*, *šabaldóti* и т. п.

Ср. также русск. *балдá*, блр. *балдá*, укр. *бáлдá* — лит. *baĨdai*, *báldis*, *-ė* (: *baldóti*, *bélsti*); — русск. *дундúть*, блр. *дундзéць*, *дундзіць* — лит. *dundėti*; — русск. *ды́лда*, блр. *ды́лда* — лит. *dìlda* (: *dìlti* лтш. *diĨt*); — русск. *гимзéть*, укр. *гимзíти* — лит. *gimžėti*; — русск. *грúмза*, *гры́мза* — лтш. *griȭža*, *grimza* (: лит. *grimžti*), лит. *grìmža*; — *шáмать* — лит. *šamóti*; — *шáмшить* — лит. *šemšióti*; — *шáрпать* — лит. *šarpoti*, *šarpúoti*; — *шамрúть* — лит. *šamurliúoti*, лтш. *šęmuruôts*; — *шаршáть* — лит. *šaršúoti*; — *шáстать* — лит. *šàstelėti*; — *шашúть* — лит. *šàšti* и т. п.[35]

Эти славяно-балтийские лексические соответствия в сфере «экспрессивного» в своем большинстве, как правило, на балтийской стадии фонетического развития, очень показательны именно потому, что экспрессивность отсылает к подчеркнутой и з о б р а з и т е л ь н о с т и слова, т. е. к сфере «поэтического», часто черпающего свои ресурсы в архаике бессознательного. К тому же, экспрессивно-поэтическое связано с творческим напряжением, волнением, энергией, дополнительным приложением сил, и все эти особенности этой сферы сообщают важную информацию об особом модусе и стиле поэтической речи и ее

словаря, небеспоследственную для восстановления, хотя бы в самом общем виде, одного из аспектов духовной культуры населения Древней Восточной Балтии и, более того, для суждения об определенных психоментальных комплексах носителей этой культуры.

Но есть еще один тип «балтийского осадка», представленный в Восточной Балтии, которая в этом отношении выступает как субстратная территория для утвердившегося на ней позже славянского населения. Этот случай может быть назван «языковым палимпсестом». Речь идет о ситуации, когда в языке-адстрате и особенно в языке-суперстрате проступают черты старой, в данном случае балтийской речи, которые могут сохраняться с относительной полнотой или же подхватываться уже новыми, свойственными славянскому языку *места сего* тенденциями. Среди многих явлений такого проступания языкового субстрата в суперстрате здесь уместно отметить три главных — 1) ареал аканья в современных русских (и белорусских) диалектах, в высокой степени совпадающий с балтийскими территориями Восточной Балтии; — 2) яканье, чей прерывистый ареал также тяготеет именно к старым балтийским землям (ср. «сильное» рязанское яканье в связи с прочно и долго державшимся в Среднем Поочье балтийским населением)[36]; — 3) разные общие виды палатализационных процессов, затрагивавших задненебные и зубные согласные и исключения из них (ср. сохранение задненебных в ситуации, предусмотренной второй палатализацией, в части кривичских говоров при отсутствии палатализации в части балтийских языков в положении перед гласными переднего ряда), наконец,— 4) синтаксические «балтизмы» в славянских говорах на территории древней Восточной Балтии и общую высокую степень конгруэнтности грамматических структур, фразеологии и т. п. Во всех этих случаях перед нами тот род подобия, который глубже конкретно-языковых различий в «материале» и который предполагает высокую степень конгруэнтности самих структур языка. Но и в этом подобии, если рассматривать его в исторической перспективе, различаются исходное и производящее («балтийское») и вторичное и производное («славянское»).

С 60-х годов нашего века археология подключилась к исследованию балтийских древностей Восточной Европы, и примерно за четыре десятилетия начала складываться та ее отрасль, которая может быть названа балто-славянской археологией. Ее важнейшая за-

дача — обнаружение балтийского слоя в Восточной Европе — его ареала и его хронологии, как они устанавливаются независимыми от иных источников знания средствами. В рассматриваемом здесь случае особый интерес представляют те обнаружения балтийского элемента, которые локализуются на территории, колонизированной восточнославянскими племенами, начиная с VI в. н. э. Более раннее прошлое балтов на этой территории поэтому здесь не рассматривается. За прошедший период в активе балто-славянской археологии оказались ряд раскопок, приведших к довольно или вполне достоверному обнаружению балтийского слоя, определенные конкретные наблюдения и более или менее общие выводы, получившие отражение в соответствующих исследованиях[37].

Пожалуй, диагностически наиболее важными являются археологические выводы, относящиеся к Подмосковью в широком смысле слова. Одним из интереснейших является открытие Троицкого городища на правом берегу р. Москвы в 17 км. выше Можайска. Оно возникло в IV—III в. до н. э. в связи с проникновением групп населения с верховьев Днепра и принадлежало москворецкой группе балтов вплоть до V—VI вв. н. э., т. е. в течение почти тысячелетия. Значение этого открытия состоит в том, что оно было первым наиболее развернутым и надежным свидетельством о «москворецких» балтах и их хронологии. Дело в том, что нижний археологический слой городища еще удерживает следы финно-угорского слоя, п о з ж е перекрытого балтийскими чертами.

Особое значение в связи с темой настоящей статьи имеет попытка реконструкции этнической картины Подмосковья на рубеже I и II тысячелетий н. э., т. е. непосредственно перед основанием Москвы (отрезок примерно в два века), по археологическим данным. В статье Р. Л. Розенфельдта, посвященной вопросу появления первых городов в Подмосковье, балтийский фон этого локуса не только признается, но и выступает как та этнокультурная реальность, с которой столкнулись проникающие сюда славянские племена (прежде всего вятичи). На основании данных, относящихся к погребальному обряду (автор датирует курганы с трупосожжением в Подмосковье временем до введения христианства, т. е. до конца X в.) и к т. наз. круговой керамике, начавшей распространяться у восточных славян преимущественно в 50-е годы X в., автор предлагает довольно точную («жесткую») датировку славянских поселений в Подмосковье. Так, им отмечается исключительно

важный факт датировки первых курганов с трупосожжением в Подмосковье: до конца X в. такие курганы отмечены, как правило, только в самых южных районах области, на правобережье Оки, в Каширском, Зарайском и Серебряноприудском районах, причем и здесь число таких курганов невелико. Эта особенность в распространении раннеславянских курганов с трупосожжением весьма характерна, если учесть важную роль Оки в этой части ее течения как границы между западной частью этого субареала, богатой балтизмами и восточной, где их несравненно меньше, но зато преобладают следы финно-угорского слоя. Таким образом, восточное положение славянских курганов в подмосковном Заочье соотносится с известной точкой зрения о начале освоения вятичских земель с востока (ср. рост рязанских городов в XI—XII вв.)[38]. Восточное правобережье Оки в этом месте довольно четко противостоит ареалу, охватывающему тульскую землю и еще более южные районы, где курганов с трупосожжением и поселений с лепной керамикой роменско-боршевского типа существенно больше[39]. «Из всего сказанного следует,— подводит итоги автор,— что славянские поселения, как селища, так и городища (прообразы городов), могли появиться на правобережье Оки в пределах Московской области незадолго до 988 г., а на левобережье Оки — основной территории Московской области — только после 988 г. На этой территории пока не встречена славянская лепная керамика и не известно ни одного славянского кургана с трупосожжением, который следовало бы отнести ко времени до 988 г. Из этого следует заключить, что вятичи и кривичи пришли на левобережье Оки в основном после 988 г. Среди нескольких тысяч курганов, раскопанных археологами, только единичные можно датировать до 988 г., да и то с известными оговорками»[40] В XI в., когда началась постепенная славизация Подмосковья к северу от Оки, там стали появляться и смешанные славяно-балтские поселения на территории городищ железного века с «круговой» керамикой. В условиях «естественного» сосуществования двух этносов и двух языков москворецко-балтийская речь в том или ином виде вполне могла сохраняться довольно длительное время, хотя для балтов стадия балто-русского двуязычия в Подмосковье, надо полагать, была достигнута в относительно скором времени после колонизации этих мест славянами. Можно высказать предположение, что существует возможность и более тесного определения времени, до которого в Подмосковье еще звучала балтийская речь.

Для этого может оказаться полезным и обращение к некоторым твердым и реальным данным. Так, сообщения летописи от 1058 г. и 1147 г. о голяди на Протве, против которой организуются военные походы и которую «побеждают», предполагают известную самостоятельность и, видимо, значительную «несмешанность», в том числе и языковую, этой группы населения даже в относительно доступном районе юго-западного Подмосковья. В более глухих восточных и северо-восточных частях балтийского подмосковного пространства, где в стороне от всех обитали «мирные» балты, балтийская речь, несомненно, должна была сохраняться и позже середины XII в. Эти твердые даты в сочетании с некиими константными отношениями, вытекающими из опытов демографии, могли бы открыть новые возможности для определенной части временно́го рубежа, когда балтийская речь в Подмосковье окончательно исчезла. Судя по всему, намечаются приблизительно следующие рамки: на территории теперешней Московской области (включая в нее «не-балтийское Подмосковье») ко времени монгольского нашествия, т. е. примерно к середине XIII в., насчитывалось 1000—1200 славянских поселений; двумя веками раньше в XI в. их было, по проведенным расчетам (Р. Л. Розенфельдт), 200—300, причем для XI в. понятие «славянского» поселения едва ли противоречит наличию в нем и балтийского элемента. Следовательно, за 200 лет население Подмосковья в среднем увеличилось в четыре-пять раз. Этот прирост населения, естественно, был достигнут в основном за счет внешнего притока славянского населения, а затем и за счет увеличения материальных ресурсов, обязанного началу подсечно-огневого земледелия. Количество же населения, которое могло существовать за счет скота, пасшегося на довольно ограниченной площади пойменных лугов, и за счет охоты, рыбной ловли и собирательства, определяется применительно к V—VIII вв. н. э. в размере 10—20 тысяч человек[41]. Едва ли эти цифры сильно изменились ко времени, когда началась инфильтрация славян в Подмосковье (при этом существенно подчеркнуть, что балты, занимавшие бо́льшую и наиболее благоприятную в хозяйственном отношении часть его, составляли, видимо, больше половины подмосковного населения).

Пользуясь этими приблизительными данными, демограф-историк, вероятно, сможет сделать некоторые заключения и о времени, до которого могла сохраняться «москворецко-балтийская» этноязыковая группа. Во всяком случае едва ли сто́ит рассматривать как чрезмерные

два предположения — о том, что количество балтийского населения в Подмосковье на рубеже X—XI вв. исчислялось в 10—15 тысяч человек и что оно могло сохранять свои этно-языковые особенности в течение 200—300 лет, по меньшей мере, т. е. до середины или даже до конца XIII в., а может быть (во всяком случае этот вариант не должен исключаться полностью), и до начала «литовщины», которая в этом случае обретает еще один стимул — присоединение соплеменного населения и их территорий, все более и более становившихся или даже уже ставших «историческими», если не считать отдельных небольших островных поселений балтов.

Относительная устойчивость голядского элемента на Протве и в смежных районах современных Смоленской и Калужской областей и несомненная преемственность в сохранении голядских ценностей русским населением этих мест могли бы получить подтверждение в ряде реликтов духовной культуры голяди и в самой памяти о них на их бывшей родине (кстати, есть основание думать, что сама прочность памяти о голяди соотносится с весьма вероятным чувством и сознанием своего этнического единства, важности его в условиях экспансии иноэтнического элемента).

Так, еще на рубеже XIX—XX вв. В. М. Кашкаров в местах прежнего проживания голяди в Калужской губернии (Мещовский уезд) слышал предание о горе, недалеко от деревни Чертовой, на которой, как рассказывали, в очень стародавние времена жил разбойник *Голяга*, по другой версии — *Голяда*. Обладая непомерной силой, он на 30 верст бросал свой топор[42]. В том же Мещовском уезде между селениями Свинуховой и Сабельниковой указывали две горы Улитову и Мордасову, на которых некогда жили два брата разбойника *Голяги*, перебрасывавшиеся друг с другом за тридцать верст топором (при этом сообщается, что теперь в этих местах словом *голяда* обозначается бродяга, нищий). Интересно, что мифопоэтический мотив Голяды, живущего на горе, в известной степени перекликается с прусскими реалиями (Галиндия была одной из исторических прусских земель): около Нидборка известна *Góra Galindzka*, которая, по версии Симона Грунау (начало XVI в.), была связана с сыном Видевута по имени *Galindo* (: *Голяда*). Что же касается мотива бросания топора, то он близко напоминает хорошо сохранившиеся в смежных частях Литвы, Латгалии и Белоруссии предания о богатырях, перебрасывающихся камнями (иногда и каменными топорами) и в ряде случаев превращавшихся в камни или

каменные горы (кстати, не исключено, что и мещовская гора *Голяда* не что иное, как окаменевший Голяда). Даже в настоящее время, если судить по местным калужским изданиям, бытуют сходные предания и легенды, где основной персонаж, однако, чаще всего безымянен.

Надо думать, что последовательное изучение устной словесности этих мест могло бы обнаружить и другие остатки голядского слоя. Тоже можно, вероятно, сказать и о возможном отражении этого слоя в этнографических особенностях быта, не исключено — и языка на землях Восточной Галиндии-Голядии.

Вообще исследование исторических судеб галиндов-голяди очень перспективно, учитывая, что имя галиндов было впервые отмечено еще Птолемеем (Γαλίνδαι III, 5), что этноязыковый знак галиндов отмечен на огромных пространствах от Атлантики (Пиренейский п-ов) до Подмосковья и что известна огромная голядская дуга, помеченная названиями с корнем *Galind-/Голяд-*, идущая от прусской Галиндии к Припяти и далее через Волынь, Подесенье, Поочье, в Подмосковье, но об этом уже много писалось[43]. Небеспоследствен для Восточной Балтии и тот аспект галиндской проблемы, который связан с участием галиндов в Великом передвижении народов, а сама реконструкция пути галиндов-голяди вплоть *до* или *от* Подмосковья многое открывает и в судьбе их, и в истории пройденных ими территорий.

Не всегда реконструкция линий древних связей в Восточной Балтии столь очевидна, как в случае с галиндами-голядью, но даже наличие соответствий между гидронимическими элементами в двух, казалось бы, разъединенных локусах может свидетельствовать о прежних связях или, по меньшей мере, намекать на них. Лишь один пример из балтийской ареальной гидронимии. Речь идет о связях между разными концами оси, соединяющей Восточную Литву и Латвию (преимущественно Латгалию) с Подесеньем и Поочьем, точнее, Балва — Резекне — Даугавпилс, с одной стороны, и Калуга — Брянск, с другой. Несколько примеров (первые члены сравнения — восточнославянские, вторые — балтийские): *Болва*, *Больва*, *Болванъ* (ср. топонимы *Болва*, *Оболовка*) — латг. *Bolva*, *Bolvi*, *Balvi*, *Bolwa*, *Balvu ez*, *Боловское*; лтш. *Balvi*, *Bàlvis*, *Bàlvenieki*; лит. *Bàlvis* и др; — *Болдинка*, *Болдовка*, *Балдыж* — латг. *Baldužs*, лит. *Baldužiai*; латг. *Balda*, *Balde*, *Baldas*, *Baldaine*, *Baldẽni*, *Boldani*, *Болдына*; лтш. *Baldas pļava*, *Baldẽni*, *Baldiņš*, *Baldune*; лит. *Baldupė*, *Baldainiai*; прусск. *Baldayn*, *Boldeyn*; ятв. *Болдикища* и др.; — *Крупела*, *Круполат-*

ка (?)—латг. *Kraupeļi/Krupeji*; лтш. *Kràupēļi*, *Kràupēji*, *Kraũpas*, *Kraupe*, лит. *Kraũpiai*, *Kràupėnai*; прусск. *Craupolythen*, *Kraupolickyn*, *Cropolithen*, *Craupin*, ср. Nom pr. *Kraupol*, и др.;—*Зуша*, *Зушица*—латг. *Zuši*, *Zušupe*, *Зуши*, *Зушова* и др.;—*Яуза*, *Ауза*, *Явуза*—латг. *Auzāni*, *Àuzẽni*, *Аузан*, *Авза/Явза*, *Auzini*, лтш. *Aûzas*, *Aûzes*, *Aûziņas*, *Aûzu-ęzęrs*, *Aûziņi* и др.;—*Унея*, *Унинка*, *Уневка* и др.—латг. *Auneja*, *Aunija*, *Авния* и др. не говоря о других подобных перекличках[44]. Можно думать, что левые и правые части сопоставлений отмечают крайние пункты одного из миграционных потоков внутри Восточной Балтии, но с выходом в восточные части Прибалтики. Существуют и некие иные данные (в частности, этнографические, исторические, языковые, относящиеся к более позднему времени, но подтверждающие актуальность связей вдоль указанной оси). Уместно напомнить, что этот миграционный маршрут почти под прямым углом пересекался с путем голяди в направлении к Москве или от нее.

И еще об одном чрезвычайно важном миграционном потоке, сыгравшем весьма значительную роль в формировании диалектной картины русского Северо-Запада (впрочем, вплоть до Москвы) и в тех этнических процессах, которые развертывались здесь с последних веков I тысячелетия н. э. до XII—XIII вв. Речь идет о кривичах, кривичском элементе и кривичской ретроспективе. К счастью, кривичская проблематика в диалектном аспекте в последнее время стала в центр внимания таких специалистов, как А. А. Зализняк и С. Л. Николаев[45], и новое решение ее перевернуло представление и о диалектной структуре праславянского языка, и о диалектной картине восточнославянской части Славии. Недавние исследования новгородских берестяных грамот и особенностей современных северо-западных говоров, отражающих черты кривичского племенного диалекта, содержат ряд столь важных открытий, что возникает необходимость в пересмотре многих устоявшихся представлений об общей картине ранних восточнославянских диалектов и, более того, всей схемы диалектного членения Славии в начальную эпоху. Впрочем, эта «вынужденность» пересмотра мнима: она то легкое иго, приняв которое, можно расставить с бóльшим, чем ранее, основанием давно напрашивающиеся акценты в более общем плане кривичской проблемы.

То, что кривичи занимали особое место среди восточнославянских племен (хотя бы по величине занимаемой ими территории и отчетливой выраженности вектора движения, ее образовавшего), не должно

вызывать удивления. В списке восточнославянских племен (Лавр. лет. 4 об.—5) кривичи отсутствуют; откуда они пришли, не сообщается; зато кривичи упоминаются в контекстах, где фигурируют и заведомо неславянские племена (ср. под 6367 г. /859/, о варягах, бравших дань *на чюди и на Словѣнех, на Мери и на всѣхъ Кривичѣхъ*, /само определение *всѣ* здесь диагностически важно/ или под 6415 г. /907/ — о походе на греков Олега, взявшего *воя многи, варяги, чюдь, словѣни, мерю и всѣ кривичи*… и т. п.)[46], и при панорамных обзорах племенных территорий, в которых кривичи занимают периферийное (неслучайное) место — между заведомо славянскими и неславянскими племенами.

Очень показательно сообщение об обычаях племен (Лавр. лет. 5—5 об.), размещенных по принципу убывания на шкале «культура (закон) — отсутствие ее (беззаконие)»: поляне характеризуются безусловно положительно; древляне, как правило, упоминаемые вслед за полянами, отрицательно, но все-таки эта «отрицательность» всегда относительна (она на фоне «положительности» полян); еще ниже оцениваются остальные племена: радимичи, вятичи и север имеют один общий обычай и живут в лесах; особенно подробно говорится об их отступлениях от «нормы» в брачных обычаях, похоронном обряде, ритуалах, игрищах как о своего рода экзотике. Ряд замыкается кривичами — *си же творяху обычая Кривичи и прочии погании*: *не вѣдуще закона Бжа, но творяще сами собѣ законъ*. Это пространственное и «нравственное» аутсайдерство кривичей, не причисляемых в летописных списках к славянским племенам, соотносится с двумя новейшими попытками объяснения этого племенного названия: 1. от б.-сл. **kreiə̯̄* ‘отделяю’, так сказать, *от-кра́иваю*, **kreiû̯-os* ‘живущий при границе’[47] и 2. *кривичи* как живущие по кривде, несправедливо, безнравственно[48]. Впрочем, в более глубокой перспективе оба эти объяснения существенно сходятся и, более того, не исключают и некоторых иных.

Археологические данные, с достаточной определенностью относимые к кривичам (с начала второй половины I тысячелетия н. э.), позволяют очертить в общем границы кривичского ареала с XI в. (в этом отношении особенно существенна непосредственная смежность с латгалами на западе и радимичами и вятичами на юге), установить многочисленные общие элементы и/или заимствования балтийского типа (похоронные обряды, одежда, украшения и т. п.[49]), определить, что этот тип в культуре кривичей предельно близок и нередко практически совпадает с латгальским и отчасти лишь с восточнолитовским,

и, наконец, высказать предположение о проникновении кривичей в Понеманье, чему отвечало бы распространение топонимов *Кривичи* и под. в относительно узкой полосе, образуемой Слонимским, Лидским, Ивьевским, Вилейским районами белорусского Понеманья, где еще в XVIII—XIX в. сохранялись довольно многочисленные очаги балтийской речи. Как бы то ни было, ни о д н о из восточнославянских племен в археологическом отношении не может быть сравнено с кривичами по степени насыщенности соответствующих ареалов балтийскими или, по меньшей мере, балтообразными элементами. Этой «балтизированности» соответствует целый пучок гидронимических изоглосс, охватывающих кривичский ареал и связывающих его с латгальским (о чем говорилось несколько выше). Вместе с тем подобные и некоторые иные переклички отсылают не только к ареалу, уходящему на юго-восток, но и на северо-запад, в Восточную Пруссию, вплоть до низовьев Вислы.

Все эти данные (летописные, археологические, языковые, специально-гидронимические) в известной степени с т а т и ч н ы и соответственно нередко интерпретируются как результат некоей «неподвижной» смежности, корректируемой лишь временны́ми, но не пространственными изменениями. Отсюда два основных недостатка в истолковании этой картины — сугубая консервативность, нечуткая к новым фактам и идеям, и экстенсивный характер предлагаемых объяснений. Эти недостатки тем более обидны, что проблема кривичей XI—XIII вв. имеет свою пространственно-временну́ю перспективу. Говорить здесь о ней не придется (она — тема особой работы), но обозначить ее сто́ит — распространение кривичского элемента далеко на восток, на территорию Ростовско-Суздальского княжества и в северное Подмосковье (ранее отмечались случаи «латышско-подмосковных» гидронимических связей). Эта кривичская экспансия в восточном направлении дает основания думать, что она всего л и ш ь п р о д о л ж е н и е н а ч а в ш е г о с я р а н е е п р о д в и ж е н и я к р и в и ч е й с з а п а д а н а в о с т о к (в частности, нельзя исключать, что «кривичские» следы в Понеманье суть остатки б о л е е р а н н е г о движения, а не предполагаемого обычно более позднего движения кривичей в обратном направлении).

В этом контексте возникает идея, о которой уже приходилось писать и раньше — об исходном локусе кривичского элемента д а л е к о н а з а п а д е от исторической территории кривичей, а именно в

южной Прибалтике, возможно, в местах, прилегающих к нижнему течению Вислы. Сейчас эта точка зрения, может быть, и не покажется удивительной, после того как благодаря исследованиям А. А. Зализняка было установлено, что «севернокривичские» диалектные элементы новгородских берестяных грамот связаны по происхождению не с восточнославянским диалектным комплексом, но отсылают к языковой ситуации северо-западнославянской территории, к польским и лехитским диалектам. Новым однако, может оказаться то, что кривичский элемент не только сопоставим как родственный и синхронный («братский») с диалектами этого северо-западно-славянского ареала, но — в более глубокой временно́й ретроспективе — и как родственный тоже, но более поздний языковый срез некогда балтийских идиом этого же южно-прибалтийского ареала.

Иначе говоря, если севернокривичский элемент явление одного ряда с северно-западно-славянскими диалектами, то по отношению к балтийской речи этого ареала он явление более позднее, так сказать, «сыновнего» ряда, что предполагало бы славизацию этого некогда балтийского кривичского диалекта (точнее, вероятно, было бы называть его в этом случае кривским, от этнического и территориального обозначения **Kriva*, на поверхностном уровне аналогично *Lietuvà* : *Литва*; *Лотъва*/*Łotwa* < **Lat*(*u*)*va*, что также могло бы рассматриваться как еще один аргумент в пользу балтийскости кривичей; во всяком случае других славянских племен Восточной Европы на *-ва* не отмечено) в процессе передвижения его носителей с запада на восток. При этом следует помнить и о более общей идее, поддерживаемой рядом исследователей, о возможности западно-балтийского происхождения праславян.

Когда, где и как совершалась славизация «балтийских» кривичей,— вопрос особый. Но едва ли можно исключать наличие у ранних кривичей Псковско-Смоленского пояса балтийских языковых черт и балтийского колорита, к началу исторического периода уже практически полностью перекрытого славянским. Но даже если не ставить цели разрешить вопрос об исходной языковой принадлежности кривичей, существенно все-таки проследить факты, свидетельствующие об их продвижении из юго-восточной Прибалтики на север, на северо-восток и на восток, в Псковскую, Полоцкую, Витебскую, Смоленскую земли. Нужно отметить, что подобный исход из юго-восточной Прибалтики на восток и юго-восток встречался в истории этого региона не раз. Таков

был путь готов в начале I-го тысячелетия н. э. Так тысячу лет спустя под давлением Ордена отдельные части прусского населения мигрировали в южную Литву и Северную Белоруссию (ср. современных бартяков, чье имя отсылает к названию одной из прусских земель — *Barta*). И этот путь был хорошо знаком населению этих мест. Для него в случае опасности он был наиболее естественным. Характерно, что для Петра Дусбурга, описывающего поход Генриха 1314 г. на землю кривичей (*terra Criwicie*, ср. у Николая из Ерошина *Criwicie*; *in daz lant kriwitzin*), она лежала в верховьях Немана, в соседстве с Новогрудком (*parva Nogardia*).

Лучшим ориентиром в этом отношении является этноязыковый элемент *Kriv-*, культурно-историческое и общедиагностическое значение которого весьма велико. Не входя в эту тему подробнее, здесь достаточно сослаться на название (собственно, и имя собственное, и титул жреца) верховного жреца у всех балтов *Krive*, *kriv-aitis*, но особенно у пруссов в святилище Ромове, в области Надравия (ср. *Romovupiai*, *Romanuppen* на реке *Romovupė*, где вблизи предполагаемого святилища отмечено селение *Kriwuczei*, *Kreywutschen*, *Kreywuczei*, *Krivučiai*, *Kreivučiai*) и у литовцев в Вильнюсе, в долине Швинторога, где было святилище верховного бога Перкунаса. Поздняя традиция называет первым Криве-кривайтисом Брутена (V в., важный рубеж в жизни балтийских племен). Согласно преданию и ряду документальных свидетельств, *Kriv-* был родоначальником религиозной традиции, а *Krivait-* — института власти, первым вождем (близнецы-«основатели», подобно Рему и Ромулу и многим другим аналогичным близнецам в разных традициях). Идея к р и в и з н ы (кстати, вовсе не всегда отрицательной, но нередко мистической и сакральной, предполагающей нахождение искомого выхода из трудного положения, спасения там и тогда, где и когда п р я м ы е пути уже исчерпаны и требуется некое «сверх-решение») отражается и в некоторых других сакрально отмеченных объектах. Так лит. *krivūlė*, букв.— ‘кривуля’, ‘кривая палка’ обозначает посох как символ религиозной и светской власти, сниженной впоследствии до атрибута сельского старосты. Вместе с тем элемент *Kriv-* обозначал и сам локус жреца Криве, то историческое ядро, из которого вырос Вильнюс (ср. *Curvum castrum*, *Krzywgorod*, *Кривой город*)[50], и соответствующее население, составлявшее особую общность, которая могла, видимо, обозначаться именно как *Kriva* (более поздняя «русская» форма *кривичи* из **kriv-it-i̯o-* своим суффиксом *-ич-* : *-it-i̯-* уже свидетельствовала

о славизации балтийских кривичей; впрочем и лтш. *krievi* ‘русские’ отражает досуффиксальную и, видимо, балтийскую стадию в развитии этого этнонима[51]). Суффикс *-ичи*, появившийся судя по всему позже, как в случае *вятичи*, *радимичи*,— знак «пришлости» и некоторой чуждости (во всяком случае в общем контексте ранневосточнославянских этнонимов) носителей названия племени с этим суффиксом (радимичи и вятичи, видимо, с основанием считаются в летописи пришельцами «из Ляхов»). О названиях славянских имен с суфф. *-it-ĭo-* см. в другом месте.

Как бы то ни было, едва ли возможно отрицать связь между *Kriva* : *Kriv-* и кривичскими элементами Вильнюса, очевидно древнейшим славянским населением города, генетическое родство которого с балтами, возможно, продолжало осознаваться еще довольно долгое время. Во всяком случае некоторая невыясненность этнической природы *kriv*-элемента в Восточной Литве и Латгалии нередко чувствуется в отдельных старых источниках. Также характерно и то, что элемент *Kriv-*: *Kriev-*: *Kreiv-* весьма част в балтийской антропологии, как, впрочем, и в топонимии. Исключая отдельные примеры типа *Krìvičiai*, *Kriváičiai*, латг. *Krìevete* и т. п. (часть их может оказаться поздними образованиями и даже заимствованиями), общая картина, пожалуй, ясна: граница между *Kriv-* и *Kriv-ič-* в топонимии смежного балто-славянского ареала проходит весьма четко, хотя сам ареал ядерного элемента *Kriv-* непрерывен во всей полосе от Пруссии до территории псковских и смоленских кривичей.

В этой связи привлекает к себе внимание еще одна особенность, прояснившаяся благодаря Атласу диалектов литовского языка и диалектным словарям: в ряде случаев прусские слова, не имеющие практически параллелей ни в литературных вариантах литовского и латышского, ни в подавляющем большинстве говоров этих языков, находят себе соответствие в редких диалектных фактах, выстраивающихся в цепочку, идущую из Восточной Пруссии через Литву (иногда захватывая и северную часть Белоруссии), с юго-запада на северо-восток, и далее в Латгалию, т. е. практически совпадая с полосой, образуемой *Kriv-* элементом.

Но, разумеется, решающие доказательства не просто северо-западно-славянского, но и балтийского типа северно-кривичского элемента лежат в сфере языковых фактов. Однако прежде чем их оценивать («севернокривичско-балтийское» сопоставление), необходимо учесть,

по меньшей мере, два обстоятельства. П е р в о е — при таком соотнесении сравниваются поневоле факты двух хронологически р а з н ы х срезов — более архаичного балтийского и более «продвинутого» севернокривичского. Величина этого разрыва определяется в терминах языкового временами и измеряется числом шагов — «изменений», на которое ушел от балтийского типа славянский севернокривичский диалект. Последний в своем развитии ушел так далеко от своего «предка», с которым он однако сосуществует в «неязыковом» времени, что многие условия и позиции, сохраняемые в балтийском, ныне утрачены, и в этих случаях севернокривичский выбывает из сравнения: несовпадение с балтийским в таких ситуациях не может рассматриваться как значимое и тем более как опровержение исходного тождества (ср. серию изменений, которые привели в севернокривичском, как и в других славянских языках, к открытию слогов, и отсутствие этих изменений в балтийском). В т о р о е — сопоставление балтийского с севернокривичским должно учитывать не только генетические основания, но и ареальную специфику с ее интерференционными процессами, накладывающимися на схему «чистых» соотношений. Именно поэтому в определенных случаях важнее о б щ а я тенденция развития, действующая вне подобных схем и работающая на том материале, который оказывается под рукой. И, наконец, главное — многие фонетические «северно-западные славизмы» севернокривичского диалекта совпадают с соответствующими особенностями б а л т и й с к и х диалектов, что делает более чем вероятным единое объяснение общих их черт на единой, по сути дела, территории, где славяне и балты находились (или находятся) в отношении смежности или даже смешанности, языковой чересполосицы. В историческом и стадиальном планах балтийский элемент претендует на статус исходного и на индуцирующую роль.

Несколько пунктирно обозначенных фонетических «севернокривичизмов», отраженных в новгородских берестяных грамотах и в современных диалектах, как эти особенности видятся с балтийской точки зрения:

1. К отсутствию следов второй палатализации (ср. *кѣл-* ‘целый’, совр. *кед-*, *кеп-*, *кев-*) — в одних случаях балтийские факты не входят в игру (ср. прусск. *kail-*, монофтонгизация отсутствует, так сказать «дославянское» состояние), в других они совпадают с севернокривичскими (ср. *кед-* < **kĕd-* при лит. *skied-*: *skaid-*; *кеп-* < **kĕp-* при лит. *skiẽpas*, *skiẽpti*, лтш. *šķipsna*; *кев-* < **kĕv-* при лит. *káivinti*, *keiva*, прусск. *kaywe* и под., но

не *šeivà!*) — как словах, связанных этимологически и принадлежащих к общему балто-славянскому фонду, так и — гораздо шире — в независимых случаях (балт. *ke-*, *ki-*, *ge-*, *gi-* и под.); при этом балтийские языки, как и славянские, знают и эффект палатализации в этих условиях (ср. лтш. *ciems* при лит. *kiẽmas* и т. п.); —

2. К отсутствию палатализации *kv*, *gv* в тех же условиях (*квѣтъ*, *гвѣзда* и под.; *квѣлити*, совр. *квелить*, ср. *гверста* < **гвърста* и др.) — ср. балтийские сочетания *kve-*, *kvi-*, *gve-*, *gvi-* и т. п., в частности, и в словах общего корня (лит. *kvail-* : *квѣлитu*; лит. *gveřgžti* — при *girgždėti* /!/ — лтш. *gverkstêt*, *gvergzdis* и т. п.); —

3. К сохранению в севернокривичских *кл*, *гл*, как и в западнославянских языках, из **tl*, **dl* — ср. *егла* — лит. *ẽglė* (но прусск. *addle*), *жагло* — лтш. *dzęnūgls* (инфл. *dzanyūglen*)и др., ср. прусск. *clokis*: *tlok-* и др.; —

4. К смешению севернокривичского *ц* и *ч*; *с'* и *ш'*; *з'* и *ж'* — ср. аналогичные явления в говорах литовского и латышского языков, притом далеко не только в смежных со славянскими языками; —

5. К переходу праслав **tj*, **dj* в сев.-крив. *к'*, *г'* с последующим отвердением (ср. *сустрекать*, *рогáть* и т. п.) — ср. широкий круг балтийских фактов; такой же переход наблюдается в говорах юго-восточной Литвы на «ятвяжском» субстрате (*rakẽlis* < *ratẽlis*, *pràgeda* < *pràdeda*, *mók'ina* < *mótina*, *mak'íc* < *matýti* и т. п.), в лтш. *kaķis* < **katja-* и т. д.; в прусском отмечен целый ряд примеров, где в написании смешиваются *c* (=*k*) и *t*; однако в большинстве случаев это не причуды графики, но результат смешения соответствующих звуков (это же и в говорах — лит. *tẽlias* < *kẽlias*, *delažìnis* < *geležìnis* и под.); как правило, прусские примеры отражают *t'* > *k'*, хотя есть и вторичные эффекты, обязанные гиперкоррекции; ср. и крайнезападнославянские факты — полаб. *nüd'ėt* < **nogъtъ-*, *vilt'ə* < **velik-* и др. (кстати, и на востоке Славии такое же явление в обратном порядке отмечено в балтийских заимствованиях: *скирд*(*а*), блр. *сцірта*, укр. *скирта* из лит. *stìrta*, ср. польск. *sterta*, стар. *styrta*); таким образом, совпадение рефлексов **tj*, **dj u *k'*, **g'* (в позиции второй палатализации) в кривичском имеет аналогию не только в северо-западнославянском (ср. польск. *świeca* с *c* < **tj* и *rzece* с *c* < *k*), но и в балтийском (ср. литовские говоры, где и **tj*, **dj* и **k'*, **g'* совпадают с *c*, *dz*); —

6. К изменению кривичск. **stj* и **skj* > *ш'к'* и **zdj* и *zdj* > *ж'г'* ср. лтш. **stj* и *skj* > *šķ*, и лтш. **zdj* и **zgj* > *žģ* (ср. лтш. *rīkšķu* < **rīkstju*. Gen. от

rīkste или *šķeît* при лит. *skélti* и т. п.); любопытно, что ильменско-славянские рефлексы этих же сочетаний (*ш'ч'* /=*с'ц'*/ и *ж'дж'*) также находят сответствия в результатах развития их в ряде говоров Курземе — *šč*, *ždž*, (*rīkšču*, *skruždžu* и т. п.); —

7. К изменению сев.-кривичск. **tъrt* > *tъrъt* и **tъrt* > **tъrъt* (ср. *смьрьди* при *смьрдъ*, *жълътое* при *жълтъ*) ср. лтш. *dzęl^{a}ts* 'желтый' при *dzęlts*; *zir^{i}gs*, *zirags* при *zirgs*; *d^{a}rzi* при *darzi*; *kur^{a}pe* при *kurpe* и т. п. (но есть и другие варианты, ср. *s^{u}tulps* при *stulps*, из *stulbs* /ср. *стълъпъ* при *стълпъ*/; *spalava* < *spal̃va*, *d^{a}raugs* < *draugs* и др.); —

8. К отсутствию *-mъ* в большинстве примеров 3. Sg и Plur. Praes. в севернокривичском (*живе*, *възмълъви*, *почьну* и т. п.) Ср. сходные же факты во всех балтийских языках (ср. прусск. *giwa*, лтш. *dzīvo*, лит. *gyvẽna*, *gyvúoja* и т. п.) и др.

Эта предварительная картина нуждается в более конкретных разработках, и здесь на первое место, как кажется, выдвигается к р и в и ч с к о-л а т г а л ь с к а я проблема. Время, когда она была особенно актуальной,— со второй половины I-го тысячелетия н. э. и в течение нескольких веков. Место — о д н а и т а ж е территория (о ней несколько ниже), в крайнем случае и позже — смежные субареалы, взаимопроникающие друг в друга и, вероятно, связанные с метисным кривичско-латгальским населением. В ряде ситуаций трудно отделаться от впечатления, что кривичи и латгалы выступают как две ипостаси о д н о г о и т о г о ж е этнокультурного (и, может быть, я з ы к о в о г о) комплекса или как два сильно «параллелизированнных» субъекта истории этого двуединого ареала. В этой перспективе пока уместно ограничиться минимумом.

По совокупным данным археологии, этнографии, языка (особенно гидро- и топонимии) латгальский ареал распространялся некогда довольно далеко на восток от современных его границ. Черты латгальского субстрата в говорах Псковщины и смежных территорий указывались и раньше. Количество местных названий латгальского типа очень велико (как минимум две-три сотни; Букш, вероятно, все-таки преувеличивая, говорит о 2000 латгализмов вне Латгалии, к востоку от нее), и они покрывают практически всю основную часть древней кривичской земли — от Пскова до Смоленска и от Полоцка до Ловати и Ильменя. Уже Горшанас в 1913 г. сообщил о русских деревенских жителях Псковщины, по временам говорящих на латгальском язы-

ке (кстати, и названия этих деревень объяснялись из латгальского). Н. В. Волков-Муромцев в своих воспоминаниях, опубликованных относительно недавно, но относящихся к началу века, рассказывает о крестьянах Опочецкого уезда, называвших себя латгалами, но говорящих по-русски, правда, с вкраплениями большого количества «нерусских» и «нелатышских» слов (по данным тогда же проведенных раскопок могильника на соседней Лапиной горе он относился ко времени до VI в. н. э.)[52]. Губернские ведомости, статистические отчеты, местная пресса и другие такого рода свидетельства, относящиеся ко второй половине XIX — началу XX вв., дают основание говорить о псковских, новгородских, полоцких, витебских и даже смоленских латгалах. Если даже появление латгальского этнического элемента в этих местах было в ряде случаев «сезонным», связанным с ярмарками и другими подобными мероприятиями (что делало эти латгальские «паломничества» отнюдь не окказиональными), само это тяготение к названным центрам, возможно, отражает известную тенденцию к возвращению на круги своя, в «свои» прежние места, где, хотя бы на время, происходит частичное проступание прежнего культурно-исторического и этноязыкового элемента. Внимание, которое в последние десятилетия и особенно в последние несколько лет все более и более привлекается к латгалам, их историческим судьбам, их культуре и языку[53], позволяет надеяться, что уже созданные предпосылки для дальнейшего изучения исторических судеб латгалов к востоку от Латгалии воплотятся в серьезные исследования. Многое из уже известного и имеющегося приглашает исследователей к совокупному рассмотрению и кривичско-латгальских связей, их истоков и дальнейших перипетий[54].

Тема роли балтийского слоя в русской истории не может быть полной без исследования его в Подмосковье и в более узком «московско-городском» локусе, о чем, однако, автор этих строк не раз писал[55]. Возвращаться здесь к этой важной теме нет возможности. Но все-таки необходимо отметить, как факт первостепенной важности, что Москва возникла на месте балтийской «пред-Москвы» — целого ряда поселений некоего балтийского племени, несомненно, присутствовавшего и уже в вятичско-кривичской, а затем и раннерусской Москве. Довольно значительное балтийское население в ближнем Подмосковье делало естественной ситуацию двуэтничности и в самой Москве. О значимости балтийского элемента в самой Москве и его рецепции также писа-

лось в связи с балтийскими названиями московских рек и урочищ — *Москва*, *Яуза /Ауза*, *Аузя/*, *Неглинная/Неглимна*, *Чермянка*, *Пресня*, *Сетунь*, *Химка*, *Чура*, *Чертаново*, *Варгуниха*, *Кудрино*, *Бубна*, *Чечера* и др. Сама начальная история также предполагает участие балтийского элемента. Во всяком случае в XVII в. еще сохранялась память об этом.

О роли балтийского элемента в русской истории, когда эта история, собственно, и началась — с появления ранней государственности, с экспансии на северо-восток, север и северо-запад, с началом градостроительства,— предполагается говорить особо и в другом месте, но, забегая вперед, необходимо подчеркнуть, что история русско-балтийских (в не вполне корректном, но, традиционом, к сожалению, варианте русско-литовских) отношений, как она видится историкам Руси-России, начинается несравненно раньше, чем обычно думают, и что какого-либо разрыва между реконструируемой доисторией и собственно историей в отношении восточнославянско- (позже — русско-, украинско-, белорусско-) балтийских связей не было. И 1058 г., и 1147 г., и 1380 г. и весь XIV в., прошедший в борьбе между Московской Русью и Литвой за церковное, а затем и государственное возглавление Восточной Европы, и 1480 г. и так далее — вплоть до 1940 и 1991 образуют единую цепь в русской истории, увиденной в призме отношений со своими сначала предшественниками на *месте сем*, а потом соседями, отношений, в которых, к сожалению, было так много несправедливого и трагического.

Примечания

[1] Разумеется, было бы несправедливостью забывать о тех историках, которые догадывались о значительности балтийского слоя, но не имели достаточных аргументов для доказательства своих догадок. как и о тех, кто касался фактов этого балтийского слоя, но не знал, что он именно балтийский. Имя М. Н. Тихомирова, проницательно выделившего в гидронимии древней Москвы некий особый ему неизвестный и им не идентифицируемый слой, должно быть здесь отмечено особо. По этому поводу он писал еще полвека назад: «Кажется, единственный вывод, который можно сделать из сопоставления этих двух рядов названий [реально — славянских и балтийских.— *В. Т.*] ⟨…⟩ сведется к признанию того, что в районе Москвы жило древнее население, передавшее восточнославянским племенам свои или еще более древние названия значительных рек, тогда как мелкие реки и озера получили свои имена заново. Перед нами очень важное явление, указывающее на непрерывность устной традиции в передаче названий рек бассейна Москвы-реки. Древние названия наших рек могли сохраниться только при условии суще-

ствования постоянных поселений на их берегах, при передаче этих названий из уст в уста, иначе эти реки остались бы безымянными или получили бы свои имена от новых пришельцев. И тут мы встречаемся с одной особенностью, характерной для московской территории. Именно на узкой московской территории мы встречаемся и с мелкими речками, носящими непонятные для нас названия ⟨...⟩ Это говорит нам о том, что район Москвы, возможно, был населен гуще, чем прилегающие к нему местности. Поэтому именно здесь, на старой обжитой территории, и лучше сохранилась устная традиция, которая донесла до нас древние имена ручьев и речек. Их оставил для нас народ» [разрядка наша.—*В. Т.*]. См. *Тихомиров М. Н.* Древняя Москва (XII—XV вв.) М., 1947, 7—9.

Пожалуй среди историков начала XX века, которые были близки к постановке вопроса о балтийском слое в ранней русской истории (правда, применительно к одному локусу — кривичскому), следует выделить две фигуры: С. М. Середонина и А. Е. Преснякова. См. *Середонин С. М.* Историческая география. Пг., 1916; *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. Киевская Русь // *Пресняков А. Е.* Княжеское право в Древней Руси. Очерки по истории X—XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. Оба этих исследователя (особенно последний) в той или иной степени следовали концепции происхождения славян А. А. Шахматова, подытоженной им в «Очерке древнейшего периода истории русского языка» (Энциклопедия славянской филологии. Пг., 1915. Вып. 11), но и спорили с ним, модифицировали отдельные положения шахматовской концепции, предлагали новые интерпретации. Во всяком случае дальше в нащупывании балтийского слоя и объяснении его происхождения историки не пошли, и хорошо еще, что иногда они возвращались к указанным гипотетическим построениям, слегка варьируя уже известное и продолжая опираться на весьма ограниченно используемый языковый материал. См. *Вернадский Г. В.* История России. Древняя Русь. Тверь, Москва. М., 1996, 240—245.

[2] Сосуществование и взаимодействие в любом случае предполагает непосредственный контакт двух (в данном случае) этноязыковых и культурных элементов. Наиболее частая и простая ситуация связана с таким контактом двух начал, при котором взаимодействие приводит к сосуществованию их, в пределе — вплоть до их унификации. В этом случае взаимодействие предшествует сосуществованию и выступает в качестве его причины. Но нужно помнить и о ситуации с обратным порядком — сначала сосуществование в высшей его форме — в единстве, а затем, когда единство было утрачено, распалось на части и каждая из частей стала весьма самостоятельной и разной, то именно эта разность сделала возможным в случае установления новых контактов между частями распавшегося цельноединства фиксирование результатов взаимодействия. История взаимоотношений балтийского и славянского элементов знает обе эти ситуации и требует разграничения и учета их.

[3] Здесь нет необходимости в определении самого характера этого единства, и существен лишь сам фактор его. О разных интерпретациях этого единства существует обширная литература.

[4] Существенно напомнить, что, вопреки концепции «вторичного» сближения славян с балтами и вытекающей из него конвергенции, у нас нет никаких сколько-нибудь убедительных реальных аргументов, которые противоречили бы неразрывности связи славян и балтов, во-первых, и неизменности вплоть до V в. н. э. их взаимного расположения в пространстве. До этой поры славяне всегда размещались непосредственно к ю г у от балтов, и только в V—VII вв. в результате «демографического» взрыва, положившего конец этноязыковому единству и существенной целостности Славии, славяне оказались не только южнее, но и западнее и восточнее Балтии. Поскольку автор этих строк исходит из того, что праславянский язык возник в результате эволюции периферийных диалектов балтийской зоны (прежде всего в ее южной части), то и ранние действительно праславянские территории славян могли во временно́й последовательности располагаться сначала между средним и верхним течением Вислы и Одры, а позднее и на среднем Дунае, в Паннонии. См.: К реконструкции древнейшего состояния праславянского // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. София, октябрь 1988 г. Доклады советской делегации. М., 1988, 264—292.

[5] Из литературы, в которой обсуждаются проблемы первоначального локуса славян (а иногда и его размеров), кроме традиционно «автохтонических» работ в последние два десятилетия стоит отметить: *Godłowski K.* Z badań nad zagadnieniem rozprzestrzenienia Słowian w V—VII w. n. e. Kraków, 1979; *Седов В. В.* Ранний период славянского этногенеза // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976. *Он же.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979; *Miodowicz K.* Współczesne koncepcje lokalizacji pierwotnych siedzib Słowian. Dane językoznawcze // Prace etnograficzne. 1984, z. 19, 7—49; *Schenker A.M.* Were there Slavs in Central Europe before the Great Migration? // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1985, vol. XXXVI—XXXVII, 359—374; *Трубачев О. Н.* Языкознание и этногенез славян // Вопросы языкознания 1982, №№ 4, 5; 1984, №№ 2, 3; 1985, №№ 4, 5; *Он же.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991 и др.

[6] В данном случае позволительно отвлечься от весьма существенного в другом контексте различия между историей sensu stricto и ее доисторическим субстратом, как правило, не поднимающимся над уровнем эмпирического, но при нестрогом подходе, пренебрегающем разницей между существованием в истории и существованием в мифопоэтическом пространстве, и нередко тоже подверстываемом к истории.

[7] На рубеже 30—40-х гг. XI в. попытки экспансии в этом направлении, связанные с инициативами Ярослава Мудрого, были особенно активны. Так в том же 1038 г., когда *ѿрославъ иде на ѿтвѧгы*, он же *иде на Литву*. Три года спустя в 1041 г. *Иде Ѿрослав на Мазовшаны въ лодьѣхъ*, а в следующем 1042 г. *Иде Володимеръ снъ Ѿрославль на ѣмь. и побѣди*[в] *ѿ* (в этом случае важно направление экспансии, а не сама «балтийскость»). Характерно, что после сообщения 1038 г. о походе на Литву, следующее сообщение отстоит почти на 100 лет (1131 г.), а затем в дальнейшем о походах на Литву говорится в записях Суздальской летописи по Лаврентьевско-

му списку в 1205 и 1225 гг. Время более жестких конфликтов с Литвой наступило позже.

[8] Ср. гидронимические балтизмы к югу от Киева или на его широте — *Вилия*, *Смолка/Цмолка*, *Балы*, *Жолоска*, особенно *Шандра*. См. *Трубачев О. Н.* Названия рек правобережной Украины. М., 1968, 284—285.

[9] См. *Топоров В. Н.*, *Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, 225.

[10] Ср. заметку автора — Goltescytha Иордана: к вопросу о северо-западных границах распространения древних иранцев // VIII Всесоюзная конференция по Древнему Востоку, посвященная памяти академика В. В. Струве (2. II. 1889 — 15. IX. 1965). Москва, 6—9 февраля 1979 г. Тезисы докладов. М., 1979, 91—96.

[11] Более осторожные исследователи предпочитают несколько уклончиво говорить о II тысячелетии до нашей эры как времени «формирования этноязыковой общности балтов», ср. *Moora X. A.* О древней территории расселения балтов // СА 1958, № 2, 9—33; *Mažiulis V.* Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai. Vilnius, 1970; *Kabelka J.* Baltų filologijos įvadas. Vilnius, 1982, 15—16; *Zinkevičius Z.* Lietuvių kalbos istorija. T.1. Vilnius, 1984, 140 и сл.; *Седов В. В.* Балты и славяне в древности (по данным археологии) // Из древнейшей истории балтийских народов. Рига, 1980, 14—21; *Он же*. Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М., 1987 и др.

[12] См. *Gimbutas M.* Baltai priešistoriniais laikais. Etnogenezė, materialinė kultūra ir mitologija. Vilnius, 1985, 50—51 (перевод английской версии — The Balts. London, 1963) и другие работы этого автора последнего синтеза доистории балтов, в основном по археологическим материалам.

[13] Из основных работ этого периода ср.: *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ…; *Трубачев О. Н.* Названия рек…; *Топоров В. Н.* О балтийских следах в топонимике русских территорий // Lietuvių kalbos klausimai. II. Vilnius, 1959, 55—63; *Он же*. «Baltica» Подмосковья // Балто-славянский сборник. М., 1972, 217—280; *Он же*. О балтийском элементе в Подмосковье // Baltistica, I priedas. Vilnius, 1972, 185—214; *Он же*. Γαλίνδαι — *Galindite* — *Голядь* (балт **Galind-* в этно-лингвистической и ареальной перспективе) // Древняя история балтийских народов. Рига, 1980, 24—36; *Он же*. Балтийский горизонт древней Москвы // Acta Baltico-Slavica, 1981; *Он же*. Голядский фон ранней Москвы(о балтийском элементе в Подмосковье) // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Тезисы докладов. Вильнюс. 1981, 112—117; *Он же*. Древняя Москва в балтийской перспективе // Балто-славянские исследования 1981. М., 1982, 3—61; *Он же*. Балтийский элемент в гидронимии Поочья. 1 // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988, 154—177; *Он же*. Балтийский элемент в гидронимии Поочья. II // Балто-славянские исследования 1987. М., 1989, 47—69; *Он же*. Балтийский элемент в гидронимии Поочья // Балто-славянские исследования 1988—1996. М., 1997, 276—310. *Он же*. Балтийские следы на Верхнем Дону // Там же, 311—324; *Он же*. О балтийской гидронимии Верхнего Подонья // Linguistica Baltica 1, 1992, 225—240. *Он же*. Из балтийской ареальной гидронимии. К латгальско-восточнославянским связям // Bałto-słowiańskie związki językowe. Wrocław, 1990, 365—380; *Он же*. О северо-за-

паднорусском локусе балтийской гидронимии (из цикла «По окраинам древней Балтии») // Res Balticae. Miscellanea Italiana di Studi Baltistici 1995, 13—40 и др; *Bukšs M.* Latgalische Orts- und Familiennamen im Raum um Polock, Novgorod und Pliskov // The Problem of Latgalian Language and Its Expansion. München, 1961, 56—123; *Idem.* Latgaļu volūdas un tautas izplateibas problemas. [S. l.], 1961, 56—164; *Idem.* Die Verbreitung der alten Latgaler östlich der heutigen Grenzen. Die Charakterisierung des Problems // Acta Baltica 17, 1977, 182—196 (и карта на с. 193); *Idem.* Die latgalischen (lettgalischen) Ortsnamen und ihre Umbildung. [Отдельный оттиск, с. 197 и след.]; *Седов В. В.* Балтийская гидронимия Волго-Окского Междуречья // Древнее поселение в Подмосковье. М., 1971, 99—113; *Он же.* Гидронимия голяди // Пітання гідроніміки. Київ, 1971, 131—137; *Он же.* Начальный этап славянского расселения днепровских балтов // Балто-славянские исследования 1980. М., 45—52; *Ванагас А. П.* Максимальный ареал балтской гидронимии и проблема происхождения балтов // Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов. Рига, 1980, 119—123; *Он же.* Проблема древнейших балто-славянских языковых отношений в свете балтийских гидронимических лексем. Вильнюс, 1993; *Ageeva R.* Hydronymie baltischen Ursprungs auf dem Territorium der Pskover und Novgoroder Oblast // Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтийских народов. Рига, 1980, 147—152; *Она же.* Проблемы межрегионального исследования топонимии балтийского происхождения на восточнославянской территории // Балто-славянские исследования 1980. М., 1981, 140—150; *Она же.* Славянские, балтийские и финно-угорские элементы в топонимии Русского Северо-Запада // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980, 250—259; *Она же.* Происхождение имен рек и озер. М., 1985, 90—101; *Она же.* Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989, 185—208; *Kolbuszewski S. F.* R. Ageeva. Hydronymie ⟨…⟩ und M. Buks s. Latgalische Orts- und Familiennamen ⟨…⟩ // Lingua Posnaniensis 25, 1983, 153—162; *Тельпаков Б. М.* Топоним Москва в свете этнических процессов в западном Волго-Окском междуречье // История СССР 1991, № 5, 36—56 и др.

[14] Естественно, не вся та территория, на которой отмечены гидронимические балтизмы, является исключительно или даже по преимуществу балтийской.

[15] См. *Зинкявичюс З.* Восточная Литва в прошлом и настоящем. Вильнюс, 1996, 17, рис. 2.

[16] Имея в виду сотношение бассейнов Буга и Нарева, нужно отметить, что недавно было установлено, что именно Буг впадает в Нарев (а не Нарев в Буг, как считали ранее) и, следовательно, Нарев, а не Буг впадает в Вислу.

[17] Среди гидронимических иранизмов в зоне, где некогда происходили балто-иранские языковые и культурные контакты, нужно отметить в разное время приводившиеся примеры: *Апака*, *Хан/Хон*, *Ропша*, *Осмонь*, *Навля*, *Сава*, *Тор*, *Уды*, *Уда(й)*, *Удав(а)*, *Хоропуть*, *Хорол*, *Свапа*, *Сев*, *Сейм*, *Тускорь*, *Апажа*, *Нетхарь*, *Хартислова*, *Авсорок*, *Эсмань*, *Омонь*, *Ведрихан*, *Малывень*, *Артополот*, *Цата*, *Слепорд*, *Снопород*, *Сула*, *Сура*, *Домотканъ*, *Самотканъ*, *Сердоба*, *Сарда*, *Ира*, *Ирка*, *Ирский*, *Дон*, *Донец*, *Дортба*, *Надра*, *Пансова*, *Прут/Пруд*, *Рух(в)а* и др. См. *Sobolevskij A.* Einige Hypotesen über

die Sprache der Skythen und Sarmaten // AfslPh XXVIII, 1905, 240—243; *Соболевский А. И.* Русско-скифские этюды // ИОРЯС XXVII(1922), 1924, 258—259; *Vasmer M.* Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven.I. Die Iraner in Südrusslend. Leipzig, 1923; *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Указ. соч., 230—231; *Трубачев О. Н.* Названия рек... 274—275; *Moszyński K.* Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego. Wrocław—Kraków, 1957; *Стрижак О. С.* Назви річок Полтавщини. Київ, 1963; *Седов В. В.* Балто-иранский контакт в днепровском Левобережье // СА 1965, № 4; *Schmid W.P.* Alteuropa und der Osten im Spiegel der Sprachgeschichte. Innsbruck, 1966. Недавно значительное количество гидронимических иранизмов было привлечено В. Э. Орлом, ср. *Акшинка*, *Яланец*, *Атака*, *Борзна*, (вар. *Барзна*, *Варзна*, *Ворзна*), *Духан*, *Душан*, *Лошак*, *Малороша*, *Мизунка*, *Морда*, *Мордогонова*, *Морожа*, *Оврад-Девка*, *Педань*, *Разавша*, *Роща*, *Сура*, *Хамрачь*, *Хмара* (вар.*Хмора*), *Хмарка*, (вар. *Хморка*), *Хомора* (вар. *Хомара*, *Хомор*, *Хомур*), *Хоморец*, *Хороба* (вар. *Храбра*, *Хоребра*, *Хорабра*, *Харабра*, *Харабрь*, *Хоробарка*, *Хоробар*). См. *Орел В. Э.* К вопросу о реликтах иранской гидронимии в бассейнах Днепра, Днестра и Южного Буга // ВЯ 1986, № 5, 107—113. Разумеется, не все из приведенных примеров надежны в плане их иранской интерпретации. Кстати, некоторые из них могли бы быть объяснены и как балтизмы, но в целом этот пояс иранской гидронимии в соседстве, нередко непосредственном, с поясом балтийской гидронимии бросает яркий луч света на этноязыковую ситуацию в этом пространстве, сохранявшуюся еще, видимо, в VI—VIII вв., когда здесь появились впервые раннеславянские племена, чей язык сохранил нам указанные иранизмы и балтизмы, чья внутренняя форма (семантическая мотивировка) нередко, кажется, воспроизводилась и на славянском материале, дошедшем до нас в виде русского гидронимического именослова.

[18] Ср.: *Būga K.* Sožies paupio lietuviai // Tauta ir Žodis, kn. II. Kaunas, 1924, 114 (ср. также другие работы этого автора — Upių vardų studijos ir aisčių bei slavėnų senovė // Tauta ir Žodis, kn. I, 1923, 1 и сл.; Aistiškos klimės Gudijos vietovardžiai // Ibid., 20 и сл.; — Kalba ir senovė. Kaunas, 1923; — Die Vorgeschichte der aistischen (baltischen) Stämme im Lichte der Ortsamenforschung // Streitberg-Festgabe. Leipzig 1924; — Jotvingų žemės upių vardų galūnė *-da* // Tauta ir Žodis, kn. I, 100 и др.); *Vasmer M.* Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas.I. Die Ostgenze der baltischen Stämme // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Berlin, 1932, 641 и сл. (ср. и другие работы этого автора — Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas II. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl. 1934, 351 и сл.; — Balten und Finnen im Gebiet von Pskov // Studi baltici, vol. 3, 1933, 27 и сл.; — Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung. Berlin, 1941; — The Meaning of Russian River Names // Oxford Slavonic Papers, vol. VI, 1955/1956, 44 и сл. и др.).

[19] В связи с взаимным расположением балтийского, финноугорского и славянского элементов в древнейшую эпоху уместно помнить, что славяне вошли в контакт с финнами несравненно позже, чем балты, и что балтийские заимствования в

финском языке-основе появились еще в конце I-го тысячелетия до н. э. в ареале, расположенном далеко к востоку, в бассейне Волги (во всяком случае эти балтийские заимствования еще успели пройти через фонетические изменения *š* (*ž*) > *h* и *ti* > *si*). Поскольку в прибалтийско-финских языках не наблюдается никакого определенного или во всяком случае значительного славянского влияния, сравнимого с балтийским, приходится предположить, что балтийские народы у верховьев Днепра распространились так далеко на восток, что образованный ими клин лишил славян возможности войти в соседство с прибалтийско-финским племенем. Финны, вероятно, обитали северо-восточнее и восточнее балтийских народов, а славянские — юго-восточнее и южнее балтийцев. См. *Хаккулинен Л.* Развитие и структура финского языка. Ч. II М., 1955. 39—43; ср. *Kalima J.* Balttil. lainasanat, 194 и др.

[20] Речь идет о попытках выведения названия Волги, в о-п е р в ы х, из финноязычного источника (ср. финск. *valkea* 'белый', эст. *valge* и т. п.) [см. *Погодин А. Л.* // ИОРЯС 10, № 3, 1905, 9; *Rozwadowski J.* // Roczn. Slav. 6, 1913, 47; *Idem*. Studia nad nazwami wód słowiańskich. Kraków, 1948, 227—230; *Bednarczuk L.* Wokół etnogenezy Białorusinów // Acta Baltico-Slavica 16, 1984, 34—36 и др.]; в о-в т о р ы х, из др.-марийск. **Jylγ*, **Julγ* [см. *Mikkola J. J.* Der Name Volga // Finn.-ugr. Forsch. 20, 1929, 125—128]; в-т р е т ь и х, из славянского источника — **Vьlg-* ср. польск. *wilgoć* 'влажность', русск. *вóлглый* при наличии речных названий — польск. *Wilga* в верхнем течении Вислы, чеш. *Vlha* в бассейне Лабы [см. Фасмер I, 336—337]. Каждое из этих объяснений было в свое время объектом критики — или по чисто языковым мотивам, или же ввиду неучета конкретных условий акта именования Волги. Фасмеровское объяснение основано на сопоставлении названия Волги со сходными названиями на широте верховьев Лабы, Одры и Вислы, где некогда, видимо, проходила южная граница балтийского пространства в Центральной Европе. Следовательно, нельзя полностью исключать, что и польск. *Wilga*, чеш. *Vlha* могут отражать старый балтийский источник (о «южных» центрально-европейских балтизмах см. статью автора — Еще раз о балтизмах в чешских землях // Slavia, ročn. 62. Praha, 1993, 51—63). Кроме того объяснение Фасмера по сути дела является внешним и недостаточно учитывающим конкретную этноязыковую и историческую ситуацию, в которой происходило имянаречение Волги.

[21] Идея «долготы» Волги вторично и спонтанно, в силу, казалось бы только чисто внешнего языкового отражения, некоей «несерьезной» импровизации неоднократно воспроизводится в устной и письменной словесности. Ср.: «С нашей-то В о л г и версты д о л г и. Я сам из-под Кинешмы» (Иван Шмелев — «Лето Господне», глава «Яблочный Спас») или у Мандельштама — *…Мы успокоимся н а д о л г о*, | *И станет полноводной В о л г а* («Зверинец») и др. Характерно, что река в загадке кодируется через идею долготы, ср.: *Д о л г а я д о л г у ш к а, куда ты пошла? — Р е к а* (Садовников).

[22] Ср. несколько примеров: прусск. *Ilgayn*, *Ilgeyn*, *Ilgene* (позже — *Ilgen See*, *Ilgen*), *Ilgoue*, *Ilgolwen*, *Ilgen-pelke* (позже — *Der l a n g e Bruch*); — лит. *Ìlga*, *Ìlgai*, *Ilgáitis*, *Ìlgajis*, *Ìlgas*, *Ìlgasai*, *Ilgasiai*, *Ilgàsis*, *Ìlgė*, *Ilgėlė*, *Ilgelės*, *Ìlgės*, *Ilgiaĩ*, *Ilgìnis*, *Ilginỹs*, *Ìlgis*, *Ìlgis*, *Ilgỹs*,

Ilgútis и т. п., но и *Ìlgežeris*, *Ìlgažeris* и др.; — лтш. *Ìldzis*, *Ìldža-ẹzẹrs*, *Ĩldžu-ẹzẹrs*, *Ildzes-ẹzẹrs*, *Ildzĩša-ẹzẹrs*, *Ildzere* (?) и др.; — висл. *Ilga*, *Ilgi* при «поясняющем» варианте — *D ł u g i e Elgi* (подобно *до́лга Во́лга*) и др. Ср. также в Белоруссии и на Северо-Западе России — *Ильжо*, *Илжо*, *Ильжонское*, *Ильжа* и т. п. с той же идеей долготы. Нужно иметь в виду и случаи, когда верховья рек обозначаются как «долгие», ср. в Поочье — *Долгая Вершина*, *Долгий Верх*, *Отвершки Долгие* и т. п.

[23] См. подробнее статью автора этих строк — Еще раз о названии *Волга* // Studia Slavica. Языкознание. Литературоведение. История. История науки. К 80-летию Самуила Борисовича Бернштейна. М., 1991, 47—62. Предположение о балтийском происхождении названия Волги впервые было высказано Н. С. Трубецким в статье, предназначавшейся для 14-го тома «Zeitschrift für slavische Philologie», выпускаемого М. Фасмером, неодобрительно отнесшимся к идее Тубецкого.

[24] Следует заметить, что Волговерховский ручей, с которого начинается первый отрезок Волги, вскоре встречает первое расширение в виде озерца, называемого Малый Верхит, шириной всего в 50—60 сажень, а несколько верст спустя — и второе, образующее озеро Большой Верхит. Название *Верхит* восходит непосредственно к форме **Vъrx-it-* (из **Virs-ūt-*, с идеей верха-верховья), которая скорее всего тоже отсылает к балтийскому источнику, ср. лтш. *Virsūte*, лит. *Viršýtis* (оба из **Virs-ūt-*) при лит. *Virš-upis*, *Viřš-upis*, прусск. *Wirsisthen* и т. п.

[25] Ср. летописное сообщение — ⟨…⟩ *рѣка Д н ѣ п р ъ бо потече из Оковьскаго лѣ*[*са*] ⟨…⟩ *а Д в и н а ис тогоже лѣса потече* ⟨…⟩ *ис того же лѣса потече В о л г а на въстокъ* (Лавр. летоп., 7).

[26] Прежде всего сам характер *l* в известных случаях мог способствовать (уже на славянской почве) усвоению балт. *Ilg-* в виде **Jilg* > **ъlg-* > **Vъlg-* > *Волг-*. Во всяком случае «деликатный» вопрос о протезе *j-* : *v-*, помимо того, что он может быть продвинут и на собственно балтийском материале, имеет за собой и с л а в я н с к и е дублеты на старой б а л т и й с к о й почве; ср., например, мазур. *Wielgie Błoto* при варианте *Jelgie Błoto* и т. п., см. *Leyding G.* Słownik nazw miejscowych okręgu Mazurskiego. Cz. II. Poznań, 1959, 299. Но особенно важным аргументом представляется другой гидронимический факт с юго-западной периферии древней Балтии. Речь идет о гидрониме *Ulga* в верховьях Вислы (Hydr. Wisły, № 56) при *Wielga* (Ibid., № 198), *Wilga* (Ibid., № 350), из которого органически получается слав. **Vъlg-* : *Вълг-* : *Волг-*. *О* трактовке *Ulga* как балтизма см. *Орел В. Э.* Неславянская гидронимия бассейнов Вислы и Одера // Балто-славянские исследования 1988—1996. М., 1997, 353.

[27] См. *Николаев С. Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах // Балто-славянские исследования 1987. М., 1989, 187 и сл.

[28] См. основной источник по гидронимии Подмосковья (в широком смысле слова) — *Здановский И. А.* Каталог рек и озер Московской губернии. М., 1926.

[29] Более того, целесообразна постановка вопроса о балто-славянской диалектологии, о чем см. статью автора — О балто-славянской диалектологии (несколько со-

ображений) // Dialectologia Slavica. Сборник к 85-летию Самуила Борисовича Бернштейна М., 1995, 40—53.

[30] См.: *Shevelov G. Y.* The Prehistory of Slavic. New York, 1965, 633—634.

[31] Проблема растворения балтийского элемента в славянском в Восточной Балтии имеет отношение в более общей глобальной проблеме «невидимого» слоя в балто-славянской истории, как она отражена в языке. При значительной общей части балто-славянского словаря, в котором соответствующие лексемы восходят к единому источнику, имеет место ситуация принципиальной неразличимости («невидимости») заимствованного от своего собственного, исконного. Теоретически русск. *цѣна* может быть и заимствованием из балтийского (ср. лит. *kainà*), и собственным достоянием, хотя литовское слово *не* может быть заимствованием из русского (но может быть заимствованием из праславянского). Такова же ситуация с соотношением русск. *рука́* (< праслав. **rǫka*) и лит. *rankà*; русск. *голова́* и лит. *galvà*; русск. *дать* и лит. *dúoti* и т. п. О заимствованном или незаимствованном элементе можно судить только применительно к состоянию, когда контактирующие языки обладают уже некоторым минимумом различий и они известны исследователям. Поскольку оба эти условия до VI в. н. э. отсутствуют, наука не располагает и принципиально не может располагать сведениями о древнейших заимствованиях из балтийского в праславянский и обратно — из праславянского в балтийский.

[32] См. *Лаучюте Ю. А.* Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982.

[33] Когда к этим четырем славянским языкам присоединяется пятый (один-два случая), им практическим можно пренебречь.

[34] См. *Зинкявичюс З.* Восточная Литва…, 19—20.

[35] См. статьи автора — Из балто-славянской лексикологии I // Festschrift R. Eckert (в печати); — Из балто-славянской лексикологии II // Res Balticae [III], 1997, 33—68 и др.

[36] В рязанском Поочье, в частности, в Мещере, т. е. на 200—250 км к юго-востоку от Москвы, как бы неожиданно, но надежно обнаруживает себя некое сгущение балтийского слоя. Оно проявляется в известном количестве гидронимических балтизмов и целом ряде лексических апеллятивных балтизмов (ср. мещерск. *го́лвы* концы пахотной полосы [ср. лит. *galvà*], *де́гиль* печная труба [лит. *degìklis* ‘горелка’, *dẽglas* ‘факел’, от *dègti* ‘гореть’, ‘жечь’], *дуне́ть* ‘гудеть’ [лтш. *dunêt* ‘шуметь’, ‘гудеть’ и т. п., *duṇa* ‘шум’, ‘гром’, ‘грохот’, лит. *dunėti* ‘выдыхаться’, в частности, о распространяющемся и постепенно сходящем на нет звуке, *dundėti* и т. п.] и др., см. *Ванюшечкин В. Т.* О некоторых следах балтийских и финно-угорских языков в лексике мещерских говоров // Ученые записки Курского пед. ин-та, т. 72, Курск, 1970, 258—264). Но сами по себе и эти гидронимические заимствования, и балтийские апеллятивные заимствования могли бы быть достаточно древними. Более важно и интересно, что есть и исторические свидетельства относительно недавнего присутствия здесь балтийского этноязыкового элемента (ср. запись от 1629—1630 гг., относящуюся в этому локусу,— *к волости Курш̑*) и современные данные — до сих пор жителей деревень по реке Курше (бассейн р. Пра) и ее при-

токам (Касимовский р-н, Рязанской обл.) называют *куршаками* (вар. *куршаны*), см. *Ванюшечкин В. Т.* Заметки по этимологии областных слов: *куршаки* // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VI. М., 1968, 17—19, ср. также *Непокупный А. П.* Балто-славянские языковые связи. Киев, 1976, 147—148 (автор приводит и другие редкие примеры распространения элемента *Курш-/Kurš-* — далеко за пределами куршской земли — *Curland* Адама Бременского, 1073). К числу (практически) современных свидетельств нужно отнести и рассказ А. И. Куприна «Мелюзга», хорошо знавшего этот край и бывшего этнографически точным писателем. Особенно ценно в связи с «куршской» темой начало рассказа:

«В полутораста верстах от ближней железнодорожной станции, в стороне от всяких шоссейных и почтовых дорог, окруженная старинным сосновым Касимовским бором, затерялась деревня Большая Курша. Обитателей ее зовут в окрестностях Куршей головатою и Литвой-нехрещеною. Смысл последнего потерялся в веках, но остался его живой памятник в виде стоящей в центре деревни дряхлой католической часовенки, внутри которой за стеклами виднеется страшная раскрашенная деревянная статуя, изображающая Христа со связанными руками, с терновым венцом на голове и с окровавленным лицом. Говорят по-русски чисто, хотя нередко мешают *ч* и *ц*: вместе *винцо* произносят *винчо*, вместо *человек — целовек*».

Впрочем, уже 70 лет назад было отмечено, что жителей части Касимовского уезда их соседи, живущие от них к северу, действительно называли *Литвой* и что такое явление наблюдается «вообще вдоль северной границы средневеликорусских говоров, начиная с Московской ⟨…⟩ и до Тамбовской и Нижегородской губерний» [! — *В. Т.*], см. *Куфтин Б. А.* Материальная культура русской Мещеры. Ч. 1. М., 1926, 97; ср. также *Смолицкая Г. П.* Картографирование гидронимии Поочья // Вопросы географии 94. М., 1971, 63—64; *Непокупный А. П.* Указ. соч., 148.

[37] Из археологических работ, так или иначе связанных с обнаружением балтийского слоя в Восточной Европе, здесь достаточно отметить наиболее существенные: *Седов В. В.* Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней России // СА 1961, № 2; *Он же*. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970; *Он же*. Славяне и племена юго-восточного региона Балтийского моря // Berichte über den II. Internationalen Kongress für slawische Archäologie. Bd. I. Berlin, 1970; *Он же*. Длинные курганы кривичей // САИ, Е 1—8. М., 1974; *Он же*. Балты и славяне в древности (по данным археологии) // Из древнейшей истории балтийских народов. Рига, 1980; *Он же*. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982; *Он же*. Славяне в раннем Средневековье. М., 1995; *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963; *Третьяков П. Н.* Финно-угры балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966; Древнее поселение в Подмосковье. М., 1970, 1971; *Шмидт Е. А.* Особенности погребального обряда кривичей XI-начала XII вв. в верховьях Днепра в связи с вопросом их этногенеза // Тезисы докладов делегации на IV Международном Конгрессе славянской археологии. М., 1980; *Розенфельдт Р. Л.* Древнейшие города Подмосковья и процесс их возникновения (по археологическим материалам) // Русский город (историко-ме-

тодологический сборник). М., 1976; ср. отчасти: Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э.— первой половине I тысячелетия н. э. М., 1993.

[38] К рязанско-голядской (и — шире — рязанско-балтийской) теме ср. летописное сообщение о князе Святославе Ольговиче, *онъ же шедъ взя градъ Голеди, и прочая власти повоева и возратися в Резань* (ПСРЛ, т. IX, 172).

[39] Предполагается, что этот ареал начал осваиваться предками вятичей и радимичей уже с начала IX в. или даже с конца VIII в.

[40] См. *Розенфельдт Р. Л.* Указ соч., 6—7.

[41] Там же, 9.

[42] См. *Кашкаров В. М.* К вопросу о древнейшем поселении Калужской губернии // Калужская старина. Год первый. Т. 1, кн. 2, Калуга, 1901, 1—13 особой пагинации.

[43] См. *Вилинбахов В. Б., Энговатов Н. В.* Предварительные замечания о западных галиндах и восточной голяди // Slavia Occidentalis 23, 1963; *Седов В. В.* Гидронимия голяди // Пітання гідроніміки. Київ, 1971; *Топоров В. Н.* Γαλίνδαι — *Galindite* — *голядь* (балт. *Galind-* в этнолингвистической и ареальной перспективе) // Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов. Рига, 1980; *Он же.* Древняя Москва в балтийской перспективе // Балто-славянские исследования 1981. М., 1982; *Он же*. Галинды в Западной Европе // Балто-славянские исследования 1982. М., 1983; *Он же*. Еще раз о балтизмах на чешских землях // Slavia. Ročn. 62, 1993 и др.

[44] См. статью автора — Из балтийской ареальной гидронимии. К латгальско-восточнославянским языковым связям // Bałto-słowiańskie związki językowe. Wrocław, 1990, 365—380.— Едва ли случайно, что эта полоса, тянущаяся от восточных пределов Литвы и от Латгалии на юго-восток, через северную часть Белоруссии, Смоленщину, Калужскую и Брянские земли и далее в сторону Воронежа, совпадает с полосой интенсивного боброводства (не охоты на бобров /!/, но хорошо налаженного бобрового хозяйства), столь характерного еще для XVI—XVII вв., о чем можно судить по «бобровым» статьям в «Литовском статуте». Следует отметить, что и в юго-западном Подмосквье, примыкающем к указанной полосе, боброводство получило большой размах.

[45] См. *Зализняк А. А.* О языковой ситуации в древнем Новгороде // Russian Linguistics 11, 1987, № 2—3, 115—132; *Он же*. Древненовгородское койне // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988, 60—78; *Он же.* Новгородские берестяные грамоты и проблемы диалектного членения позднего праславянского языка // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988, 164—177; *Он же*. Древненовгородский диалект. М., 1995; *Николаев С. Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. 1. Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988, 115—154; Балто-славянские исследования 1987. М., 1989, 187—225; *Он же*. К истории племенного диалекта кривичей // Советское славяноведение 1990, № 4, 54—63; *Он же*. Раннее диалектное членение и внешние связи восточно-

славянских диалектов // ВЯ 1994, № 3, 23—49 и др.— Ср. также *Герд А. С.* К реконструкции днепро-двинской диалектой зоны // Псковские говоры в их прошедшем и настоящем. 1988, 118—122.

[46] Определение *всѣ* прочно прирастает к кривичам и только к ним и в других местах, ср. еще: *Рѣша русь, чюдь, словѣни и кривичи в с я Земля наша велика и обилна* и др. Но кривичи не только *всѣ* они в с ю д у, ср. проницательные слова И. А. Тихомирова — «Итак, кривичи, кривичи, кривичи — одни и в с ю д у. Они наполняют и свою собственную землю. Они же заселяют и всю середину России. Удивительная плодовитость! Но куда же делись остальные славяне — славяне новгородские, чудь, весь, меря и другие?», см. *Тихомиров И. А.* Славянское заселение Ярославской губернии // Труды IV Областного историко-археологического съезда в Костроме. Кострома, 1914, 135; ср. также *Дубов И. В.* Спорные вопросы этнической истории Северо-Восточной Руси IX—XIII веков // Вопросы истории 1990, № 5, 15—27; *Хабургаев Г. А.* Этнонимия «Повести временных лет». М., 1979, 111—113 и др.

[47] См. *Gołąb Z.* The Origin and Etymology of Old Russian *krivičі* // Slavic Linguistics, Poetics, Cultural History. In Honor of Henrik Birnbaum on His Sixtieth Birthday 13 December 1985. IJSLP XXXI—XXXII, 1985, 167—174.

[48] См. *Дмитриев С. В.* К вопросу о функционировании и генезисе этнонима «кривичи» // Язычество восточных славян. Сборник научных трудов. Л., 1990, 143—149.

[49] *Седов В. В.* Кривичи // СА 1960, № 1; *Он же*. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси // СА 1961, № 2; *Он же*. Длинные курганы кривичей // Археология СССР. Свод археологических источников. Е. 1—8. М., 1974; *Он же*. Восточные славяне в VI—XIII вв. Археология СССР. М., 1982, 158—169; *Шмидт* Е. А. Особенности погребального обряда кривичей XI — начала XII вв. в верховьях Днепра в связи с вопросом их этногенеза // Тезисы докладов советской делегации на IV Международном Конгрессе славянской археологии. М., 1980, 87—89 и др.

[50] Для известной эпохи в Вильнюсе сходились и сосуществовали литовский и кривичский элементы, и можно с достаточной определенностью говорить о линии их разграничения в городе. В более широком плане об этой границе см. *Охманьский Е.* Литовско-кривичское пограничье в племенную эпоху // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972, 242—257.

[51] Впрочем, совершенно не ясно, относили ли предки латышей название *krievi* к русским кривичам или к балтийским. Не исключено, что *krievi* было названием à deux termes: в каждую эпоху оно обозначало разное, хотя и преемственно, исторически связанное.

[52] Раскопки производили специально вызванные из Петербурга профессиональные археологи.

[53] Ср. латгальские штудии Букша, Брейдака и др., а также последнюю статью Кольбушевского, написанную им перед смертью.

[54] См. статью автора — О кривичском элементе и кривичской ретроспективе // Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо. Тезисы докладов. М., 1991, 169—180. «Кривичское» и «балтийское» (или даже «кривичско-балтийское») может быть обнаружено и в той «широтной» полосе, которая тянется вдоль новгородско-литовской границы даже еще в XIII—XV вв.— от Ржевы Пустой и Великих Лук до Ржева и Торжка. См. недавно вышедшую книгу — *Янин В. Л.* Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII—XV веков. М., 1998, особенно приложение Л. А. Бассалыго и В. Л. Янина «Историко-географический обзор новгородско-литовской границы (104—214). Обширный и впервые вводимый топо- и гидронимический материал представляет собою большую ценность, и автор этих строк предполагает обратиться к нему в другом месте. Здесь же только остается сказать, что среди приводимых названий мест и вод на этом пограничье много десятков (если не более) балтизмов, причем нередко явных. Вот лишь некоторые из них: *Дегжа, Вержа, Сороть, Оршо, Жекопино, Чичорка, Грива, Гривка, Ошевка, Цевло, Веретея, Локнея, Смерделя, Насва, Ужа, Вережна, Оль, Скорота, Стербинка, Видога, Гобзово, Моложа, Водосы, Добша, Уша, Ушица, Гвято, Вережоно/Вережуни, Стабно, Волкота, Стерж, Стергут, Витбино, Домаша, Обрыня, Шлино, Серемо* и др.

[55] В наиболее полном и корректном виде — Древняя Москва в балтийской перспективе // Балто-славянские исследования 1981. М., 1982, 3—61.

А. А. Турилов

К изучению Сказания инока Христодула: датировка цикла и имя автора

«Сказание о чудесах великомученика Георгия», заново открытое и опубликованное Б. Ст. Ангеловым четверть века назад [1], остается до настоящего времени мало изученным с источниковедческой точки зрения. В предыдущей статье [2] я постарался показать сложность происхождения цикла, который в дошедшем виде представляет перевод с греческого, выполненный, вероятно, вскоре после его написания, в позднейших списках подвергшийся разного рода сокращениям (по преимуществу механическим). При этом основное ядро памятника (чудеса 4—10 по современной нумерации[1]) представляет запись в двойном переводе со славянского (либо, что менее вероятно, с протоболгарского) на греческий и обратно, но теперь уже на литуратурный древнеболгарский язык устных рассказов инока Георгия Болгарина[2] в пересказе настоятеля монастыря под Никеей игумена Петра. Сделана запись, судя по всему, была довольно скоро после смерти первого повествователя.

Достаточно хорошо в историко-филологической литературе изучено лишь чудо 4 — «О кресте и болгарине» — благодаря тому, что оно содержит уникальные исторические сведения по истории Болгарии 860—890-х гг. (крещение Болгарии, учреждение архиепископии, свержение князя Владимира и восшествие на престол Симеона, болгаро-венгерские войны) и введено в научный оборот (в отдельных списках вне цикла) еще в середине прошлого века (историографию см.: [3. С. 108—110, 158—159; 4. С. 512]). Казалось бы, следовало ожидать, что после обнаружения цикла чудо будет рассмотрено в его контексте, но этого не произошло. В болгарской историко-филологической литературе преобладает мнение о компилятивном характере цикла (см.: [1. С. 71—76; 3. С. 110; 4. С. 334; 5]; о причинах этого [2. С. 82—83]), что позволяет исследователям заниматься отдельными сюжетами (преимущественно воинскими — чудеса 4, 9), не углубляясь в вопросы происхождения СХ (и даже СЖК) в целом.

Предлагаемая статья посвящена двум аспектам: датировке обоих циклов и развернутому обоснованию реконструкции имени автора, подвергшегося порче еще на уровне архетипа всех дошедших списков. Для решения этих вопросов используется вся известная на сегодняшний день рукописная традиция памятника — 6 относительно полных списков цикла: **1.** Ц 1 — ГИМ. Увар. 434—1° (Царск. 717), сер. XVI в., л. 55—79 (издан Б. Ст. Ангеловым); **2.** У — РГБ. Унд. 571, трет. четв. XVI в., л. 82—105 об.; **3.** Мр — РГБ. Маркушевич, № 6, втор. четв. XVII в., л. 11—36 об., 40—48 об.; **4.** Ц 2 — ГИМ. Увар. 439—1° (Царск. 728), втор. четв. XVI в., л. 148—162 об.; **5.** Мз — ГИМ. Музейск. 1031, втор. четв. XVII в., л. 316 об.— 338 об.; **6.** Т — Новосибирск. ГПНТБ СО РАН. Тих. Р—111, сер. XVII в., л. 81 об.— 1083.

I. Датировка цикла

Прямых дат с указанием года происшествия, не говоря уже о месяце и дне, текст СХ не содержит. Это находится в полном соответствии с древнейшей практикой литературной фиксации чудес в византийско-славянском мире, где точно датированные события составляют редкое исключение. Проставление даты при чуде становится правилом на Руси не ранее второй половины XV в., когда развивается практика «обысков» чудотворений, подобно судебным дознаниям, и связанная с этим фиксация чудес в форме летописных записей. В более раннее время главным основанием датировки отдельных чудес является упоминание исторических лиц и событий, известных и датируемых по другим источникам. Для СХ такими опорными точками являются: упоминание двух болгаро-венгерских войн (895 и 896 гг. [7. С. 499—509] или 894 и 895 гг. [9. С. 255—259]) и указание на смерть князя Бориса-Михаила (2 мая 907 г.[4]) в «Чуде о кресте и болгарине» [1. С. 85—86], хотя последний вопрос должен быть рассмотрен специально. Для датировки внутреннего цикла, связанного с именем Георгия Болгарина (СЖК), представляющего собою повествование в повествовании, а отчасти и всего СХ, имеет значение также относительная хронология событий, т.к. здесь постоянно встречаются указания на число лет, месяцев, недель или дней, прошедших между ними. Проверка достоверности этой шкалы и ее соотнесение с абсолютной хронологией имеет (наряду с другими факторами [см.: 2]) большое значе-

ние для признания или отрицания гипотезы о компилятивном характере СЖК и СХ, выдвинутой Б. Ст. Ангеловым. Датировка СХ находится в прямой зависимости от СЖК, последнее представляет для первого terminus ante quem non. Разрыв между ними, по всей видимости, невелик (во всяком случае автор нигде не сообщает, что он медлил с записью услышанного) и в принципе может лишь немногим превышать три месяца (Георгий Болгарин, поведавший о чудесах от железного креста на смертном одре, «отиде от жития сего преже трие месяць» [1, С. 84] до того, как об этом услышал рассказчик).

1. «В царство Василиево»

Начальные чудеса СХ, не входящие в СЖК, за исключением 3-го чуда («О калугере»), непосредственно примыкающего к внутреннему циклу, и изъятое еще в древности двойное чудо Николая Мирликийского и Георгия о пленном сарацине, когда-то бывшее первым [см.: 2. С. 86—90], отнесены к «царству Василиеву» — времени явно прошлому[5]. Поскольку настоящее время повествования определяется жизнью Георгия Болгарина, родившегося не позднее середины IX в. («Егда бо мя крестиша (865—866 г.), уже бех женат» [2. С. 89]) и умершего через несколько лет после второй болгаро-венгерской войны (896 г.), вероятно, в 906 или 907 г. (см. ниже), то речь может идти лишь о Василии I Македонянине (867—886 гг.), а не о Василии II Болгаробойце (976—1025 гг.). Но все же в свете гипотезы о компилятивном характере цикла, складывавшегося на протяжении длительного времени, это наблюдение следует проверить.

Данные для этого содержатся в двойном чуде Николы и Георгия, где говорится, что сарацин, попавший в плен в Мирах Ликийских, был прославлен на всем Крите («Ту бяху яли срачинина сильна, мужа нарочита и славьна в вьсемь острове Критьстемь» — РНБ. F.п.I.46. Л. 73). Таким образом, событие явно относится ко времени арабского владычества на острове, до победоносного похода Никифора Фоки, вернувшего Крит Византийской империи (960—961 гг.).

Бесспорное отнесение «царства Василиева» ко времени Василия I имеет косвенное значение и для датировки СХ в целом. Чудеса цикла, независимо от их происхождения, разделяются на происшедшие «в царство Василиево» и те, что «поведаны ныне» [1. С. 97]. При отсутствии других указаний, есть все основания видеть в этом «ныне» царст-

вование Льва VI (886—12 мая 912г.) и, соответственно, датировать цикл не позднее последнего года его правления.

Как увидим ниже, это предположение не противоречит датировке ни всего цикла, ни его ядра — СЖК.

2. Внутренняя хронология цикла. «Пропавшие» месяцы и годы

При всей условности внутренней хронологии цикла, оперирующей промежутками времени между событиями, из которых с точностью до времени года датировано лишь исходное (вторая болгаро-венгерская война, вероятнее всего, весна 896г. [7. С. 507—509]), и, кроме того, приводимыми по памяти, выкладки по ней небесполезны хотя бы для выявления и объяснения несоответствий между нею и немногочисленными опорными хронологическими пунктами. Эти относительные хронологические ориентиры не играют заметной роли в повествовании. Если над текстом работал компилятор, то едва ли он ставил задачу проверить и четко организовать внутреннюю хронологию.

Начать эти расчеты целесообразно с конца.

Повествование начинается в день великомученика Мины[6], т.е. 11 или 10 ноября [см.: 11. Т. 2. С. 351]. То, что речь идет о фригийском великомученике начала IV в., а не о соименном и современном ему александрийском мученике (память 10 декабря), подтверждается указанием на чудо о христианине, занявшем золото у еврея и не хотевшим возвращать («и дивящимся нам о всех чюдесех, яже сътвори святым Миною, доидохом до жидовина, егоже злато хоте удръжати крестианин, како ти приведе и Господь к святому крещению святым Миною» [1. С. 80) — сюжет из цикла, приписываемого Тимофею, патр. Александрийскому, известный в греческой и славянской традиции [12. С. 133—134; 11. Т. 3. С. 464—465]. День памяти великомученика Мины (10 или 11 ноября) легко объясняет и переход от рассказа его чудес к чудесам великомученика Георгия, поскольку 10 ноября празднуется колесование последнего[7]. Праздник сохранился в настоящее время только в грузинской церкви [11. Т. 2. С. 351], но в древности, вероятно, имел более широкое распространение. С отнесением всего цикла ко времени Льва VI эту беседу следует датировать не позднее 10 или 11 ноября 911 г. Через день или два рассказчик услышал из уст архимандрита Петра повествование инока Георгия Болгарина, «иже отиде

от жития сего преже треи месяць» [1. С. 84], т.е. не позднее конца июля — начала августа того же года.

Напротив, в начальной части СЖК встречается много мелких хронологических ориентиров, которые не образуют четкой картины вследствие того, что нижняя хронологическая грань — вторая болгаро-венгерская война — сама не имеет датировки более точной, чем время года — ее принято относить к весне — началу лета 896 [7. С. 508—509] или же 895 г. [9. С. 258—259].

По окончании военных действий Георгий не менее трех дней добирался домой (во время похода на войну его старый конь, согласно предсказанию св. Георгия, «в третий день разбися» [1. С. 86]). Дома он застал жену в лихорадке и наблюдал за болезнью две недели («пребых за неделю и другую»), прежде чем исцелил ее железными кольцами, снятыми с ноги павшего коня. На третий день после того, как из колец был скован крест, в отрока из села, где жил Георгий, вселился бес, которого на семнадцатый день после этого изгнали заступничеством великомученика [1. С. 87]. «По малу дний» исцелившийся принял монашество, вскоре за ним последовал и Георгий. Через день после того, как он направился странствовать, ему явился во сне Георгий, который заповедал новоначальному иноку найти премудрого старца Софрония, пещеру которого Георгий Болгарин отыскал на второй день («Отидох и шед до вечера, ста… И въстав заутра… доидох вторыи день горы» [1. С. 88—89]).

Таким образом, время от возвращения с войны до прихода к старцу Софронию исчисляется даже не месяцами, а неделями (шесть-семь)[8]. Несомненно, что это произошло до 10 (колесование св. Георгия — см. выше) или даже до 3 ноября (память обновления храма св. Георгия в Лиде) — в чуде о пастухе, укушенном змеей, исцеленный овчар кается, что продал ягненка убогой вдовы, которого та обещала заколоть на праздник св. Георгия [1. С. 89—90]. Дата праздника в повествовании, разумеется, не названа, но весенний Юрьев день (23 апреля) в данном случае практически исключен, поскольку скот весной забивают гораздо реже, чем осенью.

В списке, изданном Б. Ст. Ангеловым (Ц1), счет и далее продолжает вестись на дни. 40 дней Георгий прожил у Софрония до пострига [1. С. 90] (в родном селе рассказчик, вероятно, лишь дал обет принять монашество, поскольку, в отличие от исцеленного отрока, о пострижении Георгия в чуде 6-м не говорится [1. С. 88]). Затем по прошествии

какого-то времени к ним пришла группа поклонников из Болгарии, пробывшая у них два дня [1. С. 90—91, 94]. После этого Софроний в предчувствии смерти отправил ученика в город за схимническим облачением и священником и по возвращении Георгия умер. Георгий провел у могилы старца 40 дней, отслужил панихиду со священником и, исполняя двойной наказ Софрония, отправился в Малую Азию [1. С. 94—95], в монастырь игумена Петра, чтобы передать ему чудотворный железный крест. В монастыре Георгий пробыл «мало дний», разболелся и умер [1. С. 84] (что также было предсказано ему Софронием в посмертном видении)[9]. Если принимать эту хронологию буквально, то события от возвращения Георгия с войны до его кончины заняли бесспорно не только меньше года, но и полугода, и он умер в конце 896 (895) или в начале 897 (896) г.[10]

Такие результаты подсчетов противоречат, однако, уже упоминавшимся свидетельствам того, что Георгий Болгарин умер летом, за три с лишним месяца до дня св.Мины, и данным нескольких пассажей внутри самого СЖК. Так из эпизода между чудом 6 и 7 видно, что Георгий Болгарин хорошо знал греческий язык и научился ему у старца Софрония, повторяя за ним Псалтырь наизусть[11]. Такое обучение требует больше времени, чем предложенные выше выкладки, и здесь явно нельзя сослаться на специфику жанра.

Как правило, элементы чудесного в Сказании четко дозированы, отдельными точками включены в картину обыденной жизни для усиления эффекта их реальности и в то же время зримо акцентированы. Персонаж чуда может не осознавать до поры потусторонней природы происходящего и давать ему рационалистическое объяснение[12], но читателю эта природа открыта. Известие о знании Георгием греческого языка носит маргинальный характер, принадлежа не основной повествовательной линии, а входя в элементы диалога, которыми скреплено все повествование. Это та обыденость, в которую вкраплены проявления чудесного. Обыденно и объяснение противоречия.

Причина заключается в том, что текст СХ изобилует лакунами, далеко не всегда определяемыми и заметными лишь при сопоставлении всей рукописной традиции памятника. Хотя список Ц1, изданный Б. Ст. Ангеловым, безусловно, древнейший и наиболее полный[13], тем не менее пропуски текста в объеме одной-двух фраз в нем нередки. Три таких пропуска отметил при публикации уже сам Б. Ст. Ангелов [1. С. 85, 92], первый из них контролируется текстом отдельного «Чуда

о кресте и болгарине» [ср.: 13. С. 20; 14. С. 226, 229; о ряде других лакун см.: 6. С. 221—222].

Если обратиться к повести «О пастусе, егоже уяде змия» в составе Пролога под 23 или 24 апреля (чудо 7 цикла), либо к Мз. и Т. спискам, то видно, что в рассказе между пострижением Георгия и приходом к Софронию странников из Болгарии опущен следующий эпизод: «И в третье лето седящима нама со старцем и плетущима кошницы, да иже прихожааху из града или отынудь, то тем даяше, и от них пищу приимаше. Руце же его деласта, а устне же его и язык не престаяше, славяще Бога псалмы и песньми духовными» [6. С. 221—222].

Причина пропуска в группе списков Ц1, Ц2, Мр., явно восходящих к одному протографу, предельно ясна. Следующий пассаж начинается словами: «И в некыи день седящима нама…» [1. С. 90]. Опущен фрагмент между одинаковым союзом и предлогом с одной стороны и причастием с другой.

Но и поправка на два с лишним года не снимает всех противоречий текста, хотя проблема изучения Георгием греческого языка в данном случае исчезает. Такой вывод проистекает из некоторых деталей содержания чуда 9-го «О Клименте». Эта пространная повесть является в СЖК вставным эпизодом, в отличие от других чудес внутреннего цикла Георгий Болгарин не был здесь участником и свидетелем события, а услышал рассказ от одного из посетителей Софрония — священника Ефрема, поведавшего о происшествии с его духовным сыном Климентом, которого, как и Георгия, спас в битве с венграми Георгий Победоносец. Судя по описанию разгрома и беспорядочного бегства болгар, служащего фоном чуда [см.: 1. С. 92—93], эпизод относится к первой болгаро-венгерской войне. Сам рассказ имеет длительную предысторию. Климент поведал о чуде духовнику лишь на смертном одре, дабы тот понял, почему умирающий в течение ряда лет до этого («тако творяше по вся лета» [1. С. 91—92]) ежегодно устраивал три трапезы в честь св. Георгия (за два дня, накануне и в самый праздник) для нищих, священнослужителей и монахов, и для родственников и друзей (это заповедал ему мученик в память о спасении). Ex silentio можно заключить, что рассказчик не застал начала исполнения обета своим духовным сыном, столкнувшись с ним уже как с обычаем, для рассказчика необъяснимым (поскольку «ни ему имя Георгий, ни детем его, ни в роде никомуже» [1. С. 91]). Подобная ситуация плохо согласуется с 3—4 годами, прошедшими со времени первой болгаро-венгер-

ской войны, если в отношении сроков следовать за проложной повестью и списками Мз. и Т., требуя явно большего числа лет. Хотя сакральное значение числа три в литературе хорошо известно, его нельзя считать эквивалентом понятия «много», тем более, что речь идет даже не о трех годах, а о третьем годе.

Кажется, единственным разумным объяснением противоречия может служить то, что текст, в котором говорится о продолжительности жизни Георгия у старца Софрония, испорчен, причем на уровне архетипа всех дошедших списков. В этом предположении нет ничего не только невероятного, но даже исключительного, если принять во внимание общее число явно испорченных чтений памятника. Предлагаемая конъектура основана на двух минимальных допущениях, объясняющих происхождение ошибки в древнем памятнике, дошедшем в поздних восточнославянских списках.

Первое допущение состоит в том, что число лет может быть написано и словом, и цифрой: вариант «и в г (или г е) лето» равноценен и варианту «и в третье». Но в южнославянских рукописях, начиная с древнейших времен (а в южнославянском (болгарском) происхождении перевода, при этом весьма раннем, сомнений нет), довольно обычно написание цифр под двумя титлами [см.: 15. С. 231, примеч.2], что для восточнославянской традиции (особенно начиная с XIII в.) нехарактерно. Восточнославянский писец мог прочитать как 3 (г) 10 (і) протографа, написанное под двумя титлами. Ошибка могла возникнуть и ранее — уже на стадии перевода — в начале X в., славянский писец, более привыкший к глаголице, чем к новой еще кириллице, легче мог смешать «иоту» под титлом с «гаммой».

Такая конъектура («в ї лето») снимает все противоречия текста и позволяет отнести смерть Георгия Болгарина (и соответственно оформление устного цикла СЖК) к 905—906 гг. Если же принять во внимание, что это случилось более, чем за три месяца до праздника великомученика Мины, событие уверенно можно датировать июлем-августом 906 г.

Правда, следует заметить, что такая датировка не согласуется с известием о смерти Бориса-Михаила в «Чуде о кресте и болгарине» («и потом сподоби и Бог, приим аггельский образ, отиде жития сего к Христу» [1. С. 85]). Точная дата этого события (2 мая 907 (6415) г., в субботний вечер) известна из приписки черноризца Тудора Доксова к Словам против ариан Афанасия Александрийского в переводе Кон-

стантина Преславского, дошедшей в ряде русских списков памятника XV—XVI вв. Дата, содержащаяся в приписке, полная — с указанием числа, месяца и дня недели (хотя и не вполне ясно, что означают слова «в вечер субботний» — вечер субботы или пятницы) и, несмотря на несогласованность года с номером индикта, не вызывает сомнений. Разумеется, при желании можно было бы устранить это противоречие, предположив, что в приписке использован ультрамартовский стиль, а число месяца транслитерировано из глаголицы в кириллицу без учета цифровой разницы («в» в глаголице имеет значение 3, а в кириллице 2) — поскольку в 906 г. суббота действительно приходится на 3 мая. Однако такое объяснение требует сразу многих допущений, т.к. применение ультрамартовского стиля у южных славян неизвестно. Вероятнее предположить, что сообщение о смерти Бориса-Михаила принадлежит не рассказчику СЖК и даже не греческому тексту СХ, а появилось уже при переводе цикла на славянский язык. Другое возможное объяснение состоит в том, что рассказчик бессознательно «округлил» число лет своей монашеской жизни. В таком случае, смерть Георгия Болгарина следует отнести к лету 907 г., а создание цикла на греческом языке к рубежу 907—908 гг.

Разумеется, в датировке СЖК летом 906 (907) г., а всего СХ временем вскоре после середины ноября того же года есть элемент условности. Однако мало сомнений в том, что памятник не только написан, но и переведен на славянский до начала войн Симеона за гегемонию на Балканах [см.: 2. С. 94; 17], и это составляет дополнительный аргумент в пользу предложенной датировки.

II. Имя автора

В Сказании Христодула, как в любом шкатулочном романе, каковым по структуре является памятник, число авторов-повествователей весьма значительно. Можно выделить три их уровня: малые авторы-повествователи отдельных сюжетов; средние, чье повествование обрамляет и связывает первичные рассказы; и, наконец, главный рассказчик [см.: 1. С. 69; 2. С. 91]. При этом повествователи могут выступать сразу в двух ипостасях — и первичного, и рамочного повествователя. Например, Георгий Болгарин для большинства сюжетов СЖК первичный повествователь, но для «Чуда о Клименте» — рамочный.

Наконец, даже главный рассказчик в «Чуде о калугере» выступает в роли малого.

Кроме того, имеется еще и микроуровень — рассказчики внутри сюжетов; как правило они анонимны. Из всех повествователей проблему составляет лишь главный, все остальные известны по не вызывающим сомнения именам.

Мне уже приходилось писать о реконструкции имени автора цикла, но в очень краткой форме (наиболее пространно — в популярном издании [см.: 2. С. 91; 18]), поэтому здесь имеет смысл подробно изложить аргументы.

Не подлежит сомнению, что имя автора во всей рукописной традиции в разной степени искажено. В изданном старшем и, несмотря на все дефекты, наиболее исправном списке Ц1, начиная с «Чуда о калугере», он назван 4 раза устойчиво одним и тем же именем — «Ходóлъ» (дважды в тексте чуда 3, 1 — в эпилоге игумена Петра и один раз — в авторском эпилоге [1. С. 84, 96, 97]; дважды в именительном и дважды в звательном падеже «Ходóле»).

Это явно не христианское либо испорченное имя находится в противоречии с монашеским саном повествователя. Его неоднократно называет «братом» архимандрит Петр [1. С. 84, 96], а сам он называет так же Федора, героя «Чуда о калугере» [1. С. 83] (о том, что это не брат по плоти, свидетельствует вопрос игумена к повествователю: «А друг твой Федор где есть?») и монаха Никодима [1. С. 83]. Излишне говорить, что мирское имя для монаха (тем более человека книжного) — явление в православном славянском мире крайне нехарактерное. Здесь достаточно напомнить, что среди книгописцев из белого духовенства XI—XIV вв., как южно- так и восточнославянского происхождения, мирские имена не редкость (достаточно вспомнить Упыря Лихого), но применительно к монахам они неизвестны.

Разумеется, можно апеллировать к примеру современника — черноризца Храбра. Однако в этом случае имя несомненно представляет кальку с греческого или латинского имени от корня со значением «воин» или «мужественный», чего нельзя сказать о Ходуле.

К сожалению, Б. Ст. Ангелов при объяснении имени не учел этого обстоятельства, ограничившись замечанием, что «имя автора звучит по-славянски» [1. С. 76]. С этим нельзя не согласиться, хотя параллель в славянских языках обнаружить невозможно. Попутно исследователь указал два случая употребления созвучного имени («Фудул») в болгар-

ских памятниках XIV в.: 1. в приписке на поле Сборника второй четверти века (ГИМ, Хлуд. 237) о переводе с греческого и написании двух глав неким Фудулом (запись, как кажется, не писца, хотя и современна рукописи); 2. в похвальном слове Григория Цамблака патриарху Евфимию, где фигурирует монах-еретик Феодосий по прозвищу Фудул (не исключено, кстати, что речь идет об одном и том же лице [1. С. 76—78]). Опираясь на это созвучие, Б. Ст. Ангелов предположил, что и в СХ первоначально стояло имя Фудул, замененное позднее на Ходул. Причина такой замены не объяснена, но, вероятно, речь должна идти о гиперкорректном написании, т.к. в народном произношении у южных славян обычна обратная замена (типа Хиландарь — Филандарь). Такое предположение породило своеобразное qui pro quo — одно непонятное имя заменяется другим.

Немного дает в этом смысле и весьма полезное в иных случаях обращение к другим спискам. Материал сопоставим не в полном объеме, поскольку в других рукописях (кроме Мр.) имеются механические сокращения текста — в Мз. и Т. он обрывается на чуде 9, в Ц2 опущены эпилоги главного повествователя. Но не вызывает сомнений, что имя рассказчика смущало почти всех писцов. В той форме, в которой дает его изданный список, оно последовательно встречается без вариантов только в Мр. В списке Ц2, отражающем тот же вид текста, написание Ходул встречается только один раз — в эпилоге игумена Петра. В чуде третьем, в звательном падеже оно опущено, а во втором случае дано с метатезой — Худолъ. В Мз. и Т. в первом случае оно дано как Худолъ и Худоль, во втором — Худолъ и Худо(г). В последнем варианте можно заметить элемент осмысления (худог — искусный, умелый, опытный, сведущий, удачливый) [19. Стб. 1414].

Далее всех пошел по пути осмысленной трансформации имени писец *У* (или его предшественник). Здесь во всех случаях сознательно, хотя и в нарушение смысла повествования имя заменено на Федор. Источник такой замены понятен: непонятное имя впервые встречается в «Чуде о калугере», и Федором зовут его героя — спутника повествователя, усомнившегося в услышанных им чудесах великомученика Георгия [1. С. 83].

Сопоставление имени во всей рукописной традиции дает достаточно оснований считать базовым для дальнейших разысканий вариант «Ходул», поскольку он дошел в наиболее раннем списке, не несущем следов редакционной обработки, и может отражать только ошибку

протографа. Мнение же о наличии такой ошибки может показаться предвзятым только без учета всех искажений имен собственных (прежде всего географических наименований), обильно представленных в тексте памятника [некоторые примеры см.: 2. С. 92; 6. С. 221—222].

Ключ к реконструкции имени находится в тексте несколько ранее первого упоминания в традиционной для СХ форме («Ходулъ»), а сама реконструкция представляется бесспорной. В связующем эпизоде повествователь говорит о себе: «Идыи же аз грешный, недостойный нарещися Х(рист)офор (написано под титлом.—*А. Т.*), како бо ся хощю нарещися (!) «Христов раб», а повеления его не съхранив, и заповеди его не съблюд» [1. С. 82].

Сразу же следует исключить возможность того, что «Христофор» является здесь одним из внутренних повествователей, сюжет которого (по аналогии с рассказом Иосифа о двойном чуде Николая и Георгия) был изъят из дошедшей версии СХ на славянской (либо еще на греческой) почве. Из контекста следует, что это главный повествователь, рассказчик и участник следующего чуда, происшедшего в монастыре игумена Петра, о чем недвусмысленно свидетельствует заключительная фраза: «… случи ми ся, по Божию строю… пребыхом у блаженного Петра, игумена кроткаго» [1. С. 82]. То есть «Христофор» идентичен «Ходулу».

Однако имя «Христофор» в данном чтении не может быть первоначальным — оно слишком ясно, хорошо известно, и в силу этого не могло вызвать больших искажений. Несомненно само оно появилось в тексте уже как следствие искажения. Исходная форма имени должна объяснять возникновение обоих ошибочных чтений. Бросается в глаза неполное соответствие значения греческого имени и его славянского перевода. Христофор (Χριστοφορος), как известно, означает не «раб Христов», а «носящий Христа», «христоносец». Но «Христов раб» по гречески Христодул (Χριστοδουλος), а с учетом сокращенного написания nominae sacrae Ходóлъ (ср. Хофоръ). Загадочное имя автора, таким образом, возникло в результате утраты титла при копировании либо протографа списков, либо еще греческого оригинала. Возможно, титло было в виде очень тонкой черты и поэтому стерлось. Имя Христодул не принадлежит к числу широко распространенных даже среди монашествующих. В месяцеслове только две памяти (из четырех) с этим именем относятся ко времени ранее X в.: 4 декабря (совместно с мученицей Христодулой) и 26 февраля (вместе с Фотинией Самарянкой)

[11. Т. 2. С. 375; 55]. Ни один из этих мучеников не имеет отдельного жития; празднуемый 26 февраля устойчиво помещается в месяцесловах на втором месте; празднуемый в декабре может занимать первое место попеременно с соименной мученицей. В этой малоизвестности и состоит очевидная причина ошибки. В том, что она не случайна, убеждает аналогичный пример (в реальности их число, вероятно, можно умножить — ошибки ономастики в месяцесловах вообще являют любопытный материал для изучения) в рукописи Стишного пролога XVI в. из собрания НБ МГУ, Верещагинское собр. 818, где под 26 февраля читается память мученика Ходула [20. С. 54, № 8][14]. В случае же с СХ любопытно присутствие двух подходов к непонятному имени, отразившееся с одной стороны в общей ошибке, а с другой — в появлении имени Христофор, указывающее на то, что писец протографа дошедших списков не отождествлял их между собой (в противном случае коррекция мнимой ошибки носила бы единообразный характер). В последнем случае (первом по очередности в СХ) имя было заменено на более известное, возможно из-за наличия перевода, в остальных не отождествлено. Мне уже приходилось писать о том, какое значение имеет частный вопрос правильного прочтения имени автора для проблемы происхождения цикла [2. С. 91—93]. «Деславянизация» имени ликвидирует важный аргумент в пользу славянского (древнеболгарского) происхождения исходного текста, одновременно обогащая византийскую литературу (и ее славянскую версию) X в. новым именем.

Примечания

[1] Она отличается на 1 номер от первоначальной, поскольку первое чудо цикла — Николая Мирликийского и Георгия Победоносца о пленном критском сарацине — было исключено из протографа всех дошедших списков не позднее XII в. [2. С. 85—91, 94].

[2] Здесь и далее применительно к этому внутреннему циклу используется название «Сказание о железном кресте» (СЖК), предложенное Б. Ст. Ангеловым для всего цикла. Такой перенос названия позволяет четко разделить внутренний цикл (посвященный, кроме чуда 9, именно чудесам от железного креста, скованного по повелению великомученика Георгия, и текст, в составе которого он дошел,— Сказание инока Христодула (СХ).

[3] Подробнее о рукописной традиции цикла см.: [2. С. 84—85, 88—89, 97, примеч. 7—8; 6].

[4] Дата смерти князя известна из выходной записи черноризца Тудора Доксова в рукописи «Слов на арианы» Афанасия Александрийского в переводе Константина Преславского. Текст приписки дошел в русских списках «Слов» кон. XV—XVI вв. (см. подробнее: [10]).

[5] «…якоже слышах в Крите от отца Козмы (рассказчик первых двух чудес в дошедших списках цикла.—*А. Т.*) и [И]осифа (рассказчик исключенного чуда [2. С. 85—89]) в царство Василиево, то есть было» — *У*, л. 103 об. [1. С. 97]). Действие чудес 1—2 приурочено ко времени правления императора Василия в самом тексте: «Аз, братие… служих господину моему много дней. И постави и стратига царь Василии на украине от срачин» [1. С. 80].

[6] «Иногда седящим нам в странничестве в день святаго великомученика Мины» [1. С. 80].

[7] В принципе, от памяти вмч. Мины недалеко отстоит и другой праздник в честь св. Георгия — обновление его храма в Лиде — 3 ноября [11. С. 343; Т. 3. С. 453]. Но обращение к сюжету соседнего дня кажется более естественным.

[8] По выкладкам получается 40 дней (3 + 14 + 3 + 17 + 3). Но следует учитывать и не названные точно отрезки времени — «мало дней» от исцеления бесного отрока до его пострижения и затем до ухода Георгия.

[9] «И ты бо во скоре мя имаши постигнути, Георгие» — Мз, л. 338 об., Т, л. 108. В Ц 1, Ц 2, Мр — пропуск, в *У* опущен соединительный пассаж между чудесами.

[10] На основании упоминаемых отрезков времени срок составляет немногим более четырех месяцев (40 дней до прихода к Софронию, 40 дней до пострижения, 2 дня — посещение паломников, 2 — до смерти старца, 40 дней до ухода в монастырь игумена Петра). К этому следует прибывить 2—3 недели на путешествие. Пещера Софрония располагалась близ Месемврии-Несебра, вероятно, к северу от города [2. С. 92; 6. С. 222]. Георгий Болгарин отправился в Малую Азию пешком, через Константинополь [1. С. 95].

[11] «Рече блаженные архимандрит Петр: „Еси ли ся, брате, книгам учил?“ И рече ми: „Ни…“ И рекох ему: „Тъ где научился грамоте?“ Он же рече: „У блаженнаго Софрония, иже научи Псалтыри из усть…“». В опубликованном списке пропущено слово «где» [1. С. 89], которое восстанавливается по Мз и Т, в которых оно искажено («гды»), но позволяет реконструировать первоначальное чтение.

[12] Характерный пример из чуда 9 («О Клименте, егоже избави святыи Георгии в рати»). После молитвы к Христу и св. Георгию болгарин Климент, утративший во время битвы с венграми зрение, услышал «в той час, яко некоторыи властелин ярым гласом, яко к меншему или к рабу рече: «Поими человека сего и настави и на путь». Глас слышю, а не вижю, кто есть. И пришед, поят ми за бразды, и не виде кто, и как есть. Ведом же, помышлях — некто от наших бояр пристави слугу ко мне» [1. С. 92].

[13] Во всяком случае, в этом списке нет произвольного исключения чудес, нарушающего единство и даже логику повествования, как в Мз и Т (о их особенностях подробнее см.: [6]), или сокращения промежуточных эпизодов между чудесами

как в У. Не касаюсь здесь вопроса об изъятии из цикла двойного чуда о пленном сарацине, поскольку это произошло еще на стадии архетипа всех русских списков СХ [2. С. 86—90].

[14] Я не обращался к самой рукописи, ограничившись свидетельством каталога, т.к. в данном случае неважно, что это — ошибка писца, описателей или типографская опечатка. Типологически они абсолютно равноценны.

Литература

1. Ангелов Б. Ст. Сказание за железния кръст // Старобългарска литература. София, 1970. Кн. 1. С. 136—155. То же // Ангелов Б. Ст. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1978. С. 61—98 (ссылки даются на второе издание).

2. Турилов А. А. Византийский и славянский пласты в «Сказании инока Христодула» (к вопросу о происхождении памятника) // Славяне и их соседи. М., 1996. Вып. 6 (Греческий и славянский мир в средние века и новое время). С. 81—99.

3. Каймакамова М. Българска средневековна историопис. София, 1990.

4. Старобългарска литература: Енциклопедичен речник / Съставител Д. Петканова. София, 1992.

5. Драгова Н. Българската тема в расказите с чудеса на свети Георги в славяно-византийската традиция (IX-X вв.) // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски» / Научен център за славяно-византийските проучвания «Иван Дуйчев». 1987. София, 1990. Т. 1. С. 229—248.

6. Турилов А. А. Новосибирский список «Сказания инока Христодула» // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 220—222.

7. Златарски В. Известията за българите в хрониката на Симеон Метафраст и Логофет // Златарски В. Избрани произведения. София, 1972. Т. 1. С. 359—573 (1-е изд.: Сборник за народни уметворения, наука и книжнина. София, 1908. Кн. 24. С. 3—161.

8. Божилов И. Към хронологията на българо-маджарската война при цар Симеон (894—896) // Военно-исторически сборник. София, 1971. Кн. 6. С. 20—33.

9. Ангелов Д., Кашев С., Чолпанов Б. Българска военна история: от античността до втора четвърт на X в. София, 1983.

10. Попконстантинов К., Константинова В. Към въпроса за черноризец Тудор и неговата приписка // Старобългарска литература. София, 1984. Кн. 15. С. 106—118.

11. Сергий (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. М., 1997. Т. 1—3 (репринт изд.— Владимир, 1901).

12. Hannick Ch. Maximos Holobolos in der kirchenslavischen homiletischen Literatur. Wien, 1981.

13. Лопарев Х. М. Чудо святого Георгия о болгарине / Памятник византийской переводной литературы. СПб., 1894 (ПДПИ, вып. 100).

14. Снегаров И. Старобългарският расказ «Чудо на св. Георги с българина» като исторически извор // Годишник на Духовната академия «Св. Климент Охридски». София, 1954—1955. Т. 4 (30). С. 217—241.

15. Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928 (репринт — М., 1979).

16. Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской синодальной (патриаршей) библиотеки. М., 1859. Т. 3.

17. Турилов А. А. Болгары и греки в Сказании инока Христодула: патриотизм, ученичество, христианское единство // Cyrillomethodianum. Vol. 19 (в печ).

18. Он же. Писа Христодул // Антени. 28. 12. 1983. С. 12; то же // Българистика и българисти: Статии и изследвания. София, 1986 (Българистика в чужбина: Портрети на българисти). С. 183—185; то же // За буквите: Кирило-методиевски вестник. 1987. № 13. С. 7.

19. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. 3 (репринт — М., 1989).

20. Славяно-русские рукописи XV-XVI веков Научной библиотеки Московского университета: Поступления 1964—1978 годов / Сост. Н. А. Кобяк, И. В. Поздеева. М., 1981.

Б. Л. Фонкич

Две греческие грамоты к Богдану Хмельницкому

Среди греческих документов Посольского приказа (РГАДА, ф. 52, оп. 2) находятся две патриаршие грамоты, адресованные Богдану Хмельницкому,— первая грамота писана от имени иерусалимского патриарха Паисия 29 сентября 1650 г. в Тырговиште (№ 373), вторая от имени константинопольского патриарха Паисия 29 июля 1654 г. в Константинополе (№ 518). На первый взгляд, местонахождение этих грамот, отправленных запорожскому гетману, среди официальных бумаг внешнеполитического ведомства русского государства вызывает недоумение, ибо, будучи свидетельствами контактов восточных патриархов с *Малороссией*, эти грамоты сохранились до нашего времени в той части фонда Посольского приказа, где сосредоточены документы, имеющие отношение к связям Христианского Востока с *Москвой*. Однако изучение обстоятельств появления на свет указанных грамот позволяет выяснить их судьбу и понять причины присылки этих документов в русскую столицу.

Грамота Паисия Иерусалимского была написана в связи с получением патриархом известия о появлении самозванца Тимошки Акундинова во владениях гетмана. Дело в том, что эта фигура уже несколько лет вызывала большое беспокойство русского правительства. Последний из самозванцев первой половины XVII в., Тимофей Акундинов, появившись в Москве в 40-х гг. и прослужив здесь некоторое время подьячим у известного дьяка Ивана Патрикеева, ранней весной 1644 г. бежал в Польшу, где стал выдавать себя за сына царя Василия Шуйского. Обстоятельства заставили его вскоре перейти в Молдавию, к господарю Василию, а от него — в Константинополь. Возлагая надежды на помощь султана, Тимофей обещал ему взамен Астрахань. Не вызвав, однако, доверия у великого визиря, самозванец был задержан и дважды пытался бежать из турецкой столицы. Вырвавшись наконец от турок в начале 1648 г., Тимофей через Сербию и Венецию достигает Рима, и здесь «побусурманившийся» во время своего длительного пребывания в Царьграде авантюрист переходит в католичество. Можно предполагать, что курия направила Тимошку в Польшу, куда он, посе-

тив по дороге Австрию, попадает вновь спустя почти пять лет, а затем, возможно, уже в начале 1650 г. оказывается на Украине[1].

Обеспокоенный интригами самозванца царь Алексей Михайлович, едва вступив на престол, был вынужден постоянно наблюдать за его перемещениями на огромном пространстве Восточной Европы и время от времени предпринимать попытки пресечения его опасной для своего трона деятельности. В частности, поручение о поимке Тимошки Акундинова получил во время своего пребывания в Москве иерусалимский патриарх Паисий, в помощь которому при его отъезде из России был дан строитель Троице-Сергиева монастыря Арсений Суханов. О роли Арсения в этом деле, о его действиях в 1649—1650 гг. и сообщает Богдану Хмельницкому грамота патриарха Паисия, отправляющего русского монаха к гетману с просьбой о выдаче в его руки самозванца.

Из переписки Паисия Иерусалимского с Хмельницким о Тимошке Акундинове становится ясным, что грамота патриарха к гетману существовала в трех вариантах: сначала по просьбе Паисия текст документа был составлен на русском языке Арсением Сухановым, а затем его перевели на греческий и латинский языки[2]. Поскольку греческий текст (т. е. грамота РГАДА, ф. 52, оп. 2, № 373) писан Паисием Лигаридом[3], можно предполагать, что им же был изготовлен и латинский перевод: позже, в 60-х гг., когда Лигарид находился в Москве, из-под его пера вышло немало текстов, писанных рукой этого выдающегося ученого и дидаскала и по-гречески, и по-латыни[4]. Известно, что в канцелярии гетмана текст грамоты патриарха Паисия был представлен в двух вариантах — на русском и латинском языках[5]. Латинский перевод был оформлен как официальный документ — «на александрейском листу… за великою печатью»[6], и этот вариант, по-видимому, и остался у Хмельницкого. Греческий же текст вместе — как можно предполагать — с русским оригиналом, писанным самим Сухановым, был 9 декабря 1650 г. доставлен последним в Москву[7] для отчета о действиях, связанных с поимкой самозванца,— и именно поэтому оказался в делах Посольского приказа.

Грамота № 373 уже исследовалась и издавалась[8]. Мы сочли, однако, необходимым вновь привлечь внимание к этому важному документу по истории греческо-украинско-русских отношений кануна соединения Украины с Россией, добавив здесь к нему еще одну греческую грамоту к Богдану Хмельницкому, которая, напротив, почти неизвестна в научной литературе.

Речь идет о грамоте № 518, отправленной запорожскому гетману из Константинополя сразу после 29 июля 1654 г. (время составления документа). Обращение константинопольского патриарха Паисия (начало июля 1652 г.— начало апреля 1653 г., середина марта 1654 г.— конец марта 1655 г.) к Хмельницкому было вызвано полученным в турецкой столице известием о смерти бывшего константинопольского патриарха Афанасия Пателара (6/16 марта — 2/12 апреля 1634 г., конец июня — до 10 июля 1652 г.), который скончался на Украине, в Мгарском монастыре, «в месте, находящемся под властью гетмана», в 1654 г. Надеясь получить оставшееся после Пателара имущество и использовать его для уплаты в Константинополе больших долгов бывшего патриарха, Паисий и направляет гетману это послание[9].

Далее мы приводим описание обеих греческих грамот и издаем их текст, сопровождая в первом случае (№ 373) русским переводом XVII в., выполненным в Посольском приказе сразу же после доставки документа в Москву[10], а во втором (№ 518) — нашим собственным переводом.

1

Грамота иерусалимского патриарха Паисия гетману Богдану Хмельницкому 1650 г., 29 сентября. Тырговиште

(РГАДА, ф. 52, оп. 2, № 373)

Бумага, 1 л., 405×295, 42 стк. Чернила коричневые. Текст грамоты писан рукой Паисия Лигарида. Адреса и печати нет.

Л. 1 об.: а) (помета 9 декабря 1650 г.) «159-го году декабря в 9 день переведена»; б) (рукой Моисея Арсеньева[11]) «Лета 1650 писмо греческое от патриарха иерусалимскаго к гетману черкасскому Зиновию о пролыжном царевиче Алексее, объявившемся на Украине, чтоб его поймать и послать к царю Алексию Михайловичу. Паисий Патриарх».

Бумажная обложка конца XVIII в. с описанием документа на верхней крышке рукой помощника Н. Н. Бантыш-Каменского.

Грамота сильно повреждена (верхняя половина листа) и подклеена с оборотной стороны белой бумагой.

Текст

1 Παΐσιος ἐλέῳ Θεοῦ πατριάρχης τῆς ἁγίας πόλεως Ἱερουσαλὴμ καὶ πάσης Παλαιστίνης [ ]νας, πέραν τοῦ Ἰορδάνου, Κανᾶ τῆς Γαλιλαίας καὶ ἁγίας Σιών.

2 Εὐσεβέστατε, ἐκλαμπρότατε, ἄρχων χάτμανε, κύριε Ζηνόβιε, ἐν ἁγίῳ πνεύματι υἱὲ ἀγαπητὲ τῆς ἡμῶν μετριότητος, χάρις ὑμῖν, εἰρήνη καὶ ἔλεος παρὰ Θεοῦ παντοκράτορος καὶ ‖ **3** ὑπὸ τοῦ ἁγίου καὶ ζωοδόχου τάφου κυρίου ἡμῶν' Ιησοῦ Χριστοῦ βοήθεια καὶ ἐπίσκεψις, παρ' ἡμῶν δὲ τῆς ἡμῶν μετριότητος εὐχή, εὐλογία καὶ συγχώρησις, σὺν παντὶ τῷ εὐλογη ‖ **4** μένῳ σου παλατίῳ καὶ φιλτάτοις σου τέκνοις, καὶ παντὶ τῷ στρατῷ σου. Γίνωσκε, ἄρχων κῦρ χάτμανε, τὸ ζήτημά μας εἶναι διὰ κάποιαν ὑπόθεσιν, ‖ **5** ὁποῦ καὶ ἡ ἐκλαμπρότης σου εἶναι χρεώστης πάντα νὰ κάμνῃ, δηλονότι διὰ κάποιους ἀνθρώπο[υς...]ροὺς[...ψ]ευδολόγους, οἱ ὁποῖοι περιπατοῦσι καὶ δια ‖ **6** βάλλουν τὰ ὀνόματα τῶν βασιλέων καὶ τῶν αὐθεντάδων, καὶ ἐπειδὴ καὶ ὁ Θεὸς σὲ ἐψήφισεν ἄρ[χοντα.....]τοῦ λαοῦ καὶ νέον Μωϋσέα το [.....] ‖ **7** διὰ νὰ ἐξετάζῃς καὶ νὰ ἐρευνᾷς τὰ πάντα, ὡσὰν φρόνιμος καὶ γνωστικώτατος, ὁποῦ φυσικὰ εἶ[.....]πάντα ἡ φήμη σου, καὶ ἡ χριστια[ν.....] ‖ **8** Κάποιος ἰδιώτης ἐσηκώθηκε καὶ περιπατεῖ καὶ φαυλίζεται, πῶς εἶναι τάχα της βασιλόπουλον, καὶ τοῦτο [.....]αλλο, παρὰ μόνον διὰ νὰ συγχύζῃ, καὶ[.....] ‖ **9** τὰ βασίλεια εἰς ἐκεῖνον τὸν τρόπον, καθ' ὃν καὶ ὁ ἑωσφόρος ἔβαλεν εἰς τὸν νοῦν του, νὰ θήσῃ τὸν θρόνον του [ἐ]πάνω τῶν νεφελῶν, ἤγουν ἐκεῖ, ὁποῦ μήτε[.....] ‖ **10** οὔτε τοῦ ἄγγιζεν, ὄντας φύσει ὑπόδουλος, καὶ διὰ τοῦτο ἐξέπεσε, μὲ τὸν ὑψηλὸν βραχίονα τοῦ κτίστου του, ὅθεν ἔγινε νυκτιφόρος καὶ τοῦ ᾅδου κα[.....δε] ‖ **11** σπότης τῶν σατανικῶν ὅλων δυνάμεων. Καὶ εἰς τοῦτο καὶ ἡμεῖς παρακαλοῦμεν τὴν ἐκλαμπρότητά σου διὰ τὸ κακὸν τοῦτο· φύτρ[.....] ‖ **12** ρισμα, ὁποῦ εὐγῆκε, καὶ συγχύζει τὰ καλὰ δένδρα, τὰ ποιοῦντα τὸν καρπὸν τῆς χριστιανωσύνης, δηλαδὴ τὰ βασίλεια, νὰ παρα[.....] ‖ **13** πυρί, κατὰ τὴν εὐαγγελικὴν ἀπόφασιν τὴν λέγουσαν, πᾶν δένδρον μὴ ποιοῦν καρπὸν ἐκκοπτέσθω καὶ εἰς πῦρ βαλλέτω:[.....] ‖ **14** ὅμως, πῶς εἰς τὸν τόπον τῆς ἐκλαμπρότητός σου εἶναι τοῦτοι οἱ παμπόνηροι καὶ παμβέβηλοι ἄνδρες, καὶ ζητοῦμεν νὰ τοὺς πιάσῃς καὶ νὰ τοὺς ‖ **15** στείλῃς, καὶ μάλιστα τὸν κακώνυμον Τιμόθεον, εἰς τὸν πολυχρονημένον βασιλέα τῆς Μοσχοβίας, καὶ θέλει λογισθῇ καὶ ἡ ἐκλαμπρότης σου νέος εὐσεβὴς Κων ‖ **16** σαντῖνος, τῆς πίστεως στερεωτὴς καὶ διαφεντευτής· καὶ καθῶς ἐκεῖνος καταίσχυνε τὸν' Αρειον τὸν ψεύστην, ἔτζι καὶ ἡ ἐκλαμπρότης σου τούτους τοὺς ‖ **17** σπερμολόγους καὶ ψευδολόγους· καὶ εἰς τοῦτο θέλεις ἔχεις πρῶτον μὲν τὸν ἀμάραντον στέφανον ἀπὸ τὸν στεφανοδότην Χριστόν, τὸν στεφανοῦντα τοὺς δικαίους, ‖ **18** δεύτερον ἀπὸ τὸν ἀγαθοποιὸν καὶ γαληνότατον βασιλέα καὶ ὄντως ἀλεξίκακον' Αλέξιον, τρίτον φήμην, δόξαν αἰωνίαν ἀπὸ τὸ ἐκκλησιαστικὸν ὅλον ‖ **19** πλήρωμα τοῦ χριστωνύμου λαοῦ. Τοῦτα δὲ ὅλα μυστικὰ καὶ ἄλλα κατὰ μέρος θέλει ὁμολογήσει τῆς ἐκλαμπρότητός σου ὁ παρὼν ἁγιοτριαδίτης' Αρσένιος ‖ **20** στροΐτολος καὶ τοῦ πρώην μακαρίτου Φιλαρέτου ἀρχιδιάκονος· καὶ εἰς τοῦτο σὲ παρακαλοῦμεν

ἐξόχως καὶ ἐξάπαντος, νὰ γένῃ τὸ ζήτημά μας. Πλὴν ‖ **21** ὅμως καὶ μὲ θάῤῥος γράφομεν τῆς ἐκλαμπρότητός σου, διατὶ ἀκόμη εὔλογον εἶναι καὶ τὸ εἴ τι δὲν ἀγαπᾷ ἡ ἐκλαμπρότης σου, νὰ μὴν γίνεται καὶ εἰς ‖ **22** ἄλλους· διότι κατὰ ἀλήθειαν ἀκολουθοῦν φόνοι καὶ φθόνοι, σκάνδαλα καὶ αἱματοχυσίαις καὶ ἄλλα βάσανα ψυχικὰ καὶ σωματικὰ εἰς τοὺς ‖ **23** εὐσεβεῖς καὶ ὀρθοδόξους χριστιανούς.' Αλλὰ διὰ νὰ γνωρίσῃς καὶ τὴν ὑπόθεσιν ἐξ ἀρχῆς, ἐκλαμπρότατε χάτμανε, ἀς ἰξεύρῃ πόθεν ‖ **24** κατάγεται ἡ ἔγγνοια, καὶ ἔφυγε τοῦτος ὁ κακοποιὸς ἄνθρωπος ὁ Τιμόθεος κρυφίως, γίνωσκε, ὅτι ἔφυγεν ἀπὸ τὴν Μοσκοβίαν, κλέπτοντας τοῦ βασι ‖ **25** λέως τὸν χαζανᾶν, ὄντας πίσαρις βασιλικός· ἐκεῖθεν ἐδιάβηκεν εἰς τῆς Λεχίας τὰ μέρη, ἀπὸ δὲ τὴν Λεχίαν ἦλθεν εἰς τὴν Βλαχίαν, καὶ ἀπὸ τὴν ‖ **26** Βλαχίαν εἰς τὴν Κωνσταντινούπολιν, καὶ εἰς τὴν Τουρκίαν ἐκηρύχθηκε βασιλόπουλον τοῦ Σιούσκη. Καὶ ὄντως ὅταν ἐγὼ ἐπῆγα μέσα εἰς τὸν Μόσκοβον, ‖ **27** μοῦ ἀνάφερεν ὁ ἴδιος βασιλεὺς ὁ πολυχρονημένος διὰ τοῦτον τὸν κακότροπον ἄνθρωπον, καὶ μοῦ ἔδωκε τὸν 'Αρσένιον τοῦτον τὸν ἁγιοτριαδίτην διὰ τούτην τὴν ‖ **28** ὑπόθεσιν, δηλαδὴ γιὰ νὰ ἐρωτᾷ καὶ νὰ μαθαίνῃ περὶ τοῦ τοιούτου κακοποιοῦ καὶ ψεύστου ἀνθρώπου· καὶ διατὶ ἀκούσαμεν, πῶς εἶχε νὰ παγαίνῃ ‖ **29** κάτω πρὸς τὴν Ῥώμην, αὐτὸς ὅμως ὡσὰν ψεύστης πάλιν ἐγύρισεν εἰς τὴν σκίτην, τὸ μοναστῆρι τῆς Λ[ε]χίας, ὅθεν ἐγύρισεν ὁ ἄνωθεν' Αρσένιος ἀπὸ ‖ **30** τὸ Γιάσι πάλιν πρὸς τὴν Μοσκοβίαν, ἀνταμώνοντας τὸν θεόστεπτον βασιλέα καὶ ἀναφέρνοντας τὸ συμβὰν πᾶν ὅλον· μετέπειτα δὲ καὶ ὁ πολυ ‖ **31** χρονημένος βασιλεὺς μᾶς ἔγραψε μὲ τὸν ἴδιον 'Αρσένιον, νὰ ἔχωμεν ἔγνοιαν νὰ πιάσωμεν, ὅπου καὶ ἂν εὑροῦμεν, τὸν τέτοιον δύστροπον ‖ **32** ἄνθρωπον Τιμόθεον, ἀπὸ τὸν Θεὸν ὅλως διόλου ξεμακρεμένον. 'Αλλ' ἐπειδὴ ἐμάθαμεν, πῶς εὑρίσκεται εἰς τὰ μέρη, ὁποῦ ἡ ἐκλαμπρότης σου ὁρίζει, γυρεύω ‖ **33** διὰ τὴν ἀγάπην, ὁποῦ ἔχεις πρὸς τὸν ἅγιον Τάφον, νὰ μοῦ χαρίσῃς τούτην τὴν χάριν, ἤγουν αὐτὸν τὸν ἄνθρωπον, νὰ τὸν δώσῃς εἰς τὰς χεῖρας τοῦ κῦρ ‖ **34** 'Αρσενίου, μὲ ἴδιον ἄνθρωπον ἐδικόν σου, ἐκλαμπρότατε χάτμανε. Τέλος δὲ πάντων εἰς τοῦτο, ὁπο[ῦ] ζητοῦμεν ἀπὸ τὴν ἐκλαμπρότητά σου, ‖ **35** νὰ μᾶς τὸ κάμῃς καὶ θέλεις ἔχεις εὐχὴν καὶ εὐλογίαν ἀπὸ τοῦ λόγου μας, τοῦ ἀδελφοθέου διαδόχου, ἀλλὰ καὶ θέλει ἀκουσθῇ τὸ ὄνομά σου, ὡς προεί ‖ **36** πομεν· εἰ δὲ μή, ὁποῦ ὁ Θεὸς νὰ μὴν τὸ δώκῃ, θέλουν συμβῇ αἵματα εὐσεβῶν χριστιανῶν καὶ θέλεις δώκεις λόγον εἰς τὸν Θεὸν ἐν ὥρᾳ κρίσεως, ‖ **37** καὶ ἐγὼ εὐγαίνω ἀπὸ τὴν ἁμαρτίαν. Διὰ νὰ μὴν ἔχῃς ποτέ, νὰ προφασίζεσαι, πῶς ὁ πατριάρχης τῶν' Ιεροσολύμων, ἤγουν ὁ κοινὸς πα ‖ **38** τέρας, δὲν σὲ τὸ ἐνουθέτησα, οὔτε σοῦ τὸ ἐπαράγγειλα· πλὴν ἀλλ'' οὐδὲ πάλιν ἐγὼ θέλω βαλθῇ ποσῶς εἰς τὸ αἷμα τουτουνοῦ τοῦ κακοποιοῦ ‖ **39** καὶ ἐπιζημίου ἀνθρώπου, ἀλλὰ θέλω μεσιτεύσει, νὰ γλιτώσω τὴν ζωήν του καὶ τὴν ψυχήν του ἀπὸ τὰς χεῖρας τοῦ διαβόλου. Καὶ εἰ μὲν μὲ ἀκούσεις, θέλεις ‖ **40** ἀπολαύσεις τὸν ἄνωθεν μισθὸν ἐκ

Θεοῦ, εἰ δὲ μή, ἀλλὰ τὸ ἐπίλοιπον δὲν τολμῶ νὰ γράψω εἰς ἕνα θεοσεβέστατον, ὁποῦ γυρεύει τὴν εἰρήνην ‖ **41** τῶν ἐκκλησιῶν καὶ τὴν ψυχωφέλειαν τῶν χριστιανῶν.᾽Εῤῥωσο.᾽Απὸ Τριγοβύστου α͡χν μηνὶ σεπτεμβρίῳ Κ͡Θ. ‖

42 † Παΐσιος ἐλέῳ Θεοῦ πατριάρχης τῆς ἁγίας πόλεως ῾Ιερουσαλήμ.

Перевод

(РГАДА, ф. 52, оп. 1, 7157/1649 г.
мая 9—24 февр. 7159/1651 г., № 22, лл. 69—75)

Паисей, милостию Божиею патриарх святого града Иеросалима и всея Палестины, Сирийский и Аравийский, обон пол Иердана, Кана Галилеи и святаго Сиона.

Благочестивый, пресветлый велможа гетман господине Зиновий, о святем Дусе сыну возлюбленному нашего смирения, благодать тебе, мир и милость от Бога Вседержителя и от святаго и живодавнаго Гроба Господа нашего Исуса Христа помощь и покровение, от нашего смирения молитва, благословение и прощение со всем твоим благословеным домом и вашими возлюбленными чады и войски. Ведомо буди, велможе гетману, прошение наше сие для некоторых дел, что творит пресветлость твоя всегда и должен впредь творить, толко для некоторых лживых и лукавых людей, которые ходят и называютца царским плодом и государьским имянем; понеже Бог нарек тебя велможем и правителем миру и нового Моисея по речению иск […] и розсудить обо всем, яко ты еси разумен и много разумеваеши, чтоб честь твоя множилася во християнстве. Некоторый человек ходит и называетца царевичем, и то он содевает для смуты и ссоры государств, якоже и прежде бывший денница помысли восхитити престол Господень и быти ему подобен […], и сей нечестивый восхоте быти подобен отпадшему и между християнских народов положити меч, и самозванием обложися и сотре неплодные древа для плоду християнского, чтоб государствами не сорил по евангелскому глаголу: *всякое древо безплодное посекаем бываем и во огнь вметаемо*. Ведомо нам учинилось, что в пресветлости твоей власти живут некии лукавыи и изменники мужие, и мы просим, чтоб тебе поймать их, перво изменника Тимошку, и посли ево к великому царю московскому, потом объявишся новый царь Костянтин, утвердитель вере християнской, и объявишся подлинной владетель, и посрамишь ложнаго Ария пресветлость твоя, и изведешь многоложников и изменников. И будешь приняти венец неувядаемый

от Христа Бога с праведными его и исполнишися всего Христова исполнения; а во вторый день будет тебе от милосерднаго и от благонравнаго царя Алексея; в третие будет тебе похвала от всего роду християнского. И наши бы речи были тайны и свыше. Наше писмо будет пресветлости вашей и изустно говорить троицкой строитель Арсеней и бывшего блаженные памяти великого государя святейшаго патриарха Филарета Никитича московского и всеа Русии архидьякон. Потом у тебя просим и молим безо всякого мотчанья наше прошение сотвори, а мы, надеючися, пишем пресветлости твоей и благословляем; и чево твоя пресветлость не любит, мошно по истинне и к иным того отставить, потому что будет недружба, и развратство, и кроволитие и иные многие муки православным християном. Буди ведомо, пресветлый гетман, сначала тот человек Тимошка побежал, своровал с Москвы, покрав государеву казну; а был он у государя в подъячих. И збежал он, плутав в Литовскую землю и из Литовские земли прибрел в Волохи, а из Волохов в Царьгород, а в Турской земле назвался царевичем Шуйским. А как я был сам на Москве, и сказывал мне великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии про тово изменника, и дал мне Арсенья, троицкого строителя, чтобы ему, Арсению, едучи со мною, про него вора проведывать; и мы слышели, что он вор поехал в старой Рим, и он, ложник, опять воротился и пришел в Литовскую землю в Пустынной монастырь. И вышереченный Арсеней от меня пошол из Ясей к Москве к Богом венчанному царю московскому и государю ведомо учинил подинно. И великий государь царь писал к нам с ним, Арсеньем, чтобы нам радети и поимати его где-нибудь сыскать того изменника Тимошку, от Бога отлученнаго. И мы проведали, что он пребывает пресветлости твоей в стране, и по любви, что имееши к Гробу Господню, одари меня таким даром, тем человеком, отдай в руку строителю Арсению, пресветлый гетман, с своим человеком, и конечно б пожаловал нас то сотворить. И будеши имети от нас молитву, и благословение, и помощь от живодавнаго Гроба Господня, и имя твое прославитца, как выше есмя рекли, а будет упрямишся, учинитца кроволитие благочестивым християном и ответ давать тебе Богу в том на втором пришествии, а я от тово греха чюж, чтоб тебе впредь на меня такую огласку не положить, что либо я тебя научил. Я же в его изменничью кровь не вступаюся, но токмо я стану писать и милости прошать у великого государя московского, чтоб пожаловал, не велел умертвить и душу его избавити от рук дьяволских.

И будет меня послушаеш, приимеш ты мзду от Бога. Наипаки дерзаю писать к Богом венчанному царю московскому, потому что он, государь, желает миру церковного и душам християнским всякие ползы. Буди многолетен. Писано от Торговест, лета от Рожества Христова 1650-го сентября в 29 день.

А внизу припись: Паисей, милостию Божиею патриарх святого града Иеросалима.

2

Грамота константинопольского патриарха Паисия гетману Богдану Хмельницкому 1654 г., 29 июля. Константинополь

(РГАДА, ф. 52, оп. 2, № 518)

Бумага, 1 л., 536×404, 32 стк. Чернила коричневые; этими же чернилами рисован большой инициал Е (стк.2). Текст грамоты писан писцом патриаршей канцелярии, из-под пера которого вышел целый ряд документов этого времени (см., например: РГАДА, ф. 52, оп. 2, № 325, 459, 517 и мн. др.).

Адреса и печати нет.

л. 1 об.: а) (рукой Моисея Арсеньева) «В лето от Христова Рожества, АХНД, писмо от цареградскаго патриарха Паисия к гетману казацкому украинскому Зиновью о пожитках преждебывшаго патриарха Афанасия»; б) (XIX в.) «1654 года июля 7».

Бумажная обложка конца XVIII в. с описанием документа на верхней крышке рукой помощника Н. Н. Бантыш-Каменского.

л. 1. подклеен на обороте голубой бумагой. В деле имеются лл. 2—3 с французским и русским переводом текста грамоты, выполненными одной рукой XIX в.

Текст

1 + Παΐσιος ἐλέῳ Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως Νέας Ῥώμης καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης.

2 Εὐσεβέστατε, ἐνδοξότατε καὶ ἐκλαμπρότατε, χριστιανικώτατε καὶ ὀρθοδοξότατε αὐθέντα καὶ μέγα χάτμανε πάσης Ῥωσίας κύριε Ζηνόβιε, υἱὲ κατὰ πνεῦμα ἀγαπητὲ ‖ **3** καὶ ποθεινότατε τῆς ἡμῶν μετριότητος, εὔχομαι κυρίῳ τῷ παντοδυνάμῳ Θεῷ, ἵνα χαρίζῃ τῇ σῇ ἐνδοξοτάτῃ αὐθεντεία ὑγείαν, εὐημερίαν, ‖ **4** αὔξησιν, νίκην κατ᾽ ἐχθρῶν ὁρατῶν τε πάντων καὶ ἀοράτων, μετὰ παντὸς τοῦ εὐλογημένου αὐτῆς στρατεύματος. Ἂν ἴσως τὰ πολλὰ καὶ μεγάλα ‖ **5** ἀνδραγαθήματα τῆς ἐκλαμπρότητός σου καὶ τὰ προτερήματα ὁποῦ σὲ ἐχάρισεν ὁ

Θεὸς διὰ τὴν εὐσέβειαν καὶ τὴν ἀγαθὴν προαίρεσιν ὁποῦ ἔχει ἡ ‖ 6 θεοστό-
λιστός σου ψυχὴ παρακινοῦσι μικροὺς καὶ μεγάλους εὐσεβεῖς χριστιανοὺς ἀπὸ
τὰ πέρατα τοῦ κόσμου νὰ χαίρωνται καὶ νὰ ἐπαινοῦσι τὸ ἄξιόν σου ‖ 7 ὄνομα,
πλέον περισσότερον ἐγὼ ὁ εὐχέτης σου, ὡς πνευματικός σου πατήρ, χαίρομαι
καὶ εὐφραίνομαι εἰς τὴν δόξαν τοῦ πνευματικοῦ μου υἱοῦ. Καὶ ἐπειδὴ σωματι ‖
8 κῶς νὰ σὲ ἀπολαύσῳ μόδος δὲν εἶναι, κἂν διὰ γράμματος νὰ σὲ εὐχηθῷ καὶ νὰ
σὲ εὐλογήσῳ πολλάκις ἐπεθύμησα. Διὰ τοῦτο, εὑρίσκοντας τῶρα ἁρμόδιον ‖
9 τὸν καιρόν, γράφω μετὰ μεγάλης ἀγάπης καὶ εὐλογῶ τὴν ἐκλαμπρότητά σου
παρὰ πατρός, υἱοῦ καὶ ἁγίου πνεύματος, τοῦ ἑνὸς τῇ φύσει μόνου Θεοῦ, τοῦ
ὁποίου ἡ θεία ‖ 10 δύναμις νὰ εἶναι σκέπη σου, καὶ βοήθειά σου, καὶ νὰ
ὑποτάσσῃ τοὺς ἐχθρούς σου ὑπὸ τοὺς πόδας σου, νὰ κατευθύνῃ ὁ κύριος τὰ
διαβήματά σου καὶ ἄγγελος ‖ 11 εἰρήνης, πιστὸς ὁδηγός, νὰ ὁδηγῇ ταῖς δου-
λίαις σου κατὰ τῶν ἐχθρῶν σου, ἵνα μήποτε προσκόψῃς πρὸς λίθον τὸν πόδα
σου, ἐπὶ ἀσπίδα καὶ βα ‖ 12 σιλίσκον ἐπιβήσῃ καὶ καταπατήσῃς λέοντα καὶ δρά-
κοντα.˝Αλλο δὲ, ἐμάθομεν, εὐσεβέστατε μέγα χάτμανε, ὅτι, γυρίζοντας ἀπὸ τῆς
Μοσχοβίας ὁ πρώην ‖ 13 πατριάρχης κῦρ᾽Αθανάσιος Πατελάρος, ἀναπαύθη εἰς
αὐτὰ τὰ μέρη (αἰωνία του ἡ μνήμη) καὶ ὅτι περιουσίαν πραγμάτων ἔσυρνε μὲ
τοῦ λόγου του, ἔμειναν εἰς τὰ ‖ 14 αὐτόθι, καὶ στέκουσιν εἰς φύλαξιν μὲ τὴν
πρόσταξιν τῆς ἐκλαμπρότητός σου. Διὰ τοῦτο ἡ ἐκλαμπρότης σου θέλει γνω-
ρίζει πρῶτον, ὅτι τοὺς πατριάρχας ‖ 15 καὶ μητροπολίτας τοῦ θρόνου τούτου
ἄλλος δὲν τοὺς κληρονομᾶ, παρὰ ὁ οἰκουμενικὸς τοῦτος θρόνος, ἐπειδὴ καὶ ὅ,τι
ἔχουσιν ἀπὸ τὸ ψωμὶ τῆς ἐκκλησίας τὸ ‖ 16 ἀπόκτησαν καὶ πάλιν τῆς ἐκκλη-
σίας τυχένει νὰ τὸ λάβῃ· καὶ δεύτερον, ὅτι αὐτὸς ὁ χριστιανὸς ἦλθε δύο φοραῖς
νὰ πατριαρχεύσῃ καὶ δὲν τὸ ἐκατόρθωσε, ‖ 17 μόνον ἐφόρτωσε τὴν ἐκκλησίαν
χρέη ἄπειρα καὶ τὰ ἄφησε καὶ ἀναχώρησε, καὶ στέκουν ἕως τῆς σήμερον ἡ
ὁμολογίαις του εἰς χέρια μεγάλων ἀνθρώπων, ‖ 18 καὶ πληρώνει τόσους χρόνους
ἡ ἐκκλησία τὰ χρέη του καὶ ἀκόμι δὲν ἠμπορεῖ νὰ τὰ ἐξωφλήσῃ. Διὰ τοῦτο εἶναι
δίκαιον, ὅτι καὶ ἂν τοῦ ἀπόμεινε, νὰ ἔλθῃ εἰς ‖ 19 τὴν ἐκκλησίαν, κἂν νὰ δοθῇ
εἰς τὰ χρέη τὰ ἐδικά του, ὅτι ἡ ἐκκλησία προτιμεύει ἀπὸ ὅλους καὶ ὡς καθολικὴ
κληρονόμος ὁποῦ εἶναι ‖ 20 τῶν πατριαρχῶν, εἰ [ἀ]ν ὁποῦ πληρώνει καὶ τὰ χρέη
του καὶ ἄλλος τινὰς μετοχὴν δὲν ἔχει· ὅτι τὸ χρέος προτιμᾶται καὶ ἀπὸ κληρο-
νόμους, καὶ ἀπὸ ‖ 21 ὅλους, καὶ διαθήκαις ἀπατᾶ χαλᾶ καὶ χάραις ἀνατρέπει.
˝Οθεν παρακαλοῦμεν τὴν ἐκλαμπρότητά σου, ὡσὰν μέλος τίμιον ὁποῦ εἶσαι καὶ
γνή‖22σιος υἱὸς τῆς ἐκκλησίας, νὰ εὐσπλαγχνισθῇς τὴν μητέρα σου τὴν
ἐκκλησίαν καὶ νὰ μὴν ἀφίσῃς νὰ ἀδικηθῇ, ἀλλὰ νὰ προστάξῃς νὰ συμμαζοχθῇ ‖
23 αὐτὸ ὅλον τὸ τίποτις, νὰ μὴ σκορπίσῃ καὶ νὰ σταθῇ εἰς τὴν ἐξουσίαν τῆς
ἐκλαμπρότητός σου καὶ οἱ ἄνθρωποί του νὰ κρατηθοῦσι, νὰ μὴ σκορπίσωσιν, ‖
24 ἕως οὗ μὲ ὀλίγαις ἡμέραις νὰ ἐξορθώσῳμεν ἄνθρωπον ἐδικόν μας, νὰ στείλ-

λωμεν πρὸς τὴν ἐκλαμπρότητά σου μὲ γράμματά μας, νὰ κάμετε ‖ 25 διὰ τὴν μεγάλην ἐκκλησίαν, καθὼς σᾶς φωτίσει ὁ Θεός, διότι ἔχει μεγάλους κινδύνους ἀπὸ τὰ βάρη καὶ χρέη καὶ εἶναι ἁμαρτία τὸ τίποτις αὐτὸ ὁποῦ ‖ 26 λογᾶται ἐδικόν της, νὰ τὸ πάρη ἕνας καὶ ἄλλος, καὶ αὐτὴ νὰ εἶναι ἀδικημένη καὶ ζημιωμένη ἀπὸ τὸν χριστιανὸν ἐκεῖνον, καὶ νὰ βοοῦσιν οἱ ἀρχι ‖ 27 ερεῖς ἀπάνω του. Αὐτὸ τὴν παρακαλοῦμεν νὰ ἐπιμεληθῆ διὰ τὴν μητέρα της, τὴν μεγάλην τοῦ Χριστοῦ ἐκκλησίαν, καὶ θέλει ἔχει τὸν μισθὸν ἐκ Θεοῦ καὶ ‖ 28 τὸ μνημόσυνόν της ἀκατάπαυστον εἰς τὴν μεγάλην τοῦ Χριστοῦ ἐκκλησίαν· καὶ μὴ ἀποτύχωμεν τῆς αἰτήσεως, νὰ σᾶς πολυχρονῆ ὁ Θεός, ‖ 29 οὗ ἡ χάρις καὶ τὸ ἄπειρον ἔλεως καὶ ἡ εὐχὴ καὶ ἡ εὐλογία τῆς ἡμῶν μετριότητος εἴη μετὰ τῆς ἐκλαμπρότητός σου. αχνδ^{ω}, ἰουλίῳ $\overline{\text{Κ}}\overline{\text{Θ}}^{η}$, ἰνδικτιῶνος $\overline{\zeta}^{ης}$. ‖

30 † Παΐσιος ἐλέῳ Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως νέας ‖ 31 Ῥώμης καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης καὶ εὐχέτης τῆς ‖ 32 σῆς ἐκλαμπρότητος.

Перевод

Паисий, милостию Божиею архиепископ Константинополя Нового Рима и вселенский патриарх

Благочестивейший, преславный и пресветлый, христианнейший и православнейший правитель и великий гетман всея России господине Зиновие, о (святем) Дусе возлюбленный и желаннейший сын нашего смирения, молюсь господу всемогущему Богу о даровании твоему преславному владычеству здоровья, благоденствия, (всяческого) умножения, победы над всеми супостатами видимыми и невидимыми — вместе со всем твоим благословенным войском. Если многие и великие подвиги твоей пресветлости и превосходство, что даровал тебе Господь за благочестие и добрые намерения твоей богоукрашенной души побуждают малых и великих благочестивых христиан от (всех) пределов мира радоваться и славить твое достойное имя, то тем паче я, богомолец твой и духовный отец, радуюсь славе моего духовного сына. И поскольку нет возможности радоваться твоему телесному присутствию, я захотел послать тебе (свои) пожелания и многократные благословения хотя бы в (своем) послании. Поэтому, находя сейчас момент подходящим, я пишу с великой любовью и благословляю пресветлость твою во имя Отца, и Сына и св. Духа, одного по природе единого Бога, его же божественная сила да будет покровом твоим и помощью

твоей, и да покорит врагов твоих под стопы твои, и да направляет Господь поступь твою и ангел мира, верный путеводитель, да руководит трудами твоими против супостатов твоих, да не подвергнешь под камень ногу свою, осилишь аспида и василиска и попираешь льва и дракона.

Еще проведали мы, благочестивейший великий гетман, что бывший патриарх кир Афанасий Пателар, возвращаясь из Московии, упокоился в ваших краях (вечная ему память) и что оставил там свое имущество, которое имел при себе, и оно хранится по приказанию твоей пресветлости. Поэтому да будет ведомо твоей пресветлости, во-первых, что никто не может быть наследником патриархов и митрополитов этого трона, кроме самого этого вселенского престола, ибо что (они) от хлеба церкви обрели, то снова следует получить церкви; во-вторых, сей христианин дважды становился патриархом, но неудачно — он лишь обременил церковь бесконечными долгами и, оставив их, удалился, чему до сего дня имеются его (письменные) свидетельства в руках великих людей, и церковь платит долги его столько лет и все еще не может их погасить.

Поэтому было бы справедливо, чтобы (его имущество), что бы там ни оставалось, возвратилось церкви и было бы отдано за долги его, ибо церковь имеет преимущество перед всеми и как полный наследник патриархов, и потому, что никто другой не имеет участия в уплате его долгов: ибо долг имеет преимущество и перед наследниками, и перед всеми, он разрушает завещания и отменяет дарения. Поэтому призываем пресветлость твою, как честного члена и истинного сына церкви, да сжалишься над матерью своею церковью и не допустишь, чтобы она претерпела несправедливость, но прикажешь полностью собрать его (имущество), дабы не распылилось, и да будет во власти твоей пресветлости, и люди его (патриарха) да будут вместе и не разбредутся, пока нам не удастся через несколько дней послать с нашими грамотами к твоей пресветлости своего человека, чтобы вы действовали на пользу Великой церкви, как просветит вас Господь, ибо она подвергается большой опасности из-за тяжести долгов, и будет грех, если эта малость, которая считается ее (собственностью), разойдется по рукам, и (церковь) окажется обиженной и обремененной этим христианином, и его будут поносить архиереи.

Об этом молим тебя, да позаботишься о матери своей, Великой церкви Христовой, и да воздастся (твоей пресветлости) от Бога и бес-

конечное поминание — в Великой церкви Христовой; и да не откажешь в нашей просьбе, и да будете многолетными от Бога, чья благодать и бесконечная милость, а от нашего смирения — молитва и благословение да пребывают с твоей пресветлостью. 1654 г., 29 июля, индикта 7-го.

Паисий, Божией милостью архиепископ Константинополя, Нового Рима, и вселенский патриарх и богомолец твоей пресветлости.

Примечания

[1] О Тимошке Акундинове см.: Соловьев С. В. Тимошка Анкидинов (XI самозванец) // Финский вестник, 1847. Т. 13. С. 1—38; Т. 14. С. 1—34; Белокуров С. Арсений Суханов. М., 1891. Ч. 1. С. 228—237, LXVII—LXXI; Пирлинг П. Исторические статьи и заметки. СПб., 1913; Шмурло Е. Римская курия на русском православном Востоке в 1609—1654 годах. Прага, 1928. С. 174—180, 204—210; Мошин В. А. Из истории сношений римской курии, России и южных славян в середине XVII в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 491—511; Он же. Из переписки самозванца Тимошки Акундинова // ТОДРЛ, XXIV, 1969. С. 309—313; Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967. С. 70—78; Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Вступительная статья, подготовка текста и примечания А. М. Панченко. Общая редакция В. П. Адриановой-Перетц. Л., 1970. С. 85—90, 366; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 78—81; Он же. Акундинов Тимофей Демидович / Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси». Писатели и поэты XVII в. // ТОДРЛ, XLIV, 1990. С. 11—12; Он же. Акундинов Тимофей Демидович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. А—З, СПб., 1992. С. 53—55.

Время побега Т. Акундинова из Москвы в Польшу определено В. В. Дубовик, посвятившей этому историческому деятелю свою кандидатскую диссертацию. Сердечно благодарим В. В. Дубовик за эти сведения, уточняющие данные предшествующей специальной литературы.

[2] См.: Белокуров С. Указ. соч. С. 228—229, 231.

[3] Об этом см.: Фонкич Б. Л. Греческо-русские связи середины XVI — начала XVIII вв. Греческие документы московских хранилищ. Каталог выставки. М., 1991. С. 37—38, рис. 21; Он же. Международная конференция «Крит, Восточное Средиземноморье и Россия в XVII в.» Греческие документы и рукописи, иконы и памятники прикладного искусства московских собраний. Каталог выставки. М., 1995. С. 60.

[4] См. например: Фонкич Б. Л. Греческое книгописание в России в XVII в. // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 33—38; Ševčenko I. A New Greek Source concerning the Nikon Affair: Sixty-One Answers by Paisios Ligarides given to Tsar Aleksej Mixajlovič // Γεννάδιος. К 70-летию академика Г. Г. Литаврина. М., 1999. С. 237—263.

[5] Белокуров С. Указ соч. С. 231.

[6] Там же.

[7] О времени возвращения Суханова в Москву см.: РГАДА, ф. 52, оп.1, 1649 г., № 22, л. 59. Следует обратить внимание на то, что привезенная Арсением грамота о Тимошке, как документ, имеющий исключительное значение для царя, была переведена в Посольском приказе в тот же день (см. далее приказную помету о времени перевода документа).

[8] См.: Белокуров С. Указ. соч. С. LXVII-LXXI; см. также наши работы, указанные выше, прим. 3.

[9] Краткое описание грамоты см.: Фонкич Б. Л. Греческо-русские связи середины XVI — начала XVIII вв... С. 47; Он же. Международная конференция «Крит, Восточное Средиземноморье и Россия в XVII в.». С. 29.

Об обстоятельствах появления Афанасия Пателара на Украине см.: Каптерев Н. Приезд бывшего константинопольского патриарха Афанасия (Пателара) в Москву в 1653 году // ЧОЛДП. 1889. Октябрь. С. 358—385; Ильминский Я. Святитель Афанасий III, патриарх Константинопольский, Пателарий. Киев, 1915; Фонкич Б. Л. Греческое книгописание в России в XVII в. С. 28—30.

[10] См. выше, прим. 7.

[11] О нем см.: Фонкич Б. Л. Моисей Арсеньев (К истории изучения греческих документов в Москве в первой трети XVIII в.) // Архив русской истории. 1992. № 1. С. 142—148.

Л. А. Щенникова

«Богоматерь Благодатное небо» из Архангельского собора Московского Кремля: Иконография и почитание образа

Архангельский собор, будучи местом поклонения государей родительским гробам и ежедневных заупокойных служб над могилами усопших прародителей, в отличие от Успенского собора и придворной церкви Благовещения, не имел высокочтимых древних икон, привезенных из других городов. Не было здесь и особо прославленных Богородичных образов. Лишь в поздних исторических описаниях Архангельского собора появляются рассказы о тех немногих иконах, которые выделялись необычными названиями и иконографией. Самая известная из них — икона Богоматери из местного ряда иконостаса[1]. В XIX в. она почиталась как святыня; рассказ о ней был включен в популярные издания о чудотворных Богородичных образах. В «энциклопедии» прославленных икон Богоматери Е. Поселянина излагаются следующие сведения: «Икона Благодатное Небо» находится в московском Архангельском соборе, по левую сторону царских врат. Предание говорит, что этот образ находился раньше в городе Смоленске и привезен оттуда в Москву великою княгинею Софиею Витовтовною, дочерью литовского князя Витовта (конца XIV и начала XV столетия), когда она сделалась супругою великого московского князя Василия Дмитриевича (1389—1425).

На иконе «Благодатное небо» Божия Матерь изображена в рост; на левой руке Ея — Предвечный Младенец. Некоторые этот образ Богородицы называют «Что ти наречем», но такое наименование совершенно неправильно.

Кроме 6-го марта, празднование этому образу совершается еще в неделю Всех святых[2].

Икона и ныне стоит на своем изначальном месте в иконостасе, привлекая внимание зрителей нетрадиционной для древнерусского искусства иконографией.

Богоматерь представлена в рост, с Младенцем Христом на руках, сидящим справа. Руки Богоматери, поддерживающие Младенца, скрещены; правая рука с жестом благословения, положена на левую руку,

в которой она держит белый плат. Младенец Христос изображен в повороте влево; правой простертой рукой он благословляет, левой прижимает к груди закрытое Евангелие. На Богоматери темно-коричневый мафорий с золотой полосой по краю и темно-зеленое (?) платье с широкой, украшенной «драгоценными камнями» и «жемчугом» золотой каймой; на ногах красная обувь. Младенец облачен в длинную охряно-розовую одежду, полностью закрывающую всю его фигуру. На головах Богоматери и Христа золотые нимбы с красной опушью и короны. Лик Младенца исполнен в светотеневой живописной манере, разбеленной охрой, с подрумянкой. Богоматерь и Младенец Христос окружены ярко-красной овальной мандорлой-сиянием, заполненной исходящими от фигур желто-охристыми с белильными штрихами лучами, напоминающими языки пламени. Фон иконы облачный, синезеленый, заполненный клубящимися облаками. Поля умбристо-коричневые вверху на красной мандорле, по сторонам фигур надпись:

«*ЧТО ТЯ НАРЕЧЕМ О БЛАГОДАТНАЯ НЕБО ВОССИЯ ЕСИ СОЛНЦЕ ПРАВДЫ РАИ ЯКО ВЗРАСТИЛА ЕСИ ЦВЕТ НЕТЛЕНИЯ ДЕВУ ЯКО ПРЕБЫЛА ЕСИ НЕТЛЕНА ЧИСТУЮ МАТЕРЬ ЯКО ИМЕЛА ЕСИ НА РУКУ СЫНА ВСЕХ БОГА*» (слова Богородичной молитвы — Богородична, читающегося на Первом часу после утрени). Слева и справа от нимба Богоматери — традиционные обозначения ее имени: МР и ΘУ. Буквы имени Христа написаны на нимбе Богоматери над его головой: IX.

Сохранность авторской живописи плохая; в течение XVIII—XX вв. она многократно поновлялась, чинилась, переписывалась и реставрировалась: в 1735 г., после пожара 1737 г., в 1751, 1772, 1807—1808, 1813—1814, 1821—1825, 1826, 1853, 1897—1898, 1924, 1935, 1954—1955 и в 1979—1981 гг.[3]

По всей поверхности иконы — многочисленные вставки и прописи XVIII—XIX вв. Складки на одеждах Богоматери были выделены золотом, от которого остались только следы. Надписи на сиянии и облачный фон поновлены.

Внизу под ногами Богоматери отчетливо видна графья, очерчивающая изображение лунного серпа, но первоначальный красочный слой не просматривается (графью луны как будто перекрывают охряные лучи и красный фон мандорлы). Возможно, изображение луны было только намечено графьей, но в красках не исполнено. Изучение иконы затруднено отсутствием реставрационного исследования.

Икона была исполнена царскими иконописцами при создании нового иконостаса Архангельского собора по указу царя Федора Алексеевича в 1678—1680 гг.[4] По мнению протоиерея Н. Д. Извекова обе местные иконы — «Богоматерь Благодатное Небо» и парная ей икона «Христос вседержитель» — «при возобновлении иконостаса при царе Федоре Алексеевиче были вновь написаны на новых цках…»[5]. Однако, как верно отметила В. Г. Брюсова, эти образы исполнены на досках икон XIV столетия[6].

В феврале 1681 г. «по усердию» государя на серебряные оклады новых местных икон Богоматери и Христа, «что стоят подле царских дверей», было дано четыре пуда ефимков серебра[7]. В 1812 г. во время нашествия Наполеона со всех икон местного ряда драгоценные ризы были содраны, иконы повреждены. В конце 1815 г. «по словесному приказанию архиепископа Августина протоиерею Иакову Дмитриеву» было велено сделать к двум местным иконам Христа и Богоматери у царских врат «две серебрено-золоченые ризы» (вместо серебряной раки для мощей Черниговских чудотворцев); в 1816 г. после починки икон ризы были возложены[8].

Чеканная серебряная золоченая риза на иконе Богоматери была украшена накладными золочеными чеканными херувимами и цветами и четырьмя финифтяными дробницами с надписями; на полях размещались еще двадцать восемь накладных серебряных матовых изображений херувимов; запястье на руке Богоматери было также серебряное, матовое, «филигранной работы», а звезда на ее правом плече — «из белых хрусталей»; на головах Богоматери и Младенца — серебряные золоченые венцы и короны. На сиянии, окружавшем фигуры, был вычеканен текст Богородична (см. выше), по словам которого икона получила свое наименование[9].

Почитание образа, вероятно, началось вскоре после его создания. В сочинении сакеллария Архангельского собора протоиерея А. Лебедева 1880 г. имеется сообщение, что «в библиотеке Высоко-Петровского монастыря в Москве» им «была найдена пожелтевшая тетрадь в 1/8 листа — уцелевшая частичка от описи Архангельского собора XVII столетия», в 1866 г. он списал «с нее для собора копию — подлинная же осталась в монастыре»[10]. В ныне утраченной описи содержалась запись, «что эта икона есть копия, и по указу царя Феодора Алексеевича, списана была в иконной палате с первоначальной, в соборе же стоявшей, царьградской иконы»[11]. О «царьградской» же иконе в соборе сущест-

вовало предание, отождествлявшее икону с одной из привезенных Софией Витовтовной из Смоленска, «присланной туда из Царьграда патриархом вместе с другою святынею» «в благословение гражданам православного Смоленска, еще до покорения его языческим князем Витовтом»[12]. Эта легенда возникла на основе известной летописной записи 1398 г. о привозе Софиею Витовтовной из Смоленска многих древних икон, а также частей «страстей Спасовых», присланных из Царьграда[13].

Приведенное выше предание было популярно среди кремлевских служителей и археологов. В 1853 г. в период фундаментальной реставрации иконостаса Архангельского собора митрополит Филарет потребовал собрать сведения о местной иконе Богоматери. В представленном митрополиту донесении протоиерей Тяжелов приводил легенду о Софии Витовтовне, ссылаясь на рассказ «покойного известного археолога А. В. Малиновского» и на «Историю» Карамзина (т. V, изд. 4-е), а также на свидетельства «соборного подрядчика Калмыкова», утверждавшего, что «икона сия греческая», но поновленная[14].

В более раннем источнике — Клинцовском иконописном подлиннике — о чтимой в Архангельском соборе иконе имеется очень интересная и важная запись: «Принесена великою княгинею Софиею Фоминичною из Литвы. Перевод западный»[15].

Сведения описи XVII в. и указание Клинцовского подлинника могли быть основаны на каких-то реальных исторических фактах, о чем свидетельствует иконография иконы и то духовное содержание, которое вкладывалось в образ «Апокалиптической Жены» в конце XV—XVII вв.

По своей иконографии икона из Архангельского собора восходит к прототипу, «похожему на почитавшуюся в мужском монастыре… в предместье Вильны» Виленскую икону, по преданию явленную в 1341 г.; на Виленской иконе Богоматерь изображена стоящей на луне, над ее головой ангелы держат царственный венец[16]. Предание о чтимой Виленской иконе соединилось с преданием о другом чтимом образе — Виленской Одигитрии. О последней были известны два предания. По одному из них икона «прислана императорами греческими королям галицким и Червонной Руси. После падения Галицкого княжества икона эта стала достоянием московского князя. В Москве она, однако, пребывала недолго. Великий князь московский Иоанн III Васильевич благословил ею свою дочь Елену, выходившую замуж за литовского князя Александра (в 1495 году).»[17]. Согласно другому преда-

нию, она принесена в Москву царевной Софией, вышедшей замуж за Иоанна III Васильевича[18].

Смутные легенды о чтимых в столице Литовского княжества Богородичных иконах, в которых нашли отражение сложные политические и церковные отношения между Москвой и Литвой, а также явно западная иконография иконы Архангельского собора, оказали влияние и на возникновение сходных по содержанию преданий и способствовали ее особому почитанию.

Рассмотрим иконографию иконы. Ее прототип — изображение, иллюстрирующее 1-й и 5-й стихи XII главы Откровения Иоанна Богослова: «И явилось на небе великое знамение: Жена, облаченная в солнце; под ногами ея луна, а на голове ея венец из двенадцати звезд… И родила она младенца мужскаго пола, которому надлежит пасти народы жезлом железным». Это изображение возникло, вероятно, в Германии в XV в. На витражном стекле из Среднего Рейна (1480—1490), хранящемся в музее Метрополитен в Нью-Йорке, представлена Мадонна с Младенцем на полумесяце, на ее голове корона; фигуры окружены золотыми лучами, образующими сияние-мандорлу[19]. Подобные образы были широко известны в Западной Европе: они встречаются в гравюрах, скульптуре, в миниатюрах и на витражных стеклах. Различные варианты этого изображения получили большое распространение в польском искусстве[20]. В Россию они пришли, видимо, в XVII в. через Украину, Белоруссию и Литву.

Наиболее раннее произведение, восходящее к данному иконографическому типу,— икона из местного ряда иконостаса южного придела в церкви Святой Троицы в Никитниках, датируемое 40-ми гг. XVII в.[21] В публикации Е. С. Овчинниковой икона отнесена к типу «Благодатное Небо». На этой иконе Богоматерь изображена с Младенцем на левой руке, в короне; фигура окружает овальный ореол сияния; фон иконы облачный. Внизу представлены коленопреклоненные Георгий Хозовит и Андрей Критский — соименные святые строителя церкви Григория Никитникова и его сына Андрея. В этом изображении нет прямого копирования западных образцов; отсутствуют такие важные атрибуты, как полумесяц под ногами Богоматери и лучи сияния.

Другой вариант изображения — на иконе (имеющей у исследователей аналогичное наименование), исполненной Василием Познанским для церкви Распятия Большого Кремлевского дворца в 1682 г. в технике клеевой аппликации[22]. Этот вариант прямо следует западной мо-

нографии: Богоматерь стоит на полумесяце, по внутреннему краю облачного сияния, окружающего фигуры,— парящие двукрылые херувимы, в углах по одному четырехкрылому херувиму.

Самая близкая аналогия чтимому образу Архангельского собора — икона из Третьяковской галереи[23]. Полностью совпадают изображения фигур, облачного неба в углах иконы и даже типы ликов Богоматери и Младенца. Но на иконе из ГТГ важнейшее значение имеет луна под ногами «Жены» и три летящих ангела, возлагающих короны на головы Богоматери и Младенца Христа. На сиянии, слева и справа от Богоматери, надпись: «*ЖЕНА ОБЛЕЧЕННА В СОЛНЦЕ*», продолжающаяся на лунном серпе: «*И ЛУНА ПОД НОГАМА ЕЯ*». Возле голов Богоматери и Христа — буквы из имен. Увенчанные крестами короны окружены нимбами. Платье Богоматери украшено пышным тканым узором и широкими каймами с «драгоценными камнями» и «жемчугом».

Икона исполнена, вероятно, уже в XVIII в. Она повторяет один из самых распространенных западных образцов. В то же время нельзя исключить предположения, что она является списком с чтимого в Архангельском соборе образа, к которому добавлены (?) традиционные для западной иконографии фигуры ангелов (если только они, подобно луне, не были начертаны первоначально на кремлевской иконе).

Немногочисленные и далекие от традиций древнерусской иконописи изображения «Апокалиптической Жены» датируются XVII в. Поэтому можно предположить, что именно тогда этот иконографический тип появился в Москве. Однако сообщение описи Архангельского собора XVII в. о повторении предшествующей иконы и смысловая интерпретация этого образа позволяют думать, что некий западный оригинал мог появиться в Кремле намного раньше и, возможно, был воспроизведен на иконе Архангельского собора, с которой в конце XVII в. «списан» ныне существующий образ.

Уже в «Толковании на Апокалипсис» святого Андрея, архиепископа Кесарийского (V в.) «под *женою, облеченной в солнце*» подразумевается Святая Церковь (толкование блаженного Мефодия); луна — «вера баней очищаемых и освобождаемых от тления»; «…змей …есть диавол»[24].

В конце XV — начале XVI вв. апокалиптический образ «жены, облаченной в Солнце», как аллегория «Богородицы-Церкви, преследуемой драконом-ересью» и убегающей туда, где воссияло православное Московское царство, сменившее Римское и Византийское, использовал в своих посланиях инок Филофей (около 1465—1542 гг.)[25]. В «Послании

о неблагоприятных днях и часах» Филофей писал: «…скажем несколько слов о нынешнем преславном царствовании пресветлейшего и высокопрестольнейшего государя нашего, который во всей поднебесной единый есть христианам царь и сохранитель святых божиих престолов, святой вселенской апостольской церкви, возникшей вместо римской и константинопольской и существующей в богоспасаемом граде Москве… так знай, боголюбец и христолюбец, что все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, и это — российское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать ⟨…⟩ Согласно же великому Богослову: „Жена, облаченная в солнце, и луна под ногами ее, и младенец на руках у нее, и тотчас вышел змей из бездны, имеющий семь голов и семь венцов на головах своих, и хотел младенца этой жены поглотить. И даны были жене крылья великого орла, чтобы бежала в пустыню, и тогда змей из всех своих уст источил воду, словно реку, чтобы ее утопить“. Водой называют неверие; видишь избранник божий, как все христианские царства затоплены неверными, и только одного государя нашего царство одно благодатью Христовой стоит»[26].

Образ светозарной Жены в багряных ризах, вставшей «на воздусе и спасавшей свой дом в царствующем граде Москве», появляется далее в повестях, составленных в окружении митрополита Макария и включенных в Степенную книгу царского родословия»[27].

По наблюдению М. Б. Плюхановой, в конце XVII в. в сочинении св. Дмитрия Ростовского («Слово на Покров») образ Богородицы, молящейся за мир, соединился с образом Жены, облаченной в Солнце, в едином эсхатологическом значении: «В последняя лютая времена, егда умножившимся грехом нашим умножася беды на ны ⟨…⟩ тогда Пречистая и Преблагословенная Дева Мария, Мати Господни, подает нам Покров свой в защищение ⟨…⟩ Якоже оногда святыи Иоанн Богослов виде на небеси знамение велие: Жену, облеченну в Солнце. Сице святый Андрей в небеси подобней Влахернстей Церкве, узре Невесту неневестную, солнечною одеяную Порфирою, знамение, Богословом виденное: Покровительницу нашу Премилосердную прообразоваше, еже в то время явися, внегда всей твари разорение показовашеся» (Книга житий святых Дм. Ростовского. (Сентябрь-ноябрь). Киев, 1689)[28].

Принимая во внимание приведенные литературные источники, показывающие восприятие образа «Апокалиптической Жены» в конце XV — начале XVI в., а также указание Клинцевского подлинника (см.

выше), можно предположить, что первое аллегорическое изображение Богородицы-Церкви, облаченной в солнце Правды — с образом Младенца-Христа, рожденного Женой, чтобы «пасти народы жезлом железным», могло появиться на иконе нового Архангельского собора уже в начале XVI в. Именно в тот период, когда центр православия переместился в Москву и возникла идея «Москва — Третий Рим», образы Апокалипсиса и получили конкретную историческую интерпретацию, ибо в четвертый раз Церковь вынуждена будет бежать в пустыню согласно Апокалипсису (Откр. 12.5,14)[29]. Принадлежавшая противостоящему православию «латинству» западная иконография наполнилась духовным смыслом, утверждавшим торжество Церкви земной и небесной в новом Православном царстве московских государей. Возможно, иконография XVI в. была более традиционной, ближе той, которая представлена на иконе из церкви Святой Троицы в Никитниках. При создании нового местного образа в конце XVII в. использовали старую доску и, возможно, основные черты иконографии предшествующей иконы XVI в. (?), но конкретный образец был западный, подобный иконе из ГТГ. Однако чисто западные элементы иконографии — луну (а также возможно, и имевшиеся в росписи-графье образы ангелов с коронами и текст из Апокалипсиса) — убрали либо уже при написании иконы, либо вскоре при одном из поновлений.

Рассматривая аллегорический образ Богоматери-Церкви из местного ряда Архангельского собора, необходимо сказать, что он является парным к аллегорическому образу Христа[30], основанному также на тексте Апокалипсиса (гл. XIV, ст. 14, гл. XIX, ст. 11—13, 14—16). Икона находится справа от царских врат. Христос, окруженный охристого цвета овальной мандорлой, с белильными лучами, представлен восседающим; он облачен в «парчевое» золотое одеяние; на голове — корона, в левой руке — увенченный крестом жезл, от плеча (из уст) отходит меч; на груди панагия с белильной надписью «АЛЬФА И ОМЕГА». По краю мандорлы идет надпись: «*Верен и истинен, и правосудный. Очи же ему еста яко пламень огненъ на главе его венцы мнози имый имя написано, еже никто же весте токмо он сам*» (Откр. XIX, 11—12).[31].

Сохранность авторской живописи очень плохая. Икона прошла в основном те же этапы поновлений и реставраций, что и другие иконы из местного ряда и прежде всего парный ей образ «Благодатное Небо» (см. выше). Лик Христа написан на вставке левкаса в 1772 г. протопопом Спасского собора, «что во дворце на Бору», Михаилом (надпись

внизу на иконе). На одеждах Христа — многочисленные разновременные чинки и записи. Мандорла и облачный фон полностью переписаны. Возможно, первоначальный цвет мандорлы был красный, с охристыми лучами сияния, как на иконе Богоматери. В XIX в. на окладе был изображен престол. На живописи иконы справа под записью просматриваются очертания ножки престола и подушки сидения. Реставрационное исследование иконы не проводилось, что затрудняет ее изучение.

Все элементы и детали иконографии точно соответствуют тексту Апокалипсиса. Так, в 14-м стихе XIV главы говорится о сиянии, окружающем Христа: «…и вот светлое облако, и на облаке сидит подобный Сыну Человеческому. На голове его золотой венец…». В 15-м стихе XIX-й главы — о мече, исходящем из уст: «Из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы. Он пасет их жезлом железным; Он топчет точило вина ярости и гнева Бога Вседержителя»[32]. «Железный жезл», которым надлежит пасти все народы, упоминается в XII-й главе (ст. 5), где речь идет Жене, родившей Младенца. Вместе со следующей фразой («И восхищено было дитя ея к Богу и престолу Его») 5-й стих XII-й главы служит основой сразу двух образов: Апокалиптической Жены (Богородицы-Церкви) и Апокалиптического Младенца (Младенца-Христа — в одной иконе и Христа-Вседержителя — в другой). Благодаря общей литературной основе и идейному содержанию оба образа составляют единое целое.

Название аллегорического образа Христа, которое иногда воспроизводится на иконах, содержится в 16-м стихе XIX главы: «На одежде и на бедре Его написано имя: Царь царей и господь господствующих»[33].

Местная икона Христа из Архангельского собора (или аналогичный ей образец, имевшийся у царских изографов в Оружейной палате) была повторена муромским иконописцем А. И. Казанцевым, исполнившим в 1690 г. местный образ для собора Рождества Богородицы в Муроме[34]. Христос на муромской иконе представлен полуфигурно, он облачен в красные с золотым «парчовым узором» одежды, окружен огненно-красной мандорлой с золотыми извилистыми лучами. Вверху над головой Христа инициалы его имени: ИС ХС. Ниже, слева и справа от фигуры, золотые буквы текста: «*Апокалипсис глава ѲI Верен и истинен правосудный и воинственный очи же ему еста яко пламень огнен и на главе его венцы мнози и облечен в ризы червлены кровию и нарицается имя*

его слово боже из оуст его изыде оружие остро да тем избиет языки и той упасет я жезлом железнымъ» (Откр.XIX, 11013, 15). Внизу справа «на одежде на бедре» написано имя «Царь царемъ и Господь господемъ». Вероятно, также выглядела первоначально и икона из Архангельского собора.

Апокалиптические наименования местных икон Христа и Богоматери из Архангельского собора в XIX в. не употреблялись. На иконе Богоматери был воспроизведен текст из православного богослужения — Богородичен (возможно, заменивший первоначальный апокалиптический). Аллегорический образ Христа в XIX в. называли «Господь Вседержитель». В конце XVII века обе местные иконы почитались вместе. В 1681 г. на них сделали одинаковые серебряные оклады (затем в 1815 г.) и киоты; на колоннах перед иконами в деревянных резных позолоченных клеймах в уменьшенном размере помещались их копии[35]. В XIX в., вероятно, благодаря деятельности митрополита Филарета, прославленной иконой Архангельского собора стал образ Богоматери. Перед иконой служили молебны (в начале XX в. ежедневно после литургии, по пятницам — с акафистом и водоосвящением[36]); к иконе приносили традиционные дары: лампады, свечи и масло. Показательно, что этот образ, соединивший в себе духовную культуру Востока и Запада, чтили как православные, так и иноверные. От него получила исцеление даже одна лютеранка, увидевшая икону во сне и пославшая свою православную гувернантку молиться за молебном о своем здравии перед иконой, что та и делала в течение шести недель; выздоровев, дама сама стала приходить в собор на молебны[37].

В 1897—1898 гг. иконы Архангельского собора реставрировала под наблюдением московского Археологического общества мастерская Я. Е. Епанечникова[38]. В 1900 г. Епанечников получил заказ сделать копию чтимого в Архангельском соборе образа. Эта икона-копия, ныне хранящаяся в зимнем храме Воскресенского собора Романова-Борисоглебска (город Тутаев Ярославской области), представляет образ Богоматери с младенцем, выполненный в стиле академической живописи, без корон и сияния-мандорлы (икона исполнена маслом на жести, вставлена в деревянную раму; размер — 216×101 см.). О том, что это копия иконы Архангельского собора, свидетельствует не изображение, но лишь пространная надпись на обороте, в которой сообщается также множество историко-бытовых подробностей: «Празднование иконе Пресвятыя Богородицы, именуемой Благодатное Небо, совершается

марта в шестый день. Тропарь на глас шестый, поется: „Что тя наречем, о Благодатная…“ и проч. (Из Богородична, читаемого на первом часу после утренней службы). Икону сию с изображения Божией матери, расположенного по левую сторону царских врат главного предалтарного иконостаса Московского кремлевского Архангельского собора, для ризницы церкви Успения Пресвятыя Богородицы в усадьбе сенатора тайнаго советника Владимира Павловича Мордвинова селе Ваулове Романов-Борсоглебского уезда Ярославской губернии, писал в Москве 10 февраля 1900 года придворный поставщик художественной живописи и иконописи Яков Ефимович Епанечников.

Чин благословения и освящения сея иконы, при совершении последования малого освящения воды, отправлен был в С. Петербурге в доме В. П. Мордвинова (Знаменская улица № 9) священником домовыя во имя св. Иоанна Богослова церкви, что при С. -Петербургском (Бассейная улица № 3) подворье женского Леушинскаго Иоанно-Предтеченского монастыря Череповецкого уезда Новгородской губернии Евгением Иерусалимским при пении монашествующих клирошанок того же подворья во 13 день апреля 1900 года в четверток светлыя седмицы по полудни во втором часу».

Местная икона Христа стала почитаться вновь, видимо, лишь в начале XX в. По сообщению настоятеля Архангельского собора протоиерея Н. Д. Извекова (1916 г.) «в недавнее время» по желанию Общества хоругвеносцев было установлено совершать перед иконой Спасителя по средам после литургии молебен с чтением акафиста[39].

Такова история чтимых икон Архангельского собора, восстанавливаемая в отдельных эпизодах по немногочисленным источникам и косвенным свидетельствам XV—XX в.

Примечания

[1] Музей «Московский Кремль», инв. 26 соб., Ж—473; 242×181 см.

[2] Богоматерь. Полное иллюстрированное описание Ея земной жизни и посвященных Ея имени чудотворных икон. Под.ред. Е. Поселянина (СПб., б. г. Прилож. к ж. «Русский паломник» за 1909 г.) Репринт. изд.: Киев, 1994. Ч. 1. С. 182.

[3] См.: Лебедев А. Московский кафедральный Архангельский собор. М., 1880. С. 54—55; Извеков Н. Д. Московский придворный Архангельский собор. Сергиев Посад, 1916. С. 31, 43—44; Отчет о реставрации окон из иконостаса Архангельского собора Московского Кремля (1979—1980 гг. 1981. ОРГПФ музея «Московский

Кремль», ф. 20, 1981, д. 18; Отчет о реставрации икон из иконостаса Архангельского собора, паспорта икон с 1—16, 1981, папка 1.— ОРГПФ музея «Московский Кремль», ф. 20, 1981, д. 19.

[4] Извеков Н. Д. Московский придворный Архангельский собор. С. 15—17.

[5] Там же. С. 95.

[6] Брюсова В. Г. О времени написания икон иконостаса Архангельского собора // Гос. музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1976. Вып. 2. С. 99.

[7] Извеков Н. Д. Московский придворный Архангельский собор. С. 18.

[8] Там же. С. 43—44.

[9] Там же. С. 94.

[10] Лебедев А. Московский кафедральный Архангельский собор. С. 162. (примеч).

[11] Там же. С. 162.

[12] Там же. С. 162—163.

[13] См.: Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текстов. М.; Л., 1950. С. 449.

[14] Извеков. Н. Д. Московский придворный Архангельский собор. С. 94—95 (примеч).

[15] Ровинский А. Русские народные картинки. Кн. IV. Примечания и дополнения. СПб., 1881 (Сб. ОРЯС имп. АН. Т. XXVI). С. 676.

[16] Богоматерь. Ч. 1. С. 240.

[17] Там же. С. 239.

[18] Там же.

[19] См.: Декоративно-прикладное искусство от поздней античности до поздней готики: Каталог выставки. Л., 1990. С. 146, 147 (ил) кат. № 70. См. также близкое изображение в антверпенском Часовнике Герарда Леу 1487 г.: Долгодрова Т. А., Кузнецов А. Е. Неизвестный антверпенский Часовник Герарда Леу в собрании РГБ // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1994. М., 1996. Рис. на с. 11.

[20] См. Malgorzata Biernacka, Tomasz Dziubecki, Hanna Graczyk, Janusz St. Pasierb. Maryja Matka Chrystusa. Warszawa, 1987. Il. 3,5,6,9,10; Krystyna S. Moisan, Beata Szafraniec. Marya Oredowniczka Wiernych. Warszawa, 1987. Il. 115, 116, 117.

[21] См.: Овчинникова Е. С. Церковь Троицы в Никитниках. Памятник живописи и зодчества XVII века. М., 1970. С. 147, 148, (ил), 150, 152(ил).

[22] Музей «Московский Кремль» инв. 1942 соб. Ж—1700; 219×118. см.: Личное исполнено живописью, одежды выклеены из разноцветных зарубежных тканей XVII века. Воспр. см.: Успенский А. И. Живописец Василий Познанский и его ученики // Древнерусская живопись (XV—XVIII) М., 1906. (Золотое руно. 106. № 7—9). С. 78. Ил. II на с. 65.

[23] ГТГ. инв. 28622; 111×77 см.

[24] Толкование на Апокалипсис Святаго Андрея Архиепископа Кесарийского. Перевод с греческого /Изд. 4-е. М., 1901/. Реприн. изд. 1992. С. 90—92.

[25] Плюханова М. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 49.

[26] Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984. С. 453.

[27] См.: ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21, 2-я пол. тома. С. 635—637.

[28] Плюханова М. Сюжеты и символы Московского царства. С. 49.

[29] Салтыков А., протоиерей. Православное мировоззрение и учение о Третьем Риме // Кудрявцев М. П. Москва — Третий Рим. М., 1994. С 254. См. также: Успенский Б. А. Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва — Третий Рим» // Русское подвижничество. М., 1996. С. 464—501.

[30] Музей «Московский Кремль», инв. 21 соб., Ж—468; 237×186 см.

В церкви Распятия Большого Кремлевского Дворца аллегорический образ Богоматери также является парным к аллегорическому образу Христа (музей «Московский Кремль», инв. 1939 соб, Ж—1698). Изображение имеет надпись: ИИС ХС ЕММАНУИЛЪ. Юный Христос представлен стоящим на личине солнца, правой рукой благословляет, а левой держит сферу (державу). Серафимы и облачный фон аналогичны парной иконе Богоматери. Воспр. см.: Успенский А. И. Живописец Василий Познанский и его ученики. С. 78, цвет. вклейка.

[31] Этот текст, дополненный еще одним стихом («облечен в ризу червлену кровию; и нарицается имя Его, Слово Божие», ст. 13), был вычеканен на окладе, аналогичном окладу на иконе Богоматери (см.: Извеков Н. Д. Московский придворный Архангельский собор. С. 91).

[32] По толкованию Андрея Кесарийского, «топчет же Он точило вина ярости, потому что *Отец никого не судит*,но представил Ему, как человеку, суд, который Он имел от начала по существу, как Сын». (Толкование на Апокалипсис. С. 165).

[33] По толкованию Андрея Кесарийского «наименование Царем цареи показывает нераздельность Божественного воплощения, по которой Он, будучи Богом, пострадал плотию, а будучи человеком, есть Царь царей, царствующих над страстями и Господь господ, при содействии Христа получивших достоинство и власть над грехом, и Господь тех, которые воцарятся с Ним в будущем века» (Там же. С. 165).

[34] См.: 1000-летие русской художественной культуры (Каталог выставки). М., 1988. Кат № 169. С. 139 (ил), 360—361.

[35] Извеков Н. Д. Московский придворный Благовещенский собор. С. 91, 94.

[36] Там же. С. 94.

[37] Лебедев А. Московский кафедральный Архангельский собор. С. 163.

[38] См.: Отчет о реставрации икон из иконостаса Архангельского собора Московского Кремля, д. 18. С. 8.

[39] Извеков Н. Д. Московский придворный Благовещенский собор. С. 92.

Ю. М. Эскин, И. Граля

«Новины Московские». Два донесения пограничных старост эпохи Бориса Годунова

Среди источников по истории русско-польских отношений второй половины XVI в. видное место занимают донесения старост пограничных поветов Великого княжества Литовского. Именно они, ведавшие охраной границ, обязаны были организовывать разведывательную службу[1]. В историографии не раз обращалось внимание на важность информации, содержащейся в донесениях таких активных деятелей пограничья, как Андрей Сапега и Филон Кмита Чернобыльский, игравших активную роль в 1566—1587 и 1588—1611 гг. на смоленском плацдарме, своеобразной «болевой точке» тогдашних русско-польских взаимоотношений[2]. На попечении старост находилась прежде всего ближняя — приграничная разведка. Для нужд ее регулярно использовались группы лазутчиков («шпегов»), рекрутировавшихся из местного населения, а также платные резиденты, постоянно проживавшие на русской территории. Иногда использовались и торговые поездки купцов, а в крайнем случае, особенно когда российская сторона блокировала границу,— и официальные дипломатические курьеры, посылавшиеся под каким-либо предлогом (см. док. № 2)[3]. Особое внимание уделялось информации, полученной от беженцев, особенно если это были представители знати, еще недавно бывшие в чести у своего государя, а ныне вынужденные искать спасения от опалы в Речи Посполитой (см. док. № 1)[4].

Нельзя не переоценить значение всех этих сведений, поступавших к пограничным старостам, для решения задач польско-литовской дипломатии. Информация эта помогала королевскому двору и аппарату канцлеров и гетманов в выработке политической линии по отношению к восточному соседу и в решении пропагандистских задач, ориентированных на Западную Европу. Последние прекрасно иллюстрируются известной реляцией с рассказом некоего «Ярмулы Андреевича» о жестокостях Ивана Грозного, поведанным оршанскому старосте.

Сенсационные подробности рассказа, услышанные Филоном Кмитой (идентификация его с безымянным «капитаном с Орши» несомненна), были переданы им в письме к королю Сигизмунду II Августу. После редакционной обработки и перевода на немецкий язык этот рассказ занял важное место в ягеллонской пропаганде своей правоты в конфликте с царем, публикуясь и распространяясь в летучем листке «*Wahrhafftige Newe Zeitung von grausamen Feindt der Christenheit dem Moscowiter* ⟨…⟩»[5]. Несмотря на высокую ценность информации, заключающейся в подобных сообщениях, публикации их весьма редки. Это и побудило нас подготовить данные материалы к изданию. Основной же причиной является, однако, сама важность фактов, углубляющих наши представления и о функционировании польско-литовской разведывательной службы, и о внутриполитической ситуации в Московском государстве этого времени, характеризующейся борьбой за власть Бориса Годунова и противостоящей ему аристократической группировки[6]. Публикуемые материалы хранятся в фонде так называемого Варшавского архива Радзивиллов (Отдел II) в Варшавском Главном Архиве древних актов (AGAD).

I. Бегство Михаила Головина (1584 г.)

Первый из публикуемых документов не содержит имен адресата и адресанта; датировка его тоже не полна (отсутствует год), однако не подлежит сомнению его характер — донесение высокопоставленного чиновника королю. Атрибутировать его однако возможно исходя из самого содержания документа. Ключевое место в донесении занимает известие о прибытии на границу Речи Посполитой знатного беглеца из Москвы — Михаила Ивановича Головина. Этот эпизод хорошо отражен и в нарративных, и в документально-дипломатических источниках, что позволяет датировать и публикуемое донесение[7]. В свою очередь донесение позволяет уточнить датировку самого побега, устраняя имеющиеся в литературе по этому поводу разногласия. Прибытие Головина к границе 18 декабря означает, что бегство готовилось в страшной спешке («прибежал до Усвята само осмь в тринасту конях») и началось в первой половине месяца[8]. Дело в том, что адресатом послания может быть только король Стефан Баторий, а отправителем — только тогдашний усвятский староста кн. Юрий Павлович Друцкий-

Соколинский. Обоснованность идентификации последнего подкрепляется фактами служебных поездок автора между Усвятом и Озерищем (а кн. Ю. П. Друцкий-Соколинский совмещал должности старост в этих двух городах в 1577—1597 гг.)[9]. О причинах побега — судя по донесению — Головин высказывался весьма сдержанно, объясняя свой отчаянный шаг «*wielką niezgodą*» и «*rozruchem w ziemi*». Побудил его к побегу страх перед непредвиденными последствиями опалы, постигшей весь его род[10]. Еще полгода назад влиятельный клан Ховриных-Головиных находился на вершине могущества; государевой Казной с 1575 г., т. е. со времен Ивана IV Грозного, управлял опытный и властный Петр Иванович Головин, к которому в качестве второго казначея был назначен его двоюродный брат, окольничий Владимир Васильевич. Окольничим был и еще один представитель рода — Иван Петрович Большой. В начале царствования Федора Ивановича казначей П. И. Головин был одной из главных фигур в кругу регента — кн. И. Ф. Мстиславского. Пользуясь поддержкой аристократического большинства Думы, П. И. Головин вступил в борьбу с группировкой Б. Ф. Годунова, так сказать «выскочками». На первых порах ему сопутствовал успех — местничество, затеянное против него фаворитом покойного Ивана Грозного Б. Я. Бельским, вылилось в мощный конфликт обеих группировок, закончившийся волнениями в Москве и удалением Бельского из Думы[11]. Следующим на его дороге мог оказаться сам Борис Годунов, с которым казначей и так обращался без особой осторожности — по словам Дж. Горсея — «дерзко и неуважительно»[12]. Видевший падение своей власти царский шурин решил упредить удар и видимо с конца лета начал ревизию государевой Казны, в которой оказалась огромная недостача. Скомпрометированный казначей не мог уже рассчитывать на поддержку своих недавних союзников. Дума утвердила смертный приговор П. И. Головину «за государеву краденую казну», замененный в последний момент царем ссылкой в Казанский край. Лишенный чинов и титулов вельможа уже не успел воспользоваться царской амнистией: по дороге к Арзамасу он умер. Смерть его, возможно насильственную, «глас народа» приписывал Годунову[13].

Вскоре репрессии обрушились и на весь род Головиных — были лишены думных чинов Владимир Васильевич и Иван Петрович, шестеро иных Головиных были разосланы в почетные ссылки — на воеводства в Сибирь и Казанские пригороды. Неудивительно, что и Михаил Иванович, родной брат осужденного казначея, почувствовал свою осо-

бую уязвимость и решился на побег в Литву, тем самым, правда, как бы навлекая и на себя подозрения в растрате Казны[14]. Сам М. И. Головин объяснял побег царской «немилостью». Изложенная им усвятскому старосте версия, что его послали в Казань на борьбу с поволжскими черемисами, не совпадает с рассказом Нового Летописца («Михайло же Головин бяше в отчине своей в Медынском уезде в селе Московце»), но подтверждается материалами современного событиям царского посольства в Речь Посполитую[15]. Чтобы поднять свое значение в глазах литовского чиновника, Головин несколько завысил свои последние должности — так, он был наместником в Гдове, а не первым воеводой в Великих Луках, не первым воеводой его назначили и в Казанскую службу; не упомянул он, судя по донесению, и об официальном обвинении своего брата[16]. Однако такие подробности и не имели решающего значения для усвятского старосты, отступив перед важностью самого факта бегства столь видного вельможи.

Сведения о «замятне» в России и о личном участии в ней «значных людей», полученные от немедленно препровожденного ко двору беженца, оказались крайне выгодны Стефану Баторию, активно планировавшему новую военную конфронтацию[17]. Монарх пытался использовать полученные от Головина сведения для изменения настроений Сейма, отрицательно относившегося к его военным намерениям. Хорошо ориентировавшийся в его планах папский нунций Альберто Болонетти счел нужным известить после 19 января 1585 г. ватиканского государственного секретаря Птоломео Галли, кардинала Комо, о двухдневных дебатах в Сенате, в немалой степени посвященных московским событиям. Отметим, что и сам Болонетти явно находился под впечатлением от рассказа Головина и считал нынешнюю ситуацию благоприятной для «московского начинания», особенно в свете «grandi delle tirannie et estorsioni» тех вельмож, которые пришли к власти, воспользовавшись молодостью и глупостью нового великого князя[18]. С момента прибытия Головина в Литву и до отсылки письма Болонетти в Рим прошло менее месяца; от подготовки кн. Друцким-Соколинским донесения до тронной речи на Варшавском сейме, подготовленной канцлером Я. Замойским с использованием свидетельств Головина — менее 4 недель (17 января 1585 г.)[19]. Быстрота, с которой король и его советники нашли применение сведениям Головина, продиктована была не только их ценностью для готовившейся ими пропагандистской акции. Дело в том, что, во-первых, достоверность сведений, осо-

бенно о «розрухе» и «великой незгоде между старшими думными боярами», подтверждалась и более ранними донесениями из Москвы посла Льва Сапеги; во-вторых — рапорт старосты дошел, видимо, до Батория скорее обыкновенного, т. к. король традиционно проводил это время года в восточных провинциях государства за своим любимым развлечением — охотой[20]. Надо полагать, что донесение пошло непосредственно к монарху, а не «по инстанциям» — сначала к литовскому гетману дворному (и виленскому воеводе в одном лице) кн. К. Радзивиллу «Перуну». Тем не менее, дабы не нарушать процедуру, гетман получил копию донесения, вероятно от самого автора; именно этот экземпляр и является предметом нынешнего исследования.

Сообщенные беглецом сведения произвели впечатление не только на короля и его окружение, но и на часть сенаторов. Это нашло отражение в речи влиятельного подольского воеводы Миколая Мелецкого: «*O Moskwie mówiąc, widzę jaka jest okazja. Z panem przeszłym przymierze umarło, pokój niepewny, transfuga i poseł W. K. Mci, którzy o rzeczach tamtego państwa sprawę dawają, pokazują plac i okazją ad rem bene gerendam*»[21]. Упомянутые в рапорте Друцкого-Соколинского заверения Головина об исключительно благоприятной для королевского выступления обстановке в России, промедление с которым может отдать страну под власть «бусурманов», почти буквально отразились в речи любельского каштеляна А. Фирлея в конце сейма с предложениями короля Избе посольской и были зафиксированы находившимися тогда в Варшаве русскими послами в предельно сжатой и выразительной форме: «Не потеряйте деи себя, пустите меня с Московским воевати, Бог-деи вам дает Московское государство в руки даром»[22]. Однако депутаты Посольской избы не поверили утверждениям беженца, напомнив недавний случай дезинформации — полного расхождения показаний другого беглеца — Давыда Бельского — о слабости Пскова — с реальностью, ожидавшей польско-литовскую армию под его стенами в 1581 г.[23].

Большинство шляхты «обоих народов» не скрывало своего отрицательного отношения к возможности новой войны. Особенно противилось воинственным устремлениям короля еще не залечившее раны предшествующей войны рыцарство Великого княжества Литовского, что проявилось еще во время съезда литовской шляхты в Волковыске[24]. Добавим, что отрицательное отношение Сейма к королевским планам объяснялось не столько миролюбием шляхетских масс, сколько их опасениями, связанными с возможностью расширения прерогатив

королевской власти, чему способствовало известное дело Зборовских и суд Сейма над ними[25]. Ситуация с Головиным застала врасплох в Варшаве царских послов — кн. Ф. М. Троекурова, окольничего М. А. Безнина и дьяка Дружину Петелина. Вынужденные действовать на свой страх и риск, послы предприняли попытку дезавуировать опасного перебежчика. Во-первых, они сообщили польской стороне формулировку официального позорного обвинения в казнокрадстве (фактически относившегося, конечно, к его брату, но возможно и в действительности распространенного на него); во-вторых, решили провести и совершенно самостоятельную интригу. Они конфиденциально проинформировали своих польских «опекунов» о том, что Головин на самом деле является царским шпионом. Эта колоритная, хотя и не грешащая особой тонкостью операция русской дипломатии заслуживает особого упоминания: исполнителем запланированной «утечки информации» стал один из посольских дворян, который во время специально организованной попойки с польским приставом якобы «промолвился», невзначай выдав Головина[26]. Не подлежит сомнению, что наивные расчеты послов нанести существенный урон репутации перебежчика не достигли цели. Несмотря на крах своих антимосковских планов на Сейме 1585 г., Стефан Баторий высоко оценил заслуги Головина и уже в том же году дал ему поместье в королевских владениях в Жемайтии. 12 декабря 1585 г. датирован внесенный в Литовскую Метрику королевский привилей «*дворянина нашого вроджоного Михаила Ивановича Головина, который* ⟨…⟩ *з утратою маестности своей на славу Речи Посполитой напованья нашого на ласку нашую господарскую з земли заграничное до нас государя удавшися*». Пожалование (права на которое распространялись и на его жену) состояло «*в земли Жомойтской у волости нашей Меньших Дирвян войтовство Пувер сказываемое Повентское з кгрунтами, людьми оселыми и пустыми, з лесными, водными и зо всякими якикольвек обычаем и назвиском помененными* ⟨…⟩ *над рекою Вептою*»[27].

Со своей стороны, контролируемая Борисом Годуновым царская дипломатия воспринимала Головина как непримиримого врага, контакты с которым квалифицировались как государственная измена. Последующие посольства приложили немало усилий для поиска возможных связей между ним и опасными врагами Годунова — князьями Шуйскими[28]. Несомненно, что позиция правительства Годунова по отношению к Головину была особенно враждебной: в то время как большинству знатных русских эмигрантов (в том числе кн. Гавриле Чер-

касскому, Тимофею Тетерину, Девятому Кошкарову и даже Давыду Бельскому!) через царских дипломатов неоднократно обещалось прощение их «вин» в обмен на возвращение и сведения о приютившей их стране, с двумя лицами всякие контакты возбранялись — кн. А. М. Курбским и М. И. Головиным[29].

Спустя более чем десять лет имя Головина всплывает еще раз в переписке кн. Юрия Друцкого-Соколинского: сообщая 10 декабря 1595 г. великому гетману литовскому и виленскому воеводе кн. Кшиштофу Радзивиллу о прибытии в Усвят очередного беженца — сына боярского Федора Матвеевича Цедилова, староста замечал, что *«mieni się być że jest powinny Michała Hołowina, który pierwiej na Uświat się był przerzucił za sławnej a świętej pamięci nieboszczyka kryla Stefana»*[30].

Позднейшее упоминание о литовском периоде жизни М. И. Головина содержат мемуары Самуила Маскевича, который, будучи в Москве в 1610 г. в составе войск гетмана С. Жолкевского познакомился с Федором Головиным, брат которого «выехал из Москвы при Стефане еще, говорят, и дано ему были имение в Жемайтии». Самого Михаила Ивановича тогда уже не было в живых. Вдова его (Федора Ждановна?) спустя несколько лет вышла за жмудского земского судью Яна Млечко[31].

№ 1

1584 г., декабря 20. Усвят. Письмо усвятского старосты кн. Ю. Друцкого-Соколинского королю Стефану Баторию

Najaśniejszy Miłościwy Królu Panie a Panie nasz Miłościwy etc.

Wiadomości to Waszej Królewskiej Mości pana naszego Miłościego donoszę, iż przyjachawszy z Ozieryszcza do Uświata 18 decembri dla potrzeb tego zamku Waszej Królewskiej Mości. A w tym tejże nocy przybieżał do Uświata samo ośm w trzynastu koniach wojewoda moskiewski z Moskwy Michaiło Iwanowicz Hołowin, który był wojewodą starszym na Lukach, a po tym teraz był od tego kniazia Moskiewskiego posłany starszym wojewodą z wojskiem do Kozani Czeremisa przywracając, która się od ojca kniazia wielkiego teraźniejszego odrzuciła. Który ten wojewoda mienił, iż na łaskę Waszej Królewskiej Mości Pana naszego Miłościwego wyjachał i rozmawiając ze mną powiedział, że tu do Jego Królewskiej Miłości wiele naszych i znacznych ludzi będzie. Spominał też, iż jeśli kiedy czas był kroliu polskiemu ku opanowaniu ziemi moskiewskiej jako teraz jest. A jeśliby na lieto nie podniósł walki, tedy pewnie besurman lada ludźmi to państwo osiędzie, a Polacy i Litwa długo by mieli czego żałować. Jakoż — przy — i ja bym stamtąd nie jachał, bym nie wracał rozruchu w ziemi, który

teraz jest wielka niezgoda między naszymi starszymi bojary. Pan — przy — taki, którym jeno kilka ich radzi. Którego tego wojewodę do Waszej Królewskiej Mości pana naszego odsyłam, przystawiwszy do niego sługę mego. Dał mi też i tego sprawę, że to co pisali wojewodowie ukrainni moskiewscy do Waszej Królewskiej Mości pana naszego Jego Miłości do ich Miłości panów wojewod i starostów ukrainnych, aby kupcy do ziemie moskiewskie nie wjeżdżali, przypominając o powietrzu w ziemi Waszej Królewskiej Mości, tedy przynajwięcej dla tego to uczynili, aby rozruchu, który się tam dzieje wiadomości stamtąd nie wynosili[32]*. Który wszystkiego sam sprawę Waszej Królewskiej Mości panu naszemu Miłościwemu da. Z tym uniżone służby me z wiernym poddaństwem pod Miłościwą łaskę Waszej Królewskiej Mości pana naszego Miłościwego pokornie ofiaruję. Dan z Uświata 20 Decembra.*

На об. помета почерком XVIII в.: *N. 143 Fasc. 6 Publicznych.*
Копия XVI в. Бумага плохого качества, филигрань отсутствует.
AGAD, AR II Suppl. № (временный) 289. Л 1—1 об.

2. «Новины з Москвы» (1591 г.)

Данный документ, аналогично первому, так же не имеет ни имени адресата, ни адресанта, ни даты. Это пространное донесение польского чиновника о беспорядках в Москве, датирование которого, судя по упомянутым в нем событиям (убийство царевича Дмитрия, пожар Москвы, ожидание крымского набега) не представляет сложности, явно относясь к 1591 г.

Подготовке этого донесения предшествовало возвращение польского гонца из Смоленска; при учете тогдашней скорости передвижения предполагаемая датировка хорошо согласуется с хронологией предшествовавших событий[33]. Установить автора позволяют точно указанные в тексте его служебные обязанности и прерогативы (право вести официальную переписку с русским смоленским воеводой, контроль над смоленской дорогой, охрана купцов), а также упоминание об Орше. Все это указывает на авторство именно оршанского старосты, каковым в то время являлся Андрей Сапега. Направлено оно видимо было великому гетману литовскому и виленскому воеводе Кшиштофу Радзивиллу — постоянному адресату его донесений[34].

Данный документ является видимо не оригиналом, а современной копией, снятой в гетманской канцелярии, без даты, подписи, адреса и сведений о печати. Это наиболее раннее из известных нам донесений

А. Сапеги, среди которых особое внимание исследователей до сего времени привлекали его письма к К. Радзивиллу с 1598 г., касающиеся внутриполитических событий в России после смерти Федора Ивановича[35].

Оршанский староста сравнительно недавно начал карьеру на пограничном плацдарме (получил должность 25 октября 1588 г.), не имел еще опыта Кмиты и, что не менее важно — его местных связей, сложившихся за многолетнюю службу в этом районе. Заметим, что взаимоотношения шпионов и их начальства — чиновников Речи Посполитой — обычно имели характер личной зависимости или финансового контракта, а не королевской службы. Новому старосте вскоре по занятии должности надо было озаботиться организацией собственной агентуры. Предшественником же А. Сапеги был Миколай Сапега (29 января — 23 октября 1588 г.), весьма мало заинтересованный делами пограничья, поскольку в момент назначения являлся уже минским, а с 6 апреля — и бржевским воеводой[36]. Затрудняла сбор информации А. Сапеге и систематическая блокада, устанавливавшаяся местной российской администрацией, по словам старосты *«на границе страж московска есть, за которою шпегови трудно прейти»*. В этой ситуации сведения от группы купцов, которые добрались почти до самой Москвы, стали для него удачной находкой, позволяющей сопоставить их данные со слухами, ходящими среди пограничного населения, о событиях, творящихся в царской столице. Купцы эти были не последнего разбора, поскольку с конца 1590 г. по государеву указу в глубь России не велено было пускать купцов, продающих дешевые товары, до столицы допускались «именитые гости з большими товары» — торгующие предметами роскоши, дорогими тканями, ювелирными изделиями. Основным информатором в группе был могилевский купец Семён Лашкович, пользовавшийся авторитетом лучшего знатока контактов с Россией[37]. Анализ донесений купцов позволяет датировать их пребывание в России (на отрезке дороги Москва-Вязьма) приблизительно третьей декадой июня — первой декадой июля по григорианскому или второй-третьей декадой июня по принятому в России юлианскому календарю[38]. Конечно, известий, полученных от Семена Лашковича, оршанскому старосте было недостаточно. Бесспорно, помимо известий о приближении к Москве крымцев его заинтересовали и сведения о контактах Москвы с запорожцами[39]. Естественно, что информация о злоключениях купеческого каравана под Дорогобужем требовала его формального вмешательства, но сложившаяся традиция двусторонних

отношений требовала разрешения их уже на более высоком уровне во время очередных дипломатических контактов (переговоры, перемирие и др.)[40].

Справедливости ради отметим, что описываемый нами случай отражен и в грамоте царю Федору Ивановичу, посланной 18 февраля с Вислицы. Сигизмунд III взял под защиту своих подданных, которые, несмотря на выданные им королем «опасные грамоты», были выдворены из Москвы — «*неволею своею з Москвы прочь поехали*», а затем еще испытали на себе произвол дорогобужских властей — ограблены и задержаны — «*поимавши их якобы лотров до тюрьмы в Дорогобуж посадили и в ней час немалый держали, а товары их и живот их пограбили и побрали и до сих мест ещо тых купецких людей наших с государства своего до панств наших пустити не хочешь*». Эта грамота, врученная посланником Павлом Волком, вызвала недовольство московского двора, сразу же возвратившего часть упреков назад. На аудиенции 4 мая посольский дьяк А. Щелкалов обвинил купцов в самовольстве, игнорировании указаний приказных людей («в Дорогобуже велено им постояти до указу») и попытке силой пробиться к литовской границе. В стычке 24 человека было ранено, из них 4 умерло, а один «стал увечен». Обе версии имели зерно истины. Виновники если и были вначале задержаны (один якобы случайно погиб при аресте), то затем перед приездом посланника были «на долгое время» выпущены их тюрьмы и отправлены на родину через Смоленск, где еще смогли и поторговать. В доказательство посланнику представили раненого (И. Намацкого) и иных свидетелей (Волк отказался это комментировать), после чего реляция об этом и была включена в царский ответ королю[41].

Вести, доставлявшиеся гонцами, дают информацию иного типа — в основном это толки и сплетни при достаточно скромном объеме лежащих в их основе подлинных фактов. Использование подобных сведений свидетельствует не о наивности А. Сапеги, а, во-первых, о дефиците информации ввиду частого закрытия русской границы, а во-вторых — о стремлении тщательно фиксировать все волновавшие населения пограничья слухи о междоусобной борьбе вокруг московского трона. Скудость официальной информации способствовала распространению недоброй славы о Годунове, благо врагов у него было достаточно, а оговор и сплетня — традиционное оружие слабейшей стороны. В подобной ситуации в соседнем государстве приобретали ценность даже фантастичнейшие слухи[42].

На примере публикуемого донесения видно, что и сам А. Сапега, и его слуги стремятся избежать комментирования («relata refero»): «одни говорят… другие говорят… якобы Борис Годунов хотел приказать поджечь» и т. д., старательно пытаясь проверить, сопоставляя услышанное в разных местах. Передавая гетману обширную информацию, староста лишь единожды продемонстрировал свою полную убежденность — относительно насильственной смерти царевича Димитрия — «*pewne jest zabit*». В то же время к слуху об успехах татар под Москвой отнесся скептически «*co tam Tatarowie w Moskwie sprawią*», а весь рапорт завершил обещанием «*czego się pewniejszego o tym dowiedziawszy nie omieszkam oznajmić*».

Особого разъяснения требовали слухи о московских пожарах, которые молва упорно приписывала Годунову — шпионы Сапеги слышали это в различных местах. Подлили масло в огонь шаги, предпринятые правительством против особо опустошительного московского пожара 14 мая. Следствие обвинило Нагих — врагов Годунова, что не исправило положения; даже меры, предпринятые властями для предотвращения поджогов в других городах, воспринимались как доказательство вины царского шурина. Отметим важность содержащейся в донесении информации по этому предмету. Хорошо известная в историографии грамота в Чусовую относится к далекой периферии, тогда как приводимые свидетельства касаются важнейшей крепости, западного щита России[43].

Власти Речи Посполитой стремились получить точную информацию о московских пожарах; об этом расспрашивался гонец Данила Исленьев, прибывший в июле 1591 г. с вестью о победе над Гази-Гиреем. Согласно инструкции, он возложил вину на Нагих, стремясь обелить Годунова[44]. В донесении, основанном на толках и слухах, не могло, естественно, не быть и в корне неверной информации. Это и сведения о бегстве царя и царицы в Белоозеро, и об убийстве Марфы Нагой, и о захвате татарами гуляй-города, и о гибели его защитников, и об амнистии опальным боярам с предоставлением им свободы действий против Годунова, и о возможном его бегстве за рубеж.

Сведения о бегстве Федора Ивановича из Москвы не соответствуют данным разрядов, где он выступает активным участником обороны столицы, своим присутствием ободряющим войска на ее подступах (выезд в лагерь 12/2 июля)[45]. Либо это поздний отголосок слухов времен Ивана VI, который, бывало, действительно искал спасения на се-

вере в момент прихода крымцев под Москву, либо преломление факта высылки другой жертвы Годунова, царицы Марфы Нагой.

Возможно, зерно истины содержится лишь в сведениях о падении гуляй-города, поскольку действительно победе русских войск над крымцами предшествовало поражение отряда кн. В. И. Бахтеярова-Ростовского на Пехре[46].

Общественное мнение приписывало Годунову и подготовку побега в Швецию, что являлось уже прямой изменой[47], репутацию его не исправило даже активное участие в отражении крымского набега, максимально использованное фаворитом (он получил высший титул «слуги»). Напротив, злые языки пытались приписать ему тайные контакты с Гази-Гиреем и «наведение» его на Россию. «Тактика» подобных толков была не в новинку; в 1547 г. восставшие обвиняли Глинских в измене и поджоге, Иван IV также заставлял бояр каяться в «наведении» татар на Москву[48].

Таким образом, собранные оршанским старостой сплетни и слухи хорошо вписываются в обширную коллекцию антигодуновских толков этого времени, что позволяет считать это донесение ценным источником для изучения «предсмутных» общественно-политических настроений в России. В то же время изучение польских источников (документации Сейма за 1591—1592 г.) свидетельствует, что в этот период шляхта еще не проявляла широкого интереса ко внутрироссийской политической обстановке[49] и не была еще готова, как полтора десятилетия спустя, поддаться на слухи из соседней страны, чтобы попытаться сыграть активную политическую роль в ее судьбах.

№ 2

1591 г., после 21 июля. Орша. Донесение оршанского старосты А. Сапеги великому гетману литовскому, воеводе виленскому Кшиштофу Радзивиллу о событиях в Московском государстве

Nowiny z Moskwy, które przyniósł Siemion Laszkowicz mieszczanin mohylewski, a Hryhorej Lachowicz mieszczanin miensky a Kuryło Oksienowicz mieszczanin kopyskii[50]. *Ci pospoł jechali z towary swoimi aż do samej Moskwy, a gdy już byli wpół mili od samej Moskwy na uroczyszczu na Pokłonnej Hore, tam ich potkał Wasiliej Tarakanow*[51], *nie dopuszczając ich do Moskwy, ale żeby się na zad wrócili, powiadając że i wszystkich naszych kupców kazał z Moskwy wygnać kniaź wielki dając tę przyczynę,*

że się do Moskwy Tatarów spodziewają. Ten Tarakanow wróciwszy tych trzech kupców wyżej mianowanych do uroczyszcza, na Sietyny [*na Sietuni — И. Г., Ю. Э.*] *nocowali nad rzeką. Tamże do nich przyjechali wszyscy kupcy naszy co byli na Moskwie, którzy nie stanowiąc się na Sietym, ale aż do Mamonowa Jamu na nocleg jechali trzy mile od Moskwy*[52]*. Tym trzem kupcom, że ich nie puszczono do Moskwy pozwolili dwa dni targować na Mamonowie. Oni na Mamonowie zostali przez te dwa dni dla targu, a kupcy naszy co byli na Moskwie jechali aż do Dorohobuża. Z Dorohobuża gdy ujechali naszy ku Smoleńsku już byli półtory wiorsty, dogonił ich posłannik samowtór z rozkazami kniazia wielkiego moskiewskiego aby się wrócili do Dorohobuża. Oni się nie chcieli wrócić, tam zaraz na gwałt uderzono, żeby w pogonią szli za kupcy naszymi. A gdy naszych ten lud z Dorohobuża dogonił, poczęli że gwałtem wracać. Naszy przed się uchodzili, a widząc Moskwa że im nie mogą nic uczynić, zabiegli wprzód do jednej wsi pięć wiorst od Dorohobuża, tamże most rozrzucili na rzece. Tamże się naszy poczęli z Moskwą bić, chcąc przed się uchodzić obronną ręką. Tamże jako powiadają, żeby miano ubić piąci człowieka Moskwy na śmierć, a rannych przez dwadzieścia i samego wojewodę*[53] *postrzelono w plece, a z naszych powiadają żeby miano jednego na śmierć zabić, a drudzy barzo chorzy. Zaczym iż na naszych gwałt przyszedł, musieli się poddać, bo im też i prochu nie stało. Których nazad wrócono do Dorohobuża, których zadzierżano w Dorohobużu w ładycznem dworze za strażą, a do kniazia wielkiego posłali* [*po*] *naukę, jeśli ich puścić albo co z nimi czynić.*

A skorom się dowiedział, iż się burda między Moskwą i naszymi stała, tedym napisawszy list do wojewody smoleńskiego[54] *posłańca mojego do Smoleńska posłał, chcąc się wywiedzieć co się tam dzieje, bo na granicy strań moskiewska jest, za którą szpiegowi trudno przejść. Musiałem list napisawszy do Smoleńska posłać, jako ten posłaniec mój najlepiej mogł wywiedzieć do mnie przyniósł. A wojewoda smoleński odpisał, że — powiada — ja do Dorohobuża nie mam nic i z namiestnika dorohobuzskiego sprawiedliwości czynić nie mogę, bo zamek dorohobuzski do Smoleńska nie należy. Który* [*posłaniec — И. Г., Ю. Э.*] *potem die 21 Julii przyjechał z Smoleńska i powiedział, iż potkał Moskwicina uroczyszczem na Wsciesoje* [sic! — *И. Г., Ю. Э.*] *imieniem Iwan, który szedł spod Dorohobuża ku granicy do przyjaciół swych. Tem mu powiedział, że Tatarowie Moskwę oblegli i hulajhorod wzięli i posokę, to jest ludzi którzy tam byli, posiekli. On że pytał o kniazia moskiewskiego gdzieby był, który Moskwicin powiedział mu, kniaź wielki z carycą swą pojechał za Białe Jeziora. W Smoleńsku się też pytał o kniazia Dmitra bracie jego jeśeli żyw. Powiedziano iż pewnie jest zabit od Hodunowa Borysa i matkę jego Dmitra ten że Hodunow zabił. O tym Borysie Hodunowie jedni powiedają jakoby do ziemi Króla Pana Naszego miałprzedać a drudzy powiedają że się tegoż czasu skoro po zabiciu Dimitra i matki jego w Kitajhorodzie*

z ludem miał się zawarć. A Moskwę miasto jakoby tenże Borys Hodunow miał kazać zapalić i sto człowieka dodawszy prochu i inszych potrzeb posłać miał insze zamki palić: Nowogrod Wielki, Pskow, Smoleńsk a drugie. Jakoż w Smoleńsku jedno w tydzień dwa dni w piecach palą dla wielkiego niebezpieczeństwa, od tego Hodunowa strzegąc się zapalenia. Dał też kniaź wielki wszystkim panom swym dumnym wolność, którzy w opale byli, aby tego Hodunowa łapali i co — powiada — chcecie, to z nim czyńcie, ja go od złego przedsięwzięcia jego uhamować nic nie mogę.

A w Smoleńsku, gdy z listem był, tedy jemu przyjaciel jego imieniem Harasim czerniec z manastyra Michajłowskiego[55] *wszystko a nie inaczej powiedział to co i drudzy, w jedne słowo się zgadzają.*

Tenż Siemion Laszkowicz i towarzysze jego powiedzieli, iż jadąc z Moskwy pogonili ich ośm Kozaków na pokarmie przed Wiaźmą i z nimi pokarmowali, które od kniazia wielkiego moskiewskiego z Moskwy jachali, s których Kozaków jeden poznał tego Siemiona Mohylewca w osobę, gdy oni w Mohylewie na leży byli. I z Maciuszą pytali tych Kozaków, gdzie byli. Oni Kozacy powiedzieli: żeśmy byli u kniazia moskiewskiego, odwiedliśmy sześciu Tatarzynów pojmanych w polu od wojska tatarskiego. I już ich kniaź Moskiewski tą drogą do hetmana ich kozackiego nie puścił, aby się z wojskiem tatarskim nie potkali, ale ich powiedziono na podwodach na Wiaźmę, a z Wiaźmy na Brańsk. Którzy powiadają, wyjadą na Czernihów ku Kijowu, z którymi czerńców dwa z Kijowa z Moskwy odpuszczono. I powiedzieli ci Kozacy, że hetmanowi ich im kniaź wielki Moskiewski wielkie pożałowanie dał. Ci Kozacy tym kupcom powiedali, że pewnie Tatrowie mają być do Moskwy. A o Bartosza Lwowianina też pisałem do Smoleńska, na co mi odpisał wojewoda, że o tym Bartoszu wiadomości nie ma, jeśli że w Moskwie jest, albo też inszą drogą z państwa Hospodara naszego wyjachał, wszakże gdy do Smoleńska przybędzie, tedy go do Ciebie w dobrym zdrowiu ze wszystką jego majętnością odpuszczę. Ten Bartosz jachał przez Orszę do Moskwy już te dwie lecie temu, o którym jedni powiadają, że na Czernihow ku Kijowu wyszedł, a drudzy powiedają że go zamordowano w Moskwie. Z tych przyczyn-em pisał do wojewody smoleńskiego.

A o Borysie Hodunowie tę mi wiadomość przynosi z Smoleńska posłaniec mój, jakoby do króla szweckiego do Inflant z siedmią tysięcy koni wyjechać miał, chcąc stamtąd do Jego Królewskiej Miłości Pana naszego wyjachać. Wszakże czego się pewniejszego o tym dowiedziawszy, nie omieszkam Waszej Książęcej Miłości oznajmić. Także i o tem, co tam Tatarowie w Moskwie sprawią etc.

Копия XVI в.; филигрань; орел, вписанный в круг, с четырехчастным гербовым щитком на груди[56].

AGAD, AR II Suppl., № временный 102(1), л. 1—4.

Примечания

[1] О польской разведке на московском рубеже см.: *Bardach J.* Ryskun i szpieg. Z dziejów służby wywiadowczej w Wielkim Księstwie Litewskim XVI stulecia // Studia z ustoju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV—XVII w. Warszawa, 1970. S. 391—398; *Auerbach I.* Ivan Groznyj, Spione und Verräter im Moskauer Rußland und das Großfürstentum Litauen // Russian History. Vol. XIV. 1987. Nr. 1—4. S. 15—21; *И. Граля*. Иван Михайлов Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI века. М., 1994. С. 254, 342—343; *Его же*. Kilka uwag o wywiadzie litewskim w XVI w. (готовится к печати).

[2] См., в частности: *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. 5 изд. М., 1994. С. 149—155; *Флоря Б. Н.* Война между Россией и Речью Посполитой на заключительном этапе Ливонской войны и внутренняя политика правительства Ивана IV // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С. 183, 192, 196; *Станевский И. А.* «Латинские» письма Филона Кмиты Чернобыльского об Иване Грозном // ИСССР. 1975. № 1. С. 153—157; *Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины. Л., 1975. С. 52—53; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 61—63, 215—217, 224—225, 258—259; *Auerbach.* Ivan Groznyj, Spione und Verräter. S. 15—20 (Помимо донесений Кмиты автор использует и рапорты Боркулаба Корсака — старосты другого пограничного города — Дисны); *Czerska D.* Borys Godunow. Wrocław, 1988. S. 85—89, 102—105, 184—185. О деятельности Кмиты см.: *Malinowskij M.* Wiadomości o Filonie Kmicie Czarnobylskim // Zródła do dziejów polskich, wyd. M. Malinowskij, A. Przeździecki. T. II. Wilno, 1844. S. 306—343; *Eberle J.* Kmita Filon Czarnobylski // Polski Słownik Biograficzny (далее — PSB). T. 13, 1967—1968. S. 88—89; его рапорты см.: Zródła do dziejów polskich. S. 243—305; Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. III (1544—1587). СПб., 1848. С. 164—177; Annales ecclesiastici, ed. A. Theiner. T. 2. Romae, 1856. S. 179; Archiwum Jana Zamoyskiego, ed. W. Sobieski. T. I (1553—1579). Warszawa, 1904. S. 379.

О деятельности Сапеги см.: *Nagielski M.* Sapieha Andrzej // PSB. S. 34, 1992—1993. S. 574—576; его рапорты см.: Archiwum domu Sapiehow wydane staraniem rodziny (далее — ADS). T. I: Listy z lat 1575—1606, oprac. A. Prochaska. Lwów, 1982. Nr. 183, 213—215, 227, 230. S. 154, 176—180, 187—188, 190—191; *Флоря Б. Н.* Три письма о событиях Смуты // Архив русской истории. Вып. 3. М., 1993. С. 161—165.

[3] *Bardach*. Ryskun i szpieg. S. 396—397; *Auerbach*. Ivan Groznyj, Spione und Verräter. S. 15—18; ср.: *Grala H.* Kupcy, szpiedzy, kurierzy (na marginesie afery Siemiona Szorina a. D. 1587), в печати. Упрек в шпионской деятельности польских и литовских купцов постоянно раздавался с русской стороны на переговорах уже с 1584 г. См.: *Wawrzyńczak A.* Studia z dziejów handlu Polski z Wielkim Księstwem Litewskim i Rosją w XVI wieku. Warszawa, 1956. S. 22—23.

[4] См.: *Auerbach*. Ivan Groznyj, Spione und Verräter. S. 16—20.

[5] См.: *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des Russlandsbildes. Bern; Frankfurt / M., 1972.

S. 40—41, 124—126; *Idem*. Die letzten Opricninajahre (1569—1571) in Lichte dreier zeitgenossischer deutschen Broschuren // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. T. 19. 1971. № 1. S. 6—7.

[6] Эти документы указаны в работе: *Grala H*. Źródła do dziejów stosunków polsko-moskiewskich w XVI w. Nowe znaleziska w Archiwum Warszawskim Radziwiłłów // Miscellanea Historico-Archivistica. T. VII. 1997. S. 124—125; См. также: *Grala H*. Raport pogranicznego starosty A.D. 1591 // Mówią Wieki. 1996. V. 11—12. S. 45—49.

[7] См. РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп.1. Кн. 15. Л. 535; Опись архива Посольского приказа 1626 г. Подг. к печ. В. И. Гальцов. Ч. I. М., 1977. С. 259; ПСРЛ. Т. 14. С. 36. Указание В. И. Ульяновского (*Ульяновский В. И*. Россия в начале Смуты: очерки социально-политической истории и источниковедения. Ч. I. Киев, 1993. С. 108, 109) на обнаруженный им новый источник, якобы детально описывающий бегство российских вельмож в Литву в нач. 1580-х гг., является недоразумением, поскольку указанная им рукопись (РНБ. ОР. Ф. 905. Новое собрание рукописных книг. 1944 г. № 245. Q.260 — по новому шифру Ф. 905. Оп. 2. Q. 260) содержит выписку из «Нового летописца», не отличающуюся никакими ранее неизвестными сведениями по этому вопросу (см. там же, л. 9 об.); ср.: ПСРЛ. Т. 14. С. 36. Биографическую справку о беженце см.: *Ikonnikow N*. La noblesse de Russie. Paris, 1958. T. E.1. S. 31.

[8] А. А. Зимин на основании неопубликованных выводов Ю. Н. Мельникова датировал побег ок. 28 декабря 1584 г. (В канун. С. 122); менее конкретную датировку предложил Р. Г. Скрынников, связавший побег с репрессиями против других членов рода. (Россия накануне Смутного времени. М., 1980. С. 27). Д. Черская ошибочно связала бегство Головина с устранением из политической жизни кн. И. Ф. Мстиславского и его сторонников весной-летом 1585 г. (*Czerska*. Borys Godunow. S. 22.).

[9] *Wolff J*. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. S. 467—468.

[10] Автор «Нового летописца» не сомневается в причине поступка Головина, хотя и осуждает его: «*…послыша такое разорение под своими родители и не похоте терпети з ними вместе, а от Бога не похотя прияти венца мученицкого и побежа в латинскую веру и государево крестное целование изменил и отъехал в Литву*» (ПСРЛ. Т. 14. С. 36).

[11] О противостоянии группировок при дворе в начале царствования Федора Ивановича см.: *Скрынников*. Россия накануне Смутного времени. С. 26—28; *Зимин*. В канун. С. 109—113. О местничествах Головина см.: *Скрынников*. Россия после опричнины. С. 105; *Он же*. Россия накануне Смутного времени. С. 26—27; ср.: *Эскин Ю. М*. Местничество в России XVI—XVII вв.: хронологический реестр. М., 1994. С. 77, 80 (казначей местничал пять раз). О происхождении и службах Головиных — *Зимин А. А*. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 271—274; ср.: *Alef G*. The Origins of Muscovite Autocracy. The Age of Ivan III. Berlin, 1986 (= Forschungen zur osteuropäische Geschichte — далее FOG. T. 39). S. 199—201.

[12] *Скрынников*. Россия накануне Смутного времени. С. 27; ср.: *Горсей Д.* Записки о России XVI — начала XVII в., пер. и коммент. А. А. Севастьяновой. М., 1990. С. 101.

[13] *Скрынников*. Россия накануне Смутного времени. С. 27; ср.: *Зимин*. В канун. С. 122; *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605). СПб., 1992. С. 34—35 (там же убедительная хронология событий). О приговоре, казне и судьбе осужденного — в Пискаревском летописце (ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 195).

[14] *Павлов*. Государев двор. С. 34—35. Возможно именно этот отчаянный шаг М. И. Головина способствовал лишению думного чина и его двоюродного брата Владимира Васильевича (упоминается в источниках как казначей 24 декабря 1584 г.— ДАИ. Т. I. СПб., 1846. № 195). Именно такая очередность событий придает большую достоверность выводам следственного дела (*Скрынников Р. Г.* Политическая борьба в начале правления Бориса Годунова // ИСССР. 1975. № 2. С. 62; автор полагает, что П. И. Головин стал «козлом отпущения» политически и финансово обанкротившейся Думы, что косвенно подтверждается и упоминанием об этих событиях в показаниях М. И. Головина).

[15] ПСРЛ. Т. 14. С. 36; См. также РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 15. Л. 632.

[16] Сб. РИО. Т. 129 (Памятники дипломатических сношений Московского государства со Шведским государством). Т. 1. (1556—1586), СПб., 1910. С. 361, 369; В марте 1584 г. он был отправлен во Псков на временное замещение воеводы кн. В. Д. Хилкова (РК 1475—1605 гг. Т. III. Ч. 2. С. 30; первым воеводой в Великих Луках М. И. Головин был еще ранее — летом 1582 г., где его сменил затем кн. Б. В. Гагарин (Там же. Ч. 1. С. 13); о разнице статуса между Гдовом и Великими Луками см.: *Платонов*. Очерки. С. 47, 50—52. Вопреки сообщению Головина в разряде похода против черкес (20 июля 1584 г.) он не значится (РК 1475—1605. Т. III. Ч. 2. С. 38); возможно он был в 1583 г. воеводой сторожевого полка в Туле (*Иконников*. La noblesse. С. 31).

[17] Подробно о планах Батория см.: *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в., М., 1978. С. 120—140; ср.: *Besala J.* Stefan Batory, Warszawa, 1992. S. 448, 457—473. Из более ранней литературы следует указать на работы: *Załęski S.* Wojenne plany Stefana Batorego w latach 1583—1586 // Przegląd Powszechny. 1884. T. III—IV. S. 354—360; *Pierling P.* Le Saint Siege, la Pologne et Moscou (1582—1587). Paris, 1885. S. 17—45, 57—58; ср.: *Natanson Leski J.* Epoka Stefana Batorego w dziejach granicy wschodniej Rzeczypospolitej, Warszawa, 1930. S. 154—155; *Dopierała K.* Stosunki dyplomatyczne Polski z Turcją za Stefana Batorego. Warszawa, 1986. S. 142—144, 152—156.

[18] Monumenta Poloniae Vaticana (далее — MPV). T. VII. Kraków, 1939—1948. Nr. 400. S. 593—599. Хотя информатор по имени здесь и не называется, но указано, что он — «брат нынешнего казначея» (*fratello del thesauriero del Duca presente* — Ibidem. S. 597). Ср.: *Pierling P.* La Russie et le Saint-Siege. Etudes diplomatiques. T. II. Paris, 1897. S. 265.

[19] Dyariusze sejmowe r. 1585, wyd. A. Czuczyński. Kraków, 1901 (= Scriptores Rerum Polonicarum — далее: SRP. T. 18). S. 10: «*Jest też ex externis deliberacya nie mniej ważna i potrzebna o tej takowej okazji, jakiej do tego czasu z strony Moskwy nigdy nie bywało, o czym Pan Sapieha, poseł Króla J. Mci, jako Królowi J. Mci pewną sprawę dał, tak też W. Mci sami z niego wyrozumieć będziecie mogli dostatecznie. Człowiek też ten dosyć znaczny, który do państwa J. K. Mci przybieżał tanquam ad sacram ancoram zwątpiwszy prawie o całości a o bezpieczeństwie ojczyzny swej*»; во время дебатов канцлер руководствовался заверениями Головина, что для покорения Москвы достаточно весьма скромных сил (Там же. С. 30). В иной редакции диариуша Сейма несколько отличающийся вариант речи канцлера включает те же головинские сведения: «*Jest też i Moskwa, trzeci nieprzyjaciel Korony tej, od której teraz podaje się nam wielka okazja* (*którą pictores malują fronte capillata, post haec occasio calva*) *i do pożycia prędkiego nieprzyja ciela tego et ad recuperanda nostra propria et ad ea, quae sunt regno Poloniae confinia sive con termina, amplificanda atque augenda, bo i niezgoda między niemi samemi wielka i sam princeps valetudinarius sive ratione et consilio. Moskwicin też jeden jest u króla JMci, który o tem wszystkim dostateczną sprawę daje i twierdzi taką tego być okazją, że jej Polska nigdy nie miała*» (Ibidem. S. 10). Оптимизму короля и канцлера не следует удивляться ввиду принятых ими на веру явных преувеличений Головина о хаосе в Московском государстве, где якобы «*…для деи розни и нестроения служити и битися никто не хочет*» (см.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 15. Л. 629 об.— донесения русских послов); о предпосылках такой резкой оценки см.: *Скрынников.* Россия накануне Смутного времени. С. 31.

[20] Польский король провел, видимо, весь декабрь в Гродно, где готовился к будущему Сейму, на который направился в столицу только после нового года. В интересующих нас хронологических рамках итинерарий Батория таков: 18—20/XII — родно (AGAD. Metryka Koronna, ks. 129, kk. 514v—515, kk. 515—516), 23/XII — родно (Sprawy wojenne Stefana Batorego, wyd. Ks. J. Polkowski. T. II. Krakow, 1887. Nr. 160. S. 409), 25—26/XII — Гродно (ADS. Nr. 3. S. 176), 1/I — Крынки (ibidem, nr. 4, S. 177), 7/I — Дрогичин и Шемятиче (Archiwum Jana Zamoyskiego. T. IV. Wyd. K. Lepszy. Nr. 1074—1075. S. 2—3), 12/I — Варшава (Dyaryusze. S. 1—2). Описанный беглецом «разрух» — это вероятно массовые волнения населения Москвы и провинциального дворянства в апреле 1584 г., добивавшегося изменения правительственной политики (*Скрынников.* Политическая борьба. С. 49—50, 59—60; *Его же.* Россия накануне Смутного времени. С. 12—14, 22—23). О ходе событий сообщает В. И. Корецкий (Безднинский летописец конца XVI в из собрания С. О. Долгова // ЗОР ГБЛ. Вып. 38. М., 1977. С. 195—197). Посол Речи Посполитой Лев Сапега, бывший в Москве во время волнений, послал о них донесение (Archiwum domu Radziwiłłów, wyd. A. Sokołowski (= SRP. T. 8). Kraków, 1885. S. 174—175). Описание этих событий имеется и в его донесении от 10 июля (Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов А. И. Тургеневым. Т. II. СПб., 1842. С. 2—3; ср.: *Скрынников.* Политическая борьба. С. 22—23. Реляции Сапеги королевский двор стремился использовать для своих военных планов уже во время Рады сенаторов в Люблине в августе 1584 г. (MPV. T. VII. S. 402—404, 414; ср.: *Флоря.* Русско-польские отношения. С. 122). О миссии Сапеги см.: *Tyszkow-*

ski K. Poselstwo Lwa Sapiehy do Moskwy w r. 1584 // Przewodnik Naukowy i Literacki. T. 48. 1920.

[21] Dyaryusze sejmowe. S. 25—26. В том же духе выступал и львовский архиепископ Дмитрий Соликовский (Там же. С. 21). Симптоматично, что ни в одном из современных свидетельств не упоминается имени беглеца; для Мелецкого это «*transfuga*» (беженец), для канцлера Замойского «весьма знатный человек» (см. прим. 19). Только в корреспонденции нунция Болонетти фигурирует Головин как анонимный «*un consigliere del duca Moscovito*», хотя тут же помещенная информация о его родстве с царским казначеем позволяет его без труда идентифицировать (см. прим. 18). Кажется весьма правдоподобным, что в начале личность беглеца была засекречена. См.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 15. Л. 535: «*А про изменника твоего государева про Михаила Головина с нами, холопи твоими встречники и приставы не гворили ничего, а говорили в розговоре з твоими государевы дворяны и торговыми людьми оршане посадские люди, что приехал твой государев изменник х королю, а того сказывают, не ведают, хто имянем и какой человек*» (из отписки русских послов от 16 января 1585 г.).

[22] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 15. Л. 630; *Флоря*. Русско-польские отношения. С. 127—128. Выступление люблинского каштеляна см.: Dyaryusze sejmowe. S. 310—311. Следует подчеркнуть, что по мнению послов, именно утверждения Головина послужили основанием воинственных настроений короля и его окружения (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 15. Л. 629).

[23] *Флоря*. Там же. С. 128—129; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 15. Л. 637 об. Однако это не означает, что пропагандистские устремления двора не имели какого-либо влияния на настроения шляхты; участвовавший в Сейме подкоморий велюньский Ежи Радомовский сообщал своему приятелю Будзиньскому: «*Okazya jest do opanowania ziemie Moskiewskiej dla rozerwania w Moskwie i przychylności wielkiej ku Królowi J. Mci,* ***o której człowiek jeden zacny, który sam do K. J. Mci przybieżał, powieda***» (Dyaryusze. S. 321).

[24] *Флоря*. Там же. С. 126.

[25] Ход процесса см.: *Besala*. Stefan Batory. S. 447—456. Это дело широко обсуждалось на тогдашних сеймиках, большинство которых дистанцировалось от агрессивных планов «короля-тирана». О постановлениях сеймиков см. *Флоря*. Русско-польские отношения. С. 125—126. Точка зрения Ст. Гжибовского о том, что и сам канцлер Замойский был противником королевских планов, поскольку был сторонником войны с Турцией, не подтверждается источниками (см.: *Grzybowski St.* Jan Zamoyski. Warszawa, 1994. S. 117—178; *Флоря*. Там же. С. 122—130).

[26] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 15. Л. 631—632 об.: «⟨…⟩ *И мы холопи твои про изменника твоего государева про Михаила Головина поговоря промеж собою приказали Ондрею Дедевшину, а велели ему к себе позвати пить польсково пристава Миколая Фаньелия и с ним подружитися, и роспився говорити с ним приведчи его к вере чтоб никому не сказал, что Михайла отпустил ты государь, х королю лазучеством, а что Михайло сказывается богат, и то с ним вся казна твоя государева, для того, чтоб ему всяких людей подкупати и вестей всяких выведав, назад к тебе, ко государю ехати потомуж, как Второму Страхову. А назвался Михайло на ту службу сам потому: покрали они з братом своим с Михайлом у*

тебя государя казну, и ты государь на брата его положил свою государеву опалу, ссылал его в Казань на житье, да и его потомуж велел был сослати в Казань и ему тою службою вина своя и брата закрыть. А велели есмя, государь, Дедевшин с приставом польским про изменника твоего государева то говорил. И распрашивал Андрей приставов про то пристойно, а дал на том Ондрей веру, что ему никому на Ондрея не сказати. И ездил, государь, пристав с тем тотчас х королю, а приехав от короля, Ондрею говорил, что Ондрея за то король хочет жаловати, и спрашивал Ондрея, что ему надобет и он ему то от короля привезет. И Ондрей ему говорил — мне королево жалованье не надобет, взят мне королёва жалованье, и то надо мною учинят — а мой грех остался, просто есми проговорился во пьяне. И ты на меня никому не скажи». (РГАДА. Ф. 179. Оп. 1. Кн. 15. Л. 631—632 об.— фрагмент посольской грамоты кн. Ф. Н. Троекурова с товарищи, присланной к Москве с Г. Полтевым, Варшава, 26(16) марта 1585 г.). Интересно, что исполнителем задуманной провокации был Андрей Иванович Дедевшин, спустя 9 лет — пристав при ватиканских послах (РК 1475—1605. Т. III, Ч. 3. С. 103); примечательно, что лицу с тем же именем молва приписывала измену — сообщение в 1611 г. Сигизмунду III слабых мест в укреплениях Смоленска, что привело к падению города (ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 111; *Платонов.* Очерки. С. 49); упомянутый послами Второй Страхов так же служил приставом, но во время посольства Антонио Поссевино, находясь при нём «безотступно» (см.: Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. Т. X. СПб., 1871. С. 60—62, 71, 80, 265, 273; *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 193); к сожалению, неясно, в чем состояла разведывательная миссия В. Страхова, о которой, как явствует из разговора, были информированы и русский, и польский собеседники. О попытке скомпрометировать рассказывают Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев (История Государства Российского. Изд. V. СПб., 1845. Кн. 3. Т. X. С. 23—24; История России с древнейших времен. Кн. 4. М., 1960. С. 207—208). Отметим, что русские дипломаты тщательно записывали всё то, что им удавалось узнать о рассказах Головина (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 15. Л. 615 об., 629—629 об.).

[27] РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика. Оп. 1. Кн. 72. Л. 13—13 об; Кн. 70. Л. 210—210 об. Упомянутые в документе «Меньшие Дирвяны» — вероятно Дырвяны-Новики, или малые Дырвяны Шавельского повета (см.: Slownik Geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. T. II. Warszawa, 1881. S. 257; ср.: *Спрогис И. Я.* Географический словарь Жомойтской земли XVI столетия. Вильна, 1888. С. 95—96); «Пувер» — имение Путвены, «Повентское войтовство» (Там же. С. 265, 237). Н. М. Карамзин преувеличил эффект от «операции» русских послов (естественно выпячивавших свои заслуги в отчете); скепсис депутатов Сейма был основан не столько на недоверии к Головину, сколько на неприятии большинством шляхты королевских военных планов.

[28] ADS. № 24. S. 16 (Письмо Льва Сапеги Кшиштофу Радзивиллу от 10 сентября 1586 г.): *«pytali się też i o tem jeśli Szujscy nie posyłają do Hołowina z listy i nie porozumiewają się z nim»*; ср.: *Флоря.* Русско-польские отношения. С. 139—140. Головин состоял в родстве с Шуйскими через кн. Репниных (*Зимин.* В канун. С. 110); члены обо-

их родов и раньше солидарно выступали на политической арене (*Зимин*. Формирование. С. 278; *Павлов*. Государев двор. С. 31, 34). О предполагаемых контактах кн. Шуйских с польскими верхами см.: *Корецкий*. Безднинский летописец. С. 198, 202—203.

[29] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 15. Л. 598; ср.: *Карамзин*. История. С. 29—30.

[30] AGAD. AR V. Teka 367. Nr. 14770. K. 2—2v: *Jaśnie oświecone Książę Panie a Panie mój Miłościwy. Donoszę to wiadomości WM mego M. Pana, iż podstaroóci mój uświatski pisał do mnie oznajmując, iż syn bojarski na imię Jego Królewskiej Mości przerzucił się z żoną i z dziecięciem na imię Fiedor Matwiejowicz Sadziłow do państwa Jego Królewskiej Mości i przybieżał do włości wieliskiej. Tamże jakoby pan Aleksy Kamieński miał go ze wszystkie majętności obrać i mienił przed nim jakoby go miał odesłać do podstarościego wieliskiego do pana Narbuta. Którego nie mieszkając tam do pana Narbuta, ale jakoby go miał zaś przez sługi i poddane swe za granicę odesłać i tamże jeden syn bojarski pojmał go za granicą, gdy go wiedli. Lecz gdy znowu uciekł od tego syna bojarskiego, tedy go jeden połoczanin wywiózł w pieńce rzeką Kasplią aż do Suraża. A potem już będąc w Surażu odzyskał żonę i z dziecięciem u Kamienskiego i przyszedł do Uświatu. A którego gdy podstarości mój uświacki sam posłał do mnie, tedy mi sam ten syn dawał o wszystkim tym sprawę i mieni się być że jest powinny Michała Hołowina, który pierwej na Uświat się był przerzucił za sławnej a świętej pamięci nieboszczyka króla Stefana. Który mi też to powiedział, że kniaź wielki myśli o tem, chcąc z państwem Jego Królewskiej Mości Wielkiego Księcia Litewskiego wojnę zacząć, o czem Waszej Miłości swemu Miłościwemu Panu ustnie o wszystkiem sprawę ten Fiedor Sadziłow da, którego do Waszej Miłości swego miłościwego Pana odsyłam. Zatem siebie sam i z powolnościami najmniejszych służb mych pod Miłościwą łaskę Waszej Miłości swego miłościwego Pana pokornie ofiaruję. Dany z Sokolni dnia 10 decembra Anno 95-go. Waszej Książęcej Mości Pana mego miłościwego powolny i namniejszy sługa Jerzy Drucki Sokoliński je zierzyski uświaczki starosta.*

Письмо снабжено адресом и подписью отправителя: *Jaśnie oświeconemu Książęciu Panu a Panu Jego Miłości Panu Krzysztofowi Radziwiłłowi Książęciu na Birżach i Dubinkach, wojewodzie wileńskiemu hetmanu najwyższemu WXL, soleckiemu urzędowskiemu kokonhauskiemu etc.etc. staroście Panu a Panu memu Miłościwemu.* На обороте помета радзивилловского канцеляриста: *Od księcia Sokolińskiego starosty uświackiego w którym wzmiankę czyni, iż Moskwa chce z nami wojnę zacząć.*

Этот документ считаем целесообразным привести полностью как важное свидетельство непростой доли русских эмигрантов в Речи Посполитой; среди встречавшихся им трудностей можно отметить не только обычно указывавшиеся; о сложности приспособления их к новым общественно-правовым нормам см.: *Auerbach*. Ivan Groznyj, Spione und Verräter. S. 26—30. Что до идентификации беглеца, возникает вопрос, не является ли он сыном Матвея Цедилова, оказавшего важные разведывательные услуги Филону Кмите (Archiwum Jana Zamoyskiego. T. I. S. 379; ср.: *Станевский*. «Латинские» письма Филона Кмиты. С. 155; *Auerbach*. Ivan Groznyj, Spione und Verräter. S. 19).

Приведенный документ — еще один пример донесения пограничного старосты. Заметим, что в основе сведений об угрозе войны с Россией была тогдашняя напряженность, усилившаяся в связи с политикой Речи Посполитой по отношению к русско-шведскому конфликту в начале 1595 г. (см.: *Флоря*. Русско-польские

отношения. С. 54—55). После заключения Тявзинского мира особое беспокойство Литвы вызывало строительство мощной крепости в Смоленске (*Зимин*. В канун. С. 190—191). Весьма интересной кажется так же ссылка Седилова на связь с Головиным, поскольку известно, что годом раньше сам Михаил Иванович предпринимал попытку связаться с Москвой (точнее — с Борисом Годуновым), желая получить позволение вернуться. Отправившийся в 1594 г. в Польшу гонец П. Пивов получил наказ, чтобы в случае контакта с Головиным передать ему, что его послание получено, и в случае его возвращения и искреннего раскаяния он может рассчитывать на прощение — естественно, при поддержке царского шурина. Обещание амнистии сопровождалось посулами больших пожалований «вотчиной и поместьем свыше прежнего» и прощением родни — «и братью твою всех из Казани выведет» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 23. Л. 112); *Карамзин*. История. С. 92; *Иконников*. La noblesse. С. 31).

[31] Pamiętniki Samuela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczów (wiek XVII), oprac. A. Sajkowski; red. i wstęp W. Czapliński. Wrocław, 1961. S. 140—141. Московский знакомый Маскевича скорее всего не родной, а двоюродный брат М. И. Головина, Ф. В. Головин (*Иконников*. La noblesse. С. 31—32). Сосланный на дальнее воеводство, он был обязан возвращением ко двору Лжедмитрию I (РК 1475—1605. Т. III. Ч. 2. С. 147; Ч. 3. С. 25; *Павлов*. Государев двор. С. 35). Смерть М. И. Головина на чужбине отмечена Новым летописцем (ПСРЛ. Т. 14. С. 36); личность его жены устанавливается: *Uruski S.* Rodzina. Herbarz szlachty polskiej. T. XI. Warszawa, 1914. S. 142.

Любопытно отмеченное польским мемуариста увлечение «латинской» культурой в этой семье: другой брат его знакомого — библиофил и любитель иностранных языков — возможно так же попавший в 1584 г. в опалу казначей, окольничий Владимир Васильевич (Pamietniki. S. 145—146; ср. РК 1475—1605. Т. III (по указателю).

[32] Существование переписки подтверждается письмом Стефана Батория Кшиштофу Радзивиллу от 23 декабря 1584 г. о жалобе витебского воеводы С. М. Паца на закрытие российской границы: «*Moskwa do ziemi swej puszczać nie chce, zmyśliwszy sobie tę przyczy nę, jakoby w Państwie naszym w Wielkim Księstwie Litewskim powietrze być miało*», см.: Sprawy wojenne Stefana Batorego. T. II. Nr. 160. S. 409.

[33] Царевич Дмитрий погиб 15 мая 1591 г. (*Зимин*. В канун. С. 153); пожары угрожали Москве уже с начала месяца; 7 мая утвержден разряд «от огня»; большие пожары начались 14 мая (РК 1475—1605. Т. III. Ч. 2. С. 201—202). Первые вести о приближении крымцев к Москве относятся к 10 июня, появление более подробных донесений вызвало энергичные меры по обороне столицы; 26 июня войска собрались в Серпухове, 1 июля они стояли «*в лугах против Коломенского*» (Там же. С. 206—209).

[34] В AGAD хранится 8 писем А. Сапеги 1594—1609 гг, причем в основном — воеводе виленскому 1597—1598 гг. (см.: AGAD. AR V. Nr. 13815; por. ADS. Nr. 213—215, 227, 230. S. 176—180, 187—188, 190—191).

[35] Ценность донесений Сапеги отмечается в их российском издании [Из львовского архива князя Сапеги. Письма Льва и Андрея Сапег к кн. Христофору Радзи-

виллу. Изд. А. А. Титов // Русский Архив. 1910. № 11. С. 337—346 (№ 2—5)], в котором однако отсутствует важное донесение от 29 июня 1597 г. об укреплении Смоленска — см.: AGAD. AR V. Nr. 13815 (письмо № 2), опубл.: ADS. T. I. Nr. 183. S. 152.

[36] О специфике подчинения литовского шпионажа особым чиновникам см. *Auerbach*. Ivan Groznyj, Spione und Verräter. S. 15. О назначении А. Сапеги см.: *Nagielski*. Sapieha Andrzej. S. 574; о времени староства его предшественника см.: *Lulewicz H*. Sapieha Mikołaj // PSB. T. 35. 1994. S. 11 (характерно, что воевода минский принял освобожденное по смерти Кмиты староство оршанское «*bez czynienia liczby*») (см.: Там же).

[37] О ведущей роли могилевских купцов в русско-польской торговле см.: *Łowmiański H*. Handel Mohylewa w XVI wieku // *Idem*. Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego. Poznań, 1983. S. 521, 523—527; См.: *Wawrzyńczak*. Studia. S. 19. О царском указе см.: *Платонов*. Очерки. С. 49; ср.: *Wawrzyńczak*. Studia. S. 22—23.

[38] Основания для указанной датировки дают хронологические сведения о крымских набегах (см. прим. 31). При установлении хронологических соответствий между фактом, описанным в «Новинах» и известным по русским источникам, следует помнить, что в 1582 г. в Польше был принят григорианский календарь, а Россия оставалась в юлианском.

[39] Высшую власть над запорожцами осуществлял по королевскому мандату много лет иногда титуловавшийся гетманом — поручик Ян Орышковский (см.: *Kotarski H*. Oryszkowski Jan // PSB. 24. 1979. S. 271—273; ср.: *Грушевський М*. Історія України-Руси. Т. VII. Київ, 1909. С. 177—178), но идентификация его с анонимным «*гетманом козацким*» была бы спорна, поскольку этим титулом пользовалось в то время много разных лиц (*Грушевский М*. Історія. С. 284—285; ср.: *Kumke C*. Führer und Geführte bei den Zaporoger Kosaken. Sruktur und Geschichte kosakischer Verbände in polnisch-litauischen Grenzland (1550—1648). Berlin, 1993 (= FOG. Bd. 49). S. 342—343).

[40] *Wawrzyńczak*. Studia. S. 20—25; Описание инцидента позволяет предположить, что в распространенных конфликтах между «иноземнымии гостями» и городской администрацией вина не всегда лежала на последней, что можно проиллюстрировать тайным вывозом из Москвы лифляндского пленного могилевскими купцами в 1579 г. за сумму в 5,5 руб. (см.: *Łowmiański*. Handel Mohylewa. S. 521) или несколько позднейший самовольный въезд в Россию группы купцов, сопутствовавших весной 1592 г. польскому посланнику П. Волку (*Анпилогов Г. И*. Новые документы о России конца XVI — начала XVII вв. М., 1967. С. 27—28.

[41] См. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 22. Лл. 33 об.— 34, 37—37 об., 55—57 об., 63 об.— 66; ср.: *Анпилогов*. Новые документы. С. 47, 50—51, 70—72.

[42] Можно привести в качестве примера слухи об ожидаемом бегстве враждующего с отцом царевича Ивана в лагерь Стефана Батория, отмеченные Филоном Кмитой в 1580 г. (см.: *Станевский*. «Латинские письма». С. 156), помещенные в донесении С. Паца от января 1587 г. слухи об убийстве Б. Годунова Шуйскими (*Ко-*

рецкий. Безднинский летописец. С. 202) и совсем фантастические слухи о разыгравшейся после смерти Федора Ивановича борьбе за царский трон в нескольких рапортах А. Сапеги с февраля 1598 г. (см.: *Платонов*. Очерки. С. 153—154; *Зимин*. В канун. С. 216—218).

[43] О московских пожарах и их общественном резонансе см.: *Скрынников Р. Г.* Россия накануне Смутного времени. С. 83—84; *Зимин*. В канун. С. 174—177. О благотворительной помощи Годунова погорельцам, как и обвинениях его в поджогах упоминает большинство современников-мемуаристов — К. Буссов, Ж. Маржерет, И. Масса, Арсений Элассонский, кн. С. И. Шаховской; *Зимин*. В канун. С. 174—175. О грамоте в Чусовую см.: *Зимин*. Там же. С. 175; *Czerska*. Borys Godunow. S. 76.

[44] О миссии Исленьева см.: *Скрынников*. Россия накануне Смутного времени. С. 84—85, 193—194; ср.: *Czerska*. Borys Godunow. S. 77. За время, прошедшее от получения донесения А. Сапеги до аудиенции, данной Исленьеву, польские власти при посредничестве «литовских» купцов получили подтверждение слухов о пожарах и вести о гибели царевича Димитрия (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 21. Л. 172—172 об.).

[45] РК 1475—1605. Т. III. Ч. 2. С. 210.

[46] Там же. С. 211.

[47] О русско-шведских отношениях см.: *Флоря*. Русско-польские отношения. С. 42—46.

[48] Об этих слухах см.: *Зимин*. В канун. С. 178; сплетни особенно интенсивно распространялись в южных районах; в Москву их принес алексинский дворянин Иван Подгородецкий.

[49] См.: Dyaryusze i akta sejmowe z roku 1591—1592, wyd. E. Barwiński. Kraków, 1911 (= SRP. T. 21), по указателю.

[50] Могилевский купец Семен Лашкович (в русских источниках «Лашков») приезжал в Россию и позднее, например в свите посланника Я. Девяновского; именно тогда произошел его конфликт со смоленским воеводой — кн. М. П. Катыревым-Ростовским (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 23. Л. 13 об.— 14 об.).

[51] Вероятно, это дьяк В. М. Тараканов, служивший в Казенном приказе — представитель знаменитого рода московских и новгородских гостей и дьяков; менее правдоподобно, чтобы это мог быть его старший родственник В. В. Тараканов, двумя десятилетиями ранее переселенный из Новгорода в Москву (*Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 506; *Варенцов В. А.* Привилегированное купечество Новгорода XVI—XVII вв. Вологда, 1989. С. 12, 16, 84—85; *Флоря Б. Н.* Привилегированное купечество и городская община в русском государстве. 1-я пол. XVI — нач. XVII вв. // ИСССР. 1977. № 5. С. 148; *Голикова Н. Б.* Образование сословной корпорации гостей и ее состав в XVI в. // Архив русской истории. Вып. 6. М., 1995. С. 16—19).

[52] Мамонов Ям и Сетунь идентифицируются с дер. Мамоново и Старая Сетунь на Можайском тракте, в конце XIX в. 19 и 12 верст от Москвы, ныне — в черте го-

рода (Список населенных мест России. Т. 24. Московская губерния. СПб., 1862. № 457, 458).

[53] Судя по слухам, пострадал дорогобужский воевода (возможно, Б. Беклемишев), кроме того — вышеупомянутый «приказный человек» И. Нармацкий (*Анпилогов*. Новые документы. С. 50—51).

[54] С весны 1591 г. смоленским воеводой был кн. А. В. Трубецкой (РК 1475—1605. Т. III. Ч. 2. С. 197).

[55] Монастырь Михаила Архангела в Смоленске.

[56] См.: *Laučevicius E.* Popierus Lietuvoje XV—XVIII a. Atlasas. Vilnius, 1967. S. 32. (№ 142, 143); бумага ковенской фабрики, ее изготовление датируется 1591—1596 гг. (Ibid. S. 176).